БИБЛІОТЕКА
Калязинскаго
О-ва Потребителей

Шкафъ 6
Полка 6
№ 4.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ІЮНЬ.

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

22620

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

Библіотека
Калязинскаго
О-ва Потребителей

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ШЕСТАЯ — ІЮНЬ.

	стран.
I. НА ЗАКАТѢ.—**Игоря Арнольди**	5
II. ЖАМАЛДАТЪ.—Разсказъ.—**И. Тюрина**	23
III. ДѢВУШКА.—**Маріи Поллякъ**	33
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Юрія Зубовскаго**	60
V. ЗАЧѢМЪ?—**Вас. Лашкова**	61
VI. У ПРИСТАНИ.—Стихотвореніе.—**С. Любомудрова**	74
VII. НА МЕРЗЛОЙ ЗЕМЛѢ.—**Вл. Войтинскаго**	75
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Ады Чумаченко**	93
IX. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ.—**П. Сакулина**	95
X. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ГОСУДАРСТВЪ ПОСЛѢ ВОЙНЫ.—**Б. Ландау**	113
XI. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТУРКЕСТАНА.—(Къ пятидесятилѣтію штурма г. Ташкента).—**О. Шкапскаго**	131
XII. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ОБЩЕНІЯ СЪ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФІЕЙ.—**Максима Ковалевскаго**	157
XIII. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ШАРЛЬ-ЛУИ ФИЛИППА. — I. Телѣжка. — II. Дѣтское горе. — III. Жизнь. — IV. Маленькій братецъ.—Съ франц. перев.—**М. Славинской**	169
XIV. НИЩАЯ МИЛЛЬЯРДЕРША.—(Г. Сент-Обена).—Пер. съ фран. **Л. Д.**	184
XV. УСПѢХЪ.—(Клары Мерайль).—Пер. съ франц. **Л. Д.**	189
XVI. ОТЕЦЪ.—(Грыцька Грыгоренка).—Пер. съ украин. **Л. Д.**	196
XVII. ОСЕНЬ.—(Василія Стефаника).—Перев. съ украин. **Л. Д.**	229
XVIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Л. Галабутской**	232
XIX. ЛЕРМОНТОВЪ „НАШЕГО ВРЕМЕНИ". — (По случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія).—**Ѳ. Батюшкова**	233
XX. ХРОНИКА.—АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.—**М. Ковалевскаго**	256
XXI. ЧЕРЕЗЪ КАНАЛЪ. — (Письмо изъ Лондона).—**Діонео**	274
XXII. ВЪ ДАЛЬНЕМЪ УГЛУ ФРАНЦІИ. — (Впечатлѣнія Верхней Савойи).—**А. Дивильковскаго**	291
XXIII. ИЗЪ АМЕРИКИ.—**А. І. Зака**	309
XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Разрывъ Италіи съ Германіею и Австро-Венгріею.—Послѣднія австро-германскія предложенія.—Парламентскія рѣчи и воинственныя демонстраціи въ Италіи. — Новое коалиціонное министерство въ Англіи.—Германія и ея правительственный аппаратъ.	323
XXV. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Политическія метаморфозы.—Просвѣты въ будущее.—Циркуляръ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.—Проектъ университетскаго устава.—Бесѣда о печати.—Неожиданный голосъ правды.— . . . . . —Post scriptum.—**К. Арсеньева**	334

стран.

XXVI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Долго ли должна и можетъ продолжаться война?—Война и система льготъ по воинской повинности.—Изъ дѣятельности земскаго союза въ Галиціи.—Новые листья въ вѣнкѣ русской женщины.—Очередная клевета на Финляндію.—**В. Кузьмина-Караваева** 350

XXVII. ПАМЯТИ Г. К. ГРАДОВСКАГО.—**Л. Слонимскаго** 362

XXVIII. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Десятый мѣсяцъ войны).—**А. Оглина** . 365

XXIX. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. — (Гастроли Московскаго Художественнаго Театра).—**Е. Колтоновской** 384

XXX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Тургеневскій кружокъ, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Тургеневскій сборникъ. Кн-во „Огни“.—**Ч. В-скаго**—Мемуары графини Потоцкой. (1794—1820). Перев. съ франц. А. Н. Кудрявцевой. К-во „Прометей“.—**Р. Стрѣльцова**.—Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Ред. и примѣчанія К. А. Ляцкаго. Томъ I.—**Н. Кашина**. — А. А. Корниловъ. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма.—**А. Т.**—А. Л. Лоуэлль. „Государственный строй Англіи“, т. I, переводъ подъ ред. Ѳ. Кокошкина.—**Б. Шацкаго**.—Баронъ В. Э. Нольде. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. 1915 г.—**Максима Ковалевскаго**.—Проф. А. А. Жижиленко. Наказаніе. Его понятіе и отличіе отъ другихъ правоохранительныхъ средствъ.—**Питирима Сорокина**.—П. Ѳ. Каптеревъ.—Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. Изданіе второе, дополненное.—**В. В.**—С. П. Покровскій Всеобщая исторія права и ея значеніе въ системѣ юридическаго образованія.—**Б. П. Иванова**.—Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. XXI томъ. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. — Восточный сборникъ въ честь А. Н. Веселовскаго. Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ вост. языковъ. Выпускъ XIII—**Ч. В-скаго**.—С. А. Павловичъ. Простѣйшія работы по изготовленію зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій въ школѣ и дома. — Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руководителей занятіями по естествознанію и ручному труду. Изд. „Жизнь и Знаніе“. — **Н. Сума**. — В. Мольденгауеръ. Въ хвойномъ лѣсу. Разсказы молодого натуралиста. Съ 37 рис. худ. О. Клевера.—Онъ же. Въ лиственномъ лѣсу.—**Н. С.**—М. Г. Дикансій. Постройка городовъ, ихъ планъ и красота.—Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губ. Ставропольскій уѣздъ. Выпускъ I.—**В. В.**—Norman Angell. Prussianism and its Destruction. London.—**Р. Б.** 339

XXXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 426

XXXII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 430

XXXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 433

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

НА ЗАКАТѢ.

I.

Я стою уже на самомъ краю могилы, и мнѣ очень печально и скучно ждать этого неотвратимаго и, вѣроятно, близкаго конца. Семьдесятъ лѣтъ за плечами, печальное ощущеніе забытаго смертью стараго существа и естественная въ моемъ возрастѣ болѣзненность или слабость, лишающая меня самыхъ крошечныхъ радостей жизни,—все это дѣлаетъ мое существованіе едва переносимымъ.

Живу я одинъ со своимъ старымъ другомъ Осипомъ, служащимъ мнѣ съ года моей женитьбы, то-есть болѣе сорока лѣтъ. Мы съ нимъ настолько сжились за это время, что понимаемъ другъ друга съ одного взгляда, и, когда Осипъ, принося утромъ вычищенное платье, привѣтствуетъ меня своимъ обычнымъ: «добраго утра, Тимоѳей Семеновичъ»,—то видитъ сразу, въ какомъ я настроеніи проснулся, хорошо ли прошла ночь, не мучила ли меня печень, и, сообразно съ отвѣтомъ, выбираетъ тему утренней бесѣды.

Различіе между нами почти стерлось, и я такъ же дежурю у его постели цѣлыя ночи, когда ему случается прихворнуть, какъ и онъ у моей, когда мнѣ нездоровится. Мы оба достаточно стары и дряхлы, и потому охотно помогаемъ другъ другу, понимая, какъ иногда тяжело сдѣлать сколько-нибудь значительное усиліе мускуловъ.

Живемъ мы съ Осипомъ вотъ уже три года въ «Лоскутной» гостиницѣ. Я пробовалъ послѣ смерти жены снимать небольшую квартиру, но даже въ четырехъ комнаткахъ, скромныхъ и уютныхъ, намъ съ нимъ было слишкомъ просторно, пустынно и одиноко. Въ нашемъ печальномъ климатѣ, когда сумерки наступаютъ въ поздніе осенніе мѣсяцы уже въ три часа, я слишкомъ долгое

время долженъ былъ оставаться одинокимъ, въ полной тишинѣ тихаго особняка, наединѣ со своими старческими думами и воспоминаніями.

Мои дѣти (а ихъ у меня много—цѣлыхъ восемь) рѣдко посѣщаютъ меня. И если бы не чувство неловкости передо мной, забытымъ, за старостью, почти всѣми въ этомъ чуждомъ мнѣ городѣ, то они, вѣроятно, бывали бы у меня еще рѣже. Имъ некогда, они спѣшатъ устроиться въ жизни прочно и властительно, чтобы не подстерегла ихъ какая-нибудь случайность.

Вижу я моихъ сыновей обыкновенно по вечерамъ, часовъ въ восемь (они знаютъ, что позже приходить ко мнѣ неудобно, такъ какъ я ложусь спать, если гостей у меня нѣтъ, въ девять часовъ, и не люблю нарушать установившагося порядка). Осипъ отворяетъ дверь своей комнаты, и я уже по его походкѣ вижу, что онъ сейчасъ сообщитъ мнѣ что-нибудь радостное. Онъ медленно подходитъ къ моему стулу и торжественно говоритъ:

— Иванъ (или Владиміръ, Сергѣй, Георгій) Тимоѳеевичъ пожаловали, ваше превосходительство. Прикажете принять?

Я словно равнодушно поднимаю на него глаза отъ разложенныхъ картъ или съ шахматной доски, на которой рѣшаю задачу, и спокойно говорю:

— Проси, Осипъ... И приготовь чай и все, что̀ нужно.

Эту комедію съ почтительнымъ докладомъ «его превосходительству» о приходѣ собственныхъ дѣтей Осипъ будетъ неизмѣнно продѣлывать до смерти кого-нибудь изъ насъ. Я не препятствую ему въ этомъ, не желая лишать его невиннаго удовольствія, но въ глубинѣ души дивлюсь цѣпкости его привычки.

Получивъ мое разрѣшеніе, Осипъ почтительно удаляется, и скоро въ дверь моего номера слышится легкій стукъ.

— Войдите,—говорю я, отставляя отъ себя доску или смѣшивая неоконченный пасьянсъ и принимая невольно болѣе бодрый и оживленный видъ, такъ какъ не люблю высказываемыхъ мнѣ слишкомъ часто сожалѣній о моемъ недостаточно здоровомъ видѣ.

Дверь отворяется,—и входитъ кто-нибудь изъ моихъ сыновей. По большей части, они предварительно сговариваются между собой и являются вдвоемъ или втроемъ. И хотя они въ такихъ случаяхъ объясняютъ свой совмѣстный приходъ наличностью свободнаго вечера, но я прекрасно понимаю, что имъ сообща легче выдержать этотъ обязательный визитъ и не истомиться до одурѣнія въ моей тихой комнатѣ въ бесѣдѣ на невинныя темы со старымъ человѣкомъ, теряющимъ съ каждымъ мѣсяцемъ связи съ внѣшнимъ міромъ.

Если пришли младшіе сыновья, то они энергичной походкой, умѣряя стукъ своихъ всегда до ужаса блестящихъ и новыхъ ботинокъ, подходятъ ко мнѣ и, цѣлуя меня въ щеку, говорятъ мнѣ:

— Здравствуй, отецъ! Какъ ты себя чувствуешь?

Я не люблю этого далекаго и равнодушнаго названія, но не обнаруживаю своего недовольства.

— Здравствуй, другъ мой. Очень радъ тебя видѣть. На здоровье свое не пожалуюсь, но и хвастаться не стану. Опять недавно задалъ работу своему Санхо-Панчо,—киваю я на Осипа, возящагося за приготовленіемъ посуды и угощенія.

— Ну, ну, отецъ, ты просто кокетничаешь! Честное слово, видъ у тебя прямо прекрасный. И если бы не твоя борода, ты сошелъ бы за сорокалѣтняго.

Обычно, въ такомъ шутливомъ стилѣ начинается наша бесѣда. Я не люблю этого тона, отдающаго сильнымъ привкусомъ провинціализма и мѣщанства, но мирюсь поневолѣ, такъ какъ понимаю безсиліе своего старческаго протеста противъ привычекъ, культивируемыхъ той средой, которая окружаетъ моихъ дѣтей.

Отдавъ дань неизбѣжному празднословію, мы за чаемъ ведемъ болѣе серьезныя бесѣды. Обыкновенно задаю тонъ я. Такъ какъ для меня до сихъ поръ неясно, какъ могли мои дѣти превратиться въ сравнительно короткое время изъ скромныхъ и милыхъ молодыхъ людей въ этихъ самодовольныхъ, самоувѣренныхъ и, сказать по правдѣ, довольно несносныхъ людей, то я почти при всякомъ нашемъ свиданіи стараюсь освѣтить себѣ тотъ или иной факторъ, который способствовалъ этому превращенію.

Я замѣчаю, напримѣръ, что на Жоржѣ надѣтъ новый костюмъ; матерія дорогая, фасонъ, должно быть, самый послѣдній. Изъ этого я вывожу заключеніе, что онъ раздобылся гдѣ-нибудь деньгами, потому что онъ до сихъ поръ не устроился еще, какъ слѣдуетъ, съ заработкомъ и пополняетъ свои дефициты займами, у кого придется.

Замѣтивъ его обновку, я спрашиваю:

— Тебя надо поздравить, Жоржикъ. Повидимому, ты разбогатѣлъ...

Жоржъ еще не знаетъ, какъ ему принять мои слова: говорю ли я серьезно или иронизирую. На всякій случай онъ отвѣчаетъ нейтрально:

— Откуда ты заключаешь это, отецъ? Я, кажется, ничего не сказалъ тебѣ.

— Вѣрно, мой другъ, но мнѣ говоритъ кое-что твое новое платье. Я еще не видалъ его, и мнѣ кажется, что оно стоитъ довольно дорого.

Жоржъ уже чувствуетъ, что мой вопросъ не такъ пріятенъ, слегка хмурится, но даетъ реплику довольно добродушно:

— Отецъ, отецъ, ты все не хочешь понять, что мнѣ необходимо быть хорошо одѣтымъ. Въ томъ кругу, гдѣ я вращаюсь, прежде всего смотрятъ на костюмъ, и я не желаю обращать на себя вниманіе. И ты напрасно думаешь, что я сейчасъ одѣтъ во что-то особенное. Это обыкновенный визитный костюмъ.

— Возможно, Жоржъ. Я отсталъ отъ жизни, да и людей вижу мало. Но скажи мнѣ, неужели тебѣ нравится, что твой пиджакъ застегивается только на одну пуговицу, брюки обтягиваютъ ноги, какъ кавалерійскія рейтузы, и не мѣшаетъ развѣ этотъ хвостъ сзади? Вѣдь согласись самъ, въ общемъ при всемъ этомъ получается довольно нелѣпая фигура... И потомъ, прости за нескромность—во сколько обошелся тебѣ этотъ костюмъ?

Послѣдній вопросъ ему опредѣленно непріятенъ, и онъ отвѣчаетъ очень сухо, но съ сознаніемъ своей правоты:

— Очень недорого... сто двадцать—и притомъ въ разсрочку.

— Лучшее средство, чтобы произвести массу безполезныхъ тратъ. Хорошо, пускай такъ. Но къ чему тебѣ весь этотъ шикъ и блескъ, марка, вѣроятно, дорогого портного... Неужели это все нужно для твоихъ жизненныхъ успѣховъ?

Жоржъ совсѣмъ разсердился на меня. Я надоѣлъ ему своими разспросами, повторяющимися довольно часто. Онъ отвѣчаетъ совсѣмъ ледянымъ тономъ:

— Да, необходимо... Тебѣ не понять этого, отецъ. Ты прожилъ всю жизнь въ провинціи...

Но разъ дѣло дошло до провинціи, которую дѣти постоянно выдвигаютъ противъ меня въ доказательство коренного различія между нами, то я предпочитаю прекратить разговоръ. Очевидно, Жоржъ дошелъ до порядочной степени раздраженія, и мнѣ надо какой-нибудь шуткой смягчить его, чтобы удержать отъ рѣзкости, о которой мы оба пожалѣемъ потомъ.

Къ тому же онъ такой, въ сущности, славный парень,—изящный, добродушный и красивый. Должно быть, имѣетъ порядочный успѣхъ у женщинъ.

И я говорю:

— Ладно, Жоржъ. Ты правъ, конечно. Я ничего въ этомъ не понимаю, но, очевидно, такъ надо... Разскажи мнѣ лучше, какъ идутъ твои дѣла.

Такой переходъ къ близкимъ ему темамъ смягчаетъ его болѣе или менѣе быстро, и тогда у насъ завязывается мирная бесѣда, не омрачаемая разногласіями и взаимными придирками. Онъ разсказываетъ о своихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ и планахъ, а я молча слушаю и любуюсь брызжущей изъ него энергіей и молодостью. Осипъ степенно услуживаетъ намъ, ухаживаетъ за Жоржемъ (онъ—его любимецъ), самоваръ поетъ свою тихую пѣсню, а я, забывъ свое одиночество, точно хожу вмѣстѣ съ Жоржемъ по шумнымъ улицамъ, ѣзжу въ автомобиляхъ и переживаю его радости отъ этого неустаннаго здороваго движенія молодости.

Что мнѣ за дѣло, что Жоржъ, какъ и другіе мои сыновья, весь ушелъ въ наживу. Для меня это непонятно; обидно, что заглохли тѣ, заложенныя мной сѣмена, которыя, думалъ я, дадутъ обильную жатву на пользу обществу. Но жизнь оказалась сильнѣе меня, и пусть лучше идетъ онъ въ ней хозяиномъ, чѣмъ бѣднымъ батракомъ.

Сейчасъ онъ еще студентъ-техникъ, «кончаетъ» (увы! уже лѣтъ пять) свое училище и перепробовалъ за свою долгую учебу всевозможныя профессіи и занятія. Онъ уменъ, очень способенъ и, вѣроятно, сдѣлаетъ хорошую карьеру, когда перебродятъ въ немъ разностороннія молодыя силы. А пока онъ радуется жизни, какъ всякое молодое здоровое существо, и жадно отдается всякой работѣ.

Чаще другихъ посѣщаетъ меня старшій мой сынъ Иванъ. Онъ получилъ недавно доцентуру въ университетѣ и охотно дѣлится со мной впечатлѣніями отъ новой своей дѣятельности. Я чувствую себя съ нимъ ближе, чѣмъ съ другими сыновьями. Во-первыхъ, онъ ближе мнѣ по возрасту, во-вторыхъ, онъ служитъ, только въ большемъ масштабѣ, тому же дѣлу, которому и я отдалъ свою жизнь, и, наконецъ, въ немъ не такъ сильно сказывается та главенствующая черта поведенія прочихъ моихъ сыновей—стремленіе къ матеріальной пересыщенности, которая кладетъ такую рѣзкую грань между нами.

Когда его толстенькое тѣло, увѣнчанное преждевременно облысѣвшей крупной головой, показывается на порогѣ моего номера, я чувствую, что входитъ какое-то добродушное и невозмутимое начало жизни. И я уже знаю, что сейчасъ услышу неторопливый разсказъ о его удачныхъ лекціяхъ, о засѣданіяхъ факультета, о новостяхъ политики. А въ промежуткахъ между этими серьезными темами будутъ вкраплены умѣло и со вкусомъ разсказанные анекдоты и повѣствованія о

лукулловскихъ пиршествахъ, которыя онъ задалъ своимъ пріятелямъ: Иванъ—большой хлѣбосолъ, унаслѣдовавшій отъ меня это качество, но утончившій и облагородившій его.

При каждомъ нашемъ свиданіи онъ непремѣнно коснется этой темы. Онъ самъ превосходный поваръ и кулинаръ, и за его столомъ можно найти артистически приготовленныя произведенія всевозможныхъ «кухонь»: русской, кавказской, англійской и прочихъ. Онъ не признаетъ отсутствія аппетита и съ такимъ ласково-добродушнымъ насиліемъ потчуетъ своихъ гостей, что, мнѣ кажется, они часто вспоминаютъ безсмертнаго Петра Петровича Пѣтуха.

Если наши свиданія съ Жоржемъ не всегда проходятъ мирно, то присутствіе Ивана, наоборотъ, вноситъ умиротвореніе. Даже до болѣзненности вспыльчивый и горячій Сергѣй моментально теряетъ свой задоръ, когда Иванъ положитъ ему на плечо свою руку и спокойно скажетъ:

— Считай до ста... говорю тебѣ, считай до ста.

Особенность Ивана—его боязнь простуды. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ, прежде, чѣмъ сѣсть, осмотритъ всѣ форточки и удостовѣрится, что онѣ заперты. Даже лѣтомъ онъ боится открытыхъ оконъ и увѣряетъ, что отъ нихъ бываютъ непремѣнно сквозняки. И, дѣйствительно, у него постоянный насморкъ и частыя заболѣванія уха и горла. Поэтому, онъ, какъ врачъ, носитъ съ собой термометръ и иногда, попросивъ извинить его, мѣряетъ температуру.

Этотъ термометръ служитъ неисчерпаемымъ источникомъ насмѣшекъ со стороны его братьевъ. Онъ—старинный, не максимальный, длинный и неуклюжій, купленный мною во время болѣзни Ивана на восьмомъ году его жизни. Я не знаю, чѣмъ объяснить эту странность, что онъ не хочетъ разстаться съ этой диковинкой и терпѣливо сноситъ ея неудобства. То, что она сохранилась у него столько времени и во время его безконечныхъ блужданій по Россіи, поражаетъ меня не менѣе и служитъ яркой иллюстраціей необыкновенной рачительности Ивана къ своимъ вещамъ.

И когда, пожаловавшись на свое недомоганіе, вытаскиваетъ онъ свой гигантскій инструментъ и, подержавъ его чуть не полчаса, заглядываетъ на него, не вынимая изъ подмышки, чтобы неосторожнымъ движеніемъ не стряхнуть ртуть, то передо мной оживаютъ картины прошлаго, и я думаю: «Всѣ мои дѣти пошли по другой дорогѣ, чѣмъ я. Они пользуются всѣми новѣйшими пріобрѣтеніями культуры, и то, о чемъ мое поколѣніе только мечтало, какъ объ отдаленнѣйшей утопіи, теперь для нихъ такъ же

обыденно, какъ для меня въ ихъ годы путешествіе на перекладныхъ или письмо съ оказіей. И только твой ископаемый термометръ въ деревянномъ футлярѣ и твое широкое хлѣбосольство какимъ-то чудомъ пережили свое время и празднуютъ побѣду надъ новымъ».

И это прикосновеніе къ нѣжно любимому прошлому всегда трогаетъ и волнуетъ меня. За это я прощаю Ивану его самодовольство, его ненасытную погоню за заработкомъ, что, впрочемъ, имѣетъ свое оправданіе: на его попеченіи находятся братья его жены, обучающіеся на его счетъ въ гимназіи и живущіе въ ихъ домѣ.

Наименьшее удовольствіе получаю я отъ посѣщеній среднихъ сыновей—погодковъ—Владиміра и Сергѣя. Они оба инженеры, оба—на мою мѣрку—очень крупно зарабатываютъ, и оба, несомнѣнно, кончатъ милліонерами, если не зарвутся на какихъ-нибудь рискованныхъ предпріятіяхъ.

Я съ недоумѣніемъ говорю имъ:

— Друзья мои, я понимаю, что человѣку свойственно стремиться къ найвысшему матеріальному достатку. Но когда это становится самоцѣлью, и когда въ бѣшеной скачкѣ за нимъ некогда уже наслаждаться жизнью, когда мимо васъ проходитъ всякая поэзія существованія, то я, право, не понимаю, какой лишній атомъ удовольствія можетъ доставить вамъ новый доходъ хотя бы въ милліонъ.

Они на это только снисходительно усмѣхаются, переглянутся и, подойдя ко мнѣ, такъ же снисходительно поцѣлуютъ.

— О, отецъ, какъ ты не понимаешь этого? Развѣ ты забылъ турецкую поговорку: «кто имѣетъ одинъ мильонъ, непремѣнно стремится къ другому». А мы еще далеки отъ этого... слишкомъ далеки, къ сожалѣнію.

— Ну, хорошо,—не сдаюсь я,—допустимъ, что таковъ законъ жизни. Но на то человѣкъ и разумное созданіе, чтобы устраивать себѣ жизнь по своему желанію.

— Мы и дѣлаемъ это, отецъ. Наше желаніе въ томъ и заключается, чтобы быть богатыми. И ты напрасно думаешь, что нашъ путь тяжелъ и непріятенъ. Наша жизнь полна борьбы и риска, и въ этомъ заключено непреодолимое очарованіе.

— Но знаете ли вы поэзію другой жизни, другой, тихой, работы, вы, рыцари современной индустріи,—пробую я сохранить свои позиціи, уже сознавая совершенно ясно, что онѣ безнадежны и что я стучусь невооруженной рукой въ желѣзныя двери.

Конечно же, они правы по-своему. И только моя наивность

толкнула меня поднять этотъ разговоръ. Какъ небо отъ земли, далеки идеалы моей юности и конкретное воплощеніе ихъ отъ идеаловъ этихъ двухъ блестящихъ инженеровъ.

— Старая хряпа!—вспоминается мнѣ словечко изъ ихъ жаргона, богатаго самыми вульгарными, но, вѣроятно, мѣткими выраженіями.

II.

Дни мои текутъ однообразной и тихой чередой.

Проснувшись, какъ всѣ старики, часовъ въ 5, я стараюсь, если печень моя ведетъ себя хорошо, и не требуется помощи Осипа, какъ-нибудь протянуть время до 7 часовъ, чтобы не подпасть подъ власть безконечныхъ воспоминаній и старческихъ думъ—тяжелыхъ и безотрадныхъ.

Обыкновенно я беру положенную съ вечера на ночной столикъ книгу и читаю. Читать мнѣ много нельзя,—разбаливаются слабые глаза,—но больше нечего дѣлать, если не хочется отдаваться воспоминаніямъ. Поэтому я наполняю эти утренніе часы чтеніемъ, а на день мнѣ остается просмотръ газеты, пасьянсы, шахматныя задачи, небольшія прогулки и визиты дѣтей.

Читаю я съ остановками, давая отдыхъ глазамъ, и, конечно, не успѣваю слѣдить даже за самыми выдающимися произведеніями литературы въ безконечно разросшемся потокѣ книжнаго рынка.

Съ дѣтьми я заключилъ договоръ, по которому они должны приносить мнѣ для ознакомленія наиболѣе интересныя книги. И каждый изъ нихъ добросовѣстно снабжаетъ меня новыми и взятыми изъ библіотеки разсказами и повѣстями, начиная съ уже меркнущаго Джека Лондона до новѣйшихъ жонглеровъ и клоуновъ Крученыхъ и Маринетти.

Книгъ серьезнаго содержанія они почти не приносятъ. Какъ будто для нихъ рѣшены всѣ вопросы философскаго и нравственнаго характера, и некогда или безполезно читать книги историческаго содержанія или по исторіи литературы. Попадаются иногда сочиненія (и даже довольно объемистыя) по экономикѣ, но прикладного или злободневнаго значенія. Я помню, долго читалъ толстую книгу, посвященную детальному изложенію системы Тайлора, и съ глубокой грустью закрылъ ее, потрясенный за живого человѣка, сводимаго на степень автоматически и точно работающей машины.

Не удовлетворяетъ меня и современная литература. Мнѣ представляется, что девять десятыхъ всѣхъ ея разсказовъ, и повѣстей

и романовъ носятъ въ сущности ту же печать скороспѣлости и погони за заработкомъ или за славой, какъ и вся жизнь современнаго человѣка,—творца или слушателя. Я понимаю, конечно, что безконечно ускорившійся темпъ жизни долженъ былъ отразиться и на литературѣ возникновеніемъ, взамѣнъ длинныхъ и убаюкивающихъ романовъ, короткихъ возбуждающихъ разсказовъ и новеллъ. Но мнѣ представляется, что эта смѣна не должна бы была отразиться на значительности содержанія, а только на формѣ. Между тѣмъ, прочитывая добросовѣстно, поскольку это мнѣ доступно, десятки новѣйшихъ литературныхъ произведеній, я не могу не сказать, что громаднѣйшая часть ихъ обладаетъ самымъ ничтожнымъ содержаніемъ, какъ будто для авторовъ ихъ это не играетъ большой роли. И только чрезвычайно утончившаяся техника даетъ имъ право на жизнь,—увы! только очень краткую на тѣ нѣсколько минутъ, которыя требуются, чтобы въ короткомъ антрактѣ между дѣломъ пробѣжать эти короткія и скользящія страницы.

Заполнивъ два часа чтеніемъ, я поджидаю въ семь часовъ появленія Осипа. Онъ чрезвычайно рѣдко позволяетъ себѣ просрочить хотя бы одну минуту. Какъ воплощенная аккуратность, въ родѣ мистера Филеаса Фогга, съ послѣднимъ качаніемъ маятника на моихъ стѣнныхъ часахъ, ровно въ семь часовъ, появляется онъ на порогѣ моей комнаты.

Тогда начинается его и мой тяжелый день.

Хотя я и стараюсь по возможности все дѣлать самъ, но мнѣ становится съ каждымъ мѣсяцемъ труднѣе производить самыя обыкновенныя манипуляціи. Поэтому, не желая доставлять Осипу лишнихъ хлопотъ, если бы безъ его помощи со мной случилась какая-нибудь непріятность, я теперь предоставляю ему большую часть заботъ по одѣванію, умыванію и лѣченію себя.

Совершивъ необходимый, простой, но такой неэстетичный утренній стариковскій туалетъ, покорно выпивъ стаканъ минеральной воды и принявъ что-нибудь изъ прописанныхъ мнѣ лекарственныхъ гадостей, я сажусь къ столу и начинаю пить утренній чай. Необходимость строгаго соблюденія діэты лишаетъ меня возможности полакомиться чѣмъ-нибудь изъ любимыхъ мною съѣдобныхъ вещей. Мнѣ запрещенъ избытокъ сахара, жирное, мучное. Столъ мой до такой степени простъ и однообразенъ, что меня не испугало бы сидѣніе въ любой осажденной крѣпости.

Сонъ обычно мало освѣжаетъ меня. Поэтому, я съ утра чувствую себя не очень хорошо и часто начинаю брюжжать.

То мнѣ не нравится вкусъ налитаго чая, то сухари отзываютъ затхлостью. Осипъ пробуетъ самъ и начинаетъ доказывать, что все это мнѣ только кажется.

— Чай самый превосходный, Тимоѳей Семеновичъ! (замѣчательно, что онъ никогда не зоветъ меня «превосходительствомъ», когда мы съ нимъ одни)—говоритъ онъ, отставивъ отъ себя ложку и выражая всѣми мускулами лица тонкое смакованіе.—И запахъ прекрасный, и крѣпость какъ разъ по вашему вкусу.

Но мнѣ жаль такъ скоро разстаться съ этой благодарной темой. И я продолжаю недовольно отодвигать отъ себя стаканъ, хотя и чувствую свою неправоту: Осипъ за наше долгое сожительство изучилъ мои привычки и вкусы до такой степени тонкости, что, разбуженный во время крѣпкаго сна, моментально и словно автоматически находитъ самое лучшее и подходящее средство для моего успокоенія.

Такъ и въ этомъ маленькомъ протестѣ противъ собственной дряхлости я скоро оказываюсь побѣжденнымъ ласковымъ и любовнымъ отношеніемъ Осипа и выпиваю свою порцію не безъ удовольствія.

Наполненіе теплымъ пустого желудка смягчаетъ меня, и я уже добродушно начинаю съ Осипомъ разговоръ. Первый вопросъ касается погоды. Для меня это вопросъ громаднѣйшаго значенія, такъ какъ въ зависимости отъ того или иного отвѣта мнѣ предстоитъ либо сидѣть дома и лишить себя и того крошечнаго разнообразія жизни, какое мнѣ еще доступно, либо прикоснуться потухающимъ, но все же завистливымъ взглядомъ къ чужой жизни.

Осипъ, успѣвшій уже выйти на воздухъ, чтобы самолично убѣдиться въ качествѣ погоды, дѣлаетъ мнѣ подробный докладъ:

— Сегодня тепло, Тимоѳей Семеновичъ. Вѣтерокъ небольшой, но не рѣзкій. Похоже, что дождикъ пойдетъ, потому—облачно. А вообще погода пріятная. И полагаю, сегодня полный кругъ можно вамъ сдѣлать.

«Полный кругъ»—это прогулка отъ Воскресенской площади по Александровскому саду до набережной Москвы-рѣки. Я дѣлаю съ Осипомъ это путешествіе (съ отдыхомъ въ полчаса у конечнаго пункта), когда погода особенно хороша и я чувствую себя вполнѣ бодро. Такъ какъ на этотъ разъ солнца нѣтъ и даже можетъ, по мнѣнію Осипа, пойти дождь, то, очевидно, онъ считаетъ меня находящимся въ наилучшемъ возможномъ состояніи здоровья. Такое предположеніе оскорбляетъ меня (другіе не

должны считать меня больнымъ и высказывать сожалѣнія, но для Осипа другая мѣрка: я—точно стеклянный передъ нимъ, и онъ долженъ же видѣть, насколько я дряхлъ и боленъ). Я говорю обидчиво и ядовито:

— Такъ, такъ, мой другъ... Конечно, я буду сегодня мѣсить грязь на протяженіи трехъ верстъ и буду мокнуть и простужаться подъ дождемъ. Или, можетъ быть, ты посовѣтуешь мнѣ съѣздить къ Аннѣ Тимоѳеевнѣ и пойдешь сейчасъ нанимать извозчика къ Прѣсненской заставѣ? А спросилъ ли ты меня, каково я себя чувствую, могу ли я сегодня даже сойти съ лѣстницы...

Но если я своей рѣчью уподобляюсь Обломову, то Осипъ никогда не беретъ на себя роли Захара. «Жалкими словами» его нельзя растрогать и довести до истомы, если онъ видитъ несоотвѣтствіе этихъ словъ моему внутреннему состоянію. Когда я чувствую себя дѣйствительно нехорошо, то разговариваю очень мало и неохотно, и Осипъ сейчасъ же видитъ, что я только «представляюсь»; поэтому онъ считаетъ нужнымъ осадить меня.

— Затянули волынку,—говоритъ онъ, возясь у моей постели или убирая въ шкафчикъ посуду.—И волынка-то пустая, я же вижу, что пустая. И ночью спали хорошо, и капелекъ утромъ не попросили. И отлично можете сегодня полное путешествіе сдѣлать.

Я чувствую, что сдѣлалъ глупость, затѣявъ разговоръ и не позаботившись укрѣпить его предварительно солиднымъ фундаментомъ въ видѣ валеріановыхъ капель. Но дѣло сдѣлано, и я могу лишь ретироваться.

— Хорошо, Осипъ,—говорю я, съ нѣкоторымъ душевнымъ угрызеніемъ глядя на усилія его старческихъ рукъ, старательно перетряхивающихъ постельное бѣлье. — Я выйду сегодня погулять. Но мы съ тобой не пойдемъ до конца, а только до половины. У меня что-то нога поламываетъ.

Это, строго говоря, не совсѣмъ вѣрно, но Осипъ при всей своей опытности никакъ не можетъ уличить меня по этому пункту. Мнѣ же надо сохранить за собой хоть видимость побѣды, я и такъ ужъ много уступилъ ему.

Онъ признаетъ возможность такого компромисса и удовлетвореннымъ тономъ отвѣчаетъ мнѣ:

— Массажъ бы вамъ опять нуженъ, для ноги-то. Я такъ полагаю, что не миновать массажистку приглашать. А пока я разотру вамъ ножку спиртомъ муравьинымъ. Отлично онъ отъ ломоты помогаетъ.

По большей части я отклоняю подобныя самостоятельныя выступленія Осипа, и, снявъ вопросъ о моемъ здоровьѣ съ очереди, перехожу къ «очереднымъ дѣламъ», т.-е. прежде всего ухожу съ газетою въ комнату Осипа, предоставивъ возможность горничной вымести мое обиталище и привести его въ порядокъ.

Часовъ въ десять, успѣвъ ознакомиться съ содержаніемъ газетнаго листа и разложивъ двухъ-трехъ маленькихъ, въ одну колоду, «утреннихъ» пасьянса, я начинаю готовиться къ прогулкѣ.

Сборы эти, въ сущности, недолги и просты, но все же утомляютъ меня. Глядя по времени года, надо надѣть то или иное пальто, заложить уши ватой, если есть вѣтеръ, перемѣнить обыкновенные носки на теплые и повѣсить на шею муфту, въ которой я согрѣваю свои коченѣющія руки. Эта муфта часто вызываетъ любопытствующіе и насмѣшливые взгляды, перешептыванія и замѣчанія, но я давно уже пересталъ обращать на нихъ вниманіе, оцѣнивъ всю незамѣнимость этого способа согрѣванія зябнущихъ конечностей.

Снарядившись, мы медленно движемся съ Осипомъ по извилистымъ и узкимъ корридорамъ до площадки лѣстницы, гдѣ насъ уже ждетъ поданный подъемникъ, и благополучно достигаемъ выхода.

Обогнувъ угловой домъ, осторожно спустившись съ двухъ ступенекъ у магазина Жукова, скользкихъ зимой, мы переходимъ оживленную въ этотъ часъ улицу и входимъ въ Александровскій садъ. Идемъ мы рядомъ: я—съ засунутыми въ муфту руками, если холодно, или опираясь на свою палку, а Осипъ неизмѣнно, во всякую погоду, въ своемъ ватномъ пальто и безъ перчатокъ.

Моя палка служитъ мнѣ уже около четверти вѣка и составляетъ для меня предметъ такой же привязанности и любви, какую Иванъ питаетъ къ своему термометру. Досталась она мнѣ путемъ единственнаго моего служебнаго «мздоимства», и служитъ вѣчнымъ напоминаніемъ о трогательной, проникавшей все существо человѣка, благодарности отца одного изъ учениковъ гимназіи, котораго я, соблюдая только элементарную справедливость и не покрививъ своей совѣстью ни на одну линію, спасъ, быть можетъ, отъ самоубійства, настоявъ передъ преслѣдовавшимъ его преподавателемъ на выставленіи ему удовлетворительной отмѣтки.

Постукивая этой палкой, медленно двигаюсь я по средней дорожкѣ, обгоняемый спѣшащими людьми. Идутъ въ университетъ студенты, пробѣгаютъ посыльные, приказчики, проходятъ

дамы съ покупками и
дѣтьми. Иногда, как
выводокъ мальчише
ній день и напол

Всѣ торопя
помъ, как
ст

ны.

спеціально для меня
министраціи Осипомъ
отдохнуть. Осипъ
кудныхъ дневныхъ
вспоминать такіе
ность ото-
ная

ности позволили себѣ имѣть только двухъ дѣтей, а Евдокія, выйдя замужъ по страстной любви еще совсѣмъ молоденькой, скоро разочаровалась въ мужѣ и ушла отъ него, но сошлась съ актеромъ и живетъ съ нимъ уже шести лѣтъ, ведя веселую и хмельную жизнь.

Онѣ приходятъ ко мнѣ съ безчисленными покупками въ рукахъ и являются всегда прямо въ мой номеръ. Ихъ свертки и пакеты безпомощно и коварно расползаются и падаютъ, когда онѣ принуждены занять одну изъ рукъ открываніемъ двери.

— Господи Боже, что за наказаніе!—говоритъ пришедшая, тщетно пытаясь удержать выскальзывающій свертокъ.— Осипъ, подбери, пожалуйста! И посмотри, не разбилось ли,— тамъ склянка съ духами.

Въ такомъ родѣ играется увертюра. Только отдавъ дань неизбѣжному, обращаются ко мнѣ:

— Здравствуй, папа! Какъ ты себя чувствуешь? Какъ твоя печень?

Вопросы убійственно стереотипны, и я не чувствую въ нихъ подлиннаго интереса ко мнѣ и ласки. Поэтому, я, отвѣтивъ тоже шаблонной фразой, въ родѣ: «ничего себѣ, благодарю», перевожу разговоръ на что-нибудь, имѣющее интересъ для собесѣдницы. Я спрашиваю о здоровьѣ домашнихъ, задаю вопросы, гдѣ она была на текущей недѣлѣ, интереснъ ли былъ концертъ знаменитаго пьяниста, куда собираются они на лѣто.

Мнѣ отвѣчаютъ съ живостью, и понемногу завязывается бесѣда, какъ-будто похожая на дружеское общеніе близкихъ родственниковъ, но въ сущности лишенная и содержанія, и теплаго чувства.

Мы разстаемся безъ сожалѣнія, и, я думаю, легко вздыхаютъ онѣ, отбывъ обязательный визитъ и войдя опять въ блескъ и шумъ родной имъ человѣческой сутолоки.

Но весь расцвѣтаю я, когда приходитъ въ мою тихую келью моя младшая дочь, моя ненаглядная Танюша.

Отъ одного корня пошли всѣ мои дѣти, но какой судьбой, какимъ рокомъ, изъ восьми побѣговъ этого корня только одинъ оказался подлиннымъ отпрыскомъ родительской крови,—этого не объяснитъ мнѣ никакая физіологія и никакое ученіе о наслѣдственности.

Какъ бы то ни было,—только съ двумя изъ всѣхъ моихъ дѣтей чувствую я себя духовно близкимъ: изъ сыновей — съ

Иваномъ, а изъ дочерей — въ гораздо большей и сильнѣйшей степени,—съ Таней.

Я не думаю, чтобы ея семейная жизнь сложилась счастливо. Ея мужъ—человѣкъ чуждый по всему складу своего ума и привычекъ всѣмъ намъ. Онъ—коммерсантъ чистой воды, и если это сближаетъ его съ моими сыновьями, которые тоже (за исключеніемъ Ивана) являются по роду своей дѣятельности коммерсантами, то рѣзкую грань между ними кладетъ то обстоятельство, что мои дѣти прежде всего любятъ свое дѣло, оно даетъ имъ сильныя и красивыя переживанія, тогда какъ мужъ Тани занимается коммерціей только потому, что съ помощью ея онъ можетъ заработать тѣ десять-пятнадцать тысячъ, которыя привыкъ ежегодно проживать. Ему безразлично, торговать ли мукой или дамскими нарядами, заниматься ли поставками или комиссіонерствовать. У него фамилія, по которой нельзя опредѣлить его національность—Далегаль, и его рѣчь лишена всякой индивидуальной окраски. Она безлична и холодна. Я слышу въ ней родные звуки, но сейчасъ же мое ухо рѣжетъ какое-нибудь нестерпимо пошлое, по своей безличности, выраженіе и иногда даже прямая неправильность. Онъ не скажетъ: «я далъ объявленіе», а непремѣнно: «я анонсировалъ», «инженеръ» онъ выговариваетъ по-французско-нѣмецки: «ingénieur»; «я взялъ лѣкарство», говоритъ онъ, желая сказать «принялъ лѣкарство», «выдающійся боевикъ сезона», выражается онъ о понравившемся ему театральномъ представленіи.

Несомнѣнно, Таня часто мучается, сознавая полное несходство своихъ вкусовъ и привычекъ съ его. Она еще въ отроческомъ возрастѣ возилась съ подругами младшихъ классовъ, помогая имъ въ приготовленіи уроковъ, и мечтала о созданіи въ будущемъ собственной школы. И я думаю, что въ настоящемъ ея положеніи, главнымъ образомъ, необходимость забыться на чемъ-нибудь заставила ее употребить бездну энергіи и настойчивости, чтобы сломить сопротивленіе мужа, не желавшаго видѣть свою жену въ роли работницы.

Она вѣчно торопится, вѣчно озабочена и полна мыслями о своемъ дѣтищѣ, которое ей удалось поставить прочно и солидно, и которое приноситъ ей тысячи полторы въ годъ чистаго дохода. Это—ея личныя деньги, и она очень довольна, что она не обязана отдавать въ нихъ отчетъ мужу.

Одѣвается она чрезвычайно просто, не признаетъ духовъ и всякихъ излишествъ дамскаго туалета и напоминаетъ всѣмъ своимъ обликомъ, своимъ худенькимъ личикомъ съ прекрасными

добрыми глазами, вѣчно горящими огонькомъ заботы и ласки, подвижницу-курсистку моихъ юныхъ лѣтъ.

Я узнаю о ея приходѣ уже по стуку въ дверь. Никто не стучитъ такими энергичными, короткими ударами, кромѣ нея. И радостная улыбка всползаетъ на мое лицо.

— Войди, войди, Танюша,—говорю я и, медленно поднимаясь, хочу идти къ двери. Но она быстро распахивается,—и Таня влетаетъ въ комнату.

— Здравствуй, папочка.—Она крѣпко прижимается ко мнѣ и цѣлуетъ.

— Ну, зачѣмъ ты встаешь, тебѣ трудно. Садись, садись скорѣй... Какъ ты себя чувствуешь, печень не мучила? Видъ у тебя недурной...

Тѣ же слова говорятъ мнѣ и другія дѣти. Но какъ равнодушно слушаю я ихъ, и какъ пріятно слышать этотъ дорогой голосъ, полный ласки и пониманія.

Узнавъ, что я не очень хорошо провелъ ночь, она безпокоится и начинаетъ придумывать различныя фантастическія средства, которыя помогли бы мнѣ въ моей болѣзни. Медицинскихъ познаній у нея нѣтъ, я хорошо понимаю всю утопичность ея надеждъ и чаяній, но такъ пріятно слушать ея ласковый голосъ, что я начинаю чувствовать себя почти здоровымъ.

— Знаешь, папочка,—начинаетъ она свою бесѣду.—Я непремѣнно хочу, чтобы ты побывалъ у меня на занятіяхъ. Тебѣ, навѣрно, понравятся мои ребятишки... Ахъ, ты знаешь...—Она оживляется и разсказываетъ что-нибудь интересное и трогательное изъ жизни маленькаго проказливаго народа.

— Голубчикъ,—грустно говорю я,—конечно, я радъ бы всей душой поглядѣть на твоихъ школяровъ, но куда же я годенъ теперь? Нигдѣ я не бываю, а твои шалуны и совсѣмъ мнѣ не годятся.

Но она не соглашается со мной и доказываетъ, что они вовсе не шалуны, а просто рѣзвыя молодыя существа. И въ ея оживленной рѣчи чувствую я горячую любовь къ своему хорошему дѣлу, и тепло дѣлается мнѣ. Таинственной силой перелилась въ мою дочь моя собственная любовь къ маленькимъ людямъ.

Непохожи наши живыя бесѣды на равнодушный и холодный разговоръ съ другими моими дѣтьми. Когда я наслушаюсь ея разсказовъ, острыхъ и чуткихъ наблюденій надъ жизнью, я прошу ее въ видѣ отдыха почитать мнѣ вслухъ.

И, закрывъ глаза, слушаю я звонкій и выразительный голосъ, читающій мнѣ нашихъ великихъ писателей.

Намъ никогда не надо искать и придумывать тему для разговора. Даже молчаніе не тяготитъ насъ, потому что и въ немъ слышимъ мы тотъ же пульсъ взаимной глубокой любви другъ къ другу.

И когда уходитъ она, нѣжно поцѣловавъ меня, торопясь къ своимъ тетрадкамъ и книжкамъ, то я знаю, что это уходитъ единственно близкое мнѣ на остающемся земномъ пути существо. Дорогія тѣни прошлаго возстаютъ въ разсказахъ Осипа и въ скупыхъ письмахъ съ родины, но только Таня даетъ мнѣ почувствовать біеніе пульса жизни.

Вѣчное спасибо тебѣ за это, родная!.. Но и твои сильныя и нѣжныя руки не удержатъ мою старую барку, рвущуюся отплыть къ невѣдомымъ и вѣчно спокойнымъ берегамъ...

...Таютъ снѣга, и бѣгутъ весенніе шумящіе потоки, несущіе куда-то вдаль останки умершихъ жизней... О, если бы они могли унести съ собою и мое дряхлое существованіе, чтобы расцвѣла на его мѣстѣ новая, прекрасная и здоровая жизнь! Смертельно усталъ я..

Игорь Арнольди.

ЖАМАЛДАТЪ [1]).

Проснулась и запѣла степь.

Снѣгъ, всю зиму устилавшій землю,—точно бѣлая, изъ нѣжнаго лебяжьяго пуха ткань,—заблестѣлъ въ кристаллахъ, заискрился всѣми самоцвѣтными каменьями. А уже высокое солнце, какъ-то сразу ставшее теплымъ и ласковымъ, помолодѣвшее, трепеща и радуясь, перебирало ихъ лучами и перебрасывало, собирая въ кучки, причудливыя, звонкія и веселыя. И на снѣжныхъ драгоцѣнностяхъ дрожали капли, играя солнцемъ, отражали его и скатывались. Падая, онѣ звонко и пѣвуче сверлили снѣгъ. Если остановить коня и прислушаться, то услышишь, какъ нѣжныя руки касаются тонкихъ стеклянныхъ струнъ, короткихъ и звонкихъ, чуть слышныхъ. И отъ этого пѣла вся степь.

Вдали, на увалахъ, курился туманъ—это душа снѣга улетала на небо, покидая землю. Снѣгъ умиралъ, влюбленный въ солнце, худѣлъ и убиралъ свои пушистые мѣха драгоцѣнными камнями. Пришла и смерть: по степи разбросались черныя, жирныя отъ влаги прогалины, а съ нихъ, клубясь, поднималось облачко—послѣдній вздохъ.

По ярамъ зашумѣли рѣки,—степныя рѣки, безъ начала и конца. Онѣ забираются въ овраги, крутятся и пѣнятся, широко разливаются и потомъ безслѣдно теряются въ степи. Лѣтомъ отъ нихъ остаются озерки, задумчивыя, заросшія желтыми смѣющимися купавками и мечтательными нимфеями. Днемъ, все лѣто, вокругъ нихъ птичій гомонъ и писк, а если въ лунную ночь подъѣдешь верхомъ и поглядишь внизъ съ обрывистаго яра, кажется: вотъ-вотъ тихо выплыветъ и засмотрится на луну длин-

[1]) Жамалдатъ—сибирская язва, по-киргизски.

новолосая, пугливая русалка. А кругомъ такъ тихо, что, прислушавшись, можно почуять дыханіе земли. И каждый, даже легкій и далекій крикъ, врывавшійся въ эту тишину, кажется загадочнымъ, таинственнымъ, неземнымъ. И спитъ такъ вся степь.

Когда еще сходилъ снѣгъ, стаями налетѣли птицы. Точно собираясь жить вмѣстѣ, онѣ гомозились всѣ вперемежку. Около задумчивыхъ и важныхъ журавлей и цапель, хлопотливо, вперевалочку, толклись утки и чирки, разыскивая лужи и, ввалившись въ нихъ, кувыркались и разбрасывали брызги. Гуси звонко и протяжно перекликались, вытянувъ шеи, а между всѣми птицами шныряли долгоногіе кулички, перепархивали, удивленно вскидывая головками, жаворонки, подорожники, овсянки и всякія птицы и птички. Изъ норъ вылѣзали полусонные и лѣнивые байбаки и суслики, грѣлись на солнцѣ, чистились и умывали лапками заспанныя мордочки. А зайцы, какъ ошалѣвшіе, выносились изъ уваловъ, изъ зарослей осоки и неслись по степи, заложивъ уши, подпрыгивая и присѣдая; потомъ, опомнившись, вдругъ останавливались, поднимали то одно, то другое ухо и снова, сорвавшись, неслись дальше.

Когда сошелъ снѣгъ, степь зазеленѣла. Упираясь головками въ землю и выталкивая ее, вылѣзали маленькіе уродцы—желтыя закорючки травъ; быстро вытягивались острые листья, точно земля торопилась послать свои зеленые лучи навстрѣчу горячимъ и ласковымъ лучамъ солнца. И заблагоухала степь, заструились по ней тонкіе ароматы, воскуряя своему богу—солнцу.

Богатъ Исака́й. Косяки лошадей его, что̀ бродятъ по безбрежной степи, доходящей во всѣ стороны до самаго неба, немногимъ меньше тысячи головъ. А барановъ, хорошихъ и жирныхъ барановъ, у которыхъ курдюки бываютъ и въ полпуда вѣсомъ,—и того больше. Женъ у него—цѣлыхъ три. И вокругъ его главной хозяйской кошарки (юрта),—а въ этой кошаркѣ живетъ онъ съ любимой молодой женой Рахи́мой,—раскидался цѣлый десятокъ кошарокъ для другихъ женъ, ихъ дѣтей, пастуховъ и работниковъ.

Взялъ себѣ третью жену Исака́й недавно. Дошелъ до него слухъ,—а слухи въ степи рыщутъ быстрѣе волковъ,—что далеко, у самаго Урала, въ бѣдной кошаркѣ почти нищаго Шай-

ду́лы, живетъ дочь его, красавица Рахи́ма. Тогда послалъ Исака́й въ уральскія степи, въ нищую кошарку, своего довѣреннаго, хитраго старика Ари́ша, чтобы посмотрѣть Рахи́му. И поѣхалъ старикъ, какъ ѣздили и всѣ его предки уже тысячи лѣтъ, черезъ степь, зорко вглядываясь въ даль раскосыми глазками, не шевелясь, слитый съ лошадью, опустивъ нагайку въ вытянутой, точно отсохшей, рукѣ. А когда пріѣхалъ Ари́шъ къ Шайду́лѣ, тотъ уже зналъ, что Исака́й хочетъ взять въ жены его дочь: вѣсть добѣжала и до него.

И Шайду́ла зарѣзалъ молодого барашка, лучшаго изъ всѣхъ, а принаряженная Рахи́ма, вмѣстѣ съ матерью, скуластой Айга́нъ, потрошила и варила его. Довольный пріемомъ, Ари́шъ вытиралъ рукавомъ халата бороду клинушкомъ, смотрѣвшую впередъ на выдавшейся нижней челюсти, по которой стекалъ наваръ отъ жирнаго барашка. Онъ хвалилъ хозяина, зорко слѣдилъ за Рахи́мой замаслившимися глазками и длинно разсказывалъ о томъ, что у него пропалъ конь, такой конь, какіе рѣдко родятся даже въ степи, быстрый, какъ вѣтеръ, и бурный и своенравный, какъ снѣжный буранъ. Онъ сбросилъ его пастуха и унесся въ степь, неизвѣстно куда. И теперь Ари́шъ его ищетъ. Шайду́ла качалъ головой и давалъ совѣты, а самъ хорошо зналъ, что этотъ старикъ—пріятель умершаго отца Исака́я, а теперь его [illegible]вая рука. Ари́шъ поѣхалъ дальше, а Шайду́ла провожалъ его. Потомъ они остановились, Ари́шъ сказалъ: «алды́ръ у́синъ, (спасибо), кошъ ама́мбъ» (прощай, будь здоровъ), Шайдула:—«кошъ ама́мбъ», и они разъѣхались. Когда Шайду́ла скрылся изъ глазъ, Ари́шъ повернулъ коня и, далеко объѣзжая кошарку Шайду́лы, вернулся домой.

И вотъ Исака́й взялъ себѣ въ жены Рахи́му. Онъ далъ большой калы́мъ (выкупъ) Шайду́лѣ: пятьдесятъ кобылицъ, четырехъ жеребцовъ и сорокъ барановъ; далъ онъ ему также десять кошо́мъ (толстый войлокъ), новую кошарку и деревянной посуды. Исака́й говорилъ, что Рахи́ма этого стоитъ, да и не любитъ онъ бѣдныхъ родственниковъ, и поэтому онъ хотѣлъ, чтобы у Шайду́лы былъ табунъ, но Шайду́ла зналъ цѣну дочери и дешевле не отдалъ бы.

Одна жена у Исака́я была уже старая: ее взялъ ему отецъ, когда Исака́ю было двадцать лѣтъ, а Рабе́гѣ восемнадцать. Теперь Рабе́га кваситъ кумысъ, печетъ хлѣбъ и ведетъ все хозяйство—она старшая и въ почетѣ, но въ жены Исака́ю не годится. Есть и еще молодая жена у Исака́я, молодая и красивая, но съ ней Исака́й живетъ уже десять лѣтъ,

и она ему надоѣла. А Исака́ю хотя и много лѣтъ, но станъ его прямъ и статенъ, на лошади онъ можетъ скакать хоть цѣлый день, а глаза у него огневые и кровь красная и горячая. Исака́ю нужна совсѣмъ молодая жена, чтобъ при взглядѣ на нее кровь закипѣла, какъ въ котлѣ, гдѣ варится жирный барашекъ, и такъ и кидалась въ голову, что тѣло дѣлалось бы молодымъ и упругимъ и ему хотѣлось бы носиться на дикомъ жеребцѣ по степи.

Уже два года живетъ Рахи́ма въ кошаркѣ Исака́я, и, когда онъ сидитъ на жастрха́жъ (изголовье постели), и Рахи́ма подаетъ ему нѣжный жирный кумысъ, или играетъ съ маленькимъ Джимагали́, глаза Исака́я загораются, какъ у крючконосаго кречета, увидѣвшаго въ густой травѣ перепуганнаго коростеля, и онъ прожигаетъ ими гибкую Рахи́му, а кровь горячится и стучитъ въ вискахъ.

Любитъ Аллахъ Исака́я. Онъ послалъ ему богатство, почетъ, силу большую, онъ такъ еще умѣетъ любить, что молодая черноглазая, съ бровями въ полкруга, Рахи́ма дрожитъ въ его рукахъ. Отъ нея у него, старика, маленькій Джимагали́, крѣпкій и здоровый, какъ молочный барашекъ, а глаза—двѣ быстрыя вишни въ парномъ молокѣ. Отъ Рабе́ги у него два женатыхъ сына, и у нихъ уже дѣти, а девятилѣтній сынъ Клухану́мъ, второй жены Исака́я, любимецъ его Абу́, крѣпкій и темный, какъ золотисто-коричневая бронза, лихо ѣздитъ на двухлѣтнемъ стригунѣ-жеребчикѣ. И червоннаго золота жеребчикъ, въ маленькомъ сѣдлѣ, играя и перебирая ногами и поводя черными изсиня глазами, какъ бархатная подушка на его сѣдлѣ, собакой бѣгаетъ за Абу́, зло и своенравно отбрыкиваясь отъ другихъ. Много у Исака́я и другихъ бала́ (сынъ) и кызъ (дочь), много кобылицъ, барановъ и верблюдовъ. Богатъ и почтенъ Исака́й—Аллахъ его любитъ.

Изумруднымъ бархатомъ покрылась степь, и вѣтеръ, водя нѣжной рукой, клалъ на ней блеклыя тѣни. И снова ожила, зашуршала и запѣла степь, пріютивъ тьму гнѣздъ и норокъ, благословляя любовь. Въ стадахъ овецъ появились похожіе на комки снѣга ягнята, пугливо жавшіеся къ матерямъ; около кобылицъ, ослабѣвшихъ и притихшихъ, лежали и стояли вздрагивающіе, закурчавившіеся новорожденные жеребята. Другіе, постарше, оглашали степь звонкимъ, переливчатымъ и серебристымъ ржаньемъ, а матери настораживали уши, внимательно глядѣли,

повернувъ голову въ ихъ сторону, и сдержанно отвѣчали, коротко и низко.

Вся степь казалась праздничной, веселой и безконечной. Стада овецъ и табуны лошадей въ струящемся жаркомъ воздухѣ издали можно было принять за стаи бѣлыхъ и черныхъ чаекъ, опустившихся на воду. И въ буйномъ ростѣ травъ и въ разлитой повсюду жизни чувствовалось трепетаніе отъ напряженія силы.

Исака́й сидѣлъ около своей кошарки, пилъ кумысъ и остро глядѣлъ въ степь. Чувствуя силу, онъ благословлялъ Аллаха и пророка его. Какъ и всѣ киргизы, онъ ничего не дѣлалъ, если это можно было. А Исака́ю работать не нужно: онъ богатъ, и за него все сдѣлаютъ работники. И сидѣлъ Исака́й, слушая степь, созерцая ее безъ думъ такъ, какъ могутъ это дѣлать только кочевники. А степь окутывала его пряными ароматами, навѣвая дремоту.

Иногда Исака́й замѣчалъ вдали путника, тогда онъ подзывалъ Джимагали́ и посылалъ его за нимъ. Когда путникъ подъѣзжалъ,—послѣ привѣтствій,—онъ его звалъ въ увѣшанную и застланную коврами персидскими и заставленную кованными сундуками кошарку, угощалъ его бараниной и кумысомъ, а Рахи́ма, въ браслетахъ и кольцахъ, дорогихъ и чеканныхъ, услуживала имъ. И, ведя разговоры, Исака́й видѣлъ, какъ смотрѣли на его Рахи́му. Онъ всегда радовался пріѣзду гостя: и новости узнаетъ, да и по всей степи понесутъ лишній разъ, какой онъ богатый и щедрый, какая у него красивая каты́нъ (жена), какіе у нея широкіе серебряные браслеты съ черкесской чернью и золотыя кольца. Когда же путниковъ не было, Исака́й садился на жеребца и ѣхалъ въ степь смотрѣть, какъ доятъ кобылицъ. Онъ останавливался противъ длинной коновязи, протянутой между двумя кольями, и глядѣлъ, какъ маленькіе сосунки, спутанные и привязанные къ ней, бьются и падаютъ, просясь къ кобылицамъ. А пастухи, пригнавъ табунъ, отвязывали жеребятъ, по одному подпускали къ матери и, давъ отсосать нѣсколько глотковъ теплаго и сладкаго молока, оттаскивали ихъ. И женщины, поставивъ на колѣно ведро, выдаивали кобылицъ, продѣвая одну руку между заднихъ ногъ, а другую—сбоку. А потомъ жеребятъ распутывали, и они неслись къ матерямъ съ жалобнымъ ржаньемъ, а онѣ ихъ мягко подзывали и обнюхивали. И послѣ этого медленно возвращался домой Исака́й, слушая, какъ звенитъ вся степь отъ перекликающихся сусликовъ.

Возвратившись домой, омывшись и сотворивъ въ сторону

священнаго города вечернюю молитву, Исака́й садился около кошарки, обративъ лицо на западъ, и опять безъ думъ созерцалъ степь и пламенѣвшее, искристое небо. Уходилъ онъ въ кошарку только тогда, когда на небѣ пропадала послѣдняя полоска, похожая на красную юбку Рахи́мы, обшитую золотымъ позументомъ, а съ востока натягивалась большая и темная кошма. Казалось тогда Исака́ю, что Аллахъ строитъ надъ своей землей на ночь большую коша́рку. Когда же входила въ коша́рку, освѣщенную лампочкой, стройная и крѣпкая Рахи́ма, внося дымящуюся баранину, и въ глазахъ ея, спокойныхъ и большихъ, отражался свѣтъ, Исака́й вспоминалъ свою любимую кобылу, тонконогую, крѣпкую и спокойную, у которой загорались бѣшено глаза и такъ вращались, что могли выскочить, когда ее сѣдлали. Кобыла дрожала и поджималась и въ сѣдло пускала только одного Исака́я. И воздавалъ Исака́й хвалу Аллаху и ложился спать.

Ночью иногда просыпался Исакай и въ раздвинутыя кошмы онъ видѣлъ серебристую тьму, какъ наборъ его серебряной сбруи со стершейся чернью; а, взглянувъ на небо, онъ долго глядѣлъ, поминая пророка, раскинувшаго свой звѣздный плащъ. И степь тихо входила въ кошарку мягкими шагами, принося съ собой горькій, крѣпкій и возбуждающій запахъ полыни, солоновато-упругій запахъ лошадинаго пота и густой и стойкій—бараньихъ стадъ. А изъ-подъ полы длиннаго халата ночи раздавалось иногда звенящее и текучее, какъ быстрый ручей, далеко ржанье, тихій свистъ пастуха, и опять—тишина и дыханіе ночи. И часто засыпалъ Исака́й, когда на востокѣ занималась заря съ упругимъ и густымъ румянцемъ, какъ у здоровыхъ киргизятъ.

Зацвѣла и уже отцвѣла степь. Она запылилась, поблекла, копыта лошади проваливались въ хрупкую, затвердѣвшую землю, изрытую норами сусликовъ. Дорогу лошади торопливо перебѣгали, поднимая облачко пыли, косолапые суслики, которымъ уже нельзя было прятаться въ травѣ. Добѣжавъ до норки, они становились торчкомъ, прижавъ переднія лапки къ груди и, свистнувъ, пропадали въ землѣ. Появились пугливые выводки дрофъ. Завидѣвъ всадника, онѣ, пригнувшись впередъ, изрѣдка взмахивая крыльями, бѣжали нѣсколько верстъ, не останавливаясь и не оглядываясь. Скворцы безпокойными стайками, говорливыми и шальными, перелетали среди табуновъ и стадъ, а въ вышинѣ, навѣвая грусть, носились, клектая, степные орланы и коршуны.

И степь сдѣлалась сѣро-желтой, какъ старый, заношенный бараній тулупъ пастуха. Красавица, пышно расцвѣтшая и, не жалѣя, расточавшая любовь, тускнѣла и дряхлѣла. Не на чемъ было остановиться глазу: все слилось съ степью—и шкурки звѣрковъ и оперенье птицъ. И близко сидящій коршунъ казался комомъ засохшей земли.

Дразня воспаленные глаза людей, то тамъ, то здѣсь, на самомъ горизонтѣ, плавали миражи. Струящійся воздухъ пронизывалъ ихъ, и они, неподвижные, казались погруженными въ воду, кристальную и быстро текущую. Если въ поле зрѣнія, между путникомъ и миражемъ, попадала забытая могила киргиза, сказка окутывала ее и превращала въ громадную, подернутую дымкой, мечеть или мраморный дворецъ халифа. Плела паутину сказки степь, и выростали богатые города съ мечетями, большія рѣки съ рощами по берегамъ, а усталый киргизъ, думая о ночлегѣ, тянулъ пѣсню, разсказывая вѣтру свою жизнь. А вѣтеръ, посвистывая и повизгивая въ сѣдомъ ковылѣ, нагибаясь къ метелкамъ, разсказывалъ были степныя.

И потемнѣло, высохло и потрескалось лицо степи, какъ лицо древней колдуньи Джмашъ, а гребни ковыля развѣвались, какъ космы ея волосъ.

Скучалъ Исака́й, какъ и всѣ. Чтобы сердцу стало легче и баранина казалась вкуснѣе, онъ приказывалъ старшимъ сыновьямъ объѣзжать дикихъ лошадей. Пастухи на быстрыхъ коняхъ гонялись за ними, накидывали арканъ и приводили къ кошаркѣ. Тогда ихъ держали нѣсколько человѣкъ и взнуздывали; одинъ изъ сыновей вскакивалъ верхомъ, и лошадь отпускали. И обезумѣвшая лошадь неслась по степи, била задомъ и становилась на дыбы, а человѣкъ сидѣлъ на ней, крѣпко обхвативъ ногами бока и стараясь гонять кругами. Кончалось тѣмъ, что измученная лошадь, потная и вздрагивающая, поводя боками, покорно возвращалась съ сѣдокомъ къ кошаркѣ. И, когда никому не удавалось усмирить лошадь и всѣхъ она сбрасывала, садился на нее Исака́й. Онъ говорилъ съ ней, гикалъ, хлесталъ нагайкой такъ, точно клалъ тавро, и опять говорилъ, и самая дикая лошадь сдавалась ему. Аллахъ далъ Исака́ю знаніе лошадей.

Иногда затѣвалъ Исака́й охоту на дрофъ. Онъ собиралъ всѣхъ сыновей и пастуховъ и съ ними на коняхъ обскакивалъ кругъ. Какъ колесо арбы, кружились одинъ за другимъ всадники Исака́я, а въ серединѣ круга топтались и кружились перепуганныя дрофы. Всѣ гикали, постепенно сужая кругъ, а потомъ бросались и били птицу палками и нагайками.

...Становилось все жарче. Пропали миражи, а горизонты застлалъ желто-сѣрый чанъ (пыль). Солнце потемнѣло и потеряло блескъ. Оно катилось по небу, пожирая все на землѣ: травы ломались и разсыпались въ пыль, а металлическіе предметы обжигали руки. Съ юга шелъ мукýмъ-иссы́ (великій жаръ), отъ котораго не было спасенія ни животнымъ, ни людямъ. И тѣ и другіе лежали безпомощно на землѣ, зная, что не могутъ измѣнить своей участи. И вотъ однажды пришелъ страшный жиль (вѣтеръ). Онъ взрылъ степь, поднялъ землю и травы, понесъ ихъ, крутя, бросая ими въ людей, засыпая глаза, опрокидывая кошарки, взвиваясь все выше и выше. И стало темно, какъ ночью: люди не видѣли другъ друга и свои кошарки. «Кузъ-курми́тъ» (глазъ не видитъ) — говорили они и ложились на землю. А потомъ, заложивъ уши и оскаливъ зубы, прибѣжала страшная, черная вѣсть: снизу, отъ моря, идетъ жамалда́тъ. И зашевелились спокойные и лѣнивые киргизы. Ни одинъ всадникъ не проѣзжалъ мимо стоящей на пути кошарки: онъ подъѣзжалъ и, не слѣзая съ лошади, сообщалъ ужасную вѣсть или же самъ узналъ новыя подробности. И хозяинъ и всадникъ быстро, наперерывъ, говорили, а потомъ чмокали губами и долго сокрушенно молчали. И вѣсть о безпощадной гостьѣ металась съ вѣтромъ по степи, изъ кошарки въ кошарку, изъ улуса въ улусъ, нагоняя ужасъ и смятеніе. Все страшнѣе приходили вѣсти: шла не талаў, простая язва, какъ сначала думали, а настоящая свирѣпая жамалда́тъ, отъ которой нѣтъ спасенія, и животныя неминуемо падаютъ, вскорѣ послѣ заболѣванія.

А за страшной вѣстью прибѣжали люди, погоняя впереди себя табуны, спасаясь отъ безжалостной жамалда́тъ. Вся степь наполнилась топотомъ и криками, дрожала отъ страха. Смрадная, съ вытянутой мордой, жамалда́тъ нагоняла бѣглецовъ и устилала степь трупами. И бѣжали обезумѣвшіе киргизы, призывая имя божіе, а запекшіяся губы ихъ шептали: «худа́й кусси́те» (Богъ наказалъ). Ночью степь оглашалась воемъ волковъ, которыхъ теперь никто уже не трогалъ, и они, обожравшись падалью, стали лѣнивыми и смирными. Луна холодно освѣщала землю, обратившуюся въ сплошное кладбище, и оставшіеся не вытоптанными участки ковыля представлялись воображенію бѣднаго киргиза кумысомъ, который пролилъ на землю самъ Аллахъ. Всѣ бѣжали, и за ними гналась вмѣстѣ съ волками жадная жамалда́тъ.

Исака́й оставался покоенъ: онъ зналъ, что его любитъ Аллахъ. Исака́я наказывать не за что: онъ творитъ всѣ мо-

литвы—и намазъ, и нишинъ, и намашамъ, и хуфтанъ [1]), свято чтитъ посты и въ Курбанъ [2]) рѣжетъ много барановъ, и со всей ближайшей степи съѣзжаются къ нему бѣдные. Исакáй далъ обѣтъ сходить въ Мекку.

Но зубастая жамалдáтъ не пощадила Исакáя: на глазахъ его вдругъ кони начинали дрожать, глаза расширялись отъ смертельнаго страха, все тѣло ихъ покрывалъ потъ, липкій и холодный, и падали лошади съ подкосившихся ногъ, глухо ударяясь о землю и екая селезенкой.

Молча, нахмурившись, смотрѣлъ Исакáй, губы его шептали молитвы, и съ нихъ срывалось: «Худáй куссúте». Все ждалъ и молчалъ Исакáй, ожидая милости божіей, думая, что Аллахъ хочетъ испытать его. А лошади падали одна за другой, умоляюще глядя на людей и, побившись нѣсколько минутъ, издыхали. Стоявшія вблизи животныя, вытянувъ шеи, смотрѣли остановившимся взоромъ, прикованныя ужасомъ, прядая ушами, пофыркивая и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, а потомъ, отпрянувъ, неслись прочь. И сгорбился Исакáй, высохшія губы беззвучно шевелились, и, когда лошадь начинала биться въ предсмертныхъ судорогахъ, онъ быстро подходилъ къ ней и острыми, внимательными глазами созерцалъ смерть. Потомъ онъ торопливо моргалъ, и изъ глазъ выкатывались слезы, одна за другой, крупныя, одинокія. И шелъ онъ дальше, такъ же остро, съ горькимъ любопытствомъ, наблюдая смерть. Но это былъ уже не прежній Исакáй—ходилъ по степи дряхлый, суетливый старикъ, волочившій ноги.

И вотъ однажды долго думалъ Исакáй, потомъ всталъ и, не глядя ни на кого, избѣгая взгляда Рахúмы, выпрямился и велѣлъ разобрать кошарки, навьючить ихъ на верблюдовъ и, отдѣливъ отъ табуновъ самыхъ здоровыхъ лошадей, сурово сказалъ всѣмъ «кошъ» (прощайте) и велѣлъ отправляться въ путь, а самъ остался съ однимъ пастухомъ и остатками табуновъ. Уже не надѣялся Исакáй на милость божью — онъ хотѣлъ попробовать свои силы. Отецъ его былъ искусный бабашá (коновалъ) и обучилъ своему искусству Исакáя. Всѣ киргизы знали, что никакія средства не помогаютъ противъ жамалдáтъ, лучше другихъ зналъ это Исакáй, но онъ остался со своими конями. Призывая имя шайтана (чортъ), Исакáй не спалъ ночей, обкури-

---

[1]) Молитвы: утренняя, среди дня и двѣ вечернихъ.

[2]) Праздникъ въ ноябрѣ въ честь принесенія жертвы Авраамомъ. Въ этотъ праздникъ мусульмане закалываютъ въ жертву барана и кормятъ имъ бѣдныхъ.

валъ травами, шепталъ заклинанья и лѣчилъ тѣхъ, кто кормилъ его, служилъ ему и сдѣлалъ его богатымъ. Какъ тѣнь самого шайтана, быстрый, таинственный и страшный, съ искаженнымъ лицомъ и злыми глазами, онъ скользилъ отъ одной лошади къ другой и, размахивая руками и присѣдая, шепталъ заклятья.

Пришла зима. И обожравшаяся, съ смрадной пастью, жамалда́тъ убѣжала изъ степи.

... Когда весной по зазеленѣвшей травѣ вернулось на прежнее мѣсто кочевье Исака́я, киргизы нашли побѣлѣвшія кости коней и между ними скелетъ Исака́я, который узнали по золотому кольцу и клочьямъ халата...

Н. Тюринъ.

ДѢВУШКА.

Только къ вечеру прояснилось, и небо расцвѣтилось на западѣ. Солнца уже не было. Золотисто-розовые лохмотья облаковъ плыли, мѣнялись—незамѣтно темнѣли, сгущались въ темно-фіолетовые.

Я перестала грести—устали руки. Лодку прибило къ берегу, здѣсь она тихо покачивалась, и шелестѣли густыя прибрежныя травы. Лежать въ лодкѣ, положивъ ноги на перекладинку, смотрѣть на западъ, и радоваться тому, что у меня есть глаза—было такимъ счастьемъ. Спокойствіе охватило меня. А вѣдь я пріѣхала только вчера, только два дня прошло, какъ я ходила по улицамъ города, мои ноги ступали по камнямъ, и дышала я городскимъ воздухомъ. Теперь здѣсь я—какъ владычица и госпожа. Кусты сгибаются, когда я проѣзжаю мимо, луговые цвѣточки, похожіе на вату—мохнатики я ихъ называю—всѣ кланяются; вода раздвигается и даетъ дорогу. А тамъ, на горѣ, лѣсъ, знакомый, любимый давно, ждетъ—не дождется: когда же я приду? И идетъ по немъ немолчный гулъ и шелестъ въ ожиданіи моего прихода. Тамъ, на западѣ, на небѣ замокъ глядится въ воды. Почему чаще всего облака похожи на замки у озера? Замокъ въ горахъ, на недоступной вершинѣ. Рыцарь, его владѣлецъ—какъ орелъ въ гнѣздѣ. А когда мимо, внизу проѣзжаетъ купецъ, онъ, какъ хищная птица, летитъ, хватаетъ и когтитъ добычу. Тамъ, въ облакахъ идетъ борьба между рыцаремъ и купцомъ въ чалмѣ. Тотъ везетъ драгоцѣнную кладь на мулахъ, ковры, благовонія...

Я задумалась. Развѣ рыцари грабятъ? Нѣтъ, они, воодушевленные вѣрой, идутъ отвоевать гробъ Господень. Но, можетъ быть,—это не такъ? И прекрасная дама—не болѣе, какъ лживая и развратная женщина?

А пока я забылась—на небѣ не стало ни замка, ни рыцаря, ни купца. Расползлись и потемнѣли облака, и нѣтъ

уже золота. Дуетъ закатный, свѣжій вѣтеръ. День ушелъ—и въ уходѣ его есть что-то очень печальное. Вѣдь вѣрно: ничто не возвращается, и никогда не возвратится этотъ хмурый и нѣжный лѣтній день.

Съ трудомъ сдвинулись завязшія въ тинѣ весла. Обратно ѣхать труднѣе—противъ теченія. Много воды въ старой лодкѣ—она переливается при каждомъ толчкѣ. Я проѣзжаю мимо дремлющихъ закрытыхъ лилій, сидящихъ на круглыхъ, плоскихъ листикахъ. Тростникъ замеръ. Деревья застыли. И только я бужу вечерній покой звучными всплесками веселъ.

Сегодня мнѣ исполнилось 19 лѣтъ. Сестра подарила мнѣ маленькій золотой медальонъ. Мама спекла сладкій пирогъ. День ясный, солнечный—я надѣла бѣлое платье и волосы перевязала свѣтлой лентой. Чего пожелать на этотъ годъ? Больше всего, сильнѣе всего—мнѣ хочется быть писательницей. Что бы я ни видѣла, что бы ни чувствовала—у меня всегда является сильное желаніе описать это. Но вѣдь исписать листы бумаги умѣетъ всякій. Главное, могу ли я дать людямъ хоть немного? Вѣдь въ этомъ внутреннее оправданіе—иначе всѣ мои мысли могутъ оставаться невысказанными... Или дневникъ, запертый на ключъ? Мнѣ кажется, писать надо просто—какъ птицы поютъ; надо имѣть широко раскрытые глаза и уши, не заложенныя предусмотрительно ватой; надо жить. Жизнь даетъ столько впечатлѣній яркихъ, глубокихъ! Чтобы въ написанномъ отразить жизнь, надо понять ее, понять и полюбить. И я съ тоскою думаю, что для меня закрыта половина ея—я не любила еще. И теперь, когда мнѣ исполнилось 19 лѣтъ, мнѣ кажется, что это желанное, волшебное—не придетъ никогда. Мимо каждаго человѣка оно, *настоящее*—проходитъ лишь разъ; стучится и, когда ему широко раскрывается дверь, вноситъ въ однообразно-тусклое жилище цѣлый міръ новаго, неизвѣданнаго. Только нельзя пропустить жданную гостью—она пройдетъ мимо, не вернется. И мнѣ страшно: не пропустила ли я ее? И теперь всю жизнь прожду; не узнаю, какъ пахнутъ лучшіе цвѣты; не услышу, какъ поютъ райскія птицы; не увижу, какъ блестятъ самые драгоцѣнные камни.

Мы живемъ наверху, въ темномъ старомъ домѣ. Отъ рѣки вверхъ идетъ къ нему дорога, и липы бросаютъ на нее тѣнь въ солнечные дни. Если подыматься по ней, то уже снизу

видны колонки балкона, раскрытыя окна, занавѣски, колеблемыя вѣтромъ. Мы—мама, сестра, я—занимаемъ только половину большого дома. Остальныя комнаты нежилыя, съ закрытыми ставнями.

Громадный пустынный дворъ, весь заросшій травой, липы у забора, садъ, куда никто не ходитъ, кромѣ меня, и бесѣдка въ углу сада, гдѣ дрожатъ дряхлыя половицы—все это я знаю и люблю.

У меня есть любимыя книги; но вотъ уже много дней, какъ я не могу читать. Это потому, что настали ясные, золотые дни; воздухъ нѣженъ и прозраченъ, а небо безоблачно. Все въ пышномъ расцвѣтѣ, а вечеромъ встаетъ полная и ясная луна и серебритъ и дворъ, и домъ, и липы. Въ такія ночи дѣлается таинственно-грустно; какой-то холодокъ обвѣваетъ душу. Луна мѣняетъ и краситъ все—и силуэты деревьевъ, и очертанія дома, и лица людей. Вотъ задрожали на травѣ полосы свѣта: это сестра пріоткрыла ставню и заглушенно зоветъ меня: «Что-жъ ты не спишь?». И въ свѣтѣ луны лицо, въ черной рамкѣ волосъ, блѣднѣе, тоньше, красивѣе. Я не мечтаю—нѣтъ, и не фантазирую. Тишина прекрасной ночи дѣйствуетъ на меня такъ, что я забываю о себѣ—какъ бы растворяюсь въ ночи и вмѣстѣ съ нею молчу. Сладкая истома разливается по тѣлу; какъ зачарованная, я не могу двинуться съ мѣста... А время бѣжитъ, луна прячется, серебро тускнѣетъ, ночь дѣлается похожа на себя.

Мы съ сестрой—совсѣмъ различныя. Она страшно-неподвижна, невозмутимо-спокойна. Въ ея движеніяхъ, медленныхъ и плавныхъ—нѣга и лѣнь. Ей уже 27 лѣтъ, у ней прищуренные глаза и красивый, глубокій голосъ. Мама говоритъ, что она не вышла замужъ изъ-за лѣни. Я нахожу, что она похожа на восточныхъ женщинъ, тѣхъ, что живутъ въ гаремахъ. Съ своимъ чуднымъ голосомъ она не пошла дальше третьестепенныхъ партій въ частной оперѣ. Для того, чтобы выдвинуться въ первые ряды, вѣдь нужны, кромѣ таланта, еще и сила, и желаніе. У Кати силы много—сила дремлетъ въ ея полномъ тѣлѣ—и никакого желанія. Она всегда отвѣчала тѣмъ, кто упрекалъ ее въ бездѣйствіи: «Зачѣмъ?»,—и дѣлалось ясно, что для этой лѣниво-праздной натуры не привлекательны ни деньги, ни слава, ни успѣхъ.

Теперь она лежитъ на балконѣ въ chaise longue. Она въ пеньюарѣ, а на босыхъ ногахъ—расшитыя шелкомъ турецкія туфли. Она читаетъ.

— Что ты читаешь, Катя?

Катя не отвѣчаетъ. Я заглядываю снизу и вижу «Сказаніе объ Іестѣ Берлингъ». Когда я читала эту книгу—я не помнила себя отъ восторга, прочла книгу въ одинъ присѣстъ и долго не могла забыть ея очарованія.

— Катя! Это вѣдь чудно-хорошо?!..

Она оставляетъ книгу, потягивается и отвѣчаетъ:

— Да... недурно.

Я смотрю на эту женщину, на правильно-овальное лицо и закинутыя за голову руки, и думаю: «Это моя сестра? Но вѣдь я ея совсѣмъ не знаю, мы какъ чужія...» Уже девять лѣтъ она не живетъ дома, пріѣзжаетъ рѣдко, каждый разъ, пріѣзжая, удивляется: «Да какая же ты большая стала, Лизочка!» Я не знаю, какъ она живетъ, кто ея друзья, что она любитъ. Въ концѣ концовъ это какой-то сфинксъ, неподвижный и загадочный.

— Катя! Хотѣла бы ты быть писательницей?..

— Дѣточка, я ничѣмъ не хочу быть, кромѣ того, что я есть...

— Ну, а что ты есть?—настаиваю я.

— Просто человѣкъ... женщина... и немного философъ.

Я недовѣрчиво смотрю на нее. Ну, какой она философъ? Философы сосредоточенно-серьезные люди, занятые своими мыслями. По-моему, Катя не думаетъ, а просто спитъ съ открытыми глазами.

— Ну, что ты такъ на меня смотришь? Людямъ не мѣшаетъ имѣть немного больше спокойствія. Вотъ какъ у меня, напримѣръ. Тебѣ это трудно теперь понять, да ты и вообще другая,—а вотъ такія, какъ я, прямо созданы для того, чтобы внушать людямъ, что все суета-суетъ. Когда какой-нибудь изъ нашихъ артистокъ подносятъ грандіозные букеты или вѣнки—я такъ ясно представляю себѣ, какъ розы засыхаютъ, вѣнки вянутъ, ленты покрываются пылью... А сама знаменитость—переживаетъ себя, старѣетъ, и о ней всѣ забываютъ. Значитъ—все мгновенно, и въ мгновеніи этомъ не все ли равно, кто беретъ и кто даетъ? Потому что есть люди-творцы и обыкновенные. Творцы творятъ, обыкновенные наслаждаются, то-есть тѣ изъ обыкновенныхъ, кто любитъ искусство. Я никогда не была честолюбивой; красивая вещь радуетъ меня независимо отъ того, принадлежитъ она мнѣ или нѣтъ. Ты вотъ спрашиваешь о писательствѣ. Когда читаешь хорошую книгу—дѣлается радостно—и чего же еще? Мнѣ никогда не написать, какъ эта

женщина—она показала на книгу, лежавшую на ея колѣняхъ.—И вообще запомни, Лиза: нужно стремиться, чтобы побольше было спокойной радости. А какъ это достигается—это различно, для каждаго по-своему.

— Но, Катя... А если кому радость въ томъ, что для другого страданіе? Какъ тогда?..

Катя морщится. Она какъ будто бы истощила уже все свое краснорѣчіе: устала отъ непривычной для нея длинной рѣчи.

— Нѣтъ, ты не понимаешь... Это крайность... Есть границы...

Она закрыла глаза и будто забыла про меня. Интересно: о чемъ она думаетъ такъ вотъ, съ закрытыми глазами?

Въ купальнѣ прохладно и сумрачно. Зеленѣетъ вода въ четыреугольномъ отверстіи, чистая и прозрачная. Послѣ знойной жары—здѣсь такъ чудесно! Я медленно раздѣваюсь и радуюсь, что сейчасъ почувствую мягкую теплую воду, и она будетъ ласкать меня. Какое-то движеніе, какъ будто дыханіе, чуть слышный шелестъ платья—останавливаетъ меня. Я оборачиваюсь: въ отверстіе доски смотритъ сѣрый тупой глазъ. Накидываю халатъ и стремительно открываю дверь. Прильнувъ лицомъ къ щели, стоитъ долговязая фигура дурачка Володи. Я часто вижу, какъ онъ шмыгаетъ вдоль забора или ковыляетъ вслѣдъ за коровами. У него худое, желтое лицо, костлявая шея, безсмысленные глаза. Мальчишки въ деревнѣ смѣются надъ нимъ и бросаютъ ему вслѣдъ щепки и камушки. А онъ ныряющей походкой уходитъ, суетливо оглядываясь на своихъ преслѣдователей, жалкій, какъ загнанное животное. Мнѣ все кажется, что съ нимъ надо заговорить мягко, по-человѣчески—и онъ все пойметъ. И вотъ я подхожу къ нему, а онъ отпрянулъ отъ отверстія и глядитъ на меня растерянно своими бѣлесыми глазами.

— Володя,—говорю я,—уходи! Мнѣ непріятно, что ты подсматриваешь. Пожалуйста, уходи...

Въ это время на мостикѣ черезъ рѣчку дробно стучатъ копыта и мимо насъ проѣзжаетъ кто-то верхомъ на лошади. Я вижу только спину сѣдока и крупъ маленькой, толстой лошадки. Но мнѣ стыдно, я—въ накинутомъ кое-какъ халатѣ, босая, разговариваю съ деревенскимъ дурачкомъ... Чтобы Володя меня понялъ—я дѣлаю умоляющее лицо и показываю на

улицу, уходящую въ деревню. Онъ медленно уходитъ и, отойдя нѣсколько шаговъ—оборачивается и улыбается мнѣ мягко и дружелюбно. Затѣмъ исчезаетъ въ пыльной деревенской улицѣ.

Молнія ударила въ могучее дерево у дороги. Это была широкая, развѣсистая верба, и стволъ ея былъ такъ широкъ, что охватить его могло только трое людей. Теперь она лежитъ, сломанная, поперекъ дороги, и листва, раньше такъ недосягаемо-высокая—въ пыли подъ ногами. Я долго стояла надъ трупомъ вербы. Она будетъ лежать здѣсь, пока не пріѣдутъ работники; они свалятъ ее на телѣгу, отвезутъ на дворъ и порубятъ на дрова. А изъ густыхъ вѣтокъ—свяжутъ вѣники. Вотъ и вся судьба вербы. Вечеръ былъ хмурый, вѣтеръ гналъ разорванныя облака, колебалъ листву, и тогда съ нея падали послѣднія, висѣвшія на ней капли дождя.

Я одна забрела въ какое-то совсѣмъ незнакомое мѣсто: лѣсъ страшно густой, темный. Солнце только скользило кое-гдѣ. Оно освѣтитъ то тропинку, то кустъ, то лиловато-красный стволъ дерева. Приходилось раздвигать вѣтви руками, чтобы двигаться. Я вообразила себѣ, что брожу въ далекой, чужой странѣ. Я—путешественница, я изслѣдую дикую природу тропическаго лѣса. Здѣсь на каждомъ шагу—новое, а можетъ быть, опасное. Вотъ за этимъ кустомъ, навѣрное, поджидаетъ меня змѣя и пока лѣниво извиваетъ свое узорчатое тѣло. А потомъ вопьется въ ногу, маленькая, гибкая. Я, конечно, закричу—но кругомъ пустынно, ни души. Никто не придетъ на помощь. Все равно, змѣя побѣждена. Чтобы утолить голодъ, надо только протянуть руку; вотъ бананы, нѣжно-розовые и душистые.

За деревьями—вдругъ просвѣтъ; еще нѣсколько шаговъ—и послѣ мрачнаго лѣса меня ослѣпилъ яркій солнечный лугъ. Онъ весь заросъ цвѣтами, весь пестрый, радостный. Это настоящая «долина многоцвѣтныхъ травъ». Здѣсь все поражаетъ какимъ-то пышнымъ расцвѣтомъ. Трава— до пояса, сгибается неохотно, чтобы сейчасъ же за мной снова выпрямиться. Цвѣты, больше всего лиловые, непохожи на обычные, я нашла одинъ, совсѣмъ напоминающій орхидею. Большіе желтые цвѣты, яркіе, какъ маленькое солнце, и другіе, блѣдно-лиловые, которые я назвала «лунными».

Дальше вьется узенькая рѣчка. Въ поискахъ еще одной орхидеи я обошла весь лугъ и не замѣтила, какъ ноги мои стали погружаться въ холодную воду болота.

— Осторожнѣе,—говоритъ кто-то недалеко отъ меня,—здѣсь завязнуть можно.

Я съ трудомъ выдергиваю завязнувшую ногу и вижу у берега рѣки, слѣва, человѣка въ курточкѣ и въ высокихъ сапогахъ. Онъ смотритъ на меня и улыбается. Его видъ сразу внушаетъ мнѣ довѣріе.

— Какъ вы сюда попали?—смѣется онъ.—Держите путь сюда вотъ, прямо, не то погибнете—васъ засосетъ это злое болото.

Я неувѣренно перебираюсь съ кочки на кочку. «Онъ могъ бы помочь мнѣ, вмѣсто того, чтобы такъ смотрѣть и смѣяться», думаю я. Но вотъ уже подъ ногами твердо, я у берега рѣки и совсѣмъ близко отъ человѣка въ курточкѣ. Онъ снимаетъ шляпу и спрашиваетъ:

— Вы не дочка ли госпожи Кристманъ?

— Да...

— А я—Дмитрій Столѣтовъ.

Столѣтовъ—сосѣдній помѣщикъ. Мама знаетъ его и говоритъ, что онъ большой чудакъ. Теперь мы медленно идемъ вдоль рѣки. Я въ смущеніи, а онъ наблюдаетъ меня.

— А отсюда далеко?—спрашиваю я.

— Это зависитъ отъ того, куда вы хотите...

— Ну, конечно, домой...

— Да, порядочно. Какъ это вы зашли такъ далеко? Вы—храбрая.

Конечно, онъ смѣется надо мной. Ну, что за храбрость бродить по лѣсамъ и лугамъ, гдѣ нѣтъ ни живой души?

— Чего же бояться?

— Какъ чего? Въ этихъ лѣсахъ живутъ тигры и львы, а, кромѣ того, туземцы тоже не прочь полакомиться человѣческимъ мясомъ.

Я сохраняю серьезный видъ.

— Знаете,—продолжаетъ онъ,—я слѣжу за вами уже съ полчаса. Вы бродили сосредоточенно серьезно, останавливались, мечтая о чемъ-то. А когда вы вязли въ болотѣ, и солнце золотило ваши волосы—у васъ былъ дѣтски-растерянный видъ, какъ у заблудившагося ребенка,—мнѣ хотѣлось продлить это зрѣлище.

Я краснѣю.

— Я совсѣмъ не ребенокъ. И во мнѣ нѣтъ ничего дѣтскаго. Третьяго дня мнѣ исполнилось 19 лѣтъ.

— А мнѣ 38. Вы понимаете, что для меня вы ребенокъ...

Конечно, онъ не юноша. Но я никогда не сказала бы, что ему около сорока лѣтъ. У него свѣтлые волосы, бритое лицо и ясные глаза, немного грустные.

— Вы пробирались по болоту,—говоритъ онъ,—а я думалъ: это цвѣтокъ и болото хочетъ его взять, поглотить. Потому что и болото жадно до чистаго и красиваго. Я и смотрѣлъ, кто побѣдитъ—темная ли сила грязи или ваше движеніе впередъ. И знаете, что мнѣ пришло въ голову—что и въ жизни то же самое. Уйдите отъ болота, какъ только почувствуете, что подъ цвѣтами—грязь и топко.

Онъ говоритъ медленно и теперь уже не смотритъ на меня. А лицо дѣлается все грустнѣе и грустнѣе.

— Вы вотъ думали,—говорю я и сама удивляюсь своей развязности.—А если бы я стала дѣйствительно вязнуть, вы тоже только наблюдали бы, да? И не помогли?

Онъ улыбается.

— Нѣтъ, конечно, спасъ бы...

Мы молчимъ немного. Мнѣ все еще какъ-то странно думать, что я иду рядомъ съ этимъ человѣкомъ, только-что совсѣмъ чужимъ. Но я чувствую, что робость понемногу исчезаетъ. «Онъ навѣрное очень добрый», думаю я, «какіе хорошіе, волнистые волосы, а лицо некрасивое и немножко смѣшное». На немъ бархатная курточка и руки въ карманахъ. А ходитъ онъ, какъ бы припадая.

— Вѣдь это вы вчера на мостикѣ возлѣ купальни бесѣдовали съ юродивымъ?—говоритъ онъ и улыбается снова.

Ну, да, конечно, это его спину я видѣла вчера, это онъ проѣзжалъ верхомъ. Я въ досадѣ.

— Значитъ, вы не боитесь сумасшедшихъ?—продолжаетъ онъ.

— Нѣтъ, я все думаю, что съ ними надо говорить, какъ со здоровыми — они это чувствуютъ. А съ дѣтьми—какъ со взрослыми...

— Ого... это мудро. О чемъ же вы съ нимъ говорили вчера?

— Я просила его уйти. А то онъ смотрѣлъ, какъ я купалась...

— Ну что же? Понялъ онъ?..

— Конечно, ушелъ, и даже улыбнулся ласково.

Теперь мы идемъ по широкой проѣзжей дорогѣ. Съ двухъ сторонъ поля со скошенной травой; всюду маленькіе бугорки сѣна и пахнетъ одуряюще.

— Вы, когда придете —не забудьте ноги высушить,— говоритъ онъ.—А то простудитесь. А простудитесь—не придете завтра туда же, къ берегу.

Или онъ думаетъ, что болѣе красивыхъ мѣстъ въ Солнцевѣ нѣтъ?

Два знакомые камня у начала деревни, и мы входимъ въ деревенскую улицу. Въ пыли копошится маленькій бѣлый ребенокъ; возлѣ него — лохматая собака. Столѣтовъ присаживается на корточки и разсматриваетъ ребенка.

— Самое лучшее въ жизни—все же дѣти,—говоритъ онъ.— Я не могу пройти мимо ребенка равнодушно... Посмотрите, этотъ бѣленькій, какой хорошій...

Ребенокъ глядитъ на него и широко улыбается. Потомъ онъ радостно смѣется и тянется своими грязными ручками къ Столѣтову. Столѣтовъ беретъ его, высоко подбрасываетъ и ловитъ, собака скачетъ возлѣ и визжитъ, а изъ избы выходитъ молодая, смуглая крестьянка.

— Здравствуйте, баринъ.

— Здравствуй. Хорошій у тебя сынъ растетъ.

И мы идемъ дальше. Изъ крестьянскихъ садиковъ глядятъ жгучіе подсолнечники, георгины, настурціи. Деревня пуста; въ окошко смотритъ иногда темное лицо старика или старухи—да собаки поднимаютъ звонкій, надоѣдливый лай.

Я не знаю—идти мнѣ или не идти въ «Долину многоцвѣтныхъ травъ». Онъ сказалъ вчера: «И вы не сможете придти», значитъ, онъ будетъ тамъ? Два голоса точно спорятъ во мнѣ: страшно хочется снова увидать Столѣтова, и стыдно—«что онъ подумаетъ обо мнѣ?» Вотъ я иду, колеблясь еще, по деревнѣ. Сумасшедшій Володя бредетъ вдоль забора. Иногда онъ нагибается, поднимаетъ камушекъ и заботливо прячетъ его за пазуху. Увидя меня, онъ останавливается, тупо смотритъ мнѣ въ глаза, потомъ вдругъ ухмыляется и снимаетъ свой рваный картузъ. Завтра я принесу ему конфектъ, вѣдь онъ — какъ ребенокъ.

Дома я никому не сказала про встрѣчу со Столѣтовымъ. Это моя тайна; я боюсь нарушить ее.

Какъ только вступаю на дорожку вдоль луга, къ рѣкѣ—уже вижу его. Онъ сидитъ неподвижно и не слышитъ меня. Что-то скорбное въ его позѣ, въ опущенныхъ рукахъ, и мнѣ кажется, что такъ ненуженъ мой приходъ. Я готова повернуть

назадъ, убѣжать, но онъ уже замѣтилъ меня, всталъ и радостно идетъ мнѣ навстрѣчу.

— Какъ это хорошо, что вы пришли,—говоритъ онъ.—Съ вами—солнце, смотрите.

Солнце дѣйствительно прорвалось сквозь пелену сумрачнаго дня. Сегодня Столѣтовъ мнѣ кажется немного другимъ...

— Дмитрій... а дальше какъ...

— Дмитрій Дмитріевичъ.

— Дмитрій Дмитріевичъ,—говорю я,—сегодня весь день я хотѣла вспомнить, какой вы—и ни за что не могла. Вотъ волосы такого цвѣта — помнила; глаза сѣрые помнила, и губы ваши тонкія-тонкія—помнила. А все вмѣстѣ—ни за что.

— Значитъ, вы вспоминали меня?

— Да.

— А я все утро былъ занятъ. Непріятными, тяжелыми дѣлами... Послѣ такихъ дѣлъ на губахъ горькій налетъ; онъ всегда остается, если попробовать жизни...

Я не рѣшаюсь спросить, что это за тяжелыя дѣла. Но онъ какъ бы чувствуетъ вопросъ и продолжаетъ:

— Я сужусь съ братомъ. Онъ подалъ на меня въ судъ; заявилъ, что завѣщаніе матери, по которому это имѣніе перешло ко мнѣ, — недѣйствительно. Братъ богатъ. Я же не имѣю ничего, кромѣ «Дубковъ». Онъ хочетъ отнять у меня все. Я долженъ доказать ему, что онъ неправъ. А выиграю дѣло—можетъ быть, самъ уйду отсюда и отдамъ ему «Дубки». Но вотъ, что ужасно: братъ съ пѣной у рта говоритъ обо мнѣ, обвиняетъ меня въ безчестномъ поступкѣ, все, чтобы оттягать эту землю. Вотъ гдѣ ужасъ: человѣкъ человѣку—звѣрь.

Онъ говоритъ, какъ бы забывъ про меня—но мнѣ почему-то страшно больно за него.

— Нѣтъ... почему, почему вы такъ говорите?.. Если у васъ братъ—злой, нехорошій человѣкъ, такъ что же? А развѣ мало есть хорошихъ людей, свѣтлыхъ, добрыхъ?

— Для васъ—да. Вы ребенокъ. И несете въ сердцѣ столько чистоты, что передаете ее людямъ, съ которыми соприкасаетесь. Но и въ васъ погаснетъ этотъ свѣтъ, когда вы поживете съ людьми. Я же вамъ сказалъ вчера, что единственно хорошее въ жизни—это дѣти. Пока они не вырастутъ. Сохраните подольше вашу дѣтскость и бойтесь житейскаго опыта, который будетъ васъ поучать на каждомъ шагу...

Я срываю цвѣтокъ.

— Какъ же, развѣ плохо жить? Посмотрите, какіе цвѣты?..

А тамъ, облачко развѣ не чудно-хорошо? А тотъ лѣсъ зачарованный?.. Какъ въ сказкѣ...

Онъ уже улыбается.

— Да... Надо забыть о томъ... о болотѣ.

Онъ глубоко дышитъ и говоритъ:

— Съ вами—хорошо. Вы точно свѣтъ изучаете.

И потомъ дѣлается совсѣмъ легко и просто. Чтобы отвлечь его отъ мрачныхъ мыслей, я разсказываю всякіе пустяки въ то время, какъ мы идемъ вдоль рѣки.

— Не находите ли вы, что всѣ люди какого-нибудь цвѣта? Мама—сѣрая... Катя—голубая. А вы...

На мгновеніе я задумываюсь.

— А вы—коричнево-красный...

— Зато вы — знаете, какая? Зеленая, вся зеленая. Какъ свѣжая молодая листва.

— Значитъ, вы понимаете, что люди окрашены, какъ цвѣты? Мама смѣется надъ этой моей привычкой сейчасъ же окрашивать человѣка.

Онъ молчитъ. Солнце бьетъ ему въ лицо, и я ясно вижу морщинки, цѣлую сѣть морщинокъ вокругъ глазъ и двѣ глубокія на лбу. Онъ навѣрно многое пережилъ, думаю я, и эта мысль наполняетъ меня какой-то гордостью. И ему не скучно ходить и говорить со мной? Онъ просто еще не разглядѣлъ меня.

— Вы знаете? Я невѣжа, настоящая невѣжа. Я не знаю самыхъ простыхъ вещей. Я читаю только то, что интересно. А теперь я совсѣмъ не раскрываю книги,—говорю я.

— Зато вы непосредственны. И цѣльны. Книги страшно мѣняютъ людей.

— Я боюсь, что всегда останусь такой. Теперь мнѣ даже не хочется учиться. Я хочу жить, просто жить.

— Но вѣдь вы только-только выглянули на свѣтъ, и это такъ понятно. Подождите,—все придетъ. Вамъ навѣрное и полюбить кого-нибудь хочется?

— Да. Мнѣ кажется, что это страшно украситъ мою жизнь. А пока она такая безцвѣтная...

Онъ смѣется.

— Боже мой... Какъ это все близко и далеко,—говоритъ онъ.—Хорошо или плохо, что все это переживается лишь разъ? Сядемъ. Нога что-то разбаливается.

Мы садимся на зеленомъ холмикѣ. Онъ усаживается съ трудомъ и морщится. Потомъ, замѣтивъ мой взглядъ, говоритъ:

— Да. Я уже старая кляча...

Не знаю, почему, эти слова причиняютъ мнѣ боль. Зачѣмъ онъ называетъ себя такъ? Но я молчу.

— Съ мѣсяцъ тому назадъ у меня такъ сильно болѣла нога, что я не могъ ходить. Я провелъ десять дней въ постели и читалъ Донъ-Кихота. Это книга очень глубокая и такая грустная, что хочется плакать. Я былъ совсѣмъ одинъ и подъ конецъ погрузился совершенно во мракъ.

— Неужели никого не было возлѣ васъ? А ходилъ за вами кто?

— Тогда была у меня ключница, старая женщина, единственно-преданное мнѣ существо. Теперь ея уже нѣтъ въ живыхъ. Но она была глуховата и ее очень трудно было дозваться. Бывало—лежу... Темнѣетъ и читать уже нельзя. Мракъ ползетъ изо всѣхъ угловъ... Я зову—не слышитъ. Стучу палкой, стуломъ объ полъ. Тогда мнѣ начинаетъ казаться, что я—одинъ въ цѣломъ свѣтѣ. Да развѣ это не такъ?

Опять онъ какъ-будто размышляетъ вслухъ. Мнѣ непривычно такъ близко сидѣть возлѣ него. На бархатѣ его курточки ползетъ большой блестящій жукъ. Его бы сбросить,—но я не рѣшаюсь дотронуться до Столѣтова.

— Тогда вотъ, когда я лежалъ,—продолжаетъ онъ—у меня началась галлюцинація. Я слышалъ музыку, цѣлый оркестръ. И музыка была божественно-хороша. Я такъ ясно слышалъ всѣ мелодіи и гармонизаціи, что мнѣ оставалось только записать ее. Но я не умѣю, а потомъ все исчезло. Но въ тѣ дни я былъ талантливымъ композиторомъ. Это было очень странно: музыка зарождалась во мнѣ, въ глубинѣ моего существа, но я закрывалъ глаза и точно поднимался, летѣлъ, и она уже звучала вокругъ. У меня былъ коверъ-самолетъ, сотканный изъ звуковъ.

Жучокъ уже на шеѣ. Его надо снять, но я боюсь прервать. Я покажусь такой будничной ему, если скажу: «у васъ на шеѣ жучокъ, снимите».

— У васъ яркіе сны? Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ я видѣлъ одинъ сонъ, и не могу его забыть. Такое неизгладимое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. Снилось мнѣ, что я въ пустынѣ, кругомъ все сѣро-желто, тяжело, мрачно. Пустыня—злая; я лежу, и мнѣ кажется, что всѣ силы уходятъ изъ меня капля за каплей. И вотъ надо мной склоняется какой-то человѣкъ. Онъ одѣтъ, какъ монахъ, и лицо у него свѣтлое-свѣтлое, ясное. Онъ дышитъ мнѣ въ лицо, чтобы возвратить къ жизни, и говоритъ тихо, но слова его имѣютъ для меня странную силу:

«Если будешь ѣсть хлѣбъ сухой—думай, что это медъ; если будешь пить воду—принимай ее за вино». И, говоря такъ, онъ удаляется, слова его звучатъ все громче, громче... Я проснулся и ясно увидѣлъ, какъ въ дверяхъ исчезала коричневая ряса.

И, видя мои изумленные глаза, онъ говоритъ:

— Конечно, здѣсь было уже разстроенное болѣзнью и одиночествомъ воображеніе. Но я увидѣлъ въ этомъ какое-то указаніе. Я украшаю все, что̀ вижу, для того, чтобы оно стало пріемлемо для меня. Я—фантазеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый глубокій пессимистъ, потому что я знаю черту, гдѣ кончается фантазія и начинается жизнь.

Мнѣ кажется, что я такъ незаслуженно сижу здѣсь и выслушиваю все это. Но слушаю я, затаивъ дыханіе. Этотъ человѣкъ безконечно меня захватываетъ своими словами.

— Вотъ я гляжу на васъ,—говоритъ онъ.—Я не знаю, думалъ ли я о васъ уже раньше, до встрѣчи съ вами, зналъ ли или читалъ о васъ. Но вы мнѣ знакомы и близки. И такъ было съ перваго взгляда. Не думайте, что я быстро схожусь съ людьми. Нѣтъ—меня называютъ нелюдимымъ. Но, когда я брожу, говорю̀ съ вами, мнѣ кажется, что я одинъ, что вы въ моихъ мечтахъ. Такъ вы похожи на тотъ образъ, что̀ уже давно рисуется мнѣ: нѣжный, женственно-прекрасный и чистый, что мнѣ думается: не я ли создалъ васъ? Но вѣдь я и пессимистъ, и вотъ мнѣ вдругъ приходитъ въ голову: и она, эта дѣвочка, какъ всѣ. Распустится и потеряетъ обаяніе. И вы будете любить, и васъ помнетъ вѣтеръ и научитъ сгибаться, не ломаясь. Если любовь будетъ несчастная—потускнѣете, завянете, счастливая—храни васъ Богъ отъ мѣщанства. Только избранные его избѣгаютъ.

Онъ вдругъ оборачивается—до сихъ поръ я видѣла рѣзкій очеркъ профиля—и смотритъ на меня.

— У васъ въ наружности есть что-то необычайное. И глаза, кажется, хотятъ большаго, чѣмъ это принято. Возможно, что все будетъ не такъ, какъ «бываетъ», какъ я говорилъ. Когда будете любить,—а вы обязательно будете, и очень сильно—напишите мнѣ письмо, сюда. Если вспомните... хорошо?

Я не знаю почему, во мнѣ закипаетъ что-то.

— Я никого не люблю,—говорю я, и даже раздраженіе звучитъ въ моемъ голосѣ.—Я не могу никого любить. Я буду одна. Мнѣ не нужно никого.

И вдругъ у меня въ голосѣ—слезы.

Я быстро отворачиваю лицо, встаю, стараюсь побѣдить свое

волненіе. Что со мной? Я чувствую на спинѣ его удивленный взглядъ и говорю:

— Идемте. Я хочу домой.

Мы молчимъ всю дорогу. И я упорно прячу свое лицо.

Почему у меня сердце такъ неспокойно сегодня? Я какая-то усталая, лѣнивая. Не могу ничѣмъ заняться и брожу уныло по комнатамъ.

Катя смотритъ на меня. Я уже нѣсколько разъ поймала на себѣ спокойный, внимательный взглядъ.

— Поди сюда, Лизочка.

Я подхожу. Она беретъ мою руку и говоритъ:

— Что это съ тобой? Ты скучненькая такая?

Что я могу ей отвѣтить? Я тихо высвобождаю руку и отхожу. Одно ясно для меня—я не пойду сегодня въ долину. Это сказалъ мнѣ внутренній голосъ, приказалъ настойчиво и властно. Я не пойду сегодня. А завтра? Я стараюсь себѣ представить, что́ было бы, если бы ужъ никогда я не увидѣла больше Столѣтова? И вдругъ ясно чувствую, что это было бы невыносимо тяжело. «Я не вынесла бы этого», думаю я. Но почему же я не иду сегодня? Какъ будто бы что уясняю я себѣ. Мнѣ тяжело, но въ тяжести этой есть что-то жутко-захватывающее. Мысли не вяжутся. Онѣ какіе-то обрывки, спутанные, и въ каждую изъ нихъ—врывается Столѣтовъ. Вспоминаю все, что́ онъ разсказывалъ вчера:—«совсѣмъ одинъ лежалъ, больной». Приливаетъ волна жалости. Но онъ, когда говорилъ, что онъ одинъ въ мірѣ, отчего же онъ забылъ про меня? Или онъ не чувствуетъ, какъ много я думаю о немъ? Или я и не существую для него сама по себѣ? Можетъ быть, онъ бродитъ теперь одинъ по «долинѣ» и не замѣчаетъ, что меня нѣтъ? Но какъ узнать, какъ узнать? Скоро пять часовъ.

Но вѣдь онъ же самъ сказалъ вчера; «съ вами солнце» и улыбнулся при этомъ. Онъ улыбается совсѣмъ по-особенному, точно ласково усмѣхается. А какія красивыя руки, онѣ какъ будто сами по себѣ. Онъ не женатъ. Онъ навѣрно уже любилъ кого-нибудь сильно и несчастно. Какая была та, что́ измучила его? У ней не было сердца: какъ можно мучить его? Но, можетъ быть, онъ и не любилъ никого? Искалъ, искалъ и извѣрился... И эта мысль доставляетъ мнѣ необъяснимую радость.

Пять часовъ уже било. Я не пошла и не пойду, но безпокойство меня гнететъ. Сажусь къ роялю и раскрываю ноты. Но звуки—деревянные, пальцы не идутъ, моя игра раздражаетъ меня.

На балконѣ мама варитъ варенiе. Она вся красная, замученная.

— Ты вотъ цѣлый день гуляешь, Лиза,—говоритъ она.—Хоть бы помогла...

Я присаживаюсь и шпилькой выковыриваю внутренности крыжовника.

— Разъ... два... три...—считаю я.—Мама, я почищу сто ягодъ. Хорошо?

Убiйственно-медленно тянется время. Вотъ на деревьяхъ краски заката. Если подойти къ забору, можно увидѣть большое красное солнце, наполовину уже скрытое. Какъ тихо. Вотъ прилетѣлъ аистъ, онъ возвращается на закатѣ въ свое гнѣздо, что̀ противъ нашего балкона. Онъ и его самка подняли сейчасъ же трескотню, а теперь онъ важно стоитъ на одной ногѣ и озирается вокругъ. Гдѣ-то жницы поютъ. Въ ихъ пѣсняхъ—почему столько тупой печали? Темнѣетъ небо, скоро зажжется первая звѣзда. Что дѣлаетъ Столѣтовъ теперь?

Вечеромъ пьютъ чай на балконѣ. Вокругъ лампы носятся тучи всякихъ насѣкомыхъ. Потомъ, опаленныя, они падаютъ у подножья лампы, и ихъ трупами чернѣетъ скатерть. Ночь спокойная, ясная, но безъ луны, и сейчасъ же за свѣтлымъ кругомъ лампы—пропасть, мракъ.

Катя и мама разговариваютъ. Мама всегда безпокоится, волнуется и теперь дѣлится съ Катей своими тревогами.

— Вхожу я вчера, а сверху, съ полки—громадная крыса. А вѣдь я ихъ боюсь ужасно. Я выронила тарелку и побѣжала. Поѣдятъ онѣ теперь все.

— А ты поставь мышеловку,—лѣниво отзывается Катя.

Послѣ чая онѣ играютъ въ дурачки. Я сижу на ступенькахъ, припавъ головой къ колоннѣ. Завтра я пойду въ «долину».

Темно. Дверь въ сосѣднюю Катину комнату закрыта, но снизу пробивается узкая полоска свѣта. Катя читаетъ, должно быть—слышенъ шелестъ переворачиваемыхъ страницъ.

— Катя! Спокойной ночи...

— Спокойной ночи, дѣточка.

Но я не сплю. Ставни не закрыты, и напротивъ, какъ разъ въ окно, глядитъ большая, одинокая звѣзда. Не отдавая себѣ отчета, я не свожу съ нея глазъ. Что я дѣлала, когда вернулась изъ «долины» сегодня? Какъ прошелъ вечеръ? не

помню. И только ярко встаетъ въ памяти сегодняшняя встрѣча. Я спѣшила очень, но когда подходила къ изгороди кустовъ—замедлила шагъ. «Пускай успокоится сердце, вотъ оно какъ бьется»... Онъ ходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, и когда я вступила на нее—какъ разъ сдѣлалъ оборотъ ко мнѣ и обрадовался.

— Вотъ вы, наконецъ! А я-то жду васъ, жду безъ конца. Я уже считалъ отъ нетерпѣнія. Сказалъ себѣ: если сосчитаю сто, и вы не придете—уйду. Сосчиталъ до ста, и началъ сначала... Но теперь вы здѣсь, и это хорошо. Я прихожу сюда мрачный и озлобленный и ухожу, какъ просвѣтленный. Это все—вы, знаете ли вы это?

Я чувствую, какъ яркая краска медленно и непреодолимо приливаетъ и окрашиваетъ лицо, уши, шею. Значитъ, и ему хорошо со мною...

— Пойдемте вотъ туда,—прошу я и указываю на синѣющій лѣсъ.

— Это далеко. Не устанете?..

— Нѣтъ.

Мы долго бродили. Мы много говорили, еще больше молчали. Мы останавливались и любовались узоромъ листьевъ на небѣ; мы смотрѣли на могучія сосны, дрожавшія только верхушками; мы пробирались, нагнувшись, и руками разбирали цѣпкія вѣтки. Я шла впереди и задерживала вѣтку бережно, чтобы, отпущенная, она не ударила его хлестко; мы сидѣли на опрокинутыхъ грозою стволахъ; мы слушали шумъ и шелестъ верхушекъ деревьевъ и листвы — и что бы мы ни дѣлали — я ощущала какую-то неизвѣданную еще полноту существованія. Мое вчерашнее безпокойство, такое смутное, неосознанное—исчезло, растаяло отъ перваго его взгляда. Сразу стало радостно, счастливо, покойно. «Вотъ я иду рядомъ съ нимъ, смотрю на него, слушаю его. Такъ чего же еще, и почему я мучилась вчера? Зачѣмъ я выдумываю себѣ горести, когда мнѣ такъ хорошо?» Мои движенія стали стремительно увѣренными, мнѣ хотѣлось бѣгать, пѣть, кричать. Мнѣ кажется, что я передала и ему свое настроеніе, онъ сказалъ: «Съ вами молодѣешь». И вотъ мы оба стали ребячиться. Мы бѣгали взапуски, но ему ни разу не удалось поймать меня. Иногда онъ съ шутливой гримасой хватался за ногу, но я такъ убѣдительно говорила ему «это вамъ только кажется», что онъ смѣялся и забывалъ. Черезъ болото онъ перенесъ меня на рукахъ и мнѣ было радостно чувствовать подъ руками его шею и быть такъ близко къ нему.

А когда онъ поставилъ меня на землю, а самъ вынулъ платокъ, чтобы осушить свой потный лобъ, я вдругъ почувствовала, что ужъ совсѣмъ не стѣсняюсь его, что между мною и имъ—нѣтъ никакихъ преградъ, и что онъ страннымъ образомъ сталъ мнѣ близокъ, такъ близокъ, какъ никто и никогда.

— Дмитрій Дмитріевичъ...

Я не знала, какъ сказать, а хотѣлось сказать что-то большое...

— Дмитрій Дмитріевичъ, милый... Скажите, и вамъ теперь тоже такъ хорошо?..

— Конечно... Смотрите, у васъ сзади волосы висятъ, распустились. Какъ красиво... Это золото, расплавленное золото. У васъ—перламутровая кожа, у васъ коралловыя уста, у васъ такъ много драгоцѣнностей, но самая большая—это ваши глаза. Видите, даже стихами заговорилъ. Каково!

— Нѣтъ, послушайте, Дмитрій Дмитріевичъ. Я вамъ другъ, понимаете?.. Настоящій, большой другъ. Всегда помните объ этомъ... И знаете... я многое, я многое бы сдѣлала, чтобы вамъ было хорошо.

— Ого, какъ серьезно. Нѣтъ, ничего не надо дѣлать, принцесса. Живите въ вашемъ золотомъ королевствѣ и впускайте меня иногда туда.

Почему онъ не сказалъ: впустите меня туда *навсегда*. Онъ не сказалъ этого, и теперь, въ темнотѣ, я вспоминаю всѣ его слова. Онъ не сказалъ этого.

А потомъ онъ протягиваетъ мнѣ руку, я вкладываю свою, долгое рукопожатіе—и мнѣ кажется, что какой-то союзъ, нерушимый, длительный, заключенъ между нами. Отъ этой мысли радостно прыгаетъ мое сердце, когда я возвращаюсь домой. И теперь я не могу заснуть.

Льетъ дождь, упорно, уныло, и облачная пелена — безъ просвѣта. Сегодня не прояснится, идти въ «долину» нельзя, и я не увижу Столѣтова. Радость вчерашняго дня еще живетъ, но гдѣ-то глубоко шевелится тоска. А если и завтра дождь? Тогда мнѣ все кажется безнадежнымъ. А къ вечеру я чувствую, что мнѣ чего-то мучительно недостаетъ.

Два дня дождь идетъ, не переставая. Я жду солнца лихорадочно; оно принесетъ мнѣ жизнь и радость. А пока я съ тоскою гляжу сквозь стекло окна на льющіяся струи, на по-

качнувшіяся отъ водяныхъ потоковъ деревья. На окнѣ тоже висятъ крупныя капли. Холодно. Я пытаюсь сойти внизъ, къ мельницѣ. На мнѣ теплый плащъ съ капюшономъ и калоши— и все же я спѣшу домой, иззябшая, посинѣвшая отъ холоднаго вѣтра.

Я томлюсь — какъ убить время? Вечеромъ ищу на западѣ хоть проблеска свѣта—ничего. Значитъ, и завтра такой же томительный день. Мнѣ хочется плакать. Но я пересиливаю себя и иду къ Катѣ...

— Катя! Катя?

— Что? Скучно?—Садись, я тебѣ почитаю.

Я сажусь возлѣ. Плавно льется глубокій голосъ. Зеленый абажуръ бросаетъ тѣнь и блѣднитъ его. Столѣтовъ тоже блѣденъ. Но болѣе нездорово блѣденъ. Кто заботится о немъ? Мнѣ вдругъ страшно хочется представить его себѣ молодымъ, совсѣмъ молодымъ. Какой онъ былъ тогда? Гдѣ онъ учился? Я ничего не знаю. Значитъ, можно считать человѣка близкимъ — и ничего не знать о немъ? Вдругъ я спохватываюсь: о чемъ читаетъ Катя? Дѣлаю надъ собой усиліе—и не могу заставить себя слушать. Мои мысли—заняты однимъ, все тѣмъ же. Если и завтра дождь? Что я сдѣлаю тогда? Неужели снова томиться? Смотрѣть на падающія капли и болѣзненно чувствовать его отсутствіе?

Утромъ я проснулась подъ горячимъ солнечнымъ лучомъ. Боже мой, какъ все измѣнилось! Сколько свѣта кругомъ, сколько свѣта во мнѣ! Отблескъ солнца и счастья на всѣхъ лицахъ — или мнѣ такъ кажется? Я дѣятельна и неутомима въ это утро— вѣдь нужно дождаться пяти часовъ. Бѣгаю на кухню, помогаю мамѣ. Прибираю свой столъ и полочку съ книгами, такіе заброшенные всѣ эти дни. Мнѣ приходитъ въ голову, что все имѣетъ какой-то внутренній скрытый смыслъ. Эти два дня—не для того ли, чтобы ярче почувствовать радость сегодня? Но время такъ ползетъ, и мое нетерпѣніе дѣлается лихорадочнымъ; за обѣдомъ я не могу ѣсть.

— Лиза! Твое любимое сладкое...

— Не хочется...

Вотъ «долина». Я не чувствую ногъ подъ собой. Гдѣ же Столѣтовъ? Я ищу глазами всюду, за кустарникомъ, у берега, тамъ, за опушкою лѣса—нигдѣ никого. Тогда я сажусь на пригоркѣ, и мнѣ кажется, что грудь не сдержитъ рвущагося сердца.

«Что же это?.. Не можетъ быть... Надо ждать». Я опускаю голову на руки и жду. А мысли бѣгутъ. Обыкновенно онъ ужъ здѣсь, и ждетъ, что же сегодня? Можетъ быть, просто опоздалъ... Но вдругъ мнѣ дѣлается ясно, что Столѣтовъ не придетъ, и острая боль—«или ему надоѣло, прискучило? А я-то... сколько думала, сколько радовалась»... Голова кружится, я точно падаю внизъ глубоко, глубоко—похоже какъ иногда передъ сномъ. А время идетъ. Я подымаю опущенную голову — такъ же ярко все вокругъ, такъ же зелено, такъ же блеститъ тамъ вдали рѣка—что же опустилось, увяло во мнѣ? Потомъ я вижу себя, согнувшуюся, жалкую—и во мнѣ говоритъ самолюбіе. Я встаю и медленно иду домой, ноги ступаютъ, какъ чужія, и столько же во мнѣ тоски, сколько радости было раньше, когда я почти бѣжала сюда.

Столѣтовъ пересталъ ходить въ «долину». Уже третій день прихожу я туда — одна. Значитъ, кончено, и мнѣ не увидѣть его больше. Порою приходитъ отчаяніе, а его смѣняетъ апатія. Тогда я ухожу и часами сижу на травѣ, въ лѣсу, безъ мыслей, въ какомъ-то тупомъ забытьи.

Возлѣ мельницы вода бьетъ пѣной. Съ каждымъ новымъ толчкомъ пробиваетъ свѣжая, еще болѣе ослѣпительная, а та, что́ была раньше—расплывается, уносится теченіемъ, таетъ. Облокотившись на перила мостика, я не свожу глазъ съ бѣлой клокочущей массы.

— Барышня! Барышня...

Кто-то настойчиво зоветъ. Я оборачиваюсь—возлѣ маленькій крестьянскій мальчикъ протягиваетъ мнѣ конвертъ. Кровь сразу приливаетъ къ щекамъ. «Милый маленькій другъ, я боленъ. Вотъ ужъ пять дней, какъ больная нога приковала меня къ кровати. Теперь солнце свѣтитъ не для меня. Поклонитесь отъ меня нашей солнечной долинѣ и лѣсу и рѣкѣ. Вѣдь вы знаете, на какомъ языкѣ нужно съ ними говорить».

Онъ—боленъ и, значитъ, снова одинъ. Громадное облегченіе—онъ не забылъ меня, но и жалость, и боль за него, и желаніе помочь...

— Кого вамъ?

— Дмитрія Дмитріевича... пожалуйста...

Высокая женщина въ платкѣ подозрительно оглядываетъ меня.

— Вамъ зачѣмъ?

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

— Такъ... навѣстить...

Тогда она отрывисто бросаетъ:

— Туда идите. Въ ту дверь и направо.

Я робко озираюсь. Большой домъ—нежилой, заколоченный. Но въ маленькомъ флигелѣ направо висятъ занавѣски. Я заношу ногу за порогъ крыльца и тихо стучу въ дверь.

— Войдите. Кто это?

Отворяю дверь и говорю:

— Это—я.

Напротивъ диванъ, и на диванѣ лежитъ Столѣтовъ. Онъ прикрытъ плэдомъ, и возлѣ него на стулѣ—чай, темный, какъ пиво, и груда книгъ. Книгъ и въ комнатѣ очень много—онѣ на полкахъ, на столахъ, на стульяхъ.

Столѣтовъ пораженъ. Онъ приподымается.

— Вы?... Какъ же вы попали?

— Меня проводилъ мальчикъ, что́ письмо принесъ. И вотъ цвѣты изъ «долины»...

И я кладу цвѣты на столъ. Столѣтовъ уже оправился отъ своего изумленія. Онъ оживился, улыбается и говоритъ:

— Ну, садитесь же, дорогая маленькая гостья. За цвѣты—низко кланяюсь. Вы меня простите за видъ—я небритый и въ комнатѣ не убрано.

— Дмитрій Дмитріевичъ, я столько думала о васъ... и я такъ боялась, что вы забыли меня...

— Ну, нѣтъ. Я васъ не забуду. Даже если не нѣсколько дней, а годы встанутъ между нами. Я не забуду дѣвушку, принесшую цвѣты въ темную комнату. Мнѣ дѣлается хорошо. Я отдыхаю отъ пережитыхъ волненій.

Смотрѣть на него—уже большое счастье.

— Почему вы осунулись, Дмитрій Дмитріевичъ?..

— Меланхолія. И, знаете,—даже теперь меня въ покоѣ не оставляютъ. Братъ мучаетъ письмами... Тошно.

— Дмитрій Дмитріевичъ... но вѣдь вы же настолько лучше ихъ—всѣхъ остальныхъ... вѣдь между вами и братомъ—пропасть. Онъ—плохой человѣкъ...

Онъ задумчиво разглядываетъ меня.

— Что это, и вы какъ будто измѣнились чуть-чуть?... Лицо блѣднѣе стало и строже...

— Я нѣсколько разъ плакала за это время... и плохо спала.

— Вотъ какъ?.. Чего же это?..

— Я боялась, что не увижу васъ больше.

Я отвѣчаю, не задумываясь, но послѣ этихъ словъ мнѣ

хочется бѣжать. Я встаю, но его рука удерживаетъ меня, насильно усаживаетъ обратно. И потомъ онъ ласково и бережно гладитъ мои руки.

— Чѣмъ же я заслужилъ?... Дѣточка, и это правда, вы—думаете обо мнѣ?..

Я долго не подымаю глазъ. Но потомъ какая-то сила заставляетъ меня посмотрѣть ему въ глаза. Мы встрѣчаемся взглядами, это продолжается нѣсколько мгновеній—и я чувствую какъ будто толчокъ. Какая-то дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе дорогого, чѣмъ эти два голубые глаза и весь этотъ человѣкъ. Теперь онъ держитъ мои руки, и мнѣ кажется, что мы соединены крѣпко-крѣпко.

Онъ, не переставая гладить мои руки, задумался. Глаза смотрятъ черезъ окно—далеко, и весь онъ какъ бы отсутствуетъ. Я дѣлаю движеніе, и онъ возвращается ко мнѣ.

— За что это судьба послала мнѣ такое богатство?..—улыбается онъ.—Вѣдь вы мнѣ другъ, Елизавета Ѳедоровна?

— Другъ,—говорю я тихо и торжественно, и въ это слово я вкладываю все, на что̀ способно мое нежившее еще сердце. Онъ нагибается и цѣлуетъ мои руки. Мнѣ хочется ихъ вырвать, это такая большая, незаслуженная честь для меня. Но мои усилія слабѣютъ.

Вотъ я иду домой, но я не замѣчаю ничего вокругъ, меня точно несетъ какая-то могучая сила, а мысли мои—тамъ, въ полутемной комнатѣ, съ нимъ. Точно райская птица звонко поетъ въ моей груди. Иногда я останавливаюсь и прислушиваюсь: къ чему?..

Вечерній вѣтеръ нѣжно льнетъ къ щекамъ — онѣ такія разгоряченныя. Зачѣмъ люди говорятъ, что счастья нѣтъ? Какъ нѣтъ—когда я чувствую его всѣмъ своимъ существомъ?.. А вотъ эти руки—онъ цѣловалъ ихъ много разъ. Я долго смотрю на нихъ, и потомъ тихо касаюсь губами того же мѣста. Вѣдь все было какъ въ золотомъ, сказочномъ снѣ. Темнѣло, и въ углахъ прятались лиловыя тѣни. Мы держались за-руки и говорили шепотомъ. Я разсказывала мои грезы, мои любимыя сказки... Сказку про двухъ принцессъ, которыхъ феи надѣлили дарами: при приближеніи одной—звонко заливались птицы; когда проходила другая—одуряюще благоухали цвѣты; про царевича, ушедшаго искать себѣ невѣсту и обвѣнчавшагося съ прекрасною женщиною—смертью. И еще много другихъ. Онъ слушалъ и ласково-ласково улыбался; онъ говорилъ, что такъ безоблачна

давно не была его душа; что одна мысль о моемъ существованіи будетъ сообщать ему радость; что я вдохновляю его, и онъ дѣлается поэтомъ. Онъ говорилъ, что въ моихъ глазахъ и лицѣ есть что-то несовременное—точно отблескъ далеко-ушедшихъ временъ—не была ли я средневѣковой châtelaine, медленно двигающейся въ тяжелой парчѣ платья, съ жемчужной ниткой на золотѣ волосъ? Тогда мы были близки другъ другу—это потому наши души узнали одна другую, когда мы встрѣтились теперь—узнали и встрепенулись. Я была дамой изъ башни, а онъ—пѣвцомъ, странствовавшимъ изъ замка въ замокъ съ лютней въ рукахъ, вдохновлявшимъ своими пѣснями рыцарей—на бой, дамъ—на любовь! И ночью, благоухающей и знойной, онъ извлекалъ изъ своей лютни самые нѣжные и глубокіе звуки для меня, внимавшей ему изъ окна наверху...

И мнѣ казалось, что носятъ меня волны, такія ласковыя, и берега нѣтъ—но я счастлива этой безбрежностью. И скоро все внѣшнее—исчезло, стерлось, и я видѣла только дорогое лицо на бѣломъ пятнѣ подушки, слышала только единственный, дорогой голосъ.

———

Сегодня утромъ мама зоветъ меня. Я иду за нею въ ея спальню и удивленно смотрю, какъ она закрываетъ за нами двери.

— Лиза, я вчера ушамъ своимъ не вѣрила. Ты ходишь къ этому сумасшедшему Столѣтову?... Что это—неужели это правда?

Я плохо спала эту ночь. У меня тяжелая голова и вспухшія вѣки. Но слова мамы, какъ молнія душный день, прорѣзаютъ мой мозгъ.

— Да. Я была у него вчера.

Мама въ изнеможеніи опускается на стулъ.

— Ну, скажи ты мнѣ: ну, что это за знакомство? Гдѣ ты съ нимъ познакомилась? Отвѣчай.

— Мы встрѣтились въ лѣсу... и потомъ гуляли.

Мнѣ страшно тяжело говорить мамѣ объ этомъ.

— Господи! Давно это? Да говори, чего ты молчишь? Ты давно къ нему ходишь? Сумасбродная дѣвчонка!..

— Я не хожу, а была лишь разъ—вчера, — отвѣчаю я дрожащимъ отъ оскорбленія голосомъ. — Пошла, потому что онъ боленъ. И если нужно будетъ—пойду еще.

Мама внѣ себя. Она начинаетъ кричать.

— Нѣтъ, ты не пойдешь, не посмѣешь, я запрещаю

тебѣ... Я отправлю тебя отсюда, понимаешь?.. Господи, мало у меня безъ этого заботъ?! За что это?..

Она вся дрожитъ и побагровѣла отъ крика. Чѣмъ больше мама волнуется, тѣмъ я дѣлаюсь спокойнѣе. Теперь я вся собралась, какъ въ комочекъ, чтобы дать отпоръ.

— Я не понимаю, почему ты такъ раздражена, мама? Подумай—что̀ тутъ такого ужаснаго, что я встрѣчаюсь съ человѣкомъ, который мнѣ нравится, навѣщаю его?..

Мама вскипаетъ.

— Нравится?.. Да ты знаешь ли, что такое Столѣтовъ?.. Дурачекъ, котораго всѣ надуваютъ... отъ него жена ушла... развратникъ, онъ живетъ со своей экономкой, это всѣ знаютъ... бездѣльникъ, который уже совсѣмъ разорился...

Я закрываю лицо руками. Мама точно бьетъ меня по лицу, и я защищаюсь.

— И ты ему, думаешь, очень нужна? Просто забавляется. Я думаю—это интереснѣе, чѣмъ экономка...

Тутъ мама спохватывается, что̀ говорить лишнее. Она понижаетъ голосъ и уже спокойнѣе говоритъ:

— Я запрещаю тебѣ видѣться съ нимъ. Довольно съ меня и этого. Одинъ Богъ знаетъ, что̀ это за стыдъ былъ, когда эта женщина мнѣ разсказывала про ваше свиданіе и со всѣми подробностями. Я ушамъ своимъ не вѣрила. Да отыми же руки отъ лица...

Съ пылающими отъ обиды и гнѣва щеками я встаю и иду къ двери. Мама преграждаетъ мнѣ дорогу.

— Если ты, Лиза, думаешь, что я позволю тебѣ пойти туда, къ нему—ты ошибаешься. Вѣрь мнѣ, старому и опытному человѣку. Это ничего не принесетъ тебѣ, кромѣ горя.

— Мама, ты меня слишкомъ оскорбила, чтобы я могла спокойно говорить теперь съ тобой. Но вотъ что̀ я хочу сказать: тебѣ не удастся ничего сдѣлать. Я люблю Столѣтова, и никакая клевета, никакіе крики тебѣ не помогутъ. Онъ останется для меня такъ же недосягаемо-высокъ, какъ и раньше. И увижу я его во что бы то ни стало...

Отъ моего увѣреннаго тона мама приходитъ въ изступленіе. Нѣсколько мгновеній она не можетъ ни двинуться съ мѣста, ни произнести звука. Потомъ она раскрываетъ двери, стремительно выбѣгаетъ изъ комнаты, и я слышу, какъ она яростно кричитъ:

— Михайла, лошадей, живо!

Мама ѣдетъ къ Столѣтову. Она будетъ оскорблять его и говорить ему, больному, тяжелыя, обидныя слова. Но мнѣ кажется, что достаточно посмотрѣть въ его ясные глаза—и слова оскорбленія замрутъ. И пока мама одѣвается, чтобы ѣхать, я пишу ему письмо.

«Я многое перенесла только-что, и ваши слова о болотѣ, которое хочетъ засосать—мнѣ стали вдругъ понятны. Но, можетъ быть, это къ лучшему, потому что стало мнѣ ясно то, что было не сознано раньше. Я знаю теперь, что значите для меня вы. Только-что я, не задумываясь, выбрала между мамой и вами. Потому что безъ васъ нѣтъ радости, нѣтъ смысла, нѣтъ жизни. Можетъ быть, я не рѣшилась бы написать вамъ это—но виновата мама, это она довела меня до такого состоянія. Не оскорбляйтесь ея словами, развѣ она можетъ понять васъ. Я вижу, что она чужая мнѣ. Мнѣ чужіе всѣ, кто не любитъ васъ! вы такъ часто говорите, что одиноки и несчастны. Я знаю, что я не въ силахъ сдѣлать васъ счастливѣе, но, если всего моего существованія хватитъ, чтобы дать вамъ хоть немного, хоть каплю радости и покоя—я не хочу большаго. Дмитрій Дмитріевичъ, милый, милый, какъ это случилось, что все — люди, книги, мои мечты, все то, что̀ занимало раньше — отошло, поблѣднѣло, растаяло, и есть только вы—во всемъ, вездѣ»...

Я перечитываю письмо и прихожу въ отчаяніе — такимъ блѣднымъ, незначительнымъ кажется мнѣ оно. Но я не напишу теперь лучше — можетъ быть, онъ пойметъ то, что̀ за словами.

Письмо бѣлѣетъ квадратикомъ на столѣ. Я сижу на своей кровати, обхвативъ руками колѣна. Сквозь открытое окно я вижу, какъ отъ сильнаго вѣтра колеблются, гнутся липы напротивъ у забора. Порою срывается и летитъ листокъ, вѣтеръ относитъ его далеко. Вотъ пришла, мягко ступая босыми ногами, Ольга. Она побрякиваетъ пустыми ведрами и поетъ—«Пускай могила меня зароетъ»... Собака Кудликъ лѣниво поднимается и идетъ за нею, виляя хвостомъ. Въ листьяхъ уже много желтизны, и трава выгорѣла, она какъ выцвѣтшая отъ старости. Лѣту скоро конецъ. Всѣ уѣдутъ отсюда, и мама, и Катя, и прислуга. А я не ѣду. Я не могу. Я не хочу жить далеко отъ Столѣтова.

Я такъ устала. Я разбита совсѣмъ. Я застываю въ какомъ-то забытьѣ. Тяжелая голова никнетъ, и хоть я и вижу, какъ дрожитъ липа, и слышу звуки жизни кругомъ,—я впа-

даю въ какое-то смутное, полудремотное состояніе. Грезится, вспоминается. Встаютъ всѣ бывшія встрѣчи, я все переживаю снова, но иначе, глубже—все получило новый глубокій смыслъ, освѣщено этимъ новымъ словомъ: люблю. Вотъ моя тоска о любви,—сны о ней; вотъ долгія одинокія прогулки; вотъ долина, залитая солнцемъ, и онъ—впервые; вотъ первыя слова и растущая близость, упорныя мысли о немъ, тоска безъ него—и щемящая грусть; вотъ полутемная комната и онъ на диванѣ, больной...

Это все было. А что будетъ — я не могу и думать. Но безъ него развѣ можно? Скоро опустѣетъ здѣсь все, замолчитъ дворъ, заколотятъ домъ. Если бы остаться здѣсь, одной! Каждое утро вставать съ мыслью: «я увижу его сегодня». Готовиться и ждать его, жить имъ, говорить и молчать съ нимъ. А въ дни, когда холодный дождь будетъ немолчно падать изъ густыхъ, темныхъ облаковъ, когда вѣтеръ будетъ разносить въ клочки желтый коверъ листьевъ на землѣ, когда природа заплачетъ, прощаясь съ лѣтомъ—сидѣть рядомъ съ нимъ, близко-близко, чувствовать его руку на своей, знать, что онъ дышитъ возлѣ, Боже мой, Боже мой... Сплю я или грежу? Голова опускается непреодолимо. Толчекъ — я подымаю ее, силюсь побороть это дремотное состояніе. Неужели я такъ устала? Мысли путаются—вотъ заволокла ихъ густая пелена...

Открываю глаза. Мама стоитъ надо мною и будитъ меня «Лиза! Лиза!» И потомъ, когда я совсѣмъ очнулась—она протягиваетъ мнѣ письмо.

— Вотъ читай. Это тебѣ. Я привезла.

Читать при мамѣ я не буду. Я схватываю письмо и бѣгу; за калиткой на зеленомъ склонѣ дороги я останавливаюсь и, прислонившись къ дереву, читаю.

«Елизавета Ѳедоровна. Очень тяжело мнѣ писать вамъ теперь, такъ тяжело, что слова не идутъ съ пера.

«Виноватъ я, безконечно виноватъ. Не подумалъ я о васъ, занятый собою. Ваша мать сказала мнѣ только-что, что вы мучитесь, страдаете. Вы сознались ей, что любите меня. Любите—это громадное слово. Я знаю, что вы умѣете любить; помните—я сказалъ вамъ объ этомъ какъ-то вначалѣ. Но я не зналъ, что на мои руки выльется содержимое этого прекраснаго сосуда — вашей души. Могъ ли я подумать, что на мнѣ, старомъ, отжившемъ человѣкѣ, остановитесь вы? Вы, ребенокъ... Но постарайтесь понять меня.

«Мало того, что я не молодъ. Я старъ, хотя мнѣ и 38 лѣтъ. Я ужасающе старъ. Я изжилъ себя, во мнѣ ничего живого нѣтъ. Вѣдь вы не имѣете представленія о томъ, что́ я видѣлъ, что́ я пережилъ. Я теперь — обломокъ, кусокъ человѣка, когда-то жившаго. Знаете, есть червяки такіе, ихъ разрубить—половинки судорожно дергаются, даютъ иллюзію жизни. Вотъ и я то же самое. Все, что́ осталось, ушло въ фантазію. Ею я живу.

«И вотъ, когда я увидѣлъ васъ, мнѣ не пришлось что-либо мѣнять. Вы были какъ принцесса изъ моего королевства, и наяву я жилъ во снѣ. Но безумiемъ было бы требовать, чтобы вы, еще не жившая,—удовольствовались моимъ королевствомъ, или чтобы я, изжившій себя, — снова ринулся въ жизнь. Союзъ, о которомъ мечтается мнѣ, такой: вы можете быть очень далеко, и все же, иногда, независимо ни отъ времени, ни отъ пространства—являться мнѣ. Вы будете со мною, но для этого вамъ не нужно открыть дверь моей комнаты, сѣсть за моимъ столомъ.

«Я знаю: то, что́ я говорю, причинитъ вамъ боль; я знаю, что теперь вы не можете понять этого. Вамъ хочется всегда быть возлѣ меня, вы будете считать себя несчастной, не видя меня. Я знаю. Какъ это могло бы быть? Взять васъ къ себѣ, жить съ вами, сдѣлать васъ своей женой? Прежде всего, я женатъ. Но это не то. А главное, что нужно для этого столько бороться съ обстоятельствами, а я не могу. Я усталъ. Для меня это все—ужь было, это все ужь позади.

«Вѣдь вы—для меня недосягаемая принцесса Греза. Я останусь здѣсь одинъ, но со мной бѣлоснѣжный образъ, неуловимый, но близкій. Вы окрасите мою жизнь перламутромъ сказки, чистой, дѣтской, бывшей... Буду всегда помнить васъ, принесшую мнѣ на дѣтски-сложенныхъ рукахъ нежившее еще сердце.

«Но зачѣмъ же я, какъ бы предчувствуя это, встрѣчался съ вами? Зачѣмъ тогда въ сумеркахъ вслухъ грезилъ о золотой жизни—съ вами? Зачѣмъ цѣловалъ ваши руки? Одинъ только отвѣтъ: я очень слабый человѣкъ, ничего геройскаго нѣтъ во мнѣ. Но, когда вы ушли отъ меня,—я ясно созналъ опасность этого и понялъ, насколько прекраснѣе будетъ наша встрѣча, если сказка не станетъ жизнью.

«Простите меня. Я не хотѣлъ причинять вамъ зла, и все же чувствую себя глубоко виноватымъ. Простите, знайте, что вы—самое свѣтлое и чистое изъ всего, что́ видѣлъ я въ жизни. Прощайте».

Я прочла письмо и упала на землю. Помню, что страшно царапала щеку острая вѣтка, но я не могла двинуться, пошевелить рукою. Было какое-то состояніе безъ чувствъ и безъ мыслей. Сколько продолжалось одеревенѣніе—не знаю. Потомъ—острый приступъ отчаянія и какъ молотомъ било: значитъ—кончено. Я не увижу его больше. Никто не можетъ мнѣ помочь.

Потомъ я встала и пошла. Бродила долго, до наступленія ночи. Не помню, какъ очутилась дома, у себя въ постели. И тутъ только стала плакать. Я плакала тихо, сдавливая плечи, закусивъ зубами подушку. «Это все можно понять, что онъ написалъ, и это очень красиво. Но мнѣ-то, мнѣ что дѣлать? Когда я не могу безъ него? Когда мнѣ нужно его? Жизни впереди—точно нѣтъ, только провалъ, темный, зіяющій. Неужели будетъ завтра? У него нѣтъ силъ, но почему же онъ не подумалъ обо мнѣ? Почему для меня не пошелъ на страданіе?» Злоба подымается, но сейчасъ же тухнетъ. «Нѣтъ, здѣсь безсиліе. Онъ не виноватъ». И снова приступъ горя, остраго, непереносимаго.

Кто-то тихо держитъ меня за плечи, гладитъ волосы. Открываю опухшіе глаза и вижу Катю. Она въ ночной рубашкѣ и босая, сидитъ на моей постели. На столѣ свѣча и стаканъ воды. И отъ свѣчи скачутъ и колеблются тѣни на стѣнѣ.

— Дѣвочка моя бѣдная. Дѣточка бѣдненькая...

Марія Поллякъ.

* * *

День сегодня ярокъ, звученъ,
Солнце ткетъ за нитью нить;
Злымъ туманомъ я наученъ
Блескъ полуденный любить.

День сегодня звученъ, ярокъ,
Въ немъ тоски и боли нѣтъ;
Принимаю, какъ подарокъ,
Лучезарный, знойный свѣтъ.

День сегодня звонко блещетъ,
Даль привольно-хороша,
И восторженно трепещетъ
Полной радостью душа.

Юрій Зубовскій.

ЗАЧѢМЪ?

I.

Ея колясочка теперь пуста. И комната, гдѣ стоитъ она, тоже пуста и на меня наводитъ уныніе и страхъ. А розовая вязаная шапочка, въ которой она была такъ смѣшна и такъ веселила насъ недавно,—мнѣ кажется, еще вчера, еще сегодня утромъ,—всегда со мной, въ боковомъ карманѣ. Я берегу ее, какъ реликвію. Когда нащупываю ее рукой, мнѣ представляется, что я весь, всѣмъ лицомъ своей души, обернулся къ прошлому, что я по-прежнему, нѣмой отъ любви, стою надъ маленькой коляской и смотрю, долго смотрю на крохотное бѣлое личико и тоненькія розовыя губы.

Я зналъ, что это будетъ нервный ребенокъ. Но я не понималъ, я не догадывался, что въ уголкахъ дѣтскихъ губокъ—отраженія цѣлаго міра, что ими можно выразить столько довольства, столько спокойствія и столько муки. Когда поднимались уголки ея губъ и ротикъ раскрывался въ блуждающую улыбку, я думалъ, что грусть и мракъ скрылись отъ насъ навѣки и солнце озарило всѣ красоты міра. Еще не опускались уголки ея губъ, а я уже зналъ, что она сейчасъ заплачетъ, что ей не по себѣ, что она чувствуетъ себя нехорошо. И мнѣ было жалко ее тогда до слезъ.

Всю кровь моего сердца я перелилъ бы, не задумываясь, въ эти тоненькія жилки, отдалъ бы всего себя безъ остатка, отказался бы отъ счастья, любви, славы и безсмертія, если оно есть, лишь бы она не страдала. Я терялся, я былъ безпомощенъ и ненуженъ и жалокъ въ собственныхъ глазахъ, когда она своимъ тоненькимъ дѣтскимъ крикомъ выражала боль, а я, взрослый, умѣлый, умный, какъ говорили обо мнѣ товарищи и сослуживцы, я былъ ей менѣе полезенъ, чѣмъ любой предметъ въ

ея маленькой комнатѣ: деревянный табуретъ, на которомъ сидѣла у ея колясочки няня, корытце для купанья, пеленка. Да, пеленка! Потому что даже и эта ветошка окутывала и согрѣвала ребенка, нѣжила его... Хотѣлъ сказать—трупикъ, но какое это ужасное слово!—его маленькое тѣльце. А я со своими большими, грубыми, тяжелыми руками, вѣроятно, казался всѣмъ, да и дѣйствительно былъ помѣхой, баяластомъ, который для пользы дѣла надо выбросить за бортъ.

II.

Матери, должно быть, легче. Она заливается слезами, а слезы, говорятъ, облегчаютъ. Мои слезы осѣли камнемъ въ груди, и мнѣ дышать нечѣмъ. Иногда мнѣ хочется по-звѣриному заревѣть отъ нестерпимой боли и ужаса передъ случившимся, и кажется, что въ этотъ дикій крикъ тотчасъ же вольется и вопль моего безумія, и наступитъ тяжелая кошмарная ночь, ночь безъ разсвѣта и пробужденія.

Но это моей ноши не облегчитъ. За одной ненужной жертвой безсмысленныхъ законовъ жизни пойдетъ другая, и только. Въ природѣ не будетъ никакой перестановки, никакого, даже и самаго незамѣтнаго, слѣда и измѣненія...

Впрочемъ, все это вздоръ! Зачѣмъ падать горамъ и колебаться стихіямъ? Какая я жертва! Развѣ я умру только тогда, когда мой високъ почувствуетъ холодное дуло и пуля застрянетъ въ мозгу? Развѣ я не умеръ уже давно? Развѣ память обо мнѣ не погибла даже въ самыхъ близкихъ мнѣ людяхъ? Тотъ «я», тотъ быстроглазый ребенокъ, для котораго любой жукъ, воробей, теленокъ въ полѣ, конь на выпасѣ были привлекательнѣе не только книгъ, но и лакомствъ; тотъ стройный гимназистъ, который ходилъ въ классъ, хваталъ двойки, выходилъ тайкомъ, когда всѣ спали, на свиданіе къ горничной за калитку; тотъ молодой техникъ, который вѣрилъ въ идеалы, готовъ былъ умереть за идею, искалъ, полный дерзаній и огня, подвиговъ,—развѣ они живы сейчасъ? Развѣ я, холодный и иронизирующій скептикъ, не прячу въ себѣ, какъ въ какомъ-то египетскомъ гробѣ, ихъ трупы? Недаромъ мнѣ иногда кажется, что теперешній «я» для тѣхъ уже несуществующихъ, уже погибшихъ, испепелившихся его образовъ не больше, какъ смертная рубаха моряковъ, которую они впопыхахъ набрасываютъ на себя въ самый крайній моментъ,—когда корабль сломанъ и потухаетъ послѣдній огонекъ надежды...

И все это не то. Какая ужасная неправда, всѣ эти навѣянныя на меня толстовскія бредни о постоянномъ умираніи человѣка! Вѣдь, если такъ, то и моя дѣвочка умирала бы безсчетно: съ первымъ лучемъ сознанія, съ первымъ осмысленнымъ движеніемъ и словомъ, научившись читать, поступивши въ школу, вышедши замужъ, ставъ матерью. И, значитъ, теперь ея смерть не такъ ужъ безсмысленна и не такая уже нелѣпая жертва, какъ думаю сейчасъ я.

Для меня это сейчасъ острѣе всѣхъ проклятыхъ вопросовъ жизни и смерти, ужасная, страшная задача, съ которой я не могу справиться, которая сбиваетъ меня съ толку и доводитъ до головокруженія. А между тѣмъ... я увѣренъ, что все это старо, какъ міръ, что все это кѣмъ-то и когда-то выстрадано, а отсюда, можетъ быть, и рѣшено.

Но какъ рѣшено,—я не знаю...

III.

Все старо, все избито, это вѣрно. Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. И все, что я говорю, что говорятъ другіе, все, что пишется и ложится подъ станокъ печатной машины, все это и говорилось, и писалось, и печаталось.

Ну, а все-таки есть же еще что-то новое въ словѣ человѣка,—не повторяемое и своеобычное, не такое мертвое, скучное и нудное, какъ банальности рѣчей и книгъ. Можетъ быть, это—безыскусственная, то-есть, какъ Богъ на душу положилъ, передача человѣкомъ своего горя, простой, безхитростный разсказъ о самыхъ сокровенныхъ и мучительныхъ испытаніяхъ души. Это одно, и кажется, что теперь уже дѣйствительно только одно еще можетъ примирить съ тѣмъ словеснымъ грузомъ, отъ котораго, припоминаю, такъ претило мнѣ, дѣлалось такъ скверно и такъ обидно и за себя и за говорящаго. Потому-то въ послѣдніе годы я отбился отъ книгъ и совершенно не знаю, о чемъ теперь пишутъ и кто властители сердецъ и думъ. Потому-то, вотъ уже третій день, я пишу эту не то исповѣдь, не то—письмо, которое должно оправдать меня передъ однимъ человѣкомъ: моей женой.

Теперь, я знаю, она не поймetъ меня. Ея слабыя, непривычныя плечи согнутся подъ непосильной двойной ношей. Но если у тяжелаго горя только одинъ врачъ—время, то наступитъ пора, когда я буду оправданъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не могу умереть естественной смертью въ какія-нибудь двѣ-три минуты, какъ умеръ, тому нѣтъ и полугода назадъ, лучшій изъ моихъ сослуживцевъ, контролеръ Задоновъ? Кто могъ подумать, что его, жизнерадостнаго остряка, бодраго коренастаго крѣпыша, смерть свалитъ въ одну минуту, когда онъ стоялъ у вѣшалки и снималъ пальто, чтобы идти въ гости.

Испортился механизмъ, лопнула въ сердцѣ жалкая невидная пружинка, и нѣтъ тебя, и ничего нѣтъ, и съ тобой умираетъ все, потому что все—ты и во всемъ ты, и безъ тебя міръ пустой фантомъ. Живите живущіе, пируйте пирующіе, лейте слезы плачущіе. Ни ваша сутолока, ни ваши радостные клики, ни ваши вопли, ничто, ничто не коснется остановившагося сердца. Оно мертво.

Но смерть ребенка—это ужаснѣе всего, страшнѣе всѣхъ катастрофъ, войнъ и эпидемій. Она безсмысленна. Она ненормальна и противоестественна. Она лишена всякой логики. И когда я вспоминаю, что варвары-побѣдители убиваютъ грудныхъ дѣтей, что пресловутый спартанскій законодатель Ликургъ разрѣшилъ и чуть ли не вмѣнилъ въ обязанность умерщвлять хилыхъ малютокъ, что дикари, китайцы съ ихъ вѣковой культурой и даже индусы бьютъ, какъ скотъ, какъ птицу, какъ котятъ, родившихся дѣвочекъ, — у меня болитъ мозгъ, путаются мысли и жизнь кажется мнѣ отвратительной и кошмарной.

— У дѣтей,—сказалъ мнѣ одинъ изъ посѣщавшихъ насъ врачей,—есть воля къ жизни, тяготѣніе къ ней. Они цѣпко хватаются за каждый ея ростокъ.

Это уже законъ, это уже естественное право, принципъ бытія, думалъ я, и вѣрилъ. Я, реалистъ, становился мистикомъ и допускалъ для себя, для моей семьи и дома то, что́ отрицалъ бы для всѣхъ и каждаго. Я тоже, какъ ребенокъ, готовъ былъ ухватиться даже за химеру, за крылья бабочки.

Другой врачъ способствовалъ этому еще больше. Онъ окрылилъ мою надежду и объяснилъ, что мой страхъ напрасенъ. Онъ заявилъ, я бы сказалъ—онъ провѣщалъ:

— И для того, что хочетъ ребенокъ, и для того, чего онъ не хочетъ, у него одно: крикъ.

IV.

И какъ же они обманулись, и какъ обманули меня! Моему ребенку, моей бѣдной крошкѣ было три мѣсяца и пять дней, когда врачи такъ безбожно солгали.

Она уже поднимала головку, смотрѣла темными осмысленными глазками, кажется, узнавала меня и мать, развлекалась звономъ погремушки, потягивалась, когда ее распеленывали, какъ взрослый, сжимая кулачки крохотныхъ ручекъ. Иногда она улыбалась мнѣ во весь свой беззубый ротикъ и, словно бы заигрывая, отворачивала свое личико, и я готовъ былъ плакать отъ наплывающаго счастья, схватить ее на руки и унести, и не взялъ бы за одну эту улыбку милліоновъ, такъ дорога была она мнѣ.

Первый мѣсяцъ она кричала, какъ кричатъ, говорили мнѣ, каждый ребенокъ. По увѣренію докторовъ, это даже было необходимо: это развивало ея дѣтскія легкія. Но когда я понялъ, что этотъ крикъ—плачъ, что она плачетъ отъ боли и несомнѣнныхъ мученій, когда я увидѣлъ, что на ея глазки навертываются слезы, настоящія человѣческія слезы, я лишился самообладанія. И все, вся жизнь, все, что̀ есть лучшаго и священнѣйшаго въ ней, показалось мнѣ нулемъ, сущимъ пустякомъ передъ одною этой дѣтскою слезинкой...

Когда-то, въ дни тяжелыхъ испытаній, я говорилъ, что выйду на страшный судъ съ книгою Іова въ рукахъ и меня не посмѣютъ осудить, меня оправдаютъ за все, что̀ я сдѣлалъ, замышлялъ и хотѣлъ, за все, что сдѣлали мои пращуры. А теперь я выйду съ одной слезинкой невиннаго ребенка и знаю, какъ фанатикъ увѣренъ, что мнѣ всѣ уступятъ дорогу и я не буду судимъ, а буду судить я самъ.

Да, я буду судить, и какъ строго я буду судить, потому что въ мірѣ, во всей природѣ, во всей вселенной даже, нѣтъ ничего болѣе дикаго, болѣе безсмысленнаго и возмутительнаго, какъ мученія невинныхъ существъ, страданія дѣтей!

Я знаю, что умерли Будда, Соломонъ и Сократъ, Шекспиръ и Пушкинъ. Я читалъ о неслыханныхъ пораженіяхъ, о страшныхъ моровыхъ язвахъ, землетрясеніяхъ и кораблекрушеніяхъ, о войнахъ, уносившихъ милліоны жизней, и все это, задѣвая мои чувства,—я долженъ сознаться, я не боюсь сознаться,—не трогало меня такъ, какъ я самъ могъ бы этого ожидать, не лишало аппетита и сна, не сбивало съ усвоенныхъ привычекъ. Не могу сказать, чтобы это безслѣдно скользило по моему сознанію, не останавливало его на себѣ. Никто не упрекалъ меня, что я эгоистъ, глухъ къ людскому горю, черствъ сердцемъ, сухъ.

Я хорошо понимаю, что смерть каждой единицы этихъ погибшихъ милліоновъ стоила такихъ страданій близкой и любя-

щей душѣ, передъ которыми ничто всѣ пріобрѣтенія и всѣ завоеванія. Больше. Я нахожу, что даже старая, едва волочившая ноги собака Улисса, дождавшаяся своего хозяина, была счастливѣе всѣхъ и каждаго изъ тѣхъ несчастныхъ существъ, которыя не дождались своихъ отцовъ, супруговъ, любовниковъ и братьевъ.

Но смерти дѣтей я не понимаю. Въ моемъ мозгу не умѣщается представленіе объ этомъ. Оно родитъ въ немъ ужасъ и безуміе. А можетъ быть,—хаосъ безвѣрія. Вѣдь дѣти насъ продолжаютъ и только въ нихъ пока наше безсмертіе...

Сегодня я долго блуждалъ по городу. Улицы темны. Вѣроятно, уже поздно. Я не знаю, который часъ и давно ли я брожу. Не могу судить даже по тому, насколько я усталъ: я давно усталъ, еще съ начала ея болѣзни, или, вѣрнѣе, съ тѣхъ поръ, когда смутно почувствовалъ, что возврата нѣтъ, нѣтъ спасенія, нѣтъ никакой надежды.

Я усталъ безумно, и по-временамъ мнѣ кажется, что это не я брожу тутъ безъ цѣли и безъ смысла по этимъ улицамъ, а кто-то другой, влекущій меня помимо моей воли, не спрашивая моего согласія, не ожидая моего рѣшенія. Кто-то другой распоряжается всѣми моими мыслями, диктуетъ поступки, направляетъ дѣйствія, зная лишь самъ про себя, къ чему это приведетъ. Я только подчинился ему сразу. Я затихъ, замеръ. Во мнѣ нѣтъ ничего своего, ни одного желанія, никакой цѣли, ничего.

V.

Вечеретъ. Но улица еще не пустынна. Я сижу у открытаго окна, усталый, разбитый; сижу и думаю крѣпкую думу. Помнится, у какого-то поэта,—въ моей головѣ перепуталось все, что я зналъ когда-то,—сказано: молчу, а дума лютая покою не даетъ. Она засѣла въ мозгу и ее не вышибешь оттуда ничѣмъ.

Я искалъ забвенія нѣсколько сутокъ. Искалъ собутыльниковъ, ходилъ къ пріятелямъ, къ сослуживцамъ, у которыхъ никогда не былъ и которыхъ никогда хорошо не зналъ. Ходилъ къ какимъ-то мнѣ совершенно постороннимъ, чуждымъ, не понимавшимъ меня людямъ. И убѣждался съ каждымъ разомъ, съ каждой новой встрѣчей, что нѣтъ души, не обремененной своей тяжестью, что мозгъ, свободный отъ основной сверлящей идеи, если и существуетъ, то развѣ лишь у кретина. У каждаго своя

забота, у каждаго своя дума и, что̀ хуже всего, у каждаго свое одиночество, тотъ непереступаемый никѣмъ кругъ, въ которомъ, какъ только-что пойманная птица въ клѣткѣ, бьется одинокая человѣческая душа...

Осенній воздухъ тихъ и прохладенъ. Груди, должно быть, дышется легко. А голова моя горяча и тяжела. И мнѣ кажется, что дышать нечѣмъ, что вотъ-вотъ я задохнусь, упаду и стану хрипѣть. И меня уберутъ прочь, выволокутъ изъ этой комнаты, гдѣ мнѣ ужъ больше не мѣсто, какъ разбитый мѣшающій предметъ, какъ падаль. А ихъ еще не уберутъ, этихъ прохожихъ. Они заразительно хохочутъ, потому что полны силъ. И эту старушку не уберутъ. Она почему-то прошла и снова вернулась и подошла къ окну. У нея постное и удивительно безцвѣтное лицо, которое потому, надо полагать, и кажется мнѣ такимъ знакомымъ. Чего ей надо? Зачѣмъ она такъ странно глядитъ мнѣ въ лицо и протягиваетъ руку? Словно указываетъ на что-то...

Я улавливаю на себѣ ея взглядъ, такой необычный и участливый, словно она понимаетъ мое горе. Но сейчасъ—это несносное, ненужное мнѣ участье, и я гоню его отъ себя прочь, отмахиваюсь отъ надоѣдливой мухи. Я отворачиваюсь и смотрю въ сторону и стараюсь развлечь себя наблюденіями надъ прохожими.

— Надо разсѣиваться,—это въ горѣ полезно,—сказалъ мнѣ въ пивной какой-то краснощекій и тупо, исподлобья смотрѣвшій субъектъ, который, словно бы по заказу или зароку, лилъ въ себя пиво, какъ въ воронку бочки.

Онъ тоже что-то тушилъ въ себѣ, какой-то давно запылавшій пожаръ. Но какой? Кто знаетъ!..

Вотъ идетъ, не спѣша идетъ, вѣроятно, безъ цѣли парочка. Онъ и она. Онъ чуть-чуть посѣдѣвшій, она значительно моложе и много бодрѣе. Онъ идетъ вяло и, повидимому, не слушаетъ, что она говоритъ ему, и думаетъ о чемъ-то нужномъ и существенномъ, единственно важномъ. Можетъ быть, все о томъ же. Ну, конечно, о томъ,—вѣдь вотъ же она въ траурѣ, и они, угадать нетрудно, супруги. Они идутъ, какъ могильщики, уже засыпавшіе землею все, что̀ было ласкающаго, пьянящаго и красочнаго. Уже нѣтъ феи ихъ сказки, мечта обжилась на землѣ и къ ней пристала грязь. Какъ это я сразу не замѣтилъ траура?

А вотъ легко ступаетъ, даже, кажется, бѣжитъ по тротуару гимназистъ. Куда? Ясно, что на свиданіе. Не домой, не къ урокамъ же такъ летитъ онъ! Онъ блондинъ, у него вьются

кудри, и его ждетъ черноглазая, съ длинной, красивой косой Женя или Маруся. А можетъ быть, даже Лида. Навѣрное, Лида. И онъ не знаетъ, онъ, такой жизнеспособный, здоровый, полный надеждъ, такъ увѣренный въ будущемъ, стоящій передъ пышной весенней сказкой любви, дающей человѣку всѣ ласки, всю поэзію и красоту, онъ не знаетъ, онъ не въ состояніи предположить даже, какія катастрофы случаются иногда у самаго порога жизни. Онъ ничего не понимаетъ, ему нельзя понимать...

VI.

Господи! Я хочу отвязаться отъ гнетущей меня мысли, развлечься, и все о томъ же, все о томъ!

А вотъ собака. Какая пушистая и бѣлая. Какъ снѣжокъ. Я такъ и назвалъ бы ее—Снѣжкомъ. Хорошая, породистая и, вѣроятно, преумная собака. Смотритъ своими добрыми глазами въ глаза хозяину и понимаетъ все, его настроенія, почти-что мысли. За кѣмъ, однако, бѣжитъ она? Да вотъ за тѣмъ господиномъ, что́ идетъ впереди. Непремѣнно такъ. Только почему онъ не оглядывается на нее? Нѣтъ, онъ ее не любитъ!

Что такое! Она побѣжала назадъ. Гдѣ же хозяинъ? Почему онъ не дрожитъ надъ нею, не зоветъ поминутно? Вѣдь она можетъ попасть подъ экипажъ, лошадямъ подъ ноги, ее можетъ искусать другая собака. Наконецъ, онъ можетъ потерять ее, если уже не потерялъ. Потерять друга! Понимаетъ ли онъ, откормленный, дородный и, должно быть, богатый баринъ, что́ значитъ потерять привязанное, вѣрное, безкорыстно любящее существо?

Нѣтъ, у моей мысли опредѣленная корда, она спаяна въ кругъ. Ее не разомкнуть. Она возвращается къ началу, какъ бы широка ни была окружность пробѣга...

Нѣтъ пѣшеходовъ. Проѣхала коляска. Двѣ дамы, наши сосѣдки, выѣхали кататься. Осень дѣйствительно прекрасна. Она, какъ пора разставанія, поэтична и тяжела. Въ ней и счастье, и слезы...

Да я и плачу, кажется. Слеза упала мнѣ на руку. Неужели камень растворился? Но я вѣдь не думалъ о ней, о моей бѣдной дѣвочкѣ. Нѣтъ, это что-то другое.

Ахъ, да! Эта мысль дѣйствительно мелькнула. Такая красота; эти краски осени; это стоящее у того дома дерево; старушка, жалостливо смотрѣвшая мнѣ въ глаза; господинъ съ со-

бакой, у котораго есть, вѣроятно, домъ, жена, дѣти, близкіе люди,—всѣ они и все, что́ я уже видѣлъ и вижу сейчасъ и чѣмъ собираюсь, чѣмъ долженъ буду жить, если останусь влачить мою долю, все, рѣшительно все, что́ существуетъ сейчасъ, въ данный мигъ, Москва, Парижъ, Китай, Австралія, какіе-то острова, пароходы, летательныя машины, всѣ милліоны людей, каждый изъ которыхъ любитъ, молится, страдаетъ,—для нея все это умерло вмѣстѣ съ ней. Умерло, даже не вступивъ въ ея сознаніе. Ея нѣтъ и нѣтъ всего этого. Все это марево, кому-то приснившееся сновидѣніе. Она въ могилѣ. Десятый день она тамъ, въ ея темной глубинѣ, и уже разлагается. Черви, можетъ быть, копошатся на ея застывшихъ губкахъ, на ея закрытыхъ глазкахъ. Какой ужасъ!..

Ея нѣтъ и вотъ ничего нѣтъ. Одна гарь былого, одно жалкое, пустое ничто.

VII.

Жена говоритъ, будто ей передавали, что я отбился отъ службы. Возможно. Я слоняюсь по улицамъ, по которымъ ее провезли, дохожу иногда до воротъ кладбища и сразу же трусливо поворачиваю назадъ или сажусь въ пустой вагонъ конки, и ѣзжу цѣлыми часами. Здѣсь, въ провинціи, только и развлеченій. Я ловлю на себѣ испытующіе взгляды любопытныхъ, и мнѣ иногда легче. Это меня оттягиваетъ отъ моего бреда, не позволяетъ окончательно стать мономаномъ.

Когда послѣ смерти моей дѣвочки я вышелъ, какъ замученный волъ на пахоту, на службу, внизу лѣстницы я натолкнулся на свое главное начальство. Его увѣдомили о моемъ несчастьи. Онъ быстро протянулъ мнѣ руку и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Крѣпитесь,—услышалъ я его утопленный голосъ.—Горе посѣщаетъ каждаго изъ насъ.

Я промолчалъ. Сначала я не понялъ его фразы. Мнѣ показалось, что онъ даетъ мнѣ служебное порученіе, говоритъ о дѣлѣ. Но я уловилъ на себѣ печальный взглядъ нашего швейцара Никиты и понялъ, что это участье и что оно относилось ко мнѣ, и что это участье всего больше и растрогало Никиту. Припоминаю, что и его, бѣдняка, когда-то посѣтило горе. Онъ похоронилъ жену, оставившую ему двухъ мальчиковъ, ради которыхъ онъ и женился потомъ.

На службѣ избѣгаютъ со мной говорить о смерти моей дѣвочки и какъ-то опасливо сторонятся. Люди всегда чутки, когда сталкиваются съ большимъ страданіемъ. Въ этомъ они лучше, чѣмъ звѣри...

Меня поразило,—и я долго объ этомъ думалъ,—сказанное однимъ товарищемъ вскользь по поводу матеріальной необезпеченности служащихъ.

— Понятно, не хватаетъ,—заявилъ онъ.—Я живу въ одной комнатѣ и больше одного ребенка имѣть не могу: дѣти не по бюджету. Да и жена мнѣ по карману потому только, что не побоялась пойти ко мнѣ за все: и за подругу жизни, и за кухарку, и за мамку, и за няньку.

О, они понимаютъ, что̀ значитъ имѣть одного ребенка, жить имъ, молиться на него, поминутно дрожать за его жизнь! Имъ не важно, вымираетъ ли нація, если двое создаютъ только одного. Имъ важно, что семья еще цѣла, что родъ продолженъ, личность проведена въ будущее, безсмертіе завоевано, вѣтви настоящаго качаются уже гдѣ-то въ грядущемъ.

А для меня нѣтъ будущаго и нѣтъ возврата назадъ. Я смотрю на мой длинный-длинный и такой скучный и такой нелѣпый путь. Къ чему привелъ онъ меня? Что далъ онъ мнѣ? Опустошенную жизнь и рядъ натруженныхъ, никѣмъ еще не рѣшенныхъ задачъ. И за всю жизнь ни одного яркаго огонька, ни одного ароматнаго цвѣтка, кромѣ промелькнувшей тѣни надежды на какое-то счастье.

Я долженъ былъ сидѣть и вянуть и покрываться плѣсенью въ этой скучной канцеляріи, гдѣ служу и сейчасъ. Долженъ былъ приноравливаться къ разнымъ невѣждамъ и нахаламъ, старавшимся убѣдить главное начальство, что они мудры, какъ зміи, и работоспособны, какъ волы. Я долженъ былъ изо дня въ день, часъ за часомъ писать всякій вздоръ о дѣлахъ, которыя не стоили выѣденнаго яйца и которымъ завтра давали направленіе совсѣмъ противоположное сегодняшнему.

Я долженъ былъ потерять, нѣтъ, убить лучшіе, цвѣтистые годы на то, чтобы разъ въ мѣсяцъ приносить домой двѣсти рублей. Я жилъ въ душныхъ, накуренныхъ комнатахъ, ходилъ по заслоняющимъ божій свѣтъ улицамъ, ходилъ къ такимъ же, какъ я, никудышнымъ и никому ненужнымъ людямъ, чтобы имѣть право на три комнаты, два блюда, два стакана чаю, фунтъ керосину, прислугу и близкаго человѣка—жену, которой мнѣ всегда было жалко, передъ которой мнѣ всю жизнь было стыдно за то

приличное нищенство, какое одно только я, рыцарь духа, могъ завоевать ей, дамѣ моего сердца, за всѣ мои труды, лишенія, а можетъ быть и униженія...

VIII.

А между тѣмъ я любилъ просторъ, свѣтъ, солнце, природу. Я любилъ природу, какъ родную мать. Я по-прежнему, какъ и въ ребяческіе дни, могъ слѣдить цѣлыми часами за работой муравья, хлопочущаго надъ грузомъ въ десять разъ тяжелѣе его ловкаго тѣльца. Я любовался работой пчелъ, слѣдилъ за полетомъ мотылька. Галки и сороки интересовали меня больше, чѣмъ лучшая изъ книгъ, чѣмъ любимая мною «Тысяча и одна ночь». Животныя, въ особенности ихъ дѣтеныши, были ближе моему сердцу, чѣмъ всѣ произведенія искусствъ. Я не знаю скульпторовъ талантливѣе ласточекъ, актеровъ разнообразнѣе котятъ, пѣвцовъ лучше самыхъ ординарныхъ пѣвчихъ птицъ.

А рѣка, а нивы, а пасѣка въ заросшемъ саду за селомъ, змѣящаяся по горѣ тропинка. А дождь въ лѣсу! Капли дождя подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ. Онѣ падаютъ на тебя крупными, тяжелыми каплями, и думаешь, что это мать послѣ долгой разлуки встрѣчаетъ сына радостными слезами.

Что нужно человѣку кромѣ природы? Какъ мало ему нужно, и какъ многаго хочетъ и ищетъ онъ! Ничто не пепелитъ такъ сердца, какъ немолчное желаніе. Искать и не находить, желать и не достигать, какія еще танталовы муки нужны душѣ!

Наука, искусство, религія—они зачаточны тамъ, гдѣ души сильны, молоды и стойки и, какъ намъ кажется, дики, гдѣ бѣдность — несмѣтное богатство, потому что ее не замѣчаютъ. Но подите, разверните, какъ мелочный торговецъ, какъ коробейникъ культуры, передъ ними ваши бусы и яркія тряпки, заразите ихъ тоской желанія, посулите имъ журавля въ небѣ, и вы уже возложили на свой алтарь безкровную жертву, вы совершили подлое душегубство, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ, потому что дѣйствительно нѣтъ ничего гаже, какъ соблазнить одного изъ малыхъ сихъ...

Изъ чего бы я ни исходилъ, къ чему бы ни рвался, около чего бы ни кружилась моя мысль,—трупикъ ребенка всегда будетъ заслонять собою отъ меня весь міръ и всю вселенную съ ея многочисленными солнцами.

Дѣти—альфа и омега жизни. И только будучи ими, можно наслѣдовать Божье царство, т. е. всю ту мѣру и полноту бла-

женства, которое возможно и доступно человѣку на землѣ. А кто не умѣетъ стать ребенкомъ, тому нѣтъ мѣста за пиршественнымъ столомъ счастья, тотъ уже мертвъ, сколько бы ни жилъ онъ...

IX.

Итогъ подведенъ. И вотъ на дорогѣ жизни одинъ, совершенно одинъ, безъ родныхъ по крови, безъ родныхъ по духу, не приставшій къ однимъ, отставшій отъ другихъ, я стою оторопѣлый и охолодѣлый, растерянный и разбитый. Стою и не знаю, куда идти, за что ухватиться, во что вѣрить, гдѣ преклонить голову, тяжелую голову, какъ свинцомъ налитую.

И теперь, когда я вижу, что жизнь почти окончена, что утрачено все, что́ казалось, а можетъ быть, и было самымъ важнымъ, самымъ дорогимъ и желаннымъ, что впереди нѣтъ яркихъ красокъ, тепла, лучей и свѣта, а только мракъ и холодъ, я спрашиваю: зачѣмъ?

Все, что́ было, все, чего, казалось мнѣ, хотѣлъ я, падая и домогаясь, все, къ чему меня привела жизнь, все, что́ создано было мной и усиліями другихъ,—зачѣмъ?

Если и самая красивая жизнь, и самая пышная любовь, и окрыляющія душу лучезарныя грезы, мечты и надежды, и все, что́ приноситъ человѣку мужество, самопожертвованіе, героизмъ и гулъ большой славы—все это сведено къ могилѣ, къ неизбѣжности смерти, къ какому-то проклятому роковому ничто; если это такъ, то къ чему весь монотонный, утомительный и тяжелый путь жизни, всѣ знанія, вся эта рухлядь науки и морали, за которую не даютъ ни одного дня, ни одного мгновенія жизни!

Но пусть! пусть! Когда умираютъ взрослые,—тяжело, глупо, ненужно. Но они взяли что-то отъ жизни, могли взять.

А ребенокъ, малютка-крошка, который не увидѣлъ не только красотъ Божьяго міра, но и своей комнатки, не разслышалъ не только великихъ симфоній природы, но и стука дѣтской погремушки, зачѣмъ, къ чему онъ вызванъ къ бытію, если ангелъ смерти былъ посланъ за его душою, когда она еще дремала въ маленькомъ, хрупкомъ тѣльцѣ будущаго человѣка?..

Сегодня утромъ, незамѣтно пробираясь по улицамъ, я пошелъ къ ней и попрощался съ ея могилкой. Она стоитъ еще свѣжая, еще рыхлая, такъ странно чернѣющая среди другихъ, заросшихъ травой, забытыхъ, затоптанныхъ могилъ.

День пасмуренъ. Кругомъ не было никого. И я долго стоялъ надъ ней и думалъ все одну и ту же мучительную думу: зачѣмъ?..

Теперь, дописывая эти послѣднія строки, я, кажется, начинаю находить отвѣтъ на этотъ дурацкій вопросъ, сверлящій мнѣ мозгъ. По временамъ я нащупываю у себя въ карманѣ револьверъ, купленный только вчера вечеромъ. И вотъ мнѣ кажется, что я слышу тишину сосѣдней комнаты, я озираюсь пугливо, словно воръ, любующійся на только-что украденную дорогую вещь, я смотрю въ его дуло, такое темное и глубокое, такое таинственное, какъ та могилка, къ которой на ночлегъ сегодня же приду я, и мнѣ представляется, что оттуда, изъ глубины безвѣстнаго, мнѣ отвѣтитъ кто-то на мое: зачѣмъ?

Итакъ, конецъ! Мракъ безъ разсвѣта. Ночь безъ перерыва. Сонъ безъ пробужденія, а, можетъ быть, и безъ сновидѣній. Смерть!

Вамъ же, живущимъ, всѣмъ вамъ завѣщаетъ умирающій:

Жизнь, а не смерть!

Мы созданы для жизни и безсмертія.

Вас. Лашковъ.

У ПРИСТАНИ.

Кругомъ насъ ночь была. Огни едва мерцали,
И Шумана квинтетъ звучалъ еще въ ушахъ—
Сидѣли мы вдвоемъ: у нашихъ ногъ плескали
Лишь волны сонныя, зарывшися въ пескахъ.

И было жутко мнѣ... Тревожный взоръ вперяя,
Хотѣлъ я разглядѣть сѣдого мрака даль...
И мнѣ почудилось, что смерть, съ косой, нагая,
Стоитъ передо мной... Души моей печаль

Ты поняла ль тогда? Склонясь съ улыбкой нѣжной,
Съ словами кроткими ты поцѣлуй дала—
И призракъ утонулъ, теряясь въ мглѣ безбрежной.
Мнѣ стало вновь легко... Кругомъ насъ ночь была.

С. Любомудровъ.

НА МЕРЗЛОЙ ЗЕМЛѢ.

I.

Сперва дорога шла полемъ. Мѣстами трава пестрѣла цвѣтами. Мѣстами, въ низинахъ, проступали свѣтлыя солончаковыя пятна.

Лѣсъ начался у подножья горы, отмѣчающей старый берегъ Лены. Въ тѣни деревьевъ идти было легче, прохладнѣе.

Круто завернувъ въ сторону, дорога побѣжала вверхъ по узкой дикой ложбинкѣ.

— Здѣсь обо, священное мѣсто якутовъ,—обратилъ мое вниманіе на ближайшія деревья мой спутникъ.

На вѣткахъ висѣли пестрые лоскутки, пучки конскаго волоса и соломы, клочки звѣриныхъ шкурокъ,—жертвоприношенія духу. Мы остановились. Принялись разсматривать лоскутки матеріи,—хотѣли опредѣлить по нимъ, какія жертвоприношенія сдѣланы русскими, какія якутами. Но опредѣлить это оказалось невозможно. Русскіе и якуты одѣваются здѣсь, безъ различія, въ московскія ткани,—развѣ только по-различному шьютъ себѣ одежду. И тѣ и другіе одинаково оставляютъ жертвоприношенія въ освященныхъ преданіемъ мѣстахъ.

Гдѣ-то подъ Москвой, при помощи англійскихъ машинъ, выткали изъ туркестанскаго или индійскаго хлопка этотъ кусокъ миткаля. Теперь виситъ онъ надъ дорогой на священной березкѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Якутска,—и какъ угадать, кто принесъ его въ жертву духу дороги?

Но дальше въ лѣсу ужъ ничто не напоминало намъ о дикости Якутской области. Тихо стояли по обѣимъ сторонамъ отъ насъ лиственницы, березы и сосны. Разъѣзженная дорога съ густой травой между выбоинами отъ колесъ и отъ лошадиныхъ копытъ виляла то влѣво, то вправо.

Но вотъ, новый подъемъ на пригорокъ,—и дорога пошла прямо, будто выравненная по ниткѣ. Теперь по обѣимъ сторонамъ тянутся изгороди. Изгороди—нехитрыя: изъ необтесанныхъ кольевъ. Но сложены колья прочно, тщательно связаны еловыми вѣтками другъ съ другомъ. Столбы стоятъ прямо. Нигдѣ не видишь безпорядка, неисправности.

За изгородями—пашни. Вспаханы не случайныя полянки, которыя легче было отобрать отъ тайги,—распахана сплошная полоса въ нѣсколько верстъ длиной. Пробита сквозь чащу тайги прямая просѣка. И направо отъ нея остался не тронутый лѣсъ, налѣво—ни одного дерева. Прямыми линіями убѣгаютъ вдаль отъ дороги зеленыя, поросшія кустарникомъ межи. А вдали, на границѣ лѣса, видны новыя расчистки,—громоздятся сваленныя деревья, чернѣютъ еще не выкорчеванные пни. Тамъ шевелятся люди. Но съ дороги не разобрать, кто они и что они дѣлаютъ. На поляхъ ни души. Зеленѣютъ весенніе побѣги. На иныхъ поляхъ хлѣбъ поднялся надъ землею ужъ на $1\frac{1}{2}$—2 четверти; на другихъ—сѣрая земля только-только начала покрываться нѣжнымъ зеленымъ пушкомъ.

Солнце паритъ.

Мы входимъ въ село. У околицы длинными рядами стоятъ тщательно сложенныя дрова. Такіе запасы встрѣчаешь на заводахъ, да въ городахъ на дровяныхъ складахъ. Но здѣсь дрова не покупныя и не продажныя. Это запасы отдѣльныхъ хозяевъ, успѣвшихъ заготовить себѣ топливо впередъ на всю жизнь. Отпечатокъ такой же запасливости, предусмотрительности лежитъ на всемъ вокругъ.

Село не велико,—дворовъ пятьдесятъ. Вытянулись дома мѣстами въ два ряда, мѣстами въ одну линію. Главная улица широкая, ровная,—ни рытвинъ, ни выбоинъ. Не видно на ней ни навоза, ни мусора. Все чисто прибрано, все на своемъ мѣстѣ. Дома высокіе—въ десять-двѣнадцать вѣнцовъ. Крыши частью тесовыя, частью мѣстнаго типа—изъ широкихъ полосъ лиственичной коры. Заборы и ворота досчатые, безъ щелей, безъ дырокъ. Видны крыши дворовыхъ строеній. Бросаются въ глаза сѣновалы надъ конюшнями и навѣсами. Много мельницъ съ конными приводами, много жнеекъ, вѣялокъ и еще какихъ-то мудреныхъ машинъ.

Дорога подходитъ къ обросшему камышомъ озеру. Направо тянутся дома, налѣво сбѣгаютъ къ самой водѣ огороды. Отъ крышъ домовъ проведены черезъ дорогу деревянные желобы для

спуска дождевой воды къ огородамъ: на дворѣ вода только грязь разводитъ, а въ огородѣ она пользу приноситъ.

Но вся эта предусмотрительность и заботливость, всѣ эти признаки мужицкой зажиточности не трогаютъ сердце, не радуютъ. Въ селѣ тишина. Окна занавѣшены. Ворота приперты. Собаки не выскакиваютъ на улицу. Прошли мимо насъ запыленные, бѣдно одѣтые якуты. Больше не видать ни души. Не видать и ребятишекъ, которые всегда первые попадаются на глаза въ русской деревнѣ.

Кругомъ все мертво.

Сильнѣе паритъ солнце. И подъ лучами его, подъ раскаленнымъ, сіяющимъ небомъ особенно безжизненнымъ и холоднымъ кажется богатое и благоустроенное скопческое село.

Съ любопытствомъ гляжу я по сторонамъ, стараясь по облику села понять его странныхъ обитателей. Скопцы сыграли видную роль въ развитіи хозяйственной жизни Якутской области. Замѣтную роль играютъ они въ мѣстномъ хозяйствѣ еще и теперь. Они первые развили здѣсь промышленное земледѣльческое хозяйство, завели парники и огороды. Одно время въ ихъ рукахъ было: около $^1/_4$ всей пахотной земли въ области, около 45% урожая и почти весь поступавшій на рынокъ хлѣбъ. И теперь они остались главными поставщиками хлѣба, овощей и молочныхъ продуктовъ для Якутска и для олекминскаго золотопромышленнаго района. На каждомъ шагу въ Якутскѣ и на Ленѣ вы встрѣчаете скопцовъ. И съ перваго взгляда эти сдержанные, аккуратно одѣтые люди производятъ непріятное впечатлѣніе. Непріятны ихъ отекшія, дряблыя лица съ синеватыми губами и деснами, ихъ приторно тонкіе голоса, ихъ манеры. И кругомъ про этихъ сектантовъ говорятъ много дурного. Считаютъ ихъ поголовно хитрыми скрягами, кулаками, эксплоататорами. Ругаютъ ихъ и крестьяне, и купцы, и мѣстные интеллигентные обыватели. Но никакихъ дѣйствительныхъ преступленій за сектантами въ Якутской области не числится.

Скряги... Но своимъ помогаютъ, а иногда помогаютъ и постороннимъ.

Эксплоататоры... Но работниковъ своихъ кормятъ лучше, чѣмъ русскіе купцы.

Кулаки... Но инородцевъ водкой не спаиваютъ, въ карты не обыгрываютъ.

Остается глубокая антипатія къ сектантамъ, не подкрѣпленная какими-либо конкретными, точно обоснованными обвиненіями. Но имѣются у нихъ и защитники. Отмѣчаютъ ихъ честность,

трезвость, трудолюбіе. Съ почтительнымъ изумленіемъ указываютъ на совершенное ими чудо: имъ удалось добиться того, что земля, раньше не родившая даже картошки и ржи, стала давать сборъ огурцовъ и арбузовъ. Въ изображеніи защитниковъ этихъ сектантовъ ихъ недостатки становятся достоинствами: скряжничество оказывается бережливостью, кулачество—хозяйственной разсчетливостью, ханжество—честностью.

Эти противоположные взгляды нашли свое отраженіе и въ литературѣ, посвященной скопцамъ. Но изслѣдователи Якутской области, какъ и мѣстные люди, всѣ въ одинъ голосъ отмѣчаютъ крайнюю сдержанность, скрытность сектантовъ. Годы гоненій научили ихъ осторожности, недовѣрчивости. Отъ окружающаго православнаго населенія имъ пришлось видѣть слишкомъ много обидъ, пришлось перенести слишкомъ много незабываемыхъ оскорбленій. Были и другія причины, способствовавшія развитію замкнутости въ сектантахъ. И теперь къ «мірскимъ» они подходятъ не иначе, какъ съ елейноулыбающимися, безстрастными лицами, на которыхъ нельзя прочесть ни мысли, ни чувства. И потому, въ томъ, что пришлось мнѣ слышать и читать о скопцахъ, не оказалось указаній на душевную драму, пережитую этими сектантами, не оказалось и объясненія ихъ загадочной роли въ развитіи мѣстной хозяйственной жизни.

Я шелъ въ скопческое село въ надеждѣ, что здѣсь мнѣ удастся познакомиться поближе съ сектантами. Въ селѣ живутъ двое моихъ знакомыхъ,—мужъ и жена. Въ якутской ссылкѣ они «опростились», взялись за землю. Мужъ пашетъ, жена возится съ огородомъ. Нужно имъ было обзавестись хозяйствомъ, и они купили на выплату усадьбу со скотомъ и съ полнымъ инвентаремъ, оставшуюся отъ умершаго сектанта. Послѣ манифеста возбудили вопросъ о причисленіи къ крестьянскому обществу.

Вопросъ о пріемѣ новыхъ членовъ обсуждался на сельскомъ сходѣ. Въ рѣшеніи вопроса, наряду со скопцами, участвовали и крестьяне-новоселы изъ православныхъ, приписанные къ обществу. И они отнеслись недружелюбно къ ходатайству ссыльныхъ.

— Куда новыхъ принимать?—говорили они:—У насъ дѣти растутъ. Выдѣлять придется,—такъ гдѣ имъ землю возьмемъ подъ усадьбы?

Скопцы возражали:

— Нужно принять, разъ люди трудиться желаютъ. А о землѣ не горюйте. Мы помирать будемъ,—наши усадьбы освободятся, къ вашимъ дѣтямъ перейдутъ. И большинствомъ скоп-

ческихъ голосовъ противъ «мірскихъ» «государственные» были приняты въ общество.

Въ дальнѣйшемъ у новыхъ общественниковъ установились добрососѣдскія отношенія съ сектантами. Выходили, правда, и недоразумѣнія, въ которыхъ скопцы, эти «бѣлые голуби», проявляли далеко не голубиныя свойства души. Находились среди нихъ люди, стремившіеся использовать хозяйственныя неудачи новыхъ хозяевъ. Но въ общемъ моимъ «опростившимся» знакомымъ удалось подойти къ сектантамъ ближе, чѣмъ подходили къ нимъ другіе интеллигенты, интересовавшіеся жизнью этой секты. Черезъ нихъ разсчитывалъ и я познакомиться съ нею.

Хотѣлось мнѣ, прежде всего, выяснить причины необыкновеннаго хозяйственнаго успѣха скопцовъ. Объясняютъ этотъ успѣхъ тѣмъ, что эти сектанты прибыли въ Сибирь съ деньгами, не гнушались подкупами администраціи для пріобрѣтенія лучшихъ земель и неоднократно получали денежную помощь отъ своихъ московскихъ единомышленниковъ-мѣнялъ. Это объясненіе казалось мнѣ сомнительнымъ. Деньги и помощь администраціи, сами по себѣ, не могли дать скопцамъ побѣду надъ суровой тайгой: не спасаютъ вѣдь ни подачки, ни явное покровительство власти, да и самого закона гибнущее дворянское землевладѣніе въ Россіи! Такъ же неубѣдительна и ссылка защитниковъ скопцовъ на ихъ трудолюбіе: давно извѣстно, что богатѣютъ не тѣ, кто трудится, а бѣднѣетъ и живетъ впроголодь не тотъ, кто отказывается отъ работы.

Познакомившись (черезъ новыхъ общественниковъ) съ сектантами, я со многими изъ нихъ заводилъ разговоръ о причинахъ ихъ хозяйственной удачи. Всѣ они отвѣчали на мои разспросы почти одинаково. Но особенно картинно и ярко выразилъ свою мысль одинъ старикъ съ коричневымъ лицомъ и рѣдкими сѣдыми волосами на щекахъ и на подбородкѣ.

Я спросилъ его:

— Скажите, дѣдушка, почему земля родитъ у васъ, сектантовъ, лучше, чѣмъ у крестьянъ?

Старикъ хитро, по-казацки, подмигнулъ мнѣ и отвѣтилъ:

— А вотъ! Скопецъ піде пахати, а крестьянинъ піде качкивъ [1]) стрѣляти. Скопецъ сіе, а крестьянинъ—гдѣ вінъ? У скобца хлібъ такій,—старикъ показалъ рукой,—а у крестьянина такій. Скопецъ жне, а крестьянинъ жде. Скопецъ торгуе, а крестьянинъ купуе. Та гдѣ жъ вінъ бувъ? Качкивъ стрѣлялъ!

---

[1]) Утокъ.

И, замѣтивъ, что я записываю его слова, старикъ прибавилъ:

— Пиши, пиши! Святая правда!

Другіе скопцы отмѣчали одну особенность условій сельскаго хозяйства въ Якутскѣ, особенность, указываемую и въ литературѣ. Лѣто здѣсь очень короткое. Но день отличается продолжительностью, такъ какъ въ «бѣлыя ночи» вечерняя заря съ утренней зарей сходится. Поэтому здѣсь хлѣбъ вызрѣваетъ быстрѣе, чѣмъ въ Россіи: по Головачеву, напримѣръ (см. «Экономическая географія Сибири»), пшеница вызрѣваетъ въ Якутской области въ 73—86 дней, тогда какъ въ Европейской Россіи для вызрѣванія ея требуется 97—108 дней. Отсюда вытекаетъ для якутскаго земледѣльца необходимость постоянно быть на-чеку, чтобъ не упустить дня для посѣва и для сбора хлѣбовъ. Ошибка въ 2—3 дня можетъ стоить годового урожая. Справиться съ этой задачей можетъ только хозяинъ, цѣликомъ ушедшій въ земледѣліе, не имѣющій никакихъ другихъ заботъ, никакихъ другихъ занятій.

Сектанты удовлетворяли этому требованію. Ни одинъ изъ нихъ не уходилъ въ горячее время съ пашни пить или «качкицъ стрѣлять». Этому они и приписываютъ свой успѣхъ.

Крестьяне упрекаютъ ихъ въ кулачествѣ.

Насколько мнѣ удалось наблюдать, скопцы охотно пользуются наемнымъ трудомъ и работниковъ своихъ держатъ, что называется, въ ежовыхъ рукавицахъ.

Одинъ человѣкъ, отлично знающій сектантовъ и ненавидящій ихъ, говорилъ мнѣ:

— Крестьянинъ никогда такого варварства съ работникомъ не позволитъ, какъ скопецъ.

Я спросилъ его:

— Почему?

— Да потому, что крестьянинъ, будь онъ хоть изъ звѣрей звѣрь, а пьяный работника въ покоѣ оставитъ или еще съ собой же пить посадитъ. А сектантъ—круглый годъ трезвый. У него не загуляешь!

На дальнѣйшіе разспросы мой собесѣдникъ объяснилъ, что скопцы никогда не обсчитываютъ работниковъ при расплатѣ, часто даже прибавляютъ имъ сколько-нибудь сверхъ уговора, но, несмотря на это, работникъ идетъ къ скопцу только въ томъ случаѣ, если больше дѣваться некуда.

— Работой донимаютъ.

Мнѣ указали богатаго сектанта, нанимавшаго до десяти якутовъ во время посѣва и уборки хлѣбовъ. Весь день онъ прово-

дилъ на пашнѣ. Затѣмъ отбиралъ у лошадей работниковъ, поилъ, кормилъ ихъ и позже всѣхъ ложился спать. Проспавъ съ часъ или съ два, онъ вставалъ, топилъ печь, варилъ чай, пекъ лепешки для работниковъ и, только справивъ все, будилъ якутовъ. Работники выбивались у него изъ силъ и съ изумленіемъ говорили про него:

— Какъ онъ можетъ, нечистый духъ? Когда онъ спитъ?

Только разъ наткнулся я на прямое обвиненіе скопца въ томъ, что онъ плохо кормитъ своихъ работниковъ. Этотъ допекалъ батраковъ такимъ пріемомъ. Время обѣдать, садится онъ съ работниками за столъ. Всѣ голодны. Подаютъ хлѣбъ, а съ обѣдомъ нарочно медлятъ. Работники набрасываются на куски хлѣба и начинаютъ жевать его. Хозяинъ ждетъ и хлѣба не ѣстъ. Когда на столѣ появляется горячее, работники уже сыты отъ хлѣба, имъ и ложка въ ротъ не лѣзетъ.

Не знаю, насколько характеренъ этотъ маневръ съ хлѣбомъ; но разсказъ объ этомъ маневрѣ безусловно характеренъ для выясненія общаго тона выдвигаемыхъ противъ скопцовъ обвиненій.

Въ общемъ, изъ знакомства съ этими сектантами я вынесъ впечатлѣніе, что служить у нихъ, должно быть, не сладко. Въ отношеніи къ работникамъ—это типичные крѣпкіе хозяйственные мужики. Работника не обманутъ, голоднымъ его не оставятъ, лишняго съ него не спросятъ. Но работы выжмутъ изъ него столько, сколько сами въ силахъ работать. А сами они работаютъ съ какимъ-то остервенѣніемъ.

Иной разъ кажется, что страсть къ накопленію переходитъ у нихъ въ своего рода манію.

— У насъ дѣтей нѣтъ, надѣяться намъ не на кого. Когда состаримся, кто намъ поможетъ?

Такъ разсуждаютъ сектанты. Мысль о старости и о смерти, какъ бредовая идея, преслѣдуетъ многихъ изъ нихъ. И начинаютъ они заранѣе готовиться къ старости,—копятъ, копятъ и копятъ. Результатомъ такой психологіи являются и безконечныя полѣницы дровъ, которыя бросились мнѣ въ глаза при входѣ въ село.

Скопидомство, пріобрѣтательство, повидимому, являются одной изъ основныхъ чертъ характера сектантовъ. И поскольку эта черта въ ихъ характерѣ усиливается отсутствіемъ потомства и страхомъ передъ бездѣтной, безотрадной старостью,—скопидомство ихъ нетрудно объяснить особенностью положенія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ бережливость и страсть къ пріобрѣ-

тенію у скопцовъ переходятъ и въ скряжничество. Но скрягами въ полномъ смыслѣ слова являются не всѣ они. Ибо скряжничество—это крайность, а сектанты эти враждебно относятся ко всякой крайности, въ чемъ бы она ни выражалась.

Никакихъ крайностей, никакихъ увлеченій! Во всемъ трезвый разсчетъ, во всемъ золотая середина! Къ этимъ требованіямъ мѣщанской мудрости сводится мораль сектантовъ. Старикъ, объяснявшій мнѣ различіе между хозяйствомъ скопца и крестьянина, такъ формулировалъ правила разумной и нравственной жизни:

— Не будь горекъ,—бо проклянуть! Та не будь же и сладокъ,—бо проглонуть [1])! А будь, якъ на всѣхъ,—ни туды, ни сюды!

Старикъ не зналъ, какъ близко подошелъ онъ въ своей философіи къ выводамъ мѣщанской философіи. Такъ и проповѣдники золотой середины не подозрѣваютъ о своей близости къ морали скопцовъ!

Въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, съ «мірскими», сектанты именно таковы,—ни горькіе, ни сладкіе.

Сектантъ честенъ. Онъ чужого не возьметъ—«бо проклянуть». Но онъ и своего не упуститъ,—«бо проглонуть», если будешь зѣвать. Онъ помнитъ каждую копейку, которую взялъ у сосѣда, и уплатитъ свой долгъ во́-время. Но онъ помнитъ также всѣхъ своихъ должниковъ и будетъ напоминать имъ объ ихъ долгѣ при каждой встрѣчѣ. Будетъ напоминать не со зла, а «такъ себѣ», для порядка. Сектантъ иной разъ при случаѣ выручитъ въ нуждѣ и своего и чужого. Но даже близкому человѣку онъ норовитъ не подарить то, въ чемъ этотъ человѣкъ нуждается, а ссудитъ въ долгъ.

— Когда будетъ, отдашь!

Такъ, въ селѣ, гдѣ я былъ, богачъ сектантъ «подарилъ» усадьбу двумъ вновь прибывшимъ. За эту усадьбу онъ заплатилъ 1.500 р. И по существу дѣла, это былъ именно подарокъ, вытекавшій изъ желанія помочь «своимъ» устроиться: возвращеніе ими огромнаго долга въ $1^1/_2$ тысячи рублей было болѣе чѣмъ проблематично. И тѣмъ не менѣе подарокъ былъ облеченъ въ обычную у скопцовъ форму ссуды:

— Вернете, когда сможете!

Кажется даже, былъ указанъ годовой процентъ, который должники будутъ уплачивать своему благодѣтелю; но процентъ невысокій, исключавшій мысль о ростовщичествѣ и о вытекающей изъ «благо-

[1]) Проглотятъ.

дѣянія» кабалѣ. Такія благодѣянія въ формѣ ссуды подъ %%— самое обычное явленіе среди этихъ сектантовъ. Можетъ быть, именно на этой почвѣ развивается въ данной средѣ подлинное ростовщичество, опутывающее жертву сѣтью растущихъ съ каждымъ днемъ обязательствъ. Но мнѣ пришлось наблюдать среди скопцовъ цѣлый рядъ такихъ ссудъ подъ %%, которыя я могу понять лишь въ смыслѣ требованія быть всегда—«якъ на вѣсахъ, ни туда, ни сюда!»

Человѣкъ нуждается.

Дать ему?

Нельзя—ибо «не будь сладкимъ»!

Отказать?

Также нельзя—ибо «не будь горькимъ»!

Золотая середина, связанная съ бережливостью и скопидомствомъ, подсказываетъ выходъ:

Дай!

Но въ долгъ, съ обязательствомъ вернуть.

И притомъ—за процентъ.

И сектантъ, желая выручить ближняго, даетъ ему заимообразно 50—100 р. изъ 4%, изъ 6%, изъ 8%.

О такой ссудѣ становится извѣстно вокругъ. Одни говорятъ:

— Добрый человѣкъ, благодѣтель!

Другіе возмущаются:

— Ростовщикъ!

На самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ ни того, ни другого. Или, если хотите, есть тутъ и то, и другое, но въ умѣренной дозѣ.

При аналогичныхъ условіяхъ средній русскій человѣкъ или отъ души поможетъ своему ближнему, или постарается спустить съ него шкуру, а скопецъ пройдетъ по серединкѣ...

И своимъ, и чужимъ сектанты, если помогаютъ, такъ съ разсчетомъ; помогаютъ безъ ласки, сухо, по-дѣловому. Люди безъ потомства, безъ будущаго, съ тревогой ждущіе старости и смерти, невольно становятся индивидуалистами. Люди, когда-то яростно боровшіеся со страстями, пріучаются во всемъ и всегда руководствоваться лишь холоднымъ разсудкомъ.

Я долго бесѣдовалъ съ однимъ сектантскимъ наставникомъ. Изъ рѣчей его наиболѣе поразила меня одна высказанная имъ мысль.

Я спросилъ его:

— Рекомендуете вы здѣсь свое ученіе или отказались отъ него?

Онъ отвѣтилъ, явно волнуясь, съ выраженіемъ муки въ голосѣ:

— Въ Россіи мы проповѣдовали, а здѣсь ни къ чему. Земля здѣсь мерзлая, а на мерзлой землѣ и сердца у людей мерзлыя... Некому проповѣдывать.

Наставникъ жалѣлъ о томъ, что некому проповѣдовать ему въ Якутскѣ. Но если бы, въ силу чуда, обступили его толпы людей, ждущихъ отъ него слова истины, онъ не нашелъ бы нужныхъ словъ въ своей памяти. И вмѣсто фанатическихъ призывовъ, съ которыми онъ когда-то обращался къ вѣрующимъ, онъ тонкимъ дрожащимъ голосомъ повторилъ бы мораль старика-малоросса:

— Не будь горекъ, та не будь же и сладокъ!

Это—житейская мудрость, выросшая на мерзлой землѣ, мудрость мерзлыхъ сердецъ.

Въ Якутской ли тайгѣ нашли эту вѣчную мерзлоту фанатики-сектанты, страстно искавшіе правды въ Россіи? Или съ собой принесли они этотъ холодъ? И какъ связать этотъ безжизненный холодъ съ ихъ прошлымъ—съ ихъ дикой, своеобразно героической борьбой въ Россіи, съ ихъ хозяйственными успѣхами въ Сибири?

Отвѣта на эти вопросы искалъ я въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ сектантами.

II.

О своемъ прошломъ они говорятъ неохотно. О многомъ умалчиваютъ, о другомъ сообщаютъ невѣрныя свѣдѣнія.

Якутяне предупреждали меня:

— Не полагайтесь на разсказы сектантовъ. Они всегда лгутъ, когда разсказываютъ о себѣ. Но мнѣ кажется, что, бесѣдуя съ человѣкомъ, можно безъ труда опредѣлить, когда онъ говоритъ искренне и правдиво, когда начинаетъ хитрить и путать.

Подробностей скопческихъ судебныхъ процессовъ узнать мнѣ не удалось. Но съ несомнѣнной точностью выяснилось для меня, что главный источникъ скопчества тотъ же, что и всего русскаго сектантства—противорѣчія русской темной жизни.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ ясно выступала на видъ и связь сектантства съ аграрными неурядицами и съ крестьянскими безпорядками. Именно изъ этой обстановки вынесли скопцы недовѣрчиво-враждебное отношеніе къ панамъ, къ господамъ и глу-

бокое, почти религіозное уваженіе къ «естественному труду» на землѣ.

Одна старуха, крестьянка изъ Пермской губерніи, такъ разсказывала о своемъ обращеніи въ секту:

«Жили мы все на казенныхъ земляхъ. И ни отъ кого не было намъ утѣсненія. И пріѣхалъ генералъ и пустилъ кругомъ своихъ объѣздчиковъ. Объѣздчики наловили людей, поставили въ цѣпь и говорятъ:

«— Коритесь господину!

«А крестьяне говорятъ:

«— Не коримся.

«Генералъ самъ впередъ вышелъ и еще требуетъ кориться, а потомъ и говоритъ:

«— Не коритесь,—такъ вотъ вамъ!

«Зарядилъ пушку канатомъ рубленымъ, да и выстрѣлилъ въ народъ. А потомъ говоритъ:

«— Теперь покоритесь?

«А изъ народа которые ужо избитые лежатъ, а старики рѣшили, чтобъ на своемъ стоять.

«Такъ и сказали генералу:

«— Хоть грязь съ насъ дѣлай, а кориться не станемъ. Намъ царь волю далъ. На вольныхъ земляхъ и жить будемъ, какъ допрежъ тебя жили.

«Онъ опять стрѣлять хотѣлъ,—и пушку наставилъ. А тутъ на небѣ бѣлый крестъ объявился. Генералъ и отступился отъ насъ, рукой махнулъ.

«А тутъ вскорѣ мы и въ скопцы ушли».

Я не имѣлъ возможности установить, на какія именно событія намекаетъ эта легенда. Но въ разсказѣ старухи слышится отзвукъ какого-то темнаго крестьянскаго бунта, какого-то закончившагося кровавымъ усмиреніемъ земельнаго спора, послужившаго толчкомъ къ развитію сектантства. Давно забытъ предметъ спора, стерлась грань смѣнявшихъ другъ друга событій; но остался въ памяти генералъ съ объѣздчиками и съ пушкой. И все кончается — бѣлымъ крестомъ въ небѣ и уходомъ въ сектантство...

Уходили въ него и богатые купцы, и помѣщики, и интеллигенты. Но по духу своему, по всему своему складу, сектантство осталось опредѣленнымъ теченіемъ русской *мужицкой* мысли. Это относится ко всѣмъ нашимъ сектамъ, и вѣрно это положеніе также въ примѣненіи къ скопческой сектѣ. Якутскіе послѣдователи ея тоже гораздо ближе по своему душевному

складу къ россійскому крѣпкому мужичку, чѣмъ сибирскіе крестьяне - чалдоны.

Сибирскій крестьянинъ въ Якутской области давно объякутился, а въ другихъ частяхъ Сибири пріобрѣлъ особый мѣстный обликъ. Скопцы, напротивъ того, не объякутились и не очалдонились. Говорятъ они чистой русской рѣчью, — пермяки съ пермскимъ выговоромъ, воронежцы—по-своему, малороссы—по-своему,—мягко, пѣвуче, съ безчисленными хохлацкими поговорками. Въ сибирской деревнѣ крестьяне поютъ лишь арестантскія пѣсни да мѣстную «частушку». Сектанты напѣваютъ псалмы и старыя сектантскія пѣсни.

При болѣе близкомъ общеніи съ сектантами ясно чувствуешь, что они плоть отъ плоти старой русской деревни. Но въ нихъ, разумѣется, не вся русская деревня, а лишь часть ея, лишь опредѣленный ея слой. И отъ этого слоя сектанты эволюціонировали въ опредѣленную сторону отчасти въ силу физіологическихъ послѣдствій продѣланнаго ими оскопленія, отчасти въ силу особыхъ условій, въ которыя ихъ поставили преслѣдованія.

Скопцы въ ихъ нынѣшнемъ состояніи — это воплощенное безстрастіе. Когда говоришь съ ними, кажется, что эти люди неспособны ни на какія сильныя душевныя движенія, на подвигъ, на безуміе фанатизма. Но къ этому своему состоянію сектанты пришли тяжелымъ путемъ. И на этомъ пути было высшее напряженіе фанатизма, былъ экстазъ, было мученичество, было безуміе и своеобразное геройство. По холодному сѣрому пеплу можно угадать пламя, когда-то бушевавшее въ этихъ людяхъ. Я старался отдѣлить въ своихъ собесѣдникахъ все то наносное, что́ явилось слѣдствіемъ ихъ скопчества. Этимъ путемъ хотѣлъ я представить себѣ сектантовъ такими, какими пришли они когда-то въ Сибирь. И тогда я видѣлъ въ нихъ крѣпкихъ, закаленныхъ въ нуждѣ мужиковъ со всѣми ихъ недостатками и достоинствами. Желѣзное упорство въ трудѣ. Консерватизмъ, соединенный съ практичностью. Бережливость, переходящая въ жадность. Своеобразная справедливость, не исключающая жестокости къ слабымъ. Религіозность, доходящая до фанатизма, соединенная съ терпимостью къ чужой вѣрѣ. И надъ всѣмъ этимъ — какая-то исключительная любовь къ землѣ, жадность до земли.

— Естественное прилежаніе только на землѣ и возможно,— говорятъ скопцы:—Остальное все «мірское», съ обманомъ...

Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ преуспѣвать и въ «мірскихъ» дѣлахъ. Но эта непослѣдовательность, какъ мнѣ кажется, нерѣдко встрѣчается среди крѣпкихъ мужичковъ. Интересно, что сектанты,

ушедшіе отъ земледѣльческаго труда въ торговлю, «своимъ» считаютъ все же лишь человѣка, прошедшаго черезъ искусъ хлѣбопашества.

Вновь прибывающихъ изъ Россіи сектантовъ богатые старики берутъ въ работники. По обычаю имъ назначаютъ жалованіе въ 200—250 р. за годъ; если работникъ приглянется хозяину, онъ, сверхъ того, съ перваго же года засѣваетъ въ его пользу лишнюю десятину земли.

— Это и есть наша помощь своимъ,—объясняютъ они:—крестьянину или якуту мы всего 100 р. даемъ, хоть онъ въ пять разъ больше сдѣлаетъ.

Обыкновенно, черезъ два—три года скопецъ, прибывшій въ Якутку, изъ работника становится самостоятельнымъ хозяиномъ. Но зато въ эти два—три года работаетъ онъ, какъ каторжанинъ. Хозяинъ будто умышленно испытываетъ его силы, его терпѣніе, его выносливость и покорность. Не выдержитъ работникъ,—хозяинъ прогонитъ его. Выдержитъ,—черезъ нѣсколько лѣтъ самъ станетъ хозяиномъ и также будетъ жать своихъ работниковъ.

Сектанты не любятъ крестьянъ, живущихъ бокъ-о-бокъ съ ними, презираютъ ихъ за бѣдность, за пьянство, за неумѣніе справиться съ «грунтомъ». Но якутовъ, которые живутъ хуже крестьянъ, они хвалятъ:

— Якутъ—прямая жертва, самый простой народъ.

Это—крѣпкій, преуспѣвающій мужикъ хвалитъ своего безотвѣтнаго, вѣчно покорнаго батрака, не мечтающаго о собственномъ хозяйствѣ.

Въ исторіи скопческихъ селеній подъ Якутскомъ были любопытные споры изъ-за земли между «стариками» и «молодыми». Молодые требовали передѣла земли, старики на это не соглашались. Кончился споръ побѣдой молодыхъ. Объ этомъ дѣлѣ много говорили, много писали въ сибирской печати. Больше всего указывали на упорство стариковъ въ доказательство лживости, ханжества и алчности сектантовъ. Но, когда я познакомился поближе съ ними, меня поразила въ этомъ спорѣ другая черта. Весь этотъ споръ какъ будто цѣликомъ выхваченъ изъ жизни крестьянской общины гдѣ-нибудь въ центральной Россіи,—та же группировка силъ, тѣ же доводы съ той и съ другой стороны, то же наростаніе вражды и—неизмѣнное полюбовное рѣшеніе вопроса въ тотъ моментъ, когда вражда достигла наивысшаго напряженія.

Я долго разспрашивалъ скопческаго наставника, какъ живутъ его единомышленники. Онъ отвѣчалъ по-мужицки уклончиво:

— Что есть хорошесть и что худость? Все отъ нашего убѣжденія. Нельзя людей въ одну статью поставить и по ниткѣ ровнять. Есть такіе, которые дѣйствительно скопцы, и по убѣжденію душу свою и всю жизнь полагаютъ, а есть такіе, которые разубѣдились. Есть вѣрные и есть фальшивые. Это не только про скопцовъ сказано: то же и государственные. Скопцы не воры, не разбойники, не моты. А есть и пьяницы, которые разубѣдились.

Этотъ остывшій фанатикъ, сохранившій старинный, важный складъ рѣчи мужика-начетчика, старался щегольнуть передо мной широтой своихъ взглядовъ. Подчеркивалъ свою терпимость ко всѣмъ религіямъ и въ то же время искалъ точекъ сближенія своихъ взглядовъ со взглядами государственныхъ.

— Отъ православныхъ мы удалены, какъ осужденные. А противъ вѣры ихъ мы ничего не скажемъ,—у каждаго вѣра своя. Только секта для секты всегда ближе. Но съ духоборами мы не согласны: они иконъ и креста боятся, а мы почитаемъ. И противъ военной службы мы несогласны. Въ этомъ, по нашему убѣжденію, нѣтъ грѣха, чтобъ служить. . . . . .

. . . . . .

Долго развивалъ мой собесѣдникъ свою мысль и трудно было уловить, что въ его мышленіи нужно поставить на счетъ мужицкаго здраваго смысла, что является слѣдствіемъ скопческаго примиренія со зломъ.

Живутъ сектанты семьями. Иногда по-двое—мужчина и женщина, иногда болѣе значительными группами. Бобылей въ деревнѣ почти нѣтъ. Вдовцы охотно берутъ въ домъ работницу.

— Будешь на жалованіи жить, а понравится—сможешь хозяйкой войти, половина всего твоя будетъ.

Иногда женщины, попавшія въ качествѣ работницъ къ скопцамъ, остаются у нихъ и (безъ физическаго оскопленія) дѣлаются «сестрицами», скопчихами. Другія работницы, прослуживъ нѣкоторое время у сектантовъ, уходятъ,—работать приходится больно много. Жалобъ на обращеніе хозяевъ съ женщинами-работницами я не слышалъ. Вообще же женщины пользуются у скопцовъ большими правами и большой свободой. Если въ семьѣ нѣтъ другихъ членовъ, женщинѣ принадлежитъ половина хозяйства. Это право признается за ней и въ томъ случаѣ, если она пожелаетъ уйти отъ мужа. Было много случаевъ ухода отъ сектантовъ женщинъ, послѣдовавшихъ за ними въ Сибирь, но не подвергшихся физическому оскопленію. Эти разубѣдившіяся вы-

ходили замужъ за мѣстныхъ крестьянъ и ссыльныхъ. И въ домъ своего новаго мужа скопчиха приносила всегда свою долю изъ стараго хозяйства. Въ единичныхъ случаяхъ въ скопческихъ семействахъ оказываются дѣти,—результатъ невѣрности «сестры» «братцу», — ранѣе бывшему ея мужемъ. Если хозяинъ принялъ въ домъ ребенка хозяйки, то и ребенокъ считается полноправнымъ участникомъ въ принадлежащемъ семьѣ хозяйствѣ.

Мнѣ извѣстенъ такой случай. Хозяйка ушла отъ хозяина-скопца, прожила два года съ крестьяниномъ, затѣмъ вернулась къ прежнему «братцу». Хозяинъ принялъ снова «сестрицу», принялъ и дочь ея. Къ дѣвочкѣ онъ привязался, какъ къ родной дочери. Полюбили ребенка и другіе сектанты. Прошло лѣтъ 7—8 и хозяйка заявила скопцу:

— Я отъ тебя ухожу. И Маруся со мной. Тутъ въ домѣ $^1/_3$ моя, да $^1/_3$ Маруси, значитъ, твоего только $^1/_3$ и есть. Продавай свою долю и убирайся! А я буду жить съ Иваномъ, онъ мнѣ мужъ и хозяинъ. Иваномъ звали служившаго у скопца въ работникихъ парня изъ уголовныхъ ссыльныхъ.

Послѣ долгихъ препирательствъ сектантъ продалъ свою треть имущества (правда, по очень высокой цѣнѣ) работнику и выбрался изъ дома.

Общество не хотѣло принять Ивана въ свою среду:

— Ты, негодяй, зачѣмъ семью разорилъ?—кричали общественники на сходѣ.

Но оскорбленный имъ, его прежній хозяинъ сталъ на иную точку зрѣнія:

— Иванъ меня обидѣлъ. Другіе отъ него плохого не видѣли. А я молчу. Значитъ, судить его некому. Мое дѣло до общества не касается.

И Ивана приняли въ общество.

Незадолго до начала моего знакомства съ сектантами эта исторія получила новый оборотъ. Маруся ушла отъ матери и вернулась къ пріемному отцу. Этотъ былъ внѣ себя отъ радости и заявилъ своей прежней женѣ:

— Пусть Марусина доля тебѣ съ Иваномъ остается. Пользуйтесь! Разъ доченька со мной, мнѣ стараго хозяйства не надо,—новое заведу.

Само собой разумѣется, эта исторія не типична для сектантской семейной жизни. Въ этой жизни можно указать много

темныхъ сторонъ, много ханжества, лицемѣрія, лжи. Но до знакомства со скопцами я думалъ, что *всѣ* семейныя отношенія среди этихъ сектантовъ сводятся къ лицемѣрію и ханжеству. Оказывается, нѣтъ! И подъ пепломъ сектантскаго равнодушія теплятся искорки человѣчности и любви! И на мерзлой землѣ, въ снѣжной якутской пустынѣ, не потухли эти искры... Нужно лишь поближе подойти къ людямъ, чтобъ увидѣть ихъ.

Наблюдая якутскихъ ссыльныхъ сектантовъ, нельзя не замѣтить драмы жизни ихъ.

Предпосылкой скопчества является религіозный экстазъ, фанатизмъ, энтузіастическая вѣра въ извѣстное ученіе. Результатомъ вступленія въ секту оказывается исчезновеніе всякаго фанатизма, всякаго энтузіазма, торжество лукаваго разума и золотой середины. Немудрено, что среди сектантовъ много «разубѣдившихся». Пришлось мнѣ наблюдать и такихъ.

Вотъ пожилой торговецъ. Человѣкъ развитой, начитанный. Цитируетъ Пушкина и Короленко, слѣдитъ за газетами, знакомъ съ литературой о сектантахъ. Скопцовъ онъ не любитъ,—но жалѣетъ:

— Вся эта секта плодъ деревенской темноты и невѣжества. Люди свою жизнь искалѣчили. Нужно было учить ихъ, а наказывать ихъ за ихъ заблужденіе, которое имъ однимъ только повредило,—одно недомысліе.

Вотъ молодой богатый хозяинъ, оскопленный въ дѣтствѣ. На него находятъ припадки тоски, онъ старается забыться въ винѣ. Но пьетъ «съ разумомъ», зимой и лѣтомъ. Въ горячее время всегда трезвъ. Въ пьяномъ видѣ придирается къ матери, ругаетъ ее:

— Ты меня погубила, на всю жизнь калѣкой сдѣлала.

Вмѣстѣ съ нимъ запиваетъ и другой сектантъ побѣднѣе. Но онъ заступается за мать товарища, какъ и за свою ма

— Чего ее ругаешь? Мать, чай! Не ее ругай, темноту ругай!

Замѣтилъ я, что и хранящіе вѣрность своей сектѣ не окончательно побѣдили въ себѣ мірскіе соблазны. У многихъ изъ нихъ и теперь, послѣ многихъ лѣтъ испытаній и муки, продолжается старая борьба духа и плоти.

Старикъ, слова котораго я уже приводилъ, тихими шагами бредетъ вдоль улицы. Ему 93 года. Давно побѣлѣли его волосы

согнулась спина; но видно по немъ, что когда-то это былъ богатырь въ полномъ смыслѣ слова.

Идетъ старикъ по улицѣ и что-то напѣваетъ подъ носъ.

— Что поете, дѣдушка?

— Стихи пою духовные, святые псалмы. Иду та и спiваю...

Старикъ остановился. Качаетъ сѣдой головой:

— Духовное спiваю. А плоть треба заспiвати що казацкоi! Та вдарити, та выпити горилки! Ось якъ лукавый властвуетъ надъ нами!

Шестьдесятъ лѣтъ боролись духъ и плоть въ этомъ патрiархѣ села, и мнѣ не показались смѣшными его слова о желанiи гаркнуть казацкую пѣсню. Глядя на него, я подумалъ невольно:

— Если среди первыхъ ссыльныхъ сектантовъ было много такихъ богатырей, немудрено, что они побѣдили тайгу.

Въ дѣйствительности, они побѣдили тайгу и достигли хозяйственнаго успѣха благодаря стеченiю цѣлаго ряда благопрiятныхъ условiй. Сыгралъ тутъ большую роль и подборъ ихъ, какъ работниковъ. Сыграли роль и денежныя средства, которыми снабдили ихъ при отправкѣ въ Сибирь ихъ единомышленники. Помогла имъ и сплоченность ихъ, какъ сектантовъ, и самая безнадежность ихъ положенiя. Все благопрiятствовало ихъ успѣху, какъ колонизаторовъ. И удалось имъ сдѣлать чудо— вырастить хлѣбъ и нѣжныя овощи на мерзлой землѣ. И стоятъ разбросанныя здѣсь и тамъ по угрюмой Якуткѣ селенiя этихъ странныхъ сектантовъ. Богатыя, мертвыя села. Въ нихъ живутъ замкнутые, никѣмъ не любимые люди, всей душой ушедшiе въ накопленiе. Съ мучительной мыслью о старости и о смерти копятъ, копятъ, копятъ они. И въ этомъ вся ихъ жизнь...

Странное, двойственное впечатлѣнiе вынесъ я изъ знакомства съ сектантами. Когда я возвращался въ Якутскъ, была ночь. Бѣлая, прозрачная ночь, похожая на наши россiйскiя сумерки. Шли мы опять черезъ село и не знали, спитъ ли оно, или вымерло, или живетъ своей обычной мертвенной жизнью. Отъ полей, отъ лѣса дышало прохладой. И вспомнились мнѣ слова скопческаго наставника о мерзлой землѣ.

Тяжелымъ путемъ пришли эти люди къ своей вѣрѣ. Тяжелымъ путемъ черезъ тюрьмы и остроги шли они сюда, въ далекую Сибирь. И здѣсь не сразу добились они богатства. Что же въ итогѣ? Зажиточное крестьянство, думающее только

о добычѣ хлѣба и снабжающее пищей городъ... Но сквозь внѣшнюю оболочку рѣзче просвѣчивала глубокая душевная драма людей, горѣвшихъ когда-то энтузіазмомъ, искавшихъ правды, достигшихъ высшаго фанатизма,—и потухшихъ, остывшихъ навсегда. Людей, которые хотѣли быть чистыми, но умерли, перестали быть людьми, такъ какъ стали ни горькими, ни сладкими.

Вл. Войтинскій.

* * *

Былъ жаркій, жаркій августовскій день.
За дюнами, на отмели горячей,
Сіяло солнце. Отблескъ золотой
Дрожалъ въ водѣ, и шпицъ надъ бѣлой дачей
Сквозь мглу вѣтвей и пыльную сирень
Блестѣлъ вдали горящею звѣздой,—
И чаекъ крикъ, звенящій надъ водой,
Былъ для меня, какъ долетѣвшій зовъ,
Какъ звонкій кличъ, счастливый и дразнящій.

На розовыхъ чешуйчатыхъ стволахъ
Высокихъ сосенъ, гулкихъ и пѣвучихъ,
Желтѣли капли тающей смолы
И надъ травой—среди кустовъ ползучихъ
Жужжали пчелы. Вересковъ нѣжно пахъ,
И, помню я, на дюнахъ, гдѣ стволы
Подъ вѣтромъ пѣли, звонки и свѣтлы,
Я въ этотъ день увидѣла случайно
Въ тѣни прозрачной женщину съ ребенкомъ.

Полузакрывъ усталые глаза,
Она сидѣла, прислонясь щекою
Къ соснѣ, нагрѣтой солнечнымъ теплом,
И на колѣняхъ темною рукою
Качала сына. Моря бирюза
Слѣпила взоръ расплавленнымъ стекломъ,
Но край платка надъ низкимъ, смуглымъ лбомъ
Она спустить, какъ будто, позабыла,—
Смотрѣла вдаль и пѣла, тихо пѣла...

Ребенокъ спалъ, зажавъ цвѣтокъ въ рукѣ,
Но и во снѣ еще искалъ губами
Родную грудь и жался къ ней во снѣ.
Я мимо нихъ, неслышными шагами,
Прошла къ себѣ, въ свой домикъ въ цвѣтникѣ,
Къ любимой книгѣ, къ свѣтлой тишинѣ...
Но кто-то пѣлъ, тоскливо пѣлъ во мнѣ,—
И такъ найти хотѣлось на столѣ
Среди бумагъ цвѣтную погремушку...

Ада Чумаченко.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ.

III [1]).

«Органическое» міровоспріятіе.

Изложивъ въ одной изъ статей (1859 г.) свое «философско-эстетическое profession de foi», Ап. Григорьевъ писалъ: «Все, что нѣкогда блистательно было высказано по этому поводу Бѣлинскимъ, въ наше время какъ будто забыто. Отъ великаго учителя нашего мы какъ-будто наслѣдовали только его вражды и симпатіи, вовсе забывши ихъ источники... Дурно ли, хорошо ли—я продолжаю въ этомъ отношеніи дѣло Бѣлинскаго, и горжусь этимъ смиреннымъ назначеніемъ» [2]). Дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ Ап. Григорьевъ является непосредственнымъ преемникомъ Бѣлинскаго. И вопросъ о томъ, какъ ближайшее поколѣніе воспользовалось завѣтами Бѣлинскаго, можетъ быть рѣшенъ лишь тогда, когда рядомъ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ мы поставимъ имя Ап. Григорьева (1822—1864) [3]).

25 сентября 1914 г. исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти Ап. Ал. Григорьева, и, хотя въ свое время эта дата не была надлежащимъ образомъ отмѣчена, но все же несправедливо забытый создатель «органической» критики, видимо, выступаетъ теперь изъ тѣни и входитъ въ свѣтлый кругъ нашихъ интересовъ [4]).

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ мартъ 1915 г., стр. 148.

[2]) Сочиненія Аполлона Григорьева. Т. I. Изданіе Н. Н. Страхова. Спб., 1876. Стр. 413—414 (въ статьѣ „И С. Тургеневъ и его дѣятельность“).

[3]) Имя Бѣлинскаго не сходило съ устъ Ап. Григорьева. Бѣлинскому посвящалъ онъ особыя статьи („Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ“, „Бѣлинскій и его „историческая критика“). Отзывы Ап. Григорьева о Бѣлинскомъ сгруппированы въ книгѣ С. Ашевскаго „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ“ (Спб. 1911), стр. 109—115.

[4]) Цитированный выше I томъ сочиненій Ап. Григорьева (въ изданіи Н. Н. Страхова, 1876 г.) не имѣлъ продолженія и уже давно сталъ библіографической рѣдкостью. Недавно начало выходить выпусками „Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева“ подъ ред. *В. Ѳ. Саводника* (пока

«Неистовый Аполлонъ», столь родственный по духу «неистовому Виссаріону», воспиталъ свою мысль въ атмосферѣ философскихъ идей и художественныхъ образовъ, какъ это было и со сверстниками Бѣлинскаго. На протяженіи четверти вѣка предъ нами послѣдовательно проходятъ три генераціи русскихъ идеалистовъ: любомудры съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ во главѣ, кружокъ Станкевича и *кружокъ Ап. Григорьева*. Намъ слѣдуетъ ввести въ употребленіе этотъ послѣдній терминъ. Мы имѣемъ на него документальное право.

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Бѣлинскій уже готовъ былъ совершенно раскланяться съ «философскимъ колпакомъ» Егора Ѳедоровича, въ Замоскворѣчьѣ возникъ новый гегельянскій кружокъ, организованный студентомъ Ап. Григорьевымъ. Въ его составъ входили лица, получившія потомъ не меньшую извѣстность, чѣмъ члены кружка Станкевича: А. А. Фетъ, Я. П. Полонскій, С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, кн. В. А. Черкасскій, А. В. Новосильцевъ, А. Е. Студицкій, художникъ Боклевскій, Н. М. Орловъ и др. Эти идеалисты начала 40-хъ годовъ не были, повидимому, чужды и соціальныхъ вопросовъ («мечтали объ освобожденіи крестьянъ», по свидѣтельству Полонскаго), но надъ всѣмъ господствовалъ интересъ къ искусству и философіи. Философія, разумѣется, прежде всего Гегеля, такъ какъ именно она была à l' ordre du jour. Повторилась знакомая картина, нѣкогда столь ярко набросанная Герценомъ. Ученіе Гегеля, писалъ Фетъ, «распространяемое московскими юридическими профессорами съ Рѣдкинымъ и Крыловымъ во главѣ, составляло главнѣйшій интересъ частныхъ бесѣдъ студентовъ между собой». К. Д. Кавелинъ потратилъ слишкомъ полгода на то, чтобы прочесть и понять одно только предисловіе къ философіи Гегеля. По свидѣтельству С. М. Соловьева, «Гегель кружилъ всѣмъ

поступили въ продажу выпуски I, III, V, VII и X). Готовятся къ печати въ изданіи *К. Ф. Некрасова* „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ подъ ред. Павла Сухотина и собраніе стихотвореній Ап. Григорьева подъ ред. Ал. Блока. *Пушкинскій Домъ* намѣренъ „выпустить въ свѣтъ сборникъ малоизвѣстныхъ и неперепечатанныхъ статей и писемъ Аполлона Григорьева“ („Временникъ Пушкинскаго Дома“ 1914. Стр. VI).—Изъ литературы объ Ап. Григорьевѣ назову слѣдующее: *Ив. Ивановъ* „Исторія русской критики“, ч. III и IV (Спб. 1900). *А. Л. Волынскій.* Русскіе критики (Спб. 1896). *А. М. Шахъ-Парониянцъ.* Критикъ-самобытникъ. А. А. Григорьевъ. Спб. 1899. *Д. Михайловъ.* Ап. Григорьевъ. Жизнь въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его. Спб. 1900.—*Н. О. Лернеръ.* Ап. Ал. Григорьевъ. „Исторія р. литературы XIX в.“, изд. Т-ва „Міръ“, вып. 9-й. М. 1909.—*В. Ѳ. Саводникъ.* Біографическій очеркъ (при 1 выпускѣ редактируемаго имъ изданія и отдѣльно—М. 1915). Юбилей вызвалъ двѣ-три журнальныхъ статьи. Такова статья г. *Вас. Спиридонова* въ „Современникѣ“ 1914 г., окт,

головы, хотя очень немногіе читали самого Гегеля, а пользовались имъ только изъ лекцій молодыхъ профессоровъ; занимавшіеся студенты не иначе выражались, какъ гегелевскими терминами».

Участниковъ григорьевскаго кружка однако нельзя назвать всецѣло гегельянцами. Между ними происходили «философическія» разногласія, вызванныя, повидимому, всего болѣе логизмомъ Гегеля. М. О. Гершензономъ только-что опубликована записка Н. М. Орлова, сохранившаяся, къ сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ, но представляющая любопытный отголосокъ философскихъ преній въ этомъ кружкѣ [1]).

Сынъ извѣстнаго М. Ѳ. Орлова, Николай Мих. Орловъ былъ въ университетѣ въ одно время съ Ап. Григорьевымъ (1838—1842) и примыкалъ къ его кружку. По своимъ воззрѣніямъ Орловъ стоялъ ближе къ Ап. Григорьеву, чѣмъ, напр., къ Полонскому и Новосильцеву.

«Такъ какъ мнѣ показалось», пишетъ Орловъ (213), «что ты болѣе всѣхъ моихъ товарищей, въ твоей духовной жизни идешь [2]) дорогой прямой, и что ты менѣе всѣхъ ихъ находишся подъ вліяніемъ предразсудковъ, впрочемъ очень простительныхъ, то я рѣшился адресовать этотъ опытъ тебѣ, въ надеждѣ, что ты будешъ отвѣчать мнѣ такъ же откровенно и безпристрастно, какъ и я намѣренъ изложить тебѣ мои мысли».

Въ возраженіяхъ, которыя Орлову приходилось слышать отъ Новосильцева, Полонскаго и др., онъ видѣлъ софистическую неоткровенность и предвзятый культъ Гегеля: они «заранѣе рѣшили, что Гегель и Божество одно и то же, что вѣра несовмѣстна съ разумною философіей». По мнѣнію же Орлова, «въ процессѣ умозрѣнія и размышленій философическихъ» необходимо «совѣтываться съ нашимъ природнымъ чувствомъ», т.-е. тѣмъ чувствомъ, «которое обще всему человѣчеству, которое вложено въ грудь каждаго человѣка самимъ Божествомъ» (213 — 214). Отсюда вытекаетъ второй его тезисъ, что лишь вѣра открываетъ человѣку «тайны Духа и Жизни вселенной». Философія вѣры должна начинаться съ извѣстной религіозной аксіомы. За такую аксіому Орловъ принимаетъ положеніе, «что Божество существовало, существуетъ, и будетъ существовать во вѣки».

[1]) Русскіе Пропилеи. Т. I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати *М. Гершензонъ*. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 210—217. Изъ вступительной замѣтки редактора, я позаимствовалъ приведенныя выше слова Фета, Полонскаго и Соловьева.—Въ приложеніи (365—389) М. О. Гершензонъ перепечаталъ „забытыя стихотворенія Я. П. Полонскаго“, которыя впервые появились въ альманахѣ кн. Н. Мансырева „Подземные ключи“ (1842).

[2]) Здѣсь и далѣе сохраняется орѳографія подлинника.

Жизнь, какъ процессъ проявленія духа и матеріи, есть стремленіе къ совершенству и наслажденію. Полное совершенство и высшее наслажденіе мыслимы лишь «внѣ матеріи и человѣчества», въ идеѣ Богъ: «Божество есть Высшая истина, высшее благо, высшее изящество, высшее наслажденіе, однимъ словомъ, совершенство, и оно внѣ существующаго» (217). Таковъ ходъ мыслей Орлова.

Мы не знаемъ, что отвѣтилъ Ап. Григорьевъ на разсужденія своего товарища-философа, но, мнѣ кажется, есть прямая связь между этими мыслями Орлова (значеніе «природнаго чувства») и позднѣйшимъ «органическимъ» міросозерцаніемъ критика.

Своимъ учителемъ въ философіи Ап. Григорьевъ считалъ не Гегеля, а Шеллинга. Господство въ шестидесятыхъ годахъ матеріалистической философіи нисколько не поколебало его «трансцендентализма»: «потому трансцендентализмъ—въ своемъ родѣ «зарубка Любима-Торцова»: попадешь на эту зарубку—не скоро соскочишь» [1]). Навсегда сохранилъ онъ умственную привычку въ каждомъ вопросѣ ловить «абсолютный хвостъ» [2]).

Въ работахъ объ Ап. Григорьевѣ стало почти общимъ мѣстомъ дѣлать ему упрекъ въ неясности и непослѣдовательности. Между тѣмъ, немного найдется писателей съ столь опредѣленной idée fixe, какъ у Григорьева. У него былъ свой подходъ къ міру, къ людямъ и къ искусству, обусловленный его «органическимъ» міровоспріятіемъ.

Въ 60—70-хъ годахъ Н. К. Михайловскій много писалъ объ «органической» теоріи общества, имѣя въ виду соціологію Спенсера и его послѣдователей. Терминъ, облюбованный Ап. Григорьевымъ, не имѣетъ съ этимъ ничего общаго. Самъ онъ творцомъ «органической» критики называетъ «великаго мечтателя поэта-философа-историка-пророка Карлейля», въ которомъ видитъ «свѣтозарное отраженіе лучей Шеллингова генія на англосаксонской почвѣ» [3]). Но русскимъ предшественникомъ Ап. Григорьева, какъ пропагандиста «органическаго» міровоззрѣнія, былъ, по моему мнѣнію, *кн. В. Ѳ. Одоевскій*. Ап. Григорьевъ весьма цѣнилъ мыслящаго автора «Русскихъ ночей» [4]), говорилъ о немъ не одинъ разъ, хотя нигдѣ не подвергаетъ анализу его главнаго произведенія.

---

[1]) Мои литерат. и нравств. скитальчества. Собр. соч., подъ редакціей В. Ѳ. Саводника, вып. I, стр. 49.

[2]) Ibid., 54.

[3]) I т. (подъ ред. Страхова), 198, 640 и 642.

[4]) Ibid., 37.

Для Фауста-Одоевскаго философія Шеллинга—пережитая стадія, но интуитивный методъ, опирающійся на «внутреннее чувство», на «безусловное, самобытное, свободное самовоззрѣніе души», онъ продолжаетъ ставить выше желѣзной логики Гегеля, начинающаго науку «не съ дѣйствительнаго факта, но, напримѣръ, съ чистой идеи, съ отвлеченія отвлеченія». Теософія Шеллинга также нашла себѣ откликъ въ душѣ мистически настроеннаго Одоевскаго. Противникъ матеріалистическаго міропониманія, онъ стремится въ своихъ «Русскихъ ночахъ» опредѣлить сущность и цѣнность основныхъ стихій человѣческой жизни, къ которымъ относитъ науку, искусство, любовь и вѣру. Въ будущемъ онъ провидитъ возможность новой науки и новаго искусства, при чемъ наука должна стать поэтической, какъ по методу, такъ и по своей цѣли.

Изъ гармоническаго сочетанія названныхъ стихій образуется полнота духовнаго бытія, поэзія жизни. «Когда не существуетъ равновѣсія и гармоніи между элементами», говоритъ Фаустъ въ «Русскихъ ночахъ»: «организмъ страждетъ; и таковъ педантизмъ въ этомъ законѣ, что ничто не спасаетъ отъ сего страданія: ни развитіе воли, ни даръ творчества, ни сверхъестественное знаніе,...—организмъ страждетъ, ибо не выполнилъ полноты жизни». Тотъ же принципъ Одоевскій примѣняетъ и къ жизни народовъ. Каждый народъ представляется ему самобытнымъ организмомъ: «организмъ, смыкаясь въ своихъ элементахъ—знаетъ ихъ однихъ и потому никакъ не можетъ понять возможности другого элементнаго соединенія». Эти органическія основы сильнѣе опредѣляютъ жизнь народовъ, чѣмъ такъ наз. духъ времени. Такимъ образомъ, Одоевскій съ достаточнымъ основаніемъ могъ бы назвать свою теорію органической, именно въ томъ значеніи, какое придавалъ этому термину Ап. Григорьевъ.

Въ чемъ же состоятъ «*органическія*» *идеи* Ап. Григорьева, которыя онъ не уставалъ повторять въ теченіе всей своей жизни, охраняя ихъ, какъ святыню, отъ бурнаго натиска теоретиковъ «нигилизма»? Изложу ихъ по возможности его словами.

«Живая натура», говорилъ Ап. Григорьевъ, «познается по тому—какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ, или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застоя—жизненныхъ или логическихъ» [1]). Въ этомъ, по его убѣжденію, вся суть дѣла. Противопоставляя логикѣ—типы, Ап. Григорьевъ

[1]) I т., подъ ред. Н. Н. Страхова, стр. 356.

разумѣетъ подъ послѣдними, конечно, не литературные типы, а образное, поэтическое міровоспріятіе, отношеніе къ жизни, какъ къ живому процессу, а не какъ къ логической схемѣ. На мѣсто взгляда «теоретическаго» онъ ставитъ взглядъ «идеально-артистическій» (342).

Не однимъ художникамъ, но и *всѣмъ* людямъ «правда дается *красотою, образомъ*»; «разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею... Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процессомъ, однимъ логическимъ путемъ, т.-е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ» (355). Только то наше, что̀ пережито нами и воспринято, какъ живой образъ, какъ «*цѣльная*» истина (342). «Только то живо и дорого въ наукѣ, что̀ есть плоть и кровь; только то вносится въ сокровищницу души нашей, что̀ приняло художественный образъ: все другое есть необходимая, конечно, но черновая работа» (202). «*Истинная* истина» дается намъ «не почастно, а всецѣло». Изъ такихъ «живыхъ или жизненныхъ понятій» образуются въ нашемъ душевномъ мірѣ «живые органическіе образы», «типы». Съ ихъ помощью человѣкъ апперцепируетъ явленія жизни. «Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ,— и все дѣло въ томъ, какъ сложились эти типы, когда, изъ чего — и, наконецъ, точно ли они *сложились* и образовали живые органическіе образы, или же засорили душу, какъ наносные пласты» (355—56) [1]).

Тщетны наши попытки «безграничность и неистощимость жизни» уложить въ логическія формулы. Жизнь на каждомъ шагу ставитъ насъ въ тупикъ, изумляетъ насъ, «выворачиваетъ наизнанку наши умственныя выкладки», доказывая намъ каждый часъ, каждую минуту «именно то, что хоть логика внутри нашего черепа та же самая, которая разлита въ безмѣрномъ цѣломъ, но выкладки-то логикою жизни дѣлаются en grand, въ безмѣрно широкихъ пространствахъ. Да жизнь была бы не только убійственно скучна, но и мизерна, кабы въ ней все совершалось по череповымъ выкладкамъ [2])».

Непримиримый врагъ логизма и теоретизированія, Ап. Григорьевъ преклоняется предъ геніемъ Шеллинга, этого «свѣ-

[1]) Изъ статьи о Тургеневѣ (1859 г.). То же буквально повторено въ статьѣ о Лермонтовѣ (1862): выпускъ VII, подъ ред. В. Ѳ. Саводника, стр. 39—40.

[2]) Парадоксы органич. критики. (Письма къ Ѳ. М. Достоевскому) 1864 г. I т., изд. Страхова, стр. 641.

тоноснѣйшаго мыслителя Запада», который «въ послѣдней формаціи своей единственно міроохватывающей системы остановился въ нѣмомъ благоговѣніи передъ безграничною бездною жизни, порѣшивши логическій гегелизмъ тоже простымъ положеніемъ, что потенція, заключенная въ предѣлахъ человѣческаго черепа, конечно, односущественна съ потенціею, разлитою въ безграничномъ, но не адекватна (не въ версту, по-хомяковски) ей въ проявленіяхъ, ибо правильные сами по себѣ выводы потенціи, при столкновеніи съ вѣяніями вѣчной жизни, подвергаются совершенно нежданнымъ видоизмѣненіямъ, подвергаются дѣйствію иронія любви безграничной жизни...» [1]). Не иначе, какъ «змѣинымъ», называетъ Ап. Григорьевъ гегелевское «положеніе о тождествѣ разума съ дѣйствительностью [2])». Онъ изумляется слѣпой вѣрѣ гегельянцевъ въ существованіе такихъ абстракцій, какъ «духъ человѣчества», «воля человѣчества», абстракцій, служившихъ для нихъ «какими-то всепримиряющими и успокаивающими формулами» [3]).

«Гегелизмъ», разсуждаетъ Ап. Григорьевъ, породилъ особое «историческое воззрѣніе» съ теоріей безграничнаго прогресса, «безначальнаго» и «безконечнаго». «Идеалъ постоянно находится въ будущемъ (im Werden)». «Всякая минута міровой жизни является переходною формою къ другой, переходной же, формѣ» [4]). Значитъ, «нѣтъ истины абсолютной (при идеѣ о безконечномъ развитіи), т.-е., проще же говоря, нѣтъ истины. Нѣтъ, стало быть, и красоты безусловной и добра безусловнаго» (211). «Отвлеченный духъ человѣчества» превращается въ истиннаго Молоха. «Ему, этому духу, отправляются требы идольскія, приносятся жертвы неслыханныя, жертвы незаконныя, ибо онъ есть всегда кумиръ,поставляемый произвольно, всегда только теорія» (207). Деспотизмъ теоріи доходитъ «до того, что все прошедшее человѣчество, не жившее по теоретическому идеалу, провозглашается чуть-чуть-что не въ звѣриномъ состояніи или по крайней мѣрѣ, въ вѣчно переходномъ» (207). По этому воззрѣнію, «ничто, ни народы, ни лица не имѣютъ своего *замкнутаго, самоотвѣтственнаго* бытія и являются только орудіями отвлеченной идеи, преходящими, призрачными формами» (208). Такое ученіе ведетъ къ нравственному безразличію и фатализму. Его нелогическимъ, но психологическимъ понятнымъ слѣдствіемъ

---

[1]) Ibid, 640—1.
[2]) I т., изд. Страхова, стр. 567, 543, 622.
[3]) Ibidem.
[4]) I т., изд. Страхова, 206.

является между прочимъ теорія о мессіанизмѣ того или другого народа. Человѣческой натурѣ врождено стремленіе воображать себѣ идеалъ въ какихъ-либо видимыхъ формахъ. И мысль «невольно становится тутъ нелогичною, невольно останавливаетъ безгранично-несущееся будущее на какой-либо минутѣ и говоритъ, какъ Гегель: hic locus, hic saltus. Вотъ тутъ-то, при такой произвольной остановкѣ, начинается ломка всего прошедшаго по законамъ произвольно выбранной минуты; тутъ-то и совершается, напримѣръ, то, удивительное по своей непослѣдовательности, явленіе, что человѣкъ, провозгласившій законъ вѣчнаго развитія, останавливаетъ все развитіе на германскомъ племени, яко на крайнемъ его предѣлѣ» (206) [1]). Таково «историческое воззрѣніе, въ крайнемъ и наиболѣе послѣдовательномъ проявленіи его, въ гегелизмѣ» (208).

Ап. Григорьевъ приходитъ въ ужасъ отъ этой логической мертвечины. «Безотраднѣйшее изъ созерцаній!» восклицаетъ онъ (206): «бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль, безъ малѣйшей надежды за что-либо ухватиться, въ чемъ-либо найти точку опоры». «Дѣйствительной точкой опоры» можетъ быть только душа человѣческая, «всегда единая, всегда одинаково стремящаяся къ единому идеалу правды, красоты и любви» (207). «Для души всегда существуетъ единый идеалъ, и душа развиваться не можетъ. Развивается, т.-е. обогащается новыми точками зрѣнія и богатствомъ данныхъ,—міръ ея опыта, міръ ея знанія; но обогащеніе и расширеніе этого міра не подвигаетъ души къ правдѣ, красотѣ и любви независимо отъ собственныхъ ея стремленій, тогда какъ, по историческому воззрѣнію, проведенному послѣдовательно, каждая новая минута прогресса должна быть новымъ, отъ стремленій души независящимъ, торжествомъ идеи, т.-е. духа» (208). Для души прогресса не существуетъ; непререкаемыя цѣнности—въ ней самой, и каждый моментъ жизни для нея самоцѣненъ.

Отрицая «историческое воззрѣніе», Ап. Григорьевъ признаетъ важность «*историческаго чувства*», которымъ обладали нѣкоторые ученые историки, принадлежащіе къ «художественнымъ натурамъ», какъ напр., Савиньи и Тьерри. Поэтическая наука, употребляя терминъ кн. Одоевскаго, умѣетъ схватывать процессъ жизни во всей его цѣлостности и дорожитъ его живой особностью. «Историческое чувство открылось какъ реагентъ противъ ломки всего существующаго и существовавшаго, обнаружилось какъ боль

[1]) Ср. 564—565 стр.

отъ прикосновенія хирургическаго инструмента къ живому тѣлу. Это было въ послѣдней четверти XVIII столѣтія» (209). «Живые народные организмы, сложившіеся вѣками», почувствовали боль при первомъ же приближеніи ножа и заявили отпоръ, «выразившійся рѣзко и безобразно въ романтизмѣ, законно и правильно въ исторической школѣ, дико въ Герресѣ (несмотря на безспорное глубокомысліе этого философа реакціи), въ Овербекѣ, въ романтикахъ—поэтахъ, полно и жизненно въ Вальтерѣ Скоттѣ, въ Августинѣ Тьерри» (209).

Историческое воззрѣніе, по мнѣнію Ап. Григорьева, есть неудачная формулировка историческаго чувства: первое—неправо, второе—въ высшей степени право. Историческое чувство есть «чувство органической связи между явленіями жизни, чувство цѣльности и единства жизни» (219). Оно «возстаетъ противъ формулы вѣчнаго развитія, въ которую втѣснило его историческое воззрѣніе» (223); оно есть «сознаніе цѣльности души человѣческой и единство ея идеала, сознаніе, которымъ обусловлена вѣра въ органическое единство жизни, вѣра въ исторію» (225).

Противъ «историческаго воззрѣнія» Гегеля съ успѣхомъ выступилъ Шеллингъ, «величайшій изъ міровыхъ мыслителей». «Этотъ Платонъ новаго времени разбилъ старую формулу» и далъ свою. «Высшее значеніе формулы Шеллинга, поскольку обозначается она въ доселѣ изданныхъ послѣднихъ его сочиненіяхъ, заключается въ томъ, что всему, и народамъ, и лицамъ, возвращается—ихъ *цѣльное самоотвѣтственное* значеніе, что разбитъ кумиръ, которому приносилися требы идольскія, кумиръ отвлеченнаго духа человѣчества и его развитія» (210). Бытіе народовъ имѣетъ имманентный и органическій характеръ. Эпохи—организмы во времени, народы—организмы въ пространствѣ. Идея развивается «въ извѣстныхъ, такъ сказать *типическихъ*, циклахъ, въ извѣстныхъ мірахъ, связанныхъ между собою преемственнымъ единствомъ, но имѣющихъ и свое самостоятельное значеніе, свое типовое бытіе». (337). Народные организмы, вышедшіе изъ первоначальнаго единства рода человѣческаго, развиваются, «внося свой органическій принципъ въ міровую жизнь» и образуя циклы древняго, средняго, новаго міра. «Каждый таковый организмъ самъ по себѣ замкнутъ, самъ по себѣ необходимъ, самъ по себѣ имѣетъ полномочіе жить по законамъ, ему свойственнымъ, а не обязанъ служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизмѣненное, никакому развитію не подлежащее, отъ начала одинаковое, есть правда души человѣческой» (210; ср. 627). Чистѣйшая ея

форма дана въ христіанствѣ, но самый идеалъ «пребывалъ и пребываетъ отъ вѣка». «Онъ есть вѣчная правда, неизмѣнный критеріумъ различенія добра и зла, права и не-права. Не онъ, стало быть, не вѣчная правда судится и измѣряется вѣками, эпохами и народами, а вѣка, эпохи и народы судятся и измѣряются по мѣрѣ храненія вѣчной правды души человѣческой и по мѣрѣ приближенія къ ней» (210) [1]).

Въ отличіе отъ «односторонне-историческаго» взгляда, Ап. Григорьевъ за исходную точку своего мышленія признаетъ «не одинъ умъ съ его логическими требованіями и порождаемыми необходимо этими требованіями теоріями, а умъ и логическія его требованія—*плюсъ* жизнь и ея органическія проявленія» (624). Свое міровоззрѣніе поэтому онъ и называетъ *органическимъ*, полагая въ концѣ концовъ, что оно есть «не что иное какъ простой, не теоретическій взглядъ на жизнь и ея выраженія или проявленія въ наукѣ, искусствѣ и исторіи народовъ» (627). «Не учить жизнь жить по-нашему, а учиться у жизни на ея органическихъ явленіяхъ — должны мы, мыслители,—что́ именно въ концѣ концовъ и составляетъ основной принципъ органическаго взгляда» (631). Высшая мудрость—въ умѣньи органически воспринимать самобытную красоту живой жизни. Радость бытія—въ полнотѣ и яркости жизнеощущенія.

Вотъ—основныя идеи Ап. Григорьева, на которыхъ покоилась его «органическая» критика. Въ нихъ есть несомнѣнная опредѣленность, точно очерчивающая его позицію среди предшественниковъ и современниковъ [2]).

Бывшій членъ «молодой редакціи «Москвитянина», человѣкъ «почвенный, кряжевой» (по выраженію Достоевскаго), Ап. Григорьевъ, конечно, тѣснѣе всего примыкалъ къ славянофиламъ. О Хомяковѣ онъ былъ особенно высокаго мнѣнія [3]). Но все же старое славянофильство, по его мнѣнію, умерло. Умерло потому, что не было свободно отъ доктринерства. Родоначальники славянофильства, а еще болѣе ихъ узкіе послѣдователи, «постоянно завлекались тоже въ теорію, которая въ сущности, какъ и

---

1) Предыдущія цитаты взяты изъ статьи Ап. Григорьева «Критич. взглядъ на основы, значеніе и пріемы современной критики искусства" (1858 г.). Часть тѣхъ же мыслей буквально повторена въ статьѣ 1861 г. „Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ" (по изданію Страхова, I, стр. 574—6: объ историческомъ воззрѣніи). Отвѣтъ Ап. Григорьева на упреки въ буквальныхъ повтореніяхъ—см. въ I вып., подъ ред. В. Ѳ. Саводника, стр. LIV.

2) Мы не касаемся того примѣненія, какое Ап. Григорьевъ дѣлалъ изъ своихъ идей въ качествѣ критика.

3) I т., изд. Страхова, 642—3.

всякая теорія, мало уважала живую жизнь» [1]). Отвлеченные теоретики народности, славянофилы исходили изъ телеологическаго принципа, народность подчиняли Общему и свято вѣрили въ идею мессіанизма. Все это въ корнѣ противорѣчило воззрѣніямъ Ап. Григорьева, его ученію объ имманентномъ характерѣ народной жизни. Помимо этого главнаго различія, были у него и другія расхожденія съ славянофильской доктриной. Когда славянофиламъ удалось занять выгодное положеніе, и въ «Эпохѣ» появилась статья «Славянофилы побѣдили», Ап. Григорьевъ доказывалъ Страхову (въ 1864 г.), что необходимо вступить въ борьбу съ славянофилами, защищая противъ ихъ московскаго централизма идею самобытной жизни областей [2]). По отношенію къ славянофиламъ онъ вообще держался независимо и имѣлъ право сказать тому же Страхову въ 1861 г.: «Славянофильство такъ же не признавало и не признаетъ меня своимъ—да я и не хотѣлъ никогда этого признанія» [3]).

Считая себя ученикомъ Бѣлинскаго, Ап. Григорьевъ, однако, тщательно проводилъ грань, которая, по его мнѣнію, отдѣляетъ «историческую» критику перваго отъ его собственной, «органической» критики. Разумѣется, онъ долженъ былъ отрицать Бѣлинскаго, какъ представителя гегельянства, какъ поклонника идеи отвлеченнаго человѣчества и, наконецъ, какъ западника. Западничеству вообще Ап. Григорьевъ не могъ простить того, что оно судило Русь по германскимъ и романскимъ идеаламъ прогресса. Нѣкоторыя крайнія проявленія западничества вызывали въ немъ чувство негодованія, какъ, напр., мнѣніе, высказанное въ «Атенеѣ» за 1859 г., что австрійскій солдатъ—цивилизаторъ славянства [4]).

Но особенно глубокую пропасть видѣлъ Ап. Григорьевъ между собою и «нигилистами» 60-хъ годовъ. Онъ—противникъ логическихъ теорій, они—убѣжденные «теоретики»; онъ—неисправимый трансценденталистъ, они—позитивисты; онъ вѣритъ въ вѣчную правду души человѣческой и не обольщенъ идеей прогресса, они—сторонники историзма и прогресса. Были моменты, когда Ап. Григорьевъ доходилъ «до глубокаго презрѣнія къ литературѣ *прогресса*». «Да иначе и быть не могло», писалъ онъ Стра-

[1]) Изданіе Страхова, 485. Ср. стр. 342.—Въ своей ранней стихотворной пьесѣ „Два эгоизма“ („Репертуаръ и Пантеонъ“, 1845, т. XII) Ап. Григорьевъ высмѣялъ философа-славянофила, Баскакова (=К. Аксакова).

[2]) Біографическій очеркъ, написанный В. Ѳ. Саводникомъ, стр. XLIII.

[3]) Ibid., стр. XXII.—Я уже не говорю томъ, что Ап. Григорьеву принадлежитъ горячая статья противъ „Маяка“.

[4]) Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Изд. Страхова, 567—579. Ср. passim и въ другихъ статьяхъ.

хову въ 1861 г.: «Искатель абсолютнаго, я столь же мало понимаю рабство передъ минутой, рабство демагогическое, какъ рабство передъ деспотами» [1]). Справедливость требуетъ однако сказать, что все же онъ былъ настроенъ терпимо по отношенію къ своимъ идейнымъ противникамъ. Въ 1864 г., напр., онъ заявлялъ [2]): «никакого духовнаго растлѣнія не вижу въ такъ называемомъ нигилизмѣ, сочувствуя вообще Гамаліилу въ судѣ надъ всякимъ новымъ явленіемъ духовной жизни, и убѣжденный, что все-таки—какъ оно тамъ ни вертись, это новое явленіе—но принадлежитъ оно къ той же духовной жизни, помимо своего вѣдома и своей воли служитъ, сначала отрицательно, а потомъ, конечно, послужитъ и положительно, во свидѣтельство все той же духовной жизни». Тѣмъ не менѣе Ап. Григорьевъ былъ въ постоянной оппозиціи съ тѣми, кто работалъ въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ», т.-е. съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ, Варѳоломеемъ Зайцевымъ (послѣдняго онъ рѣшительно не выносилъ) и чувствовалъ себя «ненужнымъ человѣкомъ» среди демократовъ-реалистовъ. Подъ впечатлѣніемъ тогдашней полемики ему не разъ приходила въ голову гнетущая мысль о несвоевременности и безплодности всей его дѣятельности [3]).

Исторія можетъ и должна отнестись къ Ап. Григорьеву справедливѣе, чѣмъ его современники. Какимъ бы своеобразнымъ ни казались намъ «органическія» идеи Ап. Григорьева, его тѣмъ не менѣе нельзя считать одинокимъ: духовныя нити связываютъ его со многими дѣятелями средины XIX в.

Талантливая, широкая и свободолюбивая натура, Ап. Григорьевъ упорно стремился разбить оковы догмы и теоріи; своею артистической душой онъ рвался къ настоящей, живой жизни, которая манила его безконечными переливами яркихъ красокъ. Вмѣсто догмы—свобода, вмѣсто теоріи—жизнь,—вотъ его лозунги. Въ этомъ направленіи работала мысль и всей русской интеллигенціи 40—60-хъ годовъ. О близости Ап. Григорьева къ любомудру Одоевскому мы уже говорили. Поколѣніе Бѣлинскаго также сквозь колючія дебри отвлеченныхъ теорій должно было пробиваться къ непосредственной жизни, должно было реабилитировать ея права, затемненныя абстракціями. Для Бѣлинскаго было цѣлымъ нравственнымъ подвигомъ преодолѣть въ

---

[1]) Біографич. очеркъ В. Ѳ. Саводника, стр. XXX.
[2]) Парадоксы органической критики. Изд. Страхова, 618.
[3]) Біографич. очеркъ В. Ѳ. Саводника, стр. XXVII, XXVIII, XXX—XXXI.

себѣ Гегеля и освободить свое духовное «я» изъ плѣна Общему. Съ какимъ трогательнымъ умиленіемъ сталъ онъ произносить «великое» слово «простота». «Боже мой, какъ глубокъ его таинственный и простой смыслъ!..» писалъ онъ Бакунину 10 сент. 1838 г.: «Кто снова не пріобрѣлъ простоты, утраченной идеальностью, тотъ не живетъ и не знаетъ жизни, и жизнь того не знаетъ» [1]). Вспомнимъ, что Ап. Григорьевъ въ концѣ концовъ свое «органическое» міровоззрѣніе опредѣлялъ какъ «простой, не-теоретическій» взглядъ на жизнь. Пусть онъ продолжалъ оставаться вѣрнымъ своему «трансцендентализму», а Бѣлинскій пошелъ въ сторону позитивизма,—это не мѣшаетъ намъ дѣлать указанное сближеніе, тѣмъ болѣе, что Ап. Григорьевъ перенялъ у Шеллинга не теософію, а его философско-поэтическую концепцію жизни. Ап. Григорьевъ былъ, можно сказать, необходимымъ дополненіемъ Бѣлинскаго: что̀ послѣдній сдѣлалъ для проблемы личности, то Ап. Григорьевъ—для проблемы народности. Герценъ — непреклонный гонитель всѣхъ «канонизированныхъ» истинъ и проповѣдникъ свѣтлой религіи жизни. «Доктринерство, схоластика мѣшаютъ пониманію, простому, живому пониманію, больше, чѣмъ изувѣрство и невѣжество», говорилъ онъ («Концы и начала», письмо четвертое, 1862 г.). Безспорнымъ считалъ Герценъ положеніе, что ни человѣкъ, ни народъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ средство для чего-то высшаго, что они являются самоцѣлью въ процессѣ жизни. По его убѣжденію, «каждая историческая фаза имѣетъ полную дѣйствительность, свою индивидуальность, каждая—достигнутая цѣль, а не средство; оттого у каждой свое благо, свое хорошее, лично принадлежащее ей и которое съ нею гибнетъ» («Съ того берега»; глава «LVII годъ республики единой и нераздѣльной»; 1848 г.). Онъ иронизируетъ надъ вѣрой въ строгую закономѣрность историческаго прогресса, иронизируетъ надъ тѣми «крѣпостными людьми, приписанными къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ», которые твердо знаютъ, что исторія не можетъ дать «въ сторону», что она «двигается по своимъ законамъ, какъ планеты». Герценъ рекомендовалъ имъ вмѣсто обсерваторіи «заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы *даютъ въ сторону*, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ». «При отсутствіи плана и

1) Ср. мою статью «Психологія Бѣлинскаго» въ журналѣ «Голосъ Минувшаго», 1914 г., апрѣль, стр. 113 и сл. См. также первую бесѣду и „Идеализмъ Станкевича“ (В. Е., февр.).

срока, аршина и часовъ», продолжаетъ онъ пояснять свою «органическую» теорію, «развитіе въ природѣ, въ исторіи не то что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей... Сложные, сводные организмы сбиваются со своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, благодаря смѣнѣ поколѣній» («Концы и начала», письмо второе, 1862 г.). Прогрессъ существуетъ, но не какъ цѣль, а какъ послѣдствіе жизни. «Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить горькой усмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать,.. или на то, чтобъ быть несчастными работниками, которые, по колѣно въ грязи, тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью «*прогрессъ* въ будущемъ» на флагѣ... Каждая эпоха, каждое поколѣніе, каждая жизнь имѣли, имѣютъ свою полноту... Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе о будущемъ не заботится... Въ исторіи все импровизація, все воля, все ex temporе, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ, есть условія, святое безпокойство, огонь жизни, и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силы, идти вдаль, куда хотятъ, куда только есть дорога,—а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложитъ геній» («Съ того берега», глава «Передъ грозой», 1847 г.). Философія исторіи Герцена, какъ видимъ, чужда телеологіи и проникнута тѣмъ же адогматизмомъ, какой характеризуетъ органическое міровоззрѣніе Ап. Григорьева, несмотря на все различіе ихъ исходныхъ пунктовъ.

Мало того, я рѣшаюсь утверждать, что даже реалисты шестидесятыхъ годовъ,—Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ,—психологически не такъ далеко отстоятъ отъ Ап. Григорьева, какъ это кажется на первый взглядъ. Вѣдь авторъ «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности», въ конечномъ результатѣ, стремился не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы подорвать авторитетъ Гегеля и выявить красоту и значеніе подлинной жизни. Здѣсь, какъ и въ статьяхъ Добро-

любова и Писарева, непрестанно звучитъ призывъ къ полнотѣ жизнеощущенія и къ борьбѣ съ гетерономными принципами (ученіе объ «эгоизмѣ»), что̀ въ сущности составляетъ дальнѣйшее развитіе проблемы сороковыхъ годовъ. Недаромъ и Ап. Григорьеву казалось, что нигилисты служатъ тѣмъ же задачамъ жизни, что и онъ самъ.

Помимо этой идейно - психологической общности Ап. Григорьева съ людьми 40-хъ и 60-хъ годовъ, была у него болѣе прочная и уже непосредственная связь съ извѣстной группой современниковъ, которые знали и понимали его. Ап. Григорьевъ сотрудничалъ въ журналахъ Достоевскаго; до нѣкоторой степени испыталъ на себѣ его вліяніе [1]). Достоевскому адресовалъ онъ «Парадоксы органической критики», напечатанные въ «Эпохѣ» за 1864 г. (№ 5 и 6). Когда читаешь эти письма, въ которыхъ трансценденталистъ отгораживается отъ нигилистовъ-раціоналистовъ, когда вникаешь въ ихъ нервный тонъ, когда при этомъ представляешь себѣ вообще психологію талантливаго неудачника, сознававшаго себя лишнимъ на пиру людей 60-хъ годовъ,—невольно вспоминаешь «Записки изъ подполья», появившіяся одновременно въ той же «Эпохѣ» (1864 г., янв.—февр. и апрѣль), вспоминаешь ихъ больного героя съ его душевнымъ надрывомъ, съ его протестомъ противъ «логистики», противъ математически точныхъ формулъ жизни, съ его отрицаніемъ моральнаго прогресса по мѣрѣ развитія цивилизаціи, съ его глумленіемъ надъ хрустальными дворцами соціалистовъ и проповѣдью свободнаго хотѣнія, какъ «самой выгодной выгоды человѣка». «И кто знаетъ (поручиться нельзя)», говоритъ онъ, «можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать—въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное что, какъ дважды два четыре, т.-е. формула, а вѣдь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти». Ап. Григорьевъ, «одинъ изъ русскихъ Гамлетовъ нашего времени», по выраженію Достоевскаго, родной братъ героя изъ подполья. И это замѣчательное произведеніе Достоевскаго получаетъ особый смыслъ въ свѣтѣ идей Ап. Григорьева [2]).

---

1) О чемъ свидѣтельствуетъ самъ Ап. Григорьевъ (въ изд. Страхова, 615).

2) Обращаетъ на себя вниманіе между прочимъ одна характерная частность. Герой „Записокъ изъ подполья“ имѣлъ „сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ („Города бываютъ умышленные и неумышленные“). Ап. Григорьевъ также различаетъ города настоящіе, съ исторіей, и города „сочиненные“ (Біографич. очеркъ В. Ѳ. Саводника, стр. XXI).

Какъ критикъ, Ап. Григорьевъ имѣлъ своихъ послѣдователей. Напр., Н. Н. Страхова. Кое-кто пытался даже ставить его выше Бѣлинскаго и видѣть въ немъ создателя русской критики [1]). Не исключена возможность, что Ап. Григорьевъ оказалъ извѣстное вліяніе на литературные взгляды Ѳ. М. Достоевскаго, высказанные имъ еще въ 1861 г. въ журналѣ «Время». Я имѣю въ виду статью «Г.—бовъ и вопросъ объ искусствѣ», а также сужденія Достоевскаго о Пушкинѣ (во «Введеніи», въ первой статьѣ «Книжность и грамотность»), развитыя потомъ въ извѣстной пушкинской рѣчи [2]).

Далѣе, нѣкоторыя историко-философскія идеи Ап. Григорьева нашли себѣ отзвукъ, а, можетъ быть, и прямое развитіе у другихъ писателей. Таковы идея самодовлѣющей, имманентной народности и отрицаніе историческаго прогресса. Послѣ Ап. Григорьева національную проблему въ той же плоскости разрабатывали Н. Я. Данилевскій, авторъ книги «Россія и Европа» (1869), Н. Н. Страховъ и К. Н. Леонтьевъ. Все это люди, идейно связанные между собою. Общимъ для нихъ является отрицаніе единства общечеловѣческой исторіи, отрицаніе исторической телеологіи и ученіе о самобытныхъ типахъ народнаго развитія. Теорія Данилевскаго о культурно-историческихъ типахъ, которую Вл. Соловьевъ считалъ позаимствованной у Рюккерта, въ своихъ основахъ, можно сказать, тожественна съ теоріей Ап. Григорьева о народахъ-организмахъ.

Даже государствовѣдъ, проф. А. Д. Градовскій, въ статьяхъ по національному вопросу (70-хъ годовъ) исходилъ изъ того же положенія, что «теорія Гегеля пала», и что «исторія человѣчества не есть цѣльная и законченная система, задуманная по одному плану и проведенная съ безпощадною логикой» [3]).

Наконецъ одна и довольно прочная нить тянется отъ Ап.

---

1) Н. Н. Страховъ, Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ) и др. См. въ книжкѣ Л. М. Шахъ-Пароніанца „Критикъ-самобытникъ“, стр. 158 и слл.— Не будетъ ничего удивительнаго, если и теперь, когда оживляется интересъ къ Ап. Григорьеву, снова примутся за эту безнадежную тему, тѣмъ болѣе, что не такъ давно Ю. И. Айхенвальдомъ была предпринята столь нашумѣвшая переоцѣнка Бѣлинскаго.

2) Ср. мысли о Пушкинѣ въ „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ (1863): „Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ“ и т. д. Ю. Николаевъ полагалъ даже, что пушкинская рѣчь Достоевскаго въ той ея части, гдѣ объясняется смыслъ поэзіи Пушкина, „представляетъ собою лишь великолѣпное и блестящее даже не развитіе, а *изложеніе* мыслей Григорьева“ (Л. М. Шахъ-Пароніанцъ, стр. 162). По мнѣнію В. Ѳ. Саводника, рѣчь Достоевскаго „въ значительной степени является лишь развитіемъ идей Аполлона Григорьева“ (Біограф. очеркъ, стр. XLVIII).

3) Сочиненія проф. А. Д. Градовскаго, т. VI, стр. 269, 233.

Григорьева къ самому *Л. Н. Толстому*. При всей своей геніальной самобытности, Толстой шестидесятыхъ годовъ во многихъ пунктахъ соприкасается съ общимъ движеніемъ той эпохи. Въ данное время я хочу указать на чрезвычайно существенное совпаденіе Толстого съ Ап. Григорьевымъ, которое до сихъ поръ никѣмъ не замѣчалось. Обосновывая свои оригинальныя педагогическія идеи, полемизируя въ частности съ Марковымъ, Толстой, какъ извѣстно, свелъ споръ на общій вопросъ о прогрессѣ въ исторіи. И разсуждаетъ такъ: «Со временъ Гегеля и знаменитаго афоризма: «что исторично, то разумно», въ литературныхъ и изустныхъ спорахъ, въ особенности у насъ, царствуетъ одинъ весьма странный умственный фокусъ, называющійся *историческое воззрѣніе*» [1]). Это историческое воззрѣніе только тѣмъ и занимается, что указываетъ «то мѣсто, которое ваша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или красотѣ занимаютъ въ исторіи; оно только сознаетъ, но сознаетъ не путемъ непосредственнаго сознанія, а путемъ историческихъ умозаключеній». Для него не существуетъ ни безусловно прекраснаго, ни безусловно справедливаго. «Къ какому хотите понятію стоитъ только приложить слово историческое,—и понятіе это теряетъ свое жизненное, дѣйствительное значеніе, и получаетъ только искусственное и неплодотворное значеніе въ какомъ-то искусственно составленномъ историческомъ міросозерцаніи». Люди, усвоившіе историческое воззрѣніе, признаютъ идею прогресса. «Я», говоритъ Толстой, «не держусь религіи прогресса, а, кромѣ вѣры, ничто не доказываетъ необходимости прогресса». Различными аргументами Толстой старается поколебать эту вѣру въ прогрессъ и «неизмѣнные историческіе законы». Для него первостепенную важность представляетъ другое—«вѣчное начало», выражающееся въ явленіяхъ. «Я не вижу никакой необходимости отыскивать общіе законы въ исторіи, не говоря уже о невозможности этого. Общій вѣчный законъ написанъ въ *душѣ*[2]) каждаго человѣка. Законъ прогресса, или совершенствованія, написанъ въ душѣ каждаго человѣка и, только вслѣдствіе заблужденія, переносится въ исторію. Оставаясь личнымъ, этотъ законъ плодотворенъ и доступенъ каждому; перенесенный въ исторію, онъ дѣлается праздною, пустою болтовней, ведущею къ оправданію каждой безсмыслицы и фатализма».

Это, такъ сказать, зародышъ той философіи исторіи, которая потомъ будетъ вложена въ романъ «Война и миръ». Нельзя не видѣть, что въ своихъ истокахъ историко-философская

1) Курсивъ мой.
2) Курсивъ мой.

мысль Толстого сливается съ мыслью Ап. Григорьева. Правда, о людяхъ, не вѣрящихъ въ прогрессъ и историческое воззрѣніе, Толстой выражается во множественномъ числѣ (и мы сами могли бы назвать также Герцена, какъ видно изъ предыдущаго изложенія), — но, насколько я знаю, терминъ «историческое воззрѣніе», связанный съ гегелевскимъ тезисомъ о разумности дѣйствительности, употреблялся только Ап. Григорьевымъ. Очевидно, здѣсь болѣе, чѣмъ простое сходство. Толстой 50-хъ—60-хъ годовъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто могъ сочувственно внимать словамъ Ап. Григорьева. Если яснополянскій мыслитель изумилъ присяжныхъ педагоговъ своимъ утвержденіемъ, что не крестьянскимъ ребятамъ нужно учиться у насъ, а намъ— у крестьянскихъ ребятъ,— то не есть ли это частное примѣненіе общаго положенія, которое Ап. Григорьевъ формулировалъ, какъ послѣдній итогъ органическаго взгляда, въ словахъ: «Не учить жизнь жить по-нашему, а учиться у жизни на ея органическихъ явленіяхъ—должны мы, мыслители»? Ап. Григорьевъ, далѣе, утверждалъ, что «истинная истина» дается намъ «не почастно, а всецѣло», посредствомъ поэтическаго, органическаго воспріятія. Левъ Толстой, по его любимому выраженію, постигалъ истину «*всѣмъ существомъ*»; въ его глазахъ это была высшая аргументація. Въ процессѣ выработки толстовскаго міросозерцанія художественная интуиція имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ сила его мысли. Не будетъ грѣхомъ утверждать, что въ первыхъ стадіяхъ Толстой могъ найти для себя теоретическую опору между прочимъ и въ воззрѣніяхъ Ап. Григорьева.

Такимъ образомъ, идеи Ап. Григорьева, далеко не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ его «органическомъ» міросозерцаніи находили для себя много цѣннаго тѣ, кто заявлялъ бунтъ противъ «законовъ» исторіи, кто мыслилъ не догматически, а «органически», чья душа, какъ его, жадно просила «жизни, жизни и все жизни» [1]).

Проблемы, аналогичныя тѣмъ, которыя рѣшалъ Ап. Григорьевъ, не разъ и послѣ него приковывали къ себѣ вниманіе русскихъ писателей.

П. Сакулинъ.

---

1) Ср., напр., книгу Иванова-Разумника „О смыслѣ жизни“, гдѣ дается философско-этическій анализъ творчества Ѳедора Сологуба, Леонида Андреева и Льва Шестова (автора книги „Апоѳеозъ безпочвенности. Опытъ адогматическаго мышленія“) и обосновывается ученіе объ „имманентномъ субъективизмѣ“. Ап. Григорьевъ по праву могъ бы найти себѣ мѣсто въ трудѣ Иванова-Разумника „Исторія русской общественной мысли“.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ГОСУДАРСТВЪ ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

I.

Съ давнихъ поръ вопросъ о возникновеніи государствъ привлекалъ вниманіе мыслителей и политиковъ; съ давнихъ поръ возникновеніе государствъ ставилось въ связь съ войной. Извѣстный австрійскій соціологъ и юристъ, Гумпловичъ, создалъ (или, вѣрнѣе, воскресилъ) теорію происхожденія государства изъ завоеванія. «Исторія не даетъ намъ ни одного примѣра, говоритъ онъ, гдѣ бы государство возникало не при помощи акта насилія, а какъ-нибудь иначе. Возникновеніе государства всегда являлось насиліемъ одного племени надъ другимъ, оно выражалось въ завоеваніи и порабощеніи болѣе сильнымъ чужимъ племенемъ болѣе слабаго, уже осѣдлаго населенія».

Въ такой категорической формѣ теорія эта, разумѣется, не могла быть принята, но несомнѣннымъ достоинствомъ ея было то, что она подчеркнула тѣсную связь новыхъ государствъ съ войной. При этомъ, однако, нельзя упускать изъ виду, что вопросъ о возникновеніи государства заключаетъ въ себѣ, какъ ясно указалъ Еллинекъ, два совершенно различныхъ вопроса, которые необходимо строго разграничивать одинъ отъ другого: это, во-первыхъ, вопросъ объ историческомъ началѣ государства вообще, т.-е. о возникновеніи государства, какъ извѣстной формы человѣческаго общенія, и, во-вторыхъ, вопросъ объ образованіи новыхъ государствъ въ предѣлахъ уже существующаго міра государствъ, т.-е. вопросъ о возникновеніи даннаго государства.

Первый вопросъ всецѣло относится къ области соціологіи; выясненіе второго требуется для пониманія природы того или иного государства, той или иной формы государственнаго уст-

ройства. «Les peuples, писалъ Токквиль, se ressentent de leur origine. Les circonstances qui ont accompagné leur naissance et servi à leur developpement, influent sur tout le reste de leur carrière».

Если тѣ условія, которыя сопровождали рожденіе государства, сохраняютъ значеніе и для оцѣнки его дальнѣйшаго развитія, то понятнымъ является интересъ, возбуждаемый вопросомъ о вліяніи войны на возникновеніе даннаго государства. Внутренняя организація такого государства, его политическій строй, его внѣшняя политика — надолго носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ событій, которыя вызвали его къ жизни. Даже такой строгій юристъ-догматикъ, какъ Лабандъ, не могъ не начать своего классическаго труда о государственномъ правѣ германской имперіи съ изложенія хода событій 1866—1870 годовъ.

Возникновеніе государства есть прежде всего вопросъ факта. «Война или принужденіе въ другихъ формахъ создаютъ новыя государства и разрушаютъ старыя», говоритъ Еллинекъ. Актъ созданія государства стоитъ внѣ права. «Въ международное общеніе государство вступаетъ въ силу прямого или безмолвнаго признанія его другими членами этого общенія. Международное право обусловлено фактомъ существованія государствъ, но не въ состояніи создать этотъ фактъ. Не можетъ объяснить процесса образованія государствъ и государственное право. Государство не можетъ установить то право, которымъ бы регулировалось его собственное возникновеніе, ибо для того, чтобы быть въ состояніи создать право, оно должно уже существовать».

Итакъ, процессъ образованія новаго государства можетъ быть понятъ только исторически. Образованіе новаго государства представляется завершеннымъ, когда фактически имѣются налицо всѣ существенные элементы государства и когда образовавшееся такимъ образомъ общеніе въ состояніи проявить себя, какъ государство.

Только-что изложенный взглядъ Еллинека получилъ полное признаніе въ наукѣ. Противникъ Еллинека по многимъ вопросамъ, Дюгюи, здѣсь сходится съ нимъ. «Политическая власть, говоритъ Дюгюи, это фактъ, который самъ по себѣ не имѣетъ правового характера». (La puissance politique est un fait qui n'a en soi aucun caractère de legitimité ou d'illegitimité).

Если актъ созданія государства находится внѣ области права, если возникновеніе государства можетъ быть понято только какъ фактъ, если образованіе государства завершено

тогда, когда налицо имѣются его существенные элементы, то въ чемъ-же выражается государственно-образующая роль войны, что̀ именно создается и что̀ разрушается войной?

2.

Въ наиболѣе рѣзкой формѣ сказывается вліяніе войны въ томъ случаѣ, когда государство прекращаетъ послѣ войны свое существованіе и на его территоріи возникаютъ новыя государственныя образованія. Уничтоженіе прежняго государственнаго порядка является непосредственнымъ результатомъ войны и необходимой предпосылкой для возможности возникновенія новаго государства. Исторія Германіи въ XIX вѣкѣ даетъ нѣсколько примѣровъ того, какъ старый государственный порядокъ, уничтожаясь, очищалъ мѣсто для новаго, возникшаго, какъ непосредственный результатъ войны.

Пресбургскій миръ 1805 года покончилъ съ существованіемъ священной римской имперіи германской націи, и отреченіе Франца II отъ императорскаго титула, послѣдовавшее въ августѣ 1806 г., было лишь торжественнымъ признаніемъ совершившагося факта. Рейнскій союзъ (іюль 1806 г.), Вестфальское королевство (декретъ Наполеона отъ 18 августа 1807 г.) родились на ея могилѣ.

Точно также возникновенію въ 1815 г. германскаго союза предшествовало уничтоженіе введеннаго Наполеономъ государственнаго порядка. «Заключительный актъ» Вѣнскаго конгресса подчеркиваетъ, что новый строй Германіи воздвигнутъ на чистомъ мѣстѣ. Ст. 53 «заключительнаго акта» постановляетъ, что «владѣтельные князья» (les princes souverains) и вольные города Германіи... учреждаютъ вѣчный союзъ, который будетъ носить названіе «Германскаго союза». Дословно тотъ же текстъ встрѣчаемъ въ ст. I конституціи Германскаго союза, подписанной 8 іюня 1815 г.

Австро-прусская война 1866 г. уничтожила существованіе Германскаго союза. Никольсбургскій прелиминарный договоръ 26 іюля 1866 г. содержалъ въ себѣ признаніе Австріей «распаденія германскаго союза и согласіе ея на преобразованіе Германіи (zu einer neuen Gestaltung Deutschlands) безъ участія Австрійской имперіи».

И здѣсь возникновенію новаго государства предшествуетъ признаніе прекращенія существованія прежняго порядка, прекращенія, вызваннаго войной.

Война какъ бы расчищаетъ почву, на которой выростаютъ новыя государства. На-ряду съ разрушеніемъ прежняго государственнаго порядка, война способствуетъ созданію той новой власти, наличность которой необходима въ качествѣ одного изъ существенныхъ элементовъ государства.

1867—1870 годы были годами, когда строились тѣ элементы, изъ которыхъ была создана Германская имперія. Въ 1867 году возникъ сѣверо-германскій союзъ. Цѣлый рядъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ остался внѣ союза. Для объединенія ихъ, для превращенія ихъ въ единое цѣлое необходима была власть, достаточно сильная, чтобы побороть мѣстныя симпатіи и антипатіи, чтобы сдѣлать свою волю обязательной и для нихъ. Власть эта создана была франко-прусской войной.

Въ рукахъ прусскаго короля, который по смыслу конституціи сѣверо-германскаго союза былъ въ сущности лишь верховнымъ главнокомандующимъ арміей союза, сосредоточилась вся власть. Въ октябрѣ 1870 г. представители южно-германскихъ государствъ собрались въ Версалѣ, какъ гласило оффиціальное сообщеніе, чтобы обсудить вопросъ о созданіи Германскаго союза (um über die Gründung eines Deutschen Bundes zu verhandeln). Но рѣчь не могла уже идти объ образованіи «Германскаго союза». Налицо была власть, которая не могла удовлетвориться ролью «президента союза». Новыя условія требовали иного положенія. Внѣшнее выраженіе оно нашло въ ст. 11 германской конституціи, гласящей: «Предсѣдательство въ союзѣ принадлежитъ королю Пруссіи, который носитъ титулъ германскаго императора». По мысли авторовъ конституціи понятія: «германскій императоръ» и «предсѣдатель союза»—равнозначащи. Какъ отмѣчаетъ Лабандъ, эта мысль ясно была выражена въ письмѣ баварскаго короля на имя короля Пруссіи: «я обратился къ германскимъ князьямъ съ предложеніемъ совмѣстно со мной побудить ваше величество къ тому, чтобы осуществленіе *предсѣдательскихъ правъ* въ союзѣ было соединено съ принятіемъ титула германскаго императора». Но созданная войною власть не могла быть стѣснена болѣе или менѣе удачными постановленіями конституціи. Исторія Германской имперіи послѣ 1871 года и, въ особенности, нынѣшняя война показали, что германскій императоръ изъ перваго среди равныхъ сталъ германскимъ монархомъ, а владѣтельные князья перешли на положеніе наслѣдственныхъ губернаторовъ.

Австро-прусская война очистила территорію для будущаго государства. Франко-прусская создала для этого государства центральную власть. Но для созданія государства необходимо еще признаніе правомѣрности новой власти.

«Государственная власть, говоритъ Еллинекъ, должна—не считая переходныхъ эпохъ—опираться на убѣжденіе народа въ ея правомѣрности, что̀ примѣнимо ко всякой формѣ государства, не исключая и неограниченной монархіи».

Нанося ударъ прежнему государственному строю, война создаетъ въ то же время новую власть. Когда въ подчиненную этой власти массу проникаетъ сознаніе правомѣрности новой власти, тогда масса объединяется въ понятіи народа. Sine Iusticia quid sunt regna nisi magna latrocinia, спрашивалъ еще бл. Августинъ. Въ сознаніи правомѣрности власти и заключается тотъ моментъ, которымъ государство отличается отъ разбойничьей шайки, хозяйничающей на извѣстной территоріи.

Разрушеніе стараго порядка, возникновеніе новой власти, подчиненіе этой власти извѣстной территоріи недостаточны для созданія государства. Недостаточно было разрушить старый германскій союзъ, недостаточно было сосредоточить въ рукахъ Пруссіи власть, способную подчинить себѣ территорію и сѣверогерманскаго союза, и южно-германскихъ государствъ. Необходимо было провести въ сознаніи населенія идею правомѣрности новой власти. Этой цѣли служило голосованіе ландтагами южно-германскихъ государствъ и рейхстагомъ сѣверо-германскаго союза договоровъ Баваріи, Бадена, Вюртемберга и Гессена съ сѣверогерманскимъ союзомъ о вступленіи ихъ въ общій союзъ. Моментъ этотъ и явился моментомъ возникновенія Германской имперіи.

3.

Если на примѣрѣ возникновенія Германской имперіи мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ уничтожался одинъ государственный порядокъ и какъ постепенно создавалось новое государство, то исторія балканскихъ государствъ интересна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ въ результатѣ войнъ создавались автономныя области и какъ, въ результатѣ новыхъ войнъ, эти области превращались въ самостоятельныя государства.

По жестокому и остроумному замѣчанію англійскаго посла въ Константинополѣ, сэра Л. Маллета, сдѣланному въ разговорѣ съ Талаатъ-беемъ въ августѣ 1914 г., гарантировать цѣлость и независимость Турціи все равно, что гарантировать жизнь человѣка, который рѣшилъ совершить самоубійство. Нельзя, однако, не замѣтить, что политика европейскихъ державъ по

отношенію къ Турціи въ теченіе всего XIX вѣка сводилась именно къ попыткамъ гарантировать жизнь завѣдомаго самоубійцы.

Сознаніе неизбѣжности гибели Турціи сильнѣе всего было у императора Николая I. За полгода до начала крымской войны, въ началѣ января 1853 г., императоръ Николай I говорилъ англійскому послу: «Дѣла въ Турціи въ крайнемъ разстройствѣ. Ей угрожаетъ неизбѣжная гибель... Вѣрьте мнѣ, что мы имѣемъ дѣло съ больнымъ человѣкомъ, тяжко больнымъ человѣкомъ. Говорю вамъ откровенно: было бы большимъ несчастьемъ, если бы онъ вдругъ скончался, особенно прежде, чѣмъ будутъ приняты нужныя мѣры». Но точка зрѣнія русскаго двора не находила сочувствія въ Западной Европѣ. Англо-французская политика преслѣдовала цѣли сохраненія существованія Турецкой имперіи, и свое выраженіе нашла въ знаменитой ст. 7 парижскаго трактата 1856 года: «Блистательная Порта признается участницей въ выгодахъ общаго права и союза европейскихъ державъ», при чемъ трактатомъ спеціально подчеркивается, что послѣднія обязуются «уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства, и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользъ».

Желаніе продлить существованіе Турецкой имперіи и въ то же время сознаніе необходимости измѣнить царившій въ Турціи режимъ руководили европейской политикой при опредѣленіи послѣдствій веденныхъ съ Турціей войнъ.

Подводя итоги русской и французской ближневосточной политикѣ въ эпоху, предшествовавшую русско-турецкой войнѣ 1877 г., Альбертъ Вандаль отмѣчаетъ разницу въ исходныхъ точкахъ зрѣнія: «Франція видѣла всегда спасеніе Турціи въ принятіи для всѣхъ областей одинаковаго, централистическаго режима, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ привести къ сліянію расъ и, путемъ такого амальгамированія, создать своего рода оттоманскую національность. Россія, лучше освѣдомленная, замѣчала, что на Востокѣ, по существу столь разнообразномъ и пестромъ, преслѣдовать политику сліянія—значитъ предаваться опасной мечтѣ и что значительно лучше, по возможности, возстановить старинныя мѣстныя автономіи, даровать каждой области особый строй, приспособленный къ ея нуждамъ, ея прошлому, ея этническому составу и снабженный солидными гарантіями. Князь Горчаковъ видѣлъ въ этомъ для Турціи единственное средство избѣжать насильственнаго распаденія и выражалъ свою

мысль въ видѣ слѣдующей энергичной дилеммы: «Autonomie ou anatomie».

Образованіе автономныхъ областей должно было служить цѣли спасенія Турціи отъ «анатоміи», и этого нельзя забывать при разсмотрѣніи исторіи возникновенія балканскихъ государствъ.

Наиболѣе рѣзко превращеніе автономной области въ независимое государство наблюдается на примѣрѣ Греціи.

По петербургскому протоколу 1826 года, подписанному Англіей и Россіей, греки имѣли оставаться подъ верховной властью Оттоманской имперіи и платить ей дань въ размѣрѣ, опредѣленномъ разъ навсегда по общему соглашенію; они должны были управляться властями, избранными самимъ народомъ и утвержденными Портой, пользоваться независимостью внутренняго управленія, полною свободою вѣроисповѣданія и торговли.

Эти именно условія было рѣшено положить въ основу мира Турціи съ возставшими греками.

Дальнѣйшее развитіе принциповъ петербургскаго протокола 1826 года мы находимъ въ лондонскомъ договорѣ 24 іюня (6 іюля) 1826 г., заключенномъ между Англіей, Россіей и Франціей. Лондонскій договоръ подтверждалъ начала, нашедшія мѣсто въ петербургскомъ протоколѣ, но придавалъ имъ практическое значеніе, благодаря секретной статьѣ, указывавшей, между прочимъ, что «высокія договаривающіяся стороны считаютъ необходимымъ принять немедленно мѣры къ сближенію съ греками» посредствомъ вступленія съ ними въ торговыя сношенія и назначеніемъ къ нимъ и принятіемъ отъ нихъ консульскихъ агентовъ.

Упорство Турціи, подстрекаемой Австріей, привело къ русско-турецкой войнѣ 1828—1829 г.г. Адріанопольскій договоръ, подписанный Россіей и Турціей 2/14 сентября 1829 г., содержалъ въ себѣ согласіе Турціи на преобразованіе Греціи въ смыслѣ, указанномъ въ соглашеніи Россіи, Англіи и Франціи отъ 10/22 марта 1829 г.

Въ силу мартовскаго соглашенія, Грецію должна была составить государство, состоящее подъ верховной властью султана, платящее ему ежегодную дань въ $1^1/_2$ милліона піастровъ и пользующееся полной свободой внутренняго управленія. Во главѣ ея долженъ стоять христіанскій правитель, который назначается по соглашенію трехъ союзныхъ державъ съ Оттоманской имперіей, но не можетъ принадлежать къ царствующимъ династіямъ покровительствующихъ державъ. Если петербургскій протоколъ 1826 года предвидѣлъ образованіе автоном-

ной области, управляемой властями, избранными народомъ и утверждаемыми султаномъ, то лондонскій протоколъ 10/22 марта 1829 г. и адріанопольскій трактатъ создавали государство, находящееся въ вассальной зависимости отъ Турціи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, новая лондонская конференція, созванная по иниціативѣ Россіи, признала 3 февраля 1830 года Грецію совершенно независимымъ государствомъ, освободивъ ее отъ платежа дани и устранивъ всякое вліяніе Турціи.

Не меньшій интересъ для исторіи образованія, благодаря войнѣ, автономной области и превращенія ея, благодаря новой войнѣ, въ независимое государство представляетъ Сербія.

Борьба за освобожденіе Сербіи продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ первую четверть XIX вѣка. Тотъ же адріанопольскій миръ, который создалъ Греческое государство, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ созданіе автономнаго Сербскаго княжества. Во исполненіе п. 6 адріанопольскаго договора 1829 года въ 1830 году былъ изданъ хаттишерифъ, утверждавшій Милоша Обреновича въ званіи сербскаго князя и предоставлявшій ему право «отъ имени Высокой Порты управлять внутренними дѣлами страны въ согласіи съ собраніемъ, состоящимъ изъ сербскихъ властей».

Сербско-турецкая война 1876 г. и русско-турецкая война 1877 г. порвали связь Сербіи съ Турціей. Берлинскій трактатъ провозгласилъ независимость Сербскаго княжества и изъ автономной области создалъ самостоятельное государство.

Послѣдствіемъ русско-турецкой войны 1877 г. явилось возникновеніе, въ силу постановленій берлинскаго трактата, въ составѣ Турціи новой автономной области—Восточной Румеліи, находящейся подъ политическимъ и военнымъ управленіемъ султана. «Автономія этой области, замѣчаетъ проф. Мартенсъ, и покровительство, которымъ она пользовалась со стороны великихъ европейскихъ державъ, поставили ее въ дѣйствительности почти въ такое же международное положеніе, въ которомъ находились прежде дунайскія княжества и Сербія». Сліяніе Восточной Румеліи съ Болгаріей, предсказанное Блюнчли, осуществилось въ 1885 году.

Примѣръ балканскихъ государствъ показываетъ, что автономныя области, возникшія, какъ послѣдствіе войны и, по мысли дипломатовъ, долженствовавшія предохранить Турцію отъ распаденія на независимыя государства, силой вещей, пріобрѣтали самостоятельность.

Автономія можетъ быть результатомъ лишь стремленія са-

мого населенія къ объединенію подъ покровительствомъ и въ составѣ болѣе могущественнаго государства. Такими автономными областями являются англійскія колоніи. Наоборотъ, автономіи, явившіяся послѣдствіемъ войны, какъ результатъ желанія воспрепятствовать возникновенію новыхъ самостоятельныхъ государствъ и по возможности сохранить существованіе прежняго порядка, неуклонно стремятся къ пріобрѣтенію внѣшней независимости.

4.

На-ряду съ созданіемъ новыхъ государствъ на развалинахъ старыхъ и съ устройствомъ въ предѣлахъ сохраняющихъ свое существованіе государствъ новыхъ автономныхъ областей, войны вызываютъ къ жизни новыя формы политическаго общенія.

Развитіе идеи союзнаго государства стоитъ въ непосредственной связи съ войной. Древности было чуждо понятіе союзнаго государства. Точно также оно было чуждо и средневѣковому мышленію. Лишь съ XVII вѣка начинаетъ разрабатываться вопросъ о возможности существованія государства, состоящаго изъ государствъ, и о возможности дѣленія государственной власти между суверенным союзомъ и его членами. Но твердую опору наука могла найти для своихъ новыхъ построеній только тогда, когда были вызваны къ жизни современныя союзныя государства, въ особенности Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Германская имперія.

Не приходится останавливаться на томъ обще-извѣстномъ фактѣ, какую огромную роль при созданіи этихъ государствъ имѣли событія предшествовавшихъ ихъ возникновенію войнъ. Необходимость совмѣстить существованіе штатовъ съ потребностью въ центральной власти, необходимость согласовать требованія національнаго единства съ партикулярными интересами отдѣльныхъ государствъ рѣзче всего обнаружились именно во время борьбы за независимость въ Америкѣ и войнъ 1866—1870 годовъ. Тотъ практическій эффектъ, который имѣлся въ виду при созданіи нынѣ дѣйствующей конституціи Соединенныхъ Штатовъ, ясно выраженъ былъ однимъ изъ творцовъ ея, Гамильтономъ. Въ № 15 «Федералиста» онъ говоритъ: «Крупный и основной недостатокъ устройства существующей конфедераціи заключается въ принципѣ законодательства для штатовъ, какъ корпоративныхъ или коллективныхъ единицъ, въ противоположность тѣмъ индивидамъ, изъ коихъ они состоятъ... Мы должны

распространить власть союза на личность гражданъ, единственно дѣйствительныхъ объектовъ правленія». Для того, чтобы быть сильнымъ во-внѣ, союзъ долженъ имѣть власть надъ отдѣльными индивидами. Таковъ былъ тотъ выводъ, къ которому привела война за независимость.

Та же идея была положена и въ основаніе конституціи Германской имперіи. Даже тѣ, кто отстаиваетъ мысль (какъ, напр., Лабандъ и Еллинекъ), что отдѣльныя нѣмецкія государства сохранили въ составѣ Германской имперіи свой государственный характеръ, признаютъ въ то же время обязательность велѣній центральной власти для отдѣльныхъ гражданъ. «Законъ дѣйствуетъ,—говоритъ Лабандъ,—не только *для* государствъ, но и *въ* государствахъ (gilt nicht bloss *für* die Staaten, sondern auch in den Staaten), потому что государства съ ихъ территоріей и населеніемъ (mit Land und Leuten) подчинены центральной власти».

Войны за независимость Америки и за объединеніе Германіи показали недостаточность той связи, которая раньше существовала между отдѣльными американскими штатами, а также и германскими государствами. Нужно было найти новую политическую форму, и эта форма была найдена въ союзномъ государствѣ. «Найти форму общенія, которая бы защищала всей общей силой личность и имущество каждаго и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы только самому себѣ и оставался столь же свободнымъ, какъ и раньше», такова была задача, поставленная Руссо. Творцы союзнаго государства стояли передъ аналогичной задачей: найти такую форму общенія, при которой отдѣльныя государства, соединяясь вмѣстѣ подъ защитой и покровительствомъ единой общей власти, сохранили бы свой государственный характеръ. И если та задача, которую поставилъ себѣ Руссо, являлась по существу своему неразрѣшимой, то и задача, которую ставили себѣ творцы союзнаго государства, такъ же точно невыполнима, и, можетъ быть, правы тѣ, кто, какъ Лефюръ, Борель и Цорнъ, отрицаютъ государственный характеръ за областями, входящими въ составъ союзнаго государства.

Но какъ бы ни относиться къ вопросу о возможности существованія несуверенныхъ государствъ, какъ бы ни понимать юридическую природу союзнаго государства, нельзя отрицать значенія самой постановки вопроса и связи ея съ событіями предшествовавшихъ созданію новаго государства войнъ.

Участвовавшія въ общей борьбѣ, вынесшія на своихъ пле

чахъ всю тяжесть войны, отдѣльныя государства не могли примириться съ мыслью о томъ, что ихъ побѣда повлечетъ за собой ихъ смерть. Ихъ жизнеспособность была, казалось бы, подтверждена ихъ военнымъ успѣхомъ, и партикуляристическія тенденціи находили законную почву для своего дальнѣйшаго существованія; не считаться съ ними было политически невозможно. Но точно также во время войны была сознана потребность въ сильной центральной власти и эта власть создана. Новый государственный строй Германіи былъ созданъ людьми, которые руководствовались исключительно практическими соображеніями. Тѣ же соображенія имѣли преобладающее значеніе при выработкѣ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Какъ констатировалъ уже Гамильтонъ, конституція Штатовъ явилась компромиссомъ между интересами, столь же многочисленными, сколь и разнообразными.

5.

Союзное государство возникло, какъ равнодѣйствующая въ борьбѣ силъ, окрѣпшихъ во время войны; проблема, которая была поставлена фактомъ образованія союзныхъ государствъ, заключалась въ томъ, можетъ ли въ предѣлахъ одной и той же территоріи существовать власть двухъ государствъ—союза и государства, входящаго въ составъ союза.

Въ иной формѣ мы встрѣчаемъ ту же проблему о совмѣщеніи власти двухъ государствъ въ предѣлахъ одной и той же территоріи при разсмотрѣніи юридической природы покровительствуемыхъ областей.

Извѣстная область, обыкновенно послѣ войны, оставаясь подчиненной державной власти одного государства, въ то же время, въ той или иной мѣрѣ, оказывается подчиненной политическому воздѣйствію другого государства, воздѣйствію, которое чаще всего выражается въ контролѣ надъ назначеніемъ лицъ высшей администраціи области. Примѣры такихъ именно покровительствуемыхъ областей мы находимъ въ политической жизни Турціи XIX вѣка.

Аккерманская конвенція 1826 г. и адріанопольскій мирный договоръ 1829 года, оставляя Молдавію и Валахію подъ державной властью султана, подчинили ихъ непосредственно вліянію Россіи. Безъ согласія Россіи Порта не могла ни назначать господарей, ни отрѣшать ихъ отъ должности. Согласно аккерманской конвенціи, русскій посолъ въ Константинополѣ и

русскій консулъ въ княжествахъ получили право слѣдить за осуществленіемъ тѣхъ мѣръ, принятіе которыхъ было обусловлено конвенціей. Наконецъ, господари обязывались «принимать со вниманіемъ и уваженіемъ представленіе посланника его императорскаго величества, а равно и всѣ представленія, кои, по его предписанію, будутъ дѣлаемы отъ русскихъ консуловъ». Предоставленіе Россіи исключительнаго права вмѣшательства во внутреннія дѣла Молдавіи и Валахіи вызывало постоянную тревогу при австрійскомъ дворѣ, и привилегированное ея положеніе окончилось въ 1856 году, по парижскому миру.

Но самый фактъ подчиненія нѣкоторыхъ турецкихъ областей покровительству европейскихъ государствъ сохранился, несмотря на торжественную гарантію независимости оттоманской имперіи, данную въ цитированной раньше ст. 7 парижскаго трактата 1856 года.

Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ парижскаго трактата, въ 1860 году, вслѣдствіе происходившей рѣзни христіанъ, Франція, съ согласія другихъ европейскихъ державъ, высадила дессантъ въ Сиріи. Рѣзня прекратилась, и европейская комиссія выработала въ 1864 году для Ливана особый статутъ. Ливанскій губернаторъ назначается съ согласія державъ, и статутъ не можетъ быть отмѣненъ безъ ихъ согласія.

Еще болѣе яснымъ является вмѣшательство державъ въ дѣла автономныхъ турецкихъ областей по берлинскому трактату 1877 года. Берлинскій трактатъ, создавшій автономію въ Восточной Румеліи, въ ст. 13 постановлявшій, что Восточная Румелія останется подъ непосредственной политической и военной властью (sous l'autorité politique et militaire directe) султана, въ то же время, въ ст. 17, допустилъ вліяніе европейскихъ державъ на внутреннія дѣла области, требуя согласія державъ на назначеніе генералъ-губернатора Восточной Румеліи. Генералъ-губернатору, согласно ст. 16, предоставлено было право призывать оттоманскія войска въ случаѣ внѣшней опасности или внутреннихъ безпорядковъ, но о мотивахъ этой мѣры Порта должна давать объясненія представителямъ европейскихъ державъ въ Константинополѣ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что на примѣрахъ дунайскихъ княжествъ, Ливана, Самоса, Восточной Румеліи и Крита мы видимъ возникновеніе новой формы политическаго общенія. Чрезвычайно интересную попытку юридическаго объясненія этой формы находимъ въ протоколахъ засѣданій представителей посольствъ великихъ державъ, происходившихъ въ Ени-Кейѣ въ

1913 году для разсмотрѣнія выработаннаго русскимъ посольствомъ проекта реформъ въ Арменіи. Русскій проектъ предполагалъ установить въ отношеніи Арменіи то же правило, которое имѣется въ статутахъ прочихъ автономныхъ турецкихъ областей, а именно генералъ-губернаторъ назначается съ согласія великихъ державъ. Представители австро-венгерскаго посольства Панфили и германскаго Шенбергъ возбудили вопросъ о совмѣстимости такого постановленія съ сохраненіемъ суверенныхъ правъ султана. Авторъ русскаго проекта А. Н. Мандельштамъ защищалъ проектъ ссылкой на теорію Еллинека и Лефюра. Понятіе суверенитета, доказывалъ онъ, есть понятіе чисто-формальное и не можетъ быть опредѣлено, какъ совокупность правомочій государствъ. Въ дѣйствительности эти правомочія мѣняются въ зависимости отъ государствъ и отъ эпохъ. Поэтому необходимо различать мѣняющуюся совокупность этихъ правомочій и чистую идею суверенитета. Суверенитетъ есть свойство государства быть обязаннымъ или ограниченнымъ только по своей собственной волѣ. Въ силу договора государство можетъ, поэтому, уступить неограниченную сумму своихъ правъ, не теряя, однако, своего суверенитета.

6.

Союзное государство и покровительствуемыя области явились новыми формами политическаго общенія народовъ, формами, возникшими въ качествѣ компромисса между различными и многообразными интересами, частью созданными, частью окрѣпшими во время войны. Войнѣ обязано своимъ существованіемъ и понятіе гегемоніи одного государства надъ другимъ.

Какъ указываетъ Ремъ, понятіе гегемоніи является не только политическимъ, но и юридическимъ. Гегемонія означаетъ, что одно или нѣсколько государствъ, принадлежащія къ одной и той же системѣ государствъ, пріобрѣтаютъ бо́льшую долю участія въ веденіи общихъ дѣлъ, нежели прочія государства той же системы. Вполнѣ естественнымъ являлось возникновеніе гегемоніи государства-побѣдителя въ древности или въ средніе вѣка. Борьба между Аѳинами и Спартой остается классическимъ примѣромъ борьбы за гегемонію. Но вопросъ о гегемоніи въ средѣ современныхъ европейскихъ государствъ представляется безконечно болѣе сложнымъ. Развитіе международныхъ сношеній, взаимная соціальная и экономическая зависимость государствъ, потребность въ новыхъ рынкахъ и борьба за колоніи—всѣ эти явленія измѣнили вну-

треннее содержаніе понятія гегемоніи. Чрезвычайно интересно сравнить, въ какихъ формахъ выражалась, какія цѣли преслѣдовала гегемонія государствъ на рубежѣ XIX вѣка и въ настоящее время.

Созданная на вѣнскомъ конгрессѣ система покоилась, какъ извѣстно, на принципѣ легитимности. Основная мысль заключалась въ стремленіи удерживать, по возможности, все существующее, избѣгать всякихъ нововведеній и не допускать образованія чего-либо новаго. Для того, чтобы всѣ европейскія государства дѣйствовали согласно съ этимъ принципомъ, оказалось необходимымъ начало вмѣшательства, въ силу котораго первенствующія державы признали за собой право охраненія европейскаго мира путемъ дипломатическаго и военнаго вмѣшательства въ дѣла тѣхъ государствъ, гдѣ происходили событія, дающія поводъ къ перевороту или войнѣ. На основаніи протокола, подписаннаго въ Троппау 19 ноября 1820 года, уполномоченные Австріи, Пруссіи и Россіи объявили, что державы эти исключаютъ изъ европейскаго союза всякое государство, которое во внутреннемъ своемъ устройствѣ подверглось бы измѣненіямъ вслѣдствіе мятежа. Занятіе австрійской арміей Неаполитанскаго королевства и возстановленіе абсолютизма въ Неаполѣ было непосредственнымъ результатомъ рѣшеній троппаусскаго конгресса.

Австрія, Пруссія и Россія признали за собой право рѣшающаго вліянія на судьбы европейскихъ государствъ. Гегемонія ихъ носила часто династическій характеръ. На верронскомъ конгрессѣ императоръ Александръ I прямо заявилъ Шатобріану: «Я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Должно позволить государямъ заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ». Гегемонія Австріи, Пруссіи и Россіи, возникшая послѣ Наполеоновскихъ войнъ и имѣвшая цѣлью борьбу съ революціонными идеями, была не столько гегемонія государствъ, сколько гегемонія правителей.

Совершенно иной характеръ носитъ происходящая въ настоящее время борьба Германіи за ея гегемонію. Въ опубликованной французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ секретной германской запискѣ отъ 19 марта 1913 г. (Documents diplomatiques: la crise européenne № 2) мы находимъ слѣдующее опредѣленіе тѣхъ задачъ, которыя ставили себѣ берлинскіе политическіе круги: «Ни смѣшные крики французскихъ шовинистовъ о реваншѣ, ни зубовный скрежетъ англичанъ, ни безпорядочныя движенія славянъ не отвратятъ насъ отъ нашей цѣли,

которая заключается въ усиленіи и распространеніи германизма (Deutschtum) по всему свѣту».

Не укрѣпленіе извѣстной политической страны или поддержаніе правящихъ династій, какъ въ 1815 г., не преобладающее вліяніе на внутреннюю жизнь европейскихъ государствъ, котораго добивались дѣятели Священнаго союза, а прямое и откровенное подчиненіе своему экономическому и культурному вліянію всего міра—такова та гегемонія, къ которой стремились германскіе государственные дѣятели передъ началомъ европейской войны. Борьба за колоніи является характеристической чертой европейской политики послѣдняго времени. Пріобрѣтеніе колоніальнаго могущества, наибольшаго значенія во внѣевропейскихъ странахъ стало руководящимъ стимуломъ дѣятельности европейской дипломатіи. Подчиненіе французскому вліянію Марокко, завоеваніе Триполитаніи итальянцами, полученіе Германіей концессіи на постройку Багдадской дороги—достаточно вспомнить объ этихъ фактахъ, чтобы увидѣть, что должна была обозначать борьба за гегемонію въ настоящее время. Съ какой-то наивной откровенностью германскіе дипломаты въ переговорахъ съ Англіей по поводу ея участія въ европейской войнѣ подчеркнули эту именно сторону вопроса. Въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ, сэромъ Гошеномъ, Бетманъ-Гольвегъ предложилъ Англіи, что, въ случаѣ сохраненія ею нейтралитета, Германія откажется отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ предѣлахъ европейской Франціи, ограничившись захватомъ французскихъ колоній. Сэръ Э. Грей отвѣтилъ на это предложеніе категорическимъ отказомъ, при чемъ указалъ, помимо чисто-моральныхъ соображеній, и на то, что съ потерей колоній, даже при сохраненіи своихъ границъ въ Европѣ, Франція потеряетъ значеніе великой державы и будетъ подчинена исключительному вліянію Германіи.

Переговоры эти интересны въ томъ отношеніи, что показали, какъ измѣнилось содержаніе понятія гегемоніи. Гегемонія означаетъ не столько участіе первенствующихъ державъ во внутреннихъ дѣлахъ *европейскихъ* государствъ, сколько степень большаго или меньшаго участія ихъ во вліяніи во *внѣ-европейскихъ* странахъ.

Эпоха 1848—1866 годовъ была эпохой борьбы Пруссіи и Австріи за гегемонію въ средѣ германскаго союза. Это была борьба за степень участія въ веденіи всѣхъ обще-германскихъ дѣлъ, борьба за гегемонію въ старомъ смыслѣ этого слова. Нынѣшняя европейская война несетъ съ собой иное пониманіе

гегемоніи; рядомъ съ прежнимъ пониманіемъ наростаетъ новое: гегемонія означаетъ теперь, главнымъ образомъ, преобладаніе одного или нѣсколькихъ европейскихъ государствъ во внѣевропейскихъ странахъ. Колоніальное могущество становится категоріей международнаго права. Сообразно съ этимъ, мѣняется и значеніе термина «имперія».

7.

Новое пониманіе термина «имперія» тѣсно связано съ развитіемъ идей англійскаго имперіализма.

Какъ отмѣчено было проф. Мартенсомъ, терминъ «British Empire»—Британская имперія выражаетъ принципъ международнаго единства англійскихъ владѣній. Изслѣдователи англійской колоніальной политики неоднократно указывали на разнородный этическій и религіозный составъ населенія Британской имперіи, на почти полную самостоятельность англійскихъ колоній, на почти полное внѣшнее отсутствіе постоянныхъ учрежденій, поддерживающихъ связь между колоніями и метрополіей. Но та огромная внутренняя связь, которая соединяетъ Англію съ ея владѣніями за моремъ, ясно выявилась во время европейской войны. Характеръ этой связи былъ очень мѣтко и остроумно опредѣленъ лордомъ Розберри въ его рѣчи въ Мельбурнѣ еще въ 1884 году. «The connection between Great Britain and her colonies is a marriage of affections or it is nothing at all»—связь Великобританіи съ ея колоніями есть бракъ по любви, или ничто. И подобно тому, какъ крѣпость брака по любви сказывается именно въ минуту горя, такъ точно крѣпость связи между колоніями и Англіей сказалась во время народнаго испытанія — войны. Характерно, что въ той же рѣчи лордъ Розберри коснулся и этого вопроса. Онъ предсказывалъ, что въ случаѣ войны,—если только сохранятся между метрополіей и колоніями отношенія взаимной независимости и взаимнаго самоуваженія (mutual independence and mutual self-respect) — эта связь станетъ еще тѣснѣе, чѣмъ до того.

Тотъ же характеръ отношеній между метрополіей и колоніями отмѣтилъ также политическій противникъ лорда Розберри, сэръ Гиксъ-Бичъ. Имперія есть единство свободныхъ народовъ, и на эту именно сторону сэръ Гиксъ-Бичъ обратилъ вниманіе въ 1897 г. въ рѣчи, сказанной во время празднествъ по поводу 60-ти-лѣтняго юбилея царствованія императрицы Викторіи. «Что отличаетъ процессію, которая шла въ прошлый вторникъ

по улицамъ Лондона, отъ тріумфальныхъ шествій римскихъ императоровъ, восклицалъ канцлеръ казначейства въ консервативномъ кабинетѣ лорда Сольсбери. Развѣ не великій принципъ свободы? И что отличаетъ наши теперешнія политическія стремленія отъ стремленій древне-греческихъ республикъ и современной Швейцарской республики? Развѣ не принципъ имперіи? Мы соединили обѣ эти идеи такъ, какъ онѣ никогда не были раньше соединены на всемъ протяженіи всемірной исторіи».

Все значеніе этого англійскаго пониманія принципа имперіализма обнаружилось въ преніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ колоніальныхъ парламентахъ по поводу участія колоній въ войнѣ. Нельзя не отмѣтить заявленія, сдѣланнаго въ канадской палатѣ общинъ лидеромъ оппозиціи сэромъ Вильфридомъ Лоріе, въ свою бытность первымъ министромъ горячо отстаивавшимъ дальнѣйшее расширеніе правъ Канады. Подчеркнувъ, что въ одномъ сердечномъ порывѣ объединены Соединенное Королевство, Канада, Австралія, Новая Зеландія и даже Южная Африка, Лоріе указалъ на общую надежду, что «изъ этой тяжелой войны Британская имперія выйдетъ съ укрѣпившимся союзомъ, гордостью ея гражданъ и живымъ свѣтомъ для всѣхъ другихъ народовъ».

Разумѣется, пока преждевременно говорить о томъ, какъ глубоко проникнутъ послѣ войны въ сознаніе европейскихъ народовъ принципы англійскаго имперіализма. Въ своей рѣчи въ Кардиффѣ, 2 октября 1914 года, Асквитъ выразилъ увѣренность, что «свобода и автономія слабыхъ народовъ должны явиться однимъ изъ главныхъ результатовъ современнаго гигантскаго конфликта». Въ какой мѣрѣ осуществятся эти предсказанія англійскаго премьера, сказать трудно, но для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что подъ вліяніемъ войны принципы англійскаго имперіализма обнаруживаютъ тенденцію къ распространенію внѣ предѣловъ Британской имперіи. Новыя явленія въ политической жизни вызываютъ потребность въ новыхъ государственныхъ формахъ, и англійское пониманіе «имперіи», какъ международнаго единства свободныхъ народовъ, выросшее на почвѣ англійской колоніальной политики, пріобрѣтаетъ практическій интересъ для континентальной Европы.

* * *

Покровительствуемая область, союзное государство, имперія сложились на почвѣ, созданной войнами послѣдняго времени. Но во всѣхъ этихъ новыхъ формахъ можно подмѣтить выраженіе одной и той же мысли, которую въ свое время горячо

отстаивалъ Бенжаменъ Констанъ: «Великая имперія — ничто, писалъ онъ, когда забываютъ о входящихъ въ ея составъ областяхъ; народъ—ничто, когда его мысленно отдѣляютъ отъ образующихъ его группъ. Только защищая права частей, можно защищать права цѣлаго».

Защита интересовъ области, защита интересовъ провинцій, соединенныхъ въ союзномъ государствѣ, защита интересовъ народовъ, объединенныхъ въ имперіи—такова та программа, которая диктуется историческимъ развитіемъ европейскихъ народовъ. Показать, что свободные народы могутъ быть объединены въ общемъ международномъ единствѣ—такова историческая заслуга Британской имперіи.

Вопросъ о перенесеніи принциповъ англійскаго имперіализма въ политическую жизнь континентальной Европы является однимъ изъ вопросовъ, связанныхъ съ міровой войной.

Б. Ландау.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТУРКЕСТАНА.

(Къ пятидесятилѣтію штурма г. Ташкента).

I.

15 іюня 1865 г. небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ М. Г. Черняева штурмомъ занялъ городскія укрѣпленія Ташкента, а затѣмъ, послѣ трехдневнаго боя на узкихъ и кривыхъ улицахъ, былъ занятъ и весь городъ со своимъ стотысячнымъ населеніемъ.

Занятіе Ташкента завершило первый періодъ движенія русскихъ въ Среднюю Азію, предпринятаго правительствомъ въ 1864 г., съ цѣлью связать разомкнутую южную границу киргизской степи. Послѣдняя, принявшая подданство Россіи еще въ царствованіе Анны Іоанновны, не имѣла точно установленной границы съ Кокандскимъ ханствомъ, да и сама по себѣ представляла огромную политически не устроенную окраину. Многіе киргизскіе батыри, главы отдѣльныхъ родовъ, стремились къ полной самостоятельности и своими дѣйствіями сильно вредили русской торговлѣ съ средне-азіатскими ханствами. Такъ называемые бунты Исета Кутебарова, Кенисары Касымова и другихъ киргизскихъ батырей, мечтавшихъ объединить киргизъ и создать изъ нихъ самостоятельное государство, въ силу неорганизованности киргизскаго населенія и въ силу естественно-историческихъ и бытовыхъ условій степи, не могли привести къ осуществленію этихъ мечтаній. Но эти бунты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, держали въ постоянной тревогѣ сѣверную окраину степи, особенно на оренбургской линіи и наносили серьезный ущербъ русской торговлѣ. Караваны торговцевъ, какъ изъ Россіи въ средне-азіатскія ханства, такъ и обратные, часто подвергались разграбленію, а сопровождавшіе ихъ русскіе люди увозились въ хивинскій плѣнъ. Тревожно было и положеніе пограничныхъ съ киргизскою степью русскихъ селеній на рѣкѣ Уралѣ.

Торговыя сношенія Россіи съ Средней Азіей пріобрѣли особенное значеніе въ петровскій періодъ. Великій преобразователь Россіи, стремившійся къ развитію русской обрабатывающей промышленности, ясно сознавалъ, что для послѣдней естественнымъ рынкомъ долженъ быть Востокъ. Отсюда его попытки прочнаго устройства русской границы въ Семипалатинской области, отсюда и знаменитый походъ на Хиву князя Бековича-Черкасскаго, которому предписывалось завести факторіи въ Хивѣ и Бухарѣ, учредить русскую гвардію при дворахъ средне-азіатскихъ хановъ и вообще всячески содѣйствовать созданію и упроченію русскаго вліянія и русской торговли въ Средней Азіи, «понеже зѣло нужно».

Но крупныя событія долго отвлекали Россію отъ осуществленія своихъ задачъ въ Азіи, хотя эти задачи ясно сознавались въ русскомъ обществѣ. Такъ, П. И. Пестель въ своей «Русской Правдѣ» говоритъ о необходимости присоединенія къ Россіи нѣкоторыхъ земель «для твердаго установленія государственной безопасности». Перечисляя земли, присоединеніе которыхъ необходимо, Пестель, помимо Молдавіи, Кавказа и части Монголіи по Амуру, называетъ еще и земли «Киргизъ-Кайсакскихъ ордъ, кочующихъ къ сѣверу отъ хребта горъ, идущаго отъ Бухтарминской крѣпости прямо къ Аральскому морю». Но только въ 1864 г. явилась возможность одновременнымъ движеніемъ двухъ отрядовъ изъ Вѣрнаго и Перовска соединить разомкнутую русскую южную границу. Послѣднюю предполагалось провести изъ Перовска черезъ Сузакъ и Ауліе-ата къ Вѣрному. Однако, русскіе военачальники Веревкинъ (шедшій изъ Перовска) и Черняевъ (шедшій изъ Вѣрнаго) въ силу мѣстныхъ условій шли на соединеніе другъ съ другомъ не по сѣверному склону Кара-Таусскихъ горъ, а по южному, черезъ Туркестанъ и Чимкентъ. Въ послѣднемъ городѣ отряды соединились. Казалось бы, что этимъ была выполнена данная правительствомъ программа; но тутъ пришлось считаться съ необходимостью обезпеченія жизненныхъ интересовъ арміи и будущей администраціи.

Въ ста съ небольшимъ верстахъ отъ Чимкента находится Ташкентъ, къ которому съ юга примыкаетъ богатый Чирчикскій оазисъ. Этотъ культурный земледѣльческій районъ могъ лучше обезпечить жизненные интересы Россіи, чѣмъ Чимкентъ, окруженный небольшими оазисами среди безбрежной степи. Занятіе Ташкента диктовалось, поэтому, необходимостью полнаго обезпеченія русскихъ войскъ продовольственными средствами. Съ другой стороны, г. Ташкентъ, крупный торговый центръ, служившій

яблокомъ раздора между Кокандскимъ ханствомъ и киргизами и, благодаря этому, не разъ становившійся самостоятельнымъ, въ шестидесятыхъ годахъ, сталъ привлекать къ себѣ вниманіе эмира Бухарскаго, стремившагося овладѣть этимъ городомъ и усилить тѣмъ свое вліяніе на Кокандское ханство. Вотъ причины, заставившія Черняева, вопреки имѣвшимся у него инструкціямъ, повести свои батальоны на Ташкентъ. Неудачный штурмъ въ октябрѣ 1864 г. не только не могъ остановить Черняева, но побудилъ его вторично идти на этотъ городъ. Вторая попытка окончилась полнымъ успѣхомъ.

Занятіе Ташкента, явившееся окончаніемъ программы правительства образовать границу съ Кокандскимъ ханствомъ, оказалось въ то же время и исходнымъ пунктомъ завоеванія всей Средней Азіи. Это обусловливалось не только тѣмъ, что изъ-за Ташкента начался вооруженный споръ съ Бухарой, а еще и тѣмъ, что географическое положеніе Ташкента указывало на необходимость продолженія движенія Россіи въ Среднюю Азію.

Знаменитый венгерскій путешественникъ Вамбери назвалъ Ташкентъ воротами въ Среднюю Азію. Современное состояніе нашихъ знаній о Туркестанѣ позволяетъ оцѣнить справедливость этого названія. Ташкентъ лежитъ на границѣ между южнымъ Туркестаномъ, состоящимъ изъ культурныхъ оазисовъ Чирчикскаго, Ферганскаго и Зеравшанскаго, и сѣвернымъ Туркестаномъ—лессовыми и глинистыми степями киргизскаго края. Различіе между двумя частями Туркестана заключается въ большей населенности южнаго Туркестана и въ большемъ процентѣ культурной площади въ послѣднемъ. Въ то время, какъ южный Туркестанъ (Ферганская и Самаркандская области и Ташкентскій уѣздъ Сыръ-Дарьинской) имѣетъ плотность населенія въ 20,0 чел. на квадратную версту, а посѣвная площадь въ немъ занимаетъ 5,6% всей территоріи, во всемъ остальномъ Туркестанѣ плотность населенія равна 2,0 чел. на квадратную версту, а посѣвная площадь занимаетъ лишь 0,9% всей территоріи. При этомъ надо замѣтить, что южный Туркестанъ занимаетъ лишь 13% территоріи всего Туркестана (считая всѣ пять областей: Закаспійскую, Самаркандскую, Ферганскую, Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую). Такимъ образомъ, сѣверный Туркестанъ, съ площадью въ 1.333,7 тыс. кв. верстъ, въ 6,7 раза болѣе южнаго (199,6 тыс. кв. верстъ), но послѣдній населенъ гуще его въ десять разъ.

Эта населенность южнаго Туркестана является прямымъ слѣдствіемъ географическихъ условій богатѣйшихъ въ краѣ

оазисовъ: Ферганскаго, Зеравшанскаго и Чирчикскаго. Соприкасаясь съ массивомъ Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской горныхъ системъ, ограничивающихъ Туркестанъ съ юга, эти три оазиса получили отъ горъ богатые дары въ видѣ мощныхъ толщъ лесса и въ видѣ многихъ горныхъ рѣчекъ и рѣкъ. Послѣднія дали возможность населенію создать ирригаціонное земледѣліе и осѣдлую культуру. Къ этому нужно прибавить и болѣе благопріятныя климатическія условія южнаго Туркестана.

Въ зависимости отъ географическихъ и топографическихъ условій весь Туркестанъ можно раздѣлить на нѣсколько климатическихъ зонъ: *предгорья Копетъ-Дага* (въ Закаспійской области), южный Туркестанъ (три упомянутые выше оазиса), сѣверныя *предгорья* Тянь-Шаня (восточная часть Сыръ-Дарьинской области и большая часть Семирѣченской), сѣверо-западный Туранъ (Хивинскій оазисъ), сѣверный Туранъ (сѣверные уѣзды Сыръ-Дарьинской области) и горныя долины (Иссыкъ-Куль Нарынъ).

Наиболѣе благопріятными для цѣнныхъ южныхъ культуръ являются предгорья Копетъ-Дага и южный Туркестанъ, такъ какъ эти мѣстности обладаютъ наибольшею среднею годовою температурою. Но какъ во всемъ Туркестанѣ, такъ и въ этихъ мѣстахъ, необходимо искусственное орошеніе. А въ этомъ отношеніи предгорья Копетъ-Дага уступаютъ южному Туркестану, ибо они бѣдны водными источниками; южный же Туркестанъ сосредоточиваетъ въ себѣ верхнія теченія такихъ мощныхъ потоковъ, какъ рѣка Сыръ-Дарья, Зеравшанъ, Чирчикъ и много другихъ менѣе значительныхъ рѣкъ. Это-то обстоятельство и даетъ южному Туркестану большее экономическое преимущество, которое усугубляется еще тѣмъ, что горные склоны позволяютъ увеличить число культивируемыхъ растеній, ибо помимо горизонтальной климатической зоны имѣются еще и ряды вертикальныхъ.

Совокупность всѣхъ естественно-историческихъ данныхъ и позволила южному Туркестану стать богатымъ культурнымъ оазисомъ. И таковъ онъ уже много столѣтій. Вѣдь здѣсь находилась страна Давань, описанная китайскимъ путешественникомъ Чжянь-Кянемъ, пріѣзжавшимъ въ Туркестанъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.; здѣсь же находилась и знаменитая Согдіана. Смѣнялись вѣка, смѣнялись народы, населявшіе Среднюю Азію и враждовавшіе другъ съ другомъ изъ-за обладанія культурными оазисами, а значеніе послѣднихъ не только не уменьшалось, но увеличивалось.

Вотъ воротами-то въ эту богатую страну и былъ городъ Ташкентъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что русскіе, занявъ въ 1865 г. эти ворота, должны были занять и всю страну вплоть до стѣнъ ея, каковыми являются убѣленныя вѣчными снѣгами высоты Тянь-Шаня и Памира. Прямымъ слѣдствіемъ штурма г. Ташкента явилось и занятіе въ 1868 г. долины Зеравшана съ «раеподобнымъ» Самаркандомъ и покореніе Хивы въ 1873 г., а также Кокандскаго ханства въ 1876 г. Наконецъ, въ связи съ этимъ находится и завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса и добровольное присоединеніе мервскихъ туркменъ. Все это нужно разсматривать какъ прямое продолженіе того дѣла, на которое рискнулъ М. Г. Черняевъ, двинувшій свой трехтысячный отрядъ на штурмъ стотысячнаго Ташкента, окруженнаго массивной стѣной. Штурмъ этотъ, какъ конецъ предпринятаго въ 1864 г. соединенія разомкнутой южной границы Россіи и какъ начало завоеванія богатѣйшихъ мѣстностей Средней Азіи, представляется однимъ изъ важнѣйшихъ въ исторіи завоеванія Туркестана событій. Побѣды русскихъ баталіоновъ надъ бухарскими, кокандскими и хивинскими полчищами имѣютъ крупное для Россіи историческое значеніе: вѣдь здѣсь, у подножья Тянь-Шаня, закончена была вѣковая борьба Россіи съ тюркскимъ Востокомъ.

Достойно замѣчанія, однако, что въ этомъ завоеваніи, какъ это ни странно, русское правительство пассивно слѣдовало за ходомъ развертывающихся событій. Когда Черняевъ взялъ Ташкентъ, центральное правительство не хотѣло присоединять къ своимъ владѣніямъ эти ворота въ Среднюю Азію, а рекомендовало Черняеву образовать изъ Ташкента съ долиной Чирчика самостоятельное владѣніе. Позже, когда въ силу обстоятельствъ К. П. Кауфманъ занялъ долину рѣки Зеравшана и когда ему не удалось ни образовать изъ Самарканда самостоятельнаго владѣнія, ни возвратить его Бухарѣ за уплату въ теченіе восьми лѣтъ 4.600.000 руб., то, послѣ согласія эмира Бухары на присоединеніе Самарканда къ Россіи, Кауфманъ получилъ предписаніе все-таки возвратить Самаркандъ. Исполнить это предписаніе Кауфманъ счелъ невозможнымъ безъ ущерба положенію Россіи въ Средней Азіи и долженъ былъ въ теченіе четырехъ лѣтъ вести личные переговоры и переписку съ Петербургомъ, дабы удержать за Россіей долину рѣки Зеравшана. Завоевать послѣднюю у эмира Бухары Кауфманъ смогъ въ шесть недѣль, а на завоеваніе Самарканда у Петербурга потребовалось пять лѣтъ.

Эти два факта представляютъ очень большую историческую

цѣнность, такъ какъ указываютъ на полное отсутствіе аггресивныхъ стремленій у нашего правительства въ Средней Азіи, а также и на то, что завоеваніе послѣдней явилось слѣдствіемъ штурма Ташкента, ибо, повторяю, войдя въ ворота Средней Азіи, нельзя было не дойти до стѣнъ ея.

II.

Движеніе Россіи въ Среднюю Азію, вызванное стремленіемъ провести опредѣленную южную границу съ сосѣдними ханствами и упорядочить торговыя сношенія съ послѣдними, привело къ обладанію обширнымъ краемъ, за завоеваніемъ котораго выступили на сцену двѣ задачи: устройство новыхъ владѣній и установленіе такихъ отношеній съ сосѣдними ханствами, при которыхъ престижъ Россіи въ Средней Азіи былъ бы поднятъ возможно высоко.

Изъ этихъ двухъ задачъ—вторая должна была осуществить идею Петра Великаго, углубивъ послѣднюю и расширивъ вопросъ о вліяніи на жизнь въ ханствахъ. При Петрѣ была единственная задача—создать благопріятныя условія для торговли съ Средней Азіей. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія этого было уже недостаточно: придвинувъ свою границу къ населеннымъ частямъ средне-азіатскихъ оазисовъ, Россія тѣмъ самымъ значительно облегчила вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ. Но близость границы, съ одной стороны, и племенная и религіозная связь между населеніемъ ханствъ и новыхъ русскихъ владѣній,—съ другой, расширяли задачу русскаго вліянія на жизнь въ ханствахъ. Не достаточно было заключать торговые договоры и ими обезпечивать интересы торговыхъ сношеній—необходимо было болѣе глубокое и широкое вліяніе на жизнь въ Средней Азіи. Деспотическій режимъ въ ханствахъ тормозилъ экономическое развитіе края, такъ какъ благодаря ему было не обезпечено какъ матеріальное положеніе населенія, такъ даже и жизнь подданныхъ ханствъ. Приближеніе русской границы къ населеннымъ областямъ средне-азіатскихъ деспотій ставило на очередь вовлеченіе ханствъ въ міровую жизнь человѣчества, и, такимъ образомъ, исторія возлагала на Россію благородную задачу—быть проводникомъ міровой культуры въ жизнь средне-азіатскихъ ханствъ. Само собою разумѣется, что та же задача была у Россіи и по отношенію къ новымъ ея владѣніямъ.

Здѣсь, въ глубинѣ Средней Азіи, Россія рѣшила на первыхъ же шагахъ вести иную политику, чѣмъ ту, какую она вела въ теченіе болѣе ста лѣтъ въ киргизской степи, предоставивъ внутреннее управленіе послѣдней сначала ханамъ, а потомъ султанамъ. Завоеваніе Средней Азіи совпало съ рѣшеніемъ ввести въ киргизской степи иное управленіе, для выработки основъ котораго туда была командирована особая комиссія, получившая названіе Степной. На ту же комиссію возложено было и ознакомленіе съ новыми русскими владѣніями и выработка закона объ ихъ управленіи.

Труды Степной комиссіи представляютъ цѣнный историческій документъ, такъ какъ въ немъ изложены основныя положенія русской политики въ Средней Азіи.

«Обозрѣніе киргизскихъ степей и новыхъ средне-азіатскихъ владѣній, читаемъ въ объяснительной запискѣ къ выработанному Степной комиссіей проекту положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ, привело комиссію къ убѣжденію, что страны эти такъ связаны съ сосѣдними частями Россіи многочисленными интересами торговли и промышленности, такъ уже силою самихъ вещей втягиваются въ кругъ русской жизни въ Азіи, что только *прочное, крѣпчайшее прикованіе земель этихъ навсегда къ Россіи и постепенное органическое ихъ сліяніе съ нею можетъ быть* единственною цѣлью нашей администраціи въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ» [1]).

Поставивъ задачей Россіи полное поглощеніе новыхъ владѣній, путемъ постепеннаго органическаго сліянія ихъ съ метрополіей, Степная комиссія признала необходимымъ, чтобы создаваемые въ Средней Азіи административные органы, по возможности, подходили къ существующимъ органамъ управленія въ коренныхъ частяхъ Россіи. Отсюда явилось дѣленіе территоріи на уѣзды и на волости и организація выборнаго управленія въ низшихъ административныхъ органахъ, при условіи, съ одной стороны, отсутствія «насильственнаго навязыванія народу чуждыхъ ему порядковъ и напрасной ломки его жизни», а съ другой стороны—«устраненіе изъ жизни народа такихъ порядковъ, которые должны быть признаны вредными для нашихъ цѣлей и интересовъ». Къ числу послѣднихъ Степная комиссія относила родовое начало у киргизъ, «ведущее къ образованію вредной

---

1) Проектъ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ. Ташкентъ. 1880 г., стр. 130 (курсивъ въ подлинникѣ).

для Россіи туземной аристократіи». Какъ противовѣсъ родовому началу, и было введено выборное начало.

Стремленіе навсегда сохранить за Россіей Среднюю Азію и вести къ постепенному органическому ея сліянію съ метрополіей—такова, слѣдовательно, основная формула, данная Степной комиссіей нашей внутренней политикѣ въ Туркестанѣ. Комиссія, провозгласивъ эту формулу, влила въ нее и опредѣленное содержаніе, поскольку это послѣднее выражалось въ законѣ о мѣстномъ административномъ устройствѣ. Но вѣдь стремленіе привязать окраину и слить ее органически съ метрополіей можетъ выражаться не только въ законодательныхъ актахъ, но также и въ рядѣ другихъ мѣропріятій. Вопросъ о сліяніи населяющихъ Россію племенъ въ одинъ народъ заботилъ и нашихъ декабристовъ. «Сильное государство,—говоритъ П. И. Пестель, въ своей Русской Правдѣ,—опирающееся на народъ великій, должно всегда помнить, что могущество ему дано отъ провидѣнія не для утѣсненія сосѣдей, но для дѣйствій праведныхъ и согласныхъ съ чистой справедливостью, и что хотя имѣетъ оно, конечно, неоспоримое право устанавливать для себя границы крѣпкія, присоединять къ себѣ по благоудобству племена, немогущія пользоваться дѣйствительною народностью, и все то предпринимать и устраивать, что для истинной его безопасности необходимо, однако же имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность не распространять своихъ предѣловъ для пресыщенія одного только тщеславія, охотно принимать въ свою народность племена, присоединенныя, дабы они составляли въ государствѣ не только худоприкрѣпленныя къ нему части, но сливались бы совершенно въ общій составъ, забывали бы свою прежнюю безсильную народность и вступали бы съ удовольствіемъ въ новую величественную народность, и, наконецъ, не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полною политическою независимостью»[1]).

Если оставить въ сторонѣ нѣсколько утопическую идею о сліяніи всѣхъ населяющихъ Россію народностей въ одну, то нельзя не признать въ мысляхъ П. И. Пестеля гуманныхъ началъ, особенно рельефно высказанныхъ имъ по вопросу о мѣропріятіяхъ, которыя необходимо предпринять относительно киргизъ и другихъ кочевниковъ. Онъ говоритъ о необходимости «глубокое обратить вниманіе на сіи народы. Они суть люди полудикіе, а нѣ-

[1]) П. И. Пестель. „Русская Правда“. С.-Петербургъ. 1906 г. стр. 14 и 15.

которые даже и совсѣмъ дикіе, люди, не знающіе собственной своей пользы, въ невѣжествѣ и уничтоженіи обрѣтающіеся. А слѣдовательно, по одному уже долгу христіанскому надлежитъ заботиться объ улучшеніи ихъ положенія, тѣмъ еще болѣе, когда къ сей причинѣ присоединяется и то еще обстоятельство, что они въ нашемъ государствѣ, въ нашемъ отечествѣ обитаютъ. А посему да сдѣлаются они нашими братьями и перестанутъ коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи. Цѣль сія была бы большею частью достигнута, если бы успѣть можно было ихъ на постоянное жительство поселить и къ земледѣлію обратить. Но поелику сего нельзя исполнить прямымъ мѣропріятіемъ, то и надлежитъ къ сему предмету косвенно ихъ вести» [1]).

У Пестеля, какъ видимъ, была цѣлая программа политики по отношенію къ различнымъ, населяющимъ Россію племенамъ, политики, опирающейся на принципы общественной морали. Вѣдь только тогда отдѣльныя племена «вступили бы съ удовольствіемъ въ новую величественную народность», когда видѣли бы со стороны послѣдней гуманное къ себѣ отношеніе и отсутствіе какихъ-либо попытокъ насильственнаго навязыванія своихъ порядковъ. А по отношенію къ кочевымъ народамъ Пестель прямо говоритъ о христіанской морали: «да сдѣлаются они нашими братьями и перестанутъ коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи». Только братское отношеніе старшей народности къ младшимъ и можетъ повести къ стремленію послѣднихъ «*съ удовольствіемъ* вступить въ величественную народность».

Приводя мнѣнія Пестеля, я имѣлъ въ виду отмѣтить, что вопросъ объ отношеніи главенствующей народности къ подчиненнымъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ вопросовъ, которыми давно болѣла русская интеллигенція, какъ болѣетъ она ими и теперь. Члены Степной комиссіи едва-ли были знакомы съ Русской Правдой Пестеля, но они принадлежали къ русской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ, когда особенно чутко относились къ нуждамъ народа. Какъ русскіе интеллигенты, столкнувшіеся съ однимъ изъ больныхъ вопросовъ русской жизни, они не могли не пытаться разрѣшить его возможно правильно; но онъ, къ сожалѣнію, и по сю пору остается нерѣшеннымъ.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ отношеніи Россіи къ живущимъ на ея территоріи народностямъ всегда встаетъ на первый планъ, разъ только приходится приступать къ выработкѣ

---

[1]) Ibidem, стр. 45.

стройной программы дѣятельности на окраинѣ. Выдвинулся онъ и въ Туркестанъ, чему яркимъ доказательствомъ можетъ служить одинъ изъ приказовъ перваго туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана, того, чья работа въ краѣ оставила самый глубокій слѣдъ. И несомнѣнно, тотъ престижъ, которымъ пользуется Россія въ Бухарѣ и Хивѣ, является слѣдствіемъ не столько побѣдоноснаго движенія русскихъ баталіоновъ, но, въ значительно большей степени, политики Кауфмана. Но и въ дѣлахъ управленія русскимъ Туркестаномъ Кауфманъ оставилъ послѣ себя такое наслѣдство, что по справедливости пользуется эпитетомъ «устроителя Туркестана»; всѣ 14 лѣтъ его службы въ Туркестанѣ—безпрерывная строительная работа, не прерывавшаяся даже военными походами, въ которыхъ онъ самъ принималъ личное участіе.

Кауфману на первыхъ же порахъ своей работы въ Туркестанѣ пришлось напомнить своимъ подчиненнымъ о вопросахъ общественнаго долга. 29 ноября 1868 г. онъ отдалъ по краю слѣдующій приказъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторыя лица военно-народнаго управленія по своей частной и общественной жизни не всегда умѣютъ держаться на той высотѣ, на которой долженъ стоять каждый русскій служащій въ Средней Азіи. Чтобы оправдать ожиданіе Его Величества Государя Императора и нашей родины, чиновники, принадлежащіе къ администраціи Туркестанскаго края, должны отличаться самою безупречною жизнью и честно исполнять тяжелыя общественныя обязанности, на нихъ лежащія, т. е. трудиться непрерывно и постоянно на пользу русскаго значенія въ Азіи. Лица, по своей жизни не могущія служить образцомъ для туземцевъ и которыя не въ силахъ трудиться настойчиво,— не должны продолжать службу во ввѣренномъ мнѣ краѣ».

Кауфмана, очевидно, безпокоило поведеніе нѣкоторыхъ служащихъ въ краѣ лицъ, ибо эпоха первыхъ лѣтъ жизни русскаго Туркестана знаменуется значительнымъ наплывомъ туда щедринскихъ ташкентцевъ, порядочно таки испортившихъ тамъ наше дѣло. Для нихъ, конечно, идеи К. П. Кауфмана были пустымъ мѣстомъ. Борьба съ этими ташкентцами была не особенно легка, но устроитель Туркестана въ нужныхъ случаяхъ не останавливался ни передъ чинами, ни передъ связями, которыми обладали «господа ташкентцы». Уѣздные начальники, полковники Гуюсъ и баронъ Нольде и помощникъ правителя канцеляріи генералъ-губернатора камеръ-юнкеръ Савенковъ, отправившіеся, послѣ службы въ Туркестанѣ, въ Сибирь

на поселеніе, какъ уголовные преступники—вотъ примѣръ того, какъ старался Кауфманъ очистить Туркестанъ. Однако, рядомъ съ этими отрицательными чертами нужно указать и на рядъ положительныхъ сторонъ. Вокругъ Кауфмана сплотилась плеяда полезныхъ дѣятелей, оставившихъ глубокій слѣдъ въ жизни Туркестана. Главнѣйшими изъ такихъ лицъ нужно назвать А. К. Абрамова и Н. А. Иванова (умеръ въ 1904 г. на посту туркестанскаго генералъ-губернатора). Помимо этихъ двухъ видныхъ сподвижниковъ Кауфмана, много было рядовыхъ работниковъ, для которыхъ близки были завѣты служебной этики. Въ интересахъ справедливости нужно сказать, что туркестанская военная администрація въ лицѣ многихъ своихъ представителей должна быть поставлена высоко, интересы мѣстнаго туземнаго населенія всегда охранялись ею. Можно еще оспаривать степень пониманія своего назначенія тѣми или другими чинами администраціи, а также и направленіе ихъ дѣятельности, но моральное основаніе—служба для народа—является общимъ фономъ въ дѣятельности большинства представителей мѣстной администраціи (главнымъ образомъ уѣздной). И эта-то достойная особенность туркестанской администраціи является прямымъ наслѣдіемъ эпохи Кауфмана.

Культурная миссія Россіи состоитъ въ пріобщеніи народовъ Средней Азіи къ обще-человѣческой цивилизаціи. За гнетъ татарщины мы должны заплатить потомкамъ ордъ, нѣкогда покорившихъ Россію, вовлеченіемъ ихъ въ міровую культурную работу всего человѣчества. А вѣдь, какъ говорилъ В. Соловьевъ, «идея культурнаго призванія можетъ быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призваніе берется не какъ мнимая привилегія, а какъ дѣйствительная обязанность, не какъ господство, а какъ служеніе» [1]). Вотъ къ такому-то дѣлу служенія и звалъ своихъ подчиненныхъ Кауфманъ, говоря о важности служенія русскому дѣлу въ Средней Азіи.

Да и въ чемъ иномъ можетъ заключаться это русское дѣло, какъ не въ стремленіи сдѣлать Россію важнѣйшимъ дѣятелемъ прогресса въ Средней Азіи? Вѣдь «національный патріотизмъ и заключается въ стремленіи сдѣлать свою національность самымъ вліятельнымъ дѣятеленъ человѣческаго прогресса» [2]). И понятно, что, исполняя эту задачу, Россія должна обратить самое серьезное вниманіе на то, чтобы вполнѣ обезпечить матеріальное и куль-

---

1) См. В. Соловьевъ. „Національный вопросъ въ Россіи". Т. V, стр. 8.
2) Лавровъ. Историческія письма.

турное существованіе новыхъ своихъ подданныхъ и этимъ сдѣлать ихъ ревностными и искренними своими сочленами и черезъ нихъ вліять также на прогрессъ въ сосѣднихъ ханствахъ. Передъ Россіей стоялъ и стоитъ по сей часъ вопросъ о достойномъ ея величія поведеніи у подножья колыбели человѣчества. Россія должна приложить всѣ усилія къ возможно скорѣйшему распространенію среди народностей Туркестана просвѣщенія, законности и прочныхъ основъ матеріальной обезпеченности.

Къ сожалѣнію, нужно констатировать тотъ неоспоримый фактъ, что Россія за истекшія пятьдесятъ лѣтъ своего владычества, какъ въ лицѣ отдѣльныхъ представителей своего служилаго сословія, такъ и въ лицѣ даже цѣлыхъ учрежденій, нерѣдко наносила ущербъ своему дѣлу въ Средней Азіи.

Къ числу такихъ глубокихъ трещинъ нужно отнести нашу переселенческую политику [1]), построенную исключительно на одной буквѣ закона. Законъ предоставляетъ администраціи право излишнія для обезпеченія быта кочевниковъ земли брать въ достояніе казны и обращать ихъ на дѣло, имѣющее государственное значеніе. Увеличеніе населенія Туркестана путемъ переселенія крестьянъ—дѣло, конечно, имѣющее государственное значеніе. Наличность земельныхъ пространствъ допускаетъ такую колонизацію безъ нанесенія ущерба матеріальнымъ интересамъ туземнаго населенія. И, руководствуясь началами общественной справедливости, дѣло это можно провести вполнѣ хорошо; но въ дѣйствительности получилось нѣчто крайне нежелательное.

Дѣятели переселенческой политики взглянули на переселеніе крестьянъ, не какъ на актъ аграрной политики, въ цѣляхъ развитія производительныхъ силъ окраины, а какъ на стремленіе сдѣлать Туркестанъ русскимъ, не только по принадлежности его Россіи, но и по составу населенія. Въ обрусѣніи края эти дѣятели считаютъ осуществленіе задачи прочнаго присоединенія Туркестана къ имперіи. Изъ средства къ росту производительныхъ силъ края сдѣлали самодовлѣющую цѣль, и ради скорѣйшаго осуществленія послѣдняго, принялись включать въ число «излишнихъ для обезпеченія быта киргизъ» земель ихъ пашни, *ими же самими искусственно орошаемыя.*

Такія земли, конечно, не могутъ быть названы излишними для населенія, переходящаго отъ кочевого быта къ осѣдлому, т.-е.

---

[1]) Говоря о переселенческой политикѣ въ Туркестанѣ, я имѣю въ виду политику не только переселенческаго управленія, но и политику того періода, въ который переселеніе шло внѣ вліянія переселенческаго управленія.

вступающаго на стезю прочной гражданственности и культуры. Не руководствуясь началами здравой политики, дѣятели переселенческихъ учрежденій, создавшіе цѣлый рядъ русскихъ селеній на земляхъ, орошенныхъ киргизами, служатъ вполнѣ отрицательно русскому дѣлу.

Поддавшись вѣяніямъ ложнаго патріотизма, эти строители забываютъ ту простую истину, что наиболѣе тѣсное объединеніе Туркестана съ Россіей можетъ быть осуществлено гораздо успѣшнѣе при условіи — внесенія въ умы туземнаго населенія яснаго сознанія, что только русское господство можетъ вполнѣ обезпечить ихъ матеріальное и культурное развитіе. Все же, что̀ напоминаетъ времена мусульманскаго владычества, когда деспотическій режимъ тормозилъ всякое экономическое развитіе, не ведетъ къ торжеству русскаго дѣла въ Средней Азіи.

Но такая политика, помимо того, что наноситъ моральный ущербъ русскому дѣлу въ Средней Азіи, и экономически крайне невыгодна для Россіи. Въ дѣлѣ развитія производительныхъ силъ Туркестана для нея крайне желательнымъ является переходъ кочевниковъ къ осѣдлому быту, такъ какъ каждая осѣдающая киргизская семья увеличиваетъ посѣвную площадь въ Туркестанѣ. Едва-ли въ интересахъ общаго народнаго хозяйства цѣлесообразно одну земледѣльческую семью смѣщать съ устроеннаго ею хозяйства и замѣнять ее новой. Но, кромѣ того, надо принять во вниманіе еще и то, что киргизы скорѣе, чѣмъ русскіе, усваиваютъ пріемы веденія хозяйства на ирригаціонныхъ земляхъ, пріемы, выработанные вѣковой культурой, хранителями и распространителями которой являются осѣдлые сарты. Въ виду этого-то качества осѣдающихъ киргизъ нужно признать вдвойнѣ невыгодной для государства замѣну киргизъ-земледѣльцевъ русскими переселенцами, ибо земледѣльцы-сарты и ихъ послѣдователи-киргизы [1])

[1]) Объ участіи киргизъ въ земледѣліи Туркестана можно судить по слѣдующимъ % величинамъ въ составѣ населенія культурнѣйшихъ уѣздовъ:

	Киргизы.	Узбеки.	Сарты.	Таджики.
Ташкентскій	55	10	33	2
Маргеланскій	30	3	60	5
Андижанскій	40	—	56	—
Кокандскій	6	32	43	12
Наманганскій	26	—	58	16
Самаркандскій	—	69	1	29
Джизакскій	25	70	2	2
Ходжентскій	8	42	11	37
Катта-Курганскій	—	92	—	7
Ошскій	99	—	—	—

являются главнѣйшими дѣятелями въ развитіи такихъ цѣнныхъ культуръ, какъ хлопокъ. Яркій примѣръ экономической нецѣлесообразности замѣны однихъ земледѣльцевъ другими приведенъ въ проектѣ всеподданнѣйшаго отчета К. П. Кауфмана за четырнадцать лѣтъ его службы. «Казаки Копальской станицы, говорится въ этомъ отчетѣ, получивъ въ 1847 г. 22.376 дес. пахотныхъ угодій, обрабатывавшихся до нихъ киргизами, орошенныхъ арыками, устроенными кочевниками, въ 1855 г., т.-е. спустя 8 лѣтъ, засѣвали на этомъ обширномъ пространствѣ всего лишь 1.526 дес. [1]).

Характерно, что рядомъ съ переселенческой политикой, выражающейся въ изъятіи изъ пользованія киргизъ ихъ пахотныхъ угодій, въ 1896 г. былъ возбужденъ въ комитетѣ Сибирской желѣзной дороги вопросъ о принятіи мѣръ къ облегченію осѣданія киргизъ, при чемъ «повелѣно было министру внутреннихъ дѣлъ озаботиться разработкой въ возможно непродолжительномъ времени предположеній о мѣрахъ, способствующихъ переходу кочевниковъ въ осѣдлое состояніе» [2]). Такимъ образомъ, у комитета Сибирской желѣзной дороги было стремленіе развить земельную культуру среди киргизъ, тогда какъ широко развитая практика изъятія изъ пользованія киргизъ ими же орошенныхъ земель, вмѣсто принятія мѣръ къ облегченію киргизамъ осѣдать, ставитъ серьезныя препоны этому осѣданію.

III.

Степная комиссія внесла въ Туркестанъ одну изъ цѣнныхъ идей въ дѣлѣ установленія формъ общественной жизни—идею выборнаго народнаго самоуправленія въ низшихъ административныхъ единицахъ. Но одно дѣло избрать принципъ общественной организаціи—и другое дѣло удачно осуществить его. Комиссія, рѣшая этотъ вопросъ, съ одной стороны, не могла располагать большимъ матеріаломъ изученія мѣстной народной жизни, чтобы правильно построить общественную организацію, а съ другой стороны—напередъ преслѣдовала задачу борьбы съ родовымъ началомъ у киргизъ. Оба эти обстоятельства не могли устранить ошибокъ въ работѣ созиданія формъ общественно-народной

[1]) См. стр. 130 отчета К. П. Кауфмана.

[2]) Цитирую изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ Степному генералъ-губернатору отъ 5-го марта 1897 года за № 62 по земскому отдѣлу.

жизни. И эти ошибки встрѣчаются не только въ трудахъ комиссіи, но нашли себѣ мѣсто также и въ дальнѣйшихъ законодательныхъ актахъ, а именно въ туркестанскомъ и степномъ положеніяхъ 1886 г. и 1891 г., хотя при редактированіи послѣднихъ и былъ налицо уже опытъ управленія.

Главнѣйшая ошибка и проекта Степной комиссіи и положеній туркестанскаго и степного заключается въ томъ, что, создавая низшія народно-общественныя единицы въ лицѣ сельскихъ и аульныхъ обществъ, законъ не считался съ тѣмъ фактомъ, что въ дѣйствительности существуютъ болѣе мелкія общественно-хозяйственныя единицы въ формѣ селеній (кишлаковъ) у осѣдлаго населенія и аульныхъ общинъ у кочевниковъ. Эти мелкія единицы остались внѣ общественной организаціи, и потому не имѣютъ даже своего представительства въ собранія волостныхъ выборныхъ, избираемыхъ не отъ общественныхъ организацій, а по ариѳметическому принципу отъ каждыхъ 50 хозяйствъ. При такомъ положеніи, волостные выборные, имѣющіе особенно у кочевниковъ широкія полномочія при рѣшеніи хозяйственныхъ дѣлъ, подпали подъ вліяніе или сильныхъ родовичей, или мѣстныхъ баевъ (богатыхъ лицъ зачастую кулаковъ). Въ то время, какъ въ Европейской Россіи жизнь заставила сенатъ считаться съ селенными сходами, всегда существовавшими въ русскомъ общинномъ бытѣ, въ Туркестанѣ и Киргизской степи—эти селенные сходы не получили ни соотвѣтствующей организаціи, ни права представительства въ волостномъ съѣздѣ и, слѣдовательно, не имѣютъ защиты тамъ своихъ интересовъ. Этотъ минусъ въ общественной организаціи и является одною изъ главныхъ причинъ того, что институтъ волостныхъ выборныхъ свелся только къ аппарату выбора должностныхъ лицъ туземной администраціи и суда, а въ дѣлѣ рѣшенія своихъ общихъ хозяйственныхъ дѣлъ превратился въ органъ, исполняющій или требованія начальства, или волю тѣхъ или иныхъ сильныхъ своимъ богатствомъ или родовыми связями лицъ.

Чтобы народное самоуправленіе имѣло какой-либо смыслъ, необходима серьезная реформа этого института путемъ признанія за мелкими общественными единицами, связанными хозяйственными интересами, права самостоятельнаго существованія и правильно-организованнаго представительства какъ въ волостномъ, такъ и на сельскомъ сходѣ. Въ Туркестанѣ, гдѣ съ одной стороны кочевники по условіямъ своего хозяйственнаго быта раскинуты на большой территоріи, а осѣдлое населеніе въ силу веденія хозяйства на орошаемыхъ

земляхъ разбросано или мелкими селеніями, или даже отдѣльными хуторами—сельскій или аульный сходъ является простою фикціей, а не жизненнымъ явленіемъ. Поэтому-то тамъ особенно нужна болѣе мелкая хозяйственная единица, чѣмъ сельское или аульное общество. Если необходимы послѣднія, какъ административныя единицы, то безусловно необходима такая ихъ организація, которая явилась бы сходомъ представителей мелкихъ, дѣйствительно жизненныхъ общественныхъ единицъ.

Для осѣдлаго населенія такой единицей должны быть соучастники въ пользованіи оросительнымъ каналомъ. Въ Туркестанѣ, гдѣ вода имѣетъ огромное значеніе для веденія земледѣльческаго хозяйства—она, а не земля связываетъ хозяйственные интересы различныхъ лицъ. Поэтому-то единство пользованія водою изъ того или иного оросительнаго канала наиболѣе жизненное основаніе для созданія мелкихъ общественно-хозяйственныхъ единицъ. Въ своей статьѣ «Организація воднаго хозяйства въ Туркестанѣ» (Вѣстникъ Европы, № 5, 1914 г.) я говорилъ о настоятельной необходимости организаціи водныхъ отдѣловъ, какъ самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, и водныхъ округовъ,—какъ единицъ второго порядка. Эти двѣ организаціи, тѣсно связанныя между собой, должны замѣнить нынѣ существующее сельское общество. Волость же, какъ территоріальная единица, явится соединеніемъ нѣсколькихъ водныхъ округовъ, также связанныхъ единствомъ пользованія водою изъ крупнаго ирригаціоннаго канала.

Что касается кочевого населенія, то и тамъ, помимо аульнаго общества, должна быть дана надлежащая организація мелкимъ хозяйственнымъ единицамъ, связаннымъ единствомъ пользованія тою или иною территоріей, при чемъ только этимъ единицамъ и можетъ принадлежать право распредѣленія пользованія тѣми или иными угодіями. Оставить это послѣднее право за волостнымъ съѣздомъ можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы волость была дѣйствительно земельной общиной, а не механическимъ соединеніемъ нѣсколькихъ общинъ.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ организаціи мѣстнаго самоуправленія является безусловно желательнымъ скорѣйшій пересмотръ дѣйствующаго закона и реформа послѣдняго на началахъ, существующихъ въ жизни хозяйственныхъ отношеній населенія. Но въ дѣлѣ самоуправленія нельзя ограничиться только этой реформой. Сложность житейскихъ отношеній и крупное значеніе такихъ хозяйственныхъ предпріятій, какъ ремонтъ и сооруженіе оросительныхъ каналовъ, когда одна очистка послѣднихъ

требуетъ созыва массы рабочихъ рукъ, а также и содержаніе дорогъ и другихъ общественно-хозяйственныхъ и общественно-культурныхъ предпріятій, ставитъ на очередь созданіе мѣстнаго земства, функціи котораго сейчасъ лежатъ на мѣстной администраціи съ совѣтомъ генералъ-губернатора во главѣ. Чѣмъ шире будетъ развита земская организація, чѣмъ она полнѣе охватитъ народные слои,—тѣмъ плодотворнѣе будетъ ея работа.

Пересмотръ закона объ организаціи народнаго самоуправленія и введеніе земства—таковы однѣ изъ очередныхъ задачъ въ Туркестанѣ, задачъ, долженствующихъ вести къ осуществленію desiderata Степной комиссіи.

Недостатки современной организаціи сельскаго управленія сказались и на народномъ судѣ. По идеѣ выборнаго начала предполагалось, что какъ въ составъ съѣзда волостныхъ выборныхъ, такъ и на должности административныхъ лицъ и въ судьи будутъ попадать лучшіе люди. Но отсутствіе установленныхъ правовыхъ нормъ для жизни мелкихъ общественныхъ единицъ, сказавшееся въ крупныхъ недочетахъ административнаго управленія, отразилось и на народномъ судѣ. Судьями въ очень многихъ случаяхъ являются лица, подпадающія вліянію сильныхъ міра сего—или представителей киргизскаго феодализма (манапы у кара-киргизъ), или современной плутократіи. Благодаря этому, обиженный и пострадавшій изъ лицъ рядовой массы—не всегда находитъ въ народномъ судѣ нужную ему защиту. Но кромѣ этого крупный недостатокъ въ организаціи народнаго суда заключается еще въ тѣхъ правовыхъ нормахъ, которыми руководствуются народные судьи. Народный судъ на основаніи обычаевъ долженъ, конечно, существовать въ странѣ, гдѣ создалась вѣками своеобразная жизнь. Но нужно принять во вниманіе, что обычное право, какъ и всякое право, созидается подъ вліяніями многочисленныхъ переживаній; и право туземнаго населенія Туркестана не осталось безъ вліянія тѣхъ соціальныхъ формъ, которыя были пережиты краемъ. Мѣстное народное право можетъ быть раздѣлено на двѣ группы: адатъ—народное право киргизъ и шаріатъ—писанное мусульманское право осѣдлаго населенія. Адатъ созидался въ пору господства родового начала, которое наложило на него серьезный отпечатокъ. Эта печать особенно сказывается въ правовомъ положеніи женщины, которая по адату является личностью не свободной, а подчиненной роду. И странно, что русскіе законодатели, поставившіе своею цѣлью борьбу съ родовымъ началомъ, упустили изъ виду связь

адата съ этимъ бытомъ и предоставили народнымъ судьямъ широко примѣнять родовое право.

Что касается шаріата, то послѣдній, имѣя своимъ первоисточникомъ коранъ, какъ не только основной кодексъ религіозно-нравственнаго ученія, но и какъ основаніе права, въ то же время подвергся значительнымъ наслоеніямъ. Правовыя положенія корана по своей краткости всегда нуждались въ разъясненіяхъ и толкованіяхъ. Множество мусульманскихъ юристовъ на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ занимались составленіемъ комментаріевъ къ законодательнымъ положеніямъ корана, а такъ какъ они были сыны своего времени, то въ постановленіяхъ шаріата и получился комплексъ сильно запутанныхъ толкованій, отражающихъ смѣны пережитыхъ народомъ соціальныхъ наслоеній многихъ вѣковъ. Первобытная чистота арабскаго обычнаго права и еврейскаго, которыя легли въ основу законодательныхъ положеній корана, теперь въ значительной степени загрязнены этими наслоеніями, а современные юристы иногда не брезгуютъ погоней за рублемъ, чтобы найти соотвѣтствующее разсматриваемому ими дѣлу толкованіе корана. И весьма возможно, что рубль, попирающій правду, тоже оказываетъ вліяніе и на созиданіе новыхъ толкованій законодательныхъ нормъ корана. Я не стану останавливаться подробно на затронутыхъ сторонахъ народнаго суда, о которыхъ мнѣ пришлось писать нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ статьяхъ «Положеніе женщины у кочевниковъ Средней Азіи» («Средне-Азіатскій Вѣстникъ» 1896 г., іюньская и іюльская книжки) и «Аму-дарьинскіе кулаки передъ судомъ шаріата и казіевъ» («Русская Мысль» 1898 г., №№ 7 и 8). Въ послѣдней изъ упомянутыхъ статей я приводилъ рядъ рѣшеній народнаго суда, защищавшихъ ростовщичество вплоть до постановленій о кабальномъ холопствѣ; приводилъ также и данныя о томъ, какъ русскій судъ вмѣшался въ это дѣло и съ большими натяжками долженъ былъ обосновать свое вмѣшательство, не опиравшееся на дѣйствующее въ Туркестанѣ положеніе [1]). Всѣ тѣ данныя, которыя приведены были тогда мною-

[1]) По туркестанскому положенію русскому суду предоставлено право отмѣны рѣшеній народнаго суда, постановленныхъ съ превышеніемъ власти или по дѣламъ, имъ неподсуднымъ. Въ данномъ случаѣ рѣшеніе народнаго суда было съ формальной стороны неуязвимо, но оно опиралось на договоръ, заключенный при участіи народнаго суда, содержавшій въ себѣ всѣ признаки кабалы. Сыръ-дарьинскій областной судъ отмѣнилъ рѣшеніе народнаго суда, признавъ кабальный договоръ противорѣчащимъ основнымъ законамъ имперіи. Вотъ та натяжка, къ какой пришлось прибѣгнуть русскому суду, дабы пробить брешь въ той бронѣ, какою окруженъ народный судъ.

привели меня къ заключенію о крайней необходимости ограниченія юрисдикціи народнаго суда и о возможно большемъ расширеніи вліянія русскаго права на судъ народный.

Такія явленія, какъ подчиненное положеніе женщины, кабальное холопство и другіе пережитки старыхъ временъ, конечно, не должны быть терпимы. Но вести борьбу съ этими явленіями въ то время, какъ они защищаются (сознательно или безсознательно — это все равно) народнымъ судомъ, нельзя до тѣхъ поръ, пока не будетъ сломана та броня, которой окруженъ народный судъ дѣйствующимъ закономъ. Только широко открывъ возможность русскому суду слѣдить за дѣятельностью народнаго суда, да ограничивъ юрисдикцію послѣдняго, можно будетъ вести борьбу съ антипрогрессивными явленіями народной жизни и постепенно устранять изъ сознанія народа понятія, крѣпко опирающіяся на адатъ и шаріатъ.

Касаясь вопроса о судоустройствѣ Туркестана, необходимо напомнить, что хотя Степная комиссія и провозгласила принципъ отдѣленія суда отъ администраціи, но она его не провела, создавъ судебныя отдѣленія при областныхъ правленіяхъ. Шагъ впередъ въ этомъ отношеніи сдѣлало положеніе 1886 г., учредившее областные суды, дѣйствовавшіе, однако, не по судебнымъ уставамъ. Судебная реформа введена только въ 1899 г., но и то безъ суда присяжныхъ. Увѣнчать зданіе судебнаго устройства въ Туркестанѣ судомъ присяжныхъ дѣло, стоящее на очереди.

Само собой разумѣется, что правильное функціонированіе какъ народнаго самоуправленія, такъ и народнаго суда требуетъ и повышенія общаго культурнаго уровня населенія. Разъ мы хотимъ исполнить свою обязанность, возложенную на насъ исторіей, и пріобщить населеніе Средней Азіи къ цивилизованному міру, то и должны проложить возможно широкую дорогу для знанія. Для распространенія знаній среди осѣдлаго населенія въ Туркестанѣ выработанъ довольно удачный типъ школъ—русско-туземныхъ, въ которыхъ дѣти одновременно проходятъ русскую начальную школу и учатся своему родному языку. Этому типу школъ необходимо дать болѣе широкое распространеніе по краю, какъ по кишлакамъ, занятымъ осѣдлымъ населеніемъ, такъ и по ауламъ кочевого населенія. Но въ то же время необходимо, не ограничиваясь увеличеніемъ сѣти такихъ начальныхъ школъ, создать училища съ болѣе широкими программами, а также и училища профессіональнаго характера. Для правильнаго использо-

ванія производительныхъ силъ страны необходимы техническія знанія, необходимо умѣніе и сознательное пользованіе какъ силами природы, такъ и пріемами совершенствующейся техники. Въ ряду различныхъ профессіональныхъ школъ необходимы въ первую очередь школы по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства съ центральнымъ учебнымъ заведеніемъ — средней сельско-хозяйственной школой, а въ ближайшемъ затѣмъ будущемъ и высшей. Необходимость послѣдней давно уже остро ощущается, такъ какъ только такая школа и можетъ дать кадръ мѣстныхъ агрономовъ.

IV.

Когда Туркестанъ былъ только-что еще завоеванъ, онъ не представлялся такимъ крупнымъ и важнымъ для Россіи экономическимъ райономъ, какимъ является нынѣ, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ поставщиковъ хлопка на русскія фабрики. Въ то время экономическое значеніе Туркестана опредѣлялось исключительно какъ рынокъ для произведеній русской промышленности, а также какъ база для развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ. «Интересы Россіи, читаемъ мы въ объяснительной запискѣ Степной комиссіи,—непосредственно за провозглашеніемъ необходимости прочнаго прикованія Туркестана къ Россіи, возрастутъ еще болѣе въ будущемъ, когда, съ проложеніемъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, могутъ развиться торговыя сношенія съ Китаемъ и южною половиною Азіи. Отъ прочнаго закрѣпленія за Россіей Киргизскихъ степей и земель новообразуемыхъ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей зависитъ вся будущность нашего вліянія въ Азіи и нашей въ ней торговли».

Но, несмотря однако на такой взглядъ на Среднюю Азію, въ первые же годы русскаго владычества былъ заложенъ фундаментъ того экономическаго значенія Туркестана, какимъ онъ пользуется нынѣ и развивать которое является одною изъ важныхъ задачъ Россіи. К. П. Кауфманъ, привлекая на службу въ Туркестанъ научныя силы и содѣйствуя изученію края, что не было использовано практиками, въ то время положилъ начало и важнѣйшей для края промышленности. Онъ командировалъ чиновника Бродовскаго въ Америку для изученія тамъ хлопковаго дѣла, выписывалъ для испытанія сѣмена различныхъ сортовъ хлопчатника, пріобрѣталъ джины для очистки

хлопка и этими мѣрами клалъ фундаментъ развитія хлопководства. Кромѣ Кауфмана, нашлось еще не мало лицъ, которыя въ качествѣ любителей занимались опытами разведенія различныхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ и тѣмъ накапливали матеріалъ будущаго промышленнаго плодоводства. Одинъ изъ начинавшихъ свою службу въ Туркестанѣ при Кауфманѣ лицъ, Н. И. Корольковъ, самъ большой любитель-садоводъ, въ 90-хъ годахъ, въ качествѣ президента Туркестанскаго общества сельскаго хозяйства, поднялъ вопросъ объ использованіи накопленнаго любителями опыта для составленія списка тѣхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, которые уже доказали свою приспособленность къ мѣстнымъ условіямъ и которые могутъ имѣть промышленное значеніе. Составленный обществомъ списокъ вызвалъ созданіе промышленныхъ садовъ, и туркестанскіе фрукты уже завоевали себѣ солидный рынокъ въ Европейской Россіи. Но послѣднее совершилось послѣ проведенія Ташкентской желѣзной дороги, точно также какъ опыты временъ Кауфмана надъ акклиматизаціей американскаго хлопчатника начали давать свои результаты съ проведеніемъ закаспійской желѣзной дороги до города Самарканда.

Хлопководство, поднявшее экономическое значеніе Туркестана, произвело въ немъ крупную перемѣну, переведя его изъ эпохи натуральнаго хозяйства въ эпоху промышленнаго оборота. Понятно, что такая эволюція не могла не отразиться на всѣхъ сторонахъ жизни. Промышленная горячка, съ одной стороны, дороговизна жизни, какъ слѣдствіе сокращенія площади продовольственныхъ посѣвовъ на счетъ хлопка—съ другой, наконецъ, оригинальная черта экономической жизни Туркестана, заключающаяся въ томъ, что туземцы-земледѣльцы, пользуясь искусственнымъ орошеніемъ полей и ихъ удобреніемъ и ведя интенсивное хозяйство, въ то же время сохраняютъ въ своемъ обиходѣ полупервобытную технику: пашутъ омачемъ, вмѣсто бороны примѣняютъ доски (мала), молотятъ зерновые продукты скотомъ, вѣютъ лопатой и не располагаютъ доброкачественнымъ посѣвнымъ матеріаломъ, — все это вмѣстѣ взятое указываетъ на то, что Туркестанъ еще переживаетъ переходную эпоху и не приспособился къ современнымъ требованіямъ экономической жизни.

Въ рядѣ необходимыхъ мѣропріятій для устраненія отрицательныхъ сторонъ, вызванныхъ къ жизни промышленной хлопковой горячкой, важнѣйшее мѣсто должны занимать, во-первыхъ, соединеніе рельсовымъ путемъ южнаго Турке-

стана—района хлопководства и виноградарства—съ сѣверо-восточнымъ райономъ пшеничныхъ посѣвовъ, а также и мѣропріятія въ сторону развитія посѣвовъ пшеницы въ вертикальныхъ климатическихъ зонахъ, а во-вторыхъ—созданіе мѣстныхъ кооперативовъ, которые одни только могутъ устранить вредныхъ посредниковъ между производителемъ хлопка и фабрикой, и которые, располагая правомъ кредита въ Государственномъ банкѣ для своихъ членовъ, смогли бы этимъ устранить главнѣйшее зло промышленной горячки—торговлю хлопкомъ посредствомъ выдачи задатковъ населенію, нуждающемуся въ оборотномъ капиталѣ для веденія своего хозяйства.

Но рядомъ съ цѣлой серіей задачъ экономической политики въ цѣляхъ облегченія населенію тяготъ переживаемой переходной эпохи, хлопководство выдвинуло на очередь и рядъ существенно-важныхъ задачъ, осуществленіе которыхъ обѣщаетъ широкое развитіе экономической жизни въ краѣ. Прежде всего настоятельно расширеніе площади искусственно орошаемыхъ земель путемъ проведенія новыхъ ирригаціонныхъ каналовъ.

Изысканія въ этомъ направленіи показали, что даже при современныхъ, еще не использованныхъ на дѣло орошенія, запасахъ воды можно почти удвоить площадь искусственно-орошаемыхъ земель. Если же прибѣгнуть къ использованію природныхъ силъ въ горахъ, въ верховьяхъ рѣкъ, для созданія ряда водохранилищъ, которыя должны собирать воду въ періодъ невегетаціонный и расходовать ее по мѣрѣ надобности на орошеніе различныхъ культуръ, то площадь искусственно орошаемыхъ земель увеличится не вдвое, а значительно больше. Создать рядомъ со старымъ Туркестаномъ новый—такова крупнѣйшая задача экономической политики, выпавшая на долю Россіи. Такъ развивая хлопководство, чтобы значительно сократить ввозъ этого прядильнаго волокна изъ Америки и другихъ странъ, мы, несомнѣнно, повліяемъ на развитіе и многихъ другихъ культуръ и создадимъ изъ Туркестана одинъ изъ богатѣйшихъ экономическихъ районовъ Россіи.

Эта важная проблема уже нѣсколько лѣтъ озабочиваетъ правительство и въ то же время не выходитъ пока изъ подготовительной стадіи. Широкое развитіе оросительныхъ работъ требуетъ затраты крупныхъ средствъ и хотя затраты эти имѣютъ общегосударственное значеніе, а не только мѣстное, однако государство останавливается передъ ними. Чтобы ускорить осуществленіе грандіозной задачи — превращеніе лессовыхъ и глинистыхъ пустынь въ цвѣтущіе оазисы, давно уже

циркулируетъ мысль о привлеченіи къ этому дѣлу частныхъ капиталовъ и частной иниціативы. Сторонники этого говорятъ не только о возможности такимъ путемъ скорѣе осуществить идею использованія пустующихъ земель, но также и о томъ, что частная иниціатива можетъ внести очень многое какъ въ технику орошенія, такъ и въ практику использованія вновь орошенныхъ земель. Однако, представители правительственной власти, относясь въ принципѣ сочувственно къ идеѣ привлеченія частныхъ капиталовъ для орошенія земель, съуживаютъ сферу примѣненія послѣднихъ, мотивируя это, во-первыхъ, отсутствіемъ въ Россіи «того обилія предпріимчивыхъ, вооруженныхъ энергіей, иниціативой и техническими знаніями капиталовъ, которые есть въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ очень широко привилась идея частной предпріимчивости въ дѣлѣ орошенія земель», во-вторыхъ, отсутствіемъ «того класса крѣпкихъ фермеровъ, которые обычно являются въ Америкѣ покупателями орошенныхъ земель у частныхъ компаній и возвращаютъ имъ съ лихвой всѣ затраты», и, въ-третьихъ, наконецъ, тѣмъ, что «орошеніе и заселеніе пустынныхъ земель имѣетъ для насъ не одно только экономическое значеніе, какъ въ Америкѣ, но и политическое: укрѣпленіе русскихъ людей на окраинѣ» [1]). Но, ограничивая сферу примѣненія частныхъ капиталовъ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ признаетъ допустимой эту мѣру при условіи дѣлежа вновь орошенныхъ земель «поровну между предпріятіемъ, давшимъ деньги и воду, и государствомъ, давшимъ землю и право на орошеніе».

Такимъ образомъ, и при ограниченіи сферы примѣненія частнаго капитала возникаетъ все-таки опасность появленія въ Туркестанѣ крупнаго землевладѣнія. Говорю опасность, потому что созданіе крупнаго землевладѣнія въ Туркестанѣ прямо противорѣчитъ основной идеѣ расширенія площади орошаемыхъ земель въ цѣляхъ развитія интенсивныхъ культуръ. Туркестанъ цѣненъ для Россіи именно, какъ районъ такихъ культуръ, какъ хлопководство, садоводство и виноградарство, а эти культуры и соотвѣтствуютъ преимущественно мелкимъ трудовымъ хозяйствамъ. Что хозяйства тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ они мельче (конечно, не достигая предѣловъ карликовыхъ), это доказано многими статистическо-экономическими изслѣдованіями; это же подтвердила и статистическая анкета, произведенная по распоряженію

[1]) Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1912 году.

ревизовавшаго Туркестанъ въ 1908 г. сенатора графа К. К. Палена. Относительно хлопка она дала слѣдующій результатъ:

Группа по размѣру землевладѣнія.	На 1 работника приходится дес. посѣва на полив. земли.	На 1 дес. посѣва на поливной землѣ приход. головъ рабочаго скота.	% посѣвовъ хлопка.
0,0— 0,5 дес.	0,1	3,3	34,5
0,6— 1,0 „	0,4	1,3	31,3
1,1— 2,0 „	0,7	1,1	25,8
2,1— 3,0 „	1,2	0,9	18,1
3,1— 5,0 „	1,6	0,7	17,1
5,1—10,0 „	2,7	0,6	14,6
Свыше —10,0 „	5,1	0,4	13,6

Если принять во вниманіе, что по мнѣнію многихъ, раздѣляемому и вѣдомствомъ земледѣлія, желательно и возможно такое развитіе хлопководства, при которомъ хлопокъ занималъ бы около $^1/_3$ посѣвной площади, то въ такомъ случаѣ являются самыми пріемлемыми для дѣла развитія интенсивныхъ культуръ вообще и хлопководства въ частности хозяйства размѣромъ не свыше одной десятины земли. Лично я не являюсь сторонникомъ такой, на мой взглядъ, крайней парцелляціи землевладѣнія въ Туркестанѣ, но безусловно признаю, что государство должно стать тамъ на сторону созданія трудовыхъ хозяйствъ, а не капиталистическихъ, а поэтому совершенно отрицательно отношусь къ мысли о дѣлежѣ поровну орошенныхъ земель между государствомъ и капиталистическими предпріятіями; вмѣстѣ съ тѣмъ, я нахожу въ высшей степени дорогой для государства плату за произведенное орошеніе половиною земли. Если неорошенная земля, дѣйствительно, сейчасъ дешева въ краѣ, то это не значитъ, что ее можно такъ щедро, такъ безразсчетливо отдавать частнымъ капиталистамъ. Нужно обратить вниманіе и на то еще, что вода, проводимая для цѣлей орошенія, является цѣннымъ національнымъ достояніемъ, которое должно быть бережно распредѣлено для пользованія между трудовыми хозяйствами, и не должно быть уступаемо отдѣльнымъ собственникамъ. А между тѣмъ созданіе крупныхъ земельныхъ владѣній приведетъ къ индивидуализаціи и правъ на воду, что́ безусловно нежелательно.

«Нужно быть слѣпымъ, — говорилъ нашъ извѣстный экономистъ А. И. Чупровъ,—чтобы передавать въ руки спекулянтовъ, одушевленныхъ единственно стремленіемъ къ наибольшей наживѣ, судьбы цѣлыхъ населеній и поколѣній»; «лишь общество, какъ цѣлое, имѣетъ право и обязанность эксплоатировать ее (воду) въ интересахъ своего народа». Это говорилось покойнымъ профессоромъ по поводу эксплоатаціи воды, какъ механической энергіи. А вода, эксплоатируемая для цѣлей орошенія, является болѣе цѣннымъ общественнымъ достояніемъ, и потому всякія попытки превращенія ея въ частную собственность должны встрѣтить самый энергичный отпоръ.

Если дѣйствительно быстрое осуществленіе задачи орошенія новыхъ земель въ Туркестанѣ не можетъ быть произведено безъ привлеченія частныхъ капиталовъ, то послѣднимъ должны быть предъявлены два условія: возможно короткій срокъ исполненія техническихъ сооруженій и обязательный выкупъ послѣднихъ государствомъ. «Выкупъ предпріятія, говорилъ А. И. Чупровъ, по стоимости дѣйствительно произведенныхъ работъ съ извѣстною заранѣе, условленною надбавкой вѣрнѣе всякой самой сложной регламентаціи обезпечитъ точное исполненіе концессіонеромъ принятыхъ на себя обязательствъ и бережное отношеніе къ интересамъ третьихъ лицъ и цѣлаго общества» [1]).

Нельзя признать цѣлесообразной съ государственной точки зрѣнія и идею главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о предоставленіи вновь орошаемыхъ земель исключительно только русскимъ переселенцамъ. Переселеніе русскихъ крестьянъ въ Туркестанъ, особенно при увеличеніи площади орошаемыхъ земель, безусловно необходимо хотя бы по одному тому, что вѣдь использованіе новыхъ земель только и возможно при увеличеніи рабочихъ рукъ. Но это еще не значитъ, что право на новыя земли должно принадлежать только однимъ русскимъ переселенцамъ. Цѣль расширенія площади искусственно-орошаемыхъ земель—возможно широкое развитіе земледѣльческихъ культуръ; а въ этомъ дѣлѣ могутъ принять участіе всѣ русскіе граждане, изъ числа которыхъ никоимъ образомъ нельзя исключать сартовъ, киргизъ и другихъ аборигеновъ Туркестана. Необходимо принять во вниманіе, что среди мѣстнаго осѣдлаго туземнаго населенія существуетъ довольно большой процентъ безземельныхъ, ищущихъ приложенія своего труда и уже обра-

[1]) А. И. Чупровъ „Націонализація источниковъ водяной силы". Сочиненія томъ I.

зовавшихъ особый кадръ, такъ называемыхъ чайрикеровъ, изъ доли урожая обрабатывающихъ чужую землю. Нельзя упускать изъ вида и того, что среди киргизскаго кочевого населенія давно уже идетъ процессъ осѣданія, который въ значительной степени замедляется именно отсутствіемъ земель, пригодныхъ для немедленнаго созданія земледѣльческихъ оазисовъ. Надо помнить, наконецъ, что туземное населеніе давно уже доказало свою способность создавать и вести интенсивныя культуры. Все вмѣстѣ взятое говоритъ за то, что государство обязано дать возможность своимъ гражданамъ основать прочное хозяйство на своей землѣ, обязано облегчить кочевникамъ переходъ къ осѣдлости, безъ которой не можетъ идти ихъ дальнѣйшее культурное развитіе и должно отнестись съ участіемъ къ населенію, которое создало современное экономическое значеніе Туркестана. Предоставляя туземцамъ право на заселеніе вновь орошаемыхъ земель наравнѣ съ русскими переселенцами, государство тѣмъ самымъ и облегчитъ послѣднимъ скорѣйшее усвоеніе техники хозяйства на орошенныхъ земляхъ, ускоритъ взаимное пониманіе двухъ этнографически различныхъ группъ русскихъ гражданъ и, такимъ образомъ, будетъ содѣйствовать тому органическому слиянію Туркестана съ имперіей, какое выдвигалось какъ desiderata Степной комиссіей.

Туркестанъ — русскій край, населеніе его — русскіе граждане — и государство не можетъ къ нимъ относиться иначе, чѣмъ къ остальнымъ своимъ гражданамъ.

Высказавъ свое мнѣніе о главнѣйшихъ, стоящихъ передъ Россіей въ Туркестанѣ проблемахъ, о которыхъ невольно хочется говорить въ пятидесятилѣтнюю годовщину занятія русскими баталіонами воротъ въ Среднюю Азію, я долженъ сказать и еще объ одной задачѣ, безъ осуществленія которой, по моему мнѣнію, немыслима дальнѣйшая творческая работа въ Туркестанѣ.

Цѣлый рядъ сложныхъ и серьезныхъ задачъ стоитъ передъ Россіей. Рѣшеніе большинства этихъ задачъ должно проходить черезъ законодательныя учрежденія, а между тѣмъ въ послѣднихъ нѣтъ представителей отъ Туркестана. Характерныя особенности и истинныя нужды послѣдняго ближе всего извѣстны, конечно, населенію края, и оно должно-бы быть призвано къ участію въ законодательной работѣ для Туркестана.

О. Шкапскій.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ОБЩЕНІЯ СЪ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФІЕЙ.

Немало писано у насъ о вліяніи, оказанномъ на русскую мысль философскими системами Шеллинга и Гегеля. Мы знаемъ, что въ числѣ первыхъ проповѣдниковъ этихъ доктринъ въ Россіи былъ Станкевичъ, другъ Герцена, Грановскаго и Тургенева. О томъ, насколько самъ Герценъ и его другъ Бакунинъ вліяли на распространеніе, сперва въ московскихъ кружкахъ, а затѣмъ и на несравненно болѣе широкой аренѣ за рубежомъ взглядовъ нѣмецкихъ метафизиковъ и, въ частности, Гегеля, легко узнать изъ письменныхъ и устныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ изъ ихъ современниковъ.

Мнѣ пришлось въ послѣдніе годы его жизни знать Сухово-Кобылина, автора извѣстной «Свадьбы Кречинскаго», того изъ россіянъ, который въ теченіе всей своей жизни занимался переводомъ Гегеля. Онъ разсказывалъ мнѣ, что впервые заинтересовался Гегелевской философіей подъ вліяніемъ посѣщавшаго домъ его матери молодого Герцена. Что Прудонъ,—не читавшій по-нѣмецки, обращенъ былъ въ гегельянство Бакунинымъ,—фактъ хорошо извѣстный. Въ кружкѣ Станкевича и Грановскаго Б. Н. Чичеринъ также впервые заинтересовался Гегелевской философіей, а насколько она овладѣла его умомъ въ послѣдующій періодъ его жизни, объ этомъ говоритъ шутливое стихотвореніе Жемчужникова:

«Въ тарантасѣ, въ телѣгѣ ли,
Ѣду ночью изъ Брянска я,
Все о немъ, все о Гегелѣ
Моя дума дворянская».

Всякій читавшій воспоминанія И. С. Тургенева припомнитъ, какую роль играли въ московскихъ кружкахъ разсужденія о томъ, какъ толковать положеніе Гегеля: «все существующее—

разумно». Спорили до бѣшенства, не понимая, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, что здѣсь идетъ дѣло о простой тавтологіи. Эти споры, вѣроятно, и заставили также не мало початаго германской философіей художника слова избрать эпитетомъ одного изъ своихъ произведеній:

«Das Schrecklichste der Schrecken
Das ist ein «кружокъ» in der Stadt Moskau».

Кому пришлось слышать лѣтъ 45 тому назадъ старыхъ профессоровъ, занимавшихъ въ провинціи каѳедры энциклопедіи права или права уголовнаго, тому припомнится еще значеніе, какое въ то время придавали передачѣ пріемовъ діалектической философіи Гегеля и его опредѣленій преступленія и наказанія: послѣдняго, какъ отрицанія отрицанія; перваго, какъ отрицанія права.

Съ этого времени и по настоящій день русская философія неизмѣнно шла въ шорахъ германской метафизической мысли. Если смолкли споры шеллингіанцевъ и гегельянцевъ, то еще не далеко то время, когда русская молодежь интересовалась лѣвымъ крыломъ гегельянства въ лицѣ Фейербаха не меньше германской и зачитывалась Шопэнгауэромъ по примѣру Л. Н. Толстого. Шопэнгауэра со временемъ смѣнилъ Гартманъ, которымъ одно время не мало увлекался Вл. Соловьевъ. Нѣмецкой философіей продолжаетъ интересоваться и новѣйшая плеяда русскихъ мыслителей съ обоими Трубецкими во главѣ, хотя они и производятъ себя въ прямой линіи отъ Соловьева. Нео-кантіанство теперь въ модѣ не на одномъ Западѣ. Очень многіе изъ нашихъ профессоровъ философіи являются его истолкователями съ университетскихъ каѳедръ. Это въ значительной степени можно сказать объ А. И. Введенскомъ и И. И. Лапшинѣ.

Теченіе, представляемое на Западѣ основателями т. н. «научной философіи»—Контомъ, Спенсеромъ, Миллемъ, Льюисомъ, Бэномъ, захватило въ Россіи не столько такъ называемыхъ спеціалистовъ по философіи, сколько широкіе круги естествоиспытателей, юристовъ, историковъ, писателей по общественнымъ и нравственнымъ наукамъ, наконецъ, педагоговъ. При этомъ сказалось большее вліяніе англійской научно-философской мысли и слабѣйшее—французской. У насъ почти никто не считался съ тѣмъ, что «Логика» Милля въ той ея части, которая излагаетъ пріемы общественныхъ наукъ, не болѣе, какъ передача тѣхъ методовъ, какихъ придерживался Огюстъ

Контъ при построеніи соціологіи. Не достаточно оцѣнивали также вліяніе, оказанное Кантомъ на Спенсера, вліяніе, имъ мало подчеркиваемое, сказавшееся столько же въ отрицаніяхъ, сколько и въ утвержденіяхъ, но тѣмъ не менѣе весьма значительное. Льюисъ болѣе откровенно связывалъ свои собственныя доктрины,—насколько онѣ выразились въ его послѣднемъ трудѣ: «Вопросы жизни и духа»,—съ ученіями Конта. Бэнъ идетъ за Миллемъ, а слѣдовательно, и за Контомъ. Еще одинъ англійскій мыслитель, болѣе тѣсно связавшій свое имя съ исторіей цивилизаціи,—Бокль, непосредственно воздѣйствовалъ на русскую мысль и заслонилъ для нея дѣйствительнаго основателя соціологіи и, въ частности, соціальной динамики, Конта, мыслями котораго онъ, однако, пользуется не разъ.

Непосредственными проводниками французскаго позитивизма, противополагаемаго контизму, т.-е. позднѣйшей попыткѣ Конта съ помощью субъективнаго метода построить какую-то новую религіозно-метафизическую систему («религію человѣчества»)—надо считать двухъ людей—Г. Н. Вырубова и Е. В. Де-Роберти. Ихъ вліяніе, можетъ быть, было сильнѣе въ романскихъ странахъ, чѣмъ на родинѣ. Вырубовъ почти ничего не писалъ по-русски и въ бо́льшую половину своей сознательной жизни, отошедши отъ философіи, занимался преимущественно химіей и кристаллографіей или читалъ курсы въ Collège de France по исторіи наукъ. Де-Роберти, попробовавъ издавать свои труды на русскомъ языкѣ,—и остановленный въ этомъ намѣреніи строгостями русской цензуры и враждебностью къ нему популярныхъ журналистовъ, перешелъ въ число французскихъ писателей по философіи и соціологіи. Только въ концѣ своей жизни онъ имѣлъ возможность устно пропагандировать свои взгляды на русскомъ языкѣ, частью въ Парижѣ въ основанной мною, имъ, Мечниковымъ и Гамбаровымъ—«Высшей школѣ общественныхъ наукъ», частью съ единственной русской каѳедры по соціологіи при психо-неврологическомъ институтѣ въ Петроградѣ.

Ни Вырубовъ, ни Де-Роберти не имѣли случая встрѣтиться съ Контомъ. Но они знали одного изъ самыхъ выдающихся и вмѣстѣ осторожныхъ его послѣдователей. Я разумѣю Литтрэ. Литтрэ положительная философія обязана тѣмъ, что съ самаго начала рѣшила не идти за Контомъ при его попыткѣ восполнить созданное имъ зданіе синтеза наукъ построеніемъ новой религіозной метафизики съ помощью субъективнаго метода, ранѣе имъ отрицаемаго.

Мнѣ пришлось присутствовать при первой встрѣчѣ Де-Роберти съ Пьеромъ Лафитомъ, наиболѣе выдающимся изъ ортодоксальныхъ послѣдователей Конта.

«Вы изъ тѣхъ,—сказалъ онъ шутя Евгенію Валентиновичу,—которые сдѣлали изъ меня Петра, когда я хотѣлъ быть Павломъ». Это означало то, что линія поведенія, принятая по отношенію къ Конту сторонниками Литтрэ, откинула Лафита въ правый лагерь и заставила его отстаивать всю совокупность трудовъ Конта, какъ кладущихъ основу новому направленію философской мысли.

Изъ русскихъ весьма немногіе имѣли случай слышать Конта. Я припоминаю, что въ «Русской Мысли» немного лѣтъ тому назадъ пришлось прочесть письмо нѣкоего, если не ошибаюсь, Салова, который говорилъ о томъ впечатлѣніи, какое Контъ произвелъ на него своими лекціями въ Rue de Tournon, лекціями, читанными въ довольно скромной аудиторіи и собиравшими всего-на-всего нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ числѣ ихъ двухъ-трехъ выдающихся ученыхъ, напр. Бленвиля. Опредѣленное вліяніе въ направленіи положительной философіи оказалъ какъ на Вырубова, такъ и на Де-Роберти лекторъ французскаго языка въ Александровскомъ лицеѣ, Поммье. Поммье былъ корреспондентомъ Литтрэ, сотрудникомъ затѣяннаго имъ «Словаря французскаго языка» (Dictionnaire de la langue française), этого монументальнаго зданія, воздвигнутаго необыкновенной начитанностью во французскихъ писателяхъ медикомъ-философомъ. Поммье доставилъ Вырубову и личную рекомендацію къ Литтрэ. На изданіи «Журнала положительной философіи» очень настаивала разошедшаяся съ мужемъ при жизни, но весьма дорожившая его посмертной извѣстностью, вдова Конта. Вырубовъ говорилъ мнѣ о ней, какъ о замѣчательно умной женщинѣ, и поддерживалъ съ нею отношенія до самой ея кончины. «Журналъ положительной философіи» возникъ въ 1867 г. Его появленіе было привѣтствуемо Миллемъ и справедливо приписано имъ тому счастливому обстоятельству, что Литтрэ нашелъ въ своемъ молодомъ соредакторѣ не только человѣка съ хорошими матеріальными средствами, но и съ кипучей энергіей юности. Вырубовъ по окончаніи курса въ Александровскомъ лицеѣ одновременно съ Де-Роберти въ маѣ 1862 г. приписался въ число студентовъ Московскаго университета по естественному факультету, выдержалъ выпускной экзаменъ, сдалъ экзаменъ на магистра и написалъ, но не защитилъ диссертацію. Де-Роберти, 18 лѣтъ вышедшій съ дипломомъ изъ лицея, уѣхалъ въ Германію и Францію, слушалъ лекціи по естественнымъ и общественнымъ

наукамъ въ Гейдельбергѣ, въ Гиссенѣ и Іенѣ, въ ноябрѣ 1864 г. выдержалъ экзаменъ на доктора философіи въ Іенскомъ университетѣ и защитилъ въ немъ диссертацію о русской сельской общинѣ. Въ 1869 г., напечатавъ книгу «Политико-экономическіе этюды», онъ дѣлится съ читателями «Revue de philosophie positive» нѣкоторыми общими положеніями своей работы, вызванной желаніемъ подвергнуть критикѣ ходячія въ это время доктрины экономистовъ съ той соціологической точки зрѣнія, на которой настаивалъ Контъ въ своей соціальной статикѣ. Самой книгой онъ, повидимому, недоволенъ. Отправивъ ранѣе ее своему пріятелю Вырубову, онъ пишетъ ему 23 апрѣля 1859 г.: «Изъ молчанія твоего я заключаю, что тебѣ несовсѣмъ понравилась книжонка моя. Но меня удивило бы обратное—если бы она тебѣ понравилась, потому что самому мнѣ она ужасно противна».

Поставленный въ необходимость жить въ деревнѣ, чтобы привести въ нѣкоторый порядокъ запущенное имѣніе, онъ тяготится окружающей его средою, характеризуя ее слѣдующимъ образомъ въ одномъ письмѣ, направленномъ тому же Вырубову:

«Чѣмъ дольше я живу въ этой нелюдимой, грубой и вмѣстѣ съ тѣмъ глупой и пошлой средѣ, тѣмъ противнѣе становится мнѣ это житье. Даже трудъ, единственное спасеніе отъ одуряющаго дѣйствія всего окружающаго, теряетъ не малую часть своей привлекательности, будучи лишенъ своего необходимаго дополненія—раціональнаго развлеченія и отдыха въ кругу развитыхъ и симпатичныхъ личностей».

Въ томъ же 1866 г. Де-Роберти, часто покидающій деревню для Петербурга, задается мыслью объ изданіи чего-то въ родѣ еженедѣльнаго журнала, необыкновенно скромныхъ размѣровъ, въ объемѣ одного печатнаго листа, журнала, который былъ бы не только обзоромъ текущихъ политическихъ событій, но и своего рода оцѣнкой экономическихъ и общественныхъ явленій съ соціологической точки зрѣнія. Въ письмѣ отъ 20 декабря 1866 г. мы читаемъ: «Разныя матеріальныя обстоятельства заставляютъ меня отыскать скоро какой-нибудь источникъ доходовъ, зависящій только отъ моего личнаго труда (письмо изъ Петербурга). Вслѣдствіе этого я выдумалъ газету: «Обозрѣніе политическое, экономическое и финансовое», притомъ sui generis, гдѣ бы помѣщались однѣ передовыя, руководящія статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ, еженедѣльно, въ объемѣ печатнаго листа... Мы хотимъ обращаться только къ интеллигенціи русской, къ какому бы сословію или партіи она ни принадлежала. Въ политикѣ мы хотимъ

создать партію и политику интеллигенціи, а въ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ постараемся быть глашатаями della scienza nuova—новой науки (прозвище, данное соціологіи, еще задолго до ея обоснованія Контомъ, итальянцемъ Вико). Не знаю, впрочемъ, заканчиваетъ свое письмо Де-Роберти, что изъ всего этого выйдетъ». Какъ и можно было ожидать, изъ этого ровно ничего не вышло, да и не могло выйти, такъ какъ на одномъ листѣ въ недѣлю, разумѣется, трудно было осуществить такую широкую задачу, особенно у насъ, гдѣ не привыкли писать сжато. Де-Роберти жалуется въ своей перепискѣ на апатію намѣченныхъ имъ сотрудниковъ, большей частью лицейскихъ товарищей, на ихъ готовность попасть поскорѣе на государственную службу и на вызванное тѣмъ самымъ оттягиваніе со дня на день момента выполненія разъ принятыхъ литературныхъ обязательствъ. Эта лѣнь сказалась и въ болѣе скромномъ предпріятіи, затѣянномъ тѣмъ же Де-Роберти съ цѣлью познакомить широкіе круги русскихъ читателей съ позитивизмомъ. Небольшая работа о немъ Льюиса, по совѣту Вырубова, намѣчена была для перевода. Немало лицъ взялось за эту работу. Въ числѣ другихъ извѣстный впослѣдствіи судебный дѣятель Неклюдовъ. Книжка вышла, но много лѣтъ спустя.

Де-Роберти, однако, не отчаивался. Проводя свободное отъ хозяйства время по преимуществу въ чтеніи, онъ въ то же время не покидалъ мысли о популяризаціи Конта. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вырубову, онъ говоритъ о томъ, что желалъ бы сдѣлать это по отношенію къ тремъ единственно ему доступнымъ томамъ—четвертому, пятому и шестому. Въ нихъ изложена соціологія Конта, которой предшествуетъ, какъ заключительная глава біологіи, этюдъ о заступавшей въ то время мѣсто психо-физики—френологіи.

Де-Роберти не скрываетъ отъ своего корреспондента намѣренія отнестись критически къ ученію Конта. Онъ хочетъ резюмировать его соціологію въ небольшой книгѣ, цѣною въ 1 р. 50 к.—не болѣе. Такимъ образомъ зародилась въ немъ мысль, поведшая къ изданію, сперва на русскомъ языкѣ, а затѣмъ и во французской научной библіотекѣ Алькана, книги, подъ заглавіемъ «Соціологія». Она вышла въ 1880 году. Но гораздо раньше этого времени автору удалось выразить свое основное разномыслiе съ положительной философіей и соціологіей Конта въ статьѣ, помѣщенной имъ въ журналѣ «Знаніе» въ 1875 г. Статья эта заслуживаетъ того, чтобы мы на ней остановились, такъ какъ въ ней болѣе или менѣе намѣчены тѣ взгляды, которые авторъ бу-

детъ развивать всю свою жизнь какъ на французскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ. Вотъ вкратцѣ содержаніе этой статьи, въ передачѣ, сдѣланной самимъ Де-Роберти для г. Колубовскаго, собиравшагося писать о немъ для энциклопедическаго словаря Ефрона.

Статья эта озаглавлена: «Наука и метафизика», «опытъ новой постановки нѣкоторыхъ вопросовъ въ области философіи». Она появилась въ № 5 «Знанія» за 1875 г. Де-Роберти пишетъ о ней: Она имѣетъ значеніе для развитія моихъ философскихъ идей. Въ ней содержатся въ зародышѣ нѣкоторые основные взгляды, встрѣчаемые позднѣе въ болѣе зрѣлой и обработанной формѣ, а именно—законъ соотношенія науки и философіи, законъ трехъ типовъ философіи, идеализма, матеріализма, сенсуализма, критика контовскаго закона «трехъ состояній». Между прочимъ, развиваются слѣдующія мысли: не только метафизическія, но и теологическія идеи находятся въ самой тѣсной зависимости отъ идей научныхъ. Опытное происхожденіе тѣхъ и другихъ не подлежитъ сомнѣнію. Но философія равняется всегда наукѣ плюсъ нѣчто, что̀ не составляетъ науки, что̀ временно стоитъ внѣ предѣловъ науки, что̀ служитъ пополненіемъ ея пробѣловъ, что̀ является объектомъ философскихъ гипотезъ. Философія выигрываетъ отъ поступательнаго движенія науки.

Льюисъ, какъ извѣстно, отличаетъ отъ метафизики область метэмпиріи, область научныхъ гипотезъ. Де-Роберти идетъ дальше его, доказывая, что область научной мысли заключаетъ въ себѣ и область мысли апріорной, какъ цѣлое часть. На вопросы, въ родѣ того, что̀ такое абсолютное бытіе, научная философія отвѣчаетъ или можетъ отвѣтить абсолютно и точно. Теорія воздержанія позитивистовъ основана на прискорбномъ недоразумѣніи. Воздерживаться слѣдуетъ не отъ изученія извѣстныхъ вопросовъ, а отъ приложенія апріорныхъ методовъ. Такимъ образомъ, уже въ 1875 г. Де-Роберти высказываетъ ту точку зрѣнія, которая вызвала въ положительной философіи образованіе новаго теченія, извѣстнаго подъ названіемъ «нео-позитивизма».

На разстояніи 33 лѣтъ со времени появленія этой статьи, Де-Роберти, открывая курсъ соціологіи при психо-неврологическомъ институтѣ, въ рѣчи, произнесенной 3 февраля 1908 г., между прочимъ, говоритъ: «Почти 30 лѣтъ подъ рядъ я защищалъ правильность гипотезы или теоріи, которая носитъ въ современной соціологической литературѣ названіе «біо-соціальной». Одно изъ основныхъ ея положеній можетъ быть формулировано такъ: если общественное или надорганическое явле-

ніе слѣдуетъ всегда за біологическимъ фактомъ, оно всегда предшествуетъ факту психологическому. Такъ что только изъ глубины соборной или коллективной души можетъ пробиться на свѣтъ общественная особь—моральная личность... Безъ основательнаго знанія и безъ должнаго учета, съ одной стороны, біологическаго факта, а съ другой,—соціологическаго, никакая научная психологія немыслима. Внѣ этихъ двухъ условій психологія или будетъ сводить все къ психо-физикѣ, т.-е. впадетъ въ матеріалистическую односторонность и въ методологическую ошибку, именуемую біологизмомъ, или будетъ видѣть въ сложномъ психологическомъ фактѣ нѣчто довлѣющее само себѣ, т.-е. впадетъ въ идеалистическую односторонность и въ методологическую ошибку, которой можно дать названіе вульгарнаго психологизма» (стр. 46). «Современный соціологъ обязанъ раціонализировать различныя технологіи, включая сюда и нравственную, и юридическую, и политическую, и экономическую».

«Въ общей соціологіи, которая стремится раскрыть наиболѣе постоянныя причины самыхъ разнообразныхъ общественныхъ явленій, главное вниманіе должно быть обращено на причинный рядъ. Здѣсь первой и глубокой основой всякой культуры является знаніе, которое развивается въ зависимости отъ внутреннихъ качествъ или свойствъ опыта не только лицъ, культивирующихъ или распространяющихъ знаніе, но и несравненно большаго числа лицъ, его воспринимающихъ, т.-е. въ зависимости отъ коллективнаго опыта. Состояніемъ или уровнемъ знанія всецѣло обусловливается и опредѣляется затѣмъ характеръ религіозныхъ вѣрованій и философскихъ идей, а онѣ даютъ содержаніе и направленіе искусству. Послѣднее звено длинной цѣпи культурныхъ соціальныхъ переживаній—дѣйствіе, трудъ, поведеніе, обусловливается всѣми предшествующими факторами въ указанномъ порядкѣ ихъ постепеннаго развитія» (стр. 58).

То, что составляетъ особенность Де-Роберти въ пониманіи задачъ и метода соціологіи, болѣе или менѣе подробно развито имъ въ двухъ книгахъ, вышедшихъ на разстояніи почти четверти вѣка другъ отъ друга. Первой изъ этихъ книгъ является его «Соціологія». Она вышла въ Петербургѣ въ 1880 г., а въ Парижѣ въ слѣдующемъ затѣмъ году подъ заглавіемъ: «Опытъ соціологической философіи». Она составила отдѣльный томъ «Международной научной библіотеки».

Излагая на разстояніи многихъ лѣтъ основныя мысли этой книги, самъ Де-Роберти пишетъ о ней: новизною отличается общая теорія абстрактнаго и конкретнаго зна-

нія, съ распредѣленіемъ отвлеченныхъ наукъ въ 4 группы, впослѣдствіи сведенныя имъ же къ тремъ. Контъ, какъ извѣстно, сводилъ все отвлеченное знаніе къ шести наукамъ: математикѣ, астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи и соціологіи. Де-Роберти предпочитаетъ этому дѣленію классификацію наукъ на дисциплины, изучающія: 1) неорганическія, 2) органическія и 3) надорганическія явленія. Другой особенностью своего пониманія авторъ считаетъ теорію раздвоенія высшихъ или сложныхъ наукъ на: 1) естественную исторію и 2) естественную науку явленій. Наконецъ, онъ оттѣняетъ ту мысль, выраженную въ той же книгѣ, по которой психологія изъемлется изъ сферы отвлеченныхъ и включается въ число наукъ конкретно-производныхъ, основанныхъ на совокупномъ дѣйствіи законовъ біологическихъ и общественныхъ.

Русская журнальная критика отнеслась къ книгѣ Де-Роберти далеко не сочувственно. Исключеніе должно быть сдѣлано для «Вѣстника Европы», въ которомъ въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» за январь 1880 г. съ подписью К. К. помѣщенъ довольно подробный отзывъ въ 18 страницъ и отмѣчаются слѣдующія достоинства новаго соціологическаго труда.

«Всего больше удалась г. Де-Роберти полемика противъ приверженцевъ реальной аналогіи общества съ организмомъ и противъ классификаціи наукъ, предложенной Спенсеромъ». «Наибольшей оригинальностью отличаются взгляды автора на различіе между конкретными и абстрактными науками, на методъ, свойственный соціологіи, на составныя ея части и на мѣсто, занимаемое психологіей въ ряду другихъ наукъ. Эти четыре пункта — краеугольные камни его системы» (стр. 413-я).

Въ издававшемся мною въ то время «Критическомъ Обозрѣніи» извѣстный математикъ Бугаевъ подъ именемъ Громова представилъ рядъ возраженій, побудившихъ Де-Роберти отвѣтить ему въ томъ же журналѣ, послѣ чего появилась опять таки въ «Критическомъ Обозрѣніи» новая статья того же Бугаева. Де-Роберти доказывалъ, что онъ не былъ понятъ и что его критикъ полемизируетъ съ собственными мыслями.

За границей книга вызвала несравненно болѣе сочувственную оцѣнку, не только со стороны Вырубова, но и нѣкоторыхъ французскихъ и итальянскихъ писателей по философіи и соціологіи. Въ числѣ другихъ—Вадале-Папале, который съ особеннымъ сочувствіемъ остановился на обособленіи Де-Роберти въ психиче-

скомъ явленіи части, обязанной своимъ происхожденіемъ физіологическимъ функціямъ, отъ части, независимой отъ этихъ функцій. Естественную основу психологія отнынѣ имѣетъ въ біологіи, а завершеніе въ соціологіи [1]).

Гумпловичъ въ своихъ «Основахъ соціологіи», вышедшихъ въ Вѣнѣ въ 1885 г., ставитъ въ особую заслугу автору, что онъ совѣтуетъ соціологамъ положить въ основу своихъ изслѣдованій естественную исторію общества.

Почти четверть вѣка спустя Де-Роберти пишетъ: «Новую постановку основныхъ вопросовъ соціологіи», содержаніе которой далеко не покрываетъ содержанія первой его книги, но въ которой также развивается его біо-соціальная гипотеза о природѣ надорганическаго явленія и подымается вопросъ о природѣ психологіи и о естественной исторіи общества, какъ объ основѣ абстрактной соціологіи. Въ бесѣдѣ со мною объ этомъ послѣднемъ трудѣ авторъ говорилъ, что ему пришлось бы многое измѣнить въ томъ очеркѣ чисто-методологическаго характера, которымъ была изданная имъ въ 1880 г. «Соціологія». Обозрѣвая это новое сочиненіе, одинъ французскій писатель Гервэ Блондель въ очеркѣ, помѣщенномъ имъ въ «Международномъ обозрѣніи соціологіи», говоритъ, что «классификація соціальныхъ фактовъ, предложенная Де-Роберти, пользуется большой извѣстностью и принимается почти безъ возраженій. Она сводится къ слѣдующему: авторъ различаетъ—1) науку (аналитическое знаніе, заключающее, впрочемъ, и частные синтезы) отъ 2) философіи или религіи (всегда общій синтезъ), 3) искусства (эстетическія чувства и эмоціи) и 4) наконецъ, дѣйствіе и поведеніе. Въ предложенномъ соціологическомъ ряду, пишетъ Блондель, законъ тѣснаго соотношенія объясняетъ состояніе или характеръ философіи состояніемъ или характеромъ науки, состояніе или характеръ искусства состояніемъ или характеромъ общихъ вѣрованій и убѣжденій, а состояніе или характеръ дѣятельности или поведенія въ его цѣломъ состояніемъ или характеромъ трехъ предшествующихъ факторовъ и ихъ многочисленными взаимными реакціями».

Въ другомъ мѣстѣ своей статьи авторъ говоритъ: «Своими взглядами на отношеніе соціологіи и психологіи Де-Роберти сталъ во главѣ школы, рѣзко отличающейся отъ научныхъ на-

---

1) Darwinismo naturale e Darwinismo sociale. Torino. 1882 г., стр. 74—76.

правленій, которыя продолжаютъ или вовсе не дифференцировать надорганическое отъ органическаго или связывать развитіе соціологіи съ судьбами индивидуальной психологіи».

Третьей значительной теоріей высокой области отвлеченія Блондель въ книгѣ Де-Роберти считаетъ его борьбу противъ агностицизма. Первой была его біо-соціальная теорія, второй—законъ соотношенія между четырьмя факторами культуры.

Третьей темѣ Де-Роберти посвятилъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ книги, написанныя на французскомъ языкѣ и которыя по цензурнымъ условіямъ едва-ли могли бы появиться у насъ. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Непознаваемое, его метафизика и психологія», а другая—«Агностицизмъ». Первая появилась въ 1889 г., а вторая—въ 1892 г. «Съ законнымъ чувствомъ гордости можетъ Де-Роберти, по словамъ Блонделя, вспомнить свою долгую борьбу противъ агностицизма во всѣхъ его проявленіяхъ, и особенно въ той полунаучной формѣ, которая, къ несчастью, была освящена знаменитымъ именемъ О. Конта. Прошло лишь 15 лѣтъ, пишетъ Блондель въ апрѣлѣ 1904 г., съ тѣхъ поръ, какъ появилась книга Де-Роберти о непознаваемомъ, и уже агностицизмъ не пользуется, какъ прежде, единогласнымъ признаніемъ почти всѣхъ научно-образованныхъ умовъ. Де-Роберти принадлежитъ честь сведенія непознаваемаго къ неизвѣстному, сведенія всякой трансцендентности къ опыту».

Вся послѣдующая философская работа Де-Роберти, за отсутствіемъ русскихъ переводовъ его книгъ, способна была оказать вліяніе на русскіе умы только въ устномъ изложеніи самимъ Де-Роберти его основныхъ взглядовъ въ лекціяхъ, читанныхъ имъ сперва въ «Русской школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ», а затѣмъ въ Психо-неврологическомъ институтѣ въ Петроградѣ. Но въ этомъ послѣднемъ Де-Роберти излагалъ одни свои соціологическія ученія, задѣвая только въ связи съ ними и нѣкоторые изъ своихъ философскихъ взглядовъ. Такъ какъ въ теченіе болѣе 35 лѣтъ онъ работалъ безпрестанно надъ основными проблемами бытія, то его литературное наслѣдіе представляетъ болѣе десятка томовъ, затрогивающихъ и исторію философіи, и психологію, и этику, не говоря уже о соціологіи. Всѣ эти сочиненія изданы на французскомъ языкѣ, и потому доступны лишь меньшинству русскихъ читателей. Настало время дать если не переводъ этихъ книгъ на нашъ родной языкъ, то, по крайней мѣрѣ, передачу главныхъ ученій ихъ автора въ особой книгѣ посвященной оцѣнкѣ всей его дѣятельности.

Я заканчиваю этотъ короткій очеркъ пожеланіемъ, чтобы въ средѣ молодыхъ русскихъ философовъ вскорѣ нашелся человѣкъ, способный просто и ясно передать въ доступномъ для непосвященныхъ изложеніи весьма самобытную мысль того русскаго писателя, которымъ наше отечество приведено было въ связь съ опредѣленнымъ теченіемъ западной философіи—позитивизмомъ, и который въ этомъ теченіи сумѣлъ проложить особое русло подъ названіемъ «неопозитивизма».

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ШАРЛЬ-ЛУИ ФИЛИППА.

I.

Телѣжка.

Въ концѣ концовъ Лартиго пришлось сдаться. Онъ купилъ большой ящикъ отъ мыла. Пріятель-лавочникъ уступилъ его за восемь су. Затѣмъ онъ заказалъ каретнику четыре маленькихъ деревянныхъ колеса. Тотъ даже не хотѣлъ за нихъ ничего взять. Колеса не отличались изяществомъ, но они катились. Лартиго поставилъ ящикъ на колеса; потомъ, въ качествѣ дышла, придѣлалъ палку съ поперечной перекладиной накрестъ, и получилась телѣжка.

Но бѣда была въ томъ, что очень ужъ долго заставилъ онъ дожидаться ея. Въ первые дни, когда онъ заговорилъ о телѣжкѣ, двое старшихъ дѣтей, Жюли и Эммануль рѣшили про себя:

— У насъ будетъ хорошая телѣжка, и мы станемъ возить въ ней маленькихъ.

Но такъ какъ ожидать ея пришлось добрый мѣсяцъ, то у нихъ хватило времени вообразить себѣ все, что они будутъ дѣлать съ телѣжкой. Возьмутъ маленькихъ на руки и сейчасъ думаютъ: теперь — они сидѣли бы въ телѣжкѣ. Выведутъ поиграть возлѣ дома, и имъ приходитъ въ голову: а, вѣдь, можно было бы вывезти ихъ за городъ! Четвергъ и воскресенье—свободные отъ школы дни—тянулись особенно долго, и тогда они чувствовали, чего имъ нехватаетъ. Въ телѣжку можно положить многое другое еще, кромѣ маленькаго братца и сестренки. Можно положить игрушки, закуску, бутылку воды съ виномъ, можно забраться далеко, далеко! И не надо непремѣнно быть вдвоемъ. Можно захватить еще кого-нибудь изъ пріятелей. На

этотъ счетъ они поговаривали съ Эммой и Луи Бутэ, и тѣ сказали:—Мы бы взяли у мамы по два су на брата!

И вотъ, телѣжка была готова, и когда наступилъ слѣдующій день—какъ разъ четвергъ—дѣтямъ казалось, что упала какая-то преграда, загораживавшаяся имъ до сихъ поръ выходъ на свободу. Приготовленія къ событію они начали уже наканунѣ. Жюли и Эммануэль вдвоемъ скопили три су. Утромъ они незамѣтно для матери стащили полхлѣба, сыръ, нѣсколько грушъ и яблокъ и большой кусокъ колбасы. Эмма Бутэ принесла въ карманѣ масла. Братъ ея стянулъ даже картошку, какъ-будто они могли сварить ее въ дорогѣ.

Отправились они въ девять часовъ. Двухъ маленькихъ — Виктора, которому было два съ половиной года, и Алису, шестнадцати мѣсяцевъ, они усадили въ телѣжку, другъ противъ друга, на мѣшкахъ. Мать сказала:

— Возвращайтесь домой не позже одиннадцати и, главное, берегитесь рвовъ.

Они молчали: пусть говоритъ!

«Мужчины», т.-е. Эммануэль и Луи Бутэ стали по обѣ стороны дышла, держась за перекладину. Дѣвочки Жюли и Эмма Бутэ не желали, чтобы телѣжка катилась безъ всякой ихъ помощи: онѣ, согнувшись, подталкивали ее сзади. Колеса вертѣлись съ большимъ скрипомъ, на каждомъ камешкѣ телѣжка подпрыгивала. Малыши думали, что это игра, и довѣрчиво смѣялись.

На улицѣ встрѣтилась имъ извѣстная всему городку особа: собака г-на Оливье. Она была вездѣсуща. Подойдя къ телѣжкѣ, она прежде всего обнюхала ее, затѣмъ оглядѣла всѣхъ шестерыхъ дѣтей и издала короткій дружественный лай. Будто просилась взять ее въ компанію. Дѣти не испугались нисколько, разсмѣялись и были даже горды. Но затѣмъ мальчикамъ пришлось бросать камни, чтобы отогнать ее.

Они долго шли, не останавливаясь. Дорога была широкая, хорошо знакомая, и они шагали, съ ухаба на ухабъ, не боясь крутыхъ склоновъ и впадинъ. Дѣвочки перестали уже подталкивать телѣжку и серьезно шли, разсматривая все по сторонамъ. Имъ очень хотѣлось запречься въ дышло, но мальчики знали свою силу и не хотѣли уступить.

Когда они попали на перекрестокъ четырехъ мельницъ, они замѣтили, гдѣ они. До сихъ поръ они шли по какой-то странѣ, которую можно было назвать страной счастья и въ которой они замѣтили только одно: что имъ было радостно жить

въ ней. А здѣсь на перекресткѣ четырехъ мельницъ былъ трактиръ. И тутъ ко всѣмъ уже испытаннымъ удовольствіямъ присоединилось еще новое: они захотѣли пить.

Эмма и Луи Бутэ не надули: у нихъ, дѣйствительно, было четыре су. Если прибавить три су Жюли и Эммануэля, то у компаніи въ шесть человѣкъ былъ капиталъ въ семь су.

Вошли въ трактиръ. За пять су получили литръ вина. Стаканъ забыли дома. Пили прямо изъ бутылки. Малыши тоже хотѣли пить и подражали старшимъ. Вино текло у нихъ съ подбородка и капало на передники. Они смѣялись.

Затѣмъ компанія двинулась дальше. Настоящее путешествіе только теперь и началось, потому что никто изъ нихъ еще никогда не бывалъ дальше перекрестка четырехъ мельницъ. За нимъ разстилался новый, единственно достойный восхищенія, міръ.

Много интересныхъ вещей открыли они въ немъ и между прочимъ въ небѣ большое бѣлое облако, въ видѣ верблюда. Проходили около поля. Не можетъ быть, чтобы на немъ росли обыкновенныя растенія, какія всегда встрѣчаются въ нашихъ странахъ. Начался споръ. Одни говорили, что это рисъ, другіе—что рѣпа, третьи—ленъ. Солнце было такое красивое, что казалось, вѣчно оно будетъ горѣть такъ великолѣпно. Время не замѣчалось. Когда надоѣло идти по дорогѣ, они свернули на узкую боковую тропинку. По ней они скоро вышли на чудную зеленую поляну. Внизу протекалъ ручеекъ. Купа деревьевъ давала тѣнь. Было такъ славно, что дѣти рѣшили:

— Здѣсь мы закусимъ!

Они усѣлись на травѣ. Мальчики тоже захотѣли вылѣзть изъ телѣжки.

Ѣду начали съ масла. Намазали шесть отличныхъ кусковъ хлѣба. Досадно было, что соль забыли, но не бѣда! Масло всегда масло, т.-е. великолѣпнѣйшая вещь, какую только можно себѣ представить.

Затѣмъ перешли къ колбасѣ, затѣмъ къ сыру, яблокамъ и грушамъ. Оставалось еще вино. Бутылка переходила изъ рукъ въ руки. Малыши не умѣли пить изъ горлышка. Жюли налила немножко себѣ въ ладонь, и они облизывали. Два су оставалось еще въ запасѣ, и было жалко, что нѣтъ по близости ни одной лавки, гдѣ можно было бы купить конфектъ.

Маленькіе вели себя паиньками. Поѣвши, они заснули тутъ же, на травѣ. Большіе сняли башмаки и чулки и вымыли ноги въ ручейкѣ, а затѣмъ стали бродить въ немъ. «Мужчины» хо-

тѣли было снять штаны, но дѣвочки воспротивились этому, и тѣ только засучили ихъ выше колѣнъ. Какая жалость, что нѣтъ съ собой нитокъ и булавокъ: можно было бы смастерить изъ вѣтокъ удочки и поймать нѣсколько рыбъ!

Наконецъ, устали играть. Маленькіе все еще спали. Это внушило старшимъ идею: они улеглись вокругъ нихъ, четырехугольникомъ и тоже заснули.

Проснуться было удивительно. Никто изъ нихъ, правду сказать, этого не ожидалъ. О солнцѣ они совсѣмъ позабыли, а оно уже сдѣлало свой кругъ и теперь было совсѣмъ низко. Должно быть, поздно, и въ головѣ у нихъ было не совсѣмъ ладно, потому что они напились чистаго вина. Они поднялись и сунули въ телѣжку малышей, тяжелыхъ, какъ два кулька. Голосъ совѣсти вдругъ зашепталъ имъ, гдѣ они были и что сдѣлали.

Эмма Бутэ первая начала. Она сказала Жюли:

— Если бъ ты мнѣ сказала, что мы такъ поздно останемся, я бы не пошла.

Жюли упрекала брата:

— Это все ты! Вѣчно ты предлагаешь такія вещи.

Эммануэль отвѣтилъ:

— Если я во всемъ виноватъ, то ладно: не хочу я везти телѣжку.

Начался споръ. Луи Бутэ назвалъ дѣвочекъ придирами и кисляйками.

Хоть онѣ обѣ очень устали, но имъ пришлось теперь запречься въ телѣжку. Малыши ревѣли, потому что слышали ссору. Какъ плохо подвигалась телѣжка! Добрались до дороги. Какая она длинная! Жюли закричала «мужчинамъ»:

— Идите же, наконецъ, помочь намъ!

Но тѣ и слышать не хотѣли. Эммануэль еще прибавилъ:

— Вотъ увидишь, папа сниметъ поясъ и будетъ насъ бить!

Наконецъ, Луи Бутэ впрёгся тоже въ телѣжку, рядомъ со своей сестрой.

Жюли воспользовалась своей свободой и стала собирать ягоды ежевики по краямъ дороги. Ей пришло на мысль, что если она принесетъ матери ягодъ на варенье, то будетъ видно, чѣмъ она занималась цѣлый день, отчего произошло опозданіе, и ее не будутъ бить.

И она усердно занялась этимъ дѣломъ. Другіе должны были ждать ее. Она бѣжала, догоняя ихъ.

Когда они дошли до перекрестка четырехъ мельницъ, было

уже почти темно. Пройти надо еще было много. Охъ, какъ много! Теперь плакали не одни маленькіе въ телѣжкѣ. Плакали и большіе, волоча ее. Но приходилось такъ быстро идти, что некогда было даже плакать.

Было не меньше восьми часовъ, когда дѣти подошли къ дому. Такъ было поздно, что ихъ родители уже не рѣшались выглянуть на улицу, боясь опять ничего не увидѣть. Они подходили тихонько, стараясь не дѣлать шума, затѣмъ стали спорить, кто долженъ войти первый. Наконецъ, Жюли набралась храбрости: у нея въ передникѣ были ягоды!

Дѣти начали кричать еще до того, какъ пришла въ голову мысль побить ихъ. Но это все-таки не спасло. Лартиго снялъ свой кушакъ. Мать завладѣла двумя маленькими: у нихъ были совсѣмъ холодныя ножки. Эмма и Луи Бутэ побѣжали къ себѣ домой. Эммануэль первый получилъ трепку. Выйдя изъ рукъ отца, онъ попалъ прямо въ руки матери, которая только-что спустила съ колѣнъ малышей.

Ихъ считали утонувшими. Собирались уже идти заявить въ жандармерію. У отца и матери были распухшіе глаза. Сколько воды, сколько прудовъ въ окрестности! Но все-таки успокаивало ихъ то, что они у всѣхъ спрашивали, не видали ли дѣтей, и никто, оказывается, не нашелъ телѣжки.

II.

Дѣтское горе.

Мадамъ Вирэ получила утромъ письмо и принялась за чтеніе его. Дойдя до второй строчки, она вскочила и выбѣжала изъ комнаты. Вернулась она только черезъ четверть часа, въ сопровожденіи дядюшки Вирэ, за которымъ она пошла на виноградники.

Мадлена поджидала ея возвращенія. Какъ только она увидала ее, то спросила:

— Мама Вирэ, можно мнѣ идти въ школу?

Дѣвочки очень любили приходить пораньше, чтобы имѣть время хорошенько поиграть на школьномъ дворѣ. Но мадамъ Вирэ сказала очень нѣжнымъ тономъ:

— Нѣтъ, дѣтка, ты сегодня не пойдешь въ школу. Твоя мама пишетъ мнѣ, что она была очень больна.

И затѣмъ, взглянувъ на мужа, она прибавила:

— Въ девять часовъ должны сказать мнѣ по телефону, какъ ей.

Неизвѣстно, что̀ подумала дѣвочка. Все сказанное она слышала. Да, это правда: ея мама часто бываетъ больна. Она подумала нѣсколько минутъ, потомъ спросила:

— Можно мнѣ поиграть въ мячъ?

Вирэ посмотрѣлъ на жену и сказалъ:

— Пусть поиграетъ немножко.

Женщина отправилась на почту, чтобы переговорить съ завѣдующей: она просила ее прислать около девяти часовъ вечера свою помощницу съ извѣстіемъ, что телефонировали, молъ, изъ Парижа, что матери Мадлены гораздо хуже и ожидаютъ съ минуты на минуту ея смерти.

Когда она вернулась, Мадлена встрѣтила ее:

— А знаешь, мама Вирэ, я поймала мячъ семнадцать разъ подрядъ!

Никто ей не отвѣтилъ. Мадамъ Вирэ сѣла на стулъ около мужа. Ни онъ, ни она не смѣли взглянуть дѣвочкѣ въ лицо.

Въ девять часовъ явилась барышня съ почты. Ей не пришлось говорить. Мадлена взглянула на нее и вдругъ поняла, почему ей говорили, что ея мать больна. Она выронила изъ рукъ мячъ и выбѣжала въ открытую дверь на улицу; тутъ она громко стала выкрикивать новость, которая, казалось ей, должна была потрясти весь городъ:

— Мамочка умерла! Мамочка умерла!

При звукѣ ея голоса и при видѣ ея фигурки многія женщины, хотя не слышали словъ, поняли, что̀ она сказала, и вышли къ ней.

Онѣ готовы были завладѣть дѣвочкой, но мадамъ Вирэ имѣла на Мадлену права, такъ какъ ребенокъ, не переносившій городского воздуха, съ полутора лѣтъ былъ у нея на воспитаніи. Она отстранила сердобольныхъ сосѣдокъ и, взявъ Мадлену на руки, ревниво унесла ее къ себѣ въ домъ.

Женщины остались вмѣстѣ среди улицы. Такой странной казалась имъ эта неожиданная смерть! Нѣсколько минутъ онѣ не знали, что̀ говорить, и плакали.

А Мадлена, между тѣмъ, сначала хотѣла страдать изъ-за смерти своей мамочки. Мадамъ Вирэ посадила ее къ себѣ на колѣни, но она ушла отъ нея, сѣла на свой маленькій стульчикъ

и, отвергая всякое утѣшеніе, плакала долго—больше, чѣмъ всѣ другіе. Она положила руки на колѣни, глядѣла въ одну точку на стѣнѣ и сидѣла, не шевелясь, точно ученый, который наблюдаетъ извѣстное явленіе и боится сдѣлать движеніе, чтобы не нарушить положенія.

Мадамъ Вирэ попыталась погладить ее по головѣ, чтобы дать ей почувствовать, что есть рядомъ нѣкто, кто раздѣляетъ ея печаль. Но Мадлена холодно и безпощадно оттолкнула эту руку. Мадамъ Вирэ пробовала успокоить ее:

— Не надо, дѣтка! Не надо такъ много плакать.

Дѣвочка отвѣтила:

— Оставь меня въ покоѣ!

Послѣ минутнаго размышленія она снова начинала плакать. Такое состояніе длилось до двѣнадцати часовъ; больше она не могла скрывать и принуждена была заявить:

— Мама Вирэ, я хочу ѣсть.

Она съ аппетитомъ съѣла яицъ и жаренаго картофелю. Имѣя большое горе, надо подкрѣпиться. Когда наступило время ѣсть сыръ, мадамъ Вирэ пришла въ голову отличная идея. Она сказала:

— Ты помнишь, твоя бѣдная мамочка всегда говорила, что тебѣ надо выучиться ѣсть сыръ. Это такая питательная вещь.

Мадлена сначала отвѣтила, какъ обыкновенно:

— Ахъ, нѣтъ! онъ такой невкусный!

Но затѣмъ, подумавъ немножко, она поправилась:

— Впрочемъ, дай кусочекъ.

Въ этотъ день она не почувствовала плохого вкуса сыра. Она съѣла его большой кусокъ. Ея мамочка умерла, и она сдѣлала все, чтобы доставить мамочкѣ удовольствіе.

* *
*

Около часу въ направленіи мыслей Мадлены произошла перемѣна. Къ нимъ вошла маленькая дѣвочка, Фифи Леблонъ, и сказала:

— Мама меня послала поцѣловать Мадлену, потому что ея мамочка умерла.

Мадлена не хотѣла этого: она занята была какъ-разъ послѣ сыру уничтоженіемъ бисквитовъ, такихъ вкусныхъ, что если ужъ начать одинъ, то нельзя перестать. Фифи можетъ придти позже. Но скоро пришли еще другія дѣвочки. Эжени Дюранъ даже привела свою маленькую сестренку, Луизетту, которая была

такая хорошенькая и никогда не ревѣла. Мадлена быстро встала со своего мѣста, когда увидѣла крошку. Она поцѣловала ее, потомъ спросила:

— Мама Вирэ, можно дать ей бисквитикъ?

Когда всѣ дѣти разошлись по домамъ, она была возбужденная и довольная тѣмъ, что приходили спеціально къ ней.

— Ты знаешь,—сказала она,—я посчитала: ихъ приходило одиннадцать.

Наступило послѣ-обѣденное время. Вирэ, послѣ нѣкотораго колебанія, ушелъ работать на свой виноградникъ. Дома остались только женщина и дѣвочка.

Мадлена попробовала сидѣть на своемъ стульчикѣ, какъ утромъ. Опять пришло нѣсколько слезинокъ, и она спросила:

— Скажи, это правда, что мертвые возвращаются?

— Говорятъ такъ, но никто ихъ никогда не видѣлъ.

— Ахъ! я бы хотѣла, чтобы моя мамочка вернулась!

Но скоро она устала все сидѣть на мѣстѣ. И у нея вырвалась обычная жалоба ребенка:

— Мнѣ скучно!

Она встала, тихонько пошла къ двери, отворила ее и пробралась на улицу. Тамъ разгуливалъ котъ бабушки Прево, такой дикій и не дававшійся никогда въ руки. Ей очень хотѣлось побѣжать за нимъ и постараться изловить его, когда онъ зазѣвается. Но мама Вирэ сердито сказала:

— Дѣвочки, у которыхъ умерла мать, сидятъ дома.

Немножко веселѣе стало только въ четыре часа, когда дѣвочки расходились изъ школы. Онѣ несли ремешки съ книгами и, придя домой, будутъ учить уроки. Ей, Мадленѣ, этого теперь не надо дѣлать.

Немного спустя, она спросила у мадамъ Вирэ:—Можно мнѣ поиграть въ мячъ?

И рада была услышать благопріятный отвѣтъ:

— Да, но только съ условіемъ не шумѣть.

Мадлена вспомнила, что утромъ, въ тотъ моментъ, когда она поняла, что ея мамочка умерла, она поступила очень глупо: она выронила мячъ, и онъ, вѣроятно, закатился Богъ знаетъ куда. Гдѣ онъ можетъ быть?

Она стала разыскивать его всюду. Она знала, что въ этотъ день ее не станутъ бранить, и оттого залѣзла вся подъ кровать. Тамъ очень славно. Когда-нибудь надо спрятаться туда и поиграть. Ее и сейчасъ подмывало высунуть голову и закричать:

— Ку-ку!

Но она не рѣшилась, потому что, вѣдь, мамочка умерла.

Наконецъ, она нашла мячъ—онъ докатился до самой стѣнки—и вылѣзла изъ-подъ кровати. Она стала играть и играла хорошо, съ такимъ успѣхомъ, что даже сказала:

— Знаешь, мама Вирэ, сегодня утромъ я поймала его только семнадцать разъ. А теперь уже—двадцать одинъ!

III.

Жизнь.

Когда дядюшкѣ Боннэ было сорокъ лѣтъ, его еще иногда спрашивали:

— Слушайте, Боннэ, отчего вы собственно не женились?

Онъ отвѣчалъ:

— Да такъ. Вѣрно люди говорятъ: отъ добра добра не ищутъ. Чего же мнѣ?

И на этомъ основаніи онъ лишилъ себя удовольствія имѣть жену.

Призадуматься заставилъ его также вопросъ о дѣтяхъ. Отъ дѣтей нѣтъ никакой пользы. Онъ зналъ одного сапожника, Ломе, который воспиталъ дѣвочку, какъ родную, потомъ выдалъ замужъ. На старости лѣтъ у него сдѣлался ревматизмъ, и онъ не могъ больше работать, но онъ не хотѣлъ, чтобы зять кормилъ его, и утопился.

А Матьо, каменщикъ, у котораго былъ сынъ, повѣсился. Его сынъ работалъ плотникомъ въ Парижѣ, и ему едва-едва хватало на себя.

Дѣти стóятъ много денегъ, потому что надо ихъ воспитывать. А затѣмъ, когда они вырастутъ, у нихъ свои дѣти, и они не могутъ вернуть родителямъ того, что тѣ затратили на нихъ.

Боннэ рѣшительно избралъ путь труда: это единственный путь, по которому можно идти увѣренно. Работая, ничего не потеряешь; выходитъ, даже выиграешь: будетъ на что жить. И еще одно! Дѣло въ томъ, что работникъ, сберегающій часть своего заработка, не долженъ бояться ни старости, ни болѣзни и можетъ спокойно смотрѣть на жизнь, какъ фермеры смотрятъ на мародеровъ, отъ которыхъ ихъ защищаютъ хорошія собаки.

Боннэ жилъ жизнью сельскаго рабочаго. Эта жизнь завладѣваетъ человѣкомъ, толкаетъ его куда хочетъ, и не позволяетъ ему видѣть ничего другого, кромѣ работы. Боннэ косилъ сѣно, жалъ хлѣбъ. Молотилки тогда еще не были такъ въ ходу, какъ теперь, и онъ ходилъ по фермамъ молотить зерно цѣпомъ. Понемножку стали появляться повсюду и машины, онъ привыкъ къ нимъ и сталъ работать «при машинѣ». Онъ работалъ поденно по исправленію дорогъ, строилъ вмѣстѣ съ каменщиками риги и амбары, крылъ крыши, красилъ. Онъ готовъ былъ бы добывать песокъ изъ рѣки, если бъ только была рѣка.

Если его видѣли днемъ проходящимъ по дорогѣ, это значитъ, что онъ шелъ куда-нибудь на работу. По имени знали его только тѣ, которые знаютъ всѣхъ. Другіе спрашивали:

— Кто это такой?

Имъ отвѣчали:

— Богъ его знаетъ! Какой-то рабочій, который идетъ на работу.

Онъ былъ анонимъ. Никто не могъ сказать, было ли его имя Дюнье или Бернаръ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ тысячъ людей, которыхъ не различаютъ, такъ какъ роль ихъ всѣхъ—одна и состоитъ въ работѣ на полѣ, съ которой они и сливаются.

Кромѣ труда, онъ зналъ еще лишенія. Часто ѣлъ онъ одинъ только сыръ. Картошка печеная въ золѣ тоже была его постоянной ѣдой, потому что она наполняетъ желудокъ и убиваетъ голодъ и еще потому, что это—самая дешевая вещь. Насчетъ хлѣба у Боннэ были тоже свои особыя мысли. Онъ предпочиталъ черствый хлѣбъ. Со свѣжимъ черезчуръ быстро справляешься и къ концу обѣда глядишь—фунта уже какъ не бывало! Вино—вещь хорошая, но зато вода утоляетъ жажду.

Результаты такой жизни сказались. Въ пятьдесятъ пять лѣтъ Боннэ непохожъ былъ на многихъ, которые прожили все, что́ заработали, и теперь, подъ старость, если бъ они заболѣли, то вынуждены были бы обращаться къ благотворительности.

У Боннэ не было того, что́ называется капиталомъ, но онъ могъ бы, если бъ ему вздумалось, просидѣть всю зиму возлѣ печки, не дотрагиваясь ни къ чему. Да и лѣтомъ тоже онъ могъ обойтись безъ работы. Захотѣлъ—растянулся бы въ тѣни возлѣ работающихъ и смотрѣлъ бы на нихъ до вечера, ничего не дѣлая.

Но онъ продолжалъ работать. Въ это время осушали и чистили прудъ С. Жерве. Работа была довольно трудная и про-

должалась шесть мѣсяцевъ, но Боннэ вошелъ въ артель только ради собственнаго удовольствія.

Наконецъ, ему стукнуло шестьдесятъ лѣтъ. Отлично! Теперь онъ могъ осуществить свою мечту. Денегъ у него было довольно для того, чтобы прожить спокойную старость, хоть до ста лѣтъ. Какъ хорошо, что онъ не женился. Безъ жены, безъ дѣтей, можно пожить въ свое удовольствіе.

Но тутъ случилось съ нимъ то, чего онъ ожидалъ: у него началась боли въ боку, въ ногахъ и немножко еще вверху плеча. Страдалъ онъ не больше, чѣмъ въ тѣ дни, когда очень уставалъ отъ работы, но такъ какъ деньги теперь были, то онъ поспѣшилъ къ доктору.

Это было во времена д-ра Лебоа. Онъ не похожъ былъ на теперешнихъ врачей, которые, какъ только получатъ свои три франка, страшно торопятся уйти, не сказавъ ни одного слова. Онъ далъ Боннэ рядъ совѣтовъ.

— Послушайте, дядюшка Боннэ, — сказалъ онъ, — годы даютъ себя знать. Вотъ и все. Вы много работали на своемъ вѣку. Знаете, что́ бы я сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ? Я бы ушелъ на покой. Да. Довольно вы ѣли картошки и похлебки въ своей жизни. Пейте вино, ѣшьте яйца и мясо. А каждое утро варите себѣ хорошую чашку шоколада.

— Если только за этимъ дѣло стало!—подумалъ про себя Боннэ. Двѣ недѣли онъ усердно исполнялъ совѣтъ доктора. Что же? Настало время, думалъ онъ.

— Для всѣхъ приходитъ такой день, когда надо начать беречься и отдыхать. Лучше раньше, чѣмъ позже.

Все же, когда однажды утромъ, черезъ три недѣли послѣ своего визита къ доктору, онъ встрѣтилъ его случайно на полевой дорогѣ, то на всѣ его вопросы отвѣтилъ только:

— Ого! Ого!

Затѣмъ онъ сталъ говорить, что яйца ни къ чему—это на одинъ зубокъ и надо ихъ слишкомъ много, чтобы быть сытымъ; мясо трудно приготовлять и потомъ, «видите ли, докторъ, не рабочая это ѣда. А вино? Зачѣмъ его пить, когда не работаешь? И вообще», заявилъ Боннэ, «Богъ знаетъ, какъ у богатыхъ людей желудокъ устроенъ».

— Вашъ шоколадъ, напримѣръ. Хоть убейте, не могу проглотить его. И посолю его, и перцу положу, и луку, а все невкусно!

Когда докторъ объяснилъ ему, какъ варятъ шоколадъ, онъ

самъ смѣялся не меньше доктора. Но это окончательно укрѣпило его рѣшеніе.

— Видите ли, господинъ докторъ,—сказалъ онъ,—не надо было совѣтовать мнѣ уйти на покой и жить припѣваючи. Когда человѣкъ всю жизнь работалъ, то онъ не знаетъ, какъ за это взяться. Старъ я, старъ, чтобы учиться жить по-новому.

Въ то время строили шоссе изъ С.-Жерве къ четыремъ мельницамъ. Что же? Пусть деньги есть, все же онъ будетъ работать! И потомъ, какъ же дѣлаютъ другіе? тѣ, что не скопили? Тяжело очень было работать молотомъ, потому что мѣшала боль, но все же Боннэ справлялся. Впрочемъ, онъ умеръ до окончанія дороги. Ему повезло: умеръ, не ставши неспособнымъ къ труду.

IV.

Маленькій братецъ.

Утромъ дѣти ничего не замѣтили, но, когда они вернулись изъ школы, въ четыре часа, то увидѣли дома чужую женщину; это была бабушка Бюва, акушерка. Они, какъ всегда, побѣжали играть на дворѣ, а въ шесть часовъ отецъ позвалъ ихъ ужинать.

Бабушка Бюва ужинала съ ними. Почему—дѣтямъ было неинтересно знать. Имъ нравилось, что за столомъ сидитъ гостья. Когда дѣтямъ весело, то это кажется имъ естественнымъ, какъ и взрослымъ. Отецъ сказалъ:

— Ну, ребята, поторапливайтесь. Сегодня вы будете ночевать у нашихъ сосѣдей Бутэ. Намъ съ матерью надо ѣхать по дѣлу, и мы не можемъ взять васъ съ собой.

Старшая дѣвочка, Жюли, закричала:

— Это неправда, неправда! Вы никуда не уѣзжаете. Я знаю, что будетъ.

Но она не знала. Она помнила, что въ прошломъ году было то же самое: ихъ всѣхъ послали ночевать къ Бутэ. Ей не удавалось вспомнить, что произошло на другой день, но только отецъ съ матерью никуда не уѣзжали. Отецъ отвѣтилъ ей:

— Доказательство, что я говорю правду, вотъ какое: завтра утромъ, вмѣсто супа, вы получите шоколадъ.

Дѣти отправились: Жюли, затѣмъ второй—Эммануэль, трех-

лѣтній Викторъ и маленькая Алиса, которой только два года. Немножко смущало ихъ то, что они вдругъ ни съ того, ни съ сего идутъ къ чужимъ. Для большей увѣренности они взялись за руки.

Они пришли къ Бутэ въ булочную. Открыли дверь, вошли въ лавку, но не рѣшались пройти дальше, и остановились всѣ четверо передъ прилавкомъ. Жена Бутэ, ожидавшая ихъ, не замедлила выйти. За ней шелъ самъ Бутэ. Въ правой рукѣ у него была горсточка муки и чтобы развеселить дѣтей, онъ бросилъ ее въ лицо маленькой Алисѣ.

Жюли вспомнила, что въ прошломъ году онъ сдѣлалъ то же самое — только тогда горсть муки досталась Виктору. Онъ былъ мальчикъ капризный: взялъ и расплакался. А малышка Алиса такой спокойный ребенокъ: она разсмѣялась. А сама вся бѣлая.

Мадамъ Бутэ повела дѣтей въ комнату за лавкой, вытерла Алисѣ лицо, почистила ея передникъ. Она не предложила дѣтямъ сѣсть, потому что не хватило бы стульевъ. Она сказала своимъ дѣтямъ:

— Вставайте и идите спать всѣ вмѣстѣ.

Дѣтей Бутэ было трое: Луи, ровесникъ Эммануэля, Эмма— одиннадцати лѣтъ и Жюстина, большая, четырнадцати лѣтъ. У каждаго была своя кровать.

Что касается Луи и Эммануэля, то это было очень просто: они—оба мужчины и будутъ спать на одной кровати. Другое было сложнѣе. Эмма, собственно, должна была бы лечь съ Жюли, а Жюстина—взять на свою большую кровать двухъ младшихъ. Но дѣло въ томъ, что Жюстина была не такая, какъ всѣ. Она была страшно раздражительна. Однажды братъ поддразнивалъ ее. Она сказала ему: «будетъ! перестань»! Онъ продолжалъ свое. Дѣло было въ лавкѣ. Жюстина схватила двухфунтовую гирю и бросила ему въ голову. Ему оторвало ухо. Съ тѣхъ поръ всѣ ея боялись.

Эти недостатки Жюстины щедро возмѣщались другими вещами. У нея на кровати была отличная перина. У Лартиго никто не имѣлъ такой штуки. Жюли была въ затрудненіи. Она знала, что Жюстина ночью сталкиваетъ на самый край постели и еще брыкается ногами, но зато ей страшно хотѣлось испытать, хорошо ли спать подъ периной. Уложить ли туда малышей Виктора и Алису и она будетъ ихъ толкать ногами, или же ей лечь самой подъ перину? Она нѣсколько минутъ обдумывала этотъ вопросъ, и, наконецъ, любопытство одержало верхъ. Вик-

торъ и Алиса будутъ спать съ Эммой, а я съ Жюстиной, потому что она злая,—объявила она наконецъ.

Жюстина, не церемонясь, заняла все мѣсто, какое могла занять. Жюли спала плохо, прижавшись къ стѣнкѣ. Она просыпалась очень часто, но все-таки подъ периной было такъ хорошо, такъ тепло, что она была вся въ поту. Какъ славно это должно быть зимой!

Такъ прошла ночь. Утромъ, проснувшись дѣти Лартиго были изумлены, увидя себя не дома. Что случилось? Жюли пришлось подумать нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ у нея прояснилось въ головѣ. Но она вспомнила все и даже кое-что новое, а именно: когда въ прошломъ году они встали и собрались домой, дядя Бутэ далъ имъ всѣмъ по горячей булочкѣ, еще только-что изъ печки. Но теперь ее еще мучило любопытство и подгоняло скорѣе вставать.

Она одѣлась кое-какъ и не попросила даже гребня расчесать волосы.

Мадамъ Бутэ сказала ей:

— Погоди минутку. Дядя Бутэ сейчасъ принесетъ тебѣ горячую булочку.

Но Жюли не хотѣла ждать: лучше даже остаться безъ булки! Она была очень горда: вѣдь она ночевала не дома! Ей хотѣлось встрѣтить кого-нибудь на улицѣ, чтобы разсказать:

— А знаете, я не изъ дому, какъ вы, навѣрное, думаете. Я ночевала у Бутэ.

Когда она была уже у самаго порога дома, въ головѣ у нея произошло что-то странное. Какая она глупая! Она знала хорошо, что никуда отецъ съ матерью не уѣзжали, но что-то она все-таки забыла, а теперь разомъ вспомнила. Да, да, такъ было въ прошломъ году! И поэтому Жюли нисколько не удивилась, когда, войдя въ комнату, увидѣла мать еще лежащей, а возлѣ нея—маленькую колыбель съ подтянутыми занавѣсочками. Да, такъ оно и было. Она сейчасъ же спросила:

— Это мальчикъ или дѣвочка?

Лартиго разсмѣялся и сказалъ:

— Ишь какая! Такъ ты знаешь, что мы тутъ дѣлали. Да—это мальчикъ. Дѣвочки слишкомъ дорого стоютъ.

Ей сдѣланъ былъ выговоръ за то, что она не подождала, пока встанутъ младшія дѣти. Чтобы наказать ее, ей сказали:

— Ты увидишь его только тогда, когда всѣ дѣти будутъ дома.

Эммануэль поступилъ такъ же, какъ и она. Онъ примчался

галопомъ, оставивъ позади двоихъ малышей. Онъ запыхался и держалъ во рту свою булочку, еще совсѣмъ теплую. Но онъ ничего не ожидалъ и не понялъ: а бѣжалъ онъ отгого, что думалъ скорѣе получить шоколадъ.

Малыши пришли черезъ нѣсколько минутъ, совсѣмъ одни. Какъ только они не попали подъ колеса! Булочки свои они держали крѣпко. Алиса очень нуждалась въ помощи носового платка.

Всѣхъ четверыхъ собрали вокругъ колыбели. Отецъ торжественно отдернулъ занавѣски и объявилъ:

— Вотъ вамъ новый братецъ!

Малыши не могли его видѣть, такъ какъ колыбель была довольно высока. Бабушка Бюва, которая все еще была здѣсь, вынула ребеночка и показала имъ. Онъ былъ весь красный. Алиса попятилась назадъ: ей было немножко страшно, а Викторъ хотѣлъ непремѣнно потрогать братца пальцемъ. Тотъ проснулся и запищалъ.

Съ франц. перев. М. Славинская.

НИЩАЯ МИЛЛЬЯРДЕРША.

Г. Сент-Обена.

I.

Тамъ, гдѣ Піермонъ Морганъ—король, Гетти Гриннъ королева,—въ Нью-Іоркѣ, въ самомъ оживленномъ дѣловомъ кварталѣ финансовъ, видятъ часто проходящей маленькую старушку, совсѣмъ сѣдую, сморщенную, согнувшуюся. Ея шелковое изношенное платье, ея темная шерстяная косынка и ея полинялая шляпа придаютъ ей нищенскій видъ. Съ стиснутыми зубами, вытянутыми чертами лица, мертвымъ взглядомъ, она идетъ впередъ, проходя въ толпѣ такъ, какъ нищенка, которая ищетъ милостыни на кусокъ хлѣба.

Это—Гетти Голандъ Робинзонъ Гринъ, выдающаяся богачка Гетти Гринъ, имущество которой оцѣнивается въ пятьсотъ милліоновъ долларовъ, т.-е. въ два съ половиною милльярда франковъ.

Она родилась уже богатой. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ это была прелестная молодая дѣвушка, которая страстно любила танцовать на балахъ высшаго общества Новой Англіи. Ея репутація красоты, живости и богатства была такова, что Эдуардъ Гринъ, бывшій тогда консуломъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ Манилѣ, по разсказамъ о ней безумно влюбился въ нее. Онъ сѣлъ на первый попавшійся корабль и поѣхалъ дѣлать предложеніе Гетти. Понравилась ли ей эта дерзость, оказался ли молодой человѣкъ очень настойчивымъ, весьма подходящимъ? Во всякомъ случаѣ, онъ достигъ своего и женился на ней. Самъ онъ къ тому же былъ очень богатъ, обладая нѣсколькими милліонами долларовъ.

Гетти же сначала получила наслѣдство отъ отца въ 80 милліоновъ франковъ, а потомъ отъ тетки 15 милліоновъ.

Это послѣднее наслѣдство было первымъ дѣломъ, которое захватило ее: тетка завѣщала все свое имущество на благотворительныя дѣла. Гетти представила второе завѣщаніе въ свою пользу. Оно было признано подложнымъ. Она подала апелляцію и выиграла. Но, посѣщая дѣловыхъ людей и перелистывая законы, она пріобрѣла вкусъ къ спекуляціямъ и на другой день послѣ суда, который такъ обогатилъ ее, она проснулась съ жаждой наживы, съ рѣшеніемъ бороться за нее.

Послѣ этого у нея не было другого желанія, какъ только все больше и больше обогащаться.

Прежде всего она совершенно измѣнила свой образъ жизни: продала мебель, платья, драгоцѣнности; она велѣла запречь свои лошади въ экипажи, укрѣпила на нихъ надпись — «для продажи» и выставила ихъ передъ своимъ домомъ. Чтобы получить возможно болѣе, она желаетъ распродавать свое имущество сама лично, безъ всякихъ посредниковъ.

Ея мужъ приходитъ въ отчаяніе, стонетъ, умоляетъ, даже грозитъ, что объявитъ ее сумасшедшей. Она стоитъ на своемъ. При этомъ, освѣдомившись, что ея мужъ вовлеченъ въ мало надежныя дѣла, она разводится съ нимъ! Нѣкоторое время спустя, онъ дѣйствительно разорился и умеръ банкротомъ въ нищетѣ.

Тогда Гетти Гринъ повела свою жизнь, какъ живутъ самые бѣдные люди; разсчитывая гроши, чиня свою одежду сама, дѣлая чудеса экономіи, она достигла того, что создала одно изъ тѣхъ колоссальныхъ богатствъ, которыя можно видѣть только въ Соединенныхъ Штатахъ.

Изъ своего маленькаго кабинета въ Бродвеѣ, меблированнаго со скаредной бережливостью, которая шокируетъ при сравненіи съ роскошью американскихъ конторъ, она управляетъ своими желѣзными дорогами, пароходами, она руководитъ эксплоатаціей своихъ золотыхъ копей въ Навадѣ и желѣзныхъ рудниковъ на Миссури; она заставляетъ двигаться свои капиталы такъ, какъ полководцы свою армію солдатъ.

Въ своихъ нищенскихъ лохмотьяхъ, холодная, какъ мраморъ, безчувственная, какъ желѣзная палка, она принимаетъ финансовыхъ королей и однимъ словомъ, сказаннымъ сухо, заставляетъ ихъ принимать свои условія.

Это ужъ не женщина, это чекъ, банковый билетъ, анонимный, безъ пола, безъ прелести, безъ сердца, это существо, у котораго есть только сознаніе своей торгашеской силы.

Когда настанетъ вечеръ, она возвращается въ свое убогое жилище въ Гобокинѣ, рабочемъ кварталѣ, гдѣ ея квартира изъ

трехъ комнатъ соприкасается съ квартирами рабочихъ и чиновниковъ, получающихъ нѣсколько долларовъ въ недѣлю.

Да и то еще живетъ она въ такой квартирѣ вопреки желанію и насильно. Такъ долго, какъ только она могла, она жила на всемъ готовомъ въ бѣдныхъ семействахъ, гдѣ столъ былъ часто скудный и постель жестка. Но у нея есть дочь и сынъ, и ей нужно по крайней мѣрѣ три комнаты.

Сына и дочь она впрочемъ воспитала по своему образу и подобію. Она сдѣлала изъ нихъ дѣльцовъ, жаждущихъ наживы и презирающихъ роскошь. Дочь ея, высохшая отъ уединенной жизни, отказавшись отъ самыхъ блестящихъ партій, сдѣлалась ея лучшей помощницей. Что же касается сына, то она его еще съ дѣтства пріучила ходить по улицамъ и перепродавать газету, которую она прочла утромъ. Позднѣе, когда онъ, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, осмѣлился тратить деньги и сдѣлалъ однажды долгу въ десять тысячъ франковъ, она сурово наказала его и послала его кочегаромъ на одинъ изъ своихъ локомотивовъ. Въ настоящее время этотъ сынъ управляетъ компаніей желѣзныхъ дорогъ и вноситъ въ это управленіе принципы строгой экономіи, которую мать его успѣла-таки внушить ему.

Такова Гетти Гринъ, милльярдерка-самка, сверхъестественное чудовище, рожденное въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ чудовища этого рода размножаются.

II.

О ней ходятъ фантастическіе анекдоты: разсказываютъ, что она, экономіи ради, приказываетъ чистить только пятна на своемъ бѣльѣ, мыть же запрещаетъ.

Говорятъ, когда она однажды должна была побывать въ Филадельфіи по дѣламъ, она узнала тамъ, что курсъ бумагъ на Нью-іоркской биржѣ поколебался. Моментъ былъ благопріятный. Если она во́-время будетъ тамъ, она сможетъ получить громадную прибыль. Она бѣжитъ на вокзалъ. Поѣздовъ нѣтъ до слѣдующаго утра. Что дѣлать? Взять спеціальный поѣздъ? Да, но спеціальный поѣздъ стоитъ дорого, слишкомъ дорого, требуютъ значительную плату. Это было бы, конечно, пустяки для нея, отправляющейся схватить сразу милліоны. Однако, она торгуется, ее не хотятъ слушать. Спеціальный поѣздъ требуетъ одинъ вагонъ и локомотивъ.

— И нѣтъ возможности устроить иначе?—спросила она.

— Нѣтъ!—отвѣтили ей.

— А если не брать вагона, на сколько это будетъ дешевле?

— На пять долларовъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала она, дѣлая красивый жестъ рукой,—отцѣпите вагонъ, я поѣду на локомотивѣ.

Чтобы съэкономить 25 франковъ, она проѣхалась рядомъ съ механикомъ.

Тѣмъ не менѣе, въ одинъ прекрасный день улица Вольстритъ пришла въ большое волненіе: неправдоподобная новость передавалась изъ устъ въ уста—Гетти Гринъ перестала быть Гетти Гринъ. Милльярдерша оставляла свою жалкую кануру, свои нищенскія одежды для того, чтобы устроить свою жизнь, какъ подобаетъ ей по своему богатству и рангу. Послѣ стольких лѣтъ лишеній, она хочетъ наслаждаться жизнью.

Нью-іоркская печать, въ погонѣ за всякой сенсаціонной новостью, ухватилась за эту, и газеты крупными буквами комментировали это событіе.

Гнусная скаредность знаменитой милльярдерши была настолько извѣстна, что, когда люди узнали, что она наконецъ уступаетъ мѣсто нормальнымъ тратамъ, весь Нью-Іоркъ заволновался.

Гетти Гринъ дѣйствительно покинула свое бѣдное жилище въ Гобонѣ. Она заняла цѣлый аппартаментъ въ Плацъ-Отелѣ, этомъ роскошномъ каравансараѣ, гдѣ самая маленькая комнатка стоитъ бѣшеныхъ денегъ. Узнали, что она платила двѣсти долларовъ въ сутки, что она заказала туалеты для себя и дочери, что она наняла цѣлый штатъ прислуги для себя лично, что она даже наняла автомобиль въ пятьдесятъ лошадиныхъ силъ. Ее видѣли гуляющей, входящей въ магазины, дѣлающей покупки, бывающей въ театрѣ, на концертахъ, однимъ словомъ, ведущей жизнь, какъ и всѣ. Узнали также неслыханный и единственный дотолѣ фактъ — она задала званый обѣдъ, на которомъ было тридцать человѣкъ приглашенныхъ. Разсказывали, что она даже потребовала знаменитую золотую посуду Плацъ-Отеля, которая держится тамъ для коммерческихъ королей Соединенныхъ Штатовъ. Увѣряли, что она истратила въ этотъ вечеръ болѣе трехъ тысячъ долларовъ—пятнадцать тысячъ франковъ!

Рѣшительно Гетти Гринъ съ ума сошла, или, быть можетъ, она въ разумъ пришла!

Ибо въ концѣ концовъ, для чего нужно было терпѣть столько лишеній, мукъ, для того, чтобы скопить такое громадное богат-

ство, если не для того, чтобы, достигнувъ этой цѣли, наслаждаться затѣмъ наиболѣе прекрасной, широкой, завидной жизнью? Къ чему такое стремленіе къ накопленію денегъ, если не для того, чтобы, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, тратить ихъ потомъ? Такъ разсуждалъ Нью-Іоркъ, и волненіе его стихло. Новый Свѣтъ легко волнуется такъ, какъ будто онъ не привыкъ еще къ странностямъ своихъ эксцентричныхъ жителей; но онъ такъ же легко переходитъ отъ одного чувства къ другому. Гетти Гринъ перешла въ число расточительныхъ милльярдеровъ, но все-таки осталась любопытной личностью, и ею все-таки занимались, но не больше, какъ и прежде.

Это продолжалось восемь дней—одну недѣлю. Какъ вдругъ городъ узналъ, что Гетти Гринъ снова обратилась въ Гетти Гринъ: истративъ не считая громадныя деньги въ продолженіе недѣли на роскошь жизни, скряга вернулась къ своимъ сокровищамъ, нищая къ своимъ лохмотьямъ.

Ее снова увидѣли на Воль-стритѣ въ черномъ изношенномъ платьѣ, въ шерстяной косынкѣ, въ полинялой шляпкѣ. На нее указывали пальцами, когда она проходила въ толпѣ со сжатыми зубами, вытянутыми чертами лица, мертвымъ взглядомъ. Она снова принялась за свою охоту за долларомъ въ своемъ прежнемъ кабинетѣ въ Бронд-вейѣ. Она снова перешла въ свое жалкое жилище въ Гобокенѣ.

Люди снова недоумѣвали: почему такой поворотъ—это возвращеніе къ нищенскому существованію? Неужели жизнь легкая съ ея прелестью свѣта, цвѣтовъ, всей красотой роскоши не увлекла ее? Никто, рѣшительно никто не могъ понять, для чего же былъ нуженъ нищенкѣ-милльярдершѣ этотъ скачокъ въ міръ элегантныхъ богачей?

Возможно, однако, что эта скучная, чванная жизнь оказалась ей не по сердцу и ее снова потянула потребность дѣятельности, свойственной людямъ, которые, потрудившись цѣлый свой вѣкъ, не знаютъ, что̀ съ собой дѣлать, когда удаляются на отдыхъ. Но возможно также, что ее грызла ея прирожденная скаредность и мучила жажда золота.

Демонъ наживы, который овладѣлъ ею, когда она была молода и красива, не желалъ выпустить свою добычу теперь, когда она стала стара и увяла. Это была месть судьбы. Греки говорили, что при судѣ въ такихъ случаяхъ предсѣдательствовала всегда богиня, имя которой Немезида.

Пер. съ франц. Л. Д.

УСПѢХЪ.

Клары Мерайль.

Когда Жоржъ Бераръ прочелъ до конца, включительно до подписи, чрезвычайно для него радостное посланіе, онъ оглянулся вокругъ себя, ища точку опоры, которая помогла бы ему перенести его радость. Найдя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя большое желтое кресло, онъ бросился въ него въ полусознаніи, держа въ судорожно-сжатой рукѣ дорогой ему бѣлый листъ печатной бумаги, на которомъ въ заголовкѣ большими готическими буквами красовалось: «Общество друзей искусства». Засимъ нѣсколько минутъ послѣ, придя въ себя, онъ во второй разъ медленно прочелъ четыре строчки, наполовину напечатанныя, наполовину рукописныя, и его лицо просіяло улыбкой восторга.

— Принятъ! я принятъ!

Онъ всталъ и началъ ходить большими шагами въ своей мастерской, наполненной рѣдкими бездѣлушками, громко смѣясь и потирая руки.

Передъ высокимъ угловымъ зеркаломъ, стоящимъ на столикѣ, онъ остановился и обратился къ себѣ:

— Да, мой Жоржъ, ты принятъ, мы приняты! Можешь ты этому повѣрить? Мы стали другимъ человѣкомъ, человѣкомъ счастливымъ, добившимся; мы теперь имѣемъ имя, напечатанное въ каталогахъ и въ газетахъ; мы можемъ теперь начать жить, отдыхать, жениться... Можемъ гордиться собою.

Съ протянутою рукою къ зеркалу, онъ разсматривалъ съ гордостью бородатаго, съ длинными волосами великана, который громко смѣялся тамъ передъ нимъ.

И неудивительно — ему стоило страшной борьбы и муки, пока онъ добился этого успѣха, и въ эту радостную минуту онъ забылъ все: самыя тяжелыя положенія, какъ и мелкія огорченія этихъ двухъ лѣтъ агоніи, которая началась съ того вечера,

какъ другъ его Жераль, маленькій человѣчекъ, сказалъ ему, глядя на него снизу вверхъ: «Ты ни къ чему негоденъ!»

...О! Это еще увидимъ, годенъ ли онъ къ чему, или нѣтъ!

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ онъ искалъ себѣ профессіи, пробуя журналистику, промышленность, даже чиновничество! проклиная при всякой неудачѣ свою судьбу, давшую ему богатство, и своихъ воспитателей, которые сдѣлали его неспособнымъ къ какой-либо работѣ въ жизни и только научили его тратить свои милліоны. Однажды вечеромъ, за кружкой пива на бульварѣ, онъ услыхалъ, какъ два съ длинными волосами ученика художественнаго училища разговаривали между собой объ искусствѣ вообще и въ частности о живописи. Въ этотъ вечеръ Жоржъ Бераръ почувствовалъ свое призваніе.

Немедленно онъ устроилъ себѣ чудную мастерскую, накупилъ полотенъ, красокъ, пригласилъ профессора, которому платилъ 40 франковъ въ часъ, и заказалъ визитныя карточки, на которыхъ подъ его именемъ, напечатаннымъ красивыми буквами, стояло: артистъ-живописецъ. Съ той поры онъ чрезвычайно рѣдко и не надолго появлялся въ обществѣ. Хозяйки домовъ, гдѣ онъ бывалъ, сожалѣли о немъ, какъ о неутомимомъ вальсерѣ; старушки, овладѣвая имъ качали головой и, увлекая его за большой вазонъ гортензіи или пальмы, благожелательно, по материнскидѣлали ему замѣчанія:

— И почему это вы, дорогое дитя, не пришли къ госпожѣ такой-то въ субботу. Тамъ была прелестная молодая дѣвушка, которой я такъ хотѣла представить васъ...

— Ради Бога, сударыня,—перебивалъ ее виновный,—не говорите мнѣ ничего о женитьбѣ. Я рѣшительно не имѣю времени: искусство поглощаетъ меня всецѣло. Я женюсь позднѣе, когда я *добьюсь*.

Теперь излюбленной фразой его было: «когда я добьюсь!»

И знакомые его привыкли къ этой дикости, къ этимъ слишкомъ длиннымъ волосамъ, къ этимъ слишкомъ широкимъ панталонамъ тогда, какъ онъ работалъ, какъ поденщикъ, и день и ночь мечталъ объ успѣхѣ и славѣ.

Начало было очень трудно... неудачи многочисленны. Этой весной полотна его не были приняты въ двухъ салонахъ и въ нѣсколькихъ частныхъ выставкахъ; но, въ минуту его полнаго отчаянія, къ нему явился, какъ ангелъ-хранитель, его другъ Филипаръ.

— Да не огорчайся такъ! Зачѣмъ это? На твоемъ мѣстѣ

я бы послалъ все это къ чорту! Ты имѣешь возможность быть такимъ счастливымъ, только бы захотѣлъ и безъ всякихъ заботъ!..

— Прежде всего ты никогда не понималъ меня, ты и не можешь понять меня!

— Я не зналъ, что понять тебя такъ трудно. Но теперь дѣло не въ томъ. Имѣешь ли ты представленіе, что такое— «Общество друзей искусства»?

— Нѣтъ!

— Оно еще не пользуется извѣстностью, но это придетъ. Такъ вотъ оно организуетъ выставку въ октябрѣ... акварелей. Можешь ли ты приготовить акварель?

— Могу ли я?.. Вотъ вопросъ!

— Да? Ну вотъ и хорошо. Пошли имъ ее.

— Но примутъ ли? Что долженъ я сдѣлать, чтобы попасть въ это общество?

— Дѣло простое—заплатить двадцать пять франковъ годового взноса и дать на чай тому, кто развѣшиваетъ картины.

Слѣдствіемъ всего этого и вышло, что теперь, этимъ счастливѣйшимъ сентябрьскимъ днемъ Жоржъ Бераръ читалъ дорогое ему письмо отъ секретаря общества.

. . . . До открытія выставки онъ жилъ, какъ въ лихорадкѣ. Чтобы успокоить свое нетерпѣніе, онъ ежедневно ходилъ къ портному заказывать и примѣрять новые костюмы. Такъ какъ онъ не могъ предвидѣть, какая будетъ погода въ тотъ великій день, ни то настроеніе, въ какомъ онъ будетъ тогда, то ему казалось необходимымъ имѣть наготовѣ всѣ роды полныхъ паръ, которыя бы подходили къ различнымъ градусамъ температуры и ко всѣмъ оттѣнкамъ его тогдашняго настроенія. Когда онъ затѣмъ возвращался домой утомленный, не въ силахъ приняться за работу, онъ бросался въ свое большое желтое кресло, и мечты и проекты овладѣвали его наполненной радостью головой.

Потомъ послѣ этого ему необходимо будетъ нарисовать большую картину изъ библейской исторіи. Сюжетъ ея еще не вполнѣ рѣшенъ: онъ затрудняется въ выборѣ; но сначала онъ попутешествуетъ и женится—теперь онъ «добился» своего, иначе старушки-свахи не дадутъ ему ни покоя, ни отдыха. А, чтобы избѣжать этого, онъ ихъ опередитъ, женится самъ, по своему вкусу, и не позволитъ никому въ свѣтѣ вмѣшиваться въ это. Онъ прекрасно знаетъ, какую жену ему нужно.

Онъ желалъ, чтобы жена его была кроткая, красивая и непременно артистичная, чтобы могла понимать его и, при случаѣ, помогать ему совѣтомъ; а для этого она должна любить искус-

ство такъ же, какъ и онъ. Но какъ это узнать, какъ вывѣдать это?

Бѣдный Жоржъ чувствовалъ сильный страхъ передъ тѣмъ, что онъ не въ состояніи найти себѣ жену, достаточно безкорыстную, на артистичный вкусъ которой не повліяли бы милліоны ея жениха. Какъ же узнать настоящую правду?

По мѣрѣ того, какъ онъ думалъ надъ этимъ, у него явилось наитіе. Несомнѣнно на открытіе выставки придутъ молодыя дѣвушки - невѣсты изъ хорошихъ семействъ; онѣ будутъ проходить мимо его акварели, увидятъ ее, заинтересуются и остановятся, конечно, передъ ней. Возможно, что между ними окажется женщина, предназначенная ему, душа которой откликнется на душу артиста, которую онъ вложилъ въ свое «Заходящее солнце на берегахъ Іонны».

— Да такъ!—воскликнулъ онъ.—Спрятавшись въ углу залы, я буду слѣдить за своей картиной, я тотчасъ же увижу, будетъ ли эта женщина въ состояніи понять ее.

Счастливый своей выдумкой, онъ такъ же, какъ и недѣлю тому назадъ, потиралъ руки.

— И кромѣ этого,—сказалъ онъ самъ себѣ:—сюжетъ моей большой картины найденъ: *Элеазаръ и Ревекка у фонтана*. Вѣрный слуга долженъ былъ выбрать своему господину въ жены ту дѣвушку, которая подастъ ему напиться; я же выберу ту, которая остановится передъ моей картиной и пойметъ ее. Такая повѣрка одна другой стбитъ. Эту картину я нарисую тогда, когда мы женимся: натурально Ревекка—это будетъ она.

Въ назначенный день, надѣвъ темный костюмъ, чтобы не быть слишкомъ замѣтнымъ, а въ то же время имѣть возможность наблюдать за своей картиной, онъ ушелъ на открытіе выставки общества друзей искусства. Тамъ мало кто зналъ его. Онъ незамѣтно проскользнулъ въ залу № 2, гдѣ, какъ ему было извѣстно, находилась его картина.

При самомъ входѣ онъ замѣтилъ на виду, возлѣ окна свое «Восходящее солнце», блистающее всей силой своихъ хромовъ и ярко-красныхъ красокъ. Это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ въ жизни Жоржа Берара. Первымъ его движеніемъ было броситься къ своему «произведенію», глядѣть на него, наслаждаться имъ, но затѣмъ онъ побоялся показаться смѣшнымъ этой поспѣшностью, новичкомъ и неловкимъ, быть узнаннымъ и лишиться возможности спокойно ожидать прихода Ревекки. Кромѣ того, волненіе отымало у него руки и ноги—онъ опасался, что у него

не хватитъ силы дойти туда. Все, что онъ могъ сдѣлать—это опуститься на стулъ, стоявшій въ углу, откуда онъ могъ хорошо видѣть всѣхъ, кто проходилъ мимо его «произведенія».

День былъ прелестный: солнце лило черезъ три громадныхъ окна свои лучи въ залу. Туалеты дамъ, еще свѣтлые въ этотъ конецъ сезона, искрились всѣми своими блесками, золотомъ, вышивками; рамы картинъ сверкали. Посѣтители выставки образовывали группы, шумныя, смѣющіяся; онѣ медленно проходили по заламъ, бросая разсѣянные взгляды на акварели, развѣшанныя по стѣнамъ, привѣтствуя кого-нибудь изъ проходящихъ мимо крикомъ удивленія или смѣхомъ, по временамъ выражая болѣе смѣлую мысль, чѣмъ другіе, или произнося имя пріятеля.

Жоржъ съ сокрушеннымъ сердцемъ наблюдалъ это равнодушіе публики, которая ни передъ чѣмъ не останавливалась, даже ни передъ его «Заходомъ солнца», котораго, повидимому, до сихъ поръ и не замѣтила. Въ эту минуту онъ былъ очень сквернаго мнѣнія о нравственномъ достоинствѣ и художественномъ вкусѣ людей, особенно же хорошенькихъ дѣвушекъ! Огорченный, онъ почувствовалъ даже желаніе убѣжать; но такъ какъ надежда составляла сущность его характера, то онъ рѣшилъ еще немного подождать.

И какъ же хорошо онъ поступилъ! Почти тотчасъ въ залу вошла молодая дѣвушка большого росту, худенькая, блондинка, красивая... какъ мечта. Ее сопровождалъ весьма приличнаго вида старикъ, по всей вѣроятности, отецъ, гордящійся быть отцомъ такой прелестной дѣвушки. Обезкураженное сердце Жоржа Берара забилось сильнѣе:

— Ахъ, Господи! Если бы это была она!

«Она» равнодушно и граціозно прошла мимо «Восходовъ», «Сумерекъ», «Въ лѣсу», или «Корзинъ цвѣтовъ», которые въ старательныхъ подписяхъ скрывали такъ много надеждъ и чаяній радости.

Два или три раза она останавливалась очень не надолго, пока старый господинъ что-то говорилъ ей или справлялся съ каталогомъ. Наконецъ, она подошла къ его «Заходу солнца».

Жоржъ закрылъ глаза, чувствуя, что онъ не въ силахъ перенести могущаго случиться жестокаго разочарованія, и на этотъ разъ, тѣмъ не менѣе онъ подумалъ: «Если черезъ двѣ минуты, когда я раскрою глаза, она еще будетъ тамъ,—это «она», моя Ревекка!...» И медленно, медленно, цѣлую вѣчность, онъ подымалъ свои вѣки.

О, радость! Она еще тамъ! передъ «Заходомъ солнца на

берегахъ Іонны», тогда какъ старый господинъ, невѣжда и дуракъ, внимательно разсматривалъ какую-то смѣшную «nature morte» въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Она была тамъ, гибкая, граціозная въ лучѣ солнца, которое окружало ее точно ореоломъ, ее, легкую, какъ призракъ подъ мягкими складками ея очень свѣтлаго сѣраго платья и подъ тѣнью ея шляпы, украшенной снопомъ розъ.

— Моя Ревекка!—прошепталъ артистъ въ экстазѣ.

Бывшіе возлѣ него посѣтители услыхали и улыбнулись; онъ и не замѣтилъ этого. Онъ созерцалъ этотъ божественный профиль мадонны или ангела, этотъ глубокій взглядъ, пристально смотрящій впередъ, на его «произведеніе».

Она отошла немного, чтобы лучше видѣть, затѣмъ приблизилась совсѣмъ близко, опять отодвинулась на шагъ и... восторженно улыбнулась.

— Она божественна,—думалъ Жоржъ,—я обожаю ее! Я чувствую, что ея душа родственна моей—мы будемъ понимать другъ друга безъ словъ. До сихъ поръ я не зналъ, не подозрѣвалъ, въ чемъ состоитъ любовь.

Ревекка была все тамъ. Старый господинъ приблизился къ ней, сказалъ ей что-то, улыбаясь; молодая дѣвушка наклонила свою красивую головку и медленно, какъ бы съ сожалѣніемъ, удалилась.

Ея юбка въ длинныхъ складкахъ, которыя разсыпались вокругъ нея, напоминала движеніе серебристой волны. Она двигалась въ ней, какъ сирена, будто не понимая лестныхъ замѣчаній, которыя слѣдовали за ней. Жоржъ внѣ себя смотрѣлъ на нее, не смѣя догонять ее изъ боязни спугнуть это видѣніе. О! эта ея улыбка восторга сводила его съ ума. Возможно ли, что она такъ хорошо поняла его толкованіе искусства и что при этомъ опытъ его удался такъ блестяще?! Нѣтъ—подобныя вещи случаются только въ романахъ.

Ревекка и ея отецъ окончили осмотръ залы № 2 и направились къ выходу, но молодая дѣвушка, движимая, повидимому, непреодолимой силой, вернулась еще разъ къ «Закату солнца», снова улыбнулась обворожительной улыбкой и затѣмъ быстро удалилась.

Жоржъ Бераръ обезумѣлъ; онъ кинулся за ней; но, проходя мимо своего драгоцѣннаго «Заката», доставившаго ему столько радости, онъ захотѣлъ полюбоваться имъ съ того самаго мѣста, откуда «она» имъ восторгалась!

Сразу онъ не увидѣлъ ничего другого, какъ только себя,

освѣщеннаго лучомъ солнца и хорошо отраженнаго полированнымъ стекломъ картины. Раздосадованный, онъ отодвинулся немного; но и такъ онъ видѣлъ только собственную фигуру, какъ въ зеркалѣ только до половины. Онъ приближался, удалялся, глядѣлъ съ боку, не удаляясь отъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ держалась Ревекка... Результатъ получался одинъ и тотъ же: сильный фонъ хромовыхъ и ярко-красныхъ красокъ способствовалъ тому, что его растрепанная прическа и взволнованное лицо превосходно отражались на стеклѣ картины... Въ его голову, которая не хотѣла понимать, проникло наконецъ сознаніе жестокой истины.

— Дура!—крикнулъ онъ, стиснувъ зубы.—Тщеславная, глупая кукла! И какъ это я не замѣтилъ, что она можетъ восторгаться только собой и больше ничѣмъ другимъ?

Его взглядъ, полный уничтожающаго презрѣнія, слѣдилъ черезъ широко-раскрытыя двери за граціозной походкой фальшивой Ревекки, которая и не подозрѣвала, что она была совсѣмъ, совсѣмъ близко возлѣ милліоновъ, о которыхъ такъ мечтаетъ ея маленькій мозгъ прелестной птички.

Пер. съ франц. Л. Д.

ОТЕЦЪ.

Грыцька Грыгоренка.

— Боже! что за звѣздная ночь!—сказалъ старикъ Миронъ, глядя вверхъ на ясное небо, гдѣ, точно свѣчки въ церкви, зажглись густо звѣздочки. Такъ же, какъ и въ церкви, когда не поютъ, было тихо въ степи этой теплой лѣтней ночью; солнышко унесло съ собой свое золото, свой зной и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ звуки дневные; земля, какъ накормленное дитя въ колыбели, сладко задремала; тихо, только изрѣдка слышно несмѣлое: «пать-падемъ» перепела, или ржаніе коней, пасшихся на выгонѣ. Взошелъ мѣсяцъ и началъ серебрить все: по хлѣбамъ побѣжали блестящія волны, на травѣ роса заиграла, издали видно было село и садики, точно высѣченные изъ стараго серебра, а черезъ степь протянулась совсѣмъ бѣлая, будто среди лѣта снѣгомъ посыпанная дорога, небо все освѣтилось и звѣздочки примеркли, а рожь и каждый цвѣтокъ при дорогѣ запахли сильнѣе.

Старикъ Миронъ пошелъ къ лошадямъ—у него своя пара, да у двухъ сыновей по одной, — связалъ имъ ноги, отогналъ своихъ и чужихъ отъ хлѣбовъ и вернулся къ мужикамъ, которые привели тоже своихъ лошадей на ночь и, пока спать не хотѣлось, сидѣли вмѣстѣ и по-маленьку разговаривали.

Рѣчь зашла о свадьбѣ у Божка, который недавно женилъ своего сына.

— И что это за мода появилась теперь,—сказалъ старикъ Миронъ,—женить такъ рано парней. Не отбылъ еще воинской повинности, какъ его уже окрутили: не умѣетъ еще косы въ рукахъ держать, а ужъ онъ женатый—мужемъ называется: дома надъ женой куражится, въ волости горло деретъ: «Я хозяинъ!»— передразнилъ старикъ Миронъ, — а онъ не хозяинъ, а чортъ знаетъ что. Никогда ужъ онъ и косить хорошо не будетъ, по-

тому когда же онъ можетъ научиться, если въ молодости не научился, а уже хозяиномъ сдѣлался? Вотъ такъ и дѣвушка хлѣба спечь не умѣетъ: ни разу не жала,—а уже замужъ выходитъ.

— И вотъ такъ они все — точно въ куклы играютъ. Навсегда оно останется малымъ, плохимъ. Нѣтъ, во время крепостного права лучше было: у насъ не позволялъ панъ жениться до двадцати пяти лѣтъ: и хорошо: и ума, и силы наберется, дѣвушку себѣ хорошую подыщетъ, тогда и идетъ подъ вѣнецъ... Вотъ и народъ былъ—такого теперь нѣтъ—здоровый—одинъ въ одинъ!

Здѣсь товарищи Мирона попросили его разсказать, какъ это было во время крѣпостного права, такъ какъ они были моложе и сами не помнили.

Много чего разсказывалъ старикъ Миронъ и хорошаго и худого... Долго разговаривали о панахъ, потомъ перешли къ разсказамъ о вѣдьмахъ и тому подобномъ.

Миронъ увѣрялъ, что онъ и вѣдьму и «его»,—не противъ ночи бы вспоминать,— видѣлъ. Говорили и о скверныхъ глазахъ: какъ иной человѣкъ и не хочетъ, чтобы у него былъ скверный глазъ, а какъ только взглянетъ на скотину или человѣка, такъ имъ и не хорошо сдѣлается. Есть такіе люди, что́ знаютъ слова противъ мышей, противъ комаровъ, противъ всего. Старикъ Миронъ началъ разсказывать о пасѣчникѣ своего пана, у котораго сѣдая борода была до пояса, который пилъ по три стакана водки и не былъ пьянъ, который зналъ такое «слово», что его пчелы не кусали—голыми руками ихъ бралъ,—и въ какую сторону пошлетъ ихъ за медомъ, туда и летятъ...

Тутъ замѣтилъ старикъ Миронъ, что всѣ мужики одинъ за другимъ уснули; онъ самъ легъ возлѣ нихъ, накрывшись кожухомъ, но заснуть не могъ, такъ какъ въ голову его начали лѣзть всевозможныя мысли. У него была такая голова, точно въ ней какой-то ткачъ жилъ—все бросаетъ и бросаетъ мыслью то сюда, то туда—узоры выписываетъ. Другой и за мѣсяцъ того не передумаетъ, что старикъ Миронъ за день или ночь. Вѣрно, онъ думалъ больше всѣхъ на селѣ и спать онъ не любилъ, поэтому онъ и ходилъ самъ въ степь къ лошадямъ, а то могъ бы посылать, если бы пожелалъ, кого-нибудь и изъ сыновей. Не спалъ же онъ и молодымъ черезъ работу и забавы, не спалъ и старымъ; все ему хотѣлось то работать, то разговаривать, то думать—такой ужъ онъ былъ неугомонный; иногда ляжетъ уже тогда, когда пѣтухи дважды пропоютъ, а встанетъ—едва забрез-

жетъ. Какъ онъ могъ такъ мало спать—кто его знаетъ. Другіе рады въ воскресенье и до обѣда, и послѣ обѣда уснуть — силы набрать. Миронъ же—Боже сохрани! Тѣмъ не менѣе, онъ еще и теперь былъ первымъ косаремъ въ селѣ и косилъ лучше своихъ трехъ сыновей. Съ виду былъ онъ еще довольно молодымъ—высокій, прямой, какъ осокорь, съ черными длинными кудрями, сѣдого волоса и не замѣтно было, съ жгучими, темными, какъ уголь, глазами. Говорятъ, будто мысли сушатъ человѣка, а вотъ же нѣтъ—Мирона не изсушили. Инымъ людямъ не до мыслей,—хлопоты и жизненныя заботы не оставляютъ имъ времени—живутъ себѣ день за днемъ, иные не умѣютъ думать и мыслей у нихъ нѣтъ, а инымъ кажется, что хоть думай, хоть не думай, своей несчастной судьбы не перемѣнишь... А Миронъ любилъ думать. Вотъ и теперь — укрылся еще лучше кожухомъ, глянулъ еще разъ на звѣзды и подумалъ:

— А какія онѣ неровныя: вотъ тамъ какія большущія, а тамъ одна мелкота. Вотъ такъ и все на свѣтѣ: рожь, напримѣръ, какая она низенькая въ сравненіи съ кустомъ или деревомъ, а трава еще ниже — всякій ее ногою топчетъ, а на дерево только птички садятся сѣть... Такъ и среди людей... Вотъ у насъ не любятъ ни ради души, ни ради чести похлопотать о чемъ надо,—думаетъ дальше Миронъ.—Когда нужно выбирать старосту или старшину, или десятниковъ, или сборщиковъ, такъ всѣ начинаютъ прятаться, своихъ сосѣдей впередъ выталкивать, иногда просто по злобѣ упекутъ.

Самъ старикъ Миронъ, хотя и проклиналъ «громаду», былъ два раза на своемъ вѣку выбранъ старостой, а разъ старшиной; теперь же онъ былъ сборщикомъ, и хорошимъ сборщикомъ; во-время собиралъ деньги и умѣлъ дѣло вести въ порядкѣ, хотя былъ и неграмотный: крестиками и палочками отмѣчалъ по хатамъ, сколько кто долженъ уплатить, и ни разу онъ не ошибся, и никогда чужой копейки не замоталъ, и зналъ, какъ нужно съ народомъ обходиться—сила для этого была у него какая-то — такая сила, какъ у вѣтра, что вербы гнетъ—ну, просто гнетъ по-своему и выйдетъ такъ, какъ онъ хочетъ, и люди потекутъ за нимъ, какъ вода въ дырку. Всѣ ему вѣрили, и онъ умѣлъ такъ растолковать, что всякій пойметъ, что онъ правду говоритъ, оттого его и слушали, а онъ этимъ очень гордился. Правда, бывало такъ, что люди переставали его слушать и брали сторону крикуновъ, сладко поющихъ,—тогда старикъ Миронъ страшно злился, кричалъ, что онъ броситъ дѣло къ чортовой матери, и пусть они всѣ околѣютъ и пропадутъ и что тотъ дуракъ, кто для «общества» старается, по-

тому что это все равно, что камни глотать, и пусть онъ самъ, Миронъ, будетъ трижды проклятъ, если онъ для нихъ еще хоть пальцемъ кивнетъ, хотя бы ему за это сто рублей обѣщали. Такъ говорилъ старикъ Миронъ, а черезъ день, черезъ недѣлю, много черезъ мѣсяцъ, его упрашивали, и онъ снова бѣгалъ къ богачамъ просить денегъ въ займы для общества за своимъ поручительствомъ; собиралъ сходъ для того, чтобы урезонить людей оставить третью часть общественной земли въ толоку или взять у пана пастбище на отработки; копалъ новый колодезь въ селѣ; покончивъ уже съ работою, гулялъ въ корчмѣ со своими «врагами». Старикъ Миронъ не былъ пьяница, но любилъ въ хорошей компаніи выпить, когда случались лишнія деньги. Эти лишнія деньги были такія: думалъ старикъ Миронъ, что сапоги будутъ стоить пять рублей, а онъ заплатилъ всего четыре съ полтиной, вотъ полтина и лишнія деньги; оно, конечно, пригодились бы онѣ на что другое въ хозяйствѣ, какъ это ему часто невѣстка — жена меньшаго сына, говорила; онъ же думалъ, что онѣ таки и лишнія, а что онъ думалъ, то и дѣлалъ. Хотя старикъ Миронъ былъ и небогатый человѣкъ, но не любилъ онъ денегъ; онъ всегда говорилъ, что не въ деньгахъ счастье, потому что вотъ же на глазахъ умерло дитя у богатаго пана, который и лѣчилъ его, и дрожалъ надъ нимъ, и готовъ былъ отдать всѣ свои деньги, все свое богатство докторамъ, только бы дитя выздоровѣло, такъ нѣтъ же, умерло! По мнѣнію Мирона, было бы лучше, если бы у мужика была только земля, конь и другая скотина, а деньги—Богъ съ ними! Конечно, старикъ Миронъ понималъ, что и безъ денегъ нельзя, нужно же покупать керосинъ, соль, постное масло и тому подобныя мелочи, а главное, чѣмъ безъ денегъ заплатишь «казенное»?

Какъ началъ только старикъ Миронъ думать о деньгахъ, такъ ему сейчасъ и припомнилось, сколько зла приносятъ онѣ; сколько людей изъ-за нихъ другъ друга губятъ; какъ богачи изъ бѣдныхъ кровь высасываютъ большими процентами; какъ сборщики чужія деньги присваиваютъ и неправду дѣлаютъ изъ-за денегъ.

— Деньги—это сладкій дурманъ для человѣка,—рѣшилъ старикъ Миронъ,—кто ихъ любитъ, тотъ живой мертвецъ: онъ цѣлый свой вѣкъ гробъ себѣ покупаетъ, потому что когда дѣйствительно умретъ, то его деньги останутся, а онъ не жилъ, не пользовался ими для своего удовольствія...

— Охъ, Оксана, Оксана!—ни съ того, ни съ сего громко сказалъ Миронъ и самъ удивился.

Оксана—это была его единственная замужняя дочь; кромѣ нея, у него было еще три сына—всѣ женатые; два изъ нихъ жили при женахъ въ томъ же селѣ, а третій, меньшой, жилъ съ нимъ. Миронъ разсудилъ, что на трехъ у него земли не хватитъ, а только на одного, поэтому нужно такъ ихъ устроить, чтобы они и землю имѣли, и изъ-подъ его власти не выходили. Такъ и сдѣлалъ—отдалъ сыновей туда, гдѣ ни тестя, ни тещи не было, а поэтому у него оказалась и своя упряжка, и своя помощь; вслѣдствіе этого и работа скорѣе и лучше шла—рукъ было много, коней—четверка, и всѣ работали вмѣстѣ: сыновья привыкли слушать отца съ дѣтства—меньшой, такъ тотъ былъ просто тѣнью Мирона,—а, поженившись, они не вышли изъ повиновенія отцу, и сами понимали, что такъ оно выгоднѣе. Недавно отдалъ старикъ Миронъ и дочку замужъ, то, бишь, она сама пошла: охъ, хотѣлъ онъ отдать ее за богатаго мѣщанина, хотѣлъ, еще и какъ! Хотѣлъ, хотя и зналъ, что деньги—зло, но все-таки, когда человѣкъ имѣетъ четверку коней, тесовую крышу и ворота, разрисованныя окна и табачную плантацію, а къ тому еще и мѣщанинъ, а не простой мужикъ, то всякому захочется за такимъ человѣкомъ дочь свою видѣть, всякому захочется, чтобы его дочь на пуховой постели спала, каждый день галушки съ сыромъ ѣла, чтобы прислугу держала,—такъ нѣтъ! Не пожелала Оксана—пошла за бѣднаго.

— И что она въ немъ нашла такого красиваго?—думалъ дальше Миронъ — по-мнѣ, такъ онъ и совсѣмъ некрасивый — рыжій, въ нашей семьѣ нѣтъ такихъ, и низкаго роста, и какой-то вертлявый, точно самопрялка — эхъ, чортъ знаетъ, что! Онъ ей не пара... Оксана!.. Оксана была такая дѣвушка, подобной которой не было... Что же это такое? Только за него захотѣла пойти и ни за кого больше: развѣ ужъ полюбила его такъ?... Сговорились гдѣ-то на посидѣлкахъ... наговорилъ онъ, вѣрно, ей турусы на колесахъ! Дѣвушкѣ только и нужно что: «голубка, солнышко, сокровище», да «обними покрѣпче, да поцѣлуй понѣжнѣе»,—она, какъ вишенька, расцвѣтетъ и обрадуется, и повѣритъ всему: «о, этотъ будетъ жалѣть меня, пойду за него!» Если бы-то такъ! Вотъ, если бы намъ можно было, какъ барамъ, у которыхъ дѣвушкѣ можно совсѣмъ замужъ не выходить—живетъ при отцѣ, и горя ей мало! Нѣтъ, гдѣ ужъ тамъ? Это дѣвичье дѣло—замужъ идти, такъ и слѣдуетъ. Вотъ если бы только у насъ такъ за женами ухаживали, какъ нашъ молодой баринъ, который недавно женился: и руки женѣ цѣлуетъ, и въ глаза смотритъ, а одинъ разъ, ей-Богу, я самъ

видѣлъ, какъ онъ на колѣняхъ передъ нею стоялъ, точно передъ образомъ,—комедія! У насъ жену иной разъ, хотя и жалѣешь, но все же воли не даешь, потому что жена, какъ-ни-какъ, все же глупѣе мужчины и слабѣе. Правда, бываетъ иногда такъ, что мужъ жены слушается и на сходѣ говоритъ то, что она ему дома говорила, но это рѣдко; а если даже и слушается, то все-таки онъ свое возьметъ: выругаетъ и побьетъ, когда разсердится. Нельзя при нашей жизни не драться и не ругаться: каждый злымъ станетъ, когда то того нѣтъ, то того нужно, то конь околѣлъ, то рожь не уродила!..

Главное же въ томъ, что жены глупы, болтливы—да будетъ имъ пусто!.. Не желалъ бы я быть женщиною—самая несчастная доля: всякая невзгода на ея шеѣ отзывается, а еще и дѣти!.. Если бы то Андрей—такъ звали мужа Оксаны—хотя хорошимъ работникомъ былъ, а то... правда, онъ грамотный, такъ что же изъ этого? У насъ эта школа—кто ее знаетъ, для чего она? Одно то, что куда школьникъ годится послѣ науки? Въ пастухи идти не хочетъ, носъ задираетъ, а писарями сдѣлать всѣхъ нельзя. Научиться кое-какъ читать, чтобы сейчасъ и забыть, только и славы, что учился. Во-вторыхъ, то, что учительница тамъ такая, что какъ пойдетъ съ панычами гулять, то мальчики только за волосы другъ друга таскаютъ, да шишки на лбахъ набиваютъ, и больше ничего. Прежде учитель билъ за науку, а теперь сами себя безъ учителя бьютъ—вотъ тебѣ и школа! Если бъ же онъ, какъ слѣдуетъ, былъ грамотный, а то—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!.. А люди у насъ темные, что и говорить: придетъ какая-нибудь бумага; пока доберутся, въ чемъ дѣло—не мало времени уйдетъ.—А когда писарь начнетъ считать на счетахъ, всѣ стоятъ, смотрятъ на него, какъ дураки—не трудно нашего брата и надуть.

Такъ все думалъ дѣдъ Миронъ, пока не задремалъ, а когда проснулся, то солнышко уже начало сновать свои золотыя и серебряныя нитки и по степи, и по деревьямъ. Дѣдъ Миронъ увидѣлъ, что уже не рано, собралъ своихъ коней и отправился домой.

* *
*

Когда дѣдъ Миронъ вернулся домой, невѣстка его Марина уже хлопотала возлѣ печи; сегодня былъ маленькій праздникъ, и она рѣшила испечь оладьи съ сыромъ. Въ хатѣ было чистенько: красивые образа съ вышитымъ полотенцемъ на нихъ, столъ, покрытый чистенькой скатертью, а на столѣ миска съ свѣжимъ,

мягкимъ творогомъ. Возлѣ стола стояла маленькая дѣвочка, чистенько умытая и расчесанная: волосики казались у нея совсѣмъ темные, такъ были хорошо намаслены, что даже прилипли къ лобику; личико розовенькое, настоящая писоночка. Дѣвочка улыбалась, глядя на миску съ творогомъ, но не осмѣливалась приблизиться къ ней, боялась матери, которая была очень строга; но только-что мать потянулась далеко въ печь, чтобы заправить борщъ, какъ дѣвочка, замѣтивъ это, скоренько протянула ручку и погрузила ее совсѣмъ въ творогъ и, поглядывая искоса на мать, стоящую къ ней спиной, начала облизывать свои бѣлые отъ творога пальчики. Тутъ вскочилъ въ хату мальчикъ, похожій такъ на дѣвочку, что можно было сразу угадать, что онъ ея братъ; онъ подскочилъ на одной ногѣ къ столу, заглянулъ въ миску и, глотая слова, проговорилъ: Что это: мѣлъ, соль, мука, творогъ?—«Прочь,—крикнула мать, обернувшись,—чего пришелъ? Кто тебя звалъ?»—Дѣдъ уже скоро вернется съ лошадьми,—отвѣтилъ мальчикъ, все посматривая на творогъ, какъ котъ.

— Ну такъ что, что вернется? Завтракать еще рано... Иди присматривай за теленкомъ... прочь! Мальчикъ скривился, а затѣмъ, глянувъ на сестру, захохоталъ:

— Ну да испачкалась же ты творогомъ, какіе у тебя бѣлые усы, ха, ха, ха!

Тетянка опустила и скосила глаза, чтобы увидѣть, какіе у нея усы, не увидѣла и сказала тихо:—Врешь!

А Грицко началъ громче кричать, что Тетянка наѣлась творогу, чтобы мать услыхала и выругала ее, чтобы не ѣла и она, когда ему нельзя, только мать не такъ поступила, какъ онъ хотѣлъ, а сказала: «Прочь оба изъ хаты! Только мѣшаете мнѣ! Прочь, а то я васъ»...

Дѣти исчезли въ одно мгновеніе.

Грицко не былъ доволенъ матерью: ему хотѣлось, чтобы она дала Тетянкѣ подзатыльника—зачѣмъ она ѣла творогъ, когда онъ не ѣлъ. Правда, ему удалось схватить головку луку, лежавшую на лавкѣ, и онъ теперь грызъ ее, а Тетянка только смотрѣла ему въ ротъ: но этого было ему мало, и онъ, сказавши ей: а ты, ты, ты... пихнулъ сестру такъ, что та упала среди двора и начала громко плакать. На это какъ разъ подошелъ дѣдъ — отдалъ лошадей работнику и шелъ въ хату, но, увидѣвши, что мальчикъ обижаетъ Тетянку, схватилъ его за ухо. Грицку было очень больно, но онъ сдержался и, хотя слезы выступили у него на глазахъ, гордо сказалъ:

— Чего она реветъ? Когда я былъ маленькимъ, я никогда не ревѣлъ!.. Ужъ подлинно, баба!

Дѣдъ взялъ на руки Тетянку и понесъ ее въ хату и ласково говорилъ ей:—О! моя милая, моя птичка, гдѣ у тебя болитъ?

А Грицко съ краснымъ, какъ малина, ухомъ побѣжалъ на улицу къ мальчишкамъ и тамъ разсказывалъ, что за лисица у него сестрица, какъ она къ дѣду подлизывается.

Дѣдъ вошелъ въ хату, сѣлъ на лавку съ дѣвочкой на колѣняхъ, и она здѣсь только призналась, что ей очень хочется попробовать творогу.

Дѣдъ придвинулъ миску, взялъ ложку и началъ кормить ее. Марина выглянула изъ-за печи и сказала притворно сердитымъ голосомъ:

— Ну, ужъ вы, отецъ, всегда ее балуете. Пусть бы обождала, пока всѣ будуть завтракать. Вотъ я сейчасъ и оладій напеку.

— Да что тамъ! Дитя ѣсть хочетъ...—А гдѣ Иванъ?

— Ушелъ сѣно переворачивать: вы же приказали.

Дѣдъ Миронъ спустилъ Тетянку съ колѣнъ, всталъ, умылся надъ лоханкой и, сказавши: «Пойду и я!» вышелъ изъ хаты.

Тетянка, накушавшись творогу и украсивши имъ все свое личико, вслѣдствіе чего стала похожа на вишневый вареникъ въ сметанѣ, должна была приняться за работу, такъ какъ Микола, другой ея братъ, запищалъ въ колыбели и мать велѣла покачать его.

Когда дѣдушка Миронъ и его сынъ Иванъ пришли завтракать, оладьи были уже готовы. Прибѣжалъ и Грицко, какъ разъ на оладьи поспѣлъ, хотя его и не звали. Сѣли и начали ѣсть молча. Миронъ обыкновенно очень мало разговаривалъ съ Иваномъ, да и не было о чемъ. Только слышно было, какъ Грицко на всю хату прицмокивалъ — очень ужъ ему понравились оладьи.

Не успѣли они позавтракать, какъ въ хату вскочила хорошенькая молодка, сказала: «Здравствуйте» и захохотала, потянувъ носомъ, прибавила: «вотъ хорошо пахнетъ—вѣрно, гороховые оладьи пекли».

Марина взглянула на молодую женщину такими глазами, какъ кошка на собаку глядитъ, и подумала: «Вотъ, Боже мой, и позавтракать не дастъ», встала и пошла къ печи что-то убирать. Когда Марина сердилась, она такъ рьяно работала—только работу подавай, но тогда работа ея сопровождалась такимъ грохотомъ и стукомъ, точно она заставляла говорить за себя все, къ чему прикасалась; казалось, что со злости она могла бы всю работу, какая есть на свѣтѣ, передѣлать; поэтому ея свекоръ, когда хотѣлъ, чтобы хлѣбъ съ поля былъ

скорѣе снятъ, раздразнитъ ее, бывало, раньше, и тогда только держись! Марина такъ начнетъ вязать снопы, что два косаря не успѣваютъ за ней косить—все вяжетъ, все молчитъ, только сопитъ и соломою шелеститъ. Вотъ и теперь она молча стала убирать, мыть и живо, живо работать, но и сильно стучать.

— Садись, дочь, садись, позавтракай съ нами,—сказалъ Миронъ.

Иванъ тоже проговорилъ тихимъ голосомъ—у него былъ тихенькій голосъ:

— Садись, Оксана!—и подвинулся, чтобы дать ей мѣсто.

Оксана была очень похожа на брата; такая же, какъ онъ черноволосая, высокая, только не длиннолицая, а круглолицая и веселая; онъ же былъ сумрачный и смотрѣлъ больше внизъ, тогда какъ у Оксаны глаза были открыты на весь міръ, какъ вольныя птички.

Дѣдъ, увидѣвши, что невѣстка убѣжала, сказалъ строго:—Марина! а дай-ка намъ еще оладьевъ, если есть, и сама садись... чего убѣжала? Марина отвѣтила сквозь зубы: «Мнѣ некогда!» но все-таки подала на столъ свѣжихъ оладьевъ.

Оксана посмотрѣла въ упоръ на ея сердитое лицо, на насупленныя рыжія брови, сжатыя, точно сшитыя губы и сѣренькіе глаза, избѣгавшіе смотрѣть на нее, и весело засмѣялась. Марина такъ бросила миску на столъ, что та едва не разбилась, а дѣдъ Миронъ крикнулъ: «Что ты съ ума сошла?» и, обратясь къ дочкѣ, проговорилъ: «А ты чего—рада, что дура!»

— Это я, отецъ, смѣюсь надъ Тетянкой,—нашлась Оксана, потому что ей не хотѣлось сердить сегодня отца, хотя гнѣвъ золовки всегда смѣшилъ ее, и она рада была всегда подразнить ее—она таки съ дѣтства любила дразнить всѣхъ—отъ котятъ, щенковъ до братьевъ. Всѣ взглянули на Тетянку: она уже кончила ѣсть и теперь, высунувши кончикъ краснаго языка, колотила себя по щекѣ ложкою и, наклонивъ головку на бокъ, прислушивалась къ этому ляску, точно къ музыкѣ какой. Всѣ засмѣялись, а Тетянка серьезно сказала: «Это бондарь!» Всѣ еще больше засмѣялись, и сама Марина усмѣхнулась, но тотчасъ же отвернулась и начала кормить дитя, лежавшее въ колыбели. У дѣда Мирона прошелъ гнѣвъ, и онъ спросилъ Оксану, что дѣлается у нея дома?

Оксана съѣла наскоро оладій и сказала: «Да вотъ, точно, мой Андрей (Марина подумала: говоритъ «мой». Вотъ дура) хотѣлъ самъ зайти къ вамъ, но его въ волость потащили: пришелъ дядя Семенъ, и они вмѣстѣ ушли».

— Что же тамъ такое?—спросилъ дѣдъ Миронъ.

— А кто его знаетъ... какія-то деньги, какое-то дѣло... онъ хотѣлъ самъ, а я не знаю, ей Богу... онъ сказалъ только: иди къ отцу и попроси очень, очень, чтобы пришелъ.—Миронъ началъ догадываться: это, вѣрно, за проценты... или?

— Не знаю, ей Богу, не знаю!

— Ну такъ что же, хорошо! Я, быть можетъ, приду, я...—Миронъ искоса посмотрѣлъ на сына и невѣстку и скоренько проговорилъ:—хорошо, хорошо—я приду, пусть! Что тамъ такое?

— А я ухожу... прощайте... мнѣ нужно...--засуетилась Оксана, поднялась и исчезла, какъ звѣздочка съ неба скитилась.

Дѣдъ Миронъ повертѣлся, повертѣлся по хатѣ и бросилъ сыну: «нужно рожь провѣять и на мельницу свезти» (это былъ такой праздникъ, когда вилами и лопатой можно работать, только бы не косою) и тоже исчезъ, точно дымъ изъ трубы.

Послѣ того, какъ отецъ вышелъ, Марина бросилась убирать со стола съ такимъ громомъ и стукомъ, что у Ивана въ ушахъ зазвенѣло.

— И чего ты свирѣпѣешь?—спросилъ онъ.

— Вѣдь отправился туда, — она кивнула головою на дверь,—пошелъ зятя любезнаго выручать, долгъ на свою шею брать... Цыцъ!—крикнула она на дѣтей, потому что Грицко, сказавши Тетянкѣ: «а ну, давай я бондаря представлю» — такъ треснулъ ее по щекѣ, что та завизжала.

Послѣ материнскаго окрику дѣти присмирѣли.

Тогда Иванъ тихо спросилъ: «Неужели?»

— Конечно, такъ,—отрѣзала Марина—сердилась она и на мужа. Въ объясненіе она продолжала: «ну и подлая же тварь, чего она лѣзетъ, когда замужемъ? Замужняя дочь для отца—отрѣзанный ломоть хлѣба, а она пристаетъ, какъ смола къ сапогу! Есть мужъ — чего еще? Небойсь, она не обмоетъ, не одѣнетъ, не накормитъ его! А «онъ» туда, какъ пчела на медъ... Дочка роднѣе сына... тьфу!

— Вчера дѣдъ,—сказалъ Грицко, — платокъ теткѣ Оксанѣ подарилъ... красный-красный...

— Нѣтъ, врешь... желтый, и я видѣла,—перебила Тетянка. Грицко толкнулъ ее, а мать снова прикрикнула: «тише вы!» и продолжала, обращаясь къ мужу:—Что же это такое?! Она еще и насмѣхается надо мной, дрянь. Развѣ я не понимаю, почему она за завтракомъ, какъ курица, раскудахталась? Всѣ гостинцы имъ, съ нею и на ярмарокъ, у нихъ первыхъ

пашемъ, у нихъ раньше сѣемъ, а кони — наши; что же это въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ это видано?..»

— Да пусть ихъ,—сказалъ тихо Иванъ.

Марина загремѣла посудой и передразнила:—«Пусть ихъ!..» Тебѣ все пусть—будешь работникомъ служить у зятя, пока...

— Да что же мнѣ дѣлать?

— Что? Скажи, что ты такъ не хочешь — пусть насъ отдѣлятъ—вотъ что!

— Да! Такъ вотъ и скажешь! Развѣ отца не знаешь?

— Слишкомъ ужъ ты податливый!—сказала сердито Марина, но про себя подумала: для меня-то оно выгоднѣе, что онъ тихій, только... и замолкла.

— На то онъ отецъ! Ничего не подѣлаешь... Пойти рожь перевѣять!

Иванъ всталъ и ушелъ, но въ дверяхъ еще сказалъ: — А долгъ зятя на шею я уже не возьму, это хуже, какъ онъ себѣ хочетъ, гдѣ угодно пусть добываетъ деньги... Это ужъ нѣтъ!

Когда вѣялъ рожь, Иванъ спросилъ себя, могъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ отдѣлиться отъ отца, и рѣшилъ, что нѣтъ, потому что отецъ порядокъ даетъ въ хозяйствѣ и все знаетъ, когда, для чего время, и мастеръ на всѣ руки... А онъ что? Онъ умѣетъ только, какъ слѣдуетъ работать, что́ ему прикажетъ отецъ, самъ же онъ не умѣетъ распорядиться.

— Нѣтъ, безъ отца нельзя, хотя, быть можетъ, отецъ и не по правдѣ поступаетъ, какъ говоритъ Марина, и зятя больше жалѣетъ, а на сына вниманія не обращаетъ... Ну такъ что же? Это же мужъ сестры, только скверно, что Марина сердится; лучше было бы, если бы мирно все улаживалось.

Марина же думала, что безъ свекра прожить можно, даже очень можно, но нужно, чтобы мужъ былъ посмѣлѣе, а онъ такой, что скоро ему на голову сядутъ. И навѣрное ему отецъ и тотъ долгъ навяжетъ, и будетъ онъ платить или своей спиной отрабатывать. Нѣтъ, такъ нельзя! Самой иначе повернуть—тоже нельзя, потому что свекоръ имѣетъ право выгнать ее изъ хаты, а мужъ будетъ за отца, да кромѣ того, говоря по правдѣ, съ отцомъ живется легче и лучше... Нужно только его отъ дочки отвадить... Но какъ это сдѣлать, Марина никакъ придумать не могла. Наговорить на Оксану?.. Отецъ ни за что на свѣтѣ не повѣритъ. На зятя наговорить? Отецъ и такъ знаетъ, что Андрей непутящій, ради дочки представляется, будто не знаетъ. Нѣтъ средствъ! Нужно ждать, пока отецъ умретъ, а онъ еще такой здоровый, да и самъ по себѣ человѣкъ—ничего; внуковъ

какъ балуетъ, Господи! Только какъ же смѣла Оксана надъ нею насмѣхаться! Вездѣ, гдѣ ни встрѣтится съ ней, морду кривитъ, смѣется, точно она умнѣе. Этого Марина не можетъ ни простить, ни забыть. А Иванъ заступиться за нее не въ состояніи—онъ точно собака, которая привыкла на привязи жить, а отвяжешь, все будетъ на одномъ мѣстѣ сидѣть. Да и отецъ, кажется, разумный человѣкъ и строгій, а прилипъ къ своей дочкѣ, какъ дуракъ.

Когда Миронъ пришелъ на сходъ, тамъ уже собралось много народу. Всѣ шумѣли, кричали на какого-то взволнованнаго, вертляваго человѣка съ большими сѣрыми глазами, безусаго, съ красными толстыми губами, съ длинными русыми волосами, извивавшагося передъ ними, какъ ящерица. Это и былъ зять Мирона — Андрей. Онъ бросился къ нему, какъ испуганный сказкой ребенокъ: «Отецъ, отецъ, спасайте,—шепнулъ онъ ему на ухо,—когда вамъ будетъ нужно... то я... только теперь... вѣкъ свой буду благодарить»...

— Прочь,—отпихнулъ его Миронъ, а самъ протѣснился черезъ толпу и крикнулъ:—Что тутъ у васъ?

Всѣ начали говорить вмѣстѣ, показывая пальцами на Андрея.

Миронъ разсердился: «Да говори кто-нибудь одинъ, а то трещатъ, какъ сороки».

Всѣ утихли, а одинъ рыжій здоровенный человѣкъ съ такою широкою спиной, что на ней можно санями проѣхать, началъ кричать, бросая свирѣпые взгляды на Андрея, что онъ у него полосу огорода купилъ, далъ ему задатокъ, деньги на который взялъ въ займы у другого; теперь этотъ человѣкъ требуетъ проценты на свои деньги отъ Андрея, а Андрей требуетъ отъ него задатокъ назадъ, значитъ, онъ не имѣетъ средствъ выплатить, а между тѣмъ онъ упустилъ хорошаго покупателя огорода, который ему дороже давалъ, и Андрей обязанъ уплатить ему убытокъ, а онъ не хочетъ, оказывается, говоритъ, что денегъ нѣтъ, но при этомъ болтаетъ вздоръ: «какъ же долгъ—это первое дѣло, я знаю... о! я знаю—договоръ дороже денегъ и тому подобныя глупости».

Другой мужикъ — тотъ, которому Андрей былъ должонъ пятьдесятъ рублей, — толстый, съ сытымъ лицомъ, похожимъ на тыкву, укорялъ его въ томъ, что онъ не платитъ ему процентовъ,—пусть отдастъ ему сейчасъ же всѣ деньги или проценты, другого ничего онъ и слушать не хочетъ.

Выступилъ еще мужикъ, сѣрый, какъ земля, съ зеленоватыми глазами, очень размахивалъ руками, ругался и доказывалъ,

что Андрей—чтобъ ему пусто было,—заложилъ ему свою землю и деньги получилъ, а потомъ снова—сукинъ сынъ, чтобъ ему! вотъ этому передалъ и съ него деньги тоже взялъ; пусть отдастъ деньги назадъ.

Вышелъ впередъ еще человѣкъ, маленькій, кривой и некрасивый и пропищалъ: «Отдай мои деньги, которыя я за землю далъ!»

И еще много людей набрасывалось на Андрея за мелкіе долги. Андрей метался туда, сюда, еле не плакалъ, а сдѣлать ничего не могъ. Всѣ на него кричали и подступали къ нему. Онъ любилъ торговать—и лошадьми, и землею, и ему представлялось, что все пойдетъ гладко, какъ по маслу: тамъ онъ въ займы возьметъ, тамъ отдастъ, тамъ купитъ, тамъ продастъ, и выйдетъ хорошо. А теперь попался такъ, что не знаетъ, какъ выпутаться. Онъ не ожидалъ, что они всѣ, въ одно и то же время, къ нему пристанутъ и будутъ судомъ грозить — раньше ему все сходило.

Миронъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на Андрея, который сначала выкручивался, а теперь опустилъ руки, и глухо проговорилъ: «Гдѣ же я возьму вамъ эти деньги? Я бы и самъ радъ былъ, если бы были!..»

Грустно стало Мирону, что его зять оказался такимъ: тратить чужія деньги умѣлъ, а отдавать не умѣетъ, что онъ, какъ изъ веревки кнутъ; только онъ понималъ, что нужно этого «непутящаго» спасти, непремѣнно нужно, потому что... нужно. Онъ началъ улаживать дѣло: большому мужику съ широкой спиной, у котораго Андрей землю сторговалъ, онъ сказалъ, пусть задатокъ останется у него, потому что Андрей скоро соберется съ деньгами, купитъ землю и убытокъ уплатитъ; мужику съ лицомъ, какъ тыква, обѣщалъ самъ проценты заплатить, а черезъ годъ, какъ Богъ дастъ, и деньги возвратить, то же самое обѣщалъ и тому мужику, который далъ Андрею за его землю шесть рублей; другому же позволилъ пользоваться землею Андрея, такъ какъ она была ему раньше заложена.

Такъ помирилъ всѣхъ Миронъ. Всѣ были довольны. Больше всѣхъ, разумѣется, былъ радъ Андрей; онъ даже покраснѣлъ и не зналъ, какъ благодарить тестя—хотѣлъ ему руку поцѣловать, только Миронъ, сказавши: «ну, смотри ты мнѣ, собачій сынъ!» повернулся и вышелъ, не подавши ему руки...

Откуда же разсчитывалъ Миронъ взять эти деньги для Андрея? Никогда у него не было сразу столько денегъ на рукахъ; продавать же скотъ и коней—онъ ни за что бы не про-

далъ. Что же дѣлать? Онъ рѣшилъ очень просто—у кого-нибудь наняться работникомъ и такимъ образомъ заработать нужныя деньги. Онъ—хозяинъ, онъ, который могъ бы при сыновьяхъ сложа руки жить, онъ хочетъ наниматься, на чужую работу себя закабалить. Называлъ Миронъ дуракомъ того мужика, что служилъ по найму и всѣ свои деньги отдавалъ чужой женѣ, которую мужъ бросилъ, и дѣтей ея содержалъ, хотя и зналъ, что они его на старости лѣтъ не накормятъ — называлъ дуракомъ, а что самъ задумалъ дѣлать?!

Когда Миронъ сообщилъ дома о своемъ рѣшеніи, Марина загремѣла: горшки, миски, ложки заговорили въ ея рукахъ; она не смѣла высказывать своей досады, но начала уговаривать: «Вы же старый человѣкъ, гдѣ вамъ наниматься, зачѣмъ вамъ въ адъ лѣзть?»

— Не твое это дѣло, — отвѣтилъ Миронъ, хотя самъ подумалъ: что правда—то правда; ну да ничего не подѣлаешь—надо служить!

— Это вы все для этого Андрея хотите запречь себя—я знаю, а, ей-Богу, онъ не стоитъ того...

— Сукинъ сынъ онъ!—сказалъ Миронъ.

— Вотъ видите, а вы... плюньте на него, чортъ съ нимъ! Будете на него свои силы тратить!

Миронъ только рукою махнулъ.

— А какъ же мы, отецъ, безъ васъ будемъ?—вставилъ свое Иванъ.

— Буду заходить,—коротко отвѣтилъ Миронъ.

Марина замѣтила, что ея слова дѣйствовали на свекра, и продолжала доказывать, что не стоитъ изъ-за денегъ для зятя свою спину нагинать, что не стоитъ ему денегъ давать, все равно спуститъ, и что самъ Андрей не стоитъ мизинца отца и будетъ потомъ имъ заработанныя деньги пускать на вѣтеръ...

— Конечно, будетъ,—застоналъ Миронъ, точно ему кто больное мѣсто прищемилъ,—самъ все знаю!

Но все-таки нанялся работникомъ, выслужилъ годъ и деньги отдалъ Андрею (то-бишь—не Андрею, а тѣмъ людямъ, которымъ долженъ былъ Андрей) и огорода ему прикупилъ, однимъ словомъ, поддержалъ зятя. Оксана повеселѣла.

Было и не только то, что Миронъ нанимался, чтобы спасти зятя,—онъ помогалъ ему всѣмъ, что только имѣлъ: онъ своими лошадьми оралъ, боронилъ и возилъ имъ хлѣбъ; онъ давалъ имъ зерно на посѣвъ и муки, когда у нихъ не хватало; давалъ мелочью денегъ Оксанѣ: на соль, мѣлъ, керосинъ, мыло; давалъ

овощи, лѣсъ, солому, камышъ; на ярмаркахъ покупалъ платки, на платья; поправлялъ крышу, строилъ амбаръ, ворота, плелъ плетень... Чего, чего только не дѣлалъ! Оксана такъ и привыкла: какъ чего нѣтъ—сейчасъ къ отцу. Онъ непремѣнно дастъ; если бы еще Марина не гремѣла, для нея не было бы ни въ чемъ отказу; все, что принадлежало Мирону, принадлежало Оксанѣ. Это Оксана знала съ самаго ранняго дѣтства и брала такъ, какъ будто иначе и быть не могло, брала, не говоря: «спасибо». Казалось бы, что могло быть общаго между отцомъ и дочерью? То, что между птичкой и камнемъ, то, что между вѣткой и травой: птичка летаетъ, вѣтка развѣвается свободно, а камень и трава прикованы къ землѣ.

Правда, для Оксаны Миронъ былъ «немножко» и матерью, потому что онъ ее самъ, послѣ смерти жены, соской выкормилъ. Такъ что же? А все-таки дочь въ семьѣ для того, чтобы когда время придетъ, она вырвалась изъ родительскихъ рукъ и, какъ паръ изъ бани въ двери, уйти изъ дому; слѣдовательно, не слѣдуетъ къ ней привыкать: никогда она стараго отца не будетъ кормить, въ чужой семьѣ будетъ работать и угождать, о своей и забудетъ. Своя семья у нея—новая семья, свое горе, своя радость и не пристало мужчинѣ о дочкѣ жалѣть, потому что она таки для него чужая, какъ звѣздочка на небѣ. Другое дѣло сынъ—этотъ тоже мужчина, такъ же работаетъ, такъ же думаетъ, такъ же на все смотритъ, какъ онъ самъ.

Одинъ Миронъ такъ держится своей дочери и страшно скучалъ, когда замужъ отдалъ, и хотя онъ не умѣлъ съ ней разговаривать, но любилъ слушать ея разговоры и все говорилъ: «а ну! ну, говори». Для него безъ ея смѣху и пѣсенъ точно солнышко не грѣло; такъ и подмывало его пойти посмотрѣть, услышать, что̀ она дѣлаетъ, какъ ей. Такъ подмываетъ земледѣльца пойти посмотрѣть, цвѣтетъ ли жито, наливается ли колосъ...

Быть можетъ, она была для него такъ дорога, потому что была очень похожа на мать, а покойную жену Миронъ такъ помнилъ, что второй разъ уже не женился и всегда говорилъ: «первый кусокъ хлѣба вкуснѣе». Говорятъ, будто она ждала его три года послѣ того, какъ они были обручены,—три года, пока не поженились; въ настоящее время это диковинка, такъ какъ парни сватаются къ первой попавшейся, а дѣвушки выходятъ, когда наскучитъ имъ гулять, за перваго, который посватаетъ.

Возможно, что Миронъ любилъ Оксану и за то, что ему нужно было помогать ей; сыновья сами по себѣ могутъ устро-

иться, а она, какъ былинка, безсильна—нужно ее поддержать; можетъ быть, онъ такъ любилъ ее потому, что у него отняли ее или—лучше сказать—она сама себя отняла у него, такъ какъ она по собственному желанію вышла за Андрея. Не такого зятя желалъ Миронъ; не хотѣлъ отдавать Оксану за такого парня: и сердился, и бранился, и бить собирался, но ничего не помогло: Оксана упорно хотѣла идти за него. Миронъ уступилъ, сыгралъ самъ свадьбу и корову, и овечекъ, и поросенка подарилъ на новое хозяйство. Нужно было ему такъ поступить, какъ тотъ мужикъ, который привязалъ дочку косами къ возу жениха,—котораго самъ же и выбралъ, такъ и на вѣнчанье поѣхали; но Миронъ не привыкъ бить Оксану, развѣ когда маленькая была, да и то больше натопаетъ, накричитъ и только. И не могъ онъ долго на нее сердиться, потому что она, какъ увидитъ, что отецъ золъ, сейчасъ же шуточкой, гримасочкой и отвернетъ его сердце, точно клещами винтъ, и онъ долженъ засмѣяться и перестать сердиться.

— Пусть же она отца не винитъ,—говорилъ Миронъ,—сама выбрала—пусть и живетъ, какъ знаетъ: видѣли очи, что покупали... А мнѣ что! Такъ онъ говорилъ, а самъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что у Оксаны такой мужъ, который, въ сравненіи съ ней, какъ керосинъ вонючій въ сравненіи съ молокомъ, точно болото въ сравненіи съ ключевой водой. Онъ не любилъ видѣть его сѣрыхъ, выпуклыхъ глазъ, его красныхъ, мягкихъ губъ и поэтому настаивалъ, чтобы Оксана сама приходила къ нему, а самъ онъ рѣдко заходилъ къ нимъ въ хату, несмотря на то, что Андрей сильно къ нему подлизывался.

— Хоть бы онъ былъ красивѣе, хоть бы онъ былъ умнѣе,—думалъ Миронъ и не разъ говорилъ Оксанѣ и шутя, и со злостью: «не вѣрь ему, онъ лгунъ!» Только Оксана заступалась за него и тутъ же старалась доказать, что это невѣрно. Тогда Миронъ раскаивался въ своихъ словахъ и думалъ: Да развѣ я хочу ихъ разлучить! Нѣтъ, нѣтъ! Пусть ужъ ихъ живутъ съ миромъ!

Однажды Оксана прибѣжала встревоженная, говорила, что Андрей опасно заболѣлъ и что нужно позвать ворожею изъ другого села, которая, говорятъ, очень помогаетъ. Миронъ не удержался и сказалъ: «А плюнь ты на него, оставь!»

— Ахъ, нѣтъ, родненькій, отецъ мой... Такъ стонетъ, такъ стонетъ, Господи! Еще умретъ! Поѣзжайте, отецъ, скорѣе...—Она кланялась ему до земли и тянула изъ хаты запрягать лошадей.

Мирону стало жалко дочери, когда онъ увидѣлъ ея слезы;

только подумалъ онъ, что его, стараго, она никогда такъ не пожалѣетъ—и не хотѣлось ему ѣхать. Она замѣтила это и начала рыдать: «ой, Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать?» Схватила себя за голову и побѣжала.

— Куда ты?—крикнулъ отецъ.

— Попрошу у Степана (ея старшій братъ) лошади, если дастъ...

— Дура, развѣ не видишь, что я самъ ѣду?...—разозлился Миронъ.

Такъ и поѣхалъ и привезъ ворожею и спасъ зятя отъ смерти.

Очень тяжело было Мирону, когда онъ сталъ замѣчать, что Оксана становится не такой веселой, какъ была прежде—она, точно ощипанный цвѣтокъ—вяла: съ одной стороны, угнетала ее бѣдность, съ другой то, что у нея была свекровь злая—напосѣдала на нее, какъ коршунъ на цыпленка. Вышла она замужъ весною, а лѣтомъ уже нужду узнала—прошлогодняго хлѣба у нихъ не хватило, скота не было, печь валилась, хата разваливалась. Свекровь всѣмъ была недовольна: хлѣбъ вчерашній, не свѣжій, она тотчасъ губы надуетъ, бросаетъ кусокъ на столъ. Но это еще небольшая бѣда—отецъ помогалъ. Бѣда въ томъ, что Оксанѣ пришлось страшно работать—все одна и одна. А она была изнѣжена: на полевыхъ работахъ никогда не бывала, выросла въ роскоши, служила только на табачныхъ плантаціяхъ; заработанныя деньги тратила всѣ на себя, на красивую одежду; теперь все это изнашивалось и рвалось на работѣ, а новаго ничего ей не покупали: не за что было—вотъ до чего дошло. Тяжело это было, тѣмъ болѣе, что не проходило дня, чтобы не издѣвалась надъ ней свекровь. Это была еще не старая женщина (у нея было трое малыхъ дѣтей, кромѣ Андрея), скупая и злая. Цѣлыми днями она поѣдомъ ѣла Оксану, потому что хотѣла ей «носъ утереть», чтобъ не гордилась, что у нея отецъ богатый, что сама молода и красива; придерется къ ней, кто ее знаетъ, за что и начнетъ терзать ее, ругать. Ругалась она ужасными словами, еще и передъ иконами бывало кляла и Оксану, и отца, и мать, и своего родного сына, котораго будто бы Оксана приворожила къ себѣ. Что бы Оксана ни сдѣлала, все не такъ: сваритъ она борщъ, то—почему несоленый, то—почему сырой, мутный, почему сбѣжалъ? и начинается ругань.

Оксана стала прислушиваться къ словамъ Марины, перестала плакать, потомъ начала отвѣчать и наконецъ совсѣмъ

повеселѣла, засмѣялась и убѣжала домой къ ребенку. Когда она уходила, Иванъ сказалъ ей:

— А мы отца упросимъ, онъ все сдѣлаетъ, не бойся, только бы ты не горевала.

Марина едва не обругала его тутъ же, а когда Оксана ушла, она строго сказала ему:

— Нечего тебѣ приставать къ отцу—онъ и самъ знаетъ, что дѣлаетъ; если онъ не желаетъ дѣлаться мошенникомъ—не для чего его подбивать на это. Видно, ужъ очень надоѣлъ ему этотъ негодяй, если онъ отъ него отказывается!

— Ну, и пусть его, какъ знаетъ—мнѣ что? Вотъ только Оксану жалко!

— Онъ самъ знаетъ, что дѣлать, — еще разъ сказала Марина. — Ну, будемъ обѣдать сами—для него я поставлю въ печь.

Тетянка начала разспрашивать: «Чего это тетка плакала. Развѣ у нея что болитъ? Дѣдъ же ее не билъ».

— Матери твоей чортъ, ты ничего не умѣешь, ты и такая, и сякая, и вонъ изъ моей хаты!.. Бей ее, Андрей!.. А ты, чертовка, приворожила его. Говори, чѣмъ ты приворожила его, сука? Чтобъ ты сбѣсилась, чтобъ тебѣ добра не было, чтобъ тебя скрутило! Чтобъ тебя...—Нѣтъ возможности переслушать всего: какъ жорна на мельницѣ, она безъ конца проклинала, попрекала, ругалась, пока не утомится. Правда, она не совсѣмъ напрасно нападала на Оксану, потому что Оксана мало что въ хозяйствѣ понимала, но только зачѣмъ она такъ свирѣпствовала, такъ страшно ругалась, вмѣсто того, чтобы показать или разсказать—бранила за всякую мелочь: хоть бы за то, зачѣмъ поставила горшокъ не на полку, а на лавку? Научила и дѣтей своихъ называть ее «сучкой». Подуськивала Андрея бить ее. Сначала Оксана не обращала на это вниманія, смѣялась, дѣлала по-своему, или сама отвѣчала рѣзко, бранилась; но потомъ стала грустить, плакать и чувствовать холодъ внутри себя, какъ человѣкъ, который зимою, среди бѣлаго дня, замерзаетъ. Оксанѣ трудно было признаться, что иной разъ свекровь и правду говорила, что она, Оксана, дѣйствительно ничего не умѣетъ дѣлать—и руки опускались у нея, а свекровь, замѣтивши это, сейчасъ и накидывалась на нее:

— А ну-ка, какъ ты это сдѣлаешь? А ну, ну, какъ ты сама будешь печь булки, посмотрю. Вотъ же ничего не скажу, ни словечка—дѣлай сама, какъ знаешь!

— Зачѣмъ вы издѣваетесь надо мной,—крикнетъ Оксана, какъ сумасшедшая, и въ слезы.

Болѣе всего было обидно Оксанѣ, что была она у свекрови «неспособной»; когда же она работала на табачныхъ плантаціяхъ, всѣ ее называли ловкой и быстрой, а здѣсь—на-тебѣ—неспособна! Сама Оксана замѣчала, будто она и въ самомъ дѣлѣ «неспособна», потому что вязать снопы за мужемъ не поспѣвала, хлѣбъ то жидко, то густо замѣситъ, то горшокъ толкнетъ и разобьетъ,—тогда бѣжитъ она къ отцу и тихонько выпрашиваетъ у него горшокъ, и отецъ, тайкомъ отъ Марины, вынесетъ и дастъ завернутый въ тряпку горшокъ. Сначала Марина понять не могла, гдѣ дѣваются ея горшки,—не въ чемъ борща сварить, но скоро догадалась, разозлилась и сказала отцу:

— Въ чемъ же это я варить буду?..

— Вотъ погоди—я тебѣ новые куплю—не бойся!—отвѣтилъ ей Миронъ.

Тутъ Марина осмѣлѣла и проворчала: «Да купите—знаю я васъ, а потомъ и снова раздадите».

Самъ Миронъ чувствовалъ, что нехорошо раздавать такъ свое добро, и жалко было ему Марины—онъ видѣлъ, что больно было ей со своимъ добромъ разставаться, но что̀ подѣлаешь? вѣдь и Оксанѣ нужно помочь. Миронъ точно у себя самого воровалъ! Воровалъ онъ и у сына, и у невѣстки, и у ихъ дѣтей, и было ему не по себѣ, и онъ, точно примерзлое дерево, скрипѣлъ и сгибался, а все-таки не могъ иначе поступать, какъ не можетъ подсолнухъ не тянуться къ солнцу.

Не хотѣла Оксана, чтобы люди знали, какъ она, по своей доброй волѣ, отдала себя въ кабалу, и долго пряталась отъ людей и не жаловалась никому на свою свекровь, такъ какъ была такъ же горда, какъ и ея отецъ. Сначала она и ему не хотѣла разсказывать про ея злую долю, но онъ самъ догадывался; хотя онъ бывалъ очень рѣдко у дочери, и свекровь при немъ не осмѣливалась ругаться, но онъ сталъ замѣчать перепуганные глаза и поблѣднѣвшее личико дочери и однажды спросилъ, почему это она такая печальная ходитъ. Тутъ Оксана не выдержала и со слезами все разсказала.

Съ тѣхъ поръ началъ онъ ее еще больше жалѣть и думать, какъ бы ее спасти; а она начала приходить къ нему, чтобъ поплакать и пожаловаться, тайкомъ, такъ какъ не хотѣла, чтобы Марина видѣла ея слезы. Марина не совѣтовала ей идти замужъ за Андрея, потому что онъ бѣдный, теперь же она никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что ихъ добро переходитъ отъ нихъ къ Оксанѣ, и начала смѣлѣе покрикивать на свекра. Одинъ разъ, когда, вмѣсто полнаго мѣшка муки, оказалась по-

ловина, она сердито сказала отцу: «Такъ можно и все хозяйство перетаскать. Все носить и носить, скоро и самимъ ѣсть будетъ нечего»...

Миронъ не огрызнулся, не разсердился, а молча вышелъ изъ хаты. Онъ теперь сдѣлался гораздо болѣе тихимъ и все прятался со своей дочерью; чаще всего она приходила къ нему вечеромъ и тихонько разговаривала съ нимъ на дворѣ.

Миронъ, бывало, спроситъ:—Ну что?..

— Да что,—отвѣтитъ Оксана,—снова грызла меня за то, что я какъ-то борщъ опрокинула... Ругаетъ и меня, и васъ такъ, что не дай Богъ!..

— Да!—говоритъ Миронъ,—надо бы это какъ-нибудь... вотъ я подумаю...—Потомъ завязывалъ онъ ей въ платокъ, что ей было нужно, и она уходила домой. Теперь Миронъ не переставалъ обвинять себя въ томъ, что позволилъ Оксанѣ выйти за Андрея: нужно было хоть за косы привязать, но не пустить.

* * *

Одна только радость нашлось у Оксаны: родился у нея мальчикъ. Назвали его, какъ и дѣда, Мирономъ. Старый Миронъ былъ увѣренъ, что внукъ совершенно былъ похожъ на него, хотя по красненькому, какъ бурачокъ, личику, ничего еще нельзя было разобрать. Андрей тоже думалъ, что сынъ совсѣмъ въ него; а Оксана знала, что ея Мирончикъ, или Мирось, или Мирокъ, или еще какъ-то, ни на кого не похожъ, развѣ только на свою мать! Ну, и задалъ же пиръ дѣдъ Миронъ въ день рожденія внука—на славу: цѣлое ведро водки поставилъ,—вѣрно, гдѣ-то въ займы денегъ взялъ. Всѣхъ родичей собралъ на этотъ праздникъ. Былъ тутъ и старшій братъ Оксаны, Степанъ, мрачный, большой черноволосый человѣкъ съ нахмуренными бровями, похожій на отца; онъ мало говорилъ, но много пилъ и все придерживалъ свою не въ мѣру болтливую жену Домаху. Это была тоже здоровая, красивая молодая женщина, смуглая, какъ цыганка; она постоянно ходила въ красномъ и повязывала голову краснымъ платкомъ, такъ что напоминала горящій уголь въ печкѣ. Говорили, что она воровка—подозрѣвали ее, когда гдѣ что-нибудь пропадетъ: рубаха ли, или что другое; въ хатахъ, гдѣ она бывала, ее остерегались: прятали тотчасъ соль, мыло, мѣлъ. Правда, поймать ее удалось только разъ, когда она была еще дѣвушкой, когда она на панскомъ дворѣ украла окорокъ, а потомъ была очень хитра и не попа-

далась. За окорокъ посадили ее въ «холодную»; ну такъ что жъ! Отсидѣла, и только; ни капельки не было ей стыдно: она, какъ и до того, ходила по селу, точно королева, такъ же одѣвалась, такъ же весело смотрѣла людямъ въ глаза; она любила погулять, потанцовать, говорила много, быстро, сыпала словами, точно горохомъ, такъ что не кончала еще одного, какъ у нея вылетало другое—третье; потому-то мужъ ея все придерживалъ ее, какъ молодого коня за уздечку. Зналъ ли онъ или не зналъ, что его жена воровка. Неизвѣстно! Вѣроятно, зналъ, потому что всѣ знали; только хотя онъ и зналъ, но покрывалъ ее (была она за нимъ, какъ за каменной стѣной) и, хотя самъ и чужой нитки не трогалъ, вездѣ за нее заступался и изъ избы сору не выносилъ; такъ же молчалъ онъ и о томъ, что жена его нечистоплотна, что за дѣтьми плохо присматриваетъ и не работница. Степанъ и отцу своему никогда ничего не говорилъ о своемъ неладномъ житьѣ, а на вопросы—правда ли то, что люди болтаютъ, онъ отвѣчалъ: «Ложь, и больше ничего! Развѣ вы не знаете людей: злѣе змѣй». Такъ что и Миронъ думалъ, что Степану живется ничего себѣ—хорошо. Теперь Домаха, подвыпивши, разошлась, пустилась въ плясъ, запѣла:

«Такой, такой журавль», выкрикивая: «Ухъ, охъ, охо-хо. Ги-ги-ги!..»

— Да будетъ тебѣ, — удерживалъ ее мужъ, искоса поглядывая на гостей.

Степанъ, сколько бы ни пилъ, никогда не пьянѣлъ и все понималъ.

Домаха и не думала слушать его и затянула новую пѣсню: «Ой, кто пьетъ, кто не пьетъ, а мы будемъ пить»...

За столомъ сидѣла мать Домахи—сухая, маленькая старуха, повязанная до самыхъ глазъ черным платкомъ съ красными запалыми щеками и маленькими глазками; сидѣла она тихонько, со сложенными на груди руками, а глаза ея такъ и впивались въ каждаго: хорошо она присматривалась ко всему, чтобы потомъ судачить—что и то, и то было не такъ, что тотъ сказалъ такъ, а этотъ—этакъ—она была хитрая, съ злымъ языкомъ женщина. Не она ли и подглядывала, гдѣ что плохо лежитъ, чтобъ дочь ея могла воспользоваться? У нея только и была одна эта дочка, а мужъ и другія дѣти поумирали; потому она жила съ Домахой душа въ душу и Степана между собою осуждали и частенько не слушали его.

Бывало, Корнѣиха, мать Домахи, скажетъ: «м. м..., развѣ такъ дѣлаютъ»? и потребуетъ, чтобы Степанъ отдалъ ей отчетъ,

куда и сколько денегъ истратилъ. Домаха, конечно, поддерживала мать; если же Степанъ о чемъ-нибудь заговоритъ съ Домахой, мать непремѣнно вмѣшается: «о чемъ это, что такое». Все ей нужно знать. Степанъ молчитъ, молчитъ, а потомъ, какъ крикнетъ: «Матери вашей чортъ! а чтобъ вы пропали! Вотъ брошу и уйду... Дѣлайте, что знаете!» Тогда онѣ обѣ попритихнутъ, нѣсколько времени не трогаютъ его.

Такъ-то теперь сидѣла Корнѣиха тихо и тщательно наблюдала за другой золовкой Оксаны, Маріей, женой ея средняго брата Егора, которая была такая же веселая, какъ и Домаха. Она любила, чтобы на нее люди смотрѣли, ей нравились чужіе мужья, особенно же парни, и за это ей постоянно доставалось отъ Егора—онъ часто и сильно билъ ее, разъ чуть-было даже не убилъ. Она бросала его и убѣгала отъ него, но онъ не могъ безъ нея обойтись: всякій разъ упроситъ ее, и она вернется къ нему, будто и въ самомъ дѣлѣ она ему нужна. Дѣтей у нихъ не было—трое умерло, а больше не было. Вернувшись къ мужу, она опять начинаетъ гулять, ходить на музыку, качели, точно дѣвушка; бывало, сниметъ повязку съ головы передъ парнями—ея пышные волосы такъ и разсыпятся по спинѣ, какъ золотая паутина, всю ее покроютъ, она была небольшого роста,—и вотъ она смѣется, заливается и никто не можетъ удержаться, чтобы и самому не смѣяться съ нею—самъ бы Егоръ засмѣялся, если бы увидѣлъ. Егоръ, какъ и отецъ, какъ и всѣ Чайки, былъ здоровый, высокій, черноволосый, и Марія, быть можетъ, тѣмъ и приворожила его къ себѣ, что была совсѣмъ не такая: маленькая, бѣленькая, какъ кусочекъ творогу.

Егору бывало и стыдно за свою жену, когда она начинала куралесничать: пила за чье-нибудь здоровье, или дѣлала что-нибудь неподходящее, онъ краснѣлъ, краска разливалась по всему его лицу, но разстаться съ ней, какъ это дѣлаютъ другіе, онъ не могъ, хотя отецъ не разъ говорилъ ему: «Плюнь ты на нее, чортъ съ ней! Хочетъ идти, ну и пусть идетъ!»

У Маріи не было ни отца, ни матери, а сестры—дѣвушки—продали свои кусочки земли Егору и сами отправились въ городъ служить. Это тоже было цѣлое несчастье, когда какая-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ провѣдать сестру: онѣ разсказывали ей всякія глупости о городѣ и сбивали ее совсѣмъ съ толку: она начинала уже въ разговорѣ употреблять «городскія» слова, надѣватъ «кохту», какъ ни смѣялись надъ ней люди, какъ ни билъ ее ея мужъ. Онъ же колотилъ ее такъ, какъ выколачиваютъ подсолнухъ, пока не выпадутъ всѣ зерна; она же, пови-

димому, не была на него зла за это, потому что, если бы это было такъ, то она давно прогнала бы его изъ своей хаты; она же только сама убѣгала отъ него, оставляла хату и все. Очень хотѣлось ей въ городъ, но Егоръ рѣшилъ, что, пока онъ живъ, этого не будетъ, а что Чайки рѣшили разъ, того не измѣнитъ никто, и вотъ у нихъ каждый почти день происходили ссоры—Марія хочетъ уходить и кричитъ: «Кто смѣетъ меня удерживать? Я такъ же свободна, какъ и ты»,—а онъ ее въ ухо—разъ, по затылку—два.

— Она: «Никого я не боюсь, кромѣ Бога! Прочь, отстань, я такой же человѣкъ, какъ и ты!» а онъ ее еще—трахъ, трахъ, тогда она убѣгаетъ, какъ молнія, черезъ огородъ, черезъ болота далеко-далеко, пока станетъ не слышно его; а на другой день онъ идетъ искать ее, проситъ у нея прощенія, пока не вернетъ ее домой, а тамъ черезъ нѣсколько дней опять бьетъ ее, потому что ему досадно, что онъ просилъ у нея прощенія. Совѣтовали ему отецъ взять себѣ какого-нибудь мальчика за сына, такъ какъ нельзя человѣку въ старости остаться безъ помощи, но онъ не послушался его, хотя вообще повиновался отцу. Совѣтовали и Маріи выгнать Егора изъ хаты, но она тоже не соглашалась, говоря: «Онъ все-таки добрый!—другой, быть можетъ, и убилъ бы меня».

Впрочемъ, иногда, помирившись, они и цѣлую недѣлю поживутъ мирно—тогда просто любо смотрѣть на нихъ: вездѣ вмѣстѣ, не наглядятся одинъ на другого, улыбаются. Вотъ и теперь—Марія танцовала, а Егоръ, взявши голову обѣими руками, точно чтобъ она не свалилась у него съ плечъ, смотрѣлъ на жену и больше ни на кого своими большими, затуманенными отъ водки глазами.

Кто же еще былъ тамъ? Разумѣется, была Марина съ мужемъ. Она не была весела, потому что еще до сихъ поръ не придумала, какъ бы отвлечь отца отъ Оксаны, и сердилась на мужа, который утѣшалъ ее тѣмъ, что все пойдетъ иначе, когда отецъ умретъ, а пока, что—нужно терпѣть. Теперь ей еще болѣе досадно стало, что отецъ на родинахъ у Оксаны былъ такой счастливый, точно деньги нашелъ, улыбался всѣмъ, сталъ такой щедрый—подарилъ Оксанѣ и ягненка, и теленка, и подчеркнулъ это, точно на стѣнѣ углемъ намѣтилъ, приговаривая и держа Оксану за рукавъ: «Если понрравится—возьмешь, если не понрравится, то я оставлю себѣ».—«Спасибо вамъ, отецъ!» отвѣчала она, а онъ опять: «только если понрравится... то возьми; а если не пон...ррр...» и такъ тянулъ это ррр, точно

возъ грохоталъ, а потомъ крикнулъ: «А ну-ка, господа, къ ведерку!» Большая половина гостей послѣдовала за нимъ.

Марина вернулась домой злая: она узнала тамъ, сколько отецъ жалованья на службѣ получаетъ—онъ отъ нихъ скрывалъ и теперь, пьяный, кому-то проговорился.

— Ну, и хитрый же отецъ!—засмѣялся Иванъ, тоже подвыпившій.

— Плохо, что ты не такой!—сказала Марина.

— Какой?

— Дуракъ!—отрѣзала она.—И кто тамъ зарится на его деньги? Прячется!—сказала со злостью она—все для своей Оксаны—вотъ сокровище! А когда ты просилъ купить вторую лошадь, чтобы почту возить, такъ нѣтъ»!—Она повернулась къ мужу, а онъ уже спалъ, положивъ свою красивую голову на столъ.

— Ну, ужъ ты!—проговорила Марина и начала приготовлять постель.

Отецъ вернулся домой поздно. На другой день ходилъ хмурый: любилъ онъ погулять, выпить, не жалѣлъ денегъ, но на другой день сердился на себя, что деньги истратилъ и не могъ работать, какъ слѣдуетъ—въ головѣ шумѣло; но это не мѣшало ему при первомъ удобномъ случаѣ и пить, и гулять. Сынъ же его совсѣмъ плохо переносилъ водку.

* * *

Очень утѣшалась Оксана своимъ ребеночкомъ. Окрестили его, какъ сказано, Мирономъ. Кумой была Марья, жена Егора. Андрей имѣлъ въ виду, что она бездѣтна и богата, а Оксана ее просто любила больше другихъ своихъ золовокъ; кумомъ былъ тотъ человѣкъ, у котораго Андрей деньги въ займы бралъ и съ которымъ помирился. Мирончикъ казался своей матери краше всѣхъ дѣтей, которыхъ она на своемъ вѣку видѣла, и главное—то, что «оно такое малюсенькое, ой! такая же крохотка и все у него такъ, какъ у людей, даже ногтики на маленькихъ ручкахъ есть»!..—Правда, Оксана не очень-то знала, какъ съ нимъ обращаться, часто совсѣмъ, было, измучится, пока пойметъ, что ему нужно; часто обкармливала его такъ, что ему было вредно, потому что ей казалось, что, если онъ плачетъ, значитъ, ѣсть хочетъ; часто безъ толку рыдала надъ нимъ, когда ребенокъ былъ нездоровъ, вмѣсто того, чтобы придумать, какъ ему помочь,—она сама же его простуживала, когда прибѣгала съ рѣки холодная прямо къ нему,—но все-таки оно больше утѣ-

шенія ей приносило, нежели горя. А сколько радости было, когда оно въ первый разъ: «ба, ба, дя, для» сказало. Все было разговариваетъ съ нимъ, точно со взрослымъ. Оно уставитъ на нее глазки, играется съ монистомъ, а она ему: «нужно намъ лошадку купить! Не правда ли? золото мое, солнышко, карапузикъ! Поѣдемъ на ярмарку, соколикъ, воробышекъ мой, сапожокъ мой (она давала ему названія всевозможныхъ предметовъ, созвучія которыхъ ей нравились). Вотъ прикупимъ кусочекъ огороду, табачку посѣемъ... теперь, знаешь, намъ нужно лошадку—въ хозяйствѣ нельзя безъ лошадки. Да? Такъ? мой му-му-мусенькій», и начнетъ цѣловать своего мумумусенькаго. Даже свекровь усмѣхнется, слушая ее, а все-таки скажетъ:

— Дура, развѣ дитя понимаетъ что?

— Конечно, понимаетъ,—отвѣтитъ Оксана сердито и не обернется, все продолжаетъ разговаривать съ мальчикомъ. Мирончикъ начнетъ и себѣ лепетать—для, для, ло, ла, ма, ма...

— Что, мой миленькій, мой соловушка? Хочешь къ дѣду? Дѣдъ намъ денегъ далъ, дѣдъ насъ спасъ, дѣдъ намъ гостинца дастъ...—Закутаетъ ребенка въ кофту и бѣжитъ къ отцу хвастать, какъ много уже дитя говоритъ.

— Вотъ послушайте, отецъ, послушайте (дитя лепечетъ свое: Балаоо, дай, лаб), это онъ говоритъ, что хочетъ ѣхать; лаб это у него налѣво. Какой умный! Ой, Боже мой, какъ онъ ручки протягиваетъ.—Оксана опять начинаетъ его цѣловать такъ, что дитя заплачетъ отъ досады, тогда она пугается:—Болитъ, болитъ? О! мама больно сдѣлала, бѣдненькій мой, голубчикъ! и опять цѣлуетъ его, ищетъ больное мѣсто, котораго не существуетъ. Дѣдъ смѣется, и Оксана смѣется. Снова привыкаетъ она смѣяться. Правда, она и прежде изрѣдка, между попреками свекрови и плачемъ, иной разъ бывало такъ засмѣется, что эхо пойдетъ по хатѣ, но это случалось рѣдко—только тогда, когда она забудетъ о своей бѣдности; теперь она стала равнодушна ко всему, лишь бы дитя было накормлено, было здорово и не кричало, хотя и теперь, какъ прежде, свекровь ее поѣдомъ ѣла, каждый день, каждый часъ, каждую минуту попрекала, проклинала, ругала и слова ея такъ ровно и часто чередовались, какъ капли дождя осенью. Оксанѣ казалось, будто свекровь желѣзные обручи ей на голову набиваетъ, или гвозди вколачиваетъ: «тукъ, тукъ, тукъ», или цѣпомъ колотитъ ее не переставая. Оксана уже не разбираетъ словъ, только въ сердцѣ и головѣ у нея стучитъ. Хоть бы она на мгновеніе умолкла. Такъ нѣтъ же! Иногда бывало Андрей заступится за жену и скажетъ: «Да

будетъ вамъ, мама! Зачѣмъ вы ее такъ грызете?»—тогда она на него набросится: «Ахъ ты, такой-сякой сынъ, противъ матери идешь. Почему ты ее не бьешь, почему? Чтобъ тебѣ глаза вылѣзли, чтобъ»... и пошла и пошла. Она также даже и на своихъ дочерей нападала. Иной разъ, бывало, выгонитъ Оксану изъ хаты ночью, когда Андрея не бывало дома, и та простаивала подъ хатой, или подъ навѣсомъ, пока свекровь не заснетъ. Попробовала было старуха и къ маленькому Мирону придраться, только Оксана, схвативъ ножъ, крикнула: «Если вы мнѣ сейчасъ не замолчите—я брошу!» И свекруха замолчала.

Да! Теперь злость свекрухи не такъ-то уже пронимаетъ ее: свекровь заведетъ свое, а она начнетъ разсказывать сказки своему Мирончику о волкѣ, лисичкѣ и другія изъ своей головы: какъ соловей съ кукушкой поспорили, чей голосъ красивѣе, а ихъ обоихъ кошка поймала, пока они пѣли, и придушила ихъ... Вотъ такъ сочиняетъ Оксана и Мирончика, и себя тѣшитъ, только бы не слышать брани, только бы было веселѣе.

* * *

Оксана рѣдко заходила въ хату отца, когда была дома Марина, но вотъ однажды прибѣжала. Они сидѣли за обѣдомъ. Она, не поздоровавшись съ отцомъ, бросилась на колѣняхъ къ отцу и, задыхаясь, проговорила:

— Пожалѣйте, смилуйтесь!

— Что тамъ такое? Можетъ быть, дитя заболѣло, что ты прибѣжала?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отецъ, это Андрей...—Оксана запуталась:—Онъ хотѣлъ, онъ просилъ, чтобы вы... онъ просилъ о деньгахъ... чтобы вы заступились.

Миронъ сдѣлался страшнымъ, вскочилъ изъ-за стола, точно за горячее желѣзо схватился, и крикнулъ: «Пусть его отецъ съ ума сходитъ! Я же ему не товарищъ!» Онъ хотѣлъ уйти, но Оксана уцѣпилась за него: Спасите же насъ, отецъ!

Онъ вырвался и снова крикнулъ:

— Чтобы я за сто рублей мошенникомъ черезъ него, собачьяго сына, сталъ! Никогда я мошенникомъ не былъ... Сколько чужихъ денегъ черезъ мои руки прошло, а тутъ... Да будьте вы всѣ прокляты!—и вышелъ изъ хаты. Оксана упала на лавку и горько заплакала. Дѣти притихли. Грицко смотрѣлъ на Оксану, не переводя глазъ, а Тетянка сидѣла, точно застыла съ открытымъ ротикомъ: они никогда не видѣли, чтобы тетка Оксана такъ плакала, чтобы дѣдъ такъ на нее кричалъ. Иванъ началъ утѣшать

сестру:—«Это отецъ только такъ, онъ все сдѣлаетъ, не плачь, будетъ!» Она не слушала и все повторяла: «Горькая моя судьба, горькая!» и все плакала, точно этотъ разъ она хотѣла все свое горе разомъ выплакать, точно кто отперъ всѣ замки, которыми она запирала свое горе отъ чужихъ глазъ, точно теперь ей уже было свободно плакать.

Марина была поражена: никогда она ее такой не видѣла, какъ не видѣла черной розы. Дѣвушкой Оксана была всегда веселой, смѣшливой: когда бывало захочетъ, всякаго разсмѣшитъ, начнетъ всѣхъ передразнивать или сочинять пѣсни. Марина еще и теперь помнила одну изъ ея пѣсенъ:

Онъ голубемъ сизокрылымъ надъ нею вьется,
Она смотритъ на него, смотритъ и смѣется.
Онъ барвинкомъ передъ нею на землѣ ложится,
Она смотритъ на него, смотритъ и смѣется.
Былинкою передъ нею степовою гнется,
Она смотритъ на него, смотритъ и смѣется.

Вотъ такъ Оксана смѣялась—смѣялась надъ Андреемъ, когда онъ гостинцы, ленты носилъ, говорила, что онъ и «лохматый и нечесаный» и ротъ у него красный, а потомъ пошла за него замужъ и перестала смѣяться. Должно быть, не сладко ей живется, если такъ плачетъ. Марина слыхала отъ сосѣдей, какая свекровь у нея злая, но думала, что это неправда и кто—какъ же Оксану не бранить, если она ничего по хозяйству сдѣлать не умѣетъ; когда еще была дѣвушкою, придетъ, бывало, домой съ работы на табачной плантаціи, то ни за холодную воду не возьмется: или гулять идетъ, или шьетъ себѣ, прядетъ—приданое готовитъ; такъ ничему и не научилась; хоть Марина и сердилась на нее за то, что она не хотѣла ей помогать, а ей все равно; только: ха, ха, ха, да хи, хи, хи—даже Марину бывало разсмѣшитъ. Недаромъ отецъ ее «радугою» [1]) называлъ». Вотъ тебѣ и радуга!—подумала Марина и, подумавши такъ, начала успокаивать Оксану, а раньше ей казалось, что она вовѣкъ не проститъ ей то, что Оксана надъ ней потѣшалась.

— Не плачь, сестренка, ну же, не плачь! Вотъ что я тебѣ скажу: перемелется—мука будетъ; и ты не сокрушайся, потому что отъ скорби молоко въ грудяхъ матери пропадаетъ—такъ-то! А много ли зубковъ у Мирончика, сестрица? И кругленькій же онъ у тебя, какъ яблочко!..

---

1) Здѣсь игра словъ: Радуга по-украински: „веселка“.

— Онъ сказалъ: «проклятая душа», развѣ не слыхала?— спросилъ Грицко.

— Да, да, да,—сказала дѣвочка,—ну такъ что же? А что же у нея болитъ?

— Да замолчите—вы! прикрикнула на нихъ Марина.

Марина не переставала думать объ Оксанѣ. Увидѣвши, какъ Оксана плакала, она догадалась, что Оксана плачетъ не только отъ отцовскихъ словъ, она выплакивала свое горе, точно за одинъ разъ выливала свои слезы. Значитъ, люди правду говорили, что Оксанѣ плохо со злою свекровью, а пошла она за своего Андрея по своей волѣ. Отецъ же, какъ хмѣль кругомъ вербы, увивался возлѣ нея и не давалъ ее въ обиду никому. Такъ-то—не все Оксанѣ праздничекъ: вотъ теперь и искупается неправда Мирона, который тратилъ на нее добро Маринииыхъ дѣтей. Марина и радовалась, и въ то же время жалко ей было Оксаны, такъ какъ она была убѣждена, что теперь ужъ Миронъ отъ нея отступится—онъ же проклялъ и отрекся отъ нихъ, а назадъ онъ рѣдко беретъ свое слово... А какая веселая была Оксана! Самой Маринѣ показалась ихъ хата темнѣе и печальнѣе, когда отдали Оксану замужъ, точно одного оконца на улицу не стало въ хатѣ; дѣти тоже любили тетку Оксану и скучали за нею, потому что она ихъ баловала, ласкала и гостинцы имъ покупала.

* * *

Тѣмъ временемъ Миронъ, забывъ объ обѣдѣ, шелъ и шелъ берегомъ за огородами; неужели же ему мошенникомъ стать?! Дѣло, о которомъ Оксана намекнула, онъ хорошо зналъ. Онъ зналъ, что Андрей недавно взялъ у пана въ аренду землю для всего общества; зналъ, что Андрей обманулъ всѣхъ: потребовалъ отъ мужиковъ двѣсти рублей, отдалъ пану только сто: получилъ отъ него двѣ расписки въ одинъ и тотъ же день на двѣсти (по сто каждая), и сто себѣ въ карманъ положилъ—значитъ, одурилъ и пана, и мужиковъ. Теперь Миронъ догадывался, что Андрей хочетъ, чтобы онъ передъ людьми, которые выбрали Андрея «полномочнымъ», доказывалъ, что Андрей тѣхъ денегъ не бралъ себѣ, а отдалъ всѣ пану, хотя и говоритъ, что у него по книгамъ не хватаетъ.

— Нѣтъ—ни за что на свѣтѣ! Пропади ты.

Миронъ и раньше слыхалъ, что его зятя обвиняли, но не хотѣлъ вмѣшиваться, не думалъ, что Андрей Оксану будетъ къ нему присылать. Онъ оставлялъ его самому выкручиваться. Ми-

ронъ хорошо зналъ, сколько Андрей денегъ забралъ; хорошо зналъ, что тотъ панъ, у котораго землю взяли, не своихъ денегъ требовать не будетъ; но и хорошо зналъ, что Андрей такой человѣкъ, который не можетъ видѣть чужихъ денегъ, чтобы ихъ не прикарманить; онъ зналъ, что Андрей съ того дня, какъ взялся деньги собирать—забогатѣлъ: купилъ коня, приторговалъ корову, засѣялъ огородъ табакомъ, на лѣто дѣвушекъ нанялъ, чтобы «плантацію» его обрабатывали—на какія-то все это деньги? Все зналъ Миронъ, зналъ и молчалъ; въ душѣ негодовалъ на зятя, что на чужія деньги разживается, да надѣялся онъ, что Андрей сумѣетъ выкрутиться самъ: продастъ табакъ и выплатитъ. А оно вотъ какъ вышло! Андрей, значитъ, не признается, что онъ эти сто рублей истратилъ на себя и напустилъ Оксану на отца, чтобы онъ держалъ его сторону,—знаетъ, вражій сынъ, что онъ ей не откажетъ!..

— Какъ же,—помогу я тебѣ! Вотъ пойду и разскажу всему обществу все, что знаю,—сказалъ себѣ Миронъ.—Да и глупые же люди—сами не разберутъ—дали ли они сто или двѣсти руб. Андрею, никакъ не сосчитаютъ, а писарь, да еще два-три крикуна, которые выпиваютъ на его деньги, держатъ руку Андрея. Ну, постой же, выведу я тебя на свѣжую воду! Только... И зачѣмъ это я въ самомъ дѣлѣ такъ накричалъ на Оксану? Чѣмъ же она виновата, что тотъ чортъ ее ко мнѣ послалъ? Она и не понимаетъ ничего въ томъ, что происходитъ!.. Плачетъ, вѣрно!.. Вотъ у еврея въ лавкѣ я видѣлъ платокъ—пре-кра-си-вый! Да! Такъ что? Развѣ пойти на сходъ... объявить... сегодня же и праздникъ,—быть можетъ, уже и собрались тамъ. Да, да! Вѣрно, теперь и напали тамъ на него, что онъ прислалъ за мною... боится... за меня прячется... Постой же, чортовъ сынъ, я тебѣ покажу!.. А если онъ со злости начнетъ колотить Оксану, да... Охо, хо! Ну, что дѣлать? Идти, или не идти?.. Въ концѣ концовъ, Миронъ таки рѣшился итти и скоренько пошелъ на сходъ.

Когда его спросили: знаетъ ли онъ что-нибудь объ этихъ ста рубляхъ, онъ заявилъ, что знать — не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, но что, вѣроятно, Андрей не бралъ, а панъ могъ ошибиться, вѣдь выдалъ же онъ расписки на двѣсти рублей, а впрочемъ онъ не знаетъ... Всѣ были сбиты съ толку. Андрей повеселѣлъ и повелъ чуть не всѣхъ выпить по рюмочкѣ, а затѣмъ всѣ, не придя ни къ какому рѣшенію, разошлись.

Миронъ послѣ этого строго приказывалъ Андрею продать кусокъ огороду съ табакомъ и вернуть пану деньги, только

Андрей какъ-то позабылъ объ этомъ, къ тому же односельчане рѣшили собрать эти сто рублей и заплатить то, что требовалъ панъ, а потомъ и они забыли объ этой «исторіи».

Одинъ Миронъ не забылъ и думалъ: хорошо еще, что вражій сынъ хоть корову купилъ для Оксаны—будетъ молоко для ребенка, а то она все бѣдовала:—у Марины не урвешь! Миронъ сердился самъ на себя—цѣлую недѣлю ходилъ, какъ въ воду опущенный; онъ и въ корчмѣ, когда зять его и все общество угощалъ, сидѣлъ печальный и пилъ молча; но, подвыпивши, онъ заплетающимся языкомъ спрашивалъ:—Скажите—вѣдь я честный человѣкъ? О, для чести... я... Вѣдь я же... я... какой?

— Конечно, какъ же! Мы всѣ здѣсь честные люди,—подхватывалъ Андрей, наливая еще по рюмочкѣ, увиваясь возлѣ отца и затягивалъ пѣсню: «Компанія небольшая, зато честна!» Дальше пѣли пѣсни все въ томъ же родѣ: «Выпьемъ, кумъ, водочка хороша!» «Пропилъ воловъ, пропилъ возъ, пропилъ ярма, еще и стержни въ ярмахъ». Подъ конецъ въ тотъ вечеръ Миронъ-было нѣсколько повеселѣлъ, но на другой день ходилъ мрачный, какъ ночь. И было это до тѣхъ поръ, пока не нашелъ настоятельно необходимаго для себя занятія.

Давно уже онъ думалъ о томъ, какъ бы укротить свекровь Оксаны, но ничего не могъ придумать. Было бы лучше всего ей умереть—до какихъ поръ будетъ она Оксану изводить? Такъ вотъ же—не хочетъ умереть. Накричать на нее Миронъ боялся, думалъ, что еще хуже будетъ. Сказать Андрею—ничего не поможетъ: она и Андрея, какъ разсказываетъ Оксана, ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Больше всего хотѣлъ бы онъ Оксану назадъ домой взять, но что люди скажутъ? Правда — онъ никóго не боялся и никому не кланялся, но Оксана побоится, да и мужа не захочетъ бросить: она все-таки ему вѣритъ, этому аисту, чортову врагу... Такъ какъ же?.. А отдать эту свекруху замужъ—вотъ и все.

Придумавъ это, онъ сталъ подыскивать жениха. Случайно онъ услыхалъ объ одномъ человѣкѣ, старомъ холостякѣ, которому не посчастливилось жениться въ молодости, а теперь за него ни одна дѣвушка, ни одна молодая вдова не хотятъ идти. Звали этого человѣка Данило Сѣрый, и жилъ онъ въ другомъ селѣ. Миронъ не зналъ его и не видѣлъ никогда. Вотъ онъ и пошелъ къ нему, разузнавъ, гдѣ находится его хата. Какъ только вошелъ онъ во дворъ, тотчасъ увидѣлъ, что здѣсь живетъ «не хозяинъ»: весь дворъ былъ покрытъ сгнившею прошлогоднею соломой, жерди на ригахъ были скверно сложены; посреди

двора стояла большая лужа, которая подходила къ самому порогу; завалина развалилась, крыша вся обросла травою; двѣ молоденькія вербы, посаженныя подъ окнами, давно уже пропали—торчали только однѣ палки; плетня отъ улицы не было, и свиньи ходили по огороду, гдѣ вся земля была изрыта ихъ носами. Въ хатѣ, куда вошелъ Миронъ, было еще хуже: стѣны отъ копоти почернѣли; гадость, грязь, соръ возлѣ самаго порога; возлѣ печи куча золы; на веревкѣ мокрые, изодранные штаны; на скамьѣ, немытые, вѣроятно, никогда, миски, горшки, сухой хлѣбъ; между этимъ всѣмъ бѣгали прусаки, а плѣшивый рыжій котъ сидѣлъ, смотрѣлъ на нихъ и потихоньку разгонялъ ихъ лапой. Возлѣ кота сидѣлъ и самъ Данило Сѣрый и чинилъ рубаху, которую снялъ съ себя. Это былъ, дѣйствительно, сѣрый человѣкъ, точно изъ грязнаго свѣчного сала сдѣланный, съ бѣлыми волосами, которые росли какъ-то пучками на его головѣ, блѣдныя щеки отвисли; ни усовъ, ни бороды у него не было. Глаза—безцвѣтные, съ синими пятнами подъ ними.

— Здравствуйте,—сказалъ Миронъ.

— З-з-здраст-т-твуйте,—отвѣтилъ тотъ.—А что ск-к-кажжеттте?

Что же было говорить Мирону? Не начать же сразу сватать—и стыдно ему стало и не умѣлъ онъ; подумалъ Миронъ и сказалъ:—«Говорили мнѣ люди, что вы солому продаете. Продайте мнѣ съ полсотни кулей—нужно мнѣ крышу на амбарѣ исправить.

— А в-вы о-т-т-ку-д-да же?—спросилъ Данило.

Миронъ сказалъ: — Я Миронъ Чайка — быть можетъ, слыхали?

— Да, к-ка-къ же, с-с-слы-х-халъ... вы же б-б-бы-ли ст-т-тар-ши-ною?

— Да! такъ продадите солому?

— Н-н-нѣтъ, са-а-мому н-н-ну-жно, д-д-да и н-н-нѣтъ х-х-хо-ро-шихъ к-к-ку-лей!—Онъ всталъ съ мѣста, и Миронъ увидѣлъ, что онъ почему-то не твердо на ногахъ держится, то въ одну, то въ другую сторону шатается.

— С-с-са-ди-тесь,—сказалъ Данило. Миронъ не нашелъ мѣста, гдѣ присѣсть, и, оглядываясь, кругомъ сказалъ:

— Это вы такъ и живете сами одни?

— Да-н-н-ничего, п-п-при-выкъ уже.

— Почему же вы не женитесь?

— Хи-хи-хи,—засмѣялся Данило,—м-м-меня и т-т-такъ ж-ж-жен-щи-ны любятъ!

Мирону надоѣли такіе разговоры, перевести рѣчь на свекровь Оксаны онъ не умѣлъ, поэтому коротко сказалъ:—Ну, прощайте—и вышелъ изъ хаты, прежде, чѣмъ Данило успѣлъ выговорить свое: «с-с-счаст-л-ли-в-во»!

Мирону пришло въ голову теперь обратиться къ своему товарищу Митру Пинчуку—товарищу по выпивкѣ, не по работѣ, бывшему самымъ ловкимъ сватомъ на всемъ селѣ, который болталъ такъ много и умѣло, что ни одна дѣвушка, ни одинъ парень не могли устоять, если онъ самъ, или по просьбѣ, возьмется ихъ поженить. Онъ такъ умѣлъ уговаривать, убѣждать и такъ смотрѣлъ своими выпуклыми черными глазами на того, съ кѣмъ говорилъ, что съ нимъ непремѣнно соглашались, если не сейчасъ, то черезъ день, два, черезъ недѣлю послѣ того, какъ Пинчукъ за нихъ принимался. Этого-то Пинчука и направилъ Миронъ къ Данилѣ и Оксаниной свекрови. Трудно было это дѣло объяснить Пинчуку, не впутавъ Оксаны: когда Пинчукъ допытывался, зачѣмъ нужно эту женщину отдавать замужъ, Миронъ долженъ былъ лгать: такъ, ради штуки! или: она еще молода — пусть поживетъ! Еще и дѣти могутъ быть, а чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ больше работниковъ.

Послѣ такого лганья, Мирону было такъ скверно, точно онъ полыню поѣлъ. И водки много истратилъ онъ на Пинчука; ну, зато не прошло и мѣсяца, какъ онъ уладилъ сватовство, доказавъ Оксаниной свекрови, что она еще молода, какъ верба, и что всѣ живутъ въ парѣ: и голубь съ голубкой, и пѣтухъ съ курицей; значитъ, и ей нужно замужъ идти. Данилѣ Сѣрому онъ насказалъ, что эта женщина имѣетъ много денегъ, такъ много, что за нихъ ее слѣдуетъ на рукахъ носить.

Данило перешелъ жить въ хату къ Оксаниной свекрови, пожилъ тамъ нѣсколько времени, откормился на ея харчахъ—«старая» тогда вмѣсто Оксаны варила,—выманилъ у нея малую толику денегъ и однажды утромъ исчезъ, точно сквозь землю провалился, не дождавшись ни свадьбы, ни рожденія своего дитяти. Такъ и разстроилась свадьба Оксаниной свекрови. Теперь она меньше ругала Оксану, потому что всѣ ея проклятія сыпались на голову Данилы и на несчастное дитя, которое должно было родиться. Подали въ судъ на Данила Сѣраго, который снова появился, чтобы заставить его повѣнчаться, или чтобы онъ платилъ на содержаніе ребенка.

Миронъ заступался за свекровь, и ему казалось, что онъ заступался за правду, потому что нехорошо, не по правдѣ было, какъ онъ думалъ—производить дѣтей на свѣтъ Божій и отка-

зываться отъ нихъ потомъ, не кормить ихъ—они же будутъ потомъ отца кормить. Миронъ такъ заступался за свекровь Оксаны, такъ хлопоталъ, чтобы Данило взялъ ее къ себѣ, такъ на судѣ волновался, точно она была его родная дочь. Онъ возненавидѣлъ Данилу, считалъ его мошенникомъ, какихъ мало на свѣтѣ; несмотря на это, когда Данило не послушался-таки суда и не взялъ къ себѣ ни ребенка, ни жены, Миронъ попробовалъ еще одинъ способъ—онъ отправился къ нему просить его добромъ и кланялся ему въ первый разъ въ жизни низенько, и просилъ жениться. — Данило же ему отвѣтилъ: — хи, хи, хи! Если б-бы я н-на в-всѣхъ ж-ж-же-ни-лся, котор-ыя м-мнѣ на ш-шею в-в-вѣш-ша-ют-тся, то с-с-скол-ль-ко же у м-меня ж-ж-женъ б-было?! А в-в-вамъ н-на что, что б-б-б?...

— Тьфу!—только плюнулъ Миронъ и пошелъ домой; не хорошо ему стало, что онъ передъ такимъ, чортъ знаетъ кѣмъ, кланялся.

Скоро умерло дитя Данилы, ему это было на руку, а Оксанина свокровь такъ и осталась у Андрея. Оксанѣ, разумѣется, было очень досадно, что не удалось свекровь выжить, и Андрей былъ бы спокойнѣе, если бы матери не было, хотя собственно онъ рѣдко и сидѣлъ дома—ему опротивѣли проклятья и ругань. Одна Марина радовалась—она догадывалась, чья это была затѣя Оксанину свекровь замужъ выдать. Рада она была и тому, что при Оксанѣ осталась-таки ея бѣда, такъ какъ завидовала, что дѣдъ началъ болѣе любить Мирончика, нежели ея дѣтей, и что Оксана начала лучше жить: у нея и лошадь есть, и корова, и «плантація» табаку.

Мирона же все не оставляла надежда, что еще можно будетъ выдать Оксанину свекровь замужъ. А Марина сомнѣвалась, что такого дурака можно было бы найти!

— Нѣтъ, моя дочка будетъ-таки счастливая, пока я живъ, будетъ-таки счастливая, хоть бы тамъ, не знаю что!—не переставалъ Миронъ повторять про себя.

— Да! ищи вѣтра въ полѣ!—думала Марина.

Пер. съ украин. Л. Д.

ОСЕНЬ.

Василія Стефаника.

Митро чинилъ женскіе сапоги. Не чинилъ, а ставилъ кожу, чтобы только держалась вмѣстѣ. Грѣхъ было давать такую дрянь сапожнику, что и копейки не стоила. А жена, какъ есть, босая—не въ чемъ воды внести въ хату. Оттого-то Митро еще съ утра взялся за сапоги. Сидѣлъ возлѣ лавки напротивъ окна, обложилъ себя кусками старой кожи, наващивалъ нитки на дратву и злился, какъ собака.

— Ей-Богу, брошу въ печь, брошу въ огонь и освобожусь! Кожа сгнила, нитки не протянешь, такъ и рвется—выбросить на навозную кучу, плюнуть—вотъ и все.

Приговаривая такъ къ сапогамъ, Митро все-таки съ большимъ стараніемъ ихъ чинилъ: протянетъ нитку сквозь кожу и со страхомъ оглянетъ—не прорвалась ли кожа. Поэтому работа шла медленно, и Митро сердился.

— Желѣзо не кожа, да и то стирается, что и говорить! Уже четыре года, какъ куплены, четыре этой осенью, время имъ! Но эту зиму еще должны прослужить, хоть бы тамъ не знаю что!

И чинилъ и злился, и сто разъ хотѣлъ бросать ихъ въ печь или на навозъ.

Митриха сидѣла на лежанкѣ и штопала свои лохмотья.

— Какъ есть все распадается, посѣклось! Конопли сѣять нельзя, ѣсть что-нибудь надо, холстеца не купишь, копейки нѣтъ: идетъ къ тому, что будемъ голые ходить. Положишь заплату въ одномъ мѣстѣ, оно въ другомъ мѣстѣ рвется. Еще если бы не стирать, то, можетъ, не такъ бы рвалось. Ужъ я и не стираю, какъ слѣдуетъ, но паутина останется паутиной... Богъ его знаетъ, какъ ихъ чинить, съ какой стороны приниматься?..

Съ такими мыслями сидѣла Митриха надъ кучею лохмотья. Ея худое лицо старательно вглядывалось въ рваныя рубахи и было нерадостно. Грубое, изношенное полотно, со стертыми красными вышивками, было похоже на одежду солдатъ, вернувшихся съ войны. А она, какъ бѣдная милосердная сестра, съ печалью и безропотностью хотѣла хоть чѣмъ-нибудь помочь несчастнымъ раненымъ.

— Ну, еще зиму какъ-нибудь проходимъ, но лѣто... ужъ Богъ знаетъ.

И водила сѣрою ниткою вокругъ заплатъ и раздумывала о своей сѣрой жизни.

На печи лежала мать Митра—маленькая женщина, какъ десятилѣтній ребенокъ. Кашляла, не переставая.

— Боже мой, Боже! Пошли мнѣ смерть, чтобы мнѣ долго такъ страшно не мучиться! Уже жъ, вѣрно, я искупила свои грѣхи, которые нагрѣшила. Вѣдь умираютъ же такіе, которымъ бы только жить, оставляютъ добро, имущество, а я, какъ тотъ твердый камень, котораго никто не можетъ раздавить. Боже, Боже! за что такъ тяжко караешь?

И залилась кашлемъ.

Возлѣ бабы сидѣли дѣти. Когда баба синѣла во время приступа-кашля, то они всѣ смотрѣли на бабу любопытными глазами, показывали пальцами на бабу и говорили: «Гляди, гляди—баба уже умираетъ!» А когда баба откашливалась, то говорила имъ: «гдѣ тамъ, гдѣ, дѣточки, моя смерть забыла обо мнѣ!»

А Митру уже опротивѣло возиться съ сгнившими сапогами. Швырнулъ ихъ подъ лавку и заговорилъ со злостью:

— Когда бы ужъ и въ самомъ дѣлѣ скорѣе пришлось готовить вамъ что-нибудь на смерть—легче бы было. Ни обуть, ни одѣть, ни накормить—ни на что нѣтъ силъ моихъ. Походите-ка маленько босичкомъ, авось скорѣе васъ схватитъ!

Сѣлъ возлѣ стола.

— А не дашь ли мнѣ, хозяюшка, поѣсть чего? Вѣдь знаешь, что сегодня я еще ничего въ ротъ не бралъ.

Митриха встала съ лежанки, подала ему картофель. Видъ у нея былъ испуганной овцы.

Митро уплеталъ картофель, мокалъ въ соль и грызъ хлѣбъ.

— Ну, да и кормишь ты меня... Ужъ я тебя такъ накормлю, что околѣешь, вотъ какъ я тебя накормлю. Нѣтъ того, чтобы борщику сварить или кашицы, или чорта лысаго, или еще чего. Ткнетъ тебѣ картофель и дависъ. Я ужъ силъ не имѣю ноги волочить.

— А что она тебѣ, сынъ мой, сварить? Масла постнаго нѣтъ, муки нѣтъ, что же она тебѣ сваритъ?

— Ваши, мама, разговоры кончены. Сидите себѣ на печи и кашляйте. Имущества вы мнѣ не передали, воловъ и коровъ я отъ васъ не получилъ, такъ и сидите себѣ тихонько. Или лучше поразмайте, съ чѣмъ я буду васъ хоронить. Ждете той смерти, какъ не знаю чего—все: Боже мой, Боже! пошли мнѣ смерть, а это все на мою голову.

Баба хотѣла заплакать, но закашлялась.

— Ей, ей, оглохну,—говорилъ Митро.—А слушай, разбойникъ, зачѣмъ вѣшаешься на полку, хочешь горшки всѣ перебить? Хоть бы уже навѣки повѣсился...

И началъ бить ребенка.

Дѣти заревѣли, баба не переставала кашлять.

— На эту хату и птица побоится сѣсть,—говорилъ Митро.

— И чего ты къ дѣтямъ придираешься, чѣмъ они виноваты, что сапоги сгнили?

— Ты, сука, народила ихъ, да еще и лаешь, заступаешься за нихъ. Я васъ всѣхъ перерѣжу...

Поднялъ сапогъ изъ-подъ лавки и началъ бить имъ жену. Наконецъ, натянулъ на себя кожухъ и вышелъ изъ хаты.

— А чтобы мнѣ не вернуться въ эту хату... — сказалъ онъ уже на порогѣ.

— Иди, иди, прислушайся, что говорятъ про Канаду. Думаешь, что я пойду съ дѣтьми куда-то на край свѣта?—сказала ему жена вдогонку.

Митриха затопила печь. Дымомъ наполнилась вся хата, и она все утирала слезы. Дымъ ѣлъ глаза. Баба на печи стонала:

— Если бы хоть лѣто было: разошлись бы по работамъ и не грызли бы другъ друга. Солнышко разбросало бы ихъ по всему полю. А теперь чистый адъ въ хатѣ. Боже, Боже! Не держи меня больше на этомъ свѣтѣ, видишь самъ, что жить нельзя...

Дѣти бѣгали по хатѣ. Но, какъ только услышатъ шумъ въ сѣняхъ, тотчасъ удираютъ къ бабѣ на печь. Тогда лица ихъ принимали видъ измученный, угнетенный. Старались быть тихими, чтобы отецъ ихъ не билъ. Но, если отецъ не появлялся, они опять слѣзали съ печи и бѣгали по хатѣ.

Такъ спускаются цѣлымъ стадомъ голуби на токъ. Но, лишь только хлопнетъ гдѣ-нибудь дверь, они въ испугѣ улетаютъ подъ небо.

Перев. съ украин. Л. Д.

* * *

Вѣтеръ дерева вѣтку качалъ,
Вѣтеръ страстно ей что-то шепталъ,
Онъ отъ скуки себя забавлялъ,
Онъ игралъ.

Убѣжитъ, не вернется онъ къ ней,
Зашумитъ, засвиститъ средь полей;
Пыль подыметъ высокимъ столбомъ,
Застучитъ подъ окномъ,
Задрожитъ, затрещитъ старый домъ.

Вотъ осеннія бури шумятъ,
Вѣтка свой потеряла нарядъ.
Нѣту листьевъ зеленыхъ у ней,
Ихъ развѣявъ средь голыхъ аллей,
Вѣтеръ мчится къ весенней подругѣ своей.

На нее налетѣлъ
Онъ могучей волной,
И сломилась она
Подъ напоромъ его.

Онъ съ насмѣшкою злой шепчетъ вѣткѣ сухой:
Я весенней порой
Забавлялся съ тобой,
А теперь, когда все умерло,
Ты не можешь мнѣ дать ничего.

Пышенъ былъ твой расцвѣтъ
Въ утро майскаго дня,
Мой послѣдній привѣтъ
Ты прими отъ меня.

Зашумѣлъ, загудѣлъ,
Вѣтеръ прочь полетѣлъ,
Листья желтые съ в токъ срывая.
И глядѣла могучему вѣтру вослѣдъ
Одинокая вѣтка, сухая...

Л. Галабутская.

ЛЕРМОНТОВЪ „НАШЕГО ВРЕМЕНИ".

По случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія.

И не забытъ умру я.
Лермонтовъ.

Юбилейная литература о Лермонтовѣ не дала намъ очень значительныхъ трудовъ въ освѣщеніи его личности и поэзіи. Едва-ли не самымъ интереснымъ вкладомъ является московскій сборникъ— «Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову», составленный профессорами Московскаго университета П. Н. Сакулинымъ, М. Н. Розановымъ и ихъ учениками [1]). Отозвались также профессоръ Д. Н. Овсянико-Куликовскій [2]), профессоръ Замотинъ [3]), профессоръ Сиповскій [4]), г-да Родзевичъ [5]), А. Семеновъ [6]), Закржевскій [7]), и другіе, но, быть-можетъ, умѣстно теперь выяснить себѣ съ болѣе общей точки зрѣнія значеніе Лермонтова въ нашемъ пониманіи за послѣднюю четверть вѣка и опредѣлить отношеніе къ нему поколѣній на рубежѣ двухъ столѣтій. Этой темѣ и посвящена нижеслѣдующая замѣтка, на основаніи новѣйшихъ трудовъ о Лермонтовѣ и отзвуковъ его въ современной литературѣ.

---

[1]) Юбилейный сборникъ, Москва, 1914, изд. В. В. Думова.

[2]) М. Ю. Лермонтовъ, къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта, 1914, к-во „Прометей".

[3]) М. Ю. Лермонтовъ, мотивы идеальнаго строительства жизни. 1914, Варшава.

[4]) Лермонтовъ и Грибоѣдовъ (трагедія личности въ русск. лит. 20—30 годовъ). 1914, Петроградъ.

[5]) Лермонтовъ, какъ романистъ, съ предисловіемъ проф. А. М. Лободы, 1914, Кіевъ.

[6]) Лермонтовъ и Левъ Толстой, 1914 г., Москва.

[7]) Лермонтовъ и современность, 1915 г., Кіевъ.

I.

...Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтѣ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ...
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
Но для другихъ—не рождена.
Такъ! Мысль великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась,—
Погибнуть ей не суждено! (1831 г.).

Лермонтовъ считалъ себя хранителемъ этой «великой мысли», которой не суждено погибнуть. Въ чемъ она заключалась? Едва-ли самъ поэтъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ двумя словами. Она выясняется изъ совокупности творческой дѣятельности Лермонтова. Его геній сознавалъ, что онъ является съ какой-то вѣстью міру, что въ его душѣ заложены идеи, которыя выше «земныхъ желаній» и суетныхъ злободневныхъ заботъ, что въ нихъ таится что-то вѣчное: лишь часть его разгадана современниками и ближайшими слѣдующими за нимъ поколѣніями. Чѣмъ дальше мы отходимъ отъ поэта, тѣмъ больше выростаетъ онъ въ нашихъ глазахъ, тѣмъ значительнѣе представляется созданное имъ въ короткій срокъ его такъ рано оборвавшейся жизни, тѣмъ ближе дѣлается онъ намъ, его отдаленнымъ потомкамъ, ибо—«геній вѣка пролетитъ».

Въ исторіи пониманія Лермонтова, или что то же—въ исторіи критики о немъ, мы ясно уже теперь различаемъ три момента, какъ бы три фазиса, при чемъ пониманіе расширилось и углубилось благодаря росту сознанія всего русскаго общества: должны были придти за нимъ великія, быть можетъ, большія не по силѣ и интенсивности дарованія, а по объему и разностороннему захвату проблемъ жизни и сущности бытія, чтобы онъ самъ сталъ намъ яснѣе. И отнюдь не случилось того, что внушало опасенія слишкомъ скромному по отношенію къ своимъ заслугамъ поэту: «Другой заставитъ позабыть—своею пѣснію высокой—пѣвца, который кончилъ жить,—который жилъ такъ одинокій». Совсѣмъ напротивъ,—мы не только не позабыли и не отошли, а вернулись къ поэту, научились по-новому его цѣнить и любить, быть можетъ, всего сильнѣе именно въ настоящее, «наше» время.

Прославился онъ рано—едва 22-хъ лѣтъ. Широкая извѣстность выпала на долю поэта тотчасъ послѣ смерти Пушкина, когда

онъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе «Погибъ поэтъ, невольникъ чести»,—былъ арестованъ, разжалованъ и сосланъ. И какъ бы сразу признали преемника Пушкина въ авторѣ «Хаджи Абрека», единственномъ появившемся до 1836 г. въ печати произведеніи Лермонтова, который отвѣтилъ на этотъ какъ бы votum довѣрія публики присылкой съ Кавказа классической «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова (1837 г.)». Оцѣнка Лермонтова Бѣлинскимъ, конечно, покрываетъ всѣ критическіе отзывы о поэзіи Лермонтова, какъ при жизни поэта, такъ и въ первые годы послѣ его смерти. Признаніе было полное, восторженное: геніальный критикъ пошелъ навстрѣчу геніальному поэту, и первый сумѣлъ найти подходящія выраженія для того, чтобы опредѣлить всѣ несомнѣнныя качества поэзіи Лермонтова съ художественной точки зрѣнія. Оцѣнка почти исключительно эстетическая, а затѣмъ, по поводу въ особенности «Героя нашего времени», по поводу «Думы» и стихотворенія «И скучно и грустно» и т. п., Бѣлинскій отстаивалъ лишь вѣрную передачу историческаго момента, указывалъ на свойство таланта Лермонтова, который, дескать, умѣлъ—«объективировать современное (ему) общество и его представителей». Такимъ образомъ, онъ рисовался писателемъ, отзывчивымъ на злобы дня, какъ бы художественнымъ лѣтописцемъ своего времени. Эта сторона, конечно, есть въ творчествѣ Лермонтова, но есть и нѣчто большее, внѣ-временное, вѣчное. Къ извѣстнымъ оцѣнкамъ Бѣлинскаго въ его статьяхъ и по поводу «Героя нашего времени», и по выходѣ въ свѣтъ собранія стихотвореній Лермонтова надо присоединить и его отзывъ о впечатлѣніи личности: имѣю въ виду, конечно, вторую встрѣчу. Какъ извѣстно, при первомъ знакомствѣ на Кавказѣ встрѣча была неудачной: Лермонтовъ на всѣ разспросы Бѣлинскаго отдѣлывался шутками, уклоняясь отъ серьезнаго разговора. Совсѣмъ иное впечатлѣніе оставила вторая встрѣча, когда Лермонтовъ сидѣлъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ, въ Петербургѣ. И въ описаніи этого посѣщенія Бѣлинскимъ Лермонтова (въ письмѣ къ Боткину) особенно цѣнно его замѣчаніе: «Боже мой! какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ и какъ я безконечно ниже его въ моемъ превосходствѣ»,—и признаніе: «Я съ нимъ робокъ—меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества». Оробѣвшій критикъ передъ писателемъ, который много ниже его «по своимъ понятіямъ»,—какое можетъ быть лучше признаніе благоговѣнія передъ геніальностью натуры! Бѣлинскій, въ общемъ, конечно, совершенно правильно опредѣлилъ эстетическое значеніе поэзіи Лермонтова, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оцѣнки его все же

спорны. Такъ, напримѣръ, онъ называетъ, въ статьѣ 1843 года, «Боярина Оршу»—«*лучшей* поэмой Лермонтова». Въ настоящее время съ этимъ отзывомъ едва-ли кто согласится. Какъ бы то ни было, основная точка зрѣнія Бѣлинскаго на произведенія Лермонтова, какъ отраженіе взглядовъ и типовъ современнаго ему общества, повторяется и послѣдующими критиками: Лермонтовъ, постепенно, какъ бы все болѣе отодвигается въ область исторіи.

Трезвенные и раціоналистическіе 60-е и 70-е годы не были благопріятными для возвеличенія «романтизма» Лермонтова, и наступаетъ въ обществѣ реакція противъ того типа героя, котораго преимущественно описывалъ Лермонтовъ въ разныхъ формахъ и видахъ. Такъ, если Бѣлинскій видѣлъ «паѳосъ поэзіи Лермонтова въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности», то, на рубежѣ 60-хъ годовъ, уже для Аполлона Григорьева Печоринъ не что иное, какъ «поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола» (1859 г.). Добролюбовъ, лишь мимоходомъ касаясь Лермонтова, замѣтилъ, что—«до конца жизни онъ не умѣлъ, что называется, стать на свои ноги», и ставитъ ему въ упрекъ «отсутствіе положительнаго начала, жизненнаго идеала (1860 г.)». Наступаетъ нѣкоторое охлажденіе къ памяти поэта, а въ беллетристикѣ усиленно развѣнчивается типъ Печорина, какъ представителя отошедшаго поколѣнія. Критика указываетъ на цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ наблюдается изобличеніе этого «героя» 40-хъ годовъ. Къ числу ихъ относятъ и «Бреттера» Тургенева, и романы—Авдѣева,—«Тамаринъ», Писемскаго «М-г Батмановъ», наконецъ, даже фигуру Соленова въ «Трехъ сестрахъ» Чехова [1]). Но вѣдь Лермонтовъ и самъ далъ какъ бы каррикатуру на Печорина въ лицѣ Грушницкаго. Онъ ясно сознавалъ, что если бы не выдающійся умъ Печорина, свойства его недюжиннаго характера и обаяніе его личности въ цѣломъ, онъ легко могъ стать вполнѣ отрицательнымъ типомъ. Но «понятія» въ 60-хъ и 70-хъ годахъ дѣйствительно слишкомъ разнились отъ воззрѣній и представленій героевъ Лермонтова, чтобы эта рознь не отразилась и на отношеніи къ поэту.

Поворотъ начинается съ 90-хъ годовъ минувшаго вѣка. Ближайшимъ поводомъ заново высказаться было 50-тилѣтіе со дня смерти поэта, — рядъ новыхъ изданій его произведеній, пріуроченъ-

---

[1]) См. Юб. Сборн., статья И. Н. Розанова. Напомнимъ по поводу романа Авдѣева, что Чернышевскій очень рѣзко его критиковалъ, указывая, что авторъ не столько изобличаетъ „Печориныхъ въ жизни“, сколько списываетъ у Лермонтова, но Чернышевскій лишь воздавалъ должное художественнымъ качествамъ „Героя нашего времени“.

ныхъ къ этому моменту, и собранный біографическій матерьялъ. Однако, одинъ изъ первыхъ критиковъ того времени, Н. К. Михайловскій, въ статьѣ, появившейся въ 1891 году, остается еще цѣликомъ на точкѣ зрѣнія, такъ сказать, традиціонной. Отдавая должное и уму Лермонтова, и волевымъ импульсамъ его характера, и художественнымъ качествамъ его лучшихъ произведеній, онъ все же видитъ въ немъ лишь «героя безвременья», героя пережитаго опредѣленнаго историческаго момента, судитъ о немъ по его значенію въ прошломъ. Прекрасная книга о Лермонтовѣ Н. А. Котляревскаго, вышедшая около того же времени, съ мѣткими, а порой и оригинальными сужденіями объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Лермонтова, есть въ общемъ трудъ историко-литературный, подводящій итогъ, а не открывающій новыя точки зрѣнія для переоцѣнки духовнаго наслѣдства Лермонтова.

Впервые глазами не прошлаго, а будущаго, т.-е. не по отношенію къ роли Лермонтова въ литературѣ и обществѣ 30-хъ—40-хъ годовъ, а потому, насколько онъ предугадалъ эволюцію идей во второй половинѣ XIX вѣка, поскольку онъ сталъ намъ по-новому близокъ,—впервые, съ этой новой точки зрѣнія, взглянулъ на поэта Вл. С. Соловьевъ. Вотъ его слова: «Я вижу въ Лермонтовѣ прямого родоначальника того духовнаго настроенія и того направленія чувствъ и мыслей, а отчасти и дѣйствій, которыя для краткости можно назвать «ницшеанствомъ», по имени писателя, всѣхъ отчетливѣе и громче выразившаго это настроеніе, всѣхъ ярче обозначившаго это направленіе». Самъ Вл. Соловьевъ относился отрицательно къ ницшеанству, онъ долженъ былъ, соотвѣтственно этому, отнестись отрицательно и къ его родоначальнику. Онъ дѣлаетъ это со многими оговорками, отдавая дань «генію» Лермонтова, отмѣтивъ его даръ «пророчества», но все же очень суживая область его выявленій и оцѣнивая не безъ предвзятости. И все-таки онъ первый понялъ, что Лермонтовъ живъ не въ прошломъ, а въ позднѣйшемъ, что онъ родоначальникъ современной мысли.

Перчатку, брошенную Вл. Соловьевымъ, поднялъ Д. С. Мережковскій и на докладъ Соловьева отвѣтилъ статьей: «Лермонтовъ, поэтъ сверхчеловѣчества».

Очеркъ Мережковскаго, богатый мыслями, съ новыми и не заподозрѣнными раньше сближеніями Лермонтова съ Достоевскимъ и съ Толстымъ, особенно съ послѣднимъ, хотя и представляетъ нѣсколько одностороннюю оцѣнку генія Лермонтова въ направленіи религіозныхъ исканій новаго времени, послужилъ какъ-бы прологомъ къ общему, повальному возвращенію къ Лермонтову поколѣнія 90-хъ годовъ минувшаго и перваго 10-тилѣтія настоящаго столѣтія.

Поэтъ и критикъ С. А. Андреевскій, тоже скорѣе сочувственно относящійся къ направленію, которое Соловьевъ обозначилъ общимъ терминомъ «ницшеанство», выдвинулъ идеалистическія стремленія Лермонтова, его тяготѣніе къ надзвѣздному міру, къ его воспоминаніямъ о предземномъ существованіи «въ странѣ небеснаго эѳира». Рядъ стихотвореній памяти поэта слагаютъ—Бальмонтъ, Брюсовъ, напослѣдокъ даже Игорь Сѣверянинъ. Лермонтовъ становится близокъ всему поколѣнію, которое вернулось къ культу поэзіи и возродило струю романтизма въ новѣйшей литературѣ. Вліяніе его сказывается, быть можетъ, не столько во внѣшнихъ подражаніяхъ или заимствованіяхъ,—хотя есть и случаи прямого заимствованія,—какъ въ соотвѣтствіи идей, образовъ, настроеній, отношеніи къ міру и пониманіи сущности жизни и ея запросовъ. Значеніе документа имѣетъ книга А. Закржевскаго «Лермонтовъ и современность» (1914 г.), книга во многомъ не убѣдительная и странная, но цѣнная по искренности тона, нѣкоторымъ сближеніямъ и признаніямъ автора, усвоившаго ультра-модернистскую точку зрѣнія. Въ своемъ увлеченіи яко-бы «модернизмомъ» и Лермонтова, онъ возводитъ къ нему даже мотивы поэзіи Александра Блока, Андрея Бѣлаго, Зинаиды Гиппіусъ, даже «футуриста» Бурлюка, эго-футуриста—Ив. Игнатьева и Влад. Маяковскаго, что̀, конечно, уже совершенно не вяжется съ классическимъ обликомъ поэзіи Лермонтова. Были попытки за послѣднее время подвести Лермонтова и подъ кодексъ современной поэтики: его называли «импрессіонистомъ» и «символистомъ» [1]), но условность примѣненія этихъ терминовъ, получившихъ опредѣленное значеніе въ новѣйшей поэзіи, врядъ-ли содѣйствуетъ уясненію сущности свойствъ поэзіи Лермонтова. Для Бальмонта же онъ еще «слишкомъ реалистъ». И хотя онъ называетъ «Героя нашего времени»—«лучшимъ русскимъ романомъ», а въ подстрочномъ примѣчаніи,—это весьма характерно,—замѣчаетъ, что Лермонтовъ—«поистинѣ звѣздная душа», но эта звѣздность, дескать, есть—«не отображеніе мистерій Природы, а земная тоска сильной личности, которой тяжко быть съ слабыми, ничтожными людьми»...[2]). «Въ монотонной поэзіи Лермонтова нѣтъ таинственности», — замѣчаетъ Бальмонтъ. Онъ, какъ и Пушкинъ,—«романтикъ по темамъ, реалистъ по исполненію». Фетъ и Тютчевъ ближе его сердцу.

Вопросъ не въ поэтическомъ вліяніи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, со стороны техники стиха, пріемовъ композиціи, обусловленности въ творчествѣ отъ данныхъ образцовъ: возвращеніе къ Лермонтову

1) Статья Фишера „Поэтика Лермонтова“ въ Сборникѣ „Вѣнокъ Лермонтову“.

2) К. Бальмонтъ „Горныя вершины“.

и его возрожденіе мы видимъ, главнымъ образомъ, въ соотвѣтствіяхъ, въ общности нѣкоторыхъ темъ и мыслей, въ близости настроенія. Съ этой точки зрѣнія, мы и позволимъ себѣ нѣсколько соображеній въ проясненіи того, какъ Лермонтовъ сталъ вновь «нашимъ» и почему за первымъ признаніемъ, послѣ котораго послѣдовало нѣкоторое охлажденіе, за удивленіемъ его генію, съ отнесеніемъ къ прошлому его заслугъ, мы вновь и по-иному полюбили его.

2.

Опредѣляя содержаніе, вложенное въ «колоссальное я Лермонтова, поэта Божьей милостью» и «несомнѣннаго генія», т.-е. человѣка, «уже отъ рожденія близкаго къ сверхчеловѣку», Влад. Соловьевъ замѣчаетъ, что главнымъ въ этомъ жизненномъ матерьялѣ его поэзіи была личная любовь. Только на разборѣ Лермонтовской концепціи любви критикъ-философъ и останавливался, уже въ этомъ оказывая несправедливость разсматриваемому имъ поэту. Любовь, конечно, играетъ очень большую роль въ жизни и въ поэзіи Лермонтова, но она далеко не охватываетъ все разнообразіе вопросовъ и темъ, которые его вдохновляли и волновали. Идеи Лермонтова касаются почти всѣхъ основныхъ вопросовъ философіи, религіи, даже общественности. Еще юношей мечтаетъ онъ о «всеобщемъ земномъ братствѣ», называя потомъ эту мысль—«несбыточной, но прекрасной мечтой». Онъ создаетъ какъ бы нѣкоторую утопію будущаго счастливаго человѣчества, предварившую утопію Достоевскаго въ «Снѣ смѣшного человѣка»:

...Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ у дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ. (I, 133).

Въ то же время онъ сообщаетъ (въ автобіографической драмѣ: «Menschen und Leidenschaften»), что—«любовь мою къ человѣчеству почитали вольнодумствомъ». Въ отроческомъ же возрастѣ онъ признается, что — «при одномъ названіи свободы сердце его вздрагивало, и щеки покрывались живымъ румянцемъ». Онъ первый изъ

русскихъ поэтовъ выдвинулъ съ такою силой проблему добра и зла, поставилъ вопросъ о Божьемъ промыслѣ, вступилъ на путь богоборчества, указалъ параллелизмъ власти Бога и Дьявола, переходилъ отъ религіознаго сомнѣнія къ вѣрѣ въ благость Творца вселенной и къ отрицаніямъ, противоставлялъ порочность человѣка и «ядъ просвѣщенія» дѣвственной цѣлостности природы; онъ выдвинулъ мотивъ объ одиночествѣ и въ то же время чувствовалъ съ необыкновенной силой неразрывную связь съ родиной; онъ выявилъ стремленія и дѣйствія, внушенныя злобой, местью, ненавистью, презрѣніемъ, но полонъ былъ и чистѣйшаго идеализма и вѣрой въ добро и красоту; онъ остановился и передъ проблемой Смерти, передъ которой блѣднѣютъ и стираются всѣ людскіе помыслы и предположенія, даже мечты о счастьи. По-истинѣ изумительно, съ какой силой ума и чувства, и съ какимъ широкимъ захватомъ зрѣлаго разума этотъ юноша-поэтъ не остался чуждъ ни одному изъ такъ называемыхъ «проклятыхъ вопросовъ», надъ разрѣшеніемъ которыхъ человѣчество билось тысячелѣтія и, вѣроятно, еще долго будетъ добиваться ихъ разрѣшенія, если только когда-нибудь добьется. Но обратимся къ «соотвѣтствіямъ» мотивовъ его поэзіи въ современной умственной жизни.

Надо было, чтобы именно послѣ Лермонтова народился у насъ такой геній, какъ Достоевскій, чтобы мы оцѣнили тотъ мотивъ «непріемлемости міра», который сближаетъ одно изъ преобладающихъ настроеній въ поэзіи Лермонтова съ идеями Ивана Карамазова. О, конечно, и тутъ Лермонтовъ лишь «родоначальникъ». Мы не только не имѣемъ права умалять титаническую силу Достоевскаго на основаніи филіаціи идей отъ Лермонтова къ Карамазову, но должны признать, что именно у Достоевскаго было несравненно больше «понятій», по выраженію Бѣлинскаго. Богоборчество у Лермонтова началось въ очень раннемъ возрастѣ. Оно указывалось уже въ ранней его драмѣ съ нѣмецкимъ заглавіемъ,—«Menschen und Leidenschaften», написанной въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ. Герой ея—Юрій Волинъ—отчасти самъ Лермонтовъ и, переживая тяжелую семейную драму, которая приводитъ его къ мысли о самоубійствѣ (какъ знать—можетъ быть, Лермонтовъ и самъ пережилъ это настроеніе), онъ восклицаетъ: «Но если Богъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не предотвратитъ ужасному преступленію, самоубійству?.. Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденія, зная про мою гибель?.. Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнію я могу умереть или жить? О, человѣкъ! несчастное, брошенное созданіе... Животныя безсловесныя счастливѣе насъ: они не различаютъ добра и зла; они не имѣютъ вѣчности; они могутъ»... Фраза на этомъ обрывается, но дальше, когда любимая

Юріемъ дѣвушка старается его утѣшить, говоря, что они вновь увидятся на томъ свѣтѣ, Юрій говоритъ: «Другъ мой, нѣтъ того свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... И мы въ немъ исчезнемъ»... Въ стихотвореніи «Ночь», въ первомъ отрывкѣ, замѣчательномъ по ультра-реалистическому описанію разрушительнаго дѣйствія Смерти, по какому-то, я сказалъ бы, Бодлэровскому настроенію въ изображеніи одного изъ «цвѣтовъ Зла», въ соотвѣтствіи съ знаменитой «Падалью» Бодлэра, поэтъ заканчиваетъ разсказъ о сновидѣніи словами:

И я хотѣлъ изречь хулы на небо,—
Хотѣлъ сказать...
Но голосъ замеръ мой,—и я проснулся.

«Хотѣлъ сказать» онъ, очевидно, о непріемлемости міра въ томъ видѣ, какимъ онъ намъ представляется; «хотѣлъ сказать», что зло преобладаетъ въ немъ надъ добромъ, что слишкомъ много уродливаго и жестокаго среди людей, что одинъ маленькій замученный ребенокъ можетъ перевѣсить на чашѣ вѣсовъ Справедливости всю горечь обидъ и страданія человѣчества, которое не согласится на такую искупительную жертву... «Кровь собратій,—кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей,—отяготѣла на душѣ моей» — пишетъ онъ въ одномъ отрывкѣ... «И въ мщеніе обратила все,—что въ немъ похоже было на любовь» (I, 89). Мережковскій правильно указалъ, что по отношенію къ Лермонтову остается открытымъ вопросъ, шелъ ли онъ отъ богоборчества къ богоотступничеству или богосыновству? Дѣйствительно, не разъ было замѣчено, что у Лермонтова какъ-то совсѣмъ отсутствуетъ Христосъ, который почти не упоминается вовсе. Но къ признанію Бога его все-таки влекло, и мы знаемъ, съ какой глубиной и умиленіемъ онъ способенъ былъ переживать молитвенныя настроенія. Какъ бы то ни было, несовершенства міра тяготили его не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Ивана Карамазова, и ставили передъ нимъ ребромъ вопросы о благости Провидѣнія и пріемлемости самого міра, строй котораго идетъ въ разрѣзъ съ элементарнѣйшими этическими понятіями. Демонъ Лермонтова, конечно, очень отличенъ отъ Чорта Достоевскаго, но онъ въ такой же мѣрѣ представляется двойникомъ одной половины его я, какъ Иванъ Карамазовъ, разговаривая съ Чортомъ, лишь объективируетъ часть самого себя. Нѣсколько печоринскихъ чертъ можно найти въ образѣ Николая Ставрогина, съ которымъ г. Закржевскій сближаетъ и Демона. По его замѣчанію, не лишенному остроумія: «Демонъ Лермонтова и Ставрогинъ—оба аристократы зла. Демонъ презиралъ землю и людей вслѣдствіе именно своей утонченной способности: «все знать, все чувствовать, все видѣть,—стараться все

возненавидѣть и все на свѣтѣ презирать» (ст. 280—2) его пораженіе было пораженіемъ вѣчнаго неудачника, вѣчнаго аналитика и тайновидца... Трагизмъ Ставрогина былъ также въ этомъ аналитическомъ дарѣ, а также въ томъ, что, какъ Лермонтову, ему надоѣли всѣ обманы, онъ пресытился ими, онъ отбросилъ всѣ истины міра ради одной ошибки, но какъ любовь—Демона, эта ошибка не спасла его, а такъ запутала и измучила, — что оставалось только одно: «уничтожить себя». Дальше авторъ проводитъ параллель и между Печоринымъ и Ставрогинымъ. Аналогія во многомъ несомнѣнна. Конечно, и самъ Лермонтовъ страдалъ отъ избытка самоанализа. Еще юношей онъ восклицаетъ (въ драмѣ «Странный человѣкъ»): «о, какъ бы я желалъ... потопить тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ». Онъ жалуется на то, что, слишкомъ пристально вглядываясь въ жизнь, рано утратилъ способность поддаваться ея иллюзіямъ: «Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать»... Но мы сказали бы, что Ставрогинъ—это все-таки состарѣвшійся Печоринъ, состарѣвшійся не по годамъ, не по возрасту, а въ силу душевной опустошенности, которая въ немъ гораздо разительнѣе, чѣмъ въ Печоринѣ. Достоевскій облекъ нѣкоторымъ туманомъ образъ Ставрогина: много недоговореннаго, загадочнаго, какъ бы умышленно скрытаго. Печоринъ ясенъ, раскрытъ съ наивозможной полнотой и очерченъ съ изобличительными намѣреніями автора, вскрывающаго «пороки поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи». Ставрогинъ—не герой въ стилѣ Печорина. Ихъ сближаетъ разочарованность и презрительное равнодушіе къ иллюзіямъ жизни, но мы не могли бы себѣ представить Ставрогина въ роли возлюбленнаго Бэлы, которою, однако, Печоринъ могъ, хотя и временно, увлечься, послѣ неудачнаго романа съ княжной Мэри. Въ Печоринѣ больше дѣйственныхъ силъ, энергіи, какой-то еще не совсѣмъ растраченной молодости. Въ общемъ, повторяю, если нѣтъ прямой зависимости творчества Достоевскаго отъ созданій Лермонтова, то соотвѣтствія настолько очевидны, что безусловно можно видѣть въ Лермонтовѣ родоначальника многихъ темъ и концепцій Достоевскаго, еще предшествующихъ «ницшеанству». Послѣднее, какъ извѣстно, выросло изъ «Достоевщины»: Ницше воспитался на Достоевскомъ, вытекаетъ изъ него, лишь повернувъ въ другую сторону и придя къ обратнымъ выводамъ. Къ философіи Ницше Лермонтовъ не причастенъ. Сравнивать и сопоставлять ихъ излишне. Да и Соловьевъ употребилъ выраженіе «ницшеанство» въ условномъ смыслѣ, какъ мы говоримъ, напримѣръ, не разъ о мар-

ксизмѣ, съ оговоркой, что самъ Марксъ-то не былъ марксистомъ. Сверхчеловѣчество Лермонтова имѣетъ скорѣе психологическую, чѣмъ философскую базу. Изъ нея вытекаетъ его демонизмъ, представленіе о высшемъ существѣ по ту сторону добра и зла; однако, у Лермонтова его демонъ, хотя, по первой редакціи,—«собранье золъ его стихія»,—подъ вліяніемъ охватившаго его чувства любви къ смертной женщинѣ, ищетъ примиренія съ небомъ: «Хочу любить, хочу молиться,—хочу я вѣровать добру...» Въ современномъ представленіи о сверхчеловѣкѣ—этотъ порывъ идеализма отсутствуетъ. Его замѣнило безразличіе къ добру и злу, о которомъ и Лермонтовъ говоритъ въ своей «Думѣ»: «и ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,—ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви». Бальмонтъ признается, что онъ въ особенности полюбилъ Лермонтова

За то, что онъ не-человѣкомъ былъ!

«Не-человѣкомъ» т.-е. сверхчеловѣкомъ, демоническій, потусторонней натурой, которую Лермонтовъ самъ охарактеризовалъ: «ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ». Сумеречное настроеніе, которое такъ роднитъ Лермонтова и съ творчествомъ Чехова. Бальмонтъ, какъ извѣстно, пытался также облечься въ плащъ демона, хотѣлъ быть «потустороннимъ», ненавидѣлъ и презиралъ, дерзалъ,—въ особенности «дерзалъ», или хотѣлъ дерзать, говорилъ о своей распрѣ съ небомъ и т. п., но индивидуализмъ Бальмонта существенно разнится отъ Лермонтовскаго.—Въ немъ отсутствуетъ тотъ элементъ страданія, которое служитъ главнымъ источникомъ великолѣпнаго негодованія Лермонтова и даже его какъ бы союза со зломъ. Бальмонтъ сумѣлъ подчеркнуть въ Лермонтовѣ его—«тоску» и «страстный пылъ—ни съ кѣмъ не раздѣляемыхъ мученій», но самъ онъ чуждъ этихъ чертъ. «Солнечный» Бальмонтъ въ гораздо большей степени пѣвецъ радостнаго опущенія бытія и упоенъ красками переливчатыхъ миражей міра, мгновенныхъ переживаній, которыя онъ умѣетъ передавать такими звучными, музыкальными стихами въ полномъ обладаніи виртуозности формы.

Брюсовъ относится къ Лермонтову какъ къ неразгаданному раньше образу—мечтателя «объ ангельски-прекрасномъ», но любившаго—«демонски-мятежное»:

И мы тебя, поэтъ, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
Въ твоихъ какъ будто кованныхъ стихахъ!

Характеристика «къ портрету Лермонтова» вѣрна, особенно если вспомнить отзывъ И. С. Тургенева о впечатлѣніи, производимомъ внѣшностью Лермонтова: «Тяжелый взоръ странно не согла-

совался съ выраженіемъ дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ». Во взорѣ—«демонски-мятежное», на устахъ — младенческая печаль объ «ангельски-прекрасномъ». Образъ двоится; въ чемъ же *настоящій* Лермонтовъ? Въ комбинаціи обоихъ свойствъ, въ сосуществованіи добра и зла, ибо, какъ выразился самъ поэтъ, противополагая міру ангеловъ и демоновъ: «въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло», свойство людей:

Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ отъ того (I, 260).

Брюсовъ далъ объективный обликъ Лермонтова, но, въ сущности, въ своей поэзіи онъ не разъ подходитъ къ настроеніямъ Лермонтова, являясь въ особенности въ соотвѣтствіи съ «премірнымъ состояніемъ человѣческихъ душъ», по выраженію Мережковскаго, «тѣхъ нерѣшительныхъ ангеловъ, которые въ борьбѣ Бога съ діаволомъ не примкнули ни къ той, ни къ другой сторонѣ». «Ковать стихъ» умѣетъ и Брюсовъ, но въ немъ отсутствуетъ тотъ «жаръ души, растраченный въ пустыни», который Лермонтову придаетъ особое обаяніе.

Убитъ я не былъ раннею тоской:
Страстей огонь, неизлѣчимый ядъ
Еще теперь въ душѣ моей кипятъ. (Джюліо).

Такъ писалъ Лермонтовъ. Холодкомъ вѣетъ отъ «музы безстрастья» Брюсова, несомнѣннаго художника по умѣлой чеканкѣ стиха, образности мысли и глубинѣ думъ, но «романтизмъ» его былъ больше отъ головы, чѣмъ изъ сердца, и въ общемъ поэзія его, по отношенію къ поэзіи Лермонтова, представляется лишенной тѣхъ задушевныхъ нотъ, сердечной грусти и выстраданнаго разочарованія, которое питаетъ гнѣвъ и злобу въ смѣломъ вызовѣ, брошенномъ Лермонтовымъ людскому стаду.

3.

Главная черта поэзіи Лермонтова, роднящая ее съ переживаемымъ моментомъ, черта, правда, общая всему движенію романтизма, въ которое Лермонтовъ безусловно входитъ не только по выбору нѣкоторыхъ темъ, но и по существу своего міросозерцанія, это—индивидуализмъ. Именно въ виду общности этого явленія, на немъ, быть можетъ, не такъ ясно вырисовывается спеціальная роль Лермонтова въ современномъ движеніи неоромантизма, возрожденіи прежнихъ романическихъ завѣтовъ и формулъ, тѣмъ не

менѣе для насъ онъ и тутъ родоначальникъ, и тутъ есть рядъ соотвѣтствій, сближающихъ его съ нами. Вѣдь и сверхчеловѣчество есть лишь отпрыскъ индивидуализма, другое развѣтвленіе котораго привело къ «эготизму», къ культу своего «я», къ чрезвычайному возвеличенію личнаго начала, къ тому, что назвали «эгоцентризмомъ» по отношенію къ нѣкоторымъ сторонамъ поэзіи Лермонтова. На основаніи этого критерія—т.-е. повышеннаго индивидуализма въ его крайнихъ проявленіяхъ, не трудно, какъ это и дѣлаетъ г. Закржевскій, сблизить основной типъ героя у Лермонтова съ героями цѣлаго ряда романовъ въ современной литературѣ—Пшебышевскаго (Homo Sapiens), Сенкевича (Безъ догмата) и друг.

Авторъ приходитъ къ выводу, что «Печоринъ—подлинный герой *нашего* времени, а не времени Лермонтова. И говорить объ этой личности—значитъ говорить о самомъ важномъ и мучительномъ для насъ»... Второе положеніе—возможно и вѣроятно, но, конечно, сближенія не могутъ и не должны приводить къ отожествленію: самъ Лермонтовъ намъ близокъ и въ настоящее время, даже особенно близокъ теперь, но Печоринъ—отнюдь не «подлинный герой» для насъ теперь, и было бы слишкомъ грустно, если бы такъ думало все молодое поколѣніе.

Первое выявленіе индивидуализма Лермонтова справедливо усматриваютъ въ «отрывкѣ», помѣченномъ 1830 годомъ, т.-е. когда поэту было всего 16 лѣтъ:

Три ночи я провелъ безъ сна, въ тоскѣ,
Въ молитвѣ на колѣняхъ. Степь и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ—курганъ.
...Я небо не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,
Завидуя судьбѣ его Творца.
Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя; въ себѣ одномъ
Нашелъ спасенье цѣлому народу
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но, какъ надежда, чистой и прекрасной,
Какъ вольность сильной и святой!.. (I, 90).

«Себя нашелъ!» Въ своемъ *я* спасеніе, въ немъ цѣль и смыслъ бытія. «Я самъ собою жилъ донынѣ,—пишетъ поэтъ черезъ годъ.—Свободно мчится пѣснь моя,—Какъ птица дикая въ пустынѣ—Какъ вдаль по озеру ладья» (291). «Судьба не умертвитъ—во мнѣ возросшій дѣятельный геній» (292)—повторяетъ онъ немного спустя. Онъ противополагаетъ себя всему внѣшнему міру и отнынѣ будетъ

искать лишь въ своей индивидуальности отвѣты на мучившіе его вопросы, импульсъ къ жизни и дѣятельности, цѣль помимо потусторонникъ цѣлей, о которыхъ онъ раньше вопрошалъ небо. Конечно, въ этомъ настроеніи, въ этихъ мысляхъ зародышъ позднѣйшихъ теорій Макса Штирнера объ «Единственномъ и его достояніи», съ его позднѣйшимъ переходомъ къ ницшеанству и, наконецъ, къ «эготизму» или «я-честву» во всѣхъ его формахъ и видахъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта находка своего *я* въ изолированности отъ міра обрекаетъ его на одиночество, въ чемъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ и Лермонтовъ, одновременно и жаждавшій одиночества, и страдавшій отъ него. Въ толкованіи Н. Котляревскаго вся идея поэмы «Демонъ» сводится къ вопросу: «можетъ ли человѣкъ примириться съ полнымъ одиночествомъ и не искать встрѣчи съ другими, даже если признать, что въ немъ погибли всѣ добрыя чувства, что онъ силенъ настолько, чтобы ни въ комъ не нуждаться, и пресыщенъ и разочарованъ до полнаго индифферентизма?» (82—83).

Поэтомъ одиночества и прославленія смерти-избавительницы является у насъ по преимуществу Ѳ. Сологубъ, и, конечно, можно найти цѣлый рядъ соотвѣтствій въ его поэзіи съ мотивами творчества Лермонтова, безъ всякаго непосредственнаго заимствованія. «Быть съ людьми,—какое бремя!»—восклицалъ Ѳ. Сологубъ:

О зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
Чары дѣять, тихо ворожить,
Погружаться въ созерцанье
Облаковъ, и неба, и земли,
Быть, какъ ясное молчанье
Тихихъ звѣздъ, мерцающихъ вдали!

Или въ другомъ стихотвореніи:

Есть правда горькая въ пророчествѣ:
Ты долженъ вѣчно быть рабомъ.
Свобода—только въ одиночествѣ.
Какое рабство быть вдвоемъ.

Сологубъ стремится къ одиночеству, смакуя его, мечтая о чистосозерцательной жизни, о возможности умчаться въ грезахъ въ блаженную страну воображенія — Ойлэ. Лермонтовъ принимаетъ одиночество, какъ необходимость, но тоскуя и жаждая союза съ душой родной:

И что за дѣло мнѣ до свѣта,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрѣта
Твоей волшебною рукой... (I, 291).

Правда, называя себя «сыномъ страданья», Лермонтовъ въ «Стансахъ» писалъ:

Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что смерть другимъ;
Живу, какъ міра властелинъ,
Въ прекрасномъ мірѣ, но одинъ!

И все же одиночество его тяготитъ. Созерцательная жизнь его не удовлетворяла: «Мнѣ нужно дѣйствовать,—писалъ онъ (1831 г. 11 іюня),—я каждый день—Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь—Великаго героя, и понять—Я не могу, что значитъ отдыхать». Въ двухъ произведеніяхъ повторяетъ онъ фразу: «Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ (I, 200 и 259)». Жить для него значитъ любить:

Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая! Любить,
Необходимость мнѣ...

Этими свойствами—поэзія Лермонтова существенно отличается отъ настроеній поэзіи Сологуба, съ которой совпадаетъ лишь во внѣшнихъ очертаніяхъ мотива одиночества. Правда, и у Лермонтова есть намеки на иныя настроенія, столь же сумеречныя, какъ у поэтовъ конца XIX и начала XX вѣка, но врядъ ли можно ихъ выдѣлять, не сопоставивъ съ преобладающими мотивами его Музы, а таковыми все же являются—стремленія къ дѣйственности, жажда «боренія» .и потребность въ любви.

4.

Поэтъ много и часто думалъ о смерти: онъ предвидѣлъ, какъ это неоднократно указывалось, пророчески предусмотрѣлъ свою раннюю кончину, не зналъ страха смерти, но въ отвлеченной концепціи все же видѣлъ въ ней не благой исходъ и избавленіе отъ печалей міра, а непонятное, насильственное вторженіе таинственной силы, которой нѣтъ оправданія, если нѣтъ вѣры въ будущую жизнь. Дважды возвращается онъ къ темѣ фантастическаго видѣнія—какъ умеръ онъ, и вдругъ повелѣно его душѣ вернуться къ мертвому тѣлу, и видитъ она весь ужасъ разрушенія и гніенія когда-то живого организма; и почувствовалъ его духъ: «О! сколько бъ отдалъ я тогда земныхъ—Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту—Почувствовать (въ бренныхъ остаткахъ) теплоту... Напрасно»! Слѣдуетъ возмущеніе и ропотъ. Въ другомъ видѣніи (Ночь II) поэту мерещится огромный скелетъ, который приблизился къ земному шару, какъ всесильный гигантъ, и держалъ въ костяныхъ рукахъ, въ каждой, по человѣку:

И странный голосъ вдругъ раздался: Малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ? Я здѣсь, я смерть!
Мое владычество безбрежно!
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь, ты любилъ ихъ—
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...

Поэтъ, «преодолѣвъ свой ужасъ къ скелету», воскликнулъ: «оба! оба!..»

Я вѣрю, нѣтъ свиданья,—нѣтъ разлуки!
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми—земного червя
И землю раздроби—гнѣздо разврата,
Безумства и печали!..
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья!

И въ концѣ:

Долго, долго
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптalъ, страшась молиться!..

Опять-таки «ропотъ». Смерть, хотя и избавительница отъ земныхъ печалей, но она ужасъ природы, непонятное, чудовищное явленіе, нарушающее всѣ мечты о какомъ-либо упорядоченіи жизни. И мысль о смерти у Лермонтова, такъ же какъ впослѣдствіи у Льва Толстого, какъ бы парализовала мечты о строительствѣ жизни, направляя вниманіе въ другую сторону—строительства въ согласіи возможнымъ потустороннимъ существованіемъ, т.-е. въ область религіозныхъ исканій. Я упомянулъ уже, что Мережковскій оставлялъ вопросъ открытымъ—разовьется ли Лермонтовъ въ сторону благоотступничества или богосыновства: у него есть указанія въ томъ и другомъ направленіи. Но такъ какъ тотъ же Мережковскій впервые и весьма удачно отмѣтилъ точки соприкосновенія Лермонтова съ Толстымъ (отношеніе къ войнѣ, опрощеніе), а теперь вышла толстая книга Леон. Семенова (Лермонтовъ и Левъ Толстой), развивающая мысль Мережковскаго и устанавливающая болѣе тѣсную параллель въ творчествѣ обоихъ писателей, то выясняется большая вѣроятность, что самъ Лермонтовъ дѣйствительно пошелъ бы по тому пути, по которому направился Л. Толстой въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ.

Итакъ, съ одной стороны, черезъ Штирнера, Достоевскаго и Ницше—Лермонтовъ представляется родоначальникомъ идей «сверх-

человѣчества», съ другой—онъ же провозвѣстникъ той религіи чувства и разума, которую пытался обосновать яснополянскій мудрецъ, въ рѣзкомъ расхожденіи съ ницшеанствомъ, религіи, признающей Единаго Творца неба и земли и любовь, какъ путь возсоединенія съ этимъ началомъ всѣхъ началъ.

Но Толстой вѣрилъ въ безусловное значеніе добра, въ его метафизическую сущность, вѣрилъ въ добро, какъ въ аксіому, не требующую доказательствъ. Лермонтовъ ставилъ вопросъ: что называть добромъ, что зломъ? Высокое и великое въ глазахъ людей вѣдь измѣряется зачастую лишь критеріемъ успѣха:

Не говори: однимъ высокимъ
Я на землѣ воспламененъ,
Къ нему лишь съ чувствомъ я глубокимъ
Бужу забытый лиры звонъ.
Повѣрь—*великое земное*
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ злое дѣло—
Великъ, не удалось—злодѣй. (I, 110).

Примѣромъ для иллюстраціи этой мысли служитъ судьба Наполеона. Л. Толстой, въ данномъ случаѣ болѣе послѣдовательный, чѣмъ Лермонтовъ, отвергъ величіе Наполеона и пытался развѣнчать его, съ точки зрѣнія этической. Лермонтовъ, въ трехъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Наполеону, колеблется въ опредѣленіи его истиннаго значенія, но договаривается въ эпитафіи:

Великое-жъ ничто не измѣняетъ (I, 127).

Стало быть, все-таки «великъ». Но въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ? Какъ будто въ томъ и другомъ, подобно тому, какъ выражался Демонъ: «Въ любви, какъ въ *злобѣ*, вѣрь, Тамара,—Я неизмѣненъ и великъ!» Два параллельныхъ царства неизмѣнно сосуществуютъ въ представленіи Лермонтова,—царство Бога и царство Дьявола, Добро и Зло, а власть ихъ равна надъ людьми. Герой его ранней повѣсти, горбунъ Вадимъ, вѣрилъ въ Бога,—«но также вѣрилъ въ Дьявола»—спѣшитъ прибавить авторъ. Дуализмъ вездѣ и во всемъ, на небѣ и на землѣ, и въ душѣ человѣческой. Правда, самъ Богъ вложилъ въ наши души стремленія къ совершенствованію.

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ.
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться;

Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,—
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать... (I, 278—9).

Такъ-то оно такъ, съ одной стороны; но съ другой—вѣдь этого совершенства и «полнаго блаженства» въ здѣшнемъ мірѣ нѣтъ, а есть совсѣмъ другое, обратное имъ. Можно ли устойчиво вѣрить въ добро? Боярина Оршу поэтъ характеризуетъ слѣдующими словами:

Онъ жилъ, онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ;
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему! (II, 113).

Отсюда вовсе не слѣдуетъ выводъ, къ которому склоняется г. Закржевскій—«Невѣріе стало религіей Лермонтова» (135), у него, дескать, не было «непоколебимыхъ и общеобязательныхъ цѣнностей и догмъ»; Лермонтовъ не только первый русскій «адогматистъ и скептикъ», онъ даже просто нигилистъ, только «нигилистъ особенный, чисто русскій» (133), такъ какъ «русскій нигилизмъ былъ въ корнѣ идеалистиченъ (149)». Второе положеніе вѣрно, но къ Лермонтову никоимъ образомъ не подходитъ эпитетъ «нигилиста», такъ какъ его отрицанія—лишь разочарованія въ дѣйствительности, его сомнѣнія—лишь окольный путь къ новому утвержденію догмы.

5.

Дуализмъ характеренъ для Лермонтова, дуализмъ почти во всѣхъ вопросахъ міросозерцанія, потусторонней жизни и земного бытія. И даже въ противоположеніи природы и человѣка, въ указаніи преимуществъ цѣлостнаго натурализма мы находимъ у Лермонтова мотивы, къ которымъ примыкаетъ совсѣмъ другое теченіе и въ современной нашей литературѣ. Я не рѣшусь утверждать вслѣдъ за профессоромъ Сакулинымъ, что Лермонтовъ, «преодолѣвъ юношескій дуализмъ, шелъ... къ гармоніи и монизму», при чемъ основная тенденція его—въ постоянномъ оправданіи земли, въ признаніи самоцѣнности жизни». Для такого вывода нѣтъ достаточнаго критерія [1]), но несомнѣнно, что параллельно стремленію ввысь, «въ

[1]) Колебанія въ настроеніяхъ Лермонтова постоянны. Въ короткій промежутокъ времени онъ пишетъ въ одномъ стихотвореніи: „Я жить хочу, хочу печали!“—высказывая тяготѣніе ко всему земному, и почти слѣдомъ обратно: „что толку жить!“ —смерть лучше жизни... (II, 8 и 15).

надзвѣздные края», Лермонтовъ сильно чувствовалъ и «жажду бытія», стремленіе жить наивозможно полною жизнью. Такая полнота, цѣлостность, при отсутствіи всякихъ тормозовъ проявленію какъ бы инстинктивныхъ силъ, присуща именно жизни природы, которая должна была бы служить примѣромъ и образцомъ человѣку. Такъ въ особенности по отношенію къ сильнѣйшему изъ стихійныхъ влеченій, къ любви. Въ «Измаилъ-Беѣ», когда въ юношѣ Селимѣ Измаилъ узнаетъ переодѣтую Зару и ласкаетъ ее, какъ возлюбленную, поэтъ замѣчаетъ:

Любовь для неба и земли святыня,
И только для людей порокъ она!
Во всей природѣ дышитъ сладострастье,—
И только люди покупаютъ счастье!..

Развѣ въ этомъ четверостишьи нѣтъ признанія настоящей свободы любви и развѣ не могло бы оно служить *motto* къ той эротической литературѣ, которая недавно у насъ процвѣла подъ флагомъ натурализма, проявляясь и въ дѣйствительно художественныхъ и въ посредственныхъ произведеніяхъ нашихъ писателей? Лермонтовъ, какъ это вѣрно замѣтилъ еще Н. К. Михайловскій, не былъ поэтомъ чувственности; его пониманіе любви въ самыхъ разныхъ ея проявленіяхъ скорѣе спиритуалистическаго характера, не исключающаго, однако, признанія правъ плоти. Въ вину ему ставятъ нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ въ бытность въ кавалерійской школѣ. Но напрасно Вл. Соловьевъ, противопоставляющій ему легкій и граціозный эротизмъ Пушкина—«какъ ласточка», вьющагося надъ лужей, не касаясь грязи,—уподобляетъ Лермонтова лягушкѣ, погрязшей въ тинѣ и прочно засѣвшей въ ней: есть безусловно цинизмъ въ формѣ и положеніяхъ, но цинизмъ мрачный, отталкивающій отъ смакованія грязи, нѣчто совершенно противоположное порнографіи, представляющей соблазнительную сторону порочности. Я бы сопоставилъ «Уланшу» Лермонтова съ его реалистическимъ описаніемъ появленія на другое утро—блѣдной женщины—«гадка, скверна, какъ *Божья кара*,—Глаза померкнувшіе впали» и т. д., по настроенію, съ «Морской болѣзнью» Куприна, или «Лѣсной топью» Сергѣева-Ценскаго; тутъ отнюдь нѣтъ какого-либо скрашиванія порока, а совсѣмъ наоборотъ—образъ внушаетъ отвращеніе. «Божья кара» не соблазняетъ, а возбуждаетъ ужасъ. Во всякомъ случаѣ, и въ новѣйшихъ теченіяхъ реалистической литературы Лермонтовъ во многомъ «родоначальникъ», какимъ онъ является и по отношенію къ разнымъ идейнымъ вѣяніямъ модернизма. «Романтикомъ по темамъ и реалистомъ по формѣ»—назвалъ его Бальмонтъ, но реалистомъ Лермонтовъ былъ также и по способ-

ности наблюдать и воспроизводить жизнь такъ, какъ она есть. Художникъ Зичи, путешествуя по Кавказу въ 1881 году, разсказываетъ, что онъ былъ пораженъ необыкновенной точностью описаній Лермонтова—«весьма даже неживописныхъ мѣстностей, а также и строеній, гдѣ, по разсказу, какъ бы происходилъ романъ «Княжна Мери».—Это дало мысль художнику зарисовать эти виды и зданія, пока новыя условія жизни не сметутъ остатки старины. Теперь эти измѣненія уже произошли. «Точность» описанія мѣстностей Лермонтовымъ приходится въ большинствѣ случаевъ уже принимать на вѣру. Но точность наблюденій движенія человѣческаго сердца и свойствъ характера людей, а также ихъ думъ и стремленій, мы провѣряемъ не по фотографически вѣрнымъ снимкамъ, а по даннымъ нашего сознанія, поэтому реализмъ Лермонтова живъ и понынѣ и лишь по-новому нами воспринимается.

Подобно алмазу, черезъ который лучъ солнца, преломляясь, проходитъ въ сіяніи цвѣтовъ радуги, и эта лучистость даетъ возможность каждому выбрать наиболѣе ему нравящійся цвѣтъ, такъ и поэзія Лермонтова представляется намъ въ сіяніи разноцвѣтныхъ лучей, и мы ищемъ въ нихъ соотвѣтствій нашимъ настроеніямъ и переживаніямъ. Съ разныхъ сторонъ, какъ мы видѣли, подходятъ теперь вновь къ Лермонтову, признавая въ немъ родоначальника современныхъ вѣяній и теченій. По которому пути пошелъ бы самъ поэтъ, если бы какимъ-либо чудомъ его жизнь продлилась до насъ? Конечно, отвѣтъ можетъ быть только гадательный, но исторія облегчаетъ и какъ бы подсказываетъ его: онъ развился бы въ томъ направленіи, въ которомъ шли наши «великіе», къ семьѣ которыхъ по духу онъ принадлежитъ. Онъ бы шелъ съ Достоевскимъ и встрѣтился бы съ Львомъ Толстымъ. Онъ порадовался бы, какъ поэтъ Божьей милостью, возрожденію нашей поэзіи съ 90-хъ годовъ, но, можетъ быть, удивился бы тому, что его слишкомъ затягиваютъ въ сѣти спорнаго модернизма, такъ какъ онъ поэтъ внѣспорный. По-разному мы его вновь полюбили, и не только за высокохудожественныя качества нѣкоторыхъ лучшихъ его произведеній, которыя рисуются окончательными достиженіями въ области поэзіи. Намъ дороги и его ранніе опыты, гдѣ столько искренности чувства и блестковъ ума, при нѣкоторой неясности еще не сложившейся формы. Мы вѣримъ его вѣрѣ въ «райскіе напѣвы» и въ то, что «въ небесахъ онъ видѣлъ Бога», и что молитва можетъ облегчить «бремя души», но сочувствуемъ и его бунтарству противъ несовершенствъ земли, его богоборчеству, котораго источникъ все же въ любви и жаждѣ блага для всѣхъ. Умѣлъ ли онъ любить по-настоящему, такъ, какъ утверждалъ его провозвѣстникъ совре-

меннымъ поколѣніямъ и въ то же время изобличитель, все тотъ же Влад. Соловьевъ: «во всѣхъ любовныхъ темахъ Лермонтова главный интересъ принадлежитъ не любви и не любимому, а любящему *я*, во всѣхъ его любовныхъ произведеніяхъ остается нерастворимый осадокъ торжествующаго, хотя бы и безсознательнаго, эгоизма»?

Чтобы разрѣшить недоумѣніе, стоитъ лишь вспомнить его чудесное стихотвореніе «Ребенку»: «О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,—Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ, — Прекрасное дитя, я на тебя смотрю»... Это *чужое* дитя, но рожденное отъ любимой нѣкогда женщины, и—ни упрека, ни жалобы со стороны покинутаго поэта; онъ только высказываетъ предположеніе, что мать не забыла его, уча ребенка молиться за родныхъ, за знакомыхъ... Быть можетъ, «блѣднѣя», произнесла она его имя на-ряду съ другими, но значитъ и она его любила. И «если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно—Узнаешь ты его, — Ребяческіе дни — Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!» Тутъ нѣтъ уже эгоизма, а отзвукъ чистаго и безкорыстнаго чувства, ибо не за себя онъ проситъ, а ради матери, которую заставили пожертвовать своимъ чувствомъ къ поэту. И не сказалъ ли онъ намъ въ другомъ мѣстѣ:

Мы только разъ въ кругу земномъ
Горимъ взаимности огнемъ (I, 194).

Въ остальныхъ случаяхъ любовь—увлеченія, которыя не захватываютъ интимной стороны души. И взаимность уже не повторяется въ значеніи того истиннаго чувства, которое внушаетъ и Демону мысль: «Въ душѣ моей съ начала міра—Твой образъ былъ напечатлѣнъ»... Въ Лермонтовѣ, повидимому, также былъ «напечатлѣнъ» въ душѣ образъ той Единственной, которую онъ любилъ устойчивой привязанностью всю свою краткую жизнь, но не суждено было ему съ ней соединиться, такъ какъ ее выдали замужъ за другого человѣка. И этотъ мотивъ—про любимую дѣвушку, выданную за другого, повторяется въ цѣломъ рядѣ произведеній до послѣдней драмы «Два брата» и эпизода съ Вѣрой въ романѣ «Герой нашего времени», включительно. Лермонтовъ, однако, увлекался и другими женщинами и дѣвушками; онъ постоянно за кѣмъ-нибудь ухаживалъ, любилъ,—то безнадежно, то мстилъ за раньше отверженную любовь, мстилъ жестоко, некрасиво, очень носился со своимъ самолюбіемъ и дѣйствительно не разъ любящее *я* совершенно заслоняло предметъ любви. Но это объясняется просто: стараясь заглушить настоящее чувство, которому онъ не могъ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ, дать волю, онъ искалъ чѣмъ замѣнить его, прислуши-

вался къ каждому новому увлеченію,—авось оно выростетъ въ настоящую любовь, и отсюда вполнѣ понятно, что вниманіе было обращено въ особенности на свое *я*, въ ущербъ вниманію къ объекту любви.

Выростало ли конкретное чувство Лермонтова къ конкретному живому существу — Варварѣ Александровнѣ Лопухиной, по мужу Бахметьевой,—въ представленіе о Вѣчной Женственности, какъ склоненъ это вывести Мережковскій, сливается ли его мечта о недостижимой возлюбленной съ той Незнакомкой, которую воспѣвалъ Александръ Блокъ, какъ это пытается установить г. Закржевскій,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Лермонтовъ шелъ въ направленіи именно идеализаціи женскаго образа, которому присваивались нѣкоторыя черты обобщенной, символической Беатриче въ лирикѣ и поэмѣ Данте. И это возвеличеніе образа вытекало только изъ собственныхъ чувствованій поэта, изъ данныхъ его сознанія, изъ его души,—при отчужденіи отъ предмета любви, поэтому вполнѣ понятно, что *я* поэта выдвигалось на первый планъ—не изъ эгоизма, а въ силу душевнаго одиночества.

Когда слишкомъ настаиваютъ на автобіографичности образа Печорина, въ которомъ Лермонтовъ весьма вѣроятно вложилъ много своего, то все же забываютъ главное: Лермонтовъ въ Печоринѣ не далъ *всего себя*, и одно это обстоятельство уже исключаетъ мысль объ автопортретѣ; величайшей ошибкой представляется отожествленіе личности автора и его поэтическаго вымысла. Печоринъ, а не Лермонтовъ, говоритъ, что его «любовь никому не принесла счастья, потому что онъ ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: онъ любилъ для себя, для собственнаго удовольствія» и т. д. Лермонтовъ же говорилъ, что онъ любилъ три раза и всѣ три раза безнадежно, не пріобрѣтая, какъ Печоринъ, исключительной власти надъ женщинами. Лермонтовъ, а не Печоринъ, говорилъ намъ иносказательно, что онъ старался забыться въ новыхъ привязанностяхъ, но это ему не удавалось. Лермонтовъ сознавалъ, въ чемъ Печоринъ отражалъ «пороки времени», тогда какъ его герой лишь слѣдовалъ своимъ влеченіямъ. Лермонтовъ, правда, надѣлилъ Печорина и нѣкоторыми своими положительными свойствами,—глубокимъ чувствомъ природы, выдающимся умомъ, сильной волей и тѣмъ особымъ качествомъ, о которомъ пишетъ ему Вѣра: «никто не можетъ быть такъ истинно-несчастливъ, какъ ты».

Однако, могли ли бы мы себѣ представить Печорина, всегда нѣсколько чопорнаго, щегольски одѣтаго, хотя бы и въ черкескѣ, но тоже изъ щегольства, съ обликомъ свѣтскаго молодого человѣка изъ петербургскаго лучшаго общества, брезгливо расточительнаго

со знакомыми, которыхъ онъ всѣхъ немного презиралъ,—въ томъ обликѣ, въ какомъ описываетъ намъ самого Лермонтова одинъ изъ его товарищей на Кавказѣ: «Онъ былъ противенъ мнѣ своей неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшей изъ-подъ вѣчно разстегнутаго сюртука.—Собралъ какую-то шайку головорѣзовъ. Совершенно входя въ ихъ образъ жизни, спалъ на голой землѣ, ѣлъ съ ними изъ одного котла и раздѣлялъ всѣ трудности похода»... Развѣ не особенно милъ намъ Лермонтовъ въ такія минуты своей жизни и развѣ не правъ Мережковскій, когда, цитируя вышеприведенныя слова, замѣчаетъ: «солдатской рубахой Лермонтова—предсказанъ мужицкій полушубокъ Льва Толстого». И тутъ опять-таки «родоначальникъ»!..

Есть въ подъемахъ и паденіяхъ Лермонтова-человѣка, въ его переходахъ отъ одного настроенія къ другому, противоположному, въ его сомнѣніяхъ, отрицаніяхъ и нахожденіяхъ, неизмѣнно цѣнная черта исканія истины, какова бы она ни была, и этимъ искательствомъ онъ особенно намъ близокъ и дорогъ.

По-разному, какъ указано, мы восприняли и полюбили теперь Лермонтова, и если въ его усвоеніи усматривается порой и присвоеніе съ видоизмѣненіемъ его настоящаго духовнаго облика и качествъ его поэзіи, то этому не приходится удивляться: таковъ удѣлъ многихъ «великихъ», въ этомъ даже создается какая-то особая посмертная жизнь—въ мнѣніяхъ и пониманіи ихъ твореній потомствомъ.

Младшіе представители современнаго поколѣнія, особенно желающіе слить образъ Лермонтова со своими стремленіями и переживаніями, выдвигаютъ, однако, и такую черту, которая указываетъ на рѣзкое расхожденіе въ свойствахъ Лермонтовской поэзіи съ современной, «самоновѣйшей»: «Искусство, говорятъ они, кончено, потому что умерла идейность» (Закржевскій, о. с., 148). Лермонтовъ же полагалъ, что великая мысль никогда не можетъ погибнуть, а стало быть, и идейность не можетъ умереть. И дѣйствительно, вся его поэзія связана неразрывно съ мыслями и идеями, которыя обезпечиваютъ ея долговѣчность такъ же, какъ совершенство формы. Его идеи—прославленіе воли, стремленіе къ дѣйственности, культъ свободы и глубокое чувство правды. «Есть,—писалъ Лермонтовъ,—чувство правды въ сердцѣ человѣка—Святое вѣчности зерно» (I, 180). «Въ чьей головѣ больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ»,—писалъ юноша Лермонтовъ, вѣрившій также, что «человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего-нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться». Афоризмовъ о значеніи твердой воли у него—

сколько угодно, и среди расплывчатой россійской обломовщины съ особымъ рельефомъ выдѣляется волевая натура Лермонтова. А съ ранняго времени и до конца дней онъ особенно выдвигалъ идею свободы, которую возвеличивалъ надъ всѣми другими. Мы можемъ досказать его мысль словами современнаго поэта,—Ѳ. Сологуба,—который въ этомъ отношеніи вполнѣ съ нимъ сходится:

И повѣрьте великимъ вѣщаньямъ,
Что свобода не вѣдаетъ зла,
Что она только яснымъ желаньямъ
Силу жизни дала.

Ѳ. Батюшковъ.

АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Не въ первый разъ приходится мнѣ высказываться по вопросу о турецкой Арменіи. Съ тѣхъ поръ, какъ въ ней за послѣдніе годы сказалось рѣшительное тяготѣніе къ Россіи и русское правительство приняло на себя миссію покровителя и заступника по отношенію къ христіанскимъ народамъ Востока, армянскій вопросъ стоитъ въ числѣ тѣхъ, которые требуютъ неотложнаго рѣшенія и, по всей вѣроятности, получатъ его отъ того конгресса, которому поручено будетъ ликвидировать настоящее международное столкновеніе не въ одной Европѣ, но также въ Африкѣ и Азіи. Начиная съ XIV в., когда Арменія потеряла свое государственное существованіе, ея судьбы стали тѣсно зависѣть отъ судебъ мусульманскаго Востока и его заправилъ—турокъ и персовъ. Въ XIX столѣтіи наши попытки, направленныя къ тому, чтобы придти на помощь единовѣрцамъ въ передней Азіи, имѣли для армянъ лишь самыя тяжкія послѣдствія. Чтобы избѣжать преслѣдованій, имъ приходилось выселяться массами въ теперешнее Закавказье, такъ какъ турки и персы жестоко мстили имъ за то содѣйствіе, какое они оказывали русскимъ войскамъ. Такъ было въ 1826 г. во время нашей войны съ персами; такъ было въ 1828—29 годы, въ годы войны Россіи съ Турціей. А послѣ заключенія туркманчайскаго мира съ Персіей до 40 тысячъ армянъ переселились въ предѣлы нашей имперіи. Война съ Турціей также повела къ выселенію цѣлыхъ десятковъ тысячъ турецкихъ армянъ. Сказанное примѣнимо и къ войнамъ 1854—55, 1877—78 годовъ. Русскія войска непремѣнно встрѣчали

радушный пріемъ въ Арменіи, разнообразную и существенную помощь. Турки мстили имъ за это. Армяне переселялись въ предѣлы православной имперіи или жестоко расплачивались за свое сочувствіе къ намъ.

На санъ-стефанскомъ мирѣ выговорено было въ ихъ пользу 16-ымъ параграфомъ, по настоянію армянскаго патріарха Нерсеса, обѣщаніе Высокой Порты «осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія тѣ реформы, которыя требуются мѣстными нуждами провинцій, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ курдовъ и черкесовъ». Этотъ параграфъ легъ затѣмъ въ основу 61 статьи берлинскаго договора. Послѣ этого можно было надѣяться, что для армянъ Турціи настанетъ новая пора. Европа принимала на себя заботу объ ихъ будущемъ и сумѣла заручиться формальнымъ обѣщаніемъ Турціи. Она обязывалась даже сообщать періодически правительствамъ, заключившимъ съ нею договоръ, о мѣрахъ, принятыхъ ею въ этомъ направленіи, а державы обязывались слѣдить за исполненіемъ этихъ мѣръ. Но на практикѣ изъ всѣхъ этихъ обѣщаній ничего не вышло. Порта умѣла отписываться, а Европейскія державы не обнаруживали твердости въ своихъ настояніяхъ. Можно сказать даже, что берлинскій договоръ въ концѣ-концовъ повелъ къ ухудшенію участи армянъ. Предвидя необходимость ввѣрить управленіе провинціей съ преобладающимъ армянскимъ населеніемъ въ руки христіанскихъ губернаторовъ, турецкое правительство въ правленіе Абдулъ-Гамида было не прочь разрѣдить густоту армянскихъ поселеній съ помощью погромовъ, отдавая каждый разъ армянъ на расправу курдамъ и черкесамъ. Ни одни племенныя и религіозныя отличія разъединяли курдовъ и черкесовъ отъ армянскаго населенія. Причиной распри служили и старые сословно-земельные счеты. Курдскіе ага были нѣкогда господами надъ крѣпкимъ къ землѣ армянскимъ населеніемъ. Они облагали ихъ непомѣрными поборами, заставляли работать на себя большую часть недѣли, считали себя феодальными главами, а армянъ крѣпостными, сидящими на ихъ земляхъ. Эти старые счеты оживаютъ и теперь каждый разъ, когда турецкое правительство не только не видитъ разсчета въ противодѣйствіи имъ, но наоборотъ поощряетъ національную и религіозную вражду, видя въ томъ одно изъ средствъ проведенія своей внутренней политики. Погромы происходили не разъ съ его вѣдома и тайнаго согласія. Тысячи и десятки тысячъ являлись жертвою чинимой курдами и черкесами рѣзни. Въ статьѣ, до нѣкоторой степени написанной противъ меня и появившейся въ журналѣ международной политики, выходившемъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ въ 1913 и въ первой половинѣ 1914 г., г. Михаилъ Павловичъ

насчитываетъ 300 тысячъ жертвъ во время погрома армянъ въ августѣ 1896 года, одновременно въ Трапезундѣ, Битлисѣ, Діарбекирѣ, Цезарсѣ и Константинополѣ. Этотъ погромъ былъ далеко не изъ первыхъ по времени. Ему предшествовалъ рядъ другихъ, начиная съ 1876 года, когда 258 селеній, 32 монастыря и 3 города, по словамъ патріарха Нерсеса, сдѣлались ареною жестокой расправы курдовъ.

Я не буду останавливаться на разборѣ тѣхъ нареканій, которыя были выдвинуты противъ французской и русской дипломатіи, обвиняемой въ томъ, что ею не были приняты своевременно мѣры къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ самый погромъ. Господинъ Павловичъ настаиваетъ на отвѣтственности какъ Ганото, такъ и Лобанова-Ростовскаго, которому приписывали въ это время болѣе чѣмъ необдуманную фразу—«Россія желаетъ получить Арменію безъ армянъ». Армяне считались въ это время своего рода революціоннымъ бродиломъ на Кавказѣ. Правительство не желало увеличивать ихъ числа и ссориться изъ-за нихъ съ Портою. Отданъ былъ, поэтому, приказъ противиться силою ихъ переселенію въ Закавказье. Можно было надѣяться, что, съ водвореніемъ младотурецкаго режима въ Константинополѣ, прекратится преслѣдованіе армянъ. Разсчетъ былъ ошибоченъ: младотурки оказались узкими націоналистами, враждебными сохраненію армянами ихъ исторической обособленности и неспособными осуществить тѣ обѣщанія, какія содержалъ въ себѣ берлинскій договоръ по отношенію къ реформамъ въ Арменіи. Продолжавшаяся вражда русскаго правительства къ послѣднимъ въ предѣлахъ Закавказья за все время намѣстничества въ немъ кн. Голицына оставляла турецкихъ армянъ беззащитными по отношенію къ ихъ вѣковымъ угнетателямъ.

Въ 1894 и 1896 годахъ погромы приняли, какъ было нами указано, массовый характеръ и происходили на протяженіи почти всей имперіи.

Въ 1908 году они были не менѣе жестоки, но болѣе или менѣе локализированы. Наиболѣе извѣстенъ погромъ въ Адана, въ который число жертвъ было болѣе 20 тысячъ. Въ 1909 и въ 1910 годахъ дѣло обошлось не безъ погромовъ; но они не носили прежняго характера чего-то предписаннаго свыше и производимаго систематично. Европа перестала относиться равнодушно къ тому, что происходило въ Турціи подъ предлогомъ, что въ ней водворился либеральный режимъ. Россія, отказавшаяся отъ недавней борьбы съ армянской церковью и вернувшая ей ея земли и завѣдываніе церковными школами, снова приняла на себя роль заступника армянъ. Нашъ посолъ въ Турціи Гирсъ въ депешѣ отъ 26 ноября

1912 г. между прочимъ пишетъ: «Съ памятныхъ годовъ, съ 1894 по 1896 годъ, когда армяне подверглись варварскому избіенію въ Малой Азіи и самомъ Константинополѣ, положеніе ихъ не измѣнилось къ лучшему. Указъ о реформахъ въ армянскихъ провинціяхъ, изданный Абдулъ-Гамидомъ 20 октября 1895 г. подъ давленіемъ Россіи, Франціи и Англіи, остался мертвой буквой. Аграрный вопросъ обостряется съ каждымъ днемъ: большинство земель захвачено и захватывается курдами; власти не только не препятствуютъ, но даже покровительствуютъ этому. Консула наши единодушно свидѣтельствуютъ о непрекращающихся разбояхъ и грабежахъ курдовъ, объ убійствахъ ими армянъ и о насильственномъ обращеніи армянскихъ женщинъ въ исламъ, при чемъ виновники безчинствъ почти никогда не привлекаются къ отвѣтственности». Католикосъ всѣхъ армянъ черезъ намѣстника Кавказа обратился къ Россіи, какъ къ исконной защитницѣ православныхъ на Востокѣ, и умолялъ взять подъ свое покровительство многострадальный армянскій народъ въ турецкой Арменіи. Посолъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы Россіей дано было обѣщаніе оказать покровительство армянамъ и чтобы объ этомъ извѣщены были патріархъ въ Константинополѣ и католикосъ въ Эчміадзинѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ отвѣчалъ на телеграмму увѣдомленіемъ, что онъ уже нѣсколько времени тому назадъ указалъ турецкому послу въ Петроградѣ на необходимость для Турціи теперь же и по собственной иниціативѣ серьезно заняться вопросомъ о преобразованіи въ турецкой Арменіи.

Въ серединѣ декабря 1912 г. Гирсъ увѣдомляетъ, что Порта, освѣдомленная о намѣреніи армянъ обратиться къ иностранной помощи, выработала проектъ реформъ въ Арменіи и внесла его въ особую комиссію; къ участію въ ней привлечено и нѣсколько армянъ. Правительственный проектъ, прибавляетъ онъ, считается армянами непріемлемымъ, т. к. не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ ихъ требованіямъ. Армянскіе комитеты въ Парижѣ и Лондонѣ намѣрены обратиться къ мѣстнымъ правительствамъ. Въ зависимости отъ нашего отношенія къ армянскому вопросу, они будутъ просить либо о коллективномъ заступничествѣ державъ, либо о порученіи одной Россіи вести армянское дѣло.

Въ это время мнѣ пришлось проѣздомъ черезъ Парижъ встрѣтиться съ Нубаръ-пашей, которому поручено было армянскимъ католикосомъ въ Эчміадзинѣ войти въ сношенія съ французскими властями и побудить ихъ къ болѣе дѣятельному заступничеству за армянъ Турціи. Нубаръ-паша собирался на съѣздъ армянъ въ Лондонѣ, приглашалъ меня прибыть на него, о чемъ одновременно

ходатайствовали и нѣкоторые представители армянства въ Петроградѣ. Я счелъ нужнымъ послать съѣзду армянскихъ патріотовъ выраженіе моего искренняго сочувствія ихъ дѣлу и высказался въ пользу скорѣйшаго проведенія обѣщанныхъ Турціей реформъ.

Выработанный Россіею проектъ ихъ разошелся съ тѣмъ, который составленъ былъ Портою, но нашелъ поддержку у англичанъ и французовъ и встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны германскаго и австрійскаго уполномоченныхъ. Онъ долженъ былъ объединить 6 вилайетовъ (Ванъ, Битлисъ, Эрзерумъ, Сивасъ, Харнутъ, Діарбекиръ) сѣверной Анатоліи подъ властью одного генеральнаго инспектора, рекомендованнаго Портѣ европейскими державами. Порта не пожелала удовлетворить этому требованію, разсчитывая на оправдавшуюся поддержку Германіи и Австріи. Дипломатическая переписка министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ представляетъ на этотъ счетъ исчерпывающія данныя.

Проектъ, внесенный Портою, по словамъ нашего посла, отличался неполнотою и долженъ былъ считаться шагомъ назадъ сравнительно съ закономъ 12 октября 1895 г., выработаннымъ по почину Россіи, Франціи и Англіи. Оба одинаково учреждаютъ должность генеральнаго инспектора для армянскихъ вилайетовъ или губерній и подчиняютъ ему валіевъ, или губернаторовъ. Но тогда какъ законъ 1895 г. создаетъ при Портѣ постоянную контрольную комиссію и признаетъ за послами право сношеній съ нею, нынѣшній законопроектъ учреждаетъ особую комиссію при одномъ генералъ-инспекторѣ. Комиссія эта составляется изъ 3 христіанъ и 3 мусульманъ. Предсѣдательствуетъ въ ней совѣтникъ генералъ-инспектора, иностранецъ, принятый на турецкую службу. Объ участіи христіанъ въ администраціи и самоуправленіи, подобномъ тому, о которомъ заходила рѣчь въ 1895 г., новый проектъ ничего не говоритъ. Онъ имѣетъ въ виду распространить реформу не на всѣ армянскія провинціи, а только на 4. Вилайеты Эрзерума и Сиваса были обойдены. Приглашенные въ комиссію армянскіе дѣятели указали на эти недочеты, настаивали на необходимости уравненія армянскаго и турецкаго языковъ при судоговореніи, на неотложности разрѣшить земельный вопросъ; и, признавая затѣмъ свою задачу исчерпанной, они посовѣтывали Портѣ обратиться къ патріархату.

Французское правительство поспѣшило заявить русскому о готовности поддержать его предложеніе на счетъ реформъ въ Турецкой Арменіи. Явившійся къ нашему послу въ Парижѣ Извольскому Богосъ Нубаръ-паша заявилъ ему, что турецкіе армяне не желаютъ поднимать вопроса объ автономіи или перемѣнѣ подданства, а говорятъ только о проведеніи реформъ, предусмотрѣнныхъ берлинскимъ

трактатомъ. Торжество младотурковъ, составленіе ими кабинета взамѣнъ того, главою котораго былъ Кіамиль-паша, имѣло послѣдствіемъ перерывъ дальнѣйшихъ сношеній по вопросу объ автономіи армяно-курдскихъ провинцій. А между тѣмъ безпокойства, вызванныя прежними столкновеніями курдовъ съ армянами, снова ожили.

Конечно, интересно знать, чѣмъ вызываются эти постоянныя тренія между мусульманскимъ населеніемъ и армянами? Съ турецкой стороны указываютъ на экономическую зависимость, въ которой нехристіанское населеніе якобы находится отъ армянъ. Такое утвержденіе можетъ быть принято на вѣру тѣми, кто у насъ, въ Россіи, считаетъ армянъ исключительно занятыми торговлею и кредитными сдѣлками. Но въ дѣйствительности всего пятая часть ихъ занята не земледѣліемъ, а другими промыслами. Обыкновеннымъ поводомъ столкновеній являются попытки беевъ и курдскихъ аговъ присвоить себѣ армянскія земли. Въ донесеніи, представленномъ отъ имени армянскаго патріарха Оганеса Архаруни Верховной Портѣ, прямо говорится о преступленіяхъ, совершенныхъ феодальными начальниками при благожелательномъ отношеніи чиновниковъ, забывшихъ о своихъ обязанностяхъ. Этихъ феодальныхъ начальниковъ обвиняютъ въ томъ, что они провозглашаютъ себя собственниками домовъ, земель, нивъ и виноградниковъ какъ тѣхъ армянъ, которые принуждены эмигрировать за-границу, такъ и тѣхъ, которые не думаютъ покидать своихъ очаговъ. Мѣстныя власти, пренебрегая велѣніями закона, одобряли эти захваты; подъ предлогомъ выморочности, они конфисковали извѣстное количество земель и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на жалобы потерпѣвшихъ, хитростью заставляли ихъ скрѣплять своими подписями нѣкоторые акты передачи имуществъ и ихъ регистраціи. Земли, разъ отобранныя, раздавались новымъ колонистамъ-мусульманамъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ послѣднихъ очутились на правахъ собственности земли, зависѣвшія ранѣе отъ церквей и монастырей, земли, пріуроченныя къ кладбищамъ, а вмѣстѣ съ ними усадебныя постройки, ранѣе занятыя армянами. Тысячи армянъ оказались лишенными имущества и потерявшими унаслѣдованныя ими отъ предковъ жилища. Такіе захваты, очевидно, проходили не безъ вѣдома правительственной власти, иначе турецкій государственный совѣтъ постановленіемъ отъ 1 сентября 1326 года (считая отъ «геджиры») не утвердилъ бы произведенныхъ распоряженій по отношенію къ землямъ и жилищамъ, временно покинутымъ армянами.

«Доступные подкупу чиновники,—жалуется патріархъ, — воспользовались этимъ постановленіемъ и стали поддерживать тѣхъ, кто производилъ новые захваты, придавая имъ тѣмъ самымъ какъ

бы закономѣрный характеръ. Мѣстное отдѣленіе земельнаго банка также немало содѣйствовало такому переходу армянскихъ земель въ руки мусульманъ. Заложенныя крестьянскія имущества сплошь и рядомъ продавались банкомъ за пустякъ феодальнымъ начальникамъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда армянамъ удавалось добиться кассаціи рѣшенія въ свою пользу, приговоры верховнаго суда о возвращеніи имъ земель оставались безъ исполненія». Земельный вопросъ патріархъ признаетъ источникомъ всего зла. Захваты продолжаются. Лицамъ, виновнымъ въ нихъ, выдаются акты укрѣпленія имуществъ. Въ теченіе 1907-го года, новые колонисты поселены были на земляхъ армянъ подъ предлогомъ выморочности.

Рядомъ съ этимъ идетъ оживаніе крѣпостного права. Феодализмъ, создающій, по выраженію патріарха, «государство въ государствѣ», находитъ поощреніе и упрочивается. Армянскіе крестьяне призываются къ несенію барщины и къ поголовному платежу извѣстныхъ взносовъ, съ которыми связано понятіе о крѣпостномъ состояніи. Земельные захваты и обложенія крестьянъ поборами сплошь и рядомъ производятся бродячими племенами. Вопреки всякому праву, они переносятъ свои палатки на земли, заселенныя мирными жителями, и предаются грабежамъ и насиліямъ. До сихъ поръ они не встрѣтили противодѣйствія. Этимъ объясняется, почему въ окрестностяхъ Вана и Битлиса они захватили земли, стали травить поля своими стадами, обезземеливая мирное населеніе. Въ вилайетахъ Битлиса и Діарбекира, какъ и въ окрестностяхъ Муша и Вана, главы этихъ бродячихъ племенъ присваиваютъ себѣ право облагать поборами, какъ своихъ вассаловъ, не только армянъ, но также курдовъ и турокъ. Эти поборы носятъ разныя названія, гдѣ кафирлика, улама, гдѣ кабала и зойра. Одно изъ этихъ названій, «ангаріа», вызываетъ въ нашей памяти порядки, унаслѣдованные еще отъ Рима и извѣстные всей средневѣковой Европѣ. Это своего рода общественныя помочи, оказываемыя крестьянами помѣщику во время уборки и нахоты. Они могутъ быть замѣнены выкупомъ, и въ такомъ случаѣ носятъ характеръ поборовъ. Такъ какъ армяне лишены права носить оружіе, то они не имѣютъ возможности оказывать серьезнаго сопротивленія, и имъ остается только ходатайствовать, но, повидимому, безуспѣшно, о томъ, чтобы образованы были отряды жандармеріи, наблюдающіе за горцами и препятствующіе ихъ набѣгамъ на мирныхъ жителей.

Въ другомъ посланіи, направленномъ тѣмъ же армянскимъ патріархомъ къ великому визирю и министру юстиціи и культовъ, болѣе обстоятельно изображены тѣ притѣсненія, жертвой которыхъ являются армяне-землевладѣльцы. Съ скрытой цѣлью извести хри-

стіанское населеніе въ Малой Азіи, армянъ,—пишетъ патріархъ,—стали обвинять въ намѣреніи возстать противъ султана и образовать независимое армянское государство. Этимъ вызваны были въ Анатоліи и въ самой столицѣ кровавые погромы и организованныя истребленія. Тысячи армянъ должны были для спасенія своей жизни выселиться изъ Турціи. Все это происходило при старомъ порядкѣ, т.-е. до провозглашенія турецкой конституціи. Служители Абдулъ-Гамида рѣшили продолжать борьбу съ армянами, начатую мечемъ, административными мѣрами, направленными къ тому, чтобы удалить ихъ изъ прежнихъ очаговъ. Обнародовано было правительственное сообщеніе, гласившее, что желающіе покинуть страну будутъ призваны подписывать обязательство не возвращаться въ Турцію послѣ перемѣны ими подданства. Эти мѣры строгости были усилены современемъ, и армянамъ запрещенъ былъ не только отъѣздъ въ Европу, но и переходъ изъ одной области въ другую. Въ такихъ условіяхъ имъ не осталось другого средства, какъ бѣжать тайно, подкупая чиновниковъ. Послѣ ихъ ухода чиновники, феодальные старшины и даже простонародье, настаивая на томъ, что армяне перешли въ другое подданство, стали захватывать ихъ земли подъ предлогомъ выморочности. Тѣхъ же армянъ, которымъ не удалось эмигрировать, они всякими правдами и неправдами лишали возможности обрабатывать землю въ теченіе трехъ лѣтъ—а по мусульманскому праву «тотъ, кто трудомъ оживитъ землю, пролежавшую впустѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, пріобрѣтаетъ на нее право собственности». Другіе прибѣгали ко всякаго рода дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ, чтобы помѣшать армянамъ обжаловать мусульманскіе захваты въ теченіе 10-ти лѣтъ, т.-е. въ теченіе давностнаго срока.

Независимо отъ аграрнаго вопроса, вызваннаго къ жизни только-что описанными событіями, столкновенія армянъ съ мѣстнымъ населеніемъ имѣютъ свои причины въ насиліяхъ всякаго рода, проходящихъ почти безнаказанно. Въ числѣ ихъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ захваты женщинъ курдами, насильственное обращеніе въ мусульманство уведенныхъ армянокъ. Кровавыя расправы, вызываемыя отдѣльными актами не только убійства, но и покушенія, объясняются держащейся въ средѣ курдскихъ племенъ кровавой местью. Эти насилія не встрѣчаютъ достаточной репрессіи со стороны мѣстныхъ властей и продолжаютъ длящіяся междоусобія.

Послѣ ряда представленій Высокой Портѣ, не вызвавшихъ со стороны турецкаго начальства ничего, кромѣ попытки оффиціальнаго опроверженія самыхъ фактовъ на основаніи пристрастныхъ

сообщеній губернаторовъ Вана и Битлиса, патріархъ Арчаруни не счелъ возможнымъ оставаться болѣе на своемъ посту и послалъ національному собранію армянъ мотивированное заявленіе о своей отставкѣ. Въ его посланіи значится между прочимъ: «Начиная съ 12-го іюня текущаго 1908-го года, постоянно совершаются преступленія, направленныя противъ армянъ, въ вилайетахъ Вана, Битлиса, Діарбекира. Всѣ наши заявленія и ходатайства оказались безплодными. Преступники не задержаны и не подвергнуты наказанію. Въ бездѣйствіи и скрытой поддержкѣ мѣстныхъ властей они находятъ новое поощреніе къ своей преступной дѣятельности. Армянское населеніе, какъ лишенное оружія, не имѣетъ возможности само справиться съ вооруженными бандитами. Наши соплеменники, разсѣянные по всему міру, отовсюду шлютъ свои протесты; возбужденіе растетъ и положеніе становится все болѣе и болѣе труднымъ и опаснымъ. Не желая далѣе брать на себя отвѣтственности за дальнѣйшій ходъ событій и лишенный возможности исполнять,—какъ онъ выражается,—самую существенную часть своихъ обязанностей, патріархъ турецкихъ армянъ поставленъ въ тяжелую необходимость сложить съ себя свои полномочія».

Въ мартѣ 1910 г. въ меморандумѣ, представленномъ великому визирю, мы читаемъ: по сообщенію съ мѣстъ въ Баязетѣ и его окрестностяхъ, въ Діарбекирѣ, Ванѣ, Мушѣ, Битлисѣ и Чарсанджакѣ готовятся трагическія событія, подобныя тѣмъ кровавымъ погромамъ, которые ранѣе произошли въ Адана и Алеппо. Патріархъ ходатайствуетъ объ обузданіи курдовъ и о роспускѣ той военной стражи, которая создана была еще султаномъ Абдулъ-Гамидомъ и извѣстна подъ названіемъ полковъ Гамидіе. Въ октябрѣ слѣдуетъ новое представленіе, поводъ къ которому даетъ насильственный уводъ женщинъ и обращеніе ихъ въ исламизмъ. Перешедшіе въ магометанство во время прежнихъ погромовъ исключительно ради спасенія своей жизни желали бы, въ числѣ 118-ти человѣкъ, воспользоваться обѣщанной свободой совѣсти, чтобы вернуться въ вѣру отцовъ, но не смѣютъ сдѣлать этого изъ страха передъ беями и курдскими агами. Они ходатайствуютъ, поэтому, о томъ, чтобы ихъ жизнь, честь и имущество были поставлены подъ защиту. Въ апрѣлѣ и маѣ 1911-го года новыя жалобы на уводъ женщинъ, на убійство курдами священника и семи армянъ, а въ іюлѣ въ новомъ донесеніи министру юстиціи и культовъ говорится, что повсюду въ Анатоліи армяне являются жертвой вымогательствъ, убійствъ и т. д.; ихъ дома и поля захвачены, невинная кровь льется рѣкою—однимъ словомъ, все происходитъ по-старому, какъ будто бы и не наступило перемѣны въ государственныхъ порядкахъ

со времени обнародованія конституціи. Никакихъ мѣръ не принято противъ убійцъ священника и семи человѣкъ, на что́ жаловались ранѣе, и можно ждать только повторенія такихъ насилій. Въ августѣ того же года изъ Битлиса приходитъ извѣстіе, что всѣ дороги въ провинціи попали въ руки курдовъ, что передвиженіе по нимъ для армянъ небезопасно, что ежедневно происходятъ убійства, что тѣ, кто указываютъ на убійцъ, въ свою очередь подвергаются насиліямъ.

Намъ пришлось бы впадать въ постоянныя повторенія, если бы мы вздумали исчерпать весь обширный матеріалъ, собранный составителями отдѣльныхъ тетрадей изданія, озаглавленнаго «La situation des Arméniens en Turquie».

Европейскія правительства не могутъ болѣе ссылаться на недостаточную освѣдомленность. Кровь армянская вопіетъ къ нимъ и настоятельно требуетъ осуществленія того заступничества, которое было обѣщано угнетаемой въ теченіе вѣковъ христіанской народности. Но счеты между самими державами, группирующимися въ два союза, одинаково направленными, повидимому, къ охраненію мира и въ то же время борющимися между собою изъ-за сферъ вліянія, парализуютъ дѣятельность европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ. Германія считаетъ себя заинтересованной стороною, такъ какъ затѣваемая ею желѣзнодорожная цѣпь проходитъ черезъ мѣстности Малой Азіи, надъ которыми въ стратегическомъ отношеніи господствуетъ армянское плоскогорье—область, населенная армянами. Она противилась бы, поэтому, одностороннему выступленію Россіи въ роли предстателя за армянъ. Англія и Франція, въ свою очередь, отступаютъ передъ мыслью объ очень дѣятельномъ предстательствѣ, не желая вызвать недовольства среди мусульманскаго населенія своихъ колоній, для котораго султанъ попрежнему остается главою правовѣрныхъ.

Въ серединѣ іюля новаго стиля засѣдала особая конференція по вопросу о реформахъ въ армянскихъ провинціяхъ Турціи. Французскій и англійскій уполномоченные поддерживали русское предложеніе объединить шесть вилайетовъ, въ составъ которыхъ въ значительномъ числѣ входятъ армяне, подъ властью одного христіанскаго генералъ-инспектора. Германскій уполномоченный, а за нимъ и австрійскій, на это не соглашались, полагая, что такая автономія не въ интересахъ Турціи и что населеніе названныхъ вилайетовъ болѣе чѣмъ на-половину мусульманское. Они настаивали на предпочтительности такихъ порядковъ, при которыхъ обѣ половины населенія имѣли бы, въ лицѣ правительства, радѣтеля о своихъ нуждахъ, а для этого слѣдовало бы высшему административному

лицу по назначенію Порты имѣть двухъ помощниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ бы христіанинъ, а другой мусульманинъ. То же равновѣсіе христіанъ и мусульманъ должно быть сохранено и въ составѣ совѣта при генеральномъ комиссарѣ. Три члена въ этомъ совѣтѣ должны бы принадлежать къ числу христіанъ, три—къ мусульманамъ. При генеральномъ комиссарѣ и его совѣтѣ имѣется въ виду созданіе особаго представительнаго собранія, составленнаго одинаково изъ курдовъ и армянъ. Проектируется учрежденіе особаго коллегіальнаго органа въ Константинополѣ для осуществленія контроля надъ дѣятельностью генеральнаго комиссара и особой военной команды при комиссарѣ для приведенія въ исполненіе силою предписанныхъ имъ мѣръ.

Во время преній весьма опредѣленно выступаетъ солидарность правительствъ Германіи, Австріи и Италіи въ отстаиваніи суверенитета Турціи и возможнаго невмѣшательства европейскихъ державъ въ ея внутреннюю политику. Столь же опредѣленно представители Англіи и Франціи поддерживали заявленіе русскаго делегата, клонившееся къ возможно полному осуществленію обѣщаній, содержащихся въ 61 статьѣ берлинскаго договора, безъ чего положеніе армянъ продолжало бы оставаться беззащитнымъ по отношенію къ курдамъ и всему вообще мусульманскому населенію.

Комиссія разошлась, не достигнувъ соглашенія. Въ концѣ лѣта и началѣ осени возникли переговоры членовъ нашего правительства, посѣтившихъ Берлинъ,—министра иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ,—съ членами нѣмецкаго правительства, не исключая и канцлера. Происходили ли эти переговоры вопреки желанію нашихъ союзниковъ? Предположить это трудно. Весьма вѣроятно, что правительства Англіи и Франціи, одинаково заинтересованныя въ томъ, чтобы не вызвать недовольства между своими магометанскими подданными, охотно уступили Россіи руководящую роль въ переговорахъ съ правительствами тройственнаго согласія по вопросу, такъ или иначе связанному съ ограниченіемъ державныхъ правъ Порты и вмѣшательствомъ въ ея внутреннія дѣла.

Русской дипломатіи удалось отстоять возможно большее число предложенныхъ ею мѣръ. Соглашеніе державъ относительно реформъ въ Арменіи состоялось.

Представители европейскихъ державъ въ Константинополѣ остановились на мысли избрать нѣчто среднее между русскимъ и германскимъ предложеніями. Когда переговоры завершились редакціей такого смѣшаннаго проекта, Порта сдѣлала заявленіе, что она сама намѣрена выработать текстъ реформы, которая кореннымъ образомъ измѣнитъ положеніе жителей въ армянскихъ вилайетахъ. Долгое

время турки не давали, затѣмъ, никакого отвѣта на запросъ великихъ державъ, въ какомъ положеніи находится дѣло переустройства Арменіи. Наконецъ, великій визирь сообщилъ, что Турція намѣрена провести реформы, предположенныя въ 1880-мъ году. Въ этомъ наше правительство увидѣло намѣреніе Порты продолжать систему проволочекъ и нашло нужнымъ войти въ сношеніе съ берлинскимъ на счетъ неотложности армянскихъ реформъ.

Во время пребыванія С. Д. Сазонова въ Берлинѣ между нимъ и канцлеромъ Бетманомъ-Гольвегомъ и временно-управляющимъ нѣмецкимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ происходили переговоры. Германія обѣщала поддерживать Россію въ ея стремленіи достигнуть коренныхъ реформъ въ армянскихъ вилайетахъ въ Турціи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ германскій посолъ въ Константинополѣ бар. Вагенгеймъ настойчиво рекомендовалъ визирю заняться армянскимъ вопросомъ. Русскіе и германскіе дипломаты съ самаго начала удѣлили особое вниманіе вопросу о генералъ-инспекторахъ для армянскихъ вилайетовъ и о способѣ ихъ назначенія.

Рядомъ съ этимъ Россія и Германія одинаково настаивали на необходимости назначенія вали для армянскихъ вилайетовъ изъ числа оттоманскихъ подданныхъ, какъ христіанъ, такъ и мусульманъ, извѣстныхъ своимъ уваженіемъ къ законности и добросовѣстному выполненію инструкцій центральнаго правительства, такъ какъ отъ этихъ лицъ, въ сущности, и будетъ зависѣть осуществленіе реформъ.

Первоначально предполагалось, что генералъ-инспекторы армянскихъ вилайетовъ (независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія) будутъ назначаться Портой съ утвержденія державъ. Но, въ виду возраженій турецкой дипломатіи, вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ, что оба генералъ-инспектора назначаются Турціей только при «благожелательномъ отношеніи великихъ державъ».

Въ Константинополѣ предполагалось учрежденіе постоянной контрольной комиссіи для наблюденія за точнымъ выполненіемъ намѣченныхъ реформъ. Въ составъ этой комиссіи должны были войти шесть высшихъ сановниковъ имперіи,—трое христіанъ и трое мусульманъ. Комиссія въ правѣ принимать петиціи и жалобы отъ мѣстнаго населенія и всякаго рода доклады отъ представителей общинъ. Въ эту комиссію великодержавныя посольства въ Константинополѣ и должны были направлять свои объясненія и сообщенія относительно армянскихъ вилайетовъ.

Въ основу проекта русской и германской дипломатіи, что особенно важно, положенъ принципъ постояннаго контроля посольствъ надъ способомъ примѣненія намѣченныхъ реформъ. Признано не-

обходимымъ, чтобы этотъ контроль былъ дѣйствительнымъ и осуществлялся при помощи особыхъ органовъ.

Въ «Желтой книгѣ», изданной по армянскому вопросу министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, подробно изложенъ весь ходъ переговоровъ между отдѣльными европейскими кабинетами и турецкимъ правительствомъ.

Все это отошло теперь въ область прошедшаго и едва-ли вызываетъ къ себѣ особый интересъ. Изъ тѣхъ сообщеній, какія сдѣланы были небольшому кружку армянофиловъ, собравшихся почтить банкетомъ прибывшаго въ Петроградъ Богоса-Нубаръ-пашу, въ концѣ іюня 1914 г. мы узнали, что Портою высказано было согласіе на занятіе постовъ обоихъ генералъ-инспекторовъ одного — голландца и одного—норвежца, что послѣдніе прибыли на мѣста и намѣревались приступить къ исполненію своихъ функцій. Вспыхнувшая война положила конецъ этимъ добрымъ начинаніямъ. Живя въ Карлсбадѣ, я узналъ, что оба генералъ-инспектора выѣхали изъ Турціи и вернулись на родину. Прошло десять мѣсяцевъ съ начатія военныхъ дѣйствій, и новые погромы армянъ въ Ванѣ, вызвавшіе на этотъ разъ организованную защиту со стороны жертвъ, настолько возмутили общественное мнѣніе воюющихъ съ Турціей державъ, что по сообщенію, отпечатанному 13 мая 1915 г., Россія, Франція и Англія сочли нужнымъ заявить, что должностныя лица Турціи, не исключая и министровъ, понесутъ должное наказаніе за злоупотребленіе властью и за тотъ погромъ, которому они подвергаютъ армянское населеніе.

Въ какомъ же видѣ представляется намъ будущее устройство Арменіи? Считаясь съ прошлымъ, надо думать, что державами на будущемъ конгрессѣ использованы будутъ попытки ея автономнаго устройства наканунѣ войны. Но какого текста будутъ держаться при этомъ члены тройственнаго согласія? Того ли, который измѣненъ былъ подъ вліяніемъ настояній, исходившихъ отъ германскихъ и австрійскихъ уполномоченныхъ, или того, который былъ предложенъ Россіей и встрѣтилъ поддержку Англіи и Франціи? Очевидно, что послѣдняго, такъ какъ онъ болѣе отвѣчаетъ и самому принципу автономіи и желаніямъ самихъ армянъ. А если такъ, то будущее устройство вилайетовъ, занятыхъ армянами и курдами, рисуется намъ приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Шесть вилайетовъ, составляющихъ сѣверную часть Анатоліи, которая тянется отъ Эрзерума до Трапезунда, объединены будутъ подъ властью одного генералъ-губернатора. Названіе, какое будетъ придано этому сановнику, болѣе или менѣе безразлично. Назовутъ ли его княземъ или только намѣстникомъ,—будетъ зависѣть оттого: образуетъ ли Сѣ-

верная Анатолія государство-буфферъ, состоящее самое большее подъ протекторатомъ Россіи, или связано будетъ съ нею реальной уніей, подобной той, какая существуетъ, скажемъ, для Финляндіи. Выборъ этого князя и намѣстника державы, собравшіяся на конгрессъ, вѣроятно, оставятъ за собой. Но что при этомъ руководящая роль выпадетъ на Россію—этого требуетъ одинаково и то рѣшающее вліяніе, какимъ она ранѣе пользовалась въ судьбахъ армяно-турецкаго вопроса, и ея положеніе, какъ великой православной державы, подъ сѣнью которой стоитъ и сохраняетъ свою самостоятельность армяно-грегоріанская церковь.

При генералъ-губернаторѣ, все равно, намѣстникѣ или князѣ,—необходимо будетъ создать палату народныхъ представителей. Она заступитъ мѣсто тѣхъ генеральныхъ совѣтовъ, о которыхъ шла рѣчь при устройствѣ турецкаго Курдистана, раздѣленнаго на два сектора съ генеральнымъ инспекторомъ въ каждомъ и со своимъ особымъ генеральнымъ совѣтомъ. Такъ какъ съ самаго начала трудно будетъ достигнуть точной переписи населенія и такъ какъ провозглашеніе одного принципа пропорціональности населенію армянскихъ и курдскихъ уполномоченныхъ можетъ вызвать на первыхъ порахъ пререканія и несогласія, то полезно будетъ, по моему мнѣнію, разсѣчь гордіевъ узелъ, признавъ, что обѣ части населенія—христіанская и магометанская—будутъ представлены равнымъ числомъ депутатовъ. Можно надѣяться, что при такихъ условіяхъ въ составъ правительственнаго большинства войдетъ и нѣкоторая доля магометанъ; а это, разумѣется, имѣетъ свое значеніе, хотя бы для того, чтобы породить въ населеніи увѣренность, что исходящіе отъ представительнаго собранія законы не будутъ носить характера нормъ, навязанныхъ магометанскому населенію христіанами. Отдѣленіе части магометанъ отъ общаго ихъ ствола предполагаетъ въ населеніи ту дифференціацію, какую создаютъ политическія партіи. Желательно, чтобы партійная организація построена была не исключительно на національномъ принципѣ, чтобы при ней приняты были во вниманіе экономическія различія, хозяйственные интересы города и деревни, крупной собственности, средней и мелкой, капитала и труда. Чѣмъ скорѣе населеніе будущей автономной области перейдетъ отъ расовыхъ и религіозныхъ счетовъ къ тѣмъ, какіе вызываются столкновеніемъ хозяйственныхъ интересовъ, тѣмъ легче будетъ проведеніе въ жизнь тѣхъ началъ, на признаніи которыхъ, несомнѣнно, остановятся державы не одного тройственнаго согласія, но и всѣ тѣ, которыя представлены будутъ на будущемъ конгрессѣ. Европейская гражданственность одинаково опирается на начала равноправія всѣхъ гражданъ и ихъ религіозной

свободы. Европа не можетъ помириться съ возникновеніемъ новыхъ автономныхъ или полуавтономныхъ единицъ, которыя не пожелали бы считаться съ этими началами. Во всей ея прежней политикѣ по отношенію къ провинціямъ Турецкой имперіи, подчинявшимся въ большей или меньшей степени ея протекторату—будетъ ли то Румелія, Ливанъ или обращенное въ самостоятельное княжество нынѣшнее королевство Румыніи, Европа всегда настаивала на включеніи въ основные законы какъ вѣротерпимости, такъ и гражданскаго равенства. Нѣтъ основанія думать, что она отступитъ отъ этихъ началъ и при устройствѣ отходящей отъ Турціи Сѣверной Анатоліи. Начало равенства проведено будетъ, разумѣется, и при устройствѣ исполнительныхъ и административно-совѣщательныхъ органовъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ или вилайетахъ. Ихъ начальники или отдѣльные валіи будутъ назначаться генералъ-губернаторомъ или княземъ, безъ чего трудно бы было достигнуть того единства направленія, при отсутствіи котораго не можетъ быть правильно поставленной администраціи. Но если отъ генералъ-губернатора будетъ зависѣть выборъ валіевъ, то это не значитъ, что ими будутъ назначены одни только христіане. Начало равноправія національностей и религій предполагаетъ въ данномъ случаѣ полную свободу выбора.

Я не вижу ближайшей необходимости создавать двухъ-палатную систему въ странѣ, не имѣющей аристократіи, крупныхъ капиталовъ и латифундій. Но отсутствіе верхней палаты не означаетъ еще отсутствія при генералъ-губернаторѣ высшаго административно-совѣщательнаго органа по типу государственнаго совѣта. Этотъ органъ могъ бы получить смѣшанный составъ. Я бы не считалъ безполезнымъ ввести въ него извѣстное число компетентныхъ юристовъ и администраторовъ, изъ которыхъ не всѣ необходимо должны принадлежать къ туземцамъ. Знаніе мусульманскаго права, какъ и знаніе наиболѣе передовыхъ европейскихъ законодательствъ было бы равно желательно у членовъ совѣта по назначенію. А если бы къ этому могъ присоединиться и болѣе или менѣе продолжительный административный опытъ, то это было бы одной чистой прибылью.

Рядомъ съ членами по назначенію я считалъ бы желательнымъ присутствіе членовъ по выбору, въ равномъ числѣ изъ армянъ и курдовъ или, что то же, изъ христіанъ и мусульманъ. Они бы принесли съ собою знаніе мѣстныхъ условій, практическихъ запросовъ обѣихъ половинъ населенія и рядомъ съ этимъ ихъ идеологіи, съ которой, разумѣется, придется считаться при выработкѣ административныхъ мѣропріятій и изготовленіи законопроектовъ. Одной изъ функцій государственнаго совѣта была бы подготовка законо-

дательныхъ мѣръ, а другой—изданіе административныхъ регламентовъ, согласныхъ съ закономъ указовъ. Эту послѣднюю функцію въ формѣ изданія общеобязательныхъ постановленій, дѣйствіе которыхъ ограничилось бы предѣлами одной только провинціи, я бы счелъ возможнымъ предоставить и совѣтамъ, устроеннымъ при валіяхъ, совѣтамъ смѣшанныхъ составовъ, какъ и государственный, въ который бы въ равномъ числѣ вошли уполномоченные какъ отъ магометанъ, такъ и отъ христіанъ. Эти совѣты нисколько не исключали бы необходимости генеральныхъ совѣтовъ или, что то же, губернскихъ земствъ, опять-таки съ равнымъ представительствомъ для магометанъ и для христіанъ. Идея положить въ основу административно-хозяйственнаго органа, какимъ является земство, національно-религіозныя культурныя особенности края, разумѣется, не изъ тѣхъ, которыя могли бы удовлетворить государственнаго дѣятеля на западѣ. Иное дѣло на востокѣ, и въ частности въ предѣлахъ Турецкой имперіи, гдѣ, за отсутствіемъ свободной политической жизни, весь интересъ сосредоточился на церкви и тѣсно связанной съ нею національной культурѣ.

Армяне съ XIV в. не знали ничего подобнаго самостоятельной государственной организаціи. Церковь заняла для нихъ мѣсто отсутствующаго національно-политическаго союза. Около ея, ею созданныхъ и ею поддерживаемыхъ школъ, возникли ячейки національнаго возрожденія. Церковные и школьные вопросы пріобрѣли значеніе, выходящее за рамки, какія отводятся имъ въ условіяхъ европейской жизни. Со всѣмъ этимъ необходимо будетъ считаться. Все это болѣе или менѣе предусмотрѣно, и въ этомъ проэктѣ устройство обоихъ секторовъ Сѣверной Анатоліи, которые приняты были державами, утверждены Портою и стали приводиться въ исполненіе въ зимніе и весенніе мѣсяцы протекшаго 1914 г. Напомнимъ содержаніе тѣхъ частей этого проекта, которыя касаются школьнаго дѣла.

«Очень важнымъ для армянъ,—пишетъ русскій повѣренный по дѣламъ въ Турціи—Гулькевичъ министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову 27 января 1914 г., является постановленіе, обезпечивающее въ бюджетѣ вилайета школамъ каждой національности часть, пропорціональную платимымъ ею школьнымъ налогамъ. Правительство до сихъ поръ обыкновенно расходовало всѣ доходы съ этихъ налоговъ на турецкія школы. Помимо этого, Порта обязуется не препятствовать участію единовѣрцевъ въ расходахъ по содержанію общинныхъ школъ» (см. «Сборникъ дипломатическихъ документовъ реформъ въ Арменіи». Петроградъ, 1915 г. стр. 172).

Смѣшанный составъ населенія предполагаетъ необходимо до-

пущеніе двухъ языковъ—армянскаго и турецкаго въ оффиціальной перепискѣ и при постановкѣ судебныхъ рѣшеній. Это выговорено было и въ проектѣ устройства обоихъ секторовъ. «Повшествомъ,—значится въ приводимой мною депешѣ,—является также обнародованіе законовъ, указовъ и оффиціальныхъ распоряженій на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ. Рѣшеніе судовъ постановляется на турецкомъ языкѣ, но по возможности переводится на языкъ сторонъ. Генеральные инспектора могутъ, также, допустить употребленіе сторонами родного языка въ сношеніяхъ съ судомъ и администраціей (ibid., стр. 172). Очевидно, что при образованіи самостоятельнаго или полусамостоятельнаго армяно-курдскаго княжества необходимо будетъ распространить самостоятельность языковъ столько же на дѣятельность административныхъ и судебныхъ органовъ. А это значитъ, что рѣшенія ихъ будутъ обнародоваться на обоихъ языкахъ, точно такъ же, какъ законы или указы или административныя мѣропріятія.

Остается затѣмъ вопросъ: какъ устроить военныя силы вновь возникающаго полусамостоятельнаго государства? Онъ представляетъ большія трудности въ томъ смыслѣ, что мудрено кажется на первый взглядъ ввести въ одни и тѣ же полки мусульманъ и христіанъ. Русскій опытъ доказываетъ, однако, что такіе порядки вполнѣ возможны. На первыхъ порахъ быть можетъ придется считаться съ розньо, искусственно-воспитанной въ армянахъ, черкесахъ и курдахъ турецкимъ начальствомъ. Поэтому рядомъ съ армянскими полками будутъ организованы курдско-черкесскіе. Несомнѣнно, имѣется опасность въ фактѣ вооруженія тѣхъ и другихъ и не на одно только военное время. Армяне, какъ общее правило не допускались Турціей къ ношенію оружія, а курдамъ дозволено было выдавать его изъ арсеналовъ, согласно принятому Портой проекту объ организаціи обоихъ секторовъ, только въ военное время.

Такіе порядки, очевидно, должны будутъ отойти въ область прошедшаго. Полезно будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы мирное населеніе не имѣло у себя оружія въ интересахъ предупрежденія все еще наблюдающихся въ Анатоліи случаевъ кровнаго возмездія. Но въ то же время необходимо будетъ устроить постоянное войско на началахъ всеобщей воинской повинности и содержать извѣстное число офицеровъ и солдатъ при оружіи и въ мирное время. Придется ли сохранить принципъ, по которому въ составъ жандармеріи входятъ одинаково христіане и мусульмане,—это, конечно, вопросъ, для рѣшенія котораго мы не имѣемъ пока достаточныхъ данныхъ. Въ началѣ прошлаго года онъ рѣшаемъ былъ въ слѣдующемъ смыслѣ. Заведенные бывшимъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ полки вну-

тренней стражи изъ однихъ только мусульманъ, полки, извѣстные подъ именемъ Гамидіе, преобразовывались въ запасную кавалерію. «Ихъ оружіе, значилось въ проектѣ, получившемъ утвержденіе турецкаго правительства, будетъ сохраняться въ военныхъ складахъ и будетъ выдаваемо имъ только въ случаѣ мобилизаціи и на маневрахъ. Солдаты этихъ полковъ будутъ отбывать службу въ теченіе одного года; каждый, безъ различія національности и религіи, разъ онъ проживаетъ въ округѣ, можетъ быть зачисленъ въ эти полки» (ibid., стр. 164).

По мѣрѣ замиренія края все легче и легче будетъ организовывать смѣшанную милицію и жандармерію изъ членовъ обѣихъ національностей подъ начальствомъ офицеровъ, назначеніе которыхъ перейдетъ въ руки центральнаго правительства.

Входить въ дальнѣйшія детали по устройству будущей свободной Арменіи едва-ли было бы цѣлесообразно. Оно въ концѣ-концовъ будетъ тѣмъ или инымъ, смотря по тому: выскажется или нѣтъ самъ армянскій народъ въ пользу присоединенія къ Россіи, и послѣдуетъ ли на то согласіе верховной власти Имперіи и ея союзниковъ.

Въ моемъ сообщеніи я тщательно обошелъ вопросъ о будущемъ территоріальномъ составѣ автономной Арменіи. Я не располагаю достаточнымъ матеріаломъ о численномъ соотношеніи армянскаго и мусульманскаго населенія, какъ въ трапезундскомъ вилайетѣ, такъ и въ Малой Арменіи и Киликіи. Чтобы западныя державы, являющіяся нашими союзниками, охотно согласились на уступку автономной Арменіи порта въ Александретѣ—позволено сомнѣваться. Имъ будутъ особенно дорожить тѣ, въ руки которыхъ перейдетъ осуществленіе проекта Багдадской желѣзной дороги. Но въ Киликіи, какъ справедливо указываетъ г. Джевилеговъ, найдутся и другіе порты, которые въ данномъ случаѣ могли бы быть предоставлены армянамъ. Имѣть портъ на Средиземномъ морѣ, разумѣется, представило бы несомнѣнную выгоду для вновь нарождающагося полусамостоятельнаго государства. Какъ можно будетъ примирить это требованіе съ запросами Англіи и Франціи—покажетъ будущее.

Россія, несомнѣнно, можетъ быть только заинтересована въ созданіи автономной области, способной сдѣлаться не только новымъ рынкомъ для ея товаровъ, но и своего рода государствомъ-буферомъ, хотя и на этотъ счетъ, какъ показываетъ примѣръ Бельгіи, не слѣдуетъ обольщать себя большими надеждами.

Но возникновеніе автономной Арменіи можетъ представить выгоды для Имперіи только подъ однимъ условіемъ — если эта

область станетъ замиренной средой, если въ ней прекратятся старые счеты армянъ съ курдами, мусульманъ и христіанъ. А для этого пока не придумано иного средства, кромѣ равноправія и терпимости. Вотъ почему я считалъ бы желательнымъ, чтобы европейскія державы на будущемъ конгрессѣ рѣшительно высказались за необходимость для возникающаго государства положить въ основу своего политическаго возрожденія эти двѣ политическія аксіомы: свобода совѣсти и равенство гражданъ передъ закономъ, судомъ, налогомъ, государственной службой, что̀ все вмѣстѣ обнимается понятіемъ равноправія.

М. Ковалевскій.

ЧЕРЕЗЪ КАНАЛЪ.

(Письмо изъ Лондона).

Обыкновенно англійская весна спокойная и спорая. Яркая зелень является какъ бы символомъ мощи страны. Въ апрѣлѣ, въ обычное время, на каштанахъ уже распускаются лопушистые листья, вѣтви буковъ кажутся осыпанными роемъ зеленыхъ мушекъ, а кусты ярко-желтыми мотыльками. Только скептикъ-дубъ не вѣритъ солнцу и упорно хранитъ свои высохшіе, звенящіе при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра прошлогодніе листья. Да еще пришелецъ изъ другой широты, каменный дубъ понуро опустилъ до самой земли свои громадныя вѣтви съ кожистыми листьями. Ему все равно, идетъ ли стремительно весна или все еще стоятъ холодные туманы: онъ думаетъ про свою далекую родину. Въ Англіи весною все говоритъ о мощной, богатой природѣ, развивающейся спокойно. Въ этомъ году весна особенная: суровая, холодная, поздняя. Деревья не довѣряютъ солнцу и все еще стоятъ обнаженныя, какъ въ январѣ. И если есть въ Англіи сельскій работникъ, не читающій газетъ, то онъ по нѣкоторымъ признакамъ въ природѣ можетъ узнать, что гдѣ-то происходитъ нѣчто страшное и необыкновенное. Всѣ вороны и другія хищныя птицы исчезли: онѣ давно уже снялись и улетѣли стаями на югъ, на континентъ. Зато появились въ Англіи такія птицы, которыя очень рѣдко залетаютъ сюда. Недавно, напримѣръ, въ громадномъ Ричмондскомъ паркѣ подъ Лондономъ, я увидалъ тихо летающихъ надъ лужицей ржаво-желтыхъ птицъ, издававшихъ характерное «хорканье», заслышавъ которое, тотъ, кто хоть разъ въ жизни

охотился, невольно беретъ на прицѣлъ ружье, а если нѣтъ его, то хоть палку или зонтикъ. Такъ какъ лѣса почти перевелись въ Англіи, то вальдшнеповъ здѣсь нѣтъ. Теперь они эмигрировали сюда съ континента, ища убѣжища. Объявились въ изобиліи и другія птицы того же семейства: песочники, турухтаны, плавунчики и шилохвостки. Никогда, кажется, не было въ Англіи столько жаворонковъ, кукушекъ и синицъ: пернатые эмигранты ищутъ пріюта въ странѣ, свободной еще отъ ужасовъ войны. Весна въ этомъ году до такой степени особенная, что для нея требуется новый образъ. Одинъ англійскій журналъ, напр., изображаетъ, какъ «шествуя сыплетъ цвѣтами весна». На этомъ «картонѣ» Флора изображена вооруженной съ головы до ногъ. Сыплетъ она не фіалки, не ландыши и не подснѣжники, а бактеріи пятнистаго тифа (эта болѣзнь, появившаяся теперь въ Соединенномъ Королевствѣ, неизвѣстна была съ 1846 года), холеры и оспы. Впереди Флоры летятъ не соловьи и не горлинки, а нетопыри и сукубы, знаменующіе голодъ и ненависть. Другой журналъ изображаетъ Цереру, пашущую въ этомъ году. Лемехи ея плуга поднимаютъ черепа и берцовыя кости. О, да! Она пожнетъ изобильную жатву! Мнѣ припоминаются слова хора во второмъ актѣ шекспировской хроники «Король Генрихъ V»:

Now all the youth of England are on fire,
And silken dalliance in the wardrobe lies;
Now thrive the armourers, and honour's thought
Reigns solely in the breast of every man.

Эти слова вѣрно передаютъ не только то, что происходитъ въ Англіи. Пять великихъ державъ мобилизовали почти все свое взрослое мужское населеніе. И каждый разъ, когда «жнецъ» — смерть махнетъ своимъ серпомъ, валятся тысячи. Мнѣ пришлось надняхъ читать письмо англійскаго офицера, участвовавшаго въ битвѣ при Невшателѣ. Онъ разсказываетъ, какъ въ началѣ боя, когда шла артиллерійская борьба, онъ приложилъ ухо къ землѣ. Она «стонала и вздрагивала, какъ будто отъ ударовъ громаднаго молота». Послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ «вѣтеръ донесъ удушливые пары лидита». Германскія траншеи находились въ такомъ близкомъ разстояніи, что англійскіе солдаты «были обрызганы нѣмецкой кровью», «когда въ окопы стали падать наши снаряды». «Въ нашу траншею упало оторванное туловище нѣмецкаго офицера съ крѣпко надвинутой на голову каской». Бомбы, падая на кладбище, гдѣ укрѣпились нѣмцы, разрыли могилы. Потомъ, когда англичане ворвались въ деревню, они нашли кладбище, усыпанное разбитыми гробами, полусгнившими трупами и скелетами. И между этой «старой жатвой» лежали только-что «накошенныя копны». Англійскій офицеръ живо

описываетъ ожесточеніе, ненависть и упорство, проявленныя обѣими сторонами. Затѣмъ, на смѣну отчаянному сопротивленію явился животный страхъ. Офицеръ описываетъ, какъ изъ погреба выскочилъ громадный, здоровый нѣмецъ и, поднявъ руки, принялся пронзительно вопить по-англійски: «Mercy! Mercy! I am married!» (Пощадите! Пощадите! Я—женатый человѣкъ).

Впереди «шествующей весны» мчатся теперь, вмѣсто соловьевъ и горлинокъ, нетопыри и сукубы ненависти, ожесточенія и подозрѣнія. И даже такіе классы, которые до войны проповѣдывали сліяніе всѣхъ трудящихся массъ въ одинъ союзъ, теперь усматриваютъ въ своихъ недавнихъ товарищахъ коварныхъ заговорщиковъ и низкихъ предателей. «Товарищъ! Товарищъ! — кричатъ нѣмцы французскимъ солдатамъ, размахивая бѣлымъ флагомъ; но, когда наши солдаты довѣрчиво выходятъ изъ своихъ окоповъ, ихъ встрѣчаютъ губительнымъ огнемъ», — говоритъ французскій соціалистъ Эдмонъ Ласкинъ, авторъ только-что выпущенной книжки, направленной противъ германскихъ соціалъ-демократовъ.—Со времени начала войны сотни французовъ погибли такимъ образомъ.

«Камарадъ! Камарадъ!—кричатъ теперь германскіе соціалисты французскимъ соціалистамъ, размахивая въ знакъ дружбы краснымъ знаменемъ интернаціонала, хранящимся теперь у нихъ за ненадобностью вмѣстѣ съ другимъ реквизитомъ» [1]). «Германія выработала теперь два соціализма, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ:—одинъ—милитаристическій и шовинистическій соціализмъ для *собственнаго потребленія*, а другой—антимилитаристическій и мирный для экспорта за-границу съ цѣлью обмануть и отравить другіе народы. Этотъ двойственный соціализмъ представляетъ собою въ рукахъ пангерманизма орудіе для завоеванія. Онъ служитъ средствомъ для подготовленія будущей войны, въ родѣ цементныхъ платформъ или двойного подданства. Теперь забота соціалъ-демократіи очевидна для всѣхъ. Нѣмецкіе соціалъ-демократы, которые, по словамъ депутата Гааза, составляютъ болѣе двадцати армейскихъ корпусовъ, повинны во всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ германскими войсками. Нисколько не заботясь о братствѣ рабочихъ всѣхъ странъ, нѣмецкіе соціалъ-демократы, вмѣстѣ съ остальными германскими войсками, поджигали дома рабочихъ, истребляли хлѣбъ на поляхъ и обрекали бельгійскихъ углекоповъ, запертыхъ въ шахтахъ, на голодную смерть. О своемъ соціализмѣ нѣмецкіе соціалъ-демократы вспомнили лишь для того, чтобы потребовать конфискацію бельгійскихъ заводовъ. Соціалъ-демократы предложили,

1) „Les Socialistes du Kaiser“, Paris, 1915, стр. 9.

чтобы эти заводы отданы были нѣмецкимъ кооперативамъ. Такимъ образомъ, они сочетали соціализмъ съ разбоемъ» [1]). Эдмонъ Ласкинъ готовъ усмотрѣть даже въ Марксѣ и Энгельсѣ проповѣдниковъ пангерманизма и «пруссачества». Авторъ для подтвержденія своего слишкомъ смѣлаго тезиса цитируетъ письма Карла Маркса къ Энгельсу. Авторъ *Капитала* писалъ въ августѣ 1870 года своему другу: «Ты видишь, насколько я былъ правъ, усматривая въ прусской военной организаціи громадную силу, которая прямо непреодолима во время такой національной войны, какъ настоящая». «Во время войны 1870 года,—прибавляетъ отъ себя Эдмонъ Ласкинъ, приведя эти слова,—Марксъ и Энгельсъ стали усердными и восторженными агентами бисмарковской политики. И теперь, спустя 44 года, соціалъ-демократія вѣрно слѣдуетъ завѣщанному примѣру». «Когда разбойникъ обвиняется въ убійствѣ богатой старухи, ловкій адвокатъ, чтобы спасти шею своего кліента, ораторствуетъ, что преступленіе совершено подъ вліяніемъ страсти. Адвокатъ увѣряетъ присяжныхъ, что обвиняемый страстно любилъ свою жертву и убилъ ее только потому, что любилъ слишкомъ сильно,—говоритъ Эдмонъ Ласкинъ.—Хотя подсудимый убилъ подъ вліяніемъ аффекта, но, тѣмъ не менѣе, онъ совершенный джентльмэнъ. Нѣмецкіе соціалисты,—продолжаетъ французскій авторъ,—тоже нашли добрыхъ защитниковъ, увѣряющихъ теперь, что ихъ кліенты дѣйствовали четвертаго августа подъ вліяніемъ аффекта. Они, нѣмецкіе соціалъ-демократы, внезапно сдѣлались жертвой имперіалистской эпидеміи. Припадокъ этотъ,—увѣряютъ насъ,—несомнѣнно быстро пройдетъ. Въ концѣ концовъ, германскіе соціалъ-демократы любятъ своихъ сосѣдей и, въ глубинѣ души, настоящіе соціалисты. Это очень опасная теорія,—продолжаетъ Эдмонъ Ласкинъ;—она оживляетъ иллюзіи, разрушенныя войною» [2]). Авторъ пытается доказать, что нѣмецкіе соціалисты всегда въ глубинѣ души были пангерманистами и имперіалистами, проповѣдывавшими пасифизмъ только для того, чтобы лучше содѣйствовать тайнымъ цѣлямъ своего отечества.

Таковы «нетопыри» и «сукубы», прибывшіе вмѣстѣ съ весной.

Когда нѣмецкіе художники пытаются изобразить ту, которая, по увѣренію Германіи, является главнымъ виновникомъ великой катастрофы, т.-е. Англію (Германія упорно твердитъ о «виновности» Великобританіи, хотя всѣ документы доказываютъ другое), то неизмѣнно рисуютъ Джона Буля, обезумѣвшаго отъ страха при

---

[1]) Ib., стр. 79.
[2]) Ib., стр. 30.

видѣ безчисленныхъ германскихъ субмаринъ, кишащихъ вокругъ его острова. Если вѣрить нѣмецкимъ художникамъ, англичане не рѣшаются ступить на корабль. Въ дѣйствительности, почтовое и пассажирское сообщеніе съ континентомъ поддерживается теперь почти такъ же правильно, какъ и до войны. И если пассажиры, предпринимающіе теперь путешествіе изъ Англіи во Францію, дѣйствительно трепещутъ и волнуются, то обусловливается это отнюдь не присутствіемъ германскихъ субмаринъ, а чѣмъ-то другимъ. Съ самаго начала войны въ Англіи появился цѣлый рядъ книгъ, излагающихъ систему нѣмецкаго шпіонажа. Различные авторы подробно говорятъ объ организаціи, во главѣ которой, если вѣрить Грэвсу, стоитъ самъ Вильгельмъ II. Начальниками разныхъ отдѣленій состоятъ наиболѣе родовитые нѣмецкіе офицеры, тогда какъ агентами являются «мужчины и женщины изъ всѣхъ классовъ. Тутъ князья и графы, адвокаты и доктора, актеры и актрисы, свѣтскіе люди и демимондэнки, лакеи и швейцары. Всѣ они призываются къ дѣлу, когда въ нихъ является надобность. Вполнѣ возможно, что интересный пассажиръ, съ которымъ вы познакомились на трансатлантическомъ пароходѣ, или прекрасная собесѣдница въ ресторанѣ первоклассnаго отеля—состоятъ платными агентами германскаго правительства». «Въ гостиницѣ *Ритцъ* въ Парижѣ (самый дорогой отель) я не разъ встрѣчался съ желтозубой старой баронессой Х., родовитой, нарядной и усыпанной драгоцѣнностями австріячкой,—пишетъ беллетристъ Ле-Кексъ, авторъ только-что вышедшей книги «German spies in England».—Ее сопровождали всегда одна или двѣ «племянницы», очень хорошенькія, прекрасно говорившія по-французски и выдававшія себя за француженокъ. Я встрѣчалъ потомъ «племянницъ» у Доне во Флоренціи, у Сиро въ Монте-Карло, у Максима въ Парижѣ и въ «Shepheard's» отелѣ въ Каирѣ... Сама баронесса владѣетъ въ совершенствѣ всѣми европейскими языками, да, кромѣ того, еще хорошо говоритъ по-арабски... Какъ нѣмецкій шпіонъ, она оказывала Германіи незамѣнимыя услуги. Она удивительно умна. Два года тому назадъ, когда баронесса жила въ Ниццѣ въ томъ же отелѣ, что и я, она достала черезъ посредство молодого артиллерійскаго офицера нѣсколько плановъ укрѣпленій на франко-итальянской границѣ близъ Коль-ди-Тенда. Во время ольстерскихъ осложненій баронесса съ «племянницами» были въ Ирландіи. Онѣ «путешествовали» тамъ, по ихъ словамъ. «Племянницы» эти, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, собрали много англійскихъ военныхъ секретовъ» [1]). «Надо надѣяться, что правительство

[1]) „German spies in England", стр. 55.

приняло наконецъ мѣры для огражденія нашихъ водопроводовъ. Пять лѣтъ тому назадъ, труппа нѣмецкихъ странствующихъ музыкантовъ спеціально обслѣдовала водопроводы въ разныхъ англійскихъ городахъ. Хотя музыканты играли очень неумѣло, но въ дѣйствительности то были очень знающіе и все замѣчающіе нѣмецкіе офицеры. Они удѣлили три мѣсяца на изученіе водопроводовъ въ Лондонѣ и составили очень обстоятельныя карты. Затѣмъ музыканты посѣтили Манчестръ, Глазго, Бирмингэмъ, Ливерпуль, Лидсъ и Ньюкэстль. Здѣсь ихъ открыли. Шпіоновъ, однако, успѣли предупредить, и они скрылись». Когда Вильгельмъ II пріѣхалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ дружескимъ визитомъ въ Англію, онъ поселился въ Highcliffe Castle въ Хэмпширѣ. Германскій императоръ привезъ съ собою тридцать секретарей. «Зачѣмъ императору, прибывшему только для *отдыха*, понадобилось столько секретарей?»—допытывается Ле-Кексъ. Повидимому, у германскихъ шпіоновъ была выработана крайне сложная система сношенія съ своимъ начальствомъ и передачи собранныхъ ими свѣдѣній.

Въ своей книгѣ Le Quex указываетъ на тотъ хорошо извѣстный фактъ, что половина всѣхъ картинъ, выставляемыхъ ежегодно въ Royal Academy иностранными художниками, представляетъ лѣсные пейзажи съ живописной мельницей на первомъ планѣ и съ рощицей въ глубинѣ. И когда эти картины расшифровывались въ Берлинѣ, то оказывалось, что старая мельница изображаетъ маякъ, деревья—городъ и т. д. Такимъ образомъ невинный пейзажъ оказывался символическимъ планомъ приморскаго города съ обозначеніемъ минныхъ заграждений и проходовъ между ними. Въ теченіе многихъ лѣтъ художникъ-нѣмецъ выставлялъ въ Лондонской академіи по восемь—десять картинъ, изображавшихъ неизмѣнныхъ коровокъ, лежавшихъ или стоявшихъ подъ ивами на берегу ручья. Расположеніе этихъ коровъ слегка мѣнялось изъ года въ годъ. И когда германскій военный агентъ являлся въ сопровожденіи свиты на выставку, картинки расшифровывались. Оказалось, что каждая изъ нихъ означала британскій фортъ, а каждая корова — большую пушку. Перемѣна расположенія коровъ находилась въ зависимости отъ новаго расположенія пушекъ. Все это можетъ показаться досужимъ вымысломъ беллетриста и очень пылкимъ воображеніемъ. Но вотъ другая книга на тему о шпіонствѣ, написанная генералъ-лейтенантомъ сэромъ Робертомъ Поулемъ,—«My Adventures as a spy», что въ переводѣ означаетъ «Мои приключенія, какъ шпіона». Генералъ имѣлъ порученіе осмотрѣть нѣмецкіе порты и доставить свѣдѣнія объ ихъ укрѣпленіяхъ. Авторъ предпочиталъ фигурировать, какъ художникъ-декораторъ или художникъ-пейзажистъ. «Въ нѣмец-

комъ городѣ авторъ часто составлялъ рисунокъ будто-бы для цвѣтныхъ оконъ какого-нибудь колледжа Оксфордскаго университета, изображая въ дѣйствительности форты». Для конспираціи, генералъ къ рисунку прибавлялъ много геральдическаго: подковы, шары, щиты, «не забывая также раскрытыхъ молитвенниковъ». «Я изображалъ также плющъ съ листьями, на которыхъ жилки представляли форты», — съ гордостью говоритъ генералъ. Онъ сообщаетъ, какъ одинъ разъ особенно искусно законспирировалъ планъ крѣпости. Генералъ нарисовалъ бабочку, при чемъ пятна на ея крыльяхъ изображали форты. Эта бабочка изображена на обложкѣ книги генерала. «Каждый, видѣвшій хоть разъ мотылька, долженъ былъ бы сразу открыть обманъ,—говоритъ сэръ Робертъ,—такъ какъ рисунки на обоихъ крыльяхъ моей бабочки были не одинаковы. Генералъ Поуэль, повидимому, смотритъ на свои развѣдки, прежде всего, какъ на спортъ высшаго рода и совѣтуетъ всѣмъ, «кого тяготитъ жизнь», заняться соглядатайствомъ, гарантируя, что оно очень возбуждаетъ нервы [1]).

Имѣя, должно быть, въ виду приключенія генерала сэра Роберта Поуэля, Ле-Кексъ пишетъ: «Всѣ государства имѣютъ своихъ развѣдчиковъ, которыхъ держатъ въ интересахъ самосохраненія [2]). Негодованіе всего міра возбуждено противъ Германіи не потому, что она держитъ всюду своихъ шпіоновъ. Мы ничего не имѣемъ даже противъ такихъ людей, какъ нѣмецкій шпіонъ Карлъ Лоди, арестованный въ Англіи уже послѣ объявленія войны и разстрѣлянный въ Тоуэрѣ по приговору военнаго суда. Такіе шпіоны, какъ Лоди, ничѣмъ намъ не обязаны, исполняютъ свой долгъ и пытаются помочь своей родинѣ. Насъ возмущаетъ не самый фактъ шпіонства, а низость германской системы соглядатайства. Агентами Германіи являются люди, годами жившіе среди насъ, ѣвшіе нашъ хлѣбъ, получавшіе англійскія почести, эксплоатировавшіе своихъ друзей. Тысячи нѣмецкихъ шпіоновъ, состоявшихъ на жалованіи, становились натурализованными англійскими подданными только для того, чтобы лучше продать страну, пріютившую ихъ. Десятки тысячъ нѣмцевъ, которымъ мы оказывали гостепріимство, злоупотребили нашимъ довѣріемъ и своимъ предательствомъ проявили черную неблагодарность. Они не только дѣлали все, чтобы погубить насъ, но развратили еще деньгами бѣдныхъ людей и сдѣлали изъ нихъ предателей». Ле-Кексъ находитъ даже мѣсто въ своей книгѣ для похвальнаго слова упомянутому выше шпіону Карлу Лоди. «Воз-

---

1) My Adventures as a spy, стр. 2.

2) „German spies in England“, стр. 69—70.

дадимъ должное даже шпіону, — говоритъ англійскій беллетристъ. Надѣюсь, каждый согласится, хотя взгляды на шпіонство могутъ расходиться широко, что Лоди велъ себя мужественно. Прежде всего онъ проявилъ полную лояльность къ тѣмъ, которые послали его. Въ немъ не было ничего, равняющаго его съ негодяями, готовыми продать, какъ чужую страну, такъ и свою родину... Нельзя не признать рыцарскаго поведенія Лоди на судѣ... Онъ прямо заявилъ, что прибылъ въ Англію, дабы, открывая ея военныя тайны, служить своей родинѣ... Онъ велъ себя, какъ морской офицеръ и какъ джентльменъ. Лоди не былъ человѣкомъ, продававшимъ за золото страну, пріютившую его... Карлъ Лоди стоитъ передъ вами не какъ трусъ, пораженный страхомъ, не какъ жалкій негодяй, а какъ человѣкъ, вѣрный своей странѣ и ея традиціямъ,—сказалъ защитникъ его на судѣ. Дѣдъ Лоди былъ знаменитый генералъ, храбро отстаивавшій крѣпость, осажденную Наполеономъ. И внукъ этого генерала проникнутъ тѣмъ же духомъ. Лоди готовъ принести себя на алтарь отечества и не молитъ о пощадѣ. Кліентъ мой не стыдится того, что сдѣлалъ. Каковъ бы ни былъ приговоръ, Лоди мужественно встрѣтитъ его».

Ле-Кексъ и другіе ополчаются противъ германскихъ шпіоновъ другого типа: противъ тѣхъ, которые и теперь спокойно живутъ въ Англіи, собираютъ здѣсь свѣдѣнія и отвозятъ ихъ на континентъ черезъ Францію въ нейтральное государство, откуда они доставляются въ Германію. Ле-Кексъ и цѣлый рядъ другихъ публицистовъ предприняли агитацію въ *Daily Mail*, *Globe*, *Daily Express*, *Evening News* и другихъ газетахъ въ пользу полнаго запрещенія выѣзда изъ Англіи. Осуществить такую мѣру признано было невозможнымъ, но за то установленъ рядъ испытаній для каждаго пассажира, намѣревающагося оставить Англію. Не знаю, на сколько они являются препятствіемъ для германскихъ шпіоновъ, но каждый мирный обыватель, прошедшій черезъ эти испытанія, теряетъ способность воспринимать какой-нибудь страхъ, даже передъ субмаринами. Это я могу сказать на основаніи собственнаго опыта.

II.

До войны англичане считали паспортъ такимъ же обломкомъ давно исчезнувшаго вѣка, какъ фитильное ружье или какъ заклинаніе отъ чорта. Сотни тысячъ англичанъ учились, водили потомъ дѣла, путешествовали по всему свѣту, умирали, не видавъ ни разу паспорта и никогда не испытавъ надобности въ немъ. Англичане

не ѣздили въ Россію только потому, что паспортная система внушала имъ ужасъ. Когда англійскіе публицисты писали о напрасно затраченномъ трудѣ при бюрократической системѣ, то свою мысль иллюстрировали вычисленіемъ, сколько тысячъ часовъ необходимо только на прописку паспортовъ. Для выѣзда изъ Англіи и для путешествія по всей Британской имперіи требовался только одинъ документъ — пассажирскій билетъ. Теперь все это измѣнилось. Введеніе паспорта, хотя и временно, представляетъ собою одну изъ самыхъ поразительныхъ перемѣнъ, произведенныхъ войною въ гражданскомъ строѣ Англіи. Генералъ Поуэль, упомянутый выше, совѣтуетъ всѣмъ, помышляющимъ о самоубійствѣ, если они желаютъ снова познать цѣнность жизни, стать развѣдчиками. Но если помышляющіе о нирванѣ упорны въ своемъ намѣреніи; если они, кромѣ того, хотятъ уйти изъ жизни не совсѣмъ обычнымъ путемъ, я имъ настоятельно рекомендую одно: потерять теперь свой паспортъ.

Для пребыванія въ Лондонѣ ни паспортъ, ни какой-либо другой документъ не нужны. Въ этомъ отношеніи покуда все осталось по-прежнему; но для выѣзда изъ Англіи одинъ паспортъ недостаточенъ; необходимо раздобыться еще двумя документами, что обставлено громадными затрудненіями. Еще недавно формальности ограничивались визированіемъ паспорта въ двухъ консульствахъ: въ русскомъ и во французскомъ. Чиновники въ консульствѣ просматривали паспортъ, отмѣчали на немъ: «Bon pour se rendre en France», клали штемпель и взимали за это установленныя пошлины. Во французскомъ консульствѣ продѣлывали это спокойно, въ русскомъ—нервничали и хмурились (какъ будто несчастный пассажиръ былъ виноватъ, что утруждалъ въ обычное время ничего не дѣлавшаго молодого человѣка), но въ общемъ процедура занимала нѣсколько минутъ. Теперь выѣздъ изъ Англіи сопровождается гораздо болѣе сложными формальностями, какъ убѣдился я лично, когда предпринялъ поѣздку на континентъ. Заручившись визой русскаго консула на моемъ паспортѣ, я отправился во французское консульство. Оказалось, что теперь необходимо идти не туда, а въ спеціальное «паспортное бюро», временно установленное французскимъ правительствомъ. Bedford square, гдѣ помѣщается бюро, хорошо извѣстенъ русскимъ, пріѣзжающимъ «къ Британскому музею». Эта площадь обстроена домами, въ которыхъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ жили очень богатые люди. Въ одномъ изъ домовъ Bedford square жили герои романа Теккерея «Ярмарка Тщеславія». Это было много лѣтъ тому назадъ, когда мѣсто считалось вполнѣ фешіонебельнымъ. Уже давно, какъ богатая публика переселилась въ другіе

кварталы. Громадные дома сплошь заняты пансіонами, boarding houses, въ которыхъ за 35—40 шиллинговъ въ недѣлю пріѣзжающихъ «къ Британскому музею» скудно кормятъ жаренымъ саломъ съ яйцами, ростбифомъ и бараниной съ мятнымъ соусомъ. Кромѣ русскихъ, обычными посѣтителями этихъ boarding houses являются провинціалы-англичане, осматривающіе Лондонъ, коммивояжеры и мелкіе служащіе. Иные русскіе уѣзжаютъ изъ Англіи съ скороспѣлымъ заключеніемъ о всемъ англійскомъ народѣ, составленномъ на основаніи бесѣды съ коммивояжеромъ или продавщицей въ магазинѣ. Одинъ изъ такихъ boarding houses спѣшно приспособленъ французскимъ правительствомъ подъ паспортное бюро. У входа я получилъ отъ швейцара билетикъ съ цыфрой двадцать. Двѣ громадныхъ комнаты внизу, въ которыхъ въ boarding house всегда помѣщаются столовая и «parlour», были набиты биткомъ мужчинами, женщинами и дѣтьми. И первая мысль, пришедшая въ голову, была: «Какъ мало въ сущности людей, боящихся нѣмецкихъ субмаринъ!» Швейцаръ, не тотъ, который выдавалъ билетики, а другой, вызывалъ время отъ времени посѣтителей по нумерамъ и отправлялъ ихъ партіями по пять человѣкъ куда-то на верхъ.

Я слышу, вызываютъ съ номера 28, 29, 30, 31, 32. Такъ какъ у меня билетикъ съ № 20, то справляюсь у швейцара, почему я не въ очереди.

— Видите ли: вызываемъ теперь первую сотню посѣтителей, а вы только во второй сотнѣ,— отвѣчаетъ швейцаръ.

Изъ этого объясненія мнѣ становится ясно, что паспортное бюро, помимо всего, школа для выработки характера и пробный камень для терпѣнія. Въ зависимости отъ темперамента, публика сидитъ неподвижно, уставившись глазами на свой билетикъ, разсматриваетъ цѣны, нервно гуляетъ или внимательно читаетъ брошюры, наваленныя горой на столѣ и объясняющія, какъ захватить у нѣмцевъ рынки. Особенно нетерпѣливые (и это такіе, очередь которыхъ еще очень далека) быстро вскакиваютъ каждый разъ, когда швейцаръ спокойно выкликаетъ новую «пятерку». Я пришелъ въ одиннадцать утра. Въ часъ дня намъ объявили, что бюро закрывается на полтора часа. Послѣ полдника опять пришлось дожидаться часъ.

— Вашъ номеръ 20, а мой 21, такъ я уже буду смотрѣть, когда васъ позовутъ,—обращается ко мнѣ одинъ посѣтитель. Я смотрю на его длинную, тощую фигуру, облаченную въ широкое клѣтчатое пальто до пятъ, съ необыкновенно большими карманами; на голый черепъ съ рѣдкими косичками сзади, на высокій лобъ; на изогнутый, тонкій носъ, придающій лицу то характерное выра-

женіе, которое американцы сравниваютъ съ индѣйскимъ томагавкомъ; на странные глаза, и мнѣ почему-то припоминается философъ Лупусъ изъ романа Гюго «Человѣкъ, который смѣется». Наконецъ, меня вызываютъ и пропускаютъ по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ устроено настоящее «присутствіе», столь необычное для Англіи. За длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидятъ пять французскихъ чиновниковъ, которые допрашиваютъ желающихъ поѣхать на континентъ и все время «ѣдятъ ихъ глазами». Суть процедуры въ томъ, что пассажиру надо получить, кромѣ національнаго паспорта, еще два документа: проходной листъ и спеціальный французскій паспортъ. И, чтобы запастись этими двумя документами, необходимо выдержать скуку и пройти по мытарствамъ. Надо объявить свою національность, мѣсто рожденія, годъ его, профессію и зачѣмъ ѣдете во Францію. Одинъ тотъ фактъ, что человѣкъ собирается ѣхать на континентъ, уже составляетъ въ глазахъ допрашивающихъ чиновниковъ primae faciae преступленія. Каждый пассажиръ опрашивается послѣдовательно всѣми чиновниками. Каждый ставитъ разные вопросы. Тотъ, который сидитъ первымъ, должно быть, самый главный. Онъ пытается быть Лаугатеромъ, т.-е. самъ опредѣляетъ національность и профессію каждаго пассажира, покуда тотъ скажетъ.

— Вы американецъ!—тономъ, не допускающимъ возраженія, по-французски говоритъ чиновникъ тому, кого я назвалъ Лупусомъ.

— Совершенно вѣрно,--отвѣчаетъ безъ всякаго акцента «Лупусъ».

— Docteur ou chimiste?

— Non, monsieur, homme de lettres.

— C'est la même chose,—такъ же рѣшительно отвѣчаетъ чиновникъ.

— Зачѣмъ вы ѣдете во Францію?

— Хочу пожить въ Парижѣ.

— Это не причина.

— Такъ какъ я литераторъ, то хочу описать, каковъ Парижъ во время войны.

— Ну, это другое дѣло.

Слѣдующіе чиновники не только допрашиваютъ, но еще внимательно изучаютъ предъявленный имъ паспортъ. Каждая мелочь возбуждаетъ ихъ подозрѣніе. На моемъ паспортѣ стоитъ штемпель: «Visirt. Königl. Preuss. Grenz-Kommissariat Eydtkuhnen». Чиновникъ подозрительно смотритъ на нѣмецкій штемпель и показываетъ его сосѣду. Я указываю на дату «22 juni 1896», и недоразумѣніе устраняется. Всего лишь три дня тому назадъ изъ-за нѣмецкаго штемпеля отказались выдать паспортъ на отъѣздъ изъ Англіи знакомому молодому

человѣку. Онъ учился въ Германіи и, когда началась война, былъ задержанъ. Затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣмцы его выпустили, положивъ на паспортѣ штемпель, что молодому человѣку разрѣшается выѣхать съ такимъ-то поѣздомъ въ Копенгагенъ. Изъ Даніи молодой человѣкъ попалъ въ Швецію, а оттуда въ Англію. Пробирался онъ въ Швейцарію, чтобы здѣсь продолжать образованіе, но въ Англіи его задержали изъ-за нѣмецкой отмѣтки на паспортѣ.—Please do not play Sherlok Holmes! (Пожалуйста, не играйте въ Шерлока Хольмса),—слышу я раздраженный голосъ. Кипятится англичанинъ, которому чиновникъ задалъ какой-то вопросъ.

— Вы должны отвѣтить мнѣ,—говоритъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ чиновникъ,—иначе вы не можете уѣхать.

— Досаднѣе всего, что дѣйствительные шпіоны, по всей вѣроятности, ухитряются совершенно безпрепятственно получить паспортъ,—ворчитъ англичанинъ.

Я получаю наконецъ проходной листъ, по которому меня впустятъ во Францію; но необходимъ еще французскій паспортъ, за которымъ я иду въ слѣдующую комнату. Тамъ сидятъ еще четыре чиновника, тоже француза, но все это народъ молодой. Они вписываютъ въ особую коричневую книжку имя, фамилію, годы, профессію и примѣты пассажира, затѣмъ налѣпляютъ еще фотографическую карточку. Такъ какъ главные пороги пройдены уже и инквизиціонныхъ вопросовъ больше не задаютъ, то публика настроена даже добродушно и склонна шутить. Дамы кокетничаютъ, когда паспортистъ вписываетъ цвѣтъ ихъ глазъ, правиленъ ли ихъ носъ и цвѣтъ лица.

— Съ васъ шестнадцать шиллинговъ за паспортную книжку,—говоритъ молодой чиновникъ инженеру-американцу, маленькому, съ курносымъ, веселымъ, жизнерадостнымъ лицомъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!—отвѣчаетъ американецъ.—Вотъ вамъ деньги и на придачу еще возьмите мою самую лучшую улыбку.

Черезъ *пять часовъ*, проведенныхъ въ паспортномъ бюро, я получаю всѣ необходимыя бумаги. Въ моемъ проходномъ листѣ указанъ путь, по которому я долженъ слѣдовать. Если я не выѣду черезъ три дня, то документъ недѣйствителенъ.

III.

Всѣ бумаги у меня въ рукахъ, но съ ними надо явиться на Waterloo за два часа до отхода поѣзда, такъ какъ предстоитъ новое мытарство. На другой день насъ устанавливаютъ на станціи въ оче

редь, при чемъ въ толпѣ я узнаю и «Лупуса»: онъ, какъ и я, предпочелъ длинный переѣздъ на Гавръ пути на Фолькстонъ и Булонь.

— Джентльмэны, вы готовы?—спрашиваетъ у насъ полисмэнъ. Затѣмъ насъ начинаютъ впускать поочередно въ багажную комнату, наскоро превращенную въ «жандармскую». Тамъ сидитъ чиновникъ изъ Scotland Yard, т.-е. попросту сыщикъ. Онъ пристально «ѣстъ глазами», затѣмъ или поверхностно осматриваетъ паспортъ и вещи, или же раздѣваетъ до нитки и ощупываетъ каждую складку. На мой паспортъ и мои вещи чиновникъ едва взглянулъ.

— Везете-ли вы съ собою какія-нибудь письма или письменныя порученія?—спрашиваетъ чиновникъ и подноситъ мнѣ печатное объявленіе, изъ котораго узнаю, что имѣющіе при себѣ подобные документы и утаившіе ихъ подлежатъ военному суду. По-англійски это звучитъ еще серьезнѣе, чѣмъ по-русски. Заявленіе мое сыщикъ принимаетъ на слово, не лѣзетъ ко мнѣ въ карманъ и даже не раскрываетъ бумажника, который я передаю ему.

Испытаніе пройдено въ нѣсколько минутъ, и я на платформѣ, по которой ходятъ офицеры, отправляющіеся на войну, и провожающіе ихъ. (Для военныхъ сдѣлано исключеніе; вообще же провожающихъ на платформу теперь не пускаютъ). Въ вагонѣ, большею частью, тоже военные: тутъ ковыляющій старый офицеръ съ перекрещенными шпагой и жезломъ на эполетахъ защитнаго цвѣта, т.-е. генералъ; затѣмъ нѣсколько молодыхъ офицеровъ-летчиковъ. Большею частью это оправившіеся отъ старыхъ ранъ и ѣдущіе за новыми, если не за бо́льшимъ. И меня удивляетъ, какъ спокойно прощаются съ уѣзжающими на войну провожающіе: ласковый взглядъ, крѣпкое рукопожатіе, и только... Когда поѣздъ тронулся, уже вечерѣло. До берега моря все очень мало говорило о великой войнѣ: въ городкахъ торговали и спѣшили по дѣламъ, въ поляхъ доканчивали работы. Озимь поднялась высоко; въ безчисленныхъ хмѣльникахъ, составляющихъ характерную особенность южныхъ графствъ, спѣшно ставили безчисленные шесты, по которымъ могло бы взбѣжать растеніе. Все было такъ мирно, такъ спокойно, такъ *обычно*, что прямо не вѣрилось, что страшная катастрофа дѣйствительно случилась... Въ Соутгэмптонъ мы прибыли въ 9 часовъ, и началось новое мытарство: насъ всѣхъ впускали по одному въ залъ перваго класса, превращенный еще въ одно «присутствіе»: четыре чиновника-француза допрашивали насъ, осматривали наши бумаги, думали надъ ними, изслѣдовали, совѣщались по поводу ихъ, отмѣчали что-то на нихъ и клали штемпели.

— Знаете! Послѣ всѣхъ этихъ осмотровъ я начинаю подозрѣвать: ужъ не германскій ли я шпіонъ въ самомъ дѣлѣ? Быть мо-

жетъ, только я объ этомъ ничего не зналъ, да эти джентльмэны къ счастью для всѣхъ, во-время раскрыли,—слышу я позади себя, саркастическое замѣчаніе.—Ну, этотъ осмотръ еще ничего,—слышится спокойный отвѣтъ.—Вотъ когда приходится въѣзжать въ Англію и когда допрашиваютъ англійскіе чиновники, тогда, дѣйствительно, вспоминаешь съ удовольствіемъ нѣмецкія субмарины.

На пароходъ я попалъ уже въ полночь. Я спѣшу занять каюту, такъ какъ переѣздъ до Гавра беретъ восемь часовъ; но, оказывается, моя телеграмма запоздала, и приходится дѣлить каюту еще съ другимъ пассажиромъ. Онъ уже раздѣлся и лежалъ на нижней койкѣ. Хотя на пассажирѣ было не широкое клѣтчатое пальто съ громадными карманами, а пестрый шелковый спальный костюмъ но я сейчасъ же узналъ «Лупуса». Вошелъ «стюартъ», постлалъ постель, показалъ, гдѣ лежитъ спасательный поясъ и какъ надѣть его, затѣмъ предупредилъ, что свѣтъ всюду будетъ потушенъ, какъ только пароходъ отчалитъ.

— Вы собираетесь спать?—спросилъ «Лупусъ», когда стюартъ вышелъ.

— А что?

— Я собираюсь говорить,—заявлено это было совершенно спокойно.—Я, конечно, не стану будить васъ, если заснете,—прибавилъ «Лупусъ»,—но такъ какъ субмарины въ этомъ мѣстѣ вполнѣ въ предѣлахъ возможности, то, вѣроятно, вы сами долго не будете спать... Я часто бываю во Франціи. Хотя и американецъ, я признаю, вмѣстѣ съ Ницше, что есть только одна великая нація—французы. Со времени начала войны я уже дважды былъ во Франціи и даже пытался пробраться въ zone reservée. Впрочемъ, меня тамъ арестовали, но продержали 36 часовъ и выпустили. И вотъ во время поѣздки въ zone reservée я встрѣтилъ въ поѣздѣ стараго машиниста, очень разговорчиваго и слегка подвыпившаго. Онъ все повторялъ мнѣ: «Nous sommes des idiots» и крутилъ какъ-то особенно ладонью. Должно полагать, то былъ привычный жестъ руки, привыкшей держать клещи. Эти слова машиниста припоминаются мнѣ теперь все время. Человѣчество съ полнымъ правомъ можетъ сказать теперь себѣ: «Nous sommes des idiots». Въ самомъ дѣлѣ. Оно вырабатывало науку только для того, чтобы найти болѣе совершенныя средства разрушить цивилизацію, создававшуюся вѣками. Оно овладѣвало воздухомъ только для того, чтобы лучше бросить сверху бомбы и стрѣлы. Министры финансовъ самыхъ прогрессивныхъ странъ увѣряли парламенты, что нѣтъ денегъ для борьбы съ нищетою, безработицей, невѣжествомъ и проституціей, а между тѣмъ ежедневно теперь выбрасываютъ милліардъ ф. ст. Тысячи оптимистовъ ликовали

по поводу того, что наконецъ установилась свобода, которая теперь разрушена въ нѣсколько минутъ. Видѣли? Теперь становится страшно подозрительнымъ уже одинъ фактъ поѣздки изъ Лондона въ Парижъ. «Nous sommes des idiots!...» Невольно вспоминаю Джона Снельгрова,—началъ «Лупусъ», послѣ нѣкотораго молчанія. Пароходъ отчалилъ, огни были потушены, и мы лежали теперь въ темнотѣ.

— Вы хорошо помните Макбета?

— А что?

— Я хотѣлъ вамъ напомнить одно мѣсто:

Дорогу въ гробъ! Такъ догорай, огарокъ!
Что жизнь?—Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми; сказка
Въ устахъ глупца, богатая словами
И звономъ фразъ, но нищая значеньемъ!

Мой пріятель Джонъ Снельгровъ пришелъ къ заключенію, что его «огарокъ» долженъ догорѣть съ великой пользой для Британской имперіи и для всего человѣчества. Однимъ изъ первыхъ онъ ушелъ волонтеромъ, и теперь давно уже догорѣлъ. И вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Его рота занимала ферму неподалеку отъ нѣмецкихъ траншей. Непріятель не подозрѣвалъ, что на фермѣ есть кто-нибудь, поэтому англійскимъ солдатамъ отданъ былъ строгій приказъ не разводить огня. Джонъ Снельгровъ съ другими солдатами сидѣли въ амбарѣ и глядѣли на только-что выпотрошенную свинью, которую выдали имъ на роту. Тушу надо было опалить. И Снельгровъ рѣшилъ, что, такъ какъ въ амбарѣ нѣтъ оконъ и двери закрыты, то можно развести огонекъ, несмотря на строгій приказъ не дѣлать этого. И солдаты принялись палить свинью. Они не замѣтили, что въ крышѣ не хватало одной черепицы и что черезъ отверстіе показалась тонкая струйка дыма. Зато ее замѣтили нѣмцы. Черезъ десять минутъ прилетѣлъ снарядъ. Только одинъ, но онъ разорвалъ Снельгрова, товарища его и свиную тушу. И если историку пришлось бы отмѣтить, за что Джонъ Снельгровъ положилъ жизнь, то какъ ему передать эпизодъ?.. Помню еще одну встрѣчу во Франціи. Въ Парижѣ, на вокзалѣ Монпарнасъ, въ вагонъ второго класса, вошелъ черноволосый маленькій солдатъ въ черныхъ очкахъ. Онъ былъ слѣпъ, такъ какъ оба глаза вытекли. Его велъ другой солдатъ рыжебородый, тоже въ черныхъ очкахъ, но слѣпой только на одинъ глазъ. Пуля повредила, кромѣ этого глаза, еще ухо. Солдаты ѣхали изъ госпиталя въ Авиньонъ. Рыжебородый отвозилъ слѣпого товарища на родину, чтобы возвратиться потомъ къ себѣ.

Вмѣстѣ съ темнотой, у слѣпого солдата, повидимому, явилось полное равнодушіе ко всему окружающему. Онъ уткнулся въ тотъ уголъ, куда его усадили, ковыряя въ широкомъ носу своимъ толстымъ пальцемъ. По объясненію рыжебородаго, товарищъ былъ каменщикъ. Потомъ изъ непроницаемой темноты на солдата, должно быть, наползло какое-то горькое сознаніе. Онъ заерзалъ нервно и застоналъ.

— Courage!—сказалъ ему рыжебородый, досталъ изъ полотняной сумки вязаный шарфъ и укуталъ имъ товарища. Было что-то безконечно трогательное и безконечно трагическое въ этихъ двухъ слѣпыхъ солдатахъ. И я подумалъ тогда: если дѣйствительно для прогресса человѣчества необходима смерть Джона Снельгрова и слѣпота этого солдата, то не надобенъ прогрессъ. Лучше разбѣжаться по лѣсамъ; но въ томъ-то и дѣло, что для блага человѣчества совсѣмъ не нужно, чтобы кого-нибудь посылали на смерть или слѣпоту.

—Безъ жертвъ не обходится почти ни одно великое завоеваніе цивилизаціи,—замѣтилъ я.

—Да, но жертвы должны быть *добровольныя*. Прометей, когда похищалъ огонь, зналъ, на что онъ идетъ, и *самъ* опредѣлялъ, какъ поступать ему.

Наступило молчаніе. Пароходъ былъ еще въ узкомъ, извилистомъ проливѣ между Англіей и островомъ Уайтомъ, поэтому не качало. Судно вздрагивало только отъ вращенія турбинъ.

—Вообще у людей умы скованы,—началъ опять «Лупусъ».—Самое страшное несчастье людей заключается, быть можетъ, въ томъ, что они умственно несвободны и страшатся свободы. Умы у людей скованы готовыми теологическими, политическими или экономическими доктринами. Великое потрясеніе, въ родѣ переживаемаго теперь, содѣйствуетъ иногда гибели цивилизаціи, но иногда сбиваетъ съ умовъ цѣпи доктрины. Тогда наступаетъ эпоха возрожденія. Такъ было въ XV вѣкѣ, когда тѣло освободилось отъ цѣпей феодализма, а умъ—отъ догматовъ. Картина Микеля Анджелло въ Сикстинской часовнѣ *Сотвореніе Адама* является символомъ Возрожденія. Ветхій Адамъ умираетъ и нарождается новый Адамъ, сильный, самоувѣренный, отбросившій, какъ старое платье, прежнія доктрины, не боящійся смѣлой мысли. Когда Гаргантюа родился, онъ, по увѣренію Рабле, закричалъ не «мья, мья, мья», какъ остальные младенцы, но «à boire, à boire, à boire!» Если человѣчество послѣ войны освободится, оно будетъ голо, какъ Адамъ на картинѣ въ Сикстинской часовнѣ, и закричитъ: «пить», какъ Гаргантюа. Оно захочетъ упиться знаніемъ истины.

—Если не наступитъ новое закрѣпощеніе,—замѣтилъ я.

Опять наступило молчаніе. Мы, по времени судя, вышли уже въ Ламаншъ, но было тихо. Не спалось.

— Приходилось ли вамъ знакомиться съ произведеніями великихъ теологовъ?—началъ опять Лупусъ.—Знаете ли вы Раймунда Великаго, извѣстнаго въ католической церкви, какъ «благоухающій докторъ»? Знаменитый монахъ, въ своемъ трудѣ, *Thesaurus*, требуетъ для великихъ теологовъ права держаться двухъ противоположныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. Одно мнѣніе можетъ быть теологическое, согласное съ откровеніемъ, а другое—чисто-человѣческое, основанное на опытѣ и на размышленіи. «Благоухающій докторъ» доказываетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ имѣетъ право отрицать, основываясь на наблюденіи и выводахъ собственнаго разума, то, что, какъ послѣдователь культа, считаетъ абсолютной истиной. Тотъ же самый тезисъ, отстаиваемый Раймундомъ Великимъ, выставляетъ современное государство. Оно требуетъ, чтобы индивидуумъ смотрѣлъ на одно и то же дѣяніе или какъ на тяжкое преступленіе, или какъ на актъ въ высшей степени правильный, въ зависимости отъ того, кѣмъ совершено дѣяніе: единичной ли личностью или же государствомъ. Тезисъ, выставленный Раймундомъ Великимъ, повелъ, какъ извѣстно, къ страшному кризису въ католицизмѣ. Тотъ же тезисъ, выставленный государствомъ, повелъ къ великимъ бѣдствіямъ, и иначе быть не можетъ. Войны, со всѣми ихъ послѣдствіями, являются естественнымъ результатомъ двойного кодекса морали: одного для индивидуума, а другого—для государства. Если человѣчество желаетъ предупредить повторенія страшныхъ припадковъ безумія (кто знаетъ, переживетъ ли европейская цивилизація второй припадокъ,—прибавилъ въ скобкахъ Лупусъ), оно должно предварительно усвоить простыя истины, что 2+2 всегда четыре; что поступокъ можетъ быть или нравственнымъ или безнравственнымъ, но никогда и нравственнымъ, и безнравственнымъ въ одно и то же время; что разсужденіе можетъ быть или правильнымъ, или неправильнымъ, но ни въ коемъ случаѣ ни тѣмъ и другимъ одновременно. Видѣли ли вы книгу «German spies in England»? Авторъ возмущается такими поступками, которыми похваляется генералъ сэръ Робертъ Поуэль. Или еще возьму другой примѣръ. Мнѣ пришлось читать въ Англіи цѣлый рядъ книгъ, появившихся послѣ того, какъ началась война. Въ этихъ книгахъ авторы обличаютъ вдохновителей пангерманизма Трейчке, Дельбрюка, и др. за національное самохвальство и за утвержденіе, что нѣмецкій народъ самый талантливый, а его культура—самая высшая и единственная. Кстати, вы, кажется, рус-

скій? Да? Ну, вотъ я приведу вашего національнаго писателя, котораго, говорятъ, вы считаете пророкомъ. Я недавно перечиталъ Достоевскаго въ хорошемъ нѣмецкомъ переводѣ и запомнилъ вотъ какія слова: «Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ долго жить, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ другихъ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во-едино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной!..» Обличаютъ ли также у васъ Трейчке и Дельбрюка?—спросилъ Лупусъ.

Мнѣ хотѣлось напомнить Лупусу одно мѣсто изъ шекспировской трагедіи. Когда Малькольмъ слышитъ про несчастья родины, онъ предлагаетъ удалиться, чтобы «*выплакать* въ уединеніи печаль души», но слышитъ въ отвѣтъ мужественныя слова Макдуффа:

„Нѣтъ, лучше обнажимъ
Губящій мечъ, пойдемъ спасать отчизну
И бодро станемъ за свои права“.

Я хотѣлъ спросить у Лупуса, какъ поступить признающему одну истину и одинъ кодексъ морали, когда «тяжкій стонъ несчастья восходитъ къ небу»? Но однообразный перебой турбинъ и ровный голосъ моего сосѣда по каютѣ—усыпили меня. Я заснулъ крѣпко и проснулся тогда, когда о германскихъ субмаринахъ не могло быть уже и рѣчи. Мы входили во французскую гавань...

Діонео.

ВЪ ДАЛЬНЕМЪ УГЛУ ФРАНЦІИ.

(Впечатлѣнія Верхней Савойи).

Прошлымъ лѣтомъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля (нов. ст.) мнѣ понадобилось зайти зачѣмъ-то къ моимъ деревенскимъ сосѣдямъ-савойярамъ.

Къ моему удивленію, хозяйка, мадамъ Бриссо, сидя на каменныхъ ступенькахъ своей высокой входной лѣстницы, громко голосила: «убьютъ, убьютъ всѣхъ троихъ моихъ мальчиковъ! Горе горе»... Двѣ крошки-дѣвочки стояли тутъ же и, испуганно глядя на мать, принимались временами вторить ей своимъ плачемъ — хотъ и ничего не понимали.

— Что съ вами, patronne?—спросилъ я, озадаченный.

Плачущая мать взглянула на меня огромными, трагическими глазами и, прервавъ свои вопли, почти обыденнымъ тономъ объяснила, что изъ города принесли извѣстіе о мобилизаціи на завтра. Я не читалъ этого во вчерашней газетѣ и принялся утѣшать сосѣдку, увѣряя, что все это—лишь слухи, что войны не будетъ, и даже въ самомъ дѣлѣ объявленная мобилизація еще ничего не означала бы: война, какъ угроза смерти для всей Европы, въ наши дни невѣроятна, немыслима.

Какъ и многіе, какъ милліоны, я твердо вѣрилъ тогда—за два дня до всемірной войны!—въ немыслимость ея. Не потому, чтобы для меня несокрушимой гарантіей была великолѣпная система вооруженнаго мира, дающая якобы въ результатѣ устойчивое равновѣсіе между ощетинившимися другъ на друга, ревниво стерегущими другъ друга великанами-государствами; нѣтъ, скорѣй — вопреки этой призрачной гарантіи. Стараясь добросовѣстно отдать себѣ отчетъ въ истинныхъ, глубинныхъ условіяхъ современной жизни, условіяхъ, создающихъ погоду и вёдро въ наши дни, я ясно читалъ — мнѣ такъ казалось!—въ книгѣ бытія, въ живыхъ, ежедневныхъ чертахъ близко наблюдаемаго мною европейскаго «сегодня»,—до чего всякій шагъ вооруженнаго столкновенія вязнулъ бы, тормозился бы въ густомъ сплетеніи насущныхъ взаимныхъ интересовъ между «врагами». Не могутъ люди согласиться на обрывъ всего этого колоссально-разросшагося хозяйственно-культурнаго сплетенія.

Такъ хитро я умствовалъ и такъ наивно утѣшалъ крикъ вѣщаго материнскаго сердца. Въ умствованіяхъ моихъ я не считаю нужнымъ даже и каяться—до такой степени заблужденіе распространилось среди множества подобныхъ мнѣ любителей мирной и,—что ни говорите,—величавой въ своемъ поступательномъ ходѣ человѣческой культуры XX вѣка. До такой степени привыкли мы всѣ вѣрить въ могущество прогресса и разума, отмахиваясь съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отъ оглушающаго звона желѣзныхъ молотовъ на заводахъ Круппа, Крезо, Армстронга, молотовъ, кующихъ все прогрессирующій ужасъ и смерть.

Что касается моихъ неудачныхъ утѣшеній, то, долженъ признаться, савойярка-мать отнеслась къ нимъ рѣшительно-скептически. Она говорила со мной о текущемъ дѣлѣ, которое меня къ ней привело, она вѣжливо слушала мои доводы противъ возможности мірового пожара, но глядѣла при этомъ упорными, безнадежными, какъ грозовая туча, глазами. А когда, кончивъ дѣло, я разстался съ нею, я видѣлъ, она поднялась по своей каменной лѣстницѣ дальше своего дома, по крутому подъему и, ломая руки, пошла въ гору по

дорогѣ, мимо домовъ сосѣдей, съ тѣмъ же ровнымъ и надрывающимъ душу воплемъ:

— Убьютъ, убьютъ моихъ дѣтей! Горе!

И крошки-дѣвочки бѣжали, плача, за непонятно-страшною имъ матерью.

Дня черезъ два я узналъ, какъ права была она со своимъ инстинктомъ сердца, какъ ошибались мы съ нашими попытками историческихъ взвѣшиваній и предвидѣній. Ея два старшихъ сына — одинъ въ это время былъ въ Дижонѣ на службѣ, другой, тоже солдатъ, дома, въ обычномъ здѣсь лѣтнемъ отпуску,—пошли прямо въ огонь; младшему, парню на призывѣ, вышелъ приказъ ждать сигнала къ отправленію въ Ліонъ, для ускореннаго рекрутскаго набора.

И потянулись мимо насъ, по высокому, двухъэтажному мосту черезъ горную рѣчку (мосту, строенному между прочимъ ангеломъ войны, Наполеономъ) ежедневныя процессіи туда, далеко къ фронту войны, гдѣ уже надвигались роковыми, необозримыми колоннами германцы. Неслись по нашему мосту телѣги, нагруженныя запасными, бодрыми молодцами, которые размахивали національнымъ флагомъ и, завидя съ высоты моста насъ, «союзниковъ», кричали намъ:

— Vive la Russie!

Шли вереницы коней, потомъ стада быковъ и коровъ — тоже туда, въ армію, для ея обслуживанія и прокормленія. Потомъ потянулись обозы съ сѣномъ, овощами и прочей «реквизиціей». И въ четыре дня вся мѣстность кругомъ такъ замѣтно очистилась отъ всего мужского населенія, по крайней мѣрѣ въ рабочемъ возрастѣ, что мнѣ, хотя и «навсегда освобожденному» отъ воинской повинности, жутко и совѣстно бывало ходить среди этой пустоты и тишины. Матери, жены въ эти дни, однако, уже притихли подъ огромнымъ общимъ гнетомъ, и вмѣсто воплей слышалось теперь всюду, какъ отголосокъ всей Франціи:

— Il faut les corriger (надо ихъ наказать—т.-е. нѣмцевъ)...

Въ деревнѣ, послѣ перваго ошеломленія, разлилось волною новое настроеніе, настроеніе необходимости жертвы, самопожертвованія, какого еще никогда не требовала отъ отдѣльныхъ людей богиня - Республика въ трехцвѣтномъ шарфѣ и фригійскомъ колпакѣ. И мнѣ, право, удивительно было глядѣть на этихъ, въ большинствѣ невзрачныхъ савойяровъ подъ властью такого настроенія. Не говоря о томъ, что Франція числится ихъ отечествомъ всего лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ что эта ассимиляція чувствъ— въ противоположность напр. Эльзасъ-Лотарингіи — фактъ, самъ по

себѣ крайне любопытный. Но помимо того, савойяръ представлялся мнѣ по личному и довольно продолжительному съ нимъ знакомству человѣкомъ порядочно - таки эгоистичнымъ и едва-ли слишкомъ податливымъ на соціальные мотивы, въ частности на мотивы патріотическіе. Отъ вліянія ли природы своей — своихъ непріютныхъ, хотя и живописныхъ ледниковыхъ горъ, своихъ холодныхъ и малоплодородныхъ долинъ, отъ дѣйствія ли тяжкихъ историческихъ обстоятельствъ, безпросвѣтнаго гнета жестокихъ, какъ нигдѣ, бароновъ и мрачной савойской династіи, — но только савойяръ и душевно кажется такимъ же выродившимся, какъ сплошь и рядомъ всѣ признаки вырожденія носитъ его тѣло. Извѣстно крайнее распространеніе въ Савойѣ различныхъ физическихъ уродствъ, связанныхъ съ недоразвитостью костяка: нѣтъ здѣсь почти ни одной семьи, гдѣ бы нашъ взглядъ не наталкивался на горбатаго, хромого на обѣ ноги, карлика, идіота съ безобразно огромнымъ черепомъ. И сдается вамъ, что чуть не всѣ здѣсь въ большей или меньшей степени отмѣчены также печатью моральнаго вырожденія.

Жадность, зависть съѣдаютъ нутро типичнаго савойяра. Мрачная жадность, простирающая свои алчныя щупальцы не только на всякаго чужака, случайно подвернувшагося савойяру, но и на своихъ, на близкихъ. Мнѣ не мало привелось наблюдать домашнія отношенія крестьянъ въ разныхъ концахъ Горной Савойи. Они безъ всякаго преувеличенія бываютъ ужасны; въ особенности обостряются они крайнею земельной черезполосицей, какую оставила въ наслѣдство современному савойяру его черная исторія. Черезполосица захватываетъ не только мелко-дробные здѣшніе участки земли, но и — усадьбы. Сплошь и рядомъ подъ одною кровлей ютятся 3—4 семейныхъ квартиры, принадлежащихъ братьямъ, кузенамъ и т. д., при чемъ черезъ дворъ сосѣда надо проходить къ колодцу, къ хлѣву, къ огороду: все—источники безпрерывной и безпощадной войны.

Ненависть, взаимная брань, мордобой, гнусные подвохи (напр. зараженіе сосѣдскаго водопоя кошачьимъ либо куринымъ трупомъ)— вотъ ежедневная картина родственныхъ отношеній. Я видѣлъ 70-лѣтнюю, одинокую старуху, про которую говорили, что въ свое время она изъ злобы на мужа подожгла собственную избу, откуда едва спасли ея обожженнаго супруга и дѣтей. Взглядъ ея когда-то красивыхъ глазъ былъ остръ, какъ ножъ, и крючковатая правая рука такъ прыгала отъ нервной дрожи, что старуха должна была придерживать ее лѣвою рукой. Не могу, къ сожалѣнію, въ болѣе мягкихъ чертахъ изобразить человѣческій обликъ и моихъ теперешнихъ деревенскихъ со-

сѣдей. Та мать, что такъ трогательно оплакивала заранѣе своихъ «мальчиковъ», не составляетъ въ обыденной жизни значительнаго исключенія изъ общаго правила. Мадамъ Бриссо держитъ у нашего наполеоновскаго моста корчму (кафе) для многочисленныхъ проѣзжающихъ савойяровъ—занятіе, само по себѣ, едва-ли соотвѣтствующее развитію альтруистическихъ чувствъ. Но, и какъ крестьяне, какъ фермеры, г.г. Бриссо, подобно всей деревнѣ, носятъ жесткую печать въ своей внѣшности, въ своихъ отношеніяхъ къ братьямъ-людямъ: совсѣмъ похожи на холодную и скудную почву ихъ огородовъ и нивъ по склонамъ долины, почву, еще вдобавокъ биткомъ набитую каменной галькой да булыжникомъ... Но что же? Все это не мѣшаетъ матери оставаться матерью и прозорливѣе нашего гордаго разума предчувствовать бѣду для своихъ дѣтей, бѣду—въ данномъ случаѣ—для всѣхъ матерей ея страны, да чуть ли не для матерей всей земли.

Да, некрасивы савойяры съ виду, не очень привлекательны и по внутреннимъ своимъ качествамъ. А вотъ, вопреки заповѣдямъ, такъ сказать, шкурнаго эгоизма, сосредоточились, какъ бы по общему рѣшенію, на одной формулѣ жертвы для «всѣхъ», жертвы для общества. И удивительнѣе всего для наблюдателя, съ какою простотой и спокойствіемъ происходитъ такой неожиданный, казалось бы, переломъ въ привычномъ поведеніи! Будто и въ самомъ дѣлѣ эти неприглядные савойскіе сурки [1]) никогда не переставали быть самыми горячими приверженцами борьбы за «общее благо».

Скажутъ мнѣ, что патріотизмъ закоренѣлаго савойскаго собственника-крестьянина есть, въ концѣ концовъ, не что иное, какъ лишь болѣе широкая, «трехцвѣтная» разновидность его привычнаго эгоизма. Надвинувшаяся опасность со стороны могущественнаго врага—Германіи непосредственно грозитъ самимъ корнямъ существованія савойяра, всей хозяйственно-политической обстановкѣ его скопидомной жизни. Поэтому вполнѣ естественно, если савойскій эгоизмъ, подъ дамокловымъ мечомъ нѣмецкаго господства и всѣмъ вѣдомой нѣмецкой безцеремонности, воодушевляется до видимаго гражданскаго подвига, до борьбы не на животъ, а на смерть за свободу... своего мелкаго хищничества...

Есть часть своей, безспорной правды въ этомъ возраженіи; но изъ-за самой безспорной, жесткой правды мы не должны прене-

---

[1]) Ручной сурокъ до сихъ поръ считается едва-ли не необходимой принадлежностью каждаго савойяра; въ дѣйствительности сурки въ здѣшнихъ горахъ почти повывелись и савойскихъ мальчугановъ съ сурками не встрѣтишь теперь почти нигдѣ.

брегать и иною, тоже безспорно-правильной стороной дѣла. Мы не должны забывать, чѣмъ люди соглашаются безропотно жертвовать, такъ сказать обще-эгоистическому дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь савойская семья не только рискуетъ здѣсь смертью одного-двухъ-трехъ сыновей—въ видахъ тѣмъ большаго утвержденія благополучія оставшихся членовъ семьи, благополучія, которое даже самимъ бѣдственнымъ фактомъ войны дается въ особенности крестьянину, какъ поставщику всякаго провіанта. Что̀ сыновья? Горько, конечно, матери соглашаться на гибель своего «чрева», въ особенности на гибель любимаго чада, какое бываетъ, конечно, и у савойярки, какъ у венгерки либо турчанки. Но, въ концѣ концовъ, материнская производительность, принципіально говоря, неистощимая, можетъ восполнить болѣе или менѣе горестную убыль въ семьѣ, и семья, какъ ячейка, какъ фокусъ эгоизма, этою, пусть и суровой цѣной, купитъ себѣ вновь домашнее благоденствіе въ будущемъ. А не то выгода побѣды надъ иноземцемъ будетъ учтена самими отцомъ съ матерью, или, наконецъ, наоборотъ,—учтена дѣтьми ушедшаго на войну отца по достиженіи ими возраста и т. д.

Но вѣдь дѣло въ томъ, что вовсе не такъ просто рѣшается задача о савойскомъ эгоизмѣ, осложненномъ обще-французской жертвой за отечество. Вѣдь именно въ томъ-то и состоитъ новое и несвойственное обычному эгоизму условіе задачи, что семья, этотъ разсчетливый эгоистъ, бросаетъ на вѣсы судьбы всю себя безъ разсчета, всѣ головы своихъ большихъ и малыхъ членовъ, все будущее каждаго изъ нихъ и всѣхъ въ совокупности. И чѣмъ больше мѣсяцевъ длится эта чудовищная, вселенская война, тѣмъ больше наблюдаемъ мы вокругъ себя, что Горная Савойя готова, кажется, истощить всю себя, поставивъ крестъ на всемъ своемъ будущемъ, только бы отдаться неудержимому порыву жертвы.

Далека враждебная Германія отъ здѣшнихъ мирныхъ горъ, а между тѣмъ всю осень, всю зиму видно было, какъ издали тянетъ она весь лучшій сокъ, всю кровь изъ жилъ Савойи. Мнѣ, несмотря на войну и пограничныя стѣсненія, въ продолженіе этихъ «военныхъ» мѣсяцевъ приходилось часто циркулировать между Савойей и Швейцаріей, и въ каждую поѣздку я встрѣчалъ въ Савойѣ новыя и новыя доказательства медленнаго изнуренія. Началось дѣло именно съ упомянутыхъ пограничныхъ стѣсненій. Надо сказать, что Горная Савойя въ пограничномъ отношеніи подлежитъ совершенно особымъ, исторически сложившимся условіямъ. 100 лѣтъ еще назадъ, на вѣнскомъ конгрессѣ женевскому патріоту Пикте-де-Рошемону, совмѣстно съ извѣстнымъ эллинофиломъ Эйнаромъ, удалось добиться установленія торговой «нейтральной зоны» въ той части Савойи, которая

прилегаетъ къ Женевскому кантону. Зона эта—шириною километровъ въ 20, и внутри нея обмѣнъ товаровъ съ Швейцаріей происходилъ въ нормальное время почти вполнѣ свободно, при минимальныхъ таможенныхъ формальностяхъ. Экономическимъ основаніемъ къ этому служитъ то обстоятельство, что въ сущности «зона» составляетъ съ Женевой одно неразрывное хозяйственное цѣлое: Женева живетъ сельскими продуктами «зоны», «зона» живетъ индустріальными произведеніями и товарами Женевы.

И вдругъ по случаю войны съ далекой Германской имперіей живая швейцарско-савойская связь круто обрывается, въ частности благодаря послѣдовавшему въ дни мобилизаціи запрещенію вывоза жизненныхъ продуктовъ изъ Франціи, а также множества всякихъ продуктовъ изъ Швейцаріи (запрещенія эти частью сохранились и сію минуту). Раздается вопль голодающаго женевскаго потребителя, стонъ горнаго савойяра, оставшагося безъ сбыта и безъ разныхъ покупныхъ припасовъ: керосина, сахара, даже риса и макаронъ. Самый главный продуктъ Савойи — молоко, и молочные скопы страдаютъ всего чувствительнѣе. Деревенскія fruitières [1]), особо въ первое время войны совсѣмъ запустѣли. Правда, отчасти это произошло вслѣдствіе ухода изъ нихъ всѣхъ рабочихъ, какъ людей «военнаго возраста»; но затѣмъ быстро сыскались на ихъ замѣну старики да подростки, деревенскіе пролетаріи, и производство могло бы продолжаться все же болѣе или менѣе безпрепятственно: вѣдь количество готовыхъ ртовъ въ Женевѣ осталось приблизительно то же, что и до войны. Но съ fruitières происходило нѣчто въ родѣ перемежающейся лихорадки: то полная остановка производства, то — смотришь—fruitières принимаются усиленно, даже напряженно, денно-нощно кипятить, мѣшать, вертѣть, стучать маслобойками—и вывозить потомъ груды продуктовъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ это ни странно, пароксизмы ихъ работы оказываются въ ближайшей зависимости отъ пароксизмовъ кровавой горячки тамъ, за Парижемъ и Вердёномъ, въ зависимости отъ того—душитъ ли за горло прекрасную Францію въ данный моментъ тяжеловѣсная и хваткая нѣмецкая длань, или длань эта слабѣетъ, и въ свою очередь мускулистая красавица въ красномъ колпакѣ изъ послѣднихъ силъ выталкиваетъ непрошеннаго иноземца-душителя. Странно это, но оно такъ. И происходитъ дѣло слѣдующимъ порядкомъ.

---

[1]) Это по-савойски значитъ не знаю почему, просто — „центральная молочная“, куда вся деревня сноситъ молоко, и гдѣ оно превращается въ сыръ и масло. Fruitière почти всегда соединена съ свинымъ заводомъ.

Въ сумрачные моменты прилива тевтонской волны — волна трепетной нервной тревоги захватываетъ Савойю (какъ и всю Францію). Призракъ Вильгельма съ усами торчкомъ и съ налитыми кровью глазами, огромный призракъ, кажется, ступаетъ уже тяжелымъ сапогомъ на савойскія бѣловерхія горы—на конусъ Моля, на зубцы и стремнины хребтовъ Репозуара и Вержисовъ. Всѣмъ, въ томъ числѣ и мѣстнымъ властямъ, начинаютъ всюду являться страшные нѣмцы и — нѣмецкіе шпіоны. Слухъ пройдетъ по всей Савойѣ о коварномъ нѣмецкомъ шпіонѣ, завѣдывавшемъ электрической станціей въ сосѣднемъ департаментѣ Энъ, въ городкѣ Бельгардѣ (на такъ называемомъ «провалѣ Роны»)—и сразу закрывается граница для пѣшаго и коннаго, для велосипедовъ и автомобилей; не пускаютъ живой души ни изъ Швейцаріи въ «зону», ни обратно. Торговцы масломъ, молокомъ, овощами уныло стоятъ вереницею передъ пограничными баррикадами, передъ непреклонными территоріальными солдатами-стариками въ красныхъ штанахъ, съ подстегнутыми полами синихъ шинелей, съ примкнутымъ штыкомъ; а потомъ уныло плетутся назадъ по своимъ деревнямъ—дожидаться цѣлые дни, а то и недѣли, прекращенія тревоги. Молоко—хоть не носи на fruitière, хоть выливай его въ канаву, либо—пахтай масло домашнимъ способомъ съ перспективой опять-таки непродажи.

Въ Женевѣ—тоже смятеніе, цѣны сельскихъ продуктовъ вдругъ прыгаютъ кверху, мелкіе торговцы спѣшатъ, пользуясь случаемъ, лихорадочно наживаться, распоряженія мѣстнаго кантональнаго правительства о максимальныхъ цѣнахъ остаются мертвой буквой... Словомъ, нѣмецкая лихорадка.

До чего доходятъ подобные припадки, видно изъ слѣдующаго. Осенью возникла и быстро распространилась по всей Савойѣ легенда о таинственномъ *зеленомъ автомобилѣ*. Нѣмецкіе шпіоны,—таковъ былъ слухъ, — утекаютъ въ зеленомъ автомобилѣ по направленію къ Швейцаріи, поэтому велѣно-молъ сторожить и ловить его по всѣмъ савойскимъ дорогамъ. И вотъ на томъ двухъэтажномъ, наполеоновскомъ мосту, который упоминался уже выше, была установлена отъ имени мѣстнаго мэра вооруженная стража изъ крестьянъ (опять-таки стариковъ, калѣкъ и ребятъ). Ночью стража перегораживала мостъ цѣпью съ висячимъ фонаремъ, для собственнаго ободренія палила всю ночь изъ ружей и дѣдовскихъ пистолетовъ, а всякаго проходящаго останавливала строгимъ опросомъ: куда да откуда. Въ качествѣ мѣстнаго жителя и сына «союзной націи», я пользовался, впрочемъ, довѣріемъ, стража препоручала мнѣ даже наблюдать сбоку изъ моего жилища за устоями моста—чтобы нѣмцы

не взорвали. А однажды стоявшій на караулѣ, почему-то въ единственномъ числѣ, отставной и хромоногій maréchal-de-logis (т.-е. кавалерійскій сержантъ, а отнюдь не маршалъ), имѣя неотложную необходимость прохладиться въ сосѣднемъ кафе, довѣрилъ мнѣ на минуту свой отвѣтственный постъ у цѣпи и фонаря, со строгимъ наказомъ «держать крѣпко tous les boches» (boches—уничижительное слово для нѣмцевъ). Но въ мое «союзное» дежурство не случалось проѣзжать ни злому «бошу», ни даже доброму савойяру.

Одно время распространился совершенно ужъ нелѣпый, географически-немыслимый слухъ, будто полки Вильгельма наступаютъ на насъ со стороны... Шамони и Монъ-Блана!

Савойя ужасается и жаждетъ невозможнаго, терпитъ медленное разореніе и въ то же время — мрачно и торжественно идетъ и идетъ на защиту противъ тѣхъ же «бошей». Въ мои зимнія посѣщенія Савойи каждый разъ, встрѣчая мадамъ Бриссо, я справлялся о судьбѣ ея мальчиковъ. Одинъ, артиллеристъ въ Люневиллѣ, какъ разъ на той границѣ, которая разрѣзала 44 года назадъ живое тѣло Лотарингіи, писалъ матери аккуратно каждую недѣлю—конечно, только казенныя открытки съ готовымъ печатнымъ текстомъ и лишь за собственноручной подписью. Мать знала изъ открытки хоть одно: что сынъ еще живъ. Изъ газетъ же—«о, я читаю теперь всю газету подробно, каждый день!» хвалилась она — изъ газетъ видно было, что Люневилль тѣмъ временемъ дважды перешелъ изъ рукъ въ руки: значитъ, сынъ ея былъ въ самомъ пеклѣ огня и смерти. Миловалъ мальчика богъ войны. Другой, старшій сынъ былъ тоже на фронтѣ, гдѣ-то въ Аррассѣ или Ипрѣ, тоже, значитъ, въ чертѣ смерти. Но того мать не такъ жалѣла, тотъ былъ женатый, давно жилъ отдѣльно—человѣкъ, такъ сказать, на всемъ своемъ отвѣтѣ. Жальче же всѣхъ ей было «маленькаго», который въ Ліонѣ, въ рекрутскомъ лагерѣ еще пока готовился на «поле чести».—«Онъ—самый хозяйственный, самый къ матери и сестрамъ ласковый», вздыхала мать, и безнадежные глаза смотрѣли на меня невыносимо-жалобно изъ провалившихся орбитъ. Война! думалось мнѣ подъ ея взглядомъ: morituri te salutant.

Тяжкій германскій мечъ нависъ тамъ, надъ борцами. Плохо работается здѣсь оставшимся дома. Да и поостались для работы наименѣе къ ней пригодные. Вотъ мадамъ Бриссо жалуется мнѣ, кромѣ судьбы «мальчиковъ», еще на то, что ея мужъ, хоть еще и не старъ,—хворъ и слабъ и ни за чѣмъ смотрѣть не можетъ. Картофель на сѣмена, отобранный еще «маленькимъ» сыномъ,—мать съ дочерью не доглядѣли,—онъ наполовину и подгнилъ въ подвалѣ. И всѣ и все—такъ-то. Виноградники къ осени остались порядкомъ

запущены, убранъ виноградъ кое-какъ, вино и сидръ изъ яблокъ частью попрокисли, овощей въ Женеву не пускаютъ.

Когда Женевѣ слишкомъ ужъ чувствительно становилось лишеніе продуктовъ «зоны», она подымала крикъ. Бернскій союзный совѣтъ дѣлалъ экстренныя представленія французскому правительству, велись какіе-то вялые переговоры на границѣ «зоны» между женевскимъ военнымъ комендантомъ и префектомъ Горной Савойи, при чемъ выторговывались такіе пункты: 5 или 10 кило масла, 5 или 10 дюжинъ яицъ на одного торговца-савойяра можетъ быть допущено черезъ границу въ Женеву.

Но такъ какъ всѣ тѣмъ временемъ успѣли пріобыкнуть къ германской опасности, отрезвѣть, отдѣлаться отъ призрака Вильгельма, шагающаго съ Монъ-Блана по горамъ и доламъ, то, наконецъ, наступало болѣе широкое разрѣшеніе: молоко, масло, овощи снова двигались по всѣмъ дорогамъ Савойи въ Женеву, паспортныя строгости облегчались. Fruitières оживали, даже свиньи на нихъ хрюкали веселѣе, и савойскія коровы въ своихъ неимовѣрно грязныхъ, темныхъ стойлахъ и тѣ, кажется, вздыхали свободнѣй.

Въ результатѣ этихъ конвульсій, терзающихъ повседневную жизнь страны, наѣзжій наблюдатель видитъ, до чего все же дорого обходится народу добровольно взятая имъ на себя задача «administrer la correction» вторгнувшемуся врагу. Конечно, это—отнюдь не та «débâcle», какая постигла французскую имперію въ 1870 г. Республика 1914—15 г.г. обнаружила неоспоримую силу своихъ демократическихъ учрежденій, показала на дѣлѣ Германіи ея роковую ошибку, состоявшую въ излишнемъ презрѣніи къ французской расѣ. Нѣтъ, не въ расѣ было дѣло въ черную годину «débâcl'я», а напротивъ, въ подавленіи, въ параличѣ героическихъ расовыхъ свойствъ француза хищнической рукой позорнаго режима 2-ой имперіи. И сейчасъ бранятъ многіе республиканскую Маріанну, и бранятъ, надо признаться, частенько не безъ основанія: неприглядѣнъ, въ особенности въ глухой провинціи, ея бездушный бюрократизмъ и формализмъ, сопутствуемый въ то же время замѣчательнымъ пренебреженіемъ на практикѣ къ самымъ «строжайшимъ предписаніямъ» власти, да и къ самому закону; некрасиво и раболѣпство Маріанны передъ златымъ тельцомъ, передъ всевластнымъ финансовымъ капиталомъ; раболѣпство, такъ ужъ внѣдрившееся въ самую душу республики, что и девизъ ея, красующійся, напр., на праздничныхъ мачтахъ 14 іюля, въ день взятія Бастиліи,—иниціалы Маріанны «R. F.» въ вѣнкѣ изъ дуба и лавра, многіе читаютъ, вмѣсто République Française—«Rotschild-Frères».

Все такъ. Но есть все же и какая-то лучистая энергія въ со-

временныхъ учрежденіяхъ Франціи. Нельзя отрицать, что ея животворящіе лучи, какъ лучи солнца на молодые посѣвы, повліяли воспитательнымъ образомъ на второе или третье уже поколѣніе. И суть этого воспитанія состоитъ въ сознаніи *самоцѣнности* каждаго гражданина, еще правильнѣе сказать, въ сознаніи зависимости судьбы каждаго—отъ *собственной* его силы и воли. Государство для самаго послѣдняго, ограниченнаго горца-савойяра является не просто повелѣвающимъ владыкой, а еще болѣе средствомъ, орудіемъ «моей», личной воли. Савойяры пошли теперь за Францію потому, что таково было ихъ, савойяровъ, твердое, хотя и горькое рѣшеніе, а не только потому, что Пуанкаре, Вивіани, Мильеранъ и префекты и су-префекты приказали. Высокомѣрные германскіе Бернгарди, такъ усердно толкавшіе самодура-Вильгельма къ военной славѣ, напоролись, какъ на острый штыкъ, на это гражданское самосознаніе савойяра, вообще француза нашихъ дней. И въ пыль разсыпались гордыя словеса всевозможныхъ германскихъ «тайныхъ совѣтниковъ» отъ науки, пустыя фразы о «расовой тевтонской воинственности Нибелунговъ» и о «вырожденіи физическомъ и психическомъ галло-латинянъ». Но вернемся снова въ глубину савойскихъ долинъ. Есть у меня тамъ пріятель, секретарь мэріи въ одной изъ сосѣднихъ коммунъ, онъ же—и учитель въ мѣстной школѣ для мальчиковъ, тогда какъ съ дѣвочками занимается его жена. Всякій разъ, какъ мнѣ приходится съ нимъ видаться, у насъ самъ собою заводится «союзный» разговоръ о текущихъ событіяхъ. Секретарь—интеллигентный человѣкъ, и общинная библіотечка, пополненная въ особенности его усиліями, далеко не походитъ по своему составу на наши злополучныя «народныя читальни» по спеціально-сортированнымъ министерско-департаментскимъ каталогамъ съ прибавкой дополнительныхъ инспекторскихъ стараній. Здѣсь оказались, къ моему удивленію, даже о Россіи совсѣмъ недурныя книги, какъ, напр., разсказы и романы г-жи Гревиль («Искупленіе Савелія», «Лука Лукичъ», «Никаноръ», «Няня» и др.). Впрочемъ, «у насъ сейчасъ не то въ предметѣ»...

Секретарь—горячій патріотъ, конечно, не въ смыслѣ католическо-роялистскаго кликушества, имѣющаго все же и сейчасъ здѣсь немалое распространеніе. Нѣтъ, секретарь—человѣкъ весьма свободныхъ взглядовъ, сторонникъ свѣтскаго образованія, радикалъ въ политикѣ, даже съ большимъ почтеніемъ относящійся къ покойному вождю соціализма Жоресу. Секретарь видитъ задачу войны выше, чѣмъ вообще савойская деревня: онъ желалъ бы «освободить» Францію, а съ нею и все человѣчество отъ нѣмецкаго «бронированнаго кулака». Поэтому онъ не за страхъ лишь, а за совѣсть рабо-

талъ для мобилизаціи, такъ работалъ, что замѣтно похудѣлъ, поблѣднѣлъ отъ безсонныхъ ночей. Потомъ я видѣлъ его расцвѣтшимъ послѣ марнской побѣды. Потомъ къ веснѣ—какъ-то съежившимся, притихшимъ, грустнымъ. Не то, чтобы онъ упалъ духомъ, нѣтъ, онъ все такъ же оживлялся, поясняя мнѣ на картѣ расположеніе армій и шансы въ ихъ столкновеніяхъ; съ тѣмъ же увлеченіемъ говорилъ о русскихъ генералахъ—Рузскомъ, Брусиловѣ, о возможномъ форсированіи Дарданеллъ. Грустенъ онъ былъ, видя вблизи безмѣрную затрату силъ своей земли. И тѣмъ съ большей энергіей твердилъ мнѣ: «міръ нуждается въ освобожденіи отъ *нихъ*». Замѣчательно, что я въ то же время ни разу не слыхалъ изъ его устъ тѣхъ ходячихъ, якобы-патріотическихъ словечекъ, какими парижскія газеты крестятъ и честятъ сейчасъ непріятеля. Секретарь тутъ обнаруживалъ, какъ разъ наоборотъ, удивительную для французовъ сдержанность. Въ его блѣдномъ, сосредоточенномъ лицѣ я читалъ какъ бы текущіе отчеты самочувствія Франціи, Франціи, сознающей свои силы, какъ и границы своихъ силъ, Франціи въ особенности близкой къ правленію, организаторской. И я мѣрилъ по немъ не только страшное напряженіе силъ его отечества, но и—по извѣстному принципу Ньютона, какъ «противодѣйствіе»—тяжкое давленіе, испытываемое въ свой чередъ отъ Франціи враждебнымъ германскимъ народомъ. И что бы тамъ ни было,—трудненько и Германіи выносить это чудовищное давленіе.

Не знаю, сохранились ли еще сейчасъ (какъ это было въ началѣ войны) въ Германіи, и въ какой мѣрѣ, столь безразсудные представители ея господствующаго, юнкерскаго класса, что все еще воображаютъ одну лишь Германію носительницей культуры и прогресса, а все остальное европейское человѣчество—полуживотной расой, обреченной самимъ Богомъ на съѣденіе германскому сверхъчеловѣку. Но если, послѣ довольно поучительныхъ уроковъ войны въ теченіе $^3/_4$ года, такіе жалкіе политики все еще не умолкли, то, надо думать, блѣднолицые секретари—учителя французскихъ общинъ своимъ соединеннымъ, организованнымъ упоромъ дадутъ имъ еще не одинъ наглядный урокъ. Я не берусь, конечно, предсказывать, на чьей сторонѣ окажется все же, въ концѣ концовъ, побѣда; военное счастье—вещь вообще едва-ли легко предвидимая... Могу лишь сказать, близко наблюдая самые корни французскаго народа, что трудность побѣды надъ нимъ навѣрняка превосходитъ всѣ разсчеты математически-точныхъ головъ германскаго генеральнаго штаба. И если бы наслѣдникамъ хитроумнаго Мольтке все же была суждена здѣсь конечная побѣда, то теперь уже можно съ увѣренностью полагать, что побѣда эта будетъ гораздо хуже Пирровой побѣды—Германія на ней сама, пожалуй, изойдетъ кровью.

И не только таково мое впечатлѣніе отъ знакомства съ организующей энергіей савойскихъ деревенскихъ общинъ. То же скажу и относительно наблюдаемыхъ мною рядовыхъ людей. Мой старикъ-сосѣдъ, ферма котораго скрыта отъ меня лишь кустарникомъ да пригорочкомъ, тоже поражаетъ меня чѣмъ-то скрытымъ, сразу неуловимымъ, но крайне стойкимъ и далеко еще себя не исчерпавшимъ. Націонализмъ это? Нѣтъ, не націонализмъ. Я ни разу не слышалъ отъ него деруледовскихъ мотивовъ о «реваншѣ» либо о «наслѣдственномъ врагѣ-нѣмцѣ». Долговязый, жилистый, едваедва согбенный, 70-тилѣтній старикъ ничуть не пылаетъ какою-либо ненавистью къ нѣмцамъ, какъ таковымъ. А между тѣмъ онъ былъ солдатомъ, продѣлалъ противъ нѣмцевъ всю кампанію 1870—71 г.г. Что-то иное, совсѣмъ иное—вовсе не германофобство—поддерживаетъ въ немъ эту, свѣтящуюся изъ старыхъ глазъ, улыбающуюся твердость.

— Ну, что, mon vieux, какъ вашъ сынъ? — спрашиваю его въ послѣднее мое съ нимъ свиданіе, этою уже весной.

— Ничего, сражается,—отвѣчалъ старый солдатъ.—Пишетъ: хорошо, отецъ, себя чувствую, здорово нѣмцамъ задаемъ.

Старикова единственнаго сына я хорошо помню: такой же высокій, какъ отецъ, но прямой, широкогрудый красавецъ съ лихими усами. Шелъ мобилизоваться—смѣялся.

— Ну, а какъ думаете? что изъ всего этого выйдетъ?

— Что выйдетъ, не знаю. А вотъ, если бъ былъ я помоложе, самъ бы снова пошелъ противъ нѣмцевъ. И улыбается старикъ своими лучистыми, сѣрыми глазами, заставляя меня угадывать, какая же пружина тутъ дѣйствуетъ.

Дѣйствующія пружины, очевидно, во Франціи ли, въ Германіи ли, у савойяровъ ли, у саксонцевъ ли,—однѣ и тѣ же, и онѣ вполнѣ опредѣляются однимъ словомъ: воюющій народъ. Какъ произошло такое ужасное историческое недоразумѣніе, что народы, казалось бы, вовсе по существу не расположенные ненавидѣть другъ друга, бросились другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ, или толкнуты были къ этому,—это вопросъ роковой, вопросъ, быть можетъ, самый кровный, самый для всѣхъ народовъ существенный на данномъ поворотномъ пунктѣ исторіи всего человѣчества; но въ то же время вопросъ Сфинкса, приводящій людей къ рѣшеніямъ, исключающимъ другъ друга. Пожалуй, существуютъ уже и сейчасъ нѣкоторыя объективныя данныя, чтобы опредѣленно и съ значительной долей увѣренности отвѣтить на такой вопросъ. Но по многимъ основаніямъ приходится отъ отвѣта воздерживаться, разъ онъ рискуетъ не вполнѣ сойтись съ готовыми,

носящимися въ воздухѣ формулами, навѣянными кровавымъ гипнотизмомъ.

Такъ или иначе, вѣрно одно: *народы* рѣшились ополчиться другъ на друга, рѣшились во взаимоистребленіи идти на послѣднія жертвы, истощить въ порывѣ безпримѣрнаго самопожертвованія послѣднія свои силы. Стоишь передъ этимъ колоссальнымъ героическимъ подвигомъ націй въ ужасѣ и недоумѣніи и думаешь: чего, чего не совершила бы эта силушка народная, будучи направлена на болѣе культурныя цѣли, болѣе достойными человѣка путями?

Но увы! много ли значатъ наши безсильныя, «сторонніе» размышленія? Народамъ, въ силу какихъ-то неодолимыхъ, стихійныхъ импульсовъ угодно расточать свою силу въ катастрофическомъ столкновеніи—какъ бы для того, чтобы лишній разъ доказать наивному нашему идеализму, что мы далеко еще не живемъ въ царствѣ разума, что мы еще кругомъ—во власти слѣпыхъ силъ, во власти тютчевскаго «хаоса». Вотъ отчего—какъ ни суди, ни гадай, ни взвѣшивай всѣ возможныя перспективы и вѣроятности завтрашняго дня въ исторіи народовъ, а вѣрнѣй твоихъ разсчетовъ все еще—глядишь—и окажется простое, слѣпое, «хаотическое» предчувствіе материнскаго сердца.

Весною я снова и чаще сталъ встрѣчаться съ моей сосѣдкой г-жей Бриссо. На ея лицѣ,—говорила ли она о войнѣ или о совсѣмъ иныхъ, обыденныхъ вещахъ, даже смѣялась ли она среди разговора,—застыла привычная мина, какъ бы трагическая маска, маска боязни и упрека. Упрека—кому?... На стѣнѣ ея просторной кухни,—пріемной комнаты савойяра,—тоже виситъ карта, карта «міровой войны», и мать показываетъ мнѣ на ней три пункта, гдѣ, судя по краткимъ письмамъ, находятся ея три сына.

— А отъ средняго-отъ артиллериста-то у меня нѣтъ вѣстей вотъ уже два мѣсяца,—сообщила она мнѣ какъ-то беззвучно и въ то же время съ такимъ выраженіемъ лица: убьютъ, убьютъ «моихъ мальчиковъ»...

— Дѣло неладно!—подумалось и мнѣ невольно, ибо мнѣ было извѣстно, что этотъ сынъ аккуратно писалъ ей разъ въ недѣлю. Но я, конечно, старался успокоить ее соображеніями о томъ, что война—молъ—не миръ, полевая почта—это вамъ не аккуратная, какъ часы, почта будней нашей жизни; погодите--молъ еще нѣсколько времени, а впрочемъ... справлялись ли вы въ Международномъ бюро Краснаго Креста, что въ Женевѣ? Можетъ быть, сынъ вашъ окажется въ плѣну у нѣмцевъ...

— Да вѣдь въ Женевѣ требуется удостовѣреніе отъ французскихъ военныхъ властей о томъ, что такой-то безъ вѣсти пропалъ:

но мнѣ такого удостовѣренія не шлютъ... О, мой бѣдный мальчикъ! И письма-то мои къ нему ворочаются изъ арміи съ надписью «inconnu».

Что подѣлаешь тутъ словами и утѣшеніями? Я умолкаю и ухожу съ камнемъ на сердцѣ. На улицѣ старшая дочка мадамъ Бриссо вступаетъ со мной въ бесѣду о братѣ. Она шопотомъ сообщаетъ мнѣ, что получила, по секрету отъ матери, письмо изъ отряда, гдѣ братъ. Пишетъ землякъ-савойяръ изъ ихъ же общины, правда, не артиллеристъ, а пѣхотинецъ: самъ видѣлъ въ сраженіи, какъ упалъ ея братъ, но не видѣлъ—что дальше; шли въ атаку на нѣмцевъ, потомъ нѣмцы—въ контръ-атаку на нихъ... По мнѣнію дѣвушки, братъ навѣрняка убитъ. И она прибавляетъ, что вотъ въ ихъ маленькой общинѣ (домовъ 20 въ самой деревнѣ Морра, да фермъ 30 отдѣльно, разбросанныхъ хуторками) уже насчитывается 13 человѣкъ убитыхъ да 3 пропавшихъ безъ вѣсти.

Я и въ другихъ окрестныхъ деревняхъ слыхалъ подобныя же траурныя цифры. Еще больше, конечно, раненыхъ, которые пишутъ на родину изъ госпиталей, изъ разныхъ угловъ Франціи; есть и такіе, которыхъ прислали домой на окончательную поправку съ довольно легкой, но затяжной раной: нога прострѣлена, грудь и желудокъ сильно контужены осколкомъ нѣмецкой гранаты. Иные уже, поправившись, отбыли снова туда, гдѣ какъ бы двѣ живыя, вдругъ очеловѣчившіяся географическія границы напираютъ другъ на друга, стараясь не допустить до насильственнаго измѣненія рисунка карты.

Я лично встрѣчалъ и такихъ, которые дважды излѣчивались отъ ранъ и шли снова, въ третій разъ, на границу. Въ нихъ не видно было большой «воинственности» въ смыслѣ любви къ такъ называемому «кровавому пиру»; скорѣе напротивъ—въ особенности, что касается необходимости идти въ штыковую атаку на живыхъ людей, хотя бы называемыхъ презрительно «бошами». Что прикажете дѣлать? Вѣдь солдаты—тоже воспитанники французской народной школы, тоже нерѣдко читатели хорошихъ деревенскихъ библіотекъ, гдѣ столько авторовъ-гуманистовъ XIX и XX в.в.—Золя съ его «Разгромомъ», Гюго, Додэ, А. Франсъ; тѣмъ не менѣе мои дважды-раненные знакомцы шли испытывать свою судьбу и въ третій разъ все съ тою же неговорливой, трагической рѣшимостью на блѣдномъ лицѣ.

По моему настоянію, дочь мадамъ Бриссо все же съѣздила въ Женеву и справилась о братѣ въ Красномъ Крестѣ. Ей пока ничего не отвѣтили, только пообѣщали въ свою очередь навести письменную справку въ Германіи. Однако, не прошло нѣсколькихъ дней,

какъ дѣвушка встрѣтила меня съ сіящимъ видомъ: ну, думаю, значитъ, братъ оказался въ нѣмецкомъ плѣну, только я удивился, что справка пришла такъ скоро. Вышло совсѣмъ другое: мать получила таки наконецъ письмо отъ долго молчавшаго сына-артиллериста. Онъ живъ и здоровъ, а писать не могъ только потому, что ихъ передвинули въ другое мѣсто живой франко-нѣмецкой границы.

Мнѣ было разсказано тутъ еще и такое, что мнѣ слушать было какъ будто и не совсѣмъ ловко, потому что сообщеніе для того момента нарушало всѣмъ извѣстное требованіе военной тайны. Ужъ не знаю, какъ это происходитъ, но въ иныхъ письмахъ съ театра войны проскакиваютъ и новости свойства запретнаго. Сынъ-артиллеристъ писалъ матери, что ихъ попросту прятали,—не только отъ нѣмецкихъ, но и отъ французскихъ глазъ,—подготовляя будущую нечаянную атаку на холмистый гребень les Eparges, образующій столь важную, господствующую позицію надъ равниной Возвръ, на с.-в. отъ крѣпости Вердёна. Затѣмъ, ихъ выпустили ночью изъ засады, они ударили на нѣмцевъ, кого перебили, кого прогнали... «Оттого, дорогая мама, я и не могъ писать вамъ, и отъ васъ ничего не получалъ».

Я увидалъ потомъ и радостную мать. Ея лицо какъ-то расправилось, глаза не глядѣли такою черною тучей изъ-подъ навѣса бровей: вѣщее сердце на этотъ разъ ошиблось. Бываетъ, какъ видно, неправъ и материнскій слѣпой инстинктъ въ этомъ враждебномъ человѣку хаосѣ слѣпыхъ силъ исторіи. Кто знаетъ?—снова воспрянула во мнѣ неумирающая человѣческая надежда: кто знаетъ? Можетъ быть, по мановеніи великой міровой грозы, когда водворится снова обычная, болѣе или менѣе мирная погода, разумъ человѣческій вступитъ снова въ свои права и вѣрнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, станетъ не только чертить, но осуществлять свои прометейскіе планы; и угомонившаяся стихія принуждена будетъ все же покоряться замысламъ общечеловѣческаго, для всѣхъ равно доступнаго, разумнаго счастья? Кто знаетъ? Можно сказать лишь одно: пора, пора бы!

Но теперь покамѣстъ гроза далеко еще не разрядила всей силы заложеннаго въ ней электрическаго напряженія. Бушуютъ сорвавшіеся съ цѣпи стихійные вихри, играютъ жизнью и смертью народовъ, и увлекаемые ими народы — странно! — потрясаются ощущеніемъ небывалой энергіи, небывалой сплоченности. Взаимно-противоположные циклоны сталкиваются, разбиваются; народы истощаются во взаимномъ истребленіи — и все стремятся къ невѣдомой цѣли, вложенной въ нихъ движеніемъ, какъ къ своей собственной исторической цѣли. А подсчитайте итоги годич-

ныхъ столкновеній. Учтя всѣ частичные плюсы и минусы, въ концѣ концовъ, едва-ли найдете, чтобы общій итогъ придвинулъ хотя бы одну сторону къ ея «цѣли»...

Въ Горной Савойѣ мы тоже можемъ наблюдать эту безконечную игру плюсовъ и минусовъ. Мнѣ въ мои частые переѣзды туда и обратно въ Швейцарію, каждый разъ приходится проѣзжать черезъ савойскій городокъ Аннемассъ—центръ въ настоящее время для своеобразнаго движенія «водворяемыхъ въ отечество» (rapatriés) десятковъ тысячъ французовъ. А Женева въ свою очередь дополняетъ это движеніе тысячами «эвакуируемыхъ» нѣмцевъ. Какія грустныя картины! Подобныя имъ были трогательно воспѣты великимъ поэтомъ Гёте въ его «Германѣ и Доротеѣ»; только тамъ и тогда шла рѣчь о массахъ французовъ (гугенотовъ), эвакуируемыхъ изъ отечества христіаннѣйшимъ королемъ Людовикомъ и водворяемыхъ въ чужой, но гостепріимной Германіи. Давно это было...

Вотъ тянется въ Аннемассъ учетверенно-долгій трамвай изъ Женевы съ надписью «reservé» (спеціальный поѣздъ). Онъ останавливается какъ разъ на площади аннемасскаго hôtel-de-vill'я. Прибывшіе радостно поютъ хоромъ «бельгійскій маршъ», кричатъ «ура», и первый, выпрыгнувшій изъ вагона, бросается на шею первому подвернувшемуся савойяру. Толпа, состоящая изъ женщинъ, маленькихъ дѣтей съ небольшимъ лишь процентомъ стариковъ да подростковъ 10—14 лѣтъ, выгружается вмѣстѣ со скудными пожитками изъ вагоновъ на уѣздную площадь. Выносятъ на носилкахъ больныхъ, ведутъ подъ руки дряхлыхъ. Родина, въ лицѣ служащихъ мэріи и жандармовъ, встрѣчаетъ странниковъ торопливо и дѣловито (о, сколькихъ она уже встрѣчала!), прикрѣпляя каждому на грудь большой картонный номеръ—чтобы слабый, малый, подчасъ лишившійся отъ горя разсудка человѣкъ какъ-либо не потерялся. Сейчасъ ѣдутъ все люди изъ сѣверныхъ департаментовъ Франціи, оккупированныхъ Германіей—изъ Па-де-Калэ, Арденнъ. Часто эвакуированные наскоро, въ чемъ лишь были, не успѣвъ захватить съ собой самаго необходимаго. Жили въ дорогѣ подаяніемъ да заботами швейцарскаго населенія и правительства, которымъ выражаютъ потомъ въ газетахъ глубокую признательность. Смертность между эвакуированными, особенно дѣтьми—жестокая; всѣ швейцарскіе госпитали по дорогѣ тому свидѣтели. Бѣглецы жалуются на нѣмцевъ преимущественно за безцеремонность и за плохой прокормъ. Но, кстати сказать, жалобы на какое-либо исключительно жестокое поведеніе нѣмцевъ не часты. Жестокости, конечно, достаточно, но, если такъ можно выразиться,—«нормальной», свойственной уже отъ природы жестокому понятію: война.

Возвращаемыхъ въ отечество ведутъ толпой на обширный дворъ hôtel-de-vill'я, гдѣ нарочно для нихъ сооруженъ баракъ для кормленія. Впускаютъ по номерамъ опредѣленное количество голодныхъ странниковъ—сколько вмѣщаетъ баракъ. Потомъ раздается долгій звонъ электрическаго звонка—первая толпа уступаетъ мѣсто другой и т. д. Накормивъ всѣхъ, отправляютъ съ санитарами на вокзалъ для отправки далѣе во внутрь родины. Ребята на рукахъ кричатъ, тащатся ручныя телѣжки съ багажомъ, еле плетутся старики; сумасшедшіе и нервно-разстроенные упираются, кричатъ: «куда меня ведутъ? я не хочу никуда дальше! пустите меня сѣсть, оставьте меня»... Задача стражи не изъ легкихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, водворяемымъ, лишеннымъ очага и имущества,—почти что все равно, гдѣ бы ни приткнуться. Иные остаются тутъ же, въ Аннемассѣ, разсылаются по окрестнымъ деревенскимъ общинамъ. Видалъ я ихъ порядочно, живущихъ уже по нѣсколько мѣсяцевъ на фермахъ у крестьянъ. Платитъ за нихъ государство—конечно, гроши. Но—ни платья, никакого мало-мальскаго хозяйства. Заработать почти ничего не могутъ: вѣдь это все женщины да дѣти; зато, по слухамъ, крутые савойскіе крестьяне заставляютъ трудомъ оплачивать гостепріимство. Но не знаю, вѣрно ли это. Участи водворенныхъ во всякомъ случаѣ не позавидуешь. И это—только начало переселенія, безчисленныя толпы ждутъ своей очереди къ эвакуированію.

Видалъ я въ Женевѣ на вокзалѣ и нѣмцевъ, эвакуируемыхъ изъ Франціи, черезъ Ліонъ и Женеву. Жалкія тоже, блѣдныя, оборванныя толпы. Съ тѣмъ же состраданіемъ принимала ихъ Швейцарія, волею судебъ поставленная на перекресткѣ международнаго бѣдствія. Трудно забыть въ особенности зрѣлище швейцарскихъ солдатъ, несущихъ на рукахъ изъ вагоновъ грудныхъ нѣмецкихъ младенцевъ, впереди растерянnаго шествія матерей... И часто—что это за *нѣмецкія* женщины? Просто—француженки, имѣвшія неблагоразуміе—положившись на прочность премудрой политической системы «вооруженнаго мира» — полюбить и выйти замужъ за нѣмцевъ, австрійцевъ, которые успѣли акклиматизироваться годами во Франціи.

На матерей всѣхъ странъ горою обрушилось все бремя войны. Матерямъ говоритъ огненно-окая фурія: «А, наивныя женщины! вы думали, что рождаете міру людей для того, чтобы творили на землѣ все болѣе уютное и свѣтлое жилище всему человѣчеству? Смѣшныя! Вотъ я развела свою смертную потѣху и въ мою мѣдную трубу трублю сборъ; на ея зовъ ваши чада толпами стремятся съ крикомъ: умремъ или побѣдимъ».

Такъ говоритъ фурія. А я вижу передъ собой вблизи лицо савойской матери, не спящей ночей въ думѣ о своихъ трехъ мальчикахъ, и недоумѣваю: со всѣхъ «враждебныхъ» сторонъ всѣ «мальчики» такъ твердо и рѣшительно обороняютъ грудью свои границы, такъ горячо твердятъ объ «освобожденіи». И въ отвѣтъ имъ долгая война несетъ неисчерпаемыя, бездонныя бѣды...

А. Дивильковскій.

ИЗЪ АМЕРИКИ.

I.

Вполнѣ естественно, что американскія газеты почти сплошь заполнены извѣстіями о европейскихъ событіяхъ; но не менѣе понятно и то, что европейская пресса все больше и больше вниманія удѣляетъ извѣстіямъ изъ Америки. Несмотря на холодъ и безконечность отдѣляющихъ насъ отъ Европы океанскихъ волнъ, пожаръ, охватившій Европу, пышетъ намъ въ лицо все жарче и жарче. Послѣ памятной ноты Вильсона, предъявленной Германіи по поводу ея «военной зоны» и имѣвшей, какъ помнятъ читатели, почти ультимативный характеръ, американцы пережили моментъ, когда казалось, что вотъ-вотъ, и въ огненный кругъ событій будетъ вовлечена и ихъ, столь миролюбиво настроенная страна.

Моментъ напряженія разрѣшился отступленіемъ Германіи. Но вслѣдъ за этимъ, блокада Германіи, объявленная ея противниками, вновь поставила С. Штаты лицомъ къ лицу съ европейскими событіями. Предпринимаетъ ли Германія отчаянную попытку экономической изоляціи Англіи, или, наоборотъ, Англія и Франція устраиваютъ блокаду Германіи,—все это немедленно отзывается за океаномъ. Нити промышленныхъ и торговыхъ отношеній прочно связали между собою Новый и Старый Свѣтъ, и по нимъ, весьма чувствительно для С. Штатовъ, передаются всѣ толчки, испытываемые европейскою жизнью.

Въ нашемъ распоряженіи, въ настоящій моментъ, находятся данныя, быть можетъ, уже достаточныя для разрѣшенія, въ общихъ чертахъ, вопроса о томъ, какъ европейскій конфликтъ отразился на

промышленной жизни Америки. Помимо академическаго интереса, вопросъ этотъ представляетъ и большое практическое значеніе. Въ данныхъ о состояніи американской промышленности за послѣдніе мѣсяцы—лучшій ключъ къ пониманію послѣднихъ выступленій правительства Вильсона, по справедливости приковавшихъ къ себѣ вниманіе всего міра.

Начнемъ съ того, мимо чего, при нѣкоторой небрежности, было бы весьма легко пройти, — съ американскаго импорта за мѣсяцы войны. Декабрьская книжка оффиціальнаго вашингтонскаго изданія «Monthly summary of Commerce and Finance of the United States» подводитъ итоги за 1914 годъ. Оказывается, что въ этомъ году въ С. Штаты было ввезено на 1.789.276,001 дол., въ то время, какъ въ 1913 г.—на 1.792.596.480 дол.

Отсюда, казалось бы, недалеко до вывода, что война на американскомъ импортѣ почти совершенно не отразилась; но это совсѣмъ не такъ. Если только-что приведенныя цифры разложить на составныя части, тогда окажется, что въ 1914 г. изъ Европы въ С. Штаты было привезено на 81.148.594 дол. меньше, чѣмъ въ 1913 г.; разница же въ общей суммѣ ввоза потому столь незначительна, что въ томъ же 1914 г. въ С. Штаты изъ государствъ Сѣверной и Южной Америки было ввезено на 82.871.171 дол. больше, чѣмъ въ 1913 г.

Можно предположить, такимъ образомъ, что уменьшеніе ввоза изъ Европы было компенсировано увеличеніемъ ввоза изъ маленькихъ американскихъ государствъ. Но и этотъ выводъ будетъ тоже невѣренъ. Если мы возьмемъ первую половину 1914 г., кончая іюлемъ, т.-е. время до войны, то увидимъ, что уже за этотъ періодъ ввозъ изъ государствъ Сѣверной и Южной Америки былъ, по сравненію съ 1913 г., выше на 70.220.303 дол. Если бы и въ дальнѣйшемъ увеличеніе ввоза изъ американскихъ государствъ было пропорціонально этой суммѣ, то въ итогахъ за 1914 г. мы имѣли бы сумму, приблизительно, на 120 мил. превосходящую данныя за 1913 г. Наша же сумма, какъ мы видимъ, въ круглыхъ цифрахъ равна лишь 83 мил. Такимъ образомъ, благодаря войнѣ, несомнѣнно, сильно отразившейся на рынкахъ маленькихъ американскихъ государствъ, С. Штаты получали отъ нихъ товаровъ, приблизительно, на 40 мил. дол. меньше, чѣмъ можно было ожидать.

Если къ этой суммѣ прибавить еще 80 мил. уменьшенія ввоза изъ Европы, мы получимъ приблизительное, но для даннаго момента вполнѣ достаточное представленіе о томъ, какъ война отразилась на американскомъ импортѣ. За первые пять мѣсяцевъ войны ввозъ въ Америку сократился на 120 мил. долларовъ. Если принять во вниманіе, что въ среднемъ въ С. Штаты ежемѣсячно

ввозится на 150 мил. дол., то замѣтимъ, что война сократила американскій импортъ, приблизительно, на 16%.

Оффиціальные вашингтонскіе отчеты, перечисляя предметы, обычно ввозимые въ С. Штаты, даютъ около ста названій. Изъ Германіи въ большомъ количествѣ ввозятся химическіе продукты, аптекарскіе товары, краски, шнуры, ленты, кружева, посуда, игрушки, одежда; изъ Франціи—произведенія искусства, одежда, матерьялъ и отдѣлка для одежды, шляпы, перчатки и т. п. Изъ Бельгіи—стекло, бумага, рядъ другихъ химическихъ продуктовъ и т. д., и т. д. Вслѣдствіе этого, не оказалось почти ни одной отрасли американской торговли, которая, такъ или иначе, не была бы задѣта пониженіемъ импорта. Соотвѣтственно съ этимъ, почти на все поднялись цѣны, и на долю американцевъ пришлось, такимъ образомъ, похмѣліе въ чужомъ пиру.

Поэтому, въ С. Штатахъ объ иностранномъ засиліи на рынкѣ говорятъ и кричатъ сейчасъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Россіи. «Made in the U. S.». («Сдѣлано въ С. Штатахъ»)—сейчасъ здѣсь положительно популярный лозунгъ. Въ Нью-Іоркѣ, въ Grand Centre Palace, идетъ выставка «Made in the U. S.», и лозунгомъ этимъ повсюду пестрятъ рекламы и афиши, являющіяся здѣсь не только двигателемъ торговли, но, до нѣкоторой степени, и факторомъ общественнаго воспитанія [1]). Даже серьезный и сдержанный нью-іоркскій «Times» помѣстилъ недавно статью съ настойчивымъ призывомъ къ экономической эмансипаціи С. Штатовъ. «War's dire effect on imports may help us»,—писалъ авторъ статьи, указывая на то, что громадное и тяжелое по своимъ послѣдствіямъ вліяніе войны на импортъ, по всей вѣроятности, приведетъ страну къ сознанію необходимости развить цѣлый рядъ отраслей отечественной промышленности.

Конечно, все это движеніе въ значительной степени создано усиліями капиталистовъ, заинтересованныхъ въ вытѣсненіи съ американскаго рынка, если не всѣхъ, то хотя бы нѣкоторыхъ привозныхъ товаровъ. Америка—страна съ большимъ резонансомъ для «золотыхъ» словъ, срывающихся съ устъ милліонеровъ. Услужливая пресса, близко знакомая заправиламъ различныхъ трестовъ и банковъ, подхватитъ и разнесетъ, и въ милліонахъ голосовъ повторитъ какой угодно лозунгъ, выгодный для этихъ господъ. Но объяснить

[1]) Небезъинтересно отмѣтить, что фарсъ, нынѣ съ успѣхомъ идущій въ Нью-Іоркѣ, тоже носитъ названіе „Maid in the U. S.“. Созвучіе словъ „Made“ (сдѣланный) и „Maid“ (дѣвушка) дало возможность предпріимчивому антрепренеру воспользоваться для своихъ выгодъ боевымъ лозунгомъ промышленнаго дня.

исключительно лишь этимъ успѣхъ «Made in the U. S.» значило бы забыть, что въ этомъ случаѣ лозунъ падаетъ въ массу потребителей, дѣйствительно, кровно задѣтыхъ тѣмъ повышеніемъ цѣнъ на предметы подчасъ насущной необходимости, которое вызвано здѣсь сокращеніемъ ввоза за время войны.

II.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію американскаго экспорта. Здѣсь вліяніе войны ярче и замѣтнѣе. Данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, располагаются слѣдующимъ образомъ:

Американскій экспортъ [1]).

(въ долларахъ)

	1913 г.	1914 г.
Августъ	187.909.020	110.369.114
Сентябрь	218.240.001	156.337.333
Октябрь	271.861.464	195.404.630
Ноябрь	245.539.042	205.878.333
Декабрь	233.195.628	245.632.558
	(1914 г.)	(1915 г.)
Январь	204.131.641	267.879.313

Изъ первой части нашей таблицы,—съ августа по ноябрь,—видно, что за первые четыре мѣсяца войны, по сравненію съ 1913 г., американскій экспортъ понизился на 255.560.117 долл. Въ предыдущей статьѣ [2]) я уже указывалъ, какъ тяжело этотъ ущербъ отразился на промышленной жизни Америки. Но, начиная съ декабря, картина рѣзко мѣняется. Въ декабрѣ 1914 г. было вывезено уже на 12.436.930 долл., а въ январѣ 1915 г. на 63.812.710 долл. *больше*, чѣмъ въ предшествующемъ году. По даннымъ нью-іоркскаго «Times»'а, вывозъ за февраль 1915 г., въ круглыхъ цифрахъ, уже на 100 милл. больше, чѣмъ въ февралѣ 1914 г. [3]).

---

1) Monthly summary of Commerce and Finance of the United States.

2) „Вѣстникъ Европы", мартъ 1915 г.

3) „Foreign trade and international finance", въ „The New York Times", 25-го марта 1915 г.

Такимъ образомъ, передъ С. Штатами начала раскрываться та «новая эра»,—эра промышленнаго подъема въ связи съ войной,—въ предсказаніи которой, съ первыхъ же дней, сходились и нѣкоторые теоретики, и практики-дѣльцы. Но какъ разъ въ этотъ моментъ Германія сообщила въ Вашингтонъ объ учрежденіи, съ 18-го февраля (нов. ст.), «военной зоны» и объявила объ опасности, угрожающей отнынѣ даже нейтральному мореплаванію. Не говоря уже о томъ, что угроза нападеній путемъ подводныхъ лодокъ являлась вопіющимъ нарушеніемъ международнаго права, Америка была слишкомъ экономически заинтересована въ развитіи торговыхъ отношеній съ союзниками, чтобы оставить это выступленіе Германіи безъ рѣшительнаго отвѣта. Цифры растущаго экспорта—лучшая иллюстрація къ той, совсѣмъ недвусмысленной нотѣ, которую президентъ Вильсонъ отправилъ въ Берлинъ въ отвѣтъ на объявленіе «военной зоны».

Надо замѣтить, что повышеніе общей суммы американскаго экспорта за послѣдніе мѣсяцы построено на чрезвычайномъ увеличеніи вывоза пищевыхъ продуктовъ. За время войны понизился вывозъ сырья и всякихъ готовыхъ и полуготовыхъ издѣлій американской промышленности, и повысился вывозъ пищевыхъ продуктовъ и «всего остального»: въ американскихъ отчетахъ это передается терминомъ «Miscellaneous». При этомъ, вывозъ пищевыхъ продуктовъ въ 1914 г. повысился на 89.713.621 долл., въ то время, какъ «всего остального» было вывезено лишь на 14.433.945 долл. больше, чѣмъ въ 1913 г.

Это небезъинтересно отмѣтить, такъ какъ въ рубрику «всего остального» частью отнесены и спеціально-военные матеріалы, заготовляемые Америкой для союзниковъ. Ясно, что не столько на вывозѣ боевыхъ припасовъ, сколько на снабженіи воюющихъ пищевыми матеріалами строитъ Америка свое, какъ мы ниже увидимъ, весьма относительное благополучіе. За декабрь 1914 г., напр., огнестрѣльнаго оружія, патроновъ, взрывчатыхъ веществъ, автомобилей, лошадей, одежды для армій и проч. было вывезено на 17.209.495 долл. больше, чѣмъ въ 1913 г. Но въ томъ же мѣсяцѣ съѣстныхъ припасовъ было вывезено на 57.607.661 долл. больше, чѣмъ въ декабрѣ 1913 г. Въ 1914 г., вслѣдствіе войны, одной только пшеницы изъ Америки Франція ввезла къ себѣ на 24.057.549 долл. больше, чѣмъ въ 1913 году. Англія ввезла на 25.421.732 долл. больше. Италія почти удвоила свой ввозъ пшеницы,—съ 29.646.713 долл. въ 1913 г., до 55.068.505 долл. въ 1914 г. Значительно увеличился также ввозъ американскихъ пищевыхъ припасовъ въ маленькія европейскія государства.

При такихъ условіяхъ просьба Германіи о пропускѣ пищевыхъ припасовъ, съ готовностью отказаться, взамѣнъ за это, отъ «военной зоны», раскрывала передъ Америкой заманчивые горизонты. Распространить снабженіе хлѣбомъ и мясомъ и на отощавшую Германію, съ ея готовностью заплатить какія угодно цѣны—эта идея улыбалась, по всей вѣроятности, очень многимъ американскимъ экспортерамъ. Но вѣдь Англія вполнѣ правомѣрно установила блокаду Германіи и осуществляла ее правомѣрными средствами, поэтому, президенту Вильсону оставалось только ограничиться неоффиціальной передачей германской просьбы въ Лондонъ.

Мнѣ кажется, что, для характеристики американской позиціи въ міровой войнѣ, этотъ моментъ посылки почти ультимативной ноты въ Германію, германскій «смирнехонькій» отвѣтъ и неоффиціальныя сношенія Вильсона съ Лондономъ,—моментъ весьма важный. Поведеніе президента и голоса американской прессы въ этотъ періодъ дипломатическихъ сношеній съ воюющими,—все это говоритъ о томъ, какой блестящій экзаменъ въ смыслѣ подчиненія идеѣ права выдержала Америка на міровомъ испытаніи.

Рѣшительно протестуя, несмотря на все свое миролюбіе, противъ методовъ германской подводной войны, президентъ Вильсонъ защищалъ, во-первыхъ, право и, во-вторыхъ, экономическіе интересы страны, находившейся въ оживленныхъ сношеніяхъ съ союзниками. Конечно, и само право, въ его современной международной формулировкѣ, родилось изъ борьбы интересовъ; но, родившись, стало самостоятельно вліяющей силой, и свѣтъ ея—маякъ для политики Вильсона. Надо представить себѣ всю степень прежней непопулярности этого дѣятеля для того, чтобы оцѣнить, какихъ блестящихъ успѣховъ онъ успѣлъ достичь за эти послѣдніе бурные и критическіе мѣсяцы своего президентства. Давно ли еще почти вся американская пресса смѣхомъ и ядовитыми шуточками сопровождала его имя, а теперь какимъ хоромъ согласныхъ привѣтствующихъ голосовъ сопровождается каждое изъ его выступленій! «Наша дипломатія великолѣпна», писалъ нью-іоркскій «Times» по поводу вильсоновскаго протеста, предъявленнаго Германіи. «Выступленіе Вильсона рѣшительно, спокойно, неподражаемо», писала «The World». «Превосходно, всякій американскій патріотъ одобритъ эту ноту» писалъ «The Herold». «Тонъ ноты изумителенъ», писалъ «The Sun». «Страна съ президентомъ», объявляла «The Evening Post». Этими выдержками можно было бы заполнить цѣлую страницу. Изъ всѣхъ нью-іоркскихъ газетъ одна лишь «The New York Staats-Zeitung» осталась недовольна выступленіемъ Вильсона; но вѣдь ей приходится быть недовольной, хотя бы уже вслѣдствіе ея нѣмецкой профессіи...

Когда Германія, въ своемъ отвѣтѣ, заявила о приближеніи голода и о готовности прекратить свою подводную войну, если Англія согласится пропускать къ ней пищевые припасы, американская печать, прежде всего, опредѣленно установила всю выгоду этого германскаго предложенія для Соед. Штатовъ. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ категорически высказался, напримѣръ, серьезный и обстоятельный нью-іоркскій «Times». Представимъ себѣ теперь, что въ «странѣ Желтаго Дьявола» господствуютъ нравы «нѣжной, романтической и идеалистической» Германіи. Въ этомъ случаѣ дѣло обстояло бы очень просто. Пути вашингтонской политики могли бы пойти въ двоякомъ направленіи: или Англіи было бы послано энергичное представленіе о необходимости смягчить суровость блокады просто-на-просто потому, что эта блокада бьетъ по американскимъ интересамъ («Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать»); или же въ мотивировкѣ былъ бы взятъ благородный, чувствительный тонъ, говорилось бы о женщинахъ и дѣтяхъ, о мирномъ германскомъ населеніи, обреченномъ на муки голода и т. п. Но ни того, ни другого не случилось. Судьбѣ было угодно, чтобы страна грубыхъ, матеріалистическихъ янки дала урокъ, въ пониманіи идей права и справедливости, Германіи,—странѣ философовъ, поэтовъ и правовѣдовъ. Тотъ же самый нью-іоркскій «Times», который такъ опредѣленно указалъ, что исполненіе германской просьбы о пропускѣ пищевыхъ припасовъ соотвѣтствуетъ интересамъ Соед. Штатовъ, писалъ, тѣмъ не менѣе: «Если германцы признаются въ недостаткѣ пищевыхъ припасовъ, ясно, что Англія должна даже усилить дѣйствіе своей блокады: въ этомъ залогъ скорѣйшаго окончанія войны. Англичане въ правѣ заявить, что было бы противно интересамъ гуманности допустить пищевые продукты въ Германію, если она въ нихъ такъ нуждается. Это дало бы возможность германцамъ продлить войну и обрекло бы еще многія тысячи нѣмцевъ, французовъ, русскихъ и англичанъ на смерть на поляхъ сраженія [1]).

Вильсонъ счелъ необходимымъ передать въ Англію содержаніе берлинской ноты. Когда, въ отвѣтъ на это, изъ Англіи въ Вашингтонъ пришелъ категорическій отказъ, въ Соед. Штатахъ онъ не удивилъ и не обезкуражилъ никого,—кромѣ германо-американцевъ, конечно. Вся американская печать въ этомъ выступленіи Вильсона съ самаго же начала видѣла актъ простой вѣжливости. *Настаивать* на выполненіи германской просьбы значило бы вторгаться въ область принадлежащаго Англіи права,—изъ соображеній весьма сомни-

---

1) „Germany's food supply", въ „The New York Times", 16 февраля 1915 г.

тельной гуманности. Несмотря на всю свою экономическую заинтересованность, Соед. Штаты подчинились въ данномъ случаѣ идеѣ права.

III.

Въ послѣдующей фазѣ борьбы правовая выдержанность позиціи Соед. Штатовъ сказалась еще ярче. Въ отвѣтъ на объявленіе Германіей «военной зоны», Англія и Франція, какъ извѣстно, отвѣтили рѣшеніемъ запереть Германію окончательно, пресѣчь всякій ввозъ и вывозъ изъ нея. Если къ выступленію Германіи Америка отнеслась съ откровенной насмѣшкой, назвавъ ихъ «военную зону» бумажной зоной, къ отвѣту союзниковъ здѣсь сразу же отнеслись серьезно, понявъ, что ихъ рѣшеніе будетъ проведено въ жизнь всѣми силами союзнаго флота. Эта дѣйствительная блокада ударяла очень сильно по американскимъ интересамъ. То обстоятельство, что былъ пресѣченъ американскій вывозъ въ Германію и Австрію, это американцевъ поразило совсѣмъ мало, такъ какъ и до послѣдняго, рѣшительнаго выступленія союзниковъ американскій экспортъ въ тевтонскія страны былъ низведенъ почти къ нулю. Въ 1913 г.,—съ августа по декабрь,—онъ равнялся 195.744.519 долл., а въ 1914 г., соотвѣтственно, лишь 2.327.494 долл. Иное дѣло въ области импорта. Хотя въ 1914 г., вслѣдствіе войны, Германія ввезла въ Соед. Штаты на 35 милл. долл. меньше, чѣмъ въ 1913 г., но все же за пять мѣсяцевъ войны ею было ввезено на очень крупную сумму. Проглядывая оффиціальные вашингтонскіе отчеты, можно убѣдиться, съ какой энергіей и поспѣшностью германцы возстановили и наладили свои торговыя сношенія съ Соед. Штатами. Въ области ввоза это, естественно, сказалось съ особенной силой, такъ какъ до послѣдняго времени ввозъ въ Америку былъ почти совершенно свободенъ. Такъ мы видимъ, что въ сентябрѣ,—мѣсяцъ наибольшей дезорганизаціи германской внѣшней торговли,—германцы ввезли въ Соед. Штаты на 16 милл. долл. меньше, чѣмъ въ сентябрѣ 1913 г.; въ октябрѣ—на 14 милл. долл. меньше, а въ ноябрѣ—уже только на 3 милл. долл. меньше, чѣмъ въ 1913 г. Такимъ образомъ, дѣло-было уже совсѣмъ наладилось, какъ вдругъ новое выступленіе союзниковъ совсѣмъ прекращаетъ германскій импортъ въ Соед. Штаты.

Изъ массы сообщеній, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ тяжело отозвалась на С. Штатахъ рѣшительная блокада Германіи, я приведу лишь одинъ фактъ. Въ началѣ апрѣля въ Вашингтонъ прибыла делегація отъ текстильной промышленности изъ 28-ми штатовъ, кото-

рая привезла съ собой заявленія отъ 430-ти фабрикъ. Во всѣхъ заявленіяхъ указывалось на крайне затруднительное положеніе, въ которое попала текстильная промышленность, вслѣдствіе отсутствія красящихъ веществъ, привозившихся до сихъ поръ изъ Германіи. Делегаты опредѣленно заявили, что послѣ того, какъ будетъ исчерпанъ находящійся въ ихъ распоряженіи нѣкоторый запасъ красокъ,—его хватитъ, приблизительно, на полтора мѣсяца, — фабрики будутъ вынуждены закрыться, и около 400.000 рабочихъ очутится на улицѣ... [1]).

При такомъ положеніи вещей, подъ давленіемъ повелительныхъ экономическихъ обстоятельствъ, казалось бы, слѣдовало ожидать выступленія С. Штатовъ съ требованіемъ о смягченіи блокады Германіи. И, дѣйствительно, нѣкоторыя бойкія американскія газеты, типа «The New York Evening Journal», забѣгая впередъ событій, уже печатали большіе кричащіе подзаголовки: «Sharp protest of the United States» («Рѣзкій протестъ С. Штатовъ»). Но правительство Вильсона, опираясь на самые широкіе круги населенія, осталось по-прежнему вѣрно своей политикѣ права. Въ вашингтонскихъ сферахъ въ первые дни было нѣкоторое смущеніе по поводу извѣстнаго заявленія англійскаго премьера. Газеты печатали, что блокада Германіи, какъ бы строга она ни была, вызоветъ признаніе со стороны С. Штатовъ въ томъ случаѣ, если это будетъ дѣйствительная, «эффективная» блокада, съ цѣпью сторожевыхъ военныхъ судовъ. Одного заявленія о блокадѣ недостаточно,—повторяла почти вся американская пресса. Послѣдующія заявленія Англіи и Франціи успокоили Америку относительно правового существа принимаемой ими мѣры. Заатлантическая республика склонилась передъ ней, несмотря на то, что блокада такъ больно отозвалась на ея экономическихъ интересахъ.

Если европейская борьба, въ значительной степени, — борьба принциповъ интереса и права, Америка всецѣло на сторонѣ послѣдняго. Недаромъ германскій посолъ въ Вашингтонѣ, графъ Бернсторфъ, опубликовалъ на-дняхъ свой знаменитый «меморандумъ», въ которомъ обвиняетъ правительство С. Штатовъ въ томъ, что ихъ нейтралитетъ «односторонній». Правительство Вильсона готовитъ сейчасъ отвѣтъ на эту безтактную выходку г. Бернсторфа. Но, какъ бы то ни было, изъ пѣсни слова не выкинешь. С. Штаты, руководящіеся во всей своей международной политикѣ понятіями права, дѣйствительно, вмѣстѣ съ союзниками, отстаиваютъ одно общее и близкое всему человѣчеству дѣло.

---

[1]) „The New York Times“, 7 апрѣля 1915 г.

Косвенно принимая участіе въ міровой борьбѣ, С. Штаты несутъ также и часть общаго, тяжелаго бремени. Понятно, какимъ тяжкимъ разстройствомъ на американскомъ народномъ хозяйствѣ сказалось пониженіе импорта; но и повышеніе экспорта, начавшееся за послѣдніе мѣсяцы, тоже нелегко отзывается на народныхъ плечахъ. Вѣдь богатѣютъ фабриканты оружія и аммуниціи, владѣльцы мясныхъ и консервныхъ фабрикъ, хлѣбные спекуляторы, а масса населенія вынуждена переплачивать сейчасъ даже и на томъ, въ чемъ нѣкоторые, не безъ основанія, видятъ зарю будущаго промышленнаго расцвѣта Америки. Вслѣдствіе громаднаго вывоза пищевыхъ припасовъ, цѣна на пшеницу въ С. Штатахъ возросла очень значительно, а также и цѣны на хлѣбъ вообще возросли по всей странѣ въ такой степени, что возникло даже цѣлое движеніе для борьбы съ дороговизной. И это въ тотъ моментъ, когда вся промышленность, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отраслей, придавлена тяжелой депрессіей, и когда въ странѣ масса голодающихъ людей.

IV.

На фонѣ всѣхъ этихъ событій яркими чертами выдѣлилась фигура дѣятеля, которому въ ближайшемъ будущемъ, по всей вѣроятности, придется играть большую роль въ міровыхъ событіяхъ. Фигура эта—президентъ С. Штатовъ, Вудро (Woodrow) Вильсонъ.

Мало замѣтный въ первые дни своего президентства, Вильсонъ съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе и рѣзче выступаетъ на аренѣ американской политической жизни, какъ талантливый, послѣдовательный и выдержанный демократическій дѣятель. Въ скромности и миролюбіи онъ прямая противоположность Рузвельту, который до сихъ поръ не можетъ простить Вильсону его невмѣшательство даже въ мексиканскую революцію [1]), превратившуюся теперь, кстати сказать, въ какой-то безконечный траги-комическій фарсъ. Зато, почти вся остальная Америка, именно въ связи съ мексиканскимъ вопросомъ, постигла всю политическую мудрость, осторожную выдержку и миролюбіе своего президента. Когда на Америку повѣяло жаромъ европейскихъ событій, тогда только безпокойные, легко воспламеняющіеся янки поняли и почувствовали, отъ какихъ ужасовъ спасла ихъ твердая и рѣшительная рука президента.

---

1) *Theodore Roosevelt*, Uncle Sam and the Rest of the world. „Metropolitan", March, 1915.

Если въ мексиканскомъ вопросѣ Вильсонъ проявилъ себя, какъ мудрый и послѣдовательный миролюбивый политикъ, то въ недавно вновь возникшемъ иммиграціонномъ вопросѣ онъ проявилъ себя, какъ честный, убѣжденный и послѣдовательный демократъ. Когда обѣ палаты конгресса приняли проектъ иммиграціоннаго, запретительнаго билля, Вильсонъ, точно такъ же, какъ и его предшественникъ, Тафтъ, наложилъ на него свое veto. За шумомъ и грохотомъ битвъ, въ Европѣ, по всей вѣроятности, прошла незамѣтно эта атака на принципы демократіи, умѣло и рѣшительно отбитая президентомъ С. Штатовъ. Въ этой упорной атакѣ много интереснаго, а для насъ, русскихъ, и практически важнаго. Билль, принятый палатами конгресса, содержалъ въ себѣ два ограничительныхъ пункта, больнѣе всего ударяющихъ, быть можетъ, какъ разъ по русской иммиграціи. По первому пункту предполагалось закрыть двери Америки для неграмотныхъ иммигрантовъ; второй же, касавшійся «посягателей на принципы частной собственности», въ своей формулировкѣ представлялъ смертельную опасность для политической иммиграціи.

Не симптоматично ли, что въ странѣ классической и послѣдовательной демократіи зародился и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей цѣли, проводится такой, исключительной реакціонности, билль? Недоумѣніе и возмущеніе возрастаютъ еще въ бо̀льшей степени, когда мы узнаемъ, что главный застрѣльщикъ билля — Американская федерація труда, организація, объединяющая свыше двухъ милліоновъ американскихъ рабочихъ! Но на все есть своя логика. Политическая свобода, широчайшее участіе народа во всѣхъ законодательныхъ и политическихъ актахъ лишь форма, прекрасная форма, которая требуетъ столь же послѣдовательнаго, демократическаго содержанія. Другая страна классической свободы, Англія— блестящій образецъ такого соотвѣтствія между политической формой и соціальнымъ содержаніемъ. Непрерывно и неуклонно Англія движется по пути демократическаго соціальнаго законодательства, осуществляя мирнымъ, безкровнымъ путемъ величайшія преобразованія своего строя.

Что касается С. Штатовъ, они какъ будто застыли на довольствѣ своими демократическими формами управленія и, по крайней мѣрѣ, сейчасъ не замѣчаютъ многихъ вопіющихъ недочетовъ соціальныхъ. Сравнительно недавно мнѣ пришлось отмѣтить весьма интересный и плодотворный опытъ соціальнаго законодательства въ С. Штатахъ, въ видѣ пенсій для неимущихъ матерей [1]). Но какъ недостаточна эта одинокая

---

1) „Новый опытъ соціальнаго законодательства въ С. Штатахъ“, „Право“, № 52, 1914 г.

мѣра въ сравненіи съ тѣмъ, что съ ужасомъ приходится наблюдать здѣсь на каждомъ шагу!

Не говоря уже обо всемъ прочемъ, великую заатлантическую республику регулярно посѣщаетъ жестокая безработица, когда тьма здоровыхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, мерзнутъ и чуть не умираютъ съ голоду. Трудно разсказать о томъ, какія тяжелыя драмы жизни приходятся на долю этой несчастной безработной арміи. Газетная хроника переполнена ими. То приходится прочесть о томъ, что безработный отецъ, загнанный, замученный, въ порывѣ отчаянія выбросилъ изъ четвертаго этажа двухъ своихъ маленькихъ дѣтей... То сообщается о другомъ безработномъ, который, не желая прибѣгнуть къ нищенству, заперся въ своей комнатѣ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, съ отчаянной рѣшимостью тамъ сидѣть взаперти, до смерти. Но на крики жены и дѣтей сбѣжались сосѣди и освободили ихъ... Беру эти два факта изъ безконечной хроники послѣднихъ дней.

Конечно, обо всемъ этомъ здѣсь пишутъ, читаютъ лекціи, организуютъ бюро, комиссіи, подкомиссіи, но надъ всѣмъ этимъ нѣтъ вѣянія широкаго и смѣлаго соціальнаго творчества; нѣтъ той «изюминки», которая даже въ странахъ, много менѣе демократичныхъ, творитъ чудеса.

Въ Англіи въ двучленную формулу тори—виги клиномъ врѣзался новый политическій элементъ,—рабочая партія, и это двинуло государственный механизмъ по пути широкаго государственнаго творчества. Здѣсь же, въ С. Штатахъ, съ утомительнымъ однообразіемъ такъ и мелькаетъ: республиканцы - демократы, демократы-республиканцы. Впрочемъ, на послѣднихъ выборахъ соціалисты одержали побѣду, и въ новомъ конгрессѣ будетъ засѣдать *одинъ* соціалистъ. Могущественные рабочіе юніоны по-прежнему отдаютъ свои голоса республиканцамъ и демократамъ: кто больше обѣщаетъ... А эти послѣдніе, получивъ власть, аккуратнѣйшимъ образомъ забываютъ свои обѣщанія, снимая ихъ съ себя, какъ парадную одежду, на другой же день послѣ выборовъ.

За запретительный иммиграціонный билль въ нижней палатѣ высказалось 227 противъ 94-хъ, а въ сенатѣ 50 противъ 7-ми. Къ голосу американской федераціи труда присоединились также голоса сорока крупнѣйшихъ благотворительныхъ организацій, 33 президента колледжей, 93 профессора и около пятидесяти крупнѣйшихъ представителей госпиталей, тюремъ, судовъ и проч. Около 77% лицъ, имена которыхъ собраны въ книгѣ «Who's Who in America»,—«цвѣтъ страны»,—высказались за проведеніе билля.

Президентъ Вильсонъ, молча, не высказывая своего мнѣнія,

прислушивался къ полемикѣ, сложившейся вокругъ билля въ парламентѣ и въ печати. Наканунѣ дня, когда вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ ту или другую сторону, по его просьбѣ, въ Бѣлый домъ съѣхались свыше 600 общественныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ въ вопросѣ объ иммиграціи. Снова, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, произносились рѣчи за и противъ билля. Представители Федераціи труда и Фермерскихъ организацій высказались опять за ограниченіе иммиграціи, рядъ блестящихъ ораторовъ говорилъ противъ. Среди послѣднихъ, Чарльзъ Эдвардъ Россель, отъ имени соціалистическихъ избирателей, также требовалъ наложенія veto на иммиграціонный билль. Вильсонъ поблагодарилъ собравшихся за высказанныя мнѣнія, но не указалъ, къ какому изъ нихъ онъ склоняется. И лишь на завтра, въ послѣдній день, послѣ котораго билль долженъ былъ бы автоматически войти въ законную силу, стало извѣстно, что президентъ наложилъ на него свое veto.

Въ обращеніи къ конгрессу по этому поводу фигура Вильсона, скромная, вдумчивая, но рѣшительная въ защитѣ идей свободы и демократіи, встаетъ во весь ростъ. Вильсонъ указалъ, что безграмотность,—признакъ совершенно случайный, ничего не говорящій о личности иммигранта, о степени его возможной полезности для новой страны. Что же касается политической иммиграціи, такъ Вильсонъ напомнилъ, что многіе невольные изгнанники этой категоріи въ странѣ свободы и демократіи оказывались достойнѣйшими и полезнѣйшими гражданами. «Если американская нація рѣшила ограничить иммиграцію въ разрѣзъ со своими демократическими тенденціями,—писалъ президентъ,—я, какъ народный слуга, обязанъ буду повиноваться. Но я сомнѣваюсь, чтобы этотъ билль являлся выраженіемъ желанія всей націи. Мое сомнѣніе даетъ мнѣ смѣлость не согласиться съ конгрессомъ. Пусть народъ выскажется по этому поводу, и я подчинюсь народному рѣшенію».

Наложеніе veto и спокойная, обстоятельная и благородная аргументація президента произвели впечатлѣніе даже на сторонниковъ билля. Поэтому, при вторичномъ прохожденіи черезъ конгрессъ, билль не собралъ необходимыхъ для вступленія въ законную силу двухъ третей парламентскихъ голосовъ. Твердой, спокойной и рѣшительной рукой Вильсонъ отклонилъ, такимъ образомъ, законъ, о которомъ впослѣдствіи, конечно, съ краской стыда вспоминали бы демократическіе дѣятели Америки.

V.

Почти одновременно съ обсужденіемъ въ конгрессѣ иммиграціоннаго билля, всѣ американскія газеты сообщили о письмахъ

Вильсона и Брайана къ правительству Японіи. Эти письма, проникнутыя чувствомъ открытой и благородной дружбы къ японскому народу, вмѣстѣ съ выступленіемъ Вильсона по поводу иммиграціоннаго билля, были восторженно приняты японской печатью и даже способствовали нѣкоторому ослабленію той натянутости, которая замѣчалась въ отношеніяхъ обѣихъ странъ со времени такъ называемаго калифорнійскаго вопроса. Одна изъ японскихъ газетъ, «Asash», дала слѣдующую оцѣнку выступленія Вильсона: «Читая посланіе президента Вильсона въ конгрессъ объ иммиграціонномъ биллѣ, мы какъ будто слышимъ Вашингтона или Линкольна. Это голосъ настоящей демократической Америки, которая завоевала себѣ всемірную славу своею вѣрностью принципамъ свободы и равенства».

Эти справедливые отзывы не служатъ, впрочемъ, свидѣтельствомъ сколько-нибудь прочнаго измѣненія въ установившемся положеніи, и теперь, когда на американско-японскія отношенія опять какъ-будто легла нѣкоторая тѣнь, небезынтересно вспомнить объ этихъ вчерашнихъ увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ. Сообщеніе о японскихъ требованіяхъ, предъявленныхъ Китаю, взволновало всю американскую прессу до чрезвычайности. Въ конгрессѣ по этому поводу былъ поднятъ запросъ, но затѣмъ его сняли, такъ какъ весь парламентъ сошелся въ довѣріи къ Вильсону и въ признаніи крайней деликатности создавшагося положенія. И до сихъ поръ, вся американская пресса изо-дня въ день печатаетъ фактическія сообщенія о ходѣ японо-китайскихъ переговоровъ, но, повидимому, старательно воздерживается, до поры до времени, почти отъ всякихъ комментаріевъ къ нимъ.

Какъ бы то ни было, Соед. Штаты не скрываютъ отъ себя возможности весьма неотдаленныхъ осложненій съ Японіей. Въ послѣднемъ выступленіи Японіи, по отношенію къ Китаю, Соед. Штаты и для себя увидѣли большую опасность. Недавно, въ одной изъ нью-іоркскихъ газетъ, была помѣщена каррикатура, довольно отчетливо представляющая положеніе вещей и выражающая, пожалуй, обще-американскую точку зрѣнія. У закрытой двери въ Китай стоитъ ревниво насторожившійся японецъ. Возлѣ него «дядя Сэмъ», какъ всегда, спокойный, слегка улыбающійся. «Я думаю, что эти двери надо оставить открытыми,—говоритъ онъ японцу.—Въ противномъ случаѣ, будетъ, пожалуй, очень жарко»...

«Конечно, Японія—страна исключительная,—писалъ недавно Рузвельтъ.—Ея изумительному росту въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ нѣтъ равнаго въ исторіи. Ея развитіе поражаетъ одинаково и въ области военной подготовки, и въ промышленности, и

въ дипломатіи, и въ наукѣ» [1]). Съ большой серьезностью относятся Соед. Штаты къ своему возможному противнику. Въ этой серьезности и въ искреннемъ и послѣдовательномъ миролюбіи Вильсона,—надежда на то, что въ ближайшее время, быть можетъ, удастся избѣжать неизбѣжныхъ осложеній въ американо-японскихъ отношеніяхъ.

А. І. Закъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Разрывъ Италіи съ Германіею и Австро-Венгріею. — Послѣднія австро-германскія предложенія. — Парламентскія рѣчи и воинственныя демонстраціи въ Италіи. — Новое коалиціонное министерство въ Англіи. — Германія и ея правительственный аппаратъ.

Послѣдняя изъ великихъ европейскихъ державъ, оставававшаяся еще нейтральною, вошла въ кругъ воюющихъ, и теперь можно сказать, что вся Европа охвачена войною. Остались въ сторонѣ только окраины—Испанія, Данія, Голландія, Скандинавія, а что касается отдѣльныхъ балканскихъ государствъ, то вмѣшательство ихъ въ военныя дѣйствія является лишь вопросомъ времени.

Присоединеніе Италіи къ лагерю тройственнаго согласія подготовлялось уже давно и могло осуществиться только послѣ продолжительной и упорной дипломатической работы. Италія находилась въ крайне щекотливомъ и трудномъ положеніи со времени возникновенія настоящей войны. Находясь въ формальномъ союзѣ съ двумя центральными имперіями, она фактически сочувствовала ихъ противникамъ и вела съ ними переговоры объ условіяхъ своего перехода на ихъ сторону; въ то же время она должна была поддерживать близкія оффиціальныя отношенія съ Германіею и Австро-Венгріею, которыя предлагали ей разныя существенныя уступки для обезпеченія ея нейтралитета. Одновременные переговоры съ обѣими группами державъ значительно усложняли задачу итальянской дипломатіи, вызывая тѣ неопредѣленныя колебанія и проволочки, которыя такъ долго занимали общественное мнѣніе Европы. Выступленіе Италіи возвѣщалось много разъ, и съ газетныхъ столбцовъ не сходила рубрика съ особымъ заголовкомъ: «наканунѣ выступленія Италіи». Это «наканунѣ» тянулось цѣлые мѣсяцы, такъ

[1]) *Theodore Rooveselt*, The Iapanese in Korea. „Metropolitan", March, 1915.

какъ поставленная передъ страною дилемма допускала противоположныя рѣшенія, въ зависимости отъ шансовъ успѣха той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Пока существовала увѣренность въ неминуемой окончательной побѣдѣ державъ тройственнаго согласія, Италія могла спокойно сохранять нейтралитетъ до того момента, когда обстоятельства позволятъ ей приступить къ участію въ дѣлежѣ австрійскаго наслѣдства, безъ чувствительныхъ жертвъ и безъ всякаго риска; но война оказалась крайне длительною и не предвѣщала скорой и опредѣленной развязки, такъ что для итальянцевъ возникала опасность очутиться межъ двухъ огней: возбудить противъ себя непримиримую вражду Германіи, не удовлетворивъ и ея противниковъ, и пропустить единственный въ исторіи случай достигнуть своихъ завѣтныхъ національныхъ цѣлей. Если бы Италія своевременно вмѣшалась въ войну, она измѣнила бы соотношеніе силъ обоихъ лагерей и способствовала бы скорѣйшему торжеству союзниковъ, при чемъ и результаты получились бы совершенно другіе. Такого рода предположенія особенно волновали итальянскихъ патріотовъ въ періоды кажущихся успѣховъ германскихъ армій, въ связи съ возрастаніемъ ихъ наступательной энергіи. Что было бы съ Италіею, если бы побѣдили Германія и Австро-Венгрія? Одна мысль объ этой возможности пугала воображеніе итальянцевъ и не давала имъ успокоиться на пассивномъ нейтралитетѣ. Италіи предстояло совершить слишкомъ рѣзкій и крутой скачекъ отъ дружбы и союза къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, и это превращеніе союзниковъ въ непріятелей нуждалось, очевидно, въ спеціальной дипломатической мотивировкѣ, достаточно ясной и убѣдительной для профановъ.

Договоръ между Италіей и державами тройственнаго согласія былъ уже заключенъ и подписанъ, когда Австро-Венгрія черезъ посредство Германіи дѣлала свои послѣднія предложенія итальянскому правительству,—и эти предложенія дѣлались и оглашались оффиціально именно потому, что безнадежная запоздалость ихъ была извѣстна лишь посвященнымъ. За пять дней до формальнаго разрыва между Италіею и Австро-Венгріею, 5 (18) мая, въ венгерской палатѣ депутатовъ министръ-президентъ, графъ Тисса, въ отвѣтъ на запросъ графа Андраши, заявилъ, что Австро-Венгрія дѣйствительно желала сдѣлать Италіи территоріальныя уступки въ обмѣнъ на гарантію нейтралитета, руководствуясь твердымъ убѣжденіемъ, что искренняя дружба обѣихъ странъ отвѣчаетъ ихъ жизненнымъ интересамъ. Правительство—по словамъ графа Тиссы—рѣшило сдѣлать эти уступки не для преодолѣнія временныхъ затрудненій, а для того, чтобы удовлетворить насущную потребность страны и упро-

чить ея международныя отношенія; къ этому въ частности стремится венгерскій народъ, связанный старинными симпатіями съ итальянской націею. Однако, министръ уклонился отъ сообщенія подробностей предположенныхъ уступокъ, и этотъ пробѣлъ былъ пополненъ германскимъ канцлеромъ въ засѣданіи имперскаго сейма, происходившемъ въ тотъ же день 5 (18) мая. Упомянувъ объ обострившихся за послѣднее время австро-итальянскихъ отношеніяхъ, Бетманъ-Гольвегъ изложилъ сущность окончательныхъ австрійскихъ предложеній въ десяти пунктахъ. Приводимъ эти пункты въ томъ видѣ, какъ они сообщены были въ телеграфныхъ отчетахъ о рѣчи Бетманъ-Гольвега; «Австрія уступаетъ Италіи населенную итальянцами часть Тироля и западный берегъ рѣки Изонцо, поскольку населеніе его—чисто-итальянскаго происхожденія, а также городъ Градиску. Тріестъ превращается въ вольный городъ; въ немъ вводится самоуправленіе съ преобладаніемъ итальянскаго элемента и учреждается итальянскій университетъ. Подтверждается суверенитетъ Италіи надъ Валлоной и устанавливается связанная съ этимъ городомъ сфера итальянскихъ интересовъ въ Албаніи. Австро-Венгрія провозглашаетъ принципъ своей незаинтересованности въ албанскихъ дѣлахъ. Австро-венгерское правительство обязуется относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ національнымъ интересамъ итальянцевъ, состоящихъ въ австро-венгерскомъ подданствѣ. Объявляется амнистія всѣмъ политическимъ и военнымъ преступникамъ въ предѣлахъ уступленныхъ областей. Австро-Венгрія обѣщаетъ доброжелательно относиться къ дальнѣйшимъ пожеланіямъ Италіи по всѣмъ вопросамъ, составляющимъ предметъ соглашенія. По заключеніи договора Австро-Венгрія обязуется сдѣлать торжественную декларацію о территоріальныхъ уступкахъ. Для урегулированія подробностей сдѣланныхъ уступокъ учреждается особая смѣшанная комиссія. Всѣ солдаты австрійской арміи, происходящіе изъ уступленныхъ областей, устраняются отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ». «Въ цѣляхъ содѣйствія соглашенію между своими союзниками, Германія,—какъ объяснилъ Бетманъ-Гольвегъ,—въ согласіи съ вѣнскимъ правительствомъ, вполнѣ опредѣленно взяла на себя передъ римскимъ кабинетомъ гарантію въ добросовѣстномъ исполненіи Австро-Венгріею всѣхъ ея предложеній. Итальянскому народу и его парламенту надлежитъ сдѣлать выборъ между осуществленіемъ всѣхъ національныхъ стремленій мирнымъ путемъ, притомъ въ самомъ широкомъ объемѣ, и объявленіемъ войны своимъ вчерашнимъ союзникамъ». Канцлеръ высказалъ еще надежду, что чашка вѣсовъ склонится на сторону мира, но добавилъ въ заключеніе, что «если даже тройственный союзъ будетъ расторгнутъ однимъ изъ участ-

никовъ, Германія совмѣстно съ другимъ участникомъ безстрашно встрѣтитъ новую опасность».

Само собою разумѣется, что приведенныя австрійскія предложенія были разсчитаны не на достиженіе опредѣленнаго практическаго результата, а на извѣстный внѣшній эффектъ среди нейтральныхъ странъ, какъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ Италіи, Германіи и Австро-Венгріи. Казалось бы, что нѣтъ никакого смысла начинать войну для пріобрѣтенія тѣхъ выгодъ, которыя можно получить даромъ, и, по всей вѣроятности, итальянское правительство не отказывалось бы отъ компромисса, если бы соотвѣтственныя предложенія были сдѣланы раньше, въ періодъ переговоровъ съ княземъ Бюловымъ. Но и тогда Италія едва-ли удовлетворилась бы обѣщаніями и обязательствами, въ родѣ того, что Австро-Венгрія будетъ «съ особеннымъ уваженіемъ относиться къ національнымъ интересамъ своихъ подданныхъ, итальянцевъ по происхожденію», что она будетъ проявлять «доброжелательное отношеніе къ дальнѣйшимъ пожеланіямъ Италіи» и т. п. За тридцать три года существованія тройственнаго союза вѣнскій кабинетъ имѣлъ достаточно времени и возможности проявлять доброжелательныя отношенія къ національнымъ интересамъ и чувствамъ итальянскаго народа, и если за всѣ эти долгіе годы Австро-Венгрія умѣла только раздражать итальянцевъ своимъ систематическимъ пренебреженіемъ къ ихъ самымъ скромнымъ пожеланіямъ, то и въ дальнѣйшемъ не было бы основанія ожидать какой-либо перемѣны въ ея традиціонной тактикѣ. Даже территоріальныя уступки формулированы такимъ образомъ, что оставляютъ просторъ для произвольныхъ толкованій; напр. неизбѣжно возникли бы споры о томъ, какая часть Тироля можетъ считаться населенною одними итальянцами, или слѣдуетъ ли признавать населеніе западнаго берега рѣки Изонцо «чисто-итальянскимъ» по происхожденію, и въ зависимости отъ взглядовъ австрійскаго правительства по этимъ вопросамъ самыя уступки могли бы оказаться фиктивными. Такъ же точно представлялось бы сомнительнымъ, кѣмъ и въ какой срокъ устроено было бы преобразованіе Тріеста въ вольный городъ съ итальянскимъ самоуправленіемъ и итальянскимъ университетомъ;—ни Германія, ни Австро-Венгрія не имѣли бы ни малѣйшаго интереса въ осуществленіи этой реформы, враждебной германской культурѣ, а Италія не могла бы принудить обѣ имперіи исполнить свои обѣщанія, тѣмъ болѣе, что всякія вообще международныя сдѣлки остаются лишь ничтожными «клочками бумаги» для такихъ могущественныхъ державъ, какъ Германія.

Отвѣтъ Италіи на заманчивыя австро-германскія предложенія не заставилъ себя ждать. Открытіе парламентской сессіи, состя ко-

шееся 7 (20) мая, получило характеръ общей національной демонстраціи въ пользу немедленнаго воинственнаго выступленія Италіи. Министръ-президентъ Саландра внесъ въ палату депутатовъ проектъ закона о предоставленіи правительству чрезвычайныхъ полномочій въ виду предстоящихъ или возможныхъ событій, и по этому поводу высказалъ въ пространной рѣчи общій взглядъ на задачи итальянской политики. «Италія—говорилъ онъ—со времени своего объединенія неизмѣнно оставалась оплотомъ умѣренности и мира. Она твердо исполняла свою задачу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это требовало тяжелыхъ жертвъ. Въ теченіе свыше тридцати лѣтъ Италія поддерживала систему союзовъ и дружественныхъ отношеній, главною цѣлью которыхъ было созданіе лучшаго европейскаго равновѣсія, и тѣмъ самымъ обезпеченіе мира. Во имя великаго значенія этихъ цѣлей Италія не только отодвигала на второй планъ самыя завѣтныя свои національныя стремленія, но и принуждала себя молча, хотя и со скорбью, взирать на систематическія попытки уничтоженія итальянскаго характера населенія нѣкоторыхъ областей, выработавшагося въ результатѣ природныхъ условій и исторіи. Предъявленный въ 1914 году Австро-Венгріей сербскому королевству ультиматумъ однимъ ударомъ уничтожилъ плоды упорныхъ усилій Италіи, нарушивъ договоръ ея съ Австро-Венгріей. Австро-венгерское правительство, прежде всего, не нашло нужнымъ сговориться съ итальянскимъ по вопросамъ, касающимся этого ультиматума, и даже не довело до свѣдѣнія Италіи о своемъ предстоящемъ шагѣ. Договоръ съ Австріей былъ нарушенъ тѣмъ, что упомянутый ультиматумъ вторгался къ нашему ущербу въ систему новыхъ балканскихъ территорій и въ установившіяся сферы вліянія. Еще въ большей степени весь смыслъ союзнаго договора былъ нарушенъ и даже, можно сказать, уничтоженъ нынѣшней войной, такъ какъ эта страшная міровая борьба возникла въ прямомъ противорѣчіи съ нашими чувствами и интересами и положила конецъ тому равновѣсію, которое союзъ долженъ былъ обезпечить. Роковымъ образомъ поставленъ былъ вопросъ о національной неприкосновенности Италіи. Тѣмъ не менѣе, итальянское правительство пыталось добиться соглашенія на возвращеніе союзному договору его смысла существованія. Однако, переговоры по этому вопросу ограничены не только соображеніями спѣшности, но и достоинства и интересовъ страны. Вслѣдствіе этого 4 мая (21 апрѣля) итальянское правительство взяло обратно сдѣланныя Австро-Венгріи предложенія и денонсировало союзный договоръ, заявивъ при этомъ, что оно оставляетъ за собой полную свободу дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Италія не могла долѣе оставаться изолированной, лишенной гарантій и престижа именно

въ такой моментъ, когда въ міровой исторіи совершается переломъ Въ виду кризиса, переживаемаго въ международныхъ отношеніяхъ, правительство Италіи должно быть подготовлено къ событіямъ и въ политическомъ отношеніи, а потому оно испрашиваетъ чрезвычайныхъ полномочій, необходимыхъ для блага отечества и не противорѣчащихъ духу конституціи». Рѣчь Саландры вызвала шумныя и продолжительныя овацiи, которыя не прекращались и при выступленіи министра иностранныхъ дѣлъ, барона Соннино. Палата большинствомъ 407 голосовъ противъ 74 приняла предложеніе правительства и, слѣдовательно, высказалась за войну. Въ сенатѣ законопроектъ прошелъ почти единогласно—262 голосами противъ двухъ.

Черезъ три дня, 10 (23) мая, Италія оффиціально объявила войну Австро-Венгріи. Итальянскій посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ Аварна вручилъ австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ, барону Буріану, слѣдующее сообщеніе: «4 мая (21 апрѣля) императорскому и королевскому правительству было сдѣлано заявленіе о тѣхъ серьезныхъ причинахъ, въ силу которыхъ Италія, увѣренная въ правотѣ своего дѣла, объявила свой союзный договоръ съ Австро-Венгріею потерявшимъ значеніе и недѣйствительнымъ, въ виду нарушенія его императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, и предоставила себѣ полную свободу дѣйствій. Правительство короля, твердо рѣшившись всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами содѣйствовать охранѣ правъ и интересовъ итальянскаго народа, измѣнило бы своему долгу, если бы не приняло противъ опасности, могущей угрожать Италіи какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, предупредительныхъ мѣръ, которыя въ силу событій стали необходимы для осуществленія національныхъ стремленій. Его величество заявляетъ, что будетъ считать себя, начиная съ завтрашняго дня, на положеніи войны съ Австро-Венгріею». Наконецъ, мотивы принятаго рѣшенія подробно объяснены въ циркулярной нотѣ, разосланной барономъ Соннино дипломатическимъ представителямъ Италіи заграницей.

Въ первой части депеши резюмируется австро-венгерская политика, нарушившая съ момента врученія ультиматума Сербіи духъ и букву союзнаго договора,—политика, которая освѣщена въ опубликованной итальянскимъ правительствомъ «Зеленой книгѣ». Во второй части циркулярной телеграммы подчеркивается мысль, что союзъ прекратился бы давно, если бы итальянскій народъ не обнаруживалъ въ теченіе столькихъ лѣтъ рѣшительнаго и искренняго желанія мира. «Въ настоящее время воскресаютъ столь долго добровольно подавлявшіяся основанія къ жалобамъ на обращеніе, кото-

рому въ Австріи подвергалось итальянское населеніе. Союзный договоръ не содержалъ въ себѣ формальныхъ условій о сохраненіи итальянскаго языка, итальянскихъ традицій и цивилизаціи въ областяхъ, населенныхъ итальянцами, находящимися въ австрійскомъ подданствѣ, но, если бы со стороны Австро-Венгріи было искреннее желаніе обезпечить союзомъ миръ и истинную гармонію, она, несомнѣнно, была бы нравственно обязана, какъ союзница, считаться съ нашими жизненными интересами и уважать ихъ. Съ особой добросовѣстностью она должна была бы поддерживать этническое равновѣсіе на Адріатическомъ морѣ. Между тѣмъ австрійская политика въ теченіе многихъ лѣтъ непрестанно стремилась къ уничтоженію итальянской національности и цивилизаціи на побережьѣ Адріатическаго моря. Для доказательства этого будетъ достаточно привести лишь нѣсколько указаній и перечислить нѣсколько фактовъ, уже слишкомъ хорошо извѣстныхъ всему міру.

«Постепенная замѣна чиновниковъ-итальянцевъ лицами другихъ національностей, искусственно вызывавшаяся иммиграція сотенъ семействъ различныхъ національностей, организація въ Тріестѣ кооперативовъ иностранныхъ рабочихъ, декреты князя Гогенлоэ, направленные къ исключенію изъ тріестскаго городского управленія и изъ промышленныхъ предпріятій, эксплоатируемыхъ городскимъ управленіемъ, итальянскихъ служащихъ, денаціонализація главныхъ отраслей городской службы въ Тріестѣ, сокращеніе муниципальныхъ полномочій всякаго рода, препятствія открытію новыхъ національныхъ школъ, денаціонализація судебнаго управленія, университетскій вопросъ, бывшій предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, денаціонализація судоходныхъ обществъ, образъ дѣйствій полиціи и политическіе процессы, имѣвшіе цѣлью покровительствовать другимъ національностямъ въ ущербъ итальянцамъ, планомѣрные, несправедливые, все возраставшіе въ числѣ, случаи изгнанія итальянскихъ подданныхъ, и вообще обычная политика Австріи по отношенію къ ея подданнымъ итальянской національности—все это вызвано не исключительно соображеніями внутренней политики, и мало имѣло отношенія къ общей борьбѣ національностей, происходившихъ въ монархіи. Напротивъ, эта политика преимущественно вдохновлялась сокровеннымъ чувствомъ вражды и ненависти къ Италіи, царившимъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, наиболѣе близкихъ къ австрійскому правительству и имѣвшихъ значительное вліяніе на его рѣшенія.

«Среди многочисленныхъ указаній, которыя могутъ быть приведены, достаточно напомнить, что въ 1911 г., въ то время, когда Италія находилась въ войнѣ съ Турціей, австрійскій генеральный штабъ энергично подготовлялъ нападеніе на Италію, при чемъ воен-

ная партія весьма дѣятельно вела политическую кампанію, стремясь увлечь на этотъ путь и другіе отвѣтственные факторы монархіи. Въ то же время вооруженія на итальянской границѣ приняли характеръ рѣзко вызывающій. Правда, кризисъ разрѣшился мирнымъ путемъ, быть можетъ, не безъ вліянія чужеземныхъ факторовъ, но съ этого момента мы находились вѣчно подъ впечатлѣніемъ возможной неожиданной угрозы со стороны австро-венгерской арміи, когда при случайныхъ обстоятельствахъ въ Вѣнѣ брала верхъ партія, враждебно настроенная по отношенію къ Италіи.

«Все это было извѣстно Италіи, но искреннее желаніе мира брало верхъ въ итальянскомъ народѣ. При новыхъ обстоятельствахъ Италія стремилась найти способъ и возможность придать своему договору съ Австріей болѣе прочное основаніе и большую обезпеченность. Но эти усилія, несмотря на то, что они продолжались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ полномъ согласіи съ Германіею, которая тѣмъ самымъ признала законность переговоровъ, оказались тщетными.

«Поэтому Италія, въ виду развитія чрезвычайныхъ событій, была вынуждена искать другого исхода, и, такъ какъ нашъ союзный договоръ съ Австро-Венгріей фактически прекратился и служилъ отнынѣ только для того, чтобы прикрывать собою наличность постоянныхъ подозрѣній и ежедневныхъ противорѣчій, итальянскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ получилъ распоряженіе объявить и объявилъ 4-го мая австрійскому правительству, что итальянское правительство считаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, являющихся слѣдствіемъ договора о тройственномъ союзѣ по отношенію къ Австріи. Вслѣдствіе этого заявленія съ нашей стороны и уже послѣ того, какъ мы стали на законную защиту нашихъ интересовъ, австрійское правительство представило новыя предложенія уступокъ, оказавшіяся недостаточными и не соотвѣтствующими минимуму нашихъ прежнихъ требованій, предложенія, которыя, во всякомъ случаѣ, не могли быть приняты Италіею».

Итальянская дипломатія употребляетъ слишкомъ много словъ для оправданія своего рѣшительнаго шага, который несомнѣнно соотвѣтствуетъ господствующему настроенію страны. Національные интересы побудили Италію отречься отъ нейтралитета и присоединиться къ активнымъ противникамъ Германіи. Итальянцы въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ трезво взвѣшивали сравнительныя реальныя выгоды разныхъ комбинацій и отдавали преимущество тѣмъ изъ нихъ, которыя вѣрнѣе приводили къ цѣли. Въ заинтересованныхъ странахъ возникло даже опасеніе, не обѣщаны ли итальянцамъ такія уступки, которыя противорѣчили бы жизненнымъ

интересамъ другихъ и въ частности балканскихъ народовъ. Такъ, между прочимъ, говорили о предоставленіи Италіи почти всей Далмаціи, кромѣ небольшой полосы южнѣе Спалато, отнесенной къ будущимъ пріобрѣтеніямъ Сербіи. Потеря далматинскаго побережья нанесла бы сильный ударъ всему южно-австрійскому славянству, закрывъ для него окончательно доступъ къ морю, и потому слухи объ этой уступкѣ вызвали тревогу въ славянской печати.

Эти преувеличенныя опасенія были отчасти опровергнуты нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, С. Д. Сазоновымъ, въ бесѣдѣ съ представителями нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, на другой же день послѣ объявленія Италіею войны Австро-Венгріи, 11-го мая. «Присоединеніе къ намъ Италіи—говорилъ министръ (по отчету «Биржевыхъ Вѣдомостей» отъ 12 мая)—усиливаетъ тройственное согласіе и нѣсколько приближаетъ конецъ міровой войны... Всякая возможность политическаго усиленія враждебнаго намъ тройственнаго союза, путемъ присоединенія къ нему новыхъ державъ, совершенно исключена... Слухи, будто Италія претендовала на все далматинское побережье—сущій вздоръ. Италія этого вовсе не требовала, да и Россія не исполнила бы своей главной задачи по отношенію къ Сербіи, если бы не обезпечила ей широкаго выхода къ морю. Сербія получитъ нужные ей порты въ свое верховное владѣніе... Мы стремимся къ тому, чтобы балканскіе народы проникались сознаніемъ необходимости принести нѣкоторыя жертвы ради высшихъ цѣлей, для прочнаго установленія балканскаго единства... Россія не преслѣдуетъ на Балканахъ никакихъ своекорыстныхъ интересовъ. Единственная задача ея—взаимное сближеніе всѣхъ православныхъ балканскихъ народовъ. Счастливымъ для Россіи будетъ тотъ день, когда сербо-болгарская дружба возродится и будутъ забыты и залѣчены всѣ раны, и когда въ сознаніи единства своихъ интересовъ балканскіе народы возстановятъ балканскій союзъ». С. Д. Сазоновъ относится къ будущему съ довѣрчивымъ оптимизмомъ. По его словамъ, Италія должна была, съ одной стороны, вступить въ борьбу противъ намѣренія Австро-Венгріи установить на Балканахъ свою гегемонію, опасную для Италіи, а съ другой—какъ самостоятельное государство, она считала своею обязанностью протестовать противъ попытки Германіи пріобрѣсть въ Европѣ преобладающее положеніе, угрожавшее независимости другихъ государствъ и въ томъ числѣ Италіи. Что касается толковъ о сепаратномъ мирѣ, то они не имѣютъ подъ собою никакой почвы. «Съ разныхъ сторонъ,—добавилъ министръ,—намъ закидывали удочки о возможности сепаратнаго мира; отвѣтъ на нихъ былъ всегда одинъ: сепаратнаго мира не будетъ и быть не можетъ».

Война заставляетъ всѣ участвующія въ ней государства принимать необходимыя мѣры для нравственнаго объединенія и подъема общественныхъ силъ, для устраненія внутреннихъ неудовольствій и партійныхъ споровъ, для смягченія недочетовъ и шероховатостей обычной правительственной политики и, наконецъ, для временнаго, по крайней мѣрѣ, удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ нуждъ и требованій народныхъ массъ. Тяжелая и опасная внѣшняя борьба требуетъ прежде всего сознательнаго единства и твердой цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ правительства, опирающагося на всѣ живыя силы народа, а это предполагаетъ солидарность представителей власти съ общественнымъ мнѣніемъ, съ народными желаніями и стремленіями.

Въ этомъ смыслѣ устроилось во Франціи настоящее правительство національной обороны, въ составѣ котораго умѣренные элементы дѣйствуютъ заодно съ передовыми радикалами и соціалистами. Въ Англіи это стремленіе къ единству выразилось въ образованіи новаго министерства изъ выдающихся дѣятелей всѣхъ партій, отъ консервативно-аристократической до рабочей «соціалистической». Во главѣ правительства стоитъ по-прежнему Асквитъ, руководству котораго подчиняются авторитетные вожди оппозиціи — маркизъ Лэнсдаунъ, назначенный министромъ безъ портфеля, Бонаръ-Лоу, занявшій постъ министра колоній, бывшій премьеръ Бальфуръ, замѣнившій Черчилля въ должности морского министра, лидеръ рабочей партіи, соціалистъ Гендерсонъ, получившій портфель министра народнаго просвѣщенія, и извѣстный организаторъ возстанія въ Ирландіи, сэръ Эдуардъ Карсонъ, поставленный теперь во главѣ судебной администраціи, въ званіи генеральнаго атторнея, Ллойдъ-Джорджъ промѣнялъ министерство финансовъ на новое вѣдомство по снабженію арміи всѣмъ необходимымъ; замѣстителемъ его въ прежней должности является прогрессистъ Макъ-Кенна. Черчилль остается членомъ кабинета въ скромномъ качествѣ канцлера герцогства Ланкастерскаго; сэръ Эдуардъ Грей сохраняетъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе дѣлами иностранной политики. Въ этомъ свободномъ соединеніи различныхъ политическихъ элементовъ, казавшихся еще недавно непримиримыми, сказывается широкій національный характеръ государственнаго управленія въ Англіи. Маркизъ Лэнсдаунъ и соціалистъ Гендерсонъ, либеральный составитель и защитникъ проекта ирландской автономіи, Асквитъ, и злѣйшій противникъ его, готовый навлечь на себя обвиненіе въ государственной измѣнѣ, Карсонъ, очутились теперь въ положеніи товарищей по министерству, солидарныхъ между собою въ силу принятыхъ на себя обязанностей,—и это близкое сотрудничество вчерашнихъ враговъ

оказалось возможнымъ только потому, что въ Англіи высшій принципъ государственности, дѣйствительно, господствуетъ надъ интересами отдѣльныхъ партій и группъ, какъ бы вліятельны послѣднія ни были. Министерство, имѣющее за собою опредѣленное парламентское большинство, уступило мѣсто правительству, опирающемуся не только на большинство, но и на различные элементы меньшинства. Фундаментъ правительства, такимъ образомъ, расширился, и духъ партійности временно устраненъ изъ британской политической жизни.

Ближайшимъ побудительнымъ мотивомъ къ образованію коалиціоннаго министерства въ Англіи послужило стремленіе возможно лучше и полнѣе обезпечить правильную организацію снабженія арміи и флота боевыми снарядами и всѣми необходимыми запасами и принадлежностями для успѣха военныхъ дѣйствій. Важнѣйшій, центральный интересъ государства и націи заключается теперь въ своевременномъ удовлетвореніи нуждъ и требованій арміи, и естественно, что руководителемъ этого національнаго дѣла избранъ самый предпріимчивый, энергическій и находчивый изъ британскихъ государственныхъ людей, Ллойдъ-Джорджъ. Во время великой національной борьбы необходимо безусловное общее довѣріе къ правительству, которое поэтому должно по составу и характеру своему представлять всю націю въ ея цѣломъ, а не только господствующую партію или данное парламентское большинство. Этимъ и объясняется соединеніе правящихъ группъ съ различными элементами оппозиціи для совмѣстной работы во имя насущныхъ національныхъ задачъ, связанныхъ съ войною.

Въ Германіи не замѣчается пока ничего подобнаго тому многообѣщающему объединительному движенію, которое происходитъ въ Англіи и Франціи. Германское правительство остается тѣмъ же самымъ, какимъ оно было до войны,—узко-консервативнымъ и реакціоннымъ, связаннымъ спеціально съ сословно-юнкерскими и землевладѣльческими интересами. Привилегированный военный классъ безраздѣльно господствуетъ теперь въ Пруссіи и Германіи, и масса населенія подчиняется властнымъ распоряди телямъ, въ полной надеждѣ на богатые плоды будущихъ побѣдъ. Надо признать, правда, что весь государственный механизмъ, приспособленный къ потребностямъ войны, дѣйствуетъ у нѣмцевъ замѣчательно исправно, безъ малѣйшихъ задержекъ и недочетовъ, и военное вѣдомство не даетъ повода ни къ какимъ нареканіямъ и обвиненіямъ со стороны оппозиціи. Прусско-германская администрація, какъ высшая, такъ и низшая, оправдываетъ свою репутацію аккуратности и добросовѣстности; она исполняетъ свои обязанности настолько умѣло и

старательно, что всѣ партіи относятся къ ней съ одинаковымъ довѣріемъ. Этими достоинствами управленія, столь важными въ переживаемое время, искупаются политическіе недостатки существующаго режима въ глазахъ общественнаго мнѣнія Германіи.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Политическія метаморфозы. — Просвѣты въ будущее. — Циркуляръ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.—Проектъ университетскаго устава.—Бесѣда о печати. — Неожиданный голосъ правды. — В. Я. Яковлевъ-Богучарскій †.—Post-scriptum.

Если въ области духовной жизни раскаяніе грѣшника можетъ возбуждать бо̀льшую радость, чѣмъ никогда не знавшая паденія добродѣтель праведника, то нѣчто подобное наблюдается иногда и въ политическомъ мірѣ. Недавнему врагу свободы, обратившемуся въ ея приверженца, не только отпускаются его грѣхи: его привѣтствуютъ какъ союзника, тѣмъ болѣе желаннаго, чѣмъ опаснѣе казалась его непріязнь. Важность пріобрѣтенія измѣряется важностью потери, понесенной противоположнымъ лагеремъ. Само собою разумѣется, однако, что еще тяжелѣе падаетъ на вѣсы степень вѣры въ реальность, въ искренность перехода. Неудивительно, поэтому, что не только восто̀ргa, но и простого сочувствія не возбудила въ прогрессивной печати новая позиція, занятая—покамѣстъ лишь на словахъ—г.г. Гурко и Хвостовымъ. Въ формулярномъ спискѣ ихъ обоихъ значится не одна принадлежность къ крайнимъ правымъ. Г-нъ Гурко былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ В. К. Плеве; вмѣстѣ съ г. Стишинскимъ онъ игралъ выдающуюся роль въ тѣхъ работахъ, результатомъ которыхъ должно было быть возведеніе непроницаемой китайской стѣны между крестьянствомъ и остальными классами населенія. Какъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ П. А. Столыпина, онъ сталъ участникомъ земельной политики, шедшей прямо въ разрѣзъ съ видами Плеве, и служилъ ей до тѣхъ поръ, пока не была прервана его административная карьера. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ занялъ мѣсто среди прямолинейныхъ ультра-націоналистовъ и возражалъ даже противъ того ничтожнаго шага впередъ, какимъ должна была быть реформа городского управленія въ Царствѣ Польскомъ. Именно на этомъ пунктѣ произошла перемѣна въ его взглядахъ, обнаруживаемая

его бесѣдой съ сотрудникомъ польской газеты. Прежде онъ возставалъ «даже противъ минимума уступокъ Польшѣ»; теперь онъ «требуетъ для нея максимума». Къ такому скачку его побуждаютъ новыя условія, созданныя войною. «Чтобы коренным образомъ разъ навсегда разрѣшить польскій вопросъ,—говоритъ г. Гурко,—надо дать Польшѣ по возможности больше земель, отобранныхъ у Германіи. Окруженная Россіей—на востокѣ, Пруссіей—на западѣ, Польша въ силу необходимости будетъ вести борьбу только съ однимъ народомъ и дружить съ другимъ. Уступая Польшѣ онѣмеченныя польскія земли [1]), мы посѣемъ на долгія времена раздоръ между поляками и нѣмцами... Объединенная Польша для меня совершенно другое, чѣмъ тѣ девять польскихъ губерній, о которыхъ была рѣчь въ проектѣ (реформы городского управленія). Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые сочувствовали воззванію верховнаго главнокомандующаго. По-моему лучше давать, чѣмъ обѣщать... Теперь оно (т.-е. воззваніе) составляетъ обязательство русскаго народа». Закончилъ бесѣду г. Гурко выраженіемъ увѣренности, что «послѣ заключенія мира дѣятельность нынѣшняго правительства подвергнется коренному измѣненію».

Если оставить въ сторонѣ эту увѣренность, неизвѣстно на чемъ основанную, то приходится сказать, что въ метаморфозѣ г. Гурко отсутствуетъ одинъ изъ двухъ признаковъ, необходимыхъ для зачисленія его подъ новое знамя; нѣтъ *реальности* перехода. Измѣнилось не настроеніе: измѣнились только практическіе изъ него выводы. Какъ и прежде, для г. Гурко безразличны народныя потребности и желанія; его интересуетъ только вопросъ о политической выгодѣ, понимаемой узко и односторонне. «Девяти польскимъ губерніямъ», входящимъ въ составъ Россійской имперіи, можно и должно было отказывать въ самыхъ элементарныхъ правахъ, въ самой минимальной самостоятельности; но если образуется польское государство, способное служить буферомъ между Россіей и Германіей или авангардомъ для первой въ борьбѣ съ послѣдней, то тѣмъ же губерніямъ, какъ части крупнаго цѣлаго, можно и должно предоставить полноту правъ. Въ составъ Польши слѣдуетъ включить какъ можно больше земель, хотя бы и не имѣющихъ никакой внутренней къ ней тяги. Пускай онѣмеченная, въ значительной степени, западная Пруссія будетъ тяготиться принудительной связью съ Польшей: это явится «гарантіей невозможности польско-нѣмецкой дружбы».

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ бесѣды г. Гурко присоединяетъ къ этимъ онѣмеченнымъ землямъ Западную Пруссію, а также тѣ мѣстности восточной Галиціи, гдѣ населеніе не чисто-русское.

Такой маккіавелизмъ идётъ въ разрѣзъ не только съ нравственностью, но и съ здравымъ политическимъ разсчетомъ: вѣдь чѣмъ больше въ воскресшей Польшѣ будетъ не польскихъ земель—т.-е. земель, обитатели которыхъ не считаютъ и не хотятъ считать себя поляками,—тѣмъ слабѣе страна будетъ внутри, тѣмъ труднѣе ей будетъ сыграть предназначаемую ей международную роль... Съ другой стороны, какъ согласить «требованіе максимума» для Польши съ несочувствіемъ къ воззванію верховнаго главнокомандующаго? Вѣдь самъ г. Гурко признаетъ *обѣщаніе* равносильнымъ *обязательству*; зачѣмъ же жалѣть о первомъ, разъ что широкое исполненіе послѣдняго рекомендуется въ интересахъ самой Россіи? Невольно приходитъ на мысль, что если бы воззваніемъ 2-го августа не былъ въ значительной степени предрѣшенъ польскій вопросъ, политики типа г. Гурко не стали бы переходить такъ стремительно отъ отказа въ «минимумѣ» къ требованію «максимума»; повелась бы рѣчь объ отсрочкѣ рѣшенія до окончанія военныхъ дѣйствій, о согласованіи его съ результатами войны. И если бы, въ концѣ-концовъ, надѣленіе Польши «возможно большимъ количествомъ онѣмеченныхъ земель» оказалось неосуществимымъ, то логическимъ выводомъ отсюда явилось бы соотвѣтственное сокращеніе предоставляемыхъ ей правъ...

Болѣе «реальнымъ» представляется поворотъ, о которомъ свидѣтельствуетъ бесѣда г. Хвостова съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Бывшій лидеръ крайнихъ правыхъ въ четвертой Думѣ отдѣлился отъ своей фракціи въ первые же дни войны. Онъ высказывается «самымъ рѣшительнымъ образомъ» противъ попытокъ «такъ или иначе касаться сейчасъ національныхъ вопросовъ»; «всѣ должны работать сообща, не нужно никому давать права сѣять сѣмена раздора». Необходима энергичная борьба съ капитализмомъ, и самый вѣрный для нея путь—организація серьезно поставленныхъ кооперативовъ; необходимо привлечь какъ можно больше общественныхъ силъ для совмѣстной работы. Квартиронанимателямъ должно быть предоставлено право участія въ городскихъ дѣлахъ, какъ въ Петроградѣ. «Самой здоровой и нормальной партіей»—таковы заключительныя слова г. Хвостова,—«была бы прогрессивная партія, съ программой, проповѣдуемой депутатами типа М. В. Челнокова» [1]). Разстояніе между крайними правыми и прогрессивной, даже умѣренно-прогрессивной партіей очень велико — такъ велико, что

[1]) М. В. Челноковъ, до утвержденія его московскимъ городскимъ головой, принадлежалъ къ конституціонно-демократической партіи и расходился съ нею не по программѣ, а лишь по одному частному вопросу парламентской тактики.

декларація г. Хвостова оставляетъ въ душѣ читателя «невольное сомнѣнье». Прежде чѣмъ стать орловскимъ депутатомъ, г. Хвостовъ былъ губернаторомъ въ Вологдѣ и Нижнемъ-Новгородѣ; въ его прошломъ есть не только мнѣнія, но и дѣйствія—дѣйствія, не оправдываемыя никакимъ политическимъ катихизисомъ. Слишкомъ далекъ отъ «работы сообща» былъ способъ управленія, въ немногихъ губерніяхъ доведенный до той степени виртуозности, какою онъ недавно отличался въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда г. Хвостовъ рекомендуетъ борьбу противъ капитализма, невольно вспоминается его борьба съ нижегородскимъ биржевымъ купечествомъ, очень мало и по цѣли, и по средствамъ имѣвшая общаго съ нормальнымъ противодѣйствіемъ власти капитала. Когда онъ высказывается за избирательное право квартиронанимателей («какъ въ Петроградѣ», т.-е. ограниченное высокимъ цензомъ и куріальной системой), онъ не скрываетъ, что видитъ въ немъ противовѣсъ вліянію «мясниковъ и пекарей», т.-е. «низшаго рода людей». Когда онъ говоритъ о «большой и широкой внутренней работѣ», которая должна начаться по окончаніи войны, невольно возникаетъ желаніе знать, включается ли имъ въ число ея задачъ устраненіе изъ закона и изъ административной практики всего того, что̀ сдѣлало возможной побѣду г. Хвостова на думскихъ выборахъ въ орловской губерніи. И, въ результатѣ, отъ всего сказаннаго г. Хвостовымъ остается впечатлѣніе словъ, бьющихъ мимо цѣли.

Г.г. Гурко и Хвостовъ остались за штатомъ воинствующей администраціи; о новыхъ настроеніяхъ, зарождающихся въ ея средѣ, по заявленіямъ этихъ бывшихъ дѣятелей судить нельзя. Не поднимаютъ ли край завѣсы сообщенія двухъ сановниковъ («авторитетнаго» и «высокопоставленнаго»), недавно напечатанныя въ «Колоколѣ»? Мы узнаемъ изъ нихъ, что на дѣятельность земствъ «смотрѣли, до войны, съ большой подозрительностью, что имъ словно боялись вѣрить»; но теперь этотъ взглядъ совершенно измѣнился, и, слѣдовательно, въ будущемъ возможна «совмѣстная работа общества и власти»—подъ условіемъ готовности перваго «считаться съ перспективами, установленными исторіей». Этой оговоркой окончательно сводится на-нѣтъ и безъ того уже весьма проблематичная цѣнность новаго взгляда. Понятіе о «перспективахъ, установленныхъ исторіей», допускаетъ самыя различныя толкованія; нелегко поддаются опредѣленію и средства, которыми должна быть доказана готовность «считаться» съ этими перспективами. Десять лѣтъ тому назадъ обѣщанія довѣрія къ земству могли произвести нѣкоторое впечатлѣніе, потому что земскія учрежденія были тогда единственнымъ организованнымъ представительствомъ общественныхъ силъ. Теперь поло-

женіе дѣлъ существенно измѣнилось, и не въ мѣстномъ самоуправленіи—требующемъ, притомъ, радикальной реформы—слѣдуетъ искать главный залогъ успѣха «совмѣстной работы»... Придавая господствующей политической системѣ «смыслъ примирительнаго курса и взаимодѣйствія съ общественностью», одинъ изъ собесѣдниковъ «Колокола» спѣшитъ прибавить, что «правительство никогда не желало обратнаго». Итакъ, ничего, въ сущности, не измѣнилось? Опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ будущее; теперь возможны лишь догадки, основанныя на отдѣльныхъ фактахъ.

Не лишенъ значенія, съ только-что указанной точки зрѣнія, оставшійся мало замѣченнымъ эпизодъ изъ жизни петроградскаго городского общественнаго управленія. Одною изъ экстренныхъ финансовыхъ мѣръ, вызванныхъ войною, было, какъ извѣстно, довольно значительное повышеніе государственнаго квартирнаго налога. Такъ какъ въ Петроградѣ въ число городскихъ избирателей включены, положеніемъ 1903-го года, квартиронаниматели, платящіе не меньше 33 руб. квартирнаго налога, то въ городской думѣ возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать избирателями тѣхъ квартиронанимателей, которые до сихъ поръ платили квартирный налогъ въ размѣрѣ, меньшемъ вышеуказанной цифры, но теперь будутъ платить 33 рубля или больше. Прежде, чѣмъ этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ думой, состоялось, въ порядкѣ ст. 87 зак. осн., Высочайше утвержденное положеніе Совѣта Министровъ, въ силу котораго увеличеніе окладовъ квартирнаго налога не принимается въ разсчетъ при опредѣленіи права участія плательщиковъ налога въ выборахъ гласныхъ въ петроградскую городскую думу. Какъ слѣдовало разрѣшить спорный вопросъ на основаніи положенія 1903-го года—объ этомъ могли существовать разныя мнѣнія; но самый фактъ изданія вышеприведеннаго указа, въ «*измѣненіе* и дополненіе подлежащихъ узаконеній», свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣйствующій законъ былъ истолкованъ въ смыслѣ расширенія избирательнаго права, сообразно съ увеличеніемъ суммы квартирнаго налога. Другими словами, число городскихъ избирателей въ Петроградѣ могло бы возрасти, если бы дѣйствующій законъ не былъ измѣненъ въ порядкѣ ст. 87. Извѣстна, приблизительно, и самая цифра этого роста: новыхъ избирателей оказалось бы около пяти тысячъ, общая цифра квартиронанимателей, обладающихъ правомъ голоса, поднялась бы до 19—20 тысячъ. Теперь она развѣ немногимъ превыситъ 14.000, и всѣхъ избирателей, считая домовладѣльцевъ, будетъ съ небольшимъ двадцать тысячъ. Нѣтъ надобности объяснять, до какой степени мала эта цифра, сравнительно съ населенностью Петрограда. Недостатки городского общественнаго управленія въ Россіи вообще

и, въ частности, въ Петроградѣ общеизвѣстны; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главная ихъ причина—несовершенство избирательной системы. Первымъ шагомъ къ лучшему должно быть распространеніе избирательнаго права на тѣ классы населенія, для которыхъ особенно важно все связанное съ городскимъ благоустройствомъ. Предзнаменованіемъ лучшаго будущаго мѣра, идущая въ противоположномъ направленіи, служить не можетъ...

Нельзя считать благопріятнымъ признакомъ и состоявшееся на дняхъ опредѣленіе Сената (по первому департ.) по вопросу о распубликованіи новаго устава военно-медицинской академіи. Года полтора тому назадъ Сенатъ нашелъ невозможнымъ приступить къ распубликованію этого устава, проведеннаго въ порядкѣ верховнаго управленія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя его части требовали утвержденія въ законодательномъ порядкѣ. Оберъ-прокуроръ перваго департамента указалъ, что условія, при которыхъ въ первый разъ разсматривался данный вопросъ, уступили мѣсто другимъ, существенно отличнымъ: наступившая міровая война требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія всѣхъ дѣлъ, касающихся военнаго вѣдомства, и уставъ военно-медицинской академіи долженъ быть, поэтому, распубликованъ. Заключеніе оберъ-прокурора вызвало возраженія нѣкоторыхъ сенаторовъ, находившихъ, что даже такія событія, какъ міровая война, не должны вліять на разрѣшеніе принципіальныхъ юридическихъ вопросовъ, въ особенности если они затрагиваютъ компетенцію парламента. При голосованіи большинство сенаторовъ высказалось за распубликованіе устава [1]). Итакъ, Сенатъ отступилъ отъ своего прежняго взгляда не потому, чтобы онъ убѣдился въ его неправильности, а въ силу соображеній чисто-практическаго характера. Допустимъ, что обстоятельства военнаго времени требовали именно такого устройства военно-медицинской академіи, какое дано ей проектомъ устава 1913-го года; но развѣ не было другого способа осуществить это устройство, кромѣ примѣненнаго Сенатомъ? Что мѣшало облечь уставъ—или наиболѣе важныя, съ военной точки зрѣнія, его части—въ форму положенія Совѣта Министровъ и издать его въ порядкѣ 87-ой статьи зак. осн.? Такихъ указовъ теперь появляется очень много; вырабатываются они быстро, въ особенности если имѣется подъ рукой готовый матеріалъ, и обнародованіе ихъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Правда, въ данномъ случаѣ это было бы подтвержденіемъ законодательнаго характера устава, т.-е. опроверженіемъ точки зрѣнія, на которой стояло и стоитъ военное министерство; но вѣдь и теперь Сенатъ не усвоилъ себѣ этой точ-

---

1) См. „Новое Время“, № 14072.

ки зрѣнія и измѣнилъ свое рѣшеніе только подъ вліяніемъ force majeure, усмотрѣнной имъ въ обстоятельствахъ военнаго времени. При обращеніи къ ст. 87-й ие было бы допущено отступленія отъ принципа, на охранѣ котораго такъ правильно настаивало меньшинство сенаторовъ; не было бы создано прецедента, несомнѣнно идущаго въ разрѣзъ съ основами новаго государственнаго строя. Мнѣ могутъ замѣтить, что какимъ бы путемъ ни вступилъ въ силу спорный уставъ—путемъ ли распубликованія или путемъ примѣненія чрезвычайно-указнаго права,—результатъ оказался бы одинъ и тотъ же: незакономѣрный уставъ получилъ бы закономѣрную санкцію. Нѣтъ: введенный въ дѣйствіе на основаніи ст. 87-ой, уставъ подлежалъ бы внесенію, въ законный срокъ, въ Государственную Думу, и достаточно было бы отрицательнаго ея вотума, чтобы онъ потерялъ всякую силу. Теперь положить конецъ его примѣненію или достигнуть существенныхъ въ немъ перемѣнъ будетъ гораздо труднѣе. Изъ-за сенатскаго опредѣленія виднѣется то, что̀ англичане называютъ «тѣнью грядущихъ событій»: въ послѣднее время «разъясненія» Сената часто позволяютъ судить о настроеніи высшихъ административныхъ сферъ.

Между правительственными актами послѣдняго времени особенное вниманіе обращаетъ на себя циркулярное письмо главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ на имя губернаторовъ, пріостанавливающее, на время войны, всѣ землеустроительныя работы, по которымъ не достигнуто полюбовнаго соглашенія сторонъ. «На мое усмотрѣніе—пишетъ А. В. Кривошеинъ,—представленъ изъ одной губерніи вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, подготовленнаго съ правовой и технической стороны, но не доведеннаго до полнаго соглашенія сторонъ. Дѣло осложняется тѣмъ, что часть общества упорно добивается землеустройства, предъявляя рядъ ходатайствъ членовъ своихъ семействъ, находящихся на войнѣ и настаивающихъ на скорѣйшемъ выдѣлѣ. Другая же часть ссылается на уходъ родныхъ на войну и ходатайствуетъ до ихъ возвращенія не удовлетворять добивающихся выдѣла; между тѣмъ эти послѣдніе составляютъ большинство и, слѣдовательно, имѣютъ предоставляемое имъ закономъ право требовать землеустройства. По этому поводу, считаю долгомъ указать, что подобныя дѣла, не взирая на ихъ закономѣрность и на то, что интересы большинства преобладаютъ, подлежатъ пріостановкѣ. Это не есть отказъ въ правѣ на землеустройство, а лишь естественная въ условіяхъ переживаемаго времени отсрочка осуществленія этого права

Такая отсрочка тѣмъ болѣе необходима при работахъ, въ которыхъ заинтересовано только меньшинство, а особенно при единоличныхъ выдѣлахъ,—разъ добровольное соглашеніе не можетъ быть достигнуто, а указанный закономъ обязательный порядокъ можетъ повести къ осложненіямъ... Если часть землемѣрныхъ чиновъ будетъ вслѣдствіе этого снята съ полевой работы, то силы ихъ слѣдуетъ использовать для занятій по законченному землеустройству и тѣмъ ускорить изготовленіе и выдачу населенію плановъ и документовъ владѣнія». Ускореніе этой послѣдней работы принесетъ тѣмъ больше пользы, что ея своевременное производство до сихъ поръ сильно затруднялось быстрымъ ростомъ числа выдѣловъ: изъ числа 2.862.000 выдѣловъ, законченныхъ подготовкой, планы утверждены только по 1.494.000 [1]). Еще гораздо важнѣе другая сторона дѣла. Пріостановка землеустроительной операціи, производившейся съ необычайнымъ напряженіемъ силъ и головокружительною быстротою, должна внести нѣкоторое успокоеніе въ деревню, на почву которой въ послѣдніе годы пало столько сѣмянъ тревоги и раздора. Особенно опасенъ всходъ этихъ сѣмянъ былъ бы, конечно, во время войны; но и послѣ ея окончанія великую цѣнность будетъ имѣть возстановленіе и поддержаніе внутренняго мира. Не поощряемое искусственно, измѣненіе поземельныхъ отношеній можетъ войти въ нормальную колею и двигаться впередъ нормальнымъ темпомъ.

Наиболѣе серьезная и сравнительно много обѣщающая работа идетъ теперь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Намѣренному воздержанію отъ всякой дѣятельности въ законодательной сферѣ наступилъ конецъ; циркуляръ пересталъ быть суррогатомъ закона. И по самому своему содержанію новые законопроекты существенно отличаются отъ тѣхъ, которые были внесены въ Думу предшественникомъ Л. А. Кассо. Съ особенною ясностью это видно изъ распубликованныхъ недавно основныхъ положеній новаго университетскаго устава. Послѣдній по времени проектъ, составленный при А. Н. Шварцѣ, въ замѣнъ проекта П. М. фонъ-Кауфмана, былъ такимъ же памятникомъ торжествующей реакціи, какимъ явился за четверть вѣка передъ тѣмъ университетскій уставъ 1884-го года [2]). Съ точки зрѣнія Л. А. Кассо онъ оказался, однако, все еще недостаточно подавляющимъ самодѣятельность высшей школы—и былъ взятъ назадъ изъ Думы, очистивъ мѣсто для смѣлыхъ

---

1) См. передовую статью въ № 108 „Русскихъ Вѣдомостей“.

2) См. внутреннее обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1910 г

административныхъ экспериментовъ. Тогда это казалось—и въ значительной степени было—тяжелымъ ударомъ для высшаго образованія; но если бы проектъ А. Н. Шварца, хотя бы съ тѣми немногими перемѣнами, которыя внесла бы въ него третья Государственная Дума, и принялъ бы Государственный Совѣтъ, сталъ закономъ, устранить его съ пути коренной реформы было бы трудно—гораздо труднѣе, чѣмъ справиться съ той нестройной массой отжившихъ, взаимно противорѣчивыхъ, неисполнимыхъ или неисполняемыхъ постановленій, которою регулируется теперь университетская жизнь.

Проектъ А. Н. Шварца возлагалъ на попечителя учебнаго округа ближайшій надзоръ за дѣятельностью университета и управленіе имъ въ предѣлахъ устава. Въ новомъ проектѣ попечителю отводится гораздо болѣе скромная роль наблюдателя за закономѣрностью дѣйствій университета и исполнителя распоряженій министерства народнаго просвѣщенія. Весьма важно, конечно, было бы знать, въ какіе предѣлы предполагается поставить распорядительную, по отношенію къ университетамъ, власть министра; но хорошо и то, что ограниченъ кругъ дѣйствій попечителя, болѣе близкаго, географически, къ университету и уже потому одному болѣе расположеннаго къ вмѣшательству въ его внутреннюю жизнь. При изданіи перваго университетскаго устава (1804-го года) рѣшено было назначить мѣсто жительство попечителя не въ томъ городѣ, гдѣ находится подвѣдомственный ему университетъ, именно для того, чтобы предупредить слишкомъ усердное его участіе въ университетскихъ дѣлахъ и оградить, тѣмъ самымъ, самостоятельность университета. И это была, безспорно, мудрая мысль «счастливаго начала» александровской эпохи. Исторія знаетъ очень мало попечителей, ознаменовавшихъ себя *попеченіемъ* объ университетѣ, и очень много стремившихся только къ *начальствованію* надъ нимъ, въ канцелярскомъ или полицейскомъ смыслѣ этого слова.

Проекты гг. фонъ-Кауфмана и Шварца сохраняли возстановленный Высочайшимъ указомъ 27-го августа 1905-го года выборный характеръ должностей ректора и декановъ. Сохраняетъ его, конечно, и новый проектъ. Чтобы судить о томъ, въ какой степени онъ оберегаетъ выборное начало, нужно было бы знать, допускаетъ ли онъ неутвержденіе избраннаго лица министромъ народнаго просвѣщенія, и если допускаетъ, то въ чемъ состоятъ послѣдствія неутвержденія. По проекту А. Н. Шварца, если избранный совѣтомъ—или факультетомъ—кандидатъ въ ректоры, проректоры, деканы не будетъ утвержденъ министромъ, назначаются новые выборы, а въ случаѣ вторичнаго неутвержденія выбраннаго лица вакантная должность предоставляется министромъ одному изъ ординарныхъ про-

фессоровъ, по его усмотрѣнію. Что при такомъ порядкѣ избраніе легко можетъ обратиться въ пустую формальность—это понятно само собою. Нужно надѣяться, что на этотъ разъ проектомъ устава не установляется ничего подобнаго. Право неутвержденія избранныхъ лицъ, всегда и вездѣ ненормальное и вредное, въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія находитъ для себя если не оправданіе, то нѣкоторое объясненіе: въ предсѣдатели и члены земскихъ и городскихъ управъ могутъ быть избираемы частныя лица, не состоящія и не состоявшія на государственной службѣ. Въ иномъ положеніи находятся единственные возможные кандидаты на должности ректора, проректора, декана: они всѣ—профессора, т.-е. непосредственные, активные участники въ управленіи университетомъ. Двадцатилѣтняя практика (1884—1905) показала съ достаточною ясностью, какъ рѣдко и какъ трудно нравственный авторитетъ, столь важный для «перваго между равными», давался назначеннымъ ректорамъ и деканамъ. При существованіи, хотя бы только на бумагѣ, выборнаго начала положеніе такихъ лицъ не можетъ не быть еще болѣе тяжелымъ. При дѣйствіи устава 1884-го года назначеніе ректора и деканов происходило *помимо* воли товарищей назначаемаго; послѣ двухкратнаго неутвержденія выбраннаго лица назначеніе являлось бы прямымъ *нарушеніемъ* ихъ воли—и, слѣдовательно, вырывало бы между ними и назначеннымъ лицомъ еще болѣе глубокую пропасть.

Проектъ П. М. фонъ-Кауфмана предоставлялъ замѣщеніе свободныхъ профессорскихъ каѳедръ факультету; для вступленія избраннаго лица въ должность требовалось утвержденіе его министомъ. О послѣдствіяхъ неутвержденія не было сказано ничего; отсюда вытекало заключеніе, что единственнымъ его результатомъ могло быть возобновленіе выборной процедуры. Проектъ А. Н. Шварца значительно расширялъ власть министра: онъ не только могъ утвердить любого изъ кандидатовъ, получившихъ въ факультетѣ абсолютное большинство голосовъ, но и замѣстить вакантную должность по своему усмотрѣнію, если бы всѣ избранные факультетомъ кандидаты оказались несоотвѣтствующими «требованіямъ преподаванія или *государственной пользы*». *(!)*. De facto, такимъ образомъ, значеніе выборовъ могло быть низведено до минимума или упразднено совершенно; произволу министра не полагалось никакой преграды. По поводу проекту деканъ факультета, на которомъ окажется вакантная каѳедра, извѣщаетъ объ открывшейся вакансіи соотвѣтствующіе факультеты всѣхъ прочихъ университетовъ имперіи и проситъ ихъ рекомендовать кандидатовъ на означенную вакансію. По полученіи кандидатскихъ списковъ факультетъ присту-

паетъ къ выбору изъ числа лицъ, значащихся въ указанныхъ спискахъ. Избранный факультетомъ кандидатъ представляется на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.—Чѣмъ сложнѣе установляемая такимъ образомъ выборная процедура, тѣмъ больше основаній предполагать, что отказъ въ утвержденіи будетъ встрѣчаться только въ исключительныхъ случаяхъ. Съ этой точки зрѣнія можно привѣтствовать вводимый проектомъ опросъ всѣхъ факультетовъ, обладающихъ спеціалистами по данному предмету. Спорнымъ является вопросъ, кому болѣе цѣлесообразно поручить окончательный выборъ кандидата:—факультету или совѣту. Можно сказать многое и въ пользу, и противъ каждой изъ этихъ системъ; но которой бы изъ нихъ ни было отдано предпочтеніе, шансы успѣха университетской реформы остаются почти одинаковыми, лишь бы только было введено въ возможно узкіе предѣлы административное вмѣшательство въ замѣщеніе каѳедръ.

Въ одной изъ газетныхъ статей, посвященныхъ новому проекту университетскаго устава, выраженъ другой взглядъ на право министра не утверждать избранныхъ факультетами или совѣтами лицъ и своею властью назначать профессоровъ. «У насъ»—говоритъ авторъ, мнѣнія котораго несомнѣнно заслуживаютъ вниманія, — «принято на основаніи, къ сожалѣнію, довольно печальнаго опыта, трактовать это право министра какъ орудіе политическаго подбора профессуры и выраженіе личнаго министерскаго режима. Но смыслъ и оправданіе такого права министра заключается въ томъ, что принципіально оно является коррективомъ къ коллегіальному произволу, всегда возможному и всегда нежелательному». Съ этой точки зрѣнія авторъ высказывается за перенесеніе выборовъ изъ факультета въ совѣтъ, какъ вторую инстанцію. Противъ послѣдняго я не возражаю; но тотъ «печальный опытъ», существованіе котораго признаетъ авторъ [1]), заставляетъ сомнѣваться въ правильности перваго вывода. Корректировать коллегіальный произволъ произволомъ единоличнымъ рискованно вездѣ, но особенно рискованно у насъ, въ виду укоренившихся административныхъ традицій и пріемовъ. На рѣшеніе факультета или совѣта побужденія, чуждыя наукѣ, могутъ вліять только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Университетъ заинтересованъ, прежде всего, въ поддержаніи или поднятіи своего ученаго авторитета, подрываемаго неудачными, пристрастными выборами. Для вѣдомства народнаго просвѣщенія слишкомъ легко можетъ оказаться болѣе вѣ-

[1]) См. статью „Къ проекту университетской реформы“ въ № 14857 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

скимъ мотивъ политическаго характера, укрѣпленный вѣковою практикою. Примѣръ иностранныхъ государствъ, издавна поставленныхъ въ совершенно иныя условія, не имѣетъ, въ данномъ случаѣ, убѣлительной силы. Антагонизмъ между высшей школой и властью, реальный или воображаемый, отошелъ тамъ въ отдаленное прошлое; у насъ воспоминаніе о немъ еще слишкомъ свѣжо, и о возможныхъ его послѣдствіяхъ нетрудно судить по практикѣ послѣднихъ лѣтъ. Нельзя, впрочемъ, утверждать, что и за границей дискреціонная власть министра никогда не врѣзывается клиномъ въ университетскую жизнь. Когда-то, полвѣка тому назадъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ волненій, вызванныхъ въ Боннѣ и между студентами, и между профессорами, Machtspruch'омъ прусскаго министра народнаго просвѣщенія...

Сокращеніе числа ученыхъ степеней едва-ли встрѣтитъ серьезныя возраженія. Искусственныхъ препятствій на пути къ профессурѣ должно быть какъ можно меньше; одного серьезно произведеннаго и удачно выдержаннаго экзамена, одной основательной и удачно защищенной ученой работы вполнѣ достаточно для открытія доступа къ каѳедрѣ. Чѣмъ скорѣе будутъ покончены всѣ формальные прелиминаріи, тѣмъ свободнѣе и полнѣе молодой ученый можетъ отдаться своей дѣятельности. Если авторитетъ медицинскаго факультета нимало не страдаетъ отъ того, что многіе изъ его профессоровъ имѣютъ только одну ученую степень, то нѣтъ причины думать, что для другихъ факультетовъ необходимы другія, болѣе строгія—или, лучше сказать, болѣе сложныя — требованія. Можно надѣяться, что съ уменьшеніемъ числа ученыхъ степеней уменьшится и число пустующихъ университетскихъ каѳедръ, уменьшится отливъ свѣжихъ и цѣнныхъ силъ на другія поприща, установится равновѣсіе между ветеранами науки и ея новобранцами, весьма важное для правильнаго функціонированія высшей школы... Гораздо больше сомнѣній вызываетъ предполагаемое сокращеніе университетскаго курса (кромѣ факультетовъ восточнаго и медицинскаго) до трехъ лѣтъ; осторожнѣе, во всякомъ случаѣ, было бы отложить его до преобразованія средней школы. Недостатокъ выносимыхъ оттуда знаній приходится пополнять въ университетѣ, и это въ значительной мѣрѣ затрудняетъ и усложняетъ задачи преподаванія. Чрезвычайно симпатично то правило проекта, въ силу котораго двери университета открываются не только для бывшихъ гимназистовъ, но и для лицъ окончившихъ курсъ въ другихъ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ П. М. фонъ-Кауфмана предоставлялъ студентамъ право образовывать организаціи, составлять общества самопомощи,

научныя, музыкальныя, художественныя, литературныя и спортивныя; собранія этихъ обществъ могли происходить въ помѣщеніяхъ университета. Проектъ А. Н. Шварца, наоборотъ, не допускалъ внутри университета ни студенческихъ обществъ, организацій и учрежденій, ни студенческихъ собраній; внѣ университета учреждать общества и созывать собранія студентамъ не возбранялось, но не иначе, какъ въ *общемъ* порядкѣ, на основаніи *общихъ* законоположеній. Новый проектъ, къ сожалѣнію, вступаетъ на ту же дорогу: студентамъ предоставляется право участвовать въ обществахъ, но *внѣ университета и на общихъ основаніяхъ*. Что это за основанія, въ какой степени они благопріятствуютъ истинной свободѣ обществъ и собраній—это слишкомъ хорошо извѣстно. Каковы бы, впрочемъ, они ни были, запрещеніе студенческихъ обществъ и собраній въ стѣнахъ университета нельзя было бы признать цѣлесообразнымъ. Зачѣмъ заставлять студентовъ искать—и, быть можетъ, не находить—помѣщенія для своихъ обществъ, въ то время какъ пустыми остаются, по вечерамъ и въ праздничные дни, университетскія аудиторіи и залы? И неужели законно созываемыя, въ стѣнахъ университета, студенческія собранія болѣе опасны для порядка, чѣмъ внѣ-законныя сходки, предупредить которыя совершенно невозможно, такъ какъ мѣстомъ ихъ можетъ служить всякая аудиторія—до прихода профессора, всякій корридоръ—въ промежутокъ между лекціями?

Окончательное сужденіе о проектахъ университетскаго устава приходится отложить до тѣхъ поръ, когда станетъ извѣстнымъ весь текстъ его. То же самое слѣдуетъ сказать и о проектѣ всеобщаго обученія, пересматриваемомъ теперь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, и здѣсь можно ожидать значительной перемѣны къ лучшему. По словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», министръ народнаго просвѣщенія намѣренъ кореннымъ образомъ переработать всѣ статьи, касающіяся взаимоотношеній между земскими и церковно-приходскими школами, въ смыслѣ предоставленія земской школѣ полной самостоятельности и во всякомъ случаѣ независимости отъ духовнаго начальства. Если эта цѣль будетъ достигнута, ничто не будетъ мѣшать распространенію земскихъ школъ; нельзя будетъ противиться открытію земской школы въ данной мѣстности только потому, что тамъ имѣется—или проектируется—церковно-приходская школа, хотя бы и вовсе не отвѣчающая желаніямъ и требованіямъ мѣстнаго населенія.

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и въ «Голосѣ Руси» напечатаны бесѣды сотрудниковъ этихъ газетъ съ новымъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, А. А. Катенинымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ нашелъ невозможнымъ выражать теперь же опредѣленныя мнѣнія по вопросамъ, которыхъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ повода касаться и къ ознакомленію съ которыми только-что приступилъ. Нѣсколько большею, но все же весьма недостаточною опредѣленностью отличаются только слѣдующія слова, сказанныя имъ сотруднику «Биржевыхъ Вѣдомостей»: «Роль печати въ общемъ культурномъ ростѣ страны чрезвычайно значительна. И потому ставить какія бы то ни было препятствія для честнаго исполненія ею своего долга, конечно, недопустимо. Въ этомъ случаѣ я дѣлю печать на два основныхъ лагеря: «честную» и «нечестную». Конечно, это въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. «Честная печать» можетъ быть всегда увѣрена въ симпатіяхъ къ ней со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати и въ его поддержкѣ. Что же касается до «нечестной печати», то она всегда должна сама себя винить за тѣ кары, которыя ее постигнутъ».—Исторія нашей печати убѣждаетъ въ томъ, что въ примѣненіи къ ней слова *честный* и *нечестный* всегда имѣли, на языкѣ оффиціальномъ, совершенно особый смыслъ, существенно отличный отъ общепринятаго. Честными признавались обычно изданія просто «пріятныя» и, тѣмъ болѣе, «пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ», нечестными, въ большей или меньшей степени—всѣ остальныя. Теперь при новомъ государственномъ строѣ, для такого дѣленія изданій не должно оставаться мѣста, и старые термины, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдовало бы замѣнить новыми. Стоитъ только просмотрѣть любую страницу мартиролога нашей печати, чтобы придти къ убѣжденію, что основной, главной причиной каръ, постигающихъ печать, является нѣчто не имѣющее рѣшительно ничего общаго съ «нечестностью».

Чѣмъ неожиданнѣе встрѣча съ правдивымъ, добрымъ чувствомъ, тѣмъ отраднѣе производимое ею впечатлѣніе. Это испытали, по всей вѣроятности, многіе прочитавшіе на дняхъ въ «Новомъ Времени»—въ «Новомъ Времени»!—статью: «Финляндцы на войнѣ». Характерны и симпатичны уже вступительныя ея слова. «Голоса, возбуждающіе одну часть населенія противъ другой, въ какихъ бы созвучіяхъ, въ какихъ бы сочетаніяхъ они ни раздавались, особенно непостижимы теперь, когда всѣ мы скорбимъ одною скорбью, горимъ однимъ горемъ, страдаемъ однимъ страданіемъ—за милую сердцу нашему, великую и прекрасную нашу родину.

Предатели есть вездѣ. Клеймите, казните ихъ. Имъ—стыдъ, позоръ и проклятія! Но не обрушивайте свой справедливый гнѣвъ на невинныхъ, чтобы не впасть въ тяжелое, непоправимое передъ родиной преступленіе, чтобы не оборвать и не смять благородныхъ цвѣтовъ любви къ отечеству. Если же непремѣнно ужъ обобщать, обобщайте хорошее»... Какимъ образомъ на страницы газеты могло попасть суровое осужденіе «преступленія», совершаемаго ею чуть не ежедневно—это для насъ остается загадкой; но именно въ этой обстановкѣ правдивое слово получаетъ особую цѣнность. За вступленіемъ слѣдуетъ изложеніе фактовъ, дѣйствительно заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія. «Въ 1902 г. были расформированы финскія войска. Офицеры финскихъ полковъ, все мѣстные жители, были оставлены за штатомъ съ половиннымъ содержаніемъ. Когда началась эта всеевропейская», грандіознѣйшая въ мірѣ, война, офицеры финскихъ полковъ не подлежали зачисленію въ армію: всѣ они были уже не молоды и «обременены» семействомъ: женою и дѣтьми. Тѣмъ не менѣе трое, имена которыхъ на устахъ у всѣхъ финляндцевъ, несмотря на годы, добровольно пошли сражаться и, если надо, умереть за отечество. Эти трое были: гвардейскаго батальона капитанъ Ветцеръ и финскаго драгунскаго полка штабсъ-ротмистръ Линдеманъ и штабсъ-ротмистръ Колоніусъ. Послѣдній убитъ въ бою. Линдеманъ съ самаго начала войны былъ на передовыхъ позиціяхъ, служа въ отдѣльной кавалерійской бригадѣ. Побывали бравые кавалеристы и въ Восточной Пруссіи, у Млавы, и подъ Праснышемъ, и близъ многихъ другихъ, отнынѣ знаменитыхъ своими боями, городовъ и селеній—вездѣ впереди, на развѣдкѣ, на стражѣ, оберегая своихъ отъ непріятеля». Дальше идетъ разсказъ объ одномъ особенно замѣчательномъ подвигѣ Линдемана. Именно изъ такихъ эпизодовъ войны авторъ хотѣлъ бы дѣлать обобщенія. «Впрочемъ—такъ заканчивается его статья,—восторженная встрѣча Государя Императора населеніемъ Гельсингфорса, встрѣча, исполненная, по свидѣтельству финляндцевъ, искренняго и неподдѣльнаго чувства, сама по себѣ является достойнымъ и живымъ обобщеніемъ отношеній Финляндіи. И дай Богъ такихъ обобщеній побольше!» Да, матеріала для нихъ настоящая война даетъ очень много; нужно только не закрывать глазъ, не смотрѣть въ ультра-націоналистическія очки, не поддаваться старымъ предубѣжденіямъ, такъ усердно питаемымъ и разжигаемымъ извѣстными органами печати. Не должны быть забыты, напримѣръ, подвиги курляндскихъ и ковенскихъ латышей, которыхъ не меньше, чѣмъ финляндцевъ, преслѣдовала и травила, въ свое время, псевдо-патріотическая пресса. И если бы замолкли «голоса, возбуждающіе одну часть населенія

противъ другой», неисчислимыя бѣдствія, переживаемыя еврейскимъ населеніемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, меньше, быть можетъ были бы обостряемы незаслуженнымъ недовѣріемъ и огульными подозрѣніями... . . . . .

P. S. Въ московской газетѣ «Русское Слово» напечатаны 22-го мая двѣ интересныя замѣтки. Въ одной изъ нихъ сообщается объ образованіи особаго высшаго комитета по надзору за распредѣленіемъ и выполненіемъ казенныхъ заказовъ. Въ составъ его введены четыре представителя отъ промышленниковъ, четыре члена Государственной Думы и высшіе представители военнаго министерства; предполагается еще приглашеніе четырехъ членовъ Государственнаго Совѣта. Предсѣдательствуетъ въ комитетѣ военный министръ. Роль комитета—исключительно консультаціонная; задача его—содѣйствіе изготовленію русскими заводами предметовъ государственной обороны, къ цѣлямъ которой наша промышленность еще недостаточно приспособлена.—Въ Германіи аналогичное учрежденіе («Kriegsausschuss der deutschen Industrie») было создано вслѣдъ за началомъ войны и развило весьма широкую дѣятельность [1]). Представителями Государственной Думы въ нашемъ особомъ комитетѣ являются, по словамъ «Рѣчи», предсѣдатель Думы М. В. Родзянко, товарищъ его А. Д. Протопоповъ, секретарь Думы И. И. Дмитрюковъ и Н. В. Савичъ. Для насъ неясно, почему Дума представлена въ комитетѣ почти исключительно членами ея президіума, принадлежащими, притомъ, какъ и г. Савичъ, къ одной и той же фракціи октябристовъ. Или, быть можетъ, у нихъ имѣются какія-нибудь особыя заслуги въ области русской промышленности? . . . . . .

К. Арсеньевъ.

---

1) Подробныя свѣдѣнія о ней можно найти въ статьѣ г. Лурье: „Военный центръ германской индустріи“, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Долго ли должна и можетъ продолжаться война?—Война и система льготъ по воинской повинности.—Изъ дѣятельности земскаго союза въ Галиціи.—Новые листья въ вѣнкѣ русской женщины. — Очередная клевета на Финляндію.

Въ длительные моменты тяжелыхъ переживаній и отдѣльные люди, и общественныя массы, характерно опредѣляютъ свое настроеніе и свое отношеніе къ испытываемому гнету въ троякаго рода вопросахъ: *скоро ли* кончится, *когда* наступитъ конецъ, *долго ли* будетъ продолжаться? Во всѣхъ этихъ трехъ вопросахъ ясно слышится желаніе конца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первомъ—желаніе, близкое къ мольбѣ и готовое перейти въ ропотъ, во второмъ—нервное ожиданіе, а въ третьемъ — лишь та степень желанія, которая отнюдь еще не давитъ ни разума, ни воли.

И на исходѣ десятаго мѣсяца войны, въ атмосферѣ русской общественности нѣтъ вопроса: скоро ли война кончится? Нечасто раздается и второй вопросъ: когда она кончится? Третій же вопросъ сталъ главнымъ вопросомъ минуты. Онъ ежедневно такъ или иначе трактуется въ печати. Нѣтъ человѣка, который бы не задавалъ его себѣ и который не обращался бы съ нимъ въ бесѣдѣ съ знакомымъ и съ незнакомымъ. И укорять спрашивающихъ: «долго ли война будетъ продолжаться?»—не приходится.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ вышло многотомное изданіе г. Бліоха «Будущая война», обратившее тогда на себя широкое вниманіе. Въ пяти томахъ этого изданія съ полной, казалось, убѣдительностью доказывалось, что, послѣ перехода къ скорострѣльному оружію и при милліонныхъ арміяхъ, европейская война неизбѣжно должна быть краткосрочной. Авторъ аргументировалъ свою мысль и военно-техническими соображеніями, и народно-экономическими, и государственно-финансовыми. Онъ утверждалъ, что война между великими державами Европы въ самое короткое время сама себя раздавитъ громадностью жертвъ людьми и денежными средствами. Съ цифрами въ рукахъ онъ доказывалъ, что черезъ краткіе два-три мѣсяца войны уже не будетъ боеспособныхъ солдатъ, изсякнутъ запасы снарядовъ и патроновъ, и государства не въ силахъ будутъ переносить дальнѣйшаго экономическаго напряженія.

Съ тѣхъ поръ численный составъ армій сталъ еще больше, мѣткость, дальнобойность и скорострѣльность пушекъ и ружей увеличились, явились подводныя лодки, пулеметы, аэропланы и флотиліи воздушныхъ кораблей, автомобили замѣнили лошадей, траншейные тракторы—лопату. Съ другой стороны, продолжавшаяся болѣе года война русско-японская, по удаленности ея театра на многія тысячи верстъ отъ находившейся въ войнѣ европейской державы, не служила доказательствомъ противнаго. А потому было вполнѣ естественно, что когда вспыхнула нынѣшняя война, общественная мысль, идя по тому же пути посылокъ и выводовъ, по которому шелъ г. Бліохъ, опредѣляла ея конецъ черезъ четыре мѣсяца и, самое большее, черезъ полгода. Такъ утверждали у насъ и также точно, судя по словамъ задержанныхъ войною за границей и потомъ оттуда пріѣхавшихъ туристовъ, говорили осенью и наши союзники, и наши враги.

Но нынѣшняя война вообще опрокинула всѣ теоретическіе разсчеты, связывавшіеся съ нею въ теченіе долгихъ лѣтъ ожиданія европейской войны. Во многомъ опрокинуто и то, что даже въ области спеціальныхъ знаній, въ стратегіи и въ тактикѣ, считалось азбучными положеніями и истинами. Экономическое и финансовое значеніе войны равнымъ образомъ, оказывается, учитывалось невѣрно. Во всякомъ случаѣ, передъ глазами общественнаго сознанія выросъ покрывающій всѣ разсчеты и соображенія фактъ: въ теченіе десяти мѣсяцевъ война себя не раздавила. Напротивъ, на всѣхъ фронтахъ боевыя операціи развиваются все съ большей и большей энергіей, сотни тысячъ раненыхъ и плѣнныхъ не уменьшили войсковыхъ массъ, пушки выбрасываютъ ничуть не меньше гранатъ и шрапнелей, пулеметы и ружья—пуль. Черезъ десять мѣсяцевъ война ведется съ обѣихъ сторонъ съ еще бо́льшимъ напряженіемъ, чѣмъ она велась въ началѣ. И объективныхъ признаковъ приближающагося конца войны не видно.

Отвѣтить на вопросъ, какъ долго война будетъ продолжаться, конечно, невозможно. Война есть фактъ двухсторонній. Мы знаемъ и можемъ оцѣнивать наше отношеніе къ войнѣ. Но мы не знаемъ и, по условіямъ военнаго времени, не можемъ знать всей правды объ отношеніи къ войнѣ нашихъ враговъ. Вотъ почему всѣ порою жаркіе споры о томъ, что война будетъ еще продолжаться три мѣсяца, полгода, годъ, относятся къ области весьма слабо обоснованныхъ гаданій. Но инымъ представляется тотъ же вопросъ въ другой постановкѣ: долго ли война *должна* и *можетъ* продолжаться? Истекшіе десять мѣсяцевъ даютъ полную возможность на него отвѣтить, ибо, отвѣчая на него, нѣтъ надобности разгадывать мысли, желанія и связываемыя съ войною надежды нѣмцевъ.

Въ глазахъ Россіи и ея союзниковъ нынѣшняя война имѣетъ задачей раздавить и разметать «гнѣздо милитаризма», свитое въ центрѣ Европы желѣзной рукою Бисмарка и тщеславіемъ Вильгельма II. Такъ еще осенью была она опредѣлена нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ. Такъ же точно ее опредѣляли и опредѣляютъ всѣ слои русской общественности, не исключая тѣхъ, представителями которыхъ являются Кропоткинъ и Плехановъ. Какъ засвидѣтельствовали въ своемъ извѣстномъ воззваніи нѣмецкіе ученые, германскій милитаризмъ себѣ подчинилъ и въ большой мѣрѣ въ себѣ растворилъ германскую культуру: онъ возвелъ ложь и отрицаніе благородства и этики въ догматы международныхъ отношеній, онъ сорокъ лѣтъ давилъ Европу, онъ исковеркалъ внутреннюю жизнь государствъ. Тяжелымъ, грязнымъ сапогомъ солдата-тевтона незнающій ничего святого германскій милитаризмъ наступилъ на нейтральную Бельгію. Задача разметать «гнѣздо милитаризма»—задача великая. Такая задача стоитъ неисчислимыхъ жертвъ. И уже понесенныя жертвы повелительно требуютъ, чтобы она была разрѣшена, чтобы цѣль войны была достигнута,—чтобы въ достиженіи великой идейной цѣли безпримѣрная въ исторіи война получила оправданіе.

Но если германскій милитаризмъ подчинилъ себѣ даже нѣмецкую культуру, то отсюда слѣдуетъ, что въ Германіи и для Германіи онъ сталъ сутью ея бытія. Если же такъ, то для Германіи нынѣшняя война, съ того момента, какъ на ея надменный вызовъ встали три, теперь четыре, великія державы—сдѣлалась болѣе, чѣмъ войной за неприкосновенность территоріи, за колоніальные интересы или за торговое преобладаніе. Германія вездѣ наступаетъ, но, въ сущности, ведетъ отчаянную оборонительную войну за укладъ своего быта, въ теченіе сорока лѣтъ покоившагося на нервномъ ожиданіи войны съ сосѣдями. Наступательныя дѣйствія Германіи—стратегическій пріемъ. Въ дѣйствительности она дерется, какъ окруженный со всѣхъ сторонъ дикій звѣрь. И она, конечно, будетъ вести войну до послѣдняго истощенія. Силъ же въ ней—силъ техническихъ—накоплено много. Однѣ техническія силы въ концѣ концовъ не устоятъ. Но времени пройдетъ еще не мало. И, чтобы «гнѣзда милитаризма» не стало, война *должна* еще долго продолжаться.

Но *можетъ* ли она, однако, долго продолжаться? Мы, русскіе, имѣемъ полное право сказать съ увѣренностью: да. Десять мѣсяцевъ воочію показали, что у насъ еще остается непочатый край и личныхъ, и экономическихъ силъ.

На востокъ отъ Днѣпра и Москвы война почти не ощущается. Особенно это касается главной основы нашей жизни—стомилліонной крестьянской деревни. Деревня выставила на войну милліоны моло-

дежи и даже отцовъ семействъ, дохомохозяевъ. Въ деревнѣ уже много пролито слезъ, много сиротъ, много калѣкъ. Но экономически крестьянская деревня не пострадала. Наоборотъ, за десять мѣсяцевъ войны и закрытія винныхъ лавокъ, она замѣтно обстроилась и пріодѣлась. Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, къ сахару и къ керосину «нѣтъ приступу», но крестьянство не платитъ все съѣдавшей дани кабаку, и отъ лишнихъ копѣекъ за керосинъ, сахаръ и бакалеи у него остаются свободные, неушедшіе въ обмѣнъ на водку, рубли. Поля обсѣменены. Въ громадной массѣ отвлечены на войну только тѣ рабочія руки, которыя все равно не оставались дома, а отвлекались на заработки. Правда, сократился приносъ въ крестьянскій «домъ» со стороны. Но и этотъ ущербъ съ избыткомъ покрытъ, во-первыхъ, все тѣмъ же освобожденіемъ отъ дани кабаку, а, во-вторыхъ, пайковыми выдачами старикамъ, женамъ и дѣтямъ солдатъ.

То же самое наблюдается и въ городахъ. Здѣсь только улучшеніе положенія рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ не такъ замѣтно, ибо здѣсь все заглушаютъ жалобы на дороговизну, идущія отъ тѣхъ людей, которые хотя и пили за обѣдомъ водку, пиво и вино, но не были данниками кабака. Въ бюджетѣ интеллигентныхъ работниковъ трата на алкоголь была тратой все-таки болѣе или менѣе соразмѣренной съ заработкомъ. И въ этихъ слояхъ городского населенія экономическое положеніе, вслѣдствіе огромнаго повышенія цѣнности предметовъ первой необходимости, дѣйствительно пошатнулось, такъ какъ въ бюджетѣ чиновниковъ, людей свободныхъ профессій и тѣхъ неопредѣленныхъ горожанъ, про которыхъ въ паспортныхъ отмѣткахъ значится, что они живутъ «своими средствами», сбереженія на алкоголѣ отнюдь не компенсируютъ дороговизны. Но не экономическое положеніе этихъ людей опредѣляетъ мощь страны, также точно, какъ не положеніе помѣщиковъ, платящихъ сейчасъ неслыханныя раньше цѣны за обработку земли, опредѣляетъ силу деревни. И тѣхъ, и другихъ, во всякомъ случаѣ, весьма немного, сравнительно съ численностью народныхъ массъ. А массы и въ городѣ увеличиваютъ въ десятки разъ взносы въ сберегательныя кассы, больше потребляютъ, чѣмъ до войны, мяса и рѣже прибѣгаютъ къ услугамъ ломбардовъ.

Изъ Германіи уже давно проникали извѣстія, что тамъ всѣ мужчины, кромѣ дряхлыхъ стариковъ и малыхъ дѣтей, призваны въ войска. Своеобразный въ Берлинѣ «мужчинскій кризисъ» много разъ былъ предметомъ насмѣшекъ въ юмористической прессѣ. Но не будемъ класть въ основу нашихъ сужденій ни тенденціозныхъ преувеличеній, ни вообще того, что говорится въ печати о Германіи. Возьмемъ извѣстія, идущія изъ союзной намъ Франціи. Корреспондентъ «Ранняго Утра» сообщаетъ, что «въ круглыхъ цифрахъ число парижанокъ превышаетъ

въ данный моментъ число парижанъ на цѣлый милліонъ». «Сверхъ того—продолжаетъ онъ—оставшіеся мужчины могутъ быть названы таковыми лишь при большой снисходительности. По причинамъ мобилизаціоннаго характера это или мальчики до 19 лѣтъ, или старцы, или обремененные болѣзнями, физическими недостатками и всевозможными немощами. Число браковъ въ Парижѣ упало противъ нормальнаго на 72%». Въ Германіи дѣйствуетъ такая же скупая, какъ и во Франціи, система льготъ по воинской повинности. И, слѣдовательно, все то, что въ данномъ отношеніи наблюдается во Франціи, въ Парижѣ, неустранимо должно имѣть мѣсто въ Германіи, въ Берлинѣ.

Въ Россіи каждый вокзалъ желѣзной дороги, наполненный предлагающими услуги молодыми, здоровыми и сильными носильщиками, каждый большой ресторанъ съ толпой лакеевъ, пристани на Волгѣ, да и просто, наконецъ, уличное движеніе свидѣтельствуютъ, что ничего подобнаго «мужчинскому кризису» у насъ нѣтъ. Сколько ни ушло солдатъ на войну, а запасъ людей, способныхъ носить оружіе, у насъ еще колоссально великъ. У насъ есть, слѣдовательно, кѣмъ пополнять убыль въ арміи. Если же такъ, то мы можемъ еще долго продолжать войну,—столько времени, сколько нужно, чтобы война была доведена до конца.

Долго ли могутъ нѣмцы выбрасывать изъ пушекъ по 20 пудовъ металла на каждаго русскаго стрѣлка и на каждые полтора аршина окоповъ—пусть это будетъ ихъ дѣломъ. Въ отношеніи такихъ матеріальныхъ факторовъ успѣха, какъ тяжелая артиллерія и развитая желѣзнодорожная сѣть, какъ цеппелины и подводныя лодки, преимущество принадлежитъ имъ; наша сила и наше преимущество—въ правѣ, во имя котораго ведется борьба, въ далеко еще неиспользованномъ запасѣ людей и въ непоколебленной войною экономической мощи народныхъ массъ. Дѣйствіе этихъ факторовъ гораздо медленнѣе. Нѣмцы выпускаютъ въ часъ по двѣсти тысячъ снарядовъ. Сдѣлать же но во бранца и ратника солдатомъ ни въ недѣлю, ни въ мѣсяцъ нельзя. Экономическое благополучіе одного воюющаго и неблагополучіе другого тоже сказывается нескоро. И нѣмцы это отлично сознаютъ. Иначе невозможно объяснить ихъ нелѣпую расточительность въ тратѣ снарядовъ. Выпуская по двѣсти тысячъ снарядовъ въ часъ, они конечно не могутъ разсчитывать на мѣткость огня. Такую стрѣльбу можно вести только въ разсчетѣ на психическое воздѣйствіе, и не столько бомбъ на солдатъ, сколько цифръ на приводимыхъ въ ужасъ—цифрами, а не бомбами—мирныхъ гражданъ. Нѣмцы своей безумной стрѣльбой ясно показываютъ, что имъ во что бы то ни стало нужно скорѣйшее окончаніе войны. А намъ нужно ея продолженіе. Каждый лишній

мѣсяцъ, хотя бы не принесшій удачи, увеличиваетъ шансы нашей конечной побѣды.

Послѣдніе наборы новобранцевъ срока 1915 и 1916 г.г. и ратниковъ перваго разряда старшихъ возрастовъ невольно обращаютъ вниманіе на принятую у насъ систему освобожденія отъ военной службы, съ зачисленіемъ въ ратники второго разряда, молодыхъ людей, имѣющихъ, такъ называемую, первую льготу. Ежегодный контингентъ этихъ молодыхъ людей весьма значителенъ. И именно изъ нихъ комплектуется, главнымъ образомъ, та здоровая и сильная молодежь, которая поражаетъ своимъ видомъ на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, среди ресторанной прислуги и т. д.

Вопросъ объ освобожденіи отъ военной службы единственныхъ сыновей и единственныхъ работниковъ въ семьѣ, разрѣшенный у насъ иначе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, принявшихъ принципы всеобщей воинской повинности, имѣетъ по дѣйствующему закону довольно сложную исторію. Старый рекрутскій уставъ строилъ порядокъ призыва на системѣ очередей, согласно которой семьи лицъ податныхъ состояній распредѣлялись по очереднымъ спискамъ, въ зависимости отъ числа работниковъ въ семьѣ, и изъ семей, имѣвшихъ по одному работнику, рекруты не брались. И такая система находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ укладомъ быта крѣпостной эпохи. Рекрутской повинности подлежали исключительно лица податныхъ состояній, т.-е. тѣхъ классовъ, изъ которыхъ численно главнѣйшій составляли крестьяне-рабы, и которые всѣ вообще платили подушную подать. Среди крестьянъ государство оставляло единственныхъ работниковъ (если не сдавалъ такого рекрута его владѣлецъ)—для огражденія интересовъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, среди мѣщанъ, посадскихъ и т. п.—для огражденія интересовъ фиска. Словомъ, начало экономическаго охраненія семьи, какъ дома и какъ объекта обложенія, торжествовало въ полной мѣрѣ.

При составленіи устава о воинской повинности 1874-го года единственные сыновья тоже получили льготу перваго разряда, но не по началу экономической охраны. Изъ объясненій къ проекту устава и изъ вѣдомственныхъ замѣчаній на проектъ видно, что сторонники этой льготы руководились чрезвычайно разнообразными мотивами. Такъ, напримѣръ, одинъ министръ въ своихъ замѣчаніяхъ писалъ Д. А. Милютину, что, при распространеніи воинской повинности на всѣ сословія, если не освободить единственныхъ сыновей, то могутъ погибнуть древніе дворянскіе роды. Во всякомъ случаѣ, установленіе этой льготы встрѣтило сочувствіе, а такъ какъ, въ виду срока

службы въ шесть лѣтъ, предполагалось, что и значительное число безльготныхъ будетъ ежегодно освобождаться по жребію, то для ея установленія не было препятствій. Но что при этомъ экономическія соображенія не играли роли, это доказывается распространеніемъ льготы на всѣхъ единственныхъ сыновей, внѣ зависимости отъ возраста и работоспособности отца, и лишеніемъ льготы одиночекъ, т.-е. круглыхъ сиротъ, не живущихъ при родственникахъ старшихъ степеней,—хотя бы такой одиночка былъ къ моменту призыва женатъ, имѣлъ дѣтей и велъ самостоятельное хозяйство.

Отказъ отъ экономической охраны семьи имѣлъ своимъ дальнѣйшимъ слѣдствіемъ распространеніе на льготныхъ перваго разряда общаго начала системы льготъ по семейному положенію, заключавшагося въ томъ, что въ военное время всѣ льготы теряли силу. И, согласно уставу, въ войну 1877—1878 г.г. льготные перваго разряда были призваны. Но при послѣдующихъ мобилизаціяхъ особыми законодательными актами призывъ ихъ былъ отмѣняемъ.

Измѣненія, внесенныя въ уставъ въ 1912-мъ году, существеннымъ образомъ перестроили всю систему льготъ. Значеніе льготъ второго и слѣдующихъ разрядовъ было чрезвычайно сужено. Значеніе же льготы перваго разряда было расширено, во-первыхъ, въ смыслѣ освобожденія пользующихся ею, какъ при очередныхъ и досрочныхъ призывахъ новобранцевъ въ мирное и въ военное время, такъ равно при мобилизаціи, и, во-вторыхъ, въ смыслѣ увеличенія круга лицъ, имѣющихъ право на первую льготу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Государственная Дума полностью оставила въ силѣ правила устава 1874 г. и, сверхъ того, возстановила начало экономической охраны семьи. По закону 1912-го года льготу перваго разряда получили одиночки и единственные способные къ труду сыновья, т.-е. когда отцу подлежащаго призыву молодого человѣка болѣе 55 лѣтъ, а братьямъ—менѣе 16 лѣтъ.

Ни война 1877—1878 г.г., ни война японская, не говоря уже о войнахъ, вызывавшихъ лишь частичныя мобилизаціи (текинская экспедиція, возстаніе боксеровъ), не требовали той массы солдатъ, какую потребовала нынѣшняя. И нынѣшняя война несомнѣнно обнаружила коренной дефектъ нашей системы льготъ, разсчитанной на условія мирнаго, а никакъ не военнаго времени. Льготы опредѣляются одинъ разъ на всю жизнь человѣка, въ тотъ моментъ, когда онъ достигаетъ призывного возраста, т.-е. 21 года. Въ этотъ моментъ его жизни, объектомъ заботъ государства могутъ быть естественно только интересы его восходящихъ и боковыхъ родственниковъ—отца, матери, братьевъ и сестеръ. Но на случай войны онъ остается обязаннымъ отбывать повинность въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, т.-е.

льгота или отсутствіе льготы получаетъ для него практическое значеніе тогда, когда отца и матери нѣтъ въ живыхъ, когда съ братьями и сестрами онъ давно потерялъ семейную и имущественную связь и когда образовалась новая семья, его собственная. Единственный сынъ у отца и матери на всю жизнь отъ военной службы свободенъ. А имѣвшій въ молодости братьевъ, по достиженіи даже 40 лѣтъ, подлежитъ призыву, какъ ратникъ ополченія перваго разряда, сколько бы у него ни было малолѣтнихъ неработоспособныхъ нисходящихъ.

Это создаетъ явную неуравнительность и несправедливость, которая обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что и во время войны, при призывахъ новобранцевъ, льгота перваго разряда сохраняетъ полную силу. Возьмемъ два случая. Отцу семьи 55 лѣтъ, старшему сыну 21 годъ, второму 15; старшій сынъ отъ призыва свободенъ. Отецъ числится ратниковъ перваго разряда, ему 40 лѣтъ и у него куча малолѣтнихъ дѣтей; въ виду войны, отецъ идетъ на службу. Но исключительное значеніе льготы перваго разряда во время войны не только несправедливо, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и нецѣлесообразно. Въ странѣ остаются здоровые молодые люди въ возрастѣ 21—30 лѣтъ, а въ армію идутъ юноши 19 и 20 лѣтъ и люди пожилые, съ надтреснутымъ здоровьемъ, въ возрастѣ 30—40 лѣтъ. Контингентъ льготныхъ перваго разряда у насъ еще не тронутъ. Этотъ контингентъ и представляетъ собою тотъ запасъ личныхъ силъ, который обезпечиваетъ возможность веденія войны еще очень продолжительное время. Для использованія его, правда, нуженъ новый законъ. Если не предполагается скорый созывъ законодательныхъ учрежденій, ст. 87 основныхъ законовъ и чрезвычайность обстоятельствъ допускаютъ изданіе его въ любой моментъ.

Наблюдая уличные показатели общественнаго участія въ войнѣ, можно подмѣтить какъ будто паденіе бывшаго раньше подъема. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе оставляютъ, въ данномъ отношеніи, кружечные сборы. Въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года каждый связанный съ войной однодневный сборъ давалъ обычно въ Петроградѣ не менѣе 100 тыс. рублей. Затѣмъ цифры сбора постепенно уменьшались и въ послѣднее время уже не доходятъ, случается, до 10 тысячъ. Но было бы глубоко ошибочно на этомъ явленіи основывать выводъ о пассивномъ отношеніи къ войнѣ даже простой улицы, также точно какъ нельзя ни о чемъ заключать ни изъ того, что стали рѣдкими патріотическія манифестаціи на площадяхъ, ни изъ того, что газеты удѣляютъ много вниманія такимъ внутреннимъ вопросамъ, которые, какъ, напримѣръ, вопросы школьной реформы, не напоминаютъ о войнѣ и не имѣютъ съ ней прямой связи.

Кружечные сборы, во-первыхъ, потеряли интересъ новизны, а, во-вторыхъ, нельзя не признать, что напряженіе общественной благотворительности, пожалуй, уже дошло до своего предѣла. Выше было отмѣчено, что, при отнюдь не поколебленной экономической мощи народа въ цѣломъ, благосостояніе интеллигентныхъ круговъ, людей «средняго достатка», существенно пострадало. А, между тѣмъ, кружечные сборы оплачивали и оплачиваютъ, главнымъ образомъ, именно эти люди. И если не одни они оплачивали ихъ своими взносами, то почти исключительно они—личнымъ трудомъ: организаціей сборовъ, раздачей кружекъ и производствомъ самаго сбора. Успѣхъ сборовъ, прежде всего, подорвали не пользующіеся общественнымъ довѣріемъ сборщики по найму. Въ этомъ дѣлѣ необходимо дать общественнымъ силамъ хоть нѣкоторую передышку.

Судить о степени общественной готовности служить войнѣ всего правильнѣе по дѣятельности организованной общественности, т.-е. земства и городовъ. Въ этой же дѣятельности не только не наблюдается пониженія тона и темпа, но, напротивъ, она все ширится и развивается. Не было ни одного предложенія со стороны военнаго вѣдомства, отъ осуществленія котораго уклонились бы земскій и городской союзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзы обнаруживаютъ все бо̀льшую и бо́льшую иниціативу въ мѣропріятіяхъ по обслуживанію тыла войны; они продвинули свои перевязочные и питательные пункты и кипятильники до передовыхъ позицій и окоповъ. И если рамки работы союзовъ, развиваясь на фронтахъ, мало развиваются внутри страны, то, во всякомъ случаѣ, не по ихъ пассивности и не по ихъ винѣ.

Одно изъ новыхъ дѣлъ, раскрывшихся передъ союзами—организація медицинской помощи населенію Галиціи и, въ частности, возстановленіе краевыхъ больницъ. Что это дѣло составляетъ потребность войны, независимо отъ необходимости проявить заботу о населеніи занятой нами уже столько времени территоріи—это едва-ли нужно доказывать. Въ Галиціи сосредоточена и по Галиціи непрерывно передвигается масса войскъ и оградить войска отъ заразы при развитіи эпидемическихъ заболѣваній среди населенія было бы прямо невозможно.

Организація медицинской помощи въ Галиціи была поставлена австрійцами далеко не въ уровень съ состояніемъ дорогъ. То же самое, впрочемъ, должно сказать и о дѣлѣ народнаго образованія. Въ городахъ, даже самыхъ маленькихъ, имѣются прекрасныя зданія гимназій и народныхъ школъ, но въ русинскихъ деревняхъ школьныя зданія поражаютъ своимъ отсутствіемъ. Безукоризненныя и въ пересѣченныхъ мѣстностяхъ, вытянутыя стрѣлой шоссе, ѣзда по которымъ въ

автомобилѣ съ грустью заставляетъ вспоминать о нашихъ дорогахъ, устраивались и содержались, очевидно, за счетъ самой строгой экономіи краевыхъ средствъ на тѣ потребности населенія, удовлетвореніе которыхъ русское земство, въ теченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ его исторіи, считало своей первѣйшей и важнѣйшей обязанностью. Краевая медицинская помощь заканчивалась у австрійцевъ въ городахъ. Но и здѣсь амбулаторное обслуживаніе предоставлялось вольнопрактикующимъ врачамъ и врачамъ больницъ, за плату посѣщавшимъ больныхъ на дому и принимавшимъ ихъ у себя. Безплатнаго амбулаторнаго пріема при больницахъ не производилось. Съ уходомъ австрійцевъ, мѣстные врачи кое-гдѣ бросили больницы, кое-гдѣ остались, но жалованья они не получаютъ и запасы медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ въ больницахъ израсходовались. Больницы, словомъ, перестали функціонировать. По размѣру помѣщеній, по числу кроватей и по оборудованію, эти больницы напоминаютъ лучшія изъ нашихъ земскихъ больницъ въ уѣздныхъ городахъ. Оклады жалованья врачей, имѣвшихъ главнымъ источникомъ жизни частную практику, были весьма невелики: отъ 1.000 до 3.000 кронъ въ годъ (по курсу до войны отъ 380 до 1.140 рублей). Въ каждой больницѣ имѣлись, кромѣ общихъ, особыя палаты для платныхъ больныхъ.

Взявъ на себя возстановленіе больницъ, земскій союзъ стремится, прежде всего, использовать услуги австрійскихъ врачей, а гдѣ ихъ нѣтъ, туда направляетъ своихъ, по преимуществу—женщинъ-врачей. Когда въ краевыхъ больницахъ работаютъ русскіе врачи, вопросъ объ амбулаторномъ лѣченіи разрѣшается просто: врачи приходятъ съ обычнымъ навыкомъ земской медицинской работы. Когда же работа остается въ рукахъ врачей австрійскихъ, наладить амбулаторію бываетъ нелегко, ибо устройство амбулаторнаго пріема при больницѣ австрійскіе врачи считаютъ посягательствомъ на ихъ заработокъ. Въ такихъ случаяхъ, веденіе амбулаторій приходится возлагать на этапныя врачебно-санитарныя организаціи, которыя имѣются вездѣ, гдѣ имѣются краевые госпитали. Населеніе и городовъ, и деревень уже узнало, что русскіе врачи за поданный совѣтъ и за выданное лѣкарство денегъ не берутъ; оно относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, и этапныя амбулаторіи всегда бываютъ биткомъ набиты народомъ.

Этапныя врачебно-санитарныя организаціи земскаго союза уже существуютъ около полугода, и за это время ихъ задачи вполнѣ опредѣлились, а работа заслужила единодушную и горячую признательность военныхъ начальниковъ вообще и этапныхъ комендантовъ въ особенности. Менѣе оживленные этапы обслуживаются фельдшерицами, рѣдко—фельдшерами, съ участіемъ одной или двухъ сестеръ милосердія. На большихъ этапахъ организацію образуютъ: женщина-врачъ,

два фельдшера или двѣ фельдшерицы и 4 — 5 сестеръ; обязанности санитаровъ исполняютъ солдаты слабосильной команды. Женщина-врачъ имѣетъ наблюденіе за санитарнымъ состояніемъ этапа — за питьевой водой, удаленіемъ нечистотъ и пр. Кромѣ того, она осматриваетъ прибывающихъ на этапъ одиночнымъ порядкомъ солдатъ, подаетъ имъ амбулаторную помощь и имѣетъ на рукахъ по двѣ больницы, на 10—20 кроватей: одну для незаразныхъ, другую—для заразныхъ больныхъ.

Но и эта сложная дѣятельность на этапахъ далеко не исчерпываетъ всего, что земскій союзъ сдѣлалъ и дѣлаетъ на галиційскомъ фронтѣ въ мѣстахъ тылового скопленія солдатъ и бѣженцевъ-русинъ. Почти на всѣхъ этапахъ имѣются оборудованныя союзомъ бани и склады бѣлья, дающіе возможность снабжать каждаго солдата новымъ или починеннымъ чистымъ бѣльемъ. Вездѣ есть столовыя и въ любой моментъ дня и ночи можно получить чай. Когда, съ отходомъ нашихъ войскъ отъ Карпатъ, города восточной Галиціи и, въ особенности, Львовъ были наводнены десятками тысячъ бѣженцевъ, союзъ въ два-три дня организовалъ питательные пункты и мѣста ночлеговъ. И волна бѣженцевъ перекатилась въ Россію, не оставивъ за собою хвоста, въ видѣ легко вспыхивающихъ въ лѣтнее время эпидемій.

Дома, въ Россіи, дѣятельность общественныхъ организацій на фронтахъ хорошо извѣстна, какъ работа по подачѣ помощи раненымъ въ хирургическихъ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ и по перевозкѣ ихъ въ конныхъ и автомобильныхъ транспортахъ и въ санитарныхъ поѣздахъ. Мы намѣренно не отмѣчали сейчасъ этихъ, конечно главнѣйшихъ формъ общественнаго обслуживанія войны. Мы хотѣли показать, насколько такое обслуживаніе многообразно и какъ широко раскинулись задачи общественныхъ организацій въ 20 — 50 верстахъ отъ мѣстъ боевыхъ столкновеній.

Малозамѣтная издали, работа женщинъ-врачей, фельдшерицъ и сестеръ милосердія на этапахъ вплела новые листья въ лавровый вѣнокъ, который украшаетъ русскую женщину, отдающую столько силъ и любви дѣлу помощи страждущимъ людямъ.

Этапъ есть пунктъ, гдѣ останавливаются для отдыха и ночлега не воинскія части, а всевозможныя нештатныя команды безъ офицеровъ-начальниковъ и отдѣльно слѣдующіе къ полкамъ и изъ полковъ люди. Словомъ, тамъ собираются солдаты, оторвавшіеся отъ суровыхъ условій воинской дисциплины, — солдаты неприглядваго во всѣхъ своихъ проявленіяхъ глубокаго тыла. И среди этихъ солдатъ протекаетъ цѣлый день, а, случается, и цѣлую ночь работа женщины-врача съ шестью-семью помощницами, на фельдшерскихъ же пунктахъ—фельдшерицы и одной при ней сестры милосердія. Всѣ эти женщины-подвижницы—

молодежь. И онѣ на этапахъ совершенно одиноки. Этапные коменданты къ нимъ относятся очень хорошо. Но что общаго имѣютъ и могутъ имѣть молодыя дѣвушки, только-что сошедшія со скамей курсовъ или только-что надѣвшія на грудь красный крестъ, и этапные коменданты—на большихъ этапахъ почтеннаго возраста штабъ-офицеры, а на малыхъ тоже далеко не молодые капитаны? Трудно, полагаемъ, найти людей, которые были бы такъ органически другъ другу чужды. Заброшеннымъ жаждой подвига на военный этапъ молодымъ женщинамъ и дѣвушкамъ не у кого искать совѣта, какъ быть и что дѣлать въ мало имъ даже понятной обстановкѣ казармы.

Этапъ М. расположенъ верстахъ въ двухъ отъ деревни, въ австрійскихъ казармахъ. На этапѣ есть комендантъ, есть рота солдатъ и ополченцевъ и есть врачебно-санитарная организація земскаго союза: молодая дѣвушка-фельдшерица и еще болѣе юная сестра милосердія. Кромѣ нихъ, на всемъ этапѣ ни одной женщины. На рукахъ у этихъ дѣвушекъ амбулаторія, аптека, пріемный покой съ 10 кроватями, складъ продуктовъ и кипятильники. Бани нѣтъ, но фельдшерица горячо хлопочетъ о скорѣйшемъ ея устройствѣ. Въ непосредственномъ подчиненіи фельдшерицы—двѣнадцать солдатъ-санитаровъ, титулующихъ ее барышней. Днемъ она принимаетъ солдатъ, приходящихъ въ амбулаторію за помощью. Каждый вечеръ, когда нары полны людей, она идетъ по казармамъ осматривать, нѣтъ ли у кого стертыхъ ногъ, для чего «приказываетъ», чтобы всѣ снимали сапоги, и нѣтъ ли скрывающихъ заболѣваніе. И такъ живетъ и работаетъ веселая, все «у себя» на этапѣ знающая «барышня» четыре мѣсяца. За это время у нея на рукахъ умеръ офицеръ, и она озабочена, куда отправить оставшіеся послѣ него револьверъ, шашку и два рубля денегъ. У нея перебывали тифозные, туберкулезные, дизентерійные и т. д. больные. Одни выздоравливали, другіе умирали, третьихъ я «эвакуировала», говоритъ она.

При посѣщеніи М. невольно было закидать «барышню» вопросами: какъ она справляется съ ежедневно смѣняющимися, приходящими и уходящими, солдатами, какъ заставляетъ слушаться ея «приказаній», какъ и чѣмъ ограждаетъ себя отъ грубыхъ словъ и невѣжливаго обращенія? Со смѣхомъ «барышня» отвѣчала: «я привыкла; солдаты всегда со мной вѣжливы; никогда я не слышала ни одной грубости; меня всегда слушаются...» Если на этапѣ, отъ оторванныхъ отъ дисциплинарныхъ условій сотенъ смѣняющихся солдатъ одинокая, беззащитная «барышня»-фельдшерица, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не слыхала ни одной обиды и грубости, то, дѣйствительно, достоинъ уваженія русскій солдатъ. И столь же велика русская «барышня»—женщина-врачъ, фельдшерица, сестра милосердія,—облагородившая этапную казарму. Самому стойкому мужчинѣ это было бы не подъ силу...

Не такъ давно «Новое Время» напечатало негодующую статью о положеніи раненыхъ, находящихся на излеченіи въ Финляндіи. Газета съ возмущеніемъ заявляла, что «раненые не только не окружены тѣми заботами, вниманіемъ и уходомъ, на которые защитники отечества, проливавшіе свою кровь на поляхъ сраженія, могутъ и должны расчитывать,—они лишены даже элементарнаго права выражать свои желанія и указывать на свои нужды».

Эта статья вызвала разслѣдованіе, произведенное по распоряженію главноуполномоченнаго Краснаго Креста по сѣверному району, А. Д. Зиновьева, и въ оффиціальномъ отчетѣ о разслѣдованіи говорится: «Во всѣхъ лазаретахъ были опрошены находившіеся въ нихъ на излеченіи раненые и, кромѣ выраженія полнаго удовлетворенія и благодарности за проявляемыя по отношенію къ нимъ лазаретнымъ персоналомъ и администраціею заботы и вниманіе, ничего отъ нихъ слышать не пришлось. Тѣмъ же опросомъ установлено, что раненые нигдѣ не испытывали никакихъ затрудненій при общеніи и объясненіи съ персоналомъ лазарета».

P. S. Въ «Вопросахъ внутренней жизни» за прошлый мѣсяцъ, въ строкахъ, посвященныхъ памяти А. А. Стаховича, вкралась досадная опечатка, бросающая тѣнь на убѣжденія, которыхъ покойный неуклонно всю жизнь держался. Напечатано: «непоколебимо твердый въ *шовинистическихъ* убѣжденіяхъ земецъ». Шовинистомъ ни въ полномъ, ни въ переносномъ смыслѣ, А. А. никогда не былъ. Слѣдуетъ читать: «непоколебимо твердый въ *политическихъ* убѣжденіяхъ».

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ПАМЯТИ Г. К. ГРАДОВСКАГО [1]).

Григорій Константиновичъ Градовскій былъ типичный русскій журналистъ, съ ярко выраженнымъ общественнымъ темпераментомъ. Крайне нервный и впечатлительный по натурѣ, онъ обладалъ всѣми качествами идейнаго борца—энергіею, настойчивостью и, главное,—убѣжденностью, твердой вѣрой въ правоту защищаемаго дѣла. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ извѣстныя руководящія идеи, въ ихъ благотворную силу и въ ихъ неизбѣжное будущее торжество. Вся его жизнь была посвящена проведенію и защитѣ этихъ простыхъ и ясныхъ либеральныхъ идей—элементарныхъ идей справедливости, честности въ общественныхъ дѣлахъ, твердой законности, равноправія національностей и вѣроисповѣданій, разумнаго самоуправленія и истиннаго

[1]) Читано въ общемъ собраніи Литературнаго фонда, 26 апрѣля 1915

правосудія. Онъ вѣрилъ въ силу убѣжденія, въ спасительную силу печатнаго слова; онъ не сомнѣвался, что можно убѣдить властныхъ противниковъ въ неправильности и зловредности ихъ дѣйствій, доказать имъ пользу и справедливость либеральныхъ принциповъ и требованій, и въ теченіе многихъ лѣтъ онъ настойчиво убѣждалъ представителей власти, что они для собственной своей пользы должны ограничить свои полномочія и сдѣлать необходимыя уступки общественному мнѣнію. Онъ доказывалъ хищникамъ, что они должны отказаться отъ своихъ хищныхъ инстинктовъ ради собственнаго своего благополучія, что волки должны наконецъ согласиться жить по правдѣ и перестать терзать бѣдныхъ овечекъ.

Градовскій вѣрилъ, что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ по природѣ и по положенію, существуетъ чувство совѣсти, которое можно разбудить силою правдиваго слова, что каждому можно доказать справедливость извѣстныхъ идей съ точки зрѣнія здраваго смысла. Отъ этой вѣры въ силу убѣжденія и здраваго смысла онъ не отказывался до конца своей жизни, несмотря на всѣ указанія горькаго опыта. Онъ обращался съ своими логическими доводами къ цѣлому ряду присяжныхъ охранителей власти: онъ убѣждалъ Валуева,—къ которому однако относился иронически подъ вліяніемъ пародіи Алексѣя Толстого «Сонъ Попова»,—что чрезмѣрныя полномочія администраціи вредятъ не только обществу, но и самому правительству; онъ убѣждалъ Лорисъ-Меликова въ необходимости свободы печати и либеральныхъ началъ управленія; онъ доказывалъ Побѣдоносцеву въ пространномъ письмѣ послѣ выхода его «Московскаго сборника» въ 1896 г., что онъ дѣйствуетъ нехорошо, въ ущербъ жизненнымъ правамъ и интересамъ народа. Онъ постоянно и неутомимо убѣждалъ правительство, что оно должно себя ограничить и поставить себя подъ общественный контроль, и онъ никогда не терялъ надежды на успѣхъ этихъ усилій.

Градовскій выступилъ на поприще журналистики въ ту эпоху, когда существовало еще либеральное чиновничество, проводившее реформы шестидесятыхъ годовъ; это была пора либеральныхъ прокуроровъ, когда изъ ихъ среды выходили талантливые общественные дѣятели и передовые адвокаты, когда бывшій прокуроръ Александровъ выступалъ горячимъ обличителемъ беззаконія и произвола къ дѣлѣ Засуличъ. Популярнымъ органомъ этого направленія была газета «Голосъ». Градовскому предложено было писать въ ней воскресные фельетоны, и онъ сразу придалъ этому отдѣлу газеты новый серьезный публицистическій характеръ, въ отличіе отъ обычной, болѣе или менѣе остроумной, но безсодержательной болтовни, которою прославились напр. фельетоны Суворина. Трудно теперь оцѣнить значеніе фельетона

Градовскаго отъ 2 апрѣля 1878 года, о дѣлѣ Засуличъ; это была крупная, можно сказать историческая заслуга—вынести это дѣло изъ тѣсной залы суда на широкій общественный судъ; авторъ воспользовался моментомъ общей растерянности власти послѣ приговора присяжныхъ и сдѣлалъ то, что̀ на слѣдующій день было бы невозможно. Его горячо написанная статья, помѣщенная въ умѣренномъ чиновничьемъ «Голосѣ», произвела, быть можетъ, не меньшее впечатлѣніе на публику, чѣмъ самый приговоръ присяжныхъ. Напечатать такую статью въ такое время и въ такомъ органѣ, рискуя всѣмъ своимъ положеніемъ,—это былъ почти подвигъ, который и доставилъ Градовскому репутацію смѣлаго и независимаго журналиста. За это онъ подвергся гоненію и долженъ былъ прекратить свое участіе въ «Голосѣ»; его еженедѣльная газета «Русское Обозрѣніе», послѣ одиннадцати предостереженій и трехъ пріостановокъ, была закрыта навсегда, и редактору грозили высылкой въ Архангельскую губернію въ случаѣ огласки состоявшагося объ этомъ повелѣнія. Градовскій не переставалъ, однако, хлопотать о свободѣ печати; въ половинѣ 90-хъ годовъ онъ принялъ дѣятельное участіе въ попыткѣ группы писателей убѣдить высшую власть въ пользѣ свободнаго печатнаго слова и составилъ для этого пространную объяснительную записку къ извѣстному его прошенію, которое, впрочемъ, осталось безъ послѣдствій.

Въ 1897 году Градовскій заболѣлъ и пересталъ существовать для журналистики на цѣлыхъ десять лѣтъ; это десятилѣтіе онъ провелъ какъ бы въ тяжеломъ мучительномъ снѣ, но затѣмъ, къ общему удивленію, онъ вернулся въ столицу бодрымъ и вновь принялъ участіе въ борьбѣ за тѣ же старыя либеральныя идеи. Всѣ помнятъ, съ какою энергіею онъ взялся устроить съѣздъ писателей, несмотря на исключеніе изъ его программы основного вопроса о положеніи печати, и какъ онъ возставалъ по этому поводу противъ законнаго скептицизма болѣе сдержанныхъ представителей интеллигенціи. Всѣ помнятъ также, какую дѣятельную роль игралъ онъ въ защитѣ существованія созданной имъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ въ критическій періодъ ея закрытія; онъ и тогда надѣялся убѣдить того или другого министра вмѣшаться въ дѣло въ силу справедливости и здравой логики, и онъ торжествовалъ, когда правительство допустило дальнѣйшее существованіе Кассы, хотя и подъ условіемъ нѣкоторыхъ ограничительныхъ измѣненій въ ея уставѣ.

Такова была вся жизнь Г. К. Градовскаго, начиная съ молодыхъ лѣтъ и до самой его кончины. Онъ былъ убѣжденнымъ либераломъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и если онъ началъ свою карьеру въ качествѣ чиновника, то только потому, что вѣрилъ въ возможность проводить либеральныя идеи при либеральномъ начальствѣ.

Онъ тотчасъ бросилъ службу и отрекся отъ всѣхъ ея заманчивыхъ перспективъ, какъ только разувѣрился въ либерализмѣ тогдашнихъ представителей власти. Онъ былъ либераломъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» перваго періода, и въ «Гражданинѣ» князя Мещерскаго, и въ «Русскомъ Мірѣ» генерала Ѳадѣева, — и онъ участвовалъ въ этихъ изданіяхъ только до тѣхъ поръ, пока для него не выяснилась невозможность побудить руководителей этихъ изданій повести ихъ въ другомъ духѣ. Онъ былъ и остался свободолюбивымъ журналистомъ, и выше всего онъ цѣнилъ свое званіе свободнаго литератора.

Воспоминанія Градовскаго, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» и перепечатанныя потомъ въ его «Итогахъ» (1908 г.), кончаются весьма характерными для него словами, которыя считаю не лишнимъ привести здѣсь. Въ 1896 году, при первомъ появленіи признаковъ тяжелой болѣзни, онъ пишетъ: «И хоть безчувственному тѣлу...», но изъ хладѣющихъ устъ вырывается мечта: «Братья-писатели, потѣснитесь, удѣлите мнѣ скромное мѣстечко у Литераторскихъ мостковъ». И затѣмъ послѣдній заключительный возгласъ: «да здравствуетъ русская литература, выражающаяся въ свободной печати». Первое изъ этихъ пожеланій исполнилось, и Григ. Конст. Градовскій занялъ свое законное мѣсто у литераторскихъ мостковъ; что касается другого пожеланія, то оно остается пока еще довольно далекимъ отъ осуществленія. Память Григорія Градовскаго, какъ борца за свободу печати, сохранится, безъ сомнѣнія, въ исторіи нашей журналистики.

Л. Слонимскій.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Десятый мѣсяцъ войны).

Предѣлы міровой войны въ теченіе истекшаго мѣсяца еще болѣе расширились. Къ числу воюющихъ государствъ присоединилась Италія, которая 10 мая объявила войну Австріи, и въ данное время всего воюютъ 11 государствъ, изъ которыхъ на одной сторонѣ — Россія, Франція, Англія, Италія, Японія, Бельгія, Сербія и Черногорія, а на другой — Германія, Австрія и Турція. Изъ всѣхъ великихъ державъ въ настоящую войну не вовлечены пока лишь одни Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Составъ итальянской арміи въ мирное время числомъ невеликъ и не превышаетъ 300 тысячъ человѣкъ, но поставленная на

военную ногу она достигаетъ уже 800 тысячъ человѣкъ, къ которымъ присоединяется свыше 300 тысячъ подвижной милиціи и больше 2 милліоновъ территоріальной милиціи, представляющей нѣчто аналогичное нашему ополченію. Всего Италія при полномъ напряженіи своихъ силъ можетъ выставить въ поле колоссальную армію около $3^1/_2$ милліоновъ. Одни ея перволинейныя войска съ небольшой прибавкой второлинейныхъ войскъ, въ видѣ подвижной милиціи, уже даютъ свыше милліона человѣкъ, что̀ представляетъ, даже на масштабъ современной войны, весьма внушительную силу.

Какъ Италія будетъ вести войну въ данное время, еще пока неизвѣстно, но относительно нея неоднократно высказывалось предположеніе, что она поставитъ себѣ сравнительно узкія цѣли и ограничится занятіемъ тѣхъ областей, уступки которыхъ отъ Австріи она добивается. Вѣрно ли это предположеніе, или нѣтъ, но уже одна оккупація этихъ областей, въ число которыхъ входитъ все побережье Адріатическаго моря, принадлежащее Австріи, несомнѣнно очень ослабитъ Австрію. Несмотря на то, что изъ Италіи запрещено вывозить цѣлый рядъ товаровъ, въ томъ числѣ и зерновой хлѣбъ, все-таки Австрія, а черезъ нее и Германія получали черезъ Италію много товаровъ, которые были ими необходимы въ теченіе настоящей войны. Теперь эти пути для Австріи и Германіи отрѣзаны, и кольцо блокады стянулось вокругъ нихъ еще болѣе прочно. Кромѣ того, если не Трентино, то по крайней мѣрѣ Тироль и тѣмъ болѣе Береговая область представляютъ настолько жизненныя части для Австріи, что она ихъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ уступить безъ большого сопротивленія. Потерявъ доступы къ морю, Австрія сразу утратила бы положеніе великой державы и вслѣдствіе этого Береговую область она будетъ защищать еще съ большей энергіей, чѣмъ какія-либо другія части своихъ владѣній. Кромѣ того тутъ играетъ извѣстную роль и другой важный моментъ, а именно тотъ, что послѣ оккупаціи Береговой области австрійскій флотъ, запертый въ Полѣ, былъ бы сразу весь потерянъ, а между тѣмъ на сооруженіе этого флота было затрачено много денежныхъ средствъ и австрійское общественное мнѣніе придавало ему большое значеніе.

Въ виду этого очень трудно допустить, чтобы австрійскія войска отнеслись пассивно къ вторженію итальянцевъ въ Тироль и береговыя области и не оказали этому вторженію никакого сопротивленія. Между тѣмъ какое бы то ни было сопротивленіе здѣсь возможно только въ томъ случаѣ, если Австрія и Германія возьмутъ значительную часть своихъ войскъ съ другихъ фронтовъ. Итальянская граница Австріи проходитъ по очень выгодной линіи и облегчаетъ Австріи одинаково и наступательную, и оборонительную войну, и

сверхъ того эта граница снабжена сильными укрѣпленіями. Но противъ наступленія милліонной арміи съ небольшими силами нельзя защищаться даже на самыхъ сильныхъ позиціяхъ, и этой арміи должны быть во всякомъ случаѣ противопоставлены соотвѣтственно большія силы, иначе попытка сопротивленія привела бы только къ ненужнымъ потерямъ людьми. Положеніе же Австріи и Германіи и въ настоящее время во всякомъ случаѣ не таково, чтобы онѣ могли вполнѣ свободно взять съ другихъ фронтовъ значительныя силы и перебросить ихъ на итальянскую границу. Въ данный моментъ Германія, несомнѣнно, является наступающей стороной, но для того, чтобы поддерживать свое наступленіе, ей приходится напрягать до крайнихъ предѣловъ свои силы, и выступленіе Италіи явилось для нея поэтому тяжелымъ ударомъ, вполнѣ объясняющимъ рѣзкое раздраженіе, вызванное не только въ Австріи, но и въ Германіи объявленіемъ войны Италіей.

Военныя дѣйствія были начаты Италіей непосредственно вслѣдъ за объявленіемъ войны, и итальянская армія почти на всемъ протяженіи перешла австрійскую границу и вторглась одновременно въ предѣлы Трентино, Тироля и Береговой области. Пока, однако, военныя дѣйствія здѣсь не развернулись еще во всей широтѣ. Италія готовилась къ войнѣ исподволь, но для того, чтобы привести современную колоссальную армію въ дѣйствіе, доставить ее на нужныя мѣста и снадбить должнымъ количествомъ запасовъ, требуется болѣе или менѣе продолжительное время, и Италія еще не вышла изъ періода сосредоточенія силъ и развертыванія армій на рѣшающихъ направленіяхъ. Врядъ ли въ первый моментъ Италія сможетъ выставить въ поле какія-нибудь силы сверхъ перволинейныхъ войскъ, но у нея будетъ еще достаточно времени для того, чтобы воспользоваться и второлинейными и даже третьелинейными войсками, а сверхъ того, повторяю, уже одна перволинейная итальянская армія представляетъ собою очень внушительную силу. Австрійцы пока держатся по отношенію къ наступленію итальянскихъ войскъ пассивно, оказывая имъ лишь слабое сопротивленіе, и отходятъ отъ своихъ границъ. На вторженіе итальянцевъ они пробовали отвѣтить набѣгомъ флота на Адріатическое побережье Италіи, но этотъ набѣгъ не имѣлъ серьезнаго значенія и ограничился непродолжительнымъ обстрѣломъ съ дальняго разстоянія нѣкоторыхъ итальянскихъ приморскихъ городовъ и потопленіемъ одного итальянскаго контръ-миноносца, встрѣтившагося въ открытомъ морѣ съ превосходными силами противника.

Въ ожиданіи неминуемаго выступленія Италіи, германцы и австрійцы предприняли новую наступательную операцію въ широкомъ масштабѣ на нашемъ юго-западномъ фронтѣ. Операція эта была на-

чата въ ночь на 18 апрѣля австрійской атакой въ районѣ Цѣнжковице и сразу же приняла очень широкій масштабъ. Въ настоящемъ случаѣ германцы и австрійцы объектомъ своего наступленія избрали нашу третью армію, занимавшую позиціи въ западной Галиціи на р. Дунайцѣ, ея притокѣ Бялѣ и на предгорьяхъ Карпатъ вплоть до Бартфельдскаго направленія. Въ виду того, что въ предшествующіе мѣсяцы главное наше вниманіе было сосредоточено на Карпатскомъ фронтѣ, гдѣ мы вели наступленіе, третья армія къ этому времени была численно ослаблена и занимала растянутое положеніе; германцы же и австрійцы сосредоточили противъ нея очень большія силы. Сюда было свезено нѣсколько германскихъ корпусовъ, какъ съ западной границы, такъ и изъ Польши и съ восточно-прусскаго фронта, и въ числѣ этихъ корпусовъ были такія отборныя германскія части, какъ вся прусская гвардія. Германскіе корпуса, числомъ 4 или 5, составляли главную ударную массу, которая наступала плотной фалангой, поддерживаемой могущественнымъ огнемъ артиллеріи. Артиллерійская подготовка непріятельскаго наступленія въ данномъ случаѣ носила совершенно исключительный характеръ. Противъ нашихъ двухъ корпусовъ непріятель исподволь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ затишья, сосредоточилъ громадное количество артиллеріи, общей сложностью до 1000 орудій, среди которыхъ было много орудій средняго и даже крупнаго калибра вплоть до 42 сантиметровыхъ мортиръ. Эта артиллерія была снабжена колоссальнымъ количествомъ запасовъ, и германское наступленіе было начато съ того, что въ теченіе 4-хъ часовъ непріятель ураганнымъ огнемъ обстрѣливалъ наши позиціи, выпустивъ за этотъ короткій промежутокъ времени до 700 тысячъ снарядовъ. Чтобы понять, что̀ представляетъ эта цифра, достаточно напомнить, что она въ два раза превосходитъ боевой комплектъ большой и хорошо снабженной крѣпости, разсчитанный на полугодовую осаду. Иными словами, такая затрата снарядовъ во много разъ превосходитъ всѣ масштабы, которые предусматривались теоріей до наступленія настоящей войны, и въ теченіе всей кампаніи не было ни одного момента, который по напряженности артиллерійскаго огня могъ бы, хотя въ слабой степени, сравняться съ этой затратой снарядовъ. Достаточно вспомнить, что Перемышль наканунѣ своего паденія выпустилъ въ теченіе сутокъ до 20.000 снарядовъ, и это казалось совершенно исключительной по расточительности тратой снарядовъ, оправдываемой только тѣмъ, что крѣпость была наканунѣ неизбѣжнаго паденія и, слѣдовательно, экономія въ снарядахъ не имѣла бы для нея никакого значенія. Этотъ ураганный огонь, поддерживаемый и въ послѣдующіе моменты наступленія, оглушалъ наши войска, отравлялъ ихъ газами, и всѣ

свѣдѣнія, доходившія съ галиційскаго фронта, единогласно показывали, что своимъ успѣхомъ непріятель былъ обязанъ исключительно могущественному дѣйствію его артиллеріи. Она причинила намъ очень тяжелыя потери, отмѣчаемыя въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, и заставила насъ отходить съ одной позиціи на другую.

Главное наступленіе непріятель велъ вдоль желѣзной дороги, ведущей отъ Грибова черезъ Горлице, Біечъ, Ясло, Стришовъ, Ржешовъ на Ярославъ, т.-е. въ наиболѣе южной части западно-галиційскаго фронта. Въ этомъ направленіи именно двигалась та германская фаланга, которая сыграла рѣшающую роль въ непріятельскомъ наступленіи и которая прорвала сравнительно слабую линію, противопоставленную этому наступленію немногочисленной третьей арміей. Цѣль противника сводилась прежде всего къ тому, чтобы отрѣзать тѣ части нашихъ войскъ, которыя стояли на Карпатскихъ перевалахъ и тылъ которыхъ обнажался послѣ отхода третьей арміи. Достигнуть этой цѣли непріятелю удалось однако лишь отчасти. Выдвинутая дальше всего къ юго-западу, наша 48-ая дивизія, находившаяся подъ командой генерала Корнилова, дѣйствительно была отрѣзана и окружена превосходными силами противника, но тѣмъ не менѣе большая часть ея пробилась и присоединилась къ своему корпусу. Что касается до другихъ нашихъ частей, то онѣ хотя и понесли большія потери, но ни разу не попадали въ такое критическое положеніе, какъ 48-ая дивизія, и отходъ ихъ былъ сопряженъ съ меньшими трудностями.

Въ общемъ войска, стоявшія на Карпатахъ, отступили во-время и благополучно и вся тяжесть намѣченнаго германцами удара обрушилась на одну лишь третью армію, ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Попытка этой арміи задержаться на промежуточныхъ позиціяхъ на Вислокѣ не имѣла успѣха, и армія должна была отойти на нашу главную оборонительную линію, т.-е. на р. Санъ. Это вынудило отходъ нашихъ войскъ и на прилежащихъ къ западно-галиційскому фронту съ сѣвера и юга участкахъ. Съ одной стороны на сѣверѣ, т.-е. въ южной части западной Польши между Пилицей и верхней Вислой, наши части, въ виду угрозы обнаженія ихъ лѣваго фланга, должны были оставить свои позиціи на Нидѣ и отойти къ востоку приблизительно въ районъ Опатова, т.-е. на 60 верстъ. Въ болѣе сѣверныхъ районахъ этого участка отходъ былъ менѣе значителенъ, и занимаемый нами фронтъ въ южной части западной Польши составляетъ теперь линію, пересѣкающуюся подъ острымъ угломъ съ

фронтомъ, занимаемымъ нами тамъ раньше. Къ югу отъ района дѣйствія третьей арміи, мы должны были очистить всѣ карпатскіе перевалы, которые мы занимали раньше, и часть карпатскихъ предгорій въ восточной части Карпатъ вплоть до Стрыйскаго направленія. Мы отошли не только съ Бартфельдскаго, Дуклинскаго, Мезо-Лаборчскаго, Балигродскаго и Ужокскаго направленій, но также и со Стрыйскаго, Вышковскаго и даже съ верховьевъ рѣки Ломницы, занявъ фронтъ по Сану до Перемышля, а затѣмъ поворачивающій на юго-востокъ къ большому Днѣстровскому болоту и рѣкѣ Стрвячъ (нѣсколько восточнѣе Самбора), а еще далѣе идущій приблизительно по линіи Дорогобычъ—Стрый—Болиховъ—Долина—Делятынь—Коломыя. . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Для того, чтобы ослабить давленіе непріятеля на третью армію и помѣшать прибытію сюда еще новыхъ германскихъ и австрійскихъ подкрѣпленій, нами и нашими союзниками были предприняты контръ-маневры: нами на Днѣстрѣ, а союзниками въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса. Эти контръ-маневры были начаты приблизительно одновременно—26 апрѣля и они до извѣстной степени, можетъ быть, дѣйствительно помѣшали перевозкѣ на галиційскій фронтъ новыхъ подкрѣпленій къ непріятелю, но, въ силу отдаленности этихъ районовъ отъ мѣста наиболѣе ожесточенныхъ боевъ, предпринятые здѣсь контръ-маневры, конечно, не могли непосредственно отразиться на исходѣ боевъ третьей арміи. Наши контръ-маневры на Днѣстрѣ выразились въ томъ, что мы переправились черезъ эту рѣку и обрушились на непріятельскія войска, находившіяся отчасти на лѣвомъ берегу Днѣстра, а главнымъ образомъ между Днѣстромъ и Прутомъ. Въ теченіе трехъ или четырехъ дней мы нанесли здѣсь противнику серьезное пораженіе, захвативъ свыше 20 тысячъ плѣнныхъ и большое количество орудій и пулеметовъ и овладѣли почти всѣмъ пространствомъ между Днѣстромъ и Прутомъ. На лѣвомъ берегу Прута непріятель удержался лишь въ районѣ Коломыи, а мы заняли Надворную и Снятынь и приблизились къ Черновицамъ. Передовыя наши части переправились даже черезъ Прутъ, но дальнѣйшія дѣйствія въ этомъ районѣ не получили развитія.

Нашъ отходъ къ Сану совершился 27 апрѣля, и послѣ того наступило непродолжительное затишье, затишье, впрочемъ, очень относительное, потому что и въ теченіе его происходили бои, стоившіе противнику до 10 тысячъ человѣкъ каждый день. Этимъ затишьемъ германцы и австрійцы воспользовались для подготовки новой операціи, задуманной въ большомъ масштабѣ. Надо полагать

что первоначальная цѣль германскаго и австрійскаго наступленія сводилась къ оттѣсненію насъ съ Карпатъ, т.-е. что это наступленіе носило приблизительно тотъ же характеръ, какъ и попытки германскаго и австрійскаго наступленія на Карпатскомъ фронтѣ, ведшіяся въ теченіе всего января, февраля и отчасти марта то на Стрыйскомъ направленіи, то на Мармарошскомъ, то на Балигродскомъ. Нельзя сказать, чтобы въ данномъ случаѣ непріятелемъ были введены въ дѣло значительно бо̀льшія силы, чѣмъ при прежнихъ попыткахъ. Достаточно вспомнить, что при прежнихъ атакахъ австрійцевъ на Балигродскомъ направленіи, производившихся во второй половинѣ февраля, непріятелемъ было введено въ дѣло до 300 баталіоновъ, которые сражались на сравнительно очень небольшомъ фронтѣ. Въ районѣ Горлице въ данномъ случаѣ были сосредоточены силы не только не большія, но, пожалуй, даже меньшія, чѣмъ эта колоссальная масса.

Если бы непріятель задавался въ апрѣлѣ болѣе широкими цѣлями, если бы онъ, дѣйствительно, ставилъ себѣ задачей общее наступленіе на юго-западный фро́нтъ и достиженіе здѣсь рѣшительныхъ успѣховъ, выходящихъ за предѣлы стратегической обороны, тогда промедленіе съ наступленіемъ было бы непонятно. Непріятель долженъ былъ бы начать такое наступленіе двумя мѣсяцами раньше, т.-е. до сдачи Перемышля. Послѣ паденія Перемышля, ни на карпатско-галиційскомъ театрѣ войны, ни на другихъ фронтахъ не произошло такихъ перемѣнъ, которыя дѣлали бы апрѣль мѣсяцъ болѣе удобнымъ для наступленія въ Галиціи, чѣмъ февраль или хотя бы начало марта. Ни на западномъ фронтѣ, ни въ Польшѣ, ни на границѣ восточной Пруссіи непріятель въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ не имѣлъ никакого успѣха, который освободилъ бы значительныя части его силъ, связанныхъ раньше. Если германцы перебросили съ западнаго фронта нѣсколько корпусовъ въ Галицію въ апрѣлѣ, то они могли бы это сдѣлать и раньше—въ февралѣ мѣсяцѣ. Тогда это было даже имъ удобнѣе, потому что именно за послѣдніе мѣсяцы наши союзники дѣйствовали на западномъ театрѣ войны съ наибольшей активностью и проявляли все большую готовность перейти въ общее наступленіе. Въ апрѣлѣ германцамъ войска на западѣ были еще болѣе нужны, чѣмъ въ февралѣ или въ мартѣ. Равнымъ образомъ и въ Польшѣ и въ восточной Пруссіи у германцевъ не освободилось никакихъ новыхъ силъ. Правда, возможно, что къ апрѣлю было закончено формированіе нѣкоторыхъ новыхъ частей, которыми были замѣнены корпуса, взятые на западѣ, но такихъ частей могло быть, во всякомъ случаѣ, немного и онѣ своимъ появленіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій врядъ ли смогли бы уравновѣсить потери перемышльскаго гарнизона, составлявшія свыше

100 тысячъ человѣкъ. Иными словами, соотношеніе силъ и свобода распоряженія ими въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были для германцевъ и австрійцевъ отнюдь не болѣе благопріятны, чѣмъ въ февралѣ. Не произошло также и такихъ перемѣнъ въ расположеніи нашихъ войскъ, которыя повышали бы шансы на успѣхъ общаго наступленія со стороны германцевъ и австрійцевъ. Правда, наши войска въ западной части Карпатъ нѣсколько углубились въ горы въ періодъ мартовскихъ боевъ, но углубленіе это простиралось всего на 25 верстъ, т.-е. на какой-нибудь одинъ дневной переходъ, и поэтому не могло играть существенной роли при фронтѣ, растянутомъ на многія сотни верстъ.

Такимъ образомъ, по сравненію съ февралемъ непріятель не пріобрѣлъ никакихъ преимуществъ для общаго наступленія, а потерялъ очень многое. Будь Перемышль въ рукахъ непріятеля, наступленіе германцевъ и австрійцевъ находило бы въ этой крѣпости могущественную поддержку, значительно стѣснявшую свободу маневрированія нашихъ войскъ и дававшую противнику надежный опорный пунктъ, позволявшій ему предпринимать рискованныя при другихъ условіяхъ операціи. Апрѣль ни съ какой стороны нельзя было бы назвать болѣе благопріятнымъ мѣсяцемъ для общаго наступленія австрійцевъ и германцевъ, чѣмъ мартъ, и если это наступленіе было все-таки предпринято, то оно являлось въ значительной степени импровизированнымъ. Въ апрѣлѣ германцы и австрійцы столь же мало вѣрили въ возможность общаго рѣшительнаго наступленія на всемъ нашемъ юго-западномъ фронтѣ, какъ въ февралѣ или мартѣ, но были увлечены на это предпріятіе самымъ ходомъ событій. Въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ можно говорить съ полной свободой лишь впослѣдствіи, успѣхъ, одержанный противникомъ надъ нашей третьей арміей, оказался болѣе крупнымъ, чѣмъ на него разсчитывали сами германцы и австрійцы. Этотъ успѣхъ ободрилъ ихъ, внушилъ имъ стремленіе использовать его въ возможно болѣе широкой степени, превратить частный успѣхъ въ успѣхъ общій. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Непріятельскія силы развертывались, главнымъ образомъ, вдоль желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ наступленіе для противника, снабженнаго громаднымъ количествомъ артиллеріи и поддерживающаго свои операціи ураганнымъ огнемъ, было бы невозможно въ сторонѣ отъ желѣзнодорожной линіи. Поэтому и непріятельскіе удары намѣтились въ трехъ районахъ. Главная ударная масса противника продолжала наступать по желѣзной дорогѣ, ведущей отъ Горлице черезъ Ржешовъ

къ Ярославу, пыталась здѣсь форсировать переправы черезъ Санъ и на нее было возложено выполненіе главнаго дальнѣйшаго маневра. Другая масса, двигавшаяся черезъ Карпаты, вдоль желѣзной дороги, ведущей отъ Мезо-Лаборча къ Самбору, была сосредоточена у Самбора и вела оттуда наступленіе на сѣверо-востокъ, по фронту между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ. Наконецъ, третья группа непріятельскихъ войскъ, опиравшаяся на желѣзную дорогу, идущую отъ Мункача черезъ Стрый ко Львову, оперировала на фронтѣ Дорогобычъ—Стрый—Болеховъ—Долина. Но въ этихъ направленіяхъ были сосредоточены только главныя силы противника; меньшія же силы вели наступленіе на другихъ участкахъ нашего фронта, и начиная съ 3-го мая развернулись бои на громадномъ пространствѣ отъ г. Ильжи, въ Радомской губерніи, до Коломыи на Прутѣ, т.-е. на протяженіи свыше 350 верстъ по воздушной линіи.

Наибольшее значеніе имѣли бои на Санѣ, гдѣ, какъ сказано, была сосредоточена главная ударная масса противника въ видѣ арміи генерала Маккензена, состоявшей преимущественно изъ германскихъ корпусовъ, поддержанныхъ отборными австрійскими частями, изъ венгерскихъ полковъ и снабженныхъ громаднымъ количествомъ артиллеріи. Бои на Санѣ, начатые 1-го мая, 3-го мая уже велись въ широкомъ масштабѣ, а затѣмъ ходъ событій на этомъ участкѣ распадается на нѣсколько обособленныхъ другъ отъ друга моментовъ. Первый періодъ съ 3-го мая до утра 7-го числа ознаменовался тѣмъ, что германцамъ удалось переправиться черезъ Санъ у Ярослава и Лезахова, хотя и съ большими потерями. Послѣ этой переправы непріятель позаботился объ упроченіи своего положенія на правомъ берегу Сана и съ этой цѣлью постепенно расширялъ занятое имъ на этомъ берегу пространство къ сѣверу, по направленію къ Сенявѣ и еще ниже по теченію рѣки. Въ этотъ періодъ главная энергія арміи Маккензена была сосредоточена на ея лѣвомъ флангѣ и вырисовывалась возможность непріятельскаго направленія на сѣверо-востокъ, въ направленіи приблизительно на Холмъ или въ обходъ Львова съ сѣвера. Само по себѣ это направленіе представлялось для насъ сравнительно не опаснымъ, потому что оно приводило противника къ ряду послѣдовательныхъ фронтальныхъ атакъ, не угрожавшихъ нашимъ сношеніямъ и не ставившихъ никакія части нашихъ войскъ въ сколько-нибудь опасное положеніе. Германцы очень скоро отказались отъ этого направленія и перемѣстили центръ своего вниманія. Съ утра 7-го мая бои на Санѣ нѣсколько затихли, и явилось даже предположеніе о возможности отхода противника назадъ. Предположеніе это явилось, однако, неосновательнымъ, и затишье, длившееся до утра 11-го мая, было

использовано непріятелемъ для перегруппировки своихъ силъ и для измѣненія направленія своихъ атакъ. Начиная съ 11-го мая бои на Санѣ разгорѣлись съ еще большимъ напряженіемъ, и теперь выяснился окончательно планъ, къ которому стремились наши противники. Всѣ главныя силы арміи Маккензена были сосредоточены на ея правомъ флангѣ и германскія войска повели одновременно наступленіе и на лѣвомъ и на правомъ берегу Сана къ югу отъ Ярослава. Центромъ непріятельской атаки явилось мѣстечко Радымно, лежащее почти на половинѣ разстоянія между Ярославомъ и Перемышлемъ, нѣсколько ближе къ Ярославу. Овладѣвъ этимъ мѣстечкомъ, германцы стремились продвинуться одновременно къ югу и къ востоку, постепенно достигли линіи рѣки Любачевки и селеній Тухла, Залазіе, Кальникувъ, Накло, Валава (на Санѣ) и Дрогочевъ, т.-е. заняли фронтъ приблизительно по дугѣ, обращенной къ юго-востоку. Непріятелю оставалось еще немного продвинуться дальше впередъ въ этомъ направленіи, чтобы выйти съ сѣвера на желѣзную дорогу, соединяющую Перемышль и Львовъ. Эта перспектива уже сама по себѣ предоставляла серьезную угрозу для нашихъ войскъ, расположенныхъ въ районѣ Перемышля, и значеніе этой угрозы повышалось тѣмъ, что одновременно непріятель въ теченіе всего времени, начиная съ 3-го мая, велъ безпрерывныя и крайне настойчивыя атаки на фронтѣ между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ, преимущественно въ районѣ Гуссакува и нѣсколько восточнѣе его. Здѣсь дѣйствовала австро-германская армія Бороевича, стремившаяся выйти на желѣзную дорогу Перемышль—Львовъ съ юга, тогда какъ армія Маккензена стремилась выйти на эту дорогу съ сѣвера. Между Накло, крайнимъ южнымъ пунктомъ, достигнутымъ арміей Маккензена, и Гуссакувомъ, центромъ атакъ арміи Бороевича, разстояніе по воздуху составляетъ всего 17 верстъ. Иными словами, сообщеніе нашихъ войскъ, находившихся въ районѣ Перемышля, съ тыломъ происходило по довольно узкому корридору, на который одновременно велись настойчивыя атаки и съ сѣвера и съ юга. Стоило противнику продвинуться впередъ еще немного либо съ сѣвера, либо съ юга, и тогда арміи Маккензена и Бороевича подали бы другъ другу руки, и Перемышль оказался бы совершенно отрѣзаннымъ отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Но сдѣлать эти послѣднія усилія оказалось очень затруднительнымъ. Наши войска, несмотря на превосходство непріятельской артиллеріи и несмотря на пользованіе имъ удушливыми газами, все время оказывали чрезвычайно упорное сопротивленіе противнику и не дали ему возможности прорвать эту тонкую линію. Въ

то же время нами былъ предпринятъ контръ-маневръ, давшій сразу очень замѣтные результаты. Въ то время, какъ армія Маккензена стремилась продвинуться къ югу, сосредоточивъ свои силы къ правому флангу, мы нанесли сильный ударъ ея лѣвому флангу, игравшему роль заслона главной операціи. Наши войска, главнымъ образомъ 3-й кавказскій корпусъ генерала Ирманова, предприняли наступленіе на Сеняву, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ. Лѣвое крыло арміи Маккензена было разбито и понесло очень тяжелыя потери. 3-й кавказскій корпусъ взялъ одними плѣнными свыше 7.000 человѣкъ съ 14 орудіями, въ томъ числѣ нѣсколько тяжелыхъ пушекъ, взятыхъ съ краковскихъ фортовъ. Потери противника убитыми превышаютъ потери плѣнными и въ общемъ пораженіе лѣваго крыла арміи Маккензена приняло очень серьезные размѣры. Не ограничившись занятіемъ Сенявы, 3-й кавказскій корпусъ продолжалъ свое наступленіе вдоль Сана вверхъ по теченію и достигъ до р. Любачевки, а затѣмъ переправился и черезъ эту рѣку. Между тѣмъ противникъ въ теченіе этихъ дней не могъ пробиться дальше къ югу отъ Накло и даже, больше того, мѣстами долженъ былъ перейти къ оборонѣ противъ нашихъ контръ-атакъ. Пространство, занятое непріятелемъ на правомъ берегу Сана, нѣсколько расширившееся послѣ продвиженія германцевъ къ Радымно, вновь сузилось вслѣдствіе занятія нами Сенявы и всей полоски земли до устья Любачевки и непріятель оказался на правомъ берегу Сана въ затруднительномъ положеніи. Стремясь къ обходу, онъ самъ попалъ въ угрожаемое положеніе, потому что дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ по Сану съ сѣвера на югъ являлось непосредственной угрозой тылу и всѣмъ сообщеніямъ арміи Маккензена.

Въ общемъ, однако, всѣ эти операціи на Санѣ къ данному моменту (половина мая) еще не закончены, и каждый день можетъ внести здѣсь очень крупныя перемѣны. Положеніе, создавшееся здѣсь, является въ высшей степени сложнымъ и острымъ, и обѣ стороны, выражаясь шахматнымъ терминомъ, энергично играютъ здѣсь на выигрышъ. Маневры смѣняются контръ-маневрами и опредѣленное рѣшеніе можетъ наступить чуть ли не каждый часъ. По своему общему плану задуманная здѣсь германцами операція представляетъ значительное сходство съ ихъ попытками прорваться подъ Лодзью въ ноябрѣ прошлаго года. Тогда армія того же самаго генерала Маккензена пыталась прорваться въ тылъ Лодзи съ сѣвера, разсчитывая одновременно встрѣтить поддержку со стороны другихъ частей, прорывающихся въ обходъ Лодзи съ юго-запада. Разница только въ томъ, что настоящая перемышльская операція задумана противникомъ

въ гораздо болѣе крупномъ масштабѣ, чѣмъ лодзинская, и въ ней участвуютъ силы неизмѣримо большія, чѣмъ въ лодзинскихъ бояхъ.

Во всякомъ случаѣ арміи Маккензена, несомнѣнно, удалось достигнуть значительнаго успѣха, могущаго при извѣстныхъ условіяхъ оказать вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій; армія же Бороевича не выполнила возложенную на нее задачу и тѣмъ самымъ помѣшала полному успѣху искусно задуманной германской операціи. Атаки арміи Бороевича, сосредоточенныя преимущественно на участкахъ между Гусакувомъ и Крукеницей, велись съ 3-го мая безпрерывно и отличались крайнимъ упорствомъ и настойчивостью, но онѣ не дали никакихъ результатовъ. Мѣстами непріятелю удавалось овладѣвать нѣкоторыми нашими отдѣльными окопами, но въ большинствѣ случаевъ контръ-атаками мы отбивали эти окопы обратно. Въ теченіе полутора недѣль фронтъ боевыхъ столкновеній въ этомъ районѣ оставался почти неизмѣннымъ или колебался въ самыхъ незначительныхъ предѣлахъ. Здѣсь не было ничего подобнаго тому, что происходило на сѣверѣ, гдѣ армія Маккензена сразу продвигалась верстъ на 10—15 впередъ. Въ лучшемъ случаѣ успѣхи Бороевича измѣрялись немногими верстами и нашему противнику не удавалось закрѣпить эти успѣхи.

Операціи австро-германскихъ войскъ, оперировавшихъ на мункачской желѣзной дорогѣ, носили вспомогательный характеръ и тѣмъ не менѣе онѣ велись въ большомъ масштабѣ и съ весьма значительной энергіей. Непріятельскія атаки въ районахъ Дорогобыча, Стрыя, Болехова, Долины отличались очень большой настойчивостью, но все-таки велись не съ такой систематичностью, какъ на Санѣ или въ районѣ къ юго-востоку отъ Перемышля. Здѣсь дни самаго ожесточеннаго боя смѣнялись днями полнаго затишья, и это обстоятельство придавало операціямъ въ этомъ направленіи до извѣстной степени демонстративный характеръ. Само по себѣ это направленіе, выводящее прямо ко Львову, является, конечно, весьма важнымъ, но тутъ у непріятеля не было надежды на то, чтобы однимъ какимъ-нибудь ударомъ сразу достигнуть крупнаго успѣха. Въ крайнемъ случаѣ онъ могъ только тѣснить наши войска, имѣвшія въ своемъ распоряженіи послѣдовательный рядъ хорошихъ оборонительныхъ позицій, и, слѣдовательно, австро-германское наступленіе могло развиваться здѣсь лишь постепенно съ строгой методичностью, что не входило въ разсчеты нашихъ противниковъ. Мѣстами въ этихъ районахъ непріятелю удавалось добиться нѣкоторыхъ частичныхъ успѣховъ, но успѣхи эти были незначительны и вполнѣ компенсировались успѣхами съ нашей стороны. Послѣ нѣкотораго періода выжиданія, мы, для того чтобы вырвать иниціативу дѣйствій у противника, перешли сами въ наступленіе на пространствѣ между рѣкой Свицей и Ломницей, т.-е.

въ районѣ Болехова и Долины. Наступленіе это велось энергично и дало намъ за три дня съ 15-го по 17-е мая плѣнными 238 офицеровъ и 10.422 нижнихъ чина.

Еще далѣе къ юго-востоку въ районѣ Делятыня и Коломыи непріятель пробовалъ вести атаки лишь въ первые дни своего общаго наступленія въ юго-западномъ фронтѣ, т.-е. 3-го и 4-го мая. Послѣ того бои здѣсь затихли, и прибытіе къ нашему противнику новыхъ свѣжихъ подкрѣпленій лишь дало ему возможность удерживаться въ районѣ Коломыи.

На правомъ флангѣ нашего юго-западнаго фронта операціи развивались благопріятно для насъ. Послѣ нашего отхода съ Ниды непріятель слѣдовалъ за нашими войсками, отходившими на востокъ въ южной Польшѣ, продвигаясь, однако, впередъ только въ наиболѣе южныхъ районахъ, не переходя къ сѣверу желѣзной дороги Радомъ—Кѣльцы и сосредоточивая свое главное вниманіе въ районѣ Опатова. Въ районѣ Опатова и Климонтова въ теченіе первой половины мая почти все время шли бои, перевѣсъ въ которыхъ оставался на нашей сторонѣ. Мы почти все время тѣснили здѣсь противника, заставляя его отступать и иногда на значительное разстояніе (верстъ на 25 отъ Опатова), и лишь прибытіе сюда къ австрійцамъ новыхъ подкрѣпленій, взятыхъ съ галиційскаго фронта, т.-е. съ наиболѣе важныхъ участковъ, позволяло ему задерживаться, а временами даже и нѣсколько вновь продвигаться впередъ. Въ теченіе боевъ съ 29 апрѣля по 11 мая нами было взято въ плѣнъ на фронтѣ между рѣками Пилицей и верхней Вислой 209 офицеровъ и 8.617 нижнихъ чиновъ съ большимъ количествомъ пулеметовъ. Въ тѣсной связи съ Опатовскимъ райономъ находились операціи на правомъ берегу Вислы въ треугольникѣ между Вислой и Нижнимъ Саномъ. Этотъ треугольникъ мы удержали въ своихъ рукахъ въ отличіе отъ октябрьскихъ боевъ на Санѣ, что значительно измѣняло общее положеніе на Санѣ въ нашу пользу. Первоначально нашъ фронтъ въ этомъ треугольникѣ шелъ отъ Тарнобжега до Розвадува, а затѣмъ постепенно мы продвигались на юго-западъ по рѣкѣ Ленгъ до селеній Бурджи, а вверхъ по Сану до Ниско, Уланова и Рудника. Непріятель неоднократно пытался здѣсь вести противъ насъ атаки, какъ на фронтѣ Мехоцинъ—Опице, въ окрестностяхъ Тарнобжега, такъ и въ направленіи на Ниско, но эти атаки успѣха не имѣли, и мы до послѣдняго времени занимали здѣсь прочное положеніе. Правда, бои здѣсь велись въ сравнительно скромномъ масштабѣ и не успѣли отразиться на ходѣ операцій на главныхъ районахъ дѣйствія.

Другимъ раіономъ, привлекавшимъ къ себѣ въ теченіе всего мѣсяца неустанное вниманіе, былъ правый берегъ нижняго Нѣмана

или иначе Риго-Шавельскаго раіона, хотя разыгравшіяся здѣсь событія по своей важности никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены на одну доску съ великими боями въ Галиціи. Правый берегъ Нѣмана и пограничная полоса между Ковенской губерніей и сѣверной частью восточной Пруссіи въ теченіе всей войны были, пожалуй, наиболѣе мирными участками нашей западной границы. Происходившія здѣсь изрѣдка боевыя столкновенія были очень не велики, не имѣли серьезнаго значенія и въ нихъ вовлекались очень незначительныя силы. Сколько-нибудь крупныхъ силъ ни та, ни другая сторона на этотъ участокъ не выдѣляли, потому что наступленіе здѣсь не представляло никакихъ выгодъ ни для насъ, ни для германцевъ. Для нашего наступленія противъ Германіи, это былъ бы наиболѣе длинный и, уже по одному этому, наименѣе выгодный путь. Самое большее, что съ нашей стороны здѣсь было возможно, это вести вспомогательныя операціи въ случаѣ серьезнаго наступленія въ восточную Пруссію съ востока изъ Сувалкской губерніи. Да и въ этомъ случаѣ данныя вспомогательныя операціи, угрожавшія лѣвому флангу противника, могли подвергнуться опасности удара въ нашъ правый флангъ со стороны Кенигсберга и опирающихся на него германскихъ войскъ. Для германцевъ этотъ раіонъ не представлялъ никакого значенія даже для веденія вспомогательныхъ операцій при наступленіи въ Россію изъ восточной Пруссіи на востокъ на средній Нѣманъ и Ковно. Вторгаясь въ Ковенскую губернію, германцы, для того, чтобы войти въ связь съ своими силами, дѣйствовавшими въ предѣлахъ Сувалкской губерніи, и помочь имъ, должны были бы рѣзко измѣнить линію своего наступленія съ сѣвернаго направленія на сѣверо-восточное или восточное и прежде, чѣмъ они сами могли бы въ какой-нибудь мѣрѣ грозить нашимъ сообщеніямъ на Петроградско-Варшавской дорогѣ, они сами подвергли бы свой правый флангъ опасности удара со стороны Ковно, а лѣвый ихъ флангъ въ это же время оставался бы тоже совершенно не обезпеченнымъ и подвергающимся всякимъ опасностямъ. Такъ что и вспомогательныя операціи для германцевъ съ этой стороны были бы сопряжены съ значительнымъ рискомъ и въ то же время отличались бы неизбѣжной медлительностью и отсутствіемъ въ нихъ непосредственной угрозы нашимъ сообщеніямъ. Вести въ этомъ направленіи главныя рѣшительныя операціи германцы, само собою разумѣется, не могли, такъ какъ этотъ раіонъ вслѣдствіе своей отдаленности отъ болѣе жизненныхъ частей Россіи являлся наименѣе выгоднымъ для серьезнаго наступленія. Безразличность этого раіона для обѣихъ сторонъ и была причиной того, что здѣсь въ теченіе всей кампаніи, какъ нами, такъ и гер

манцами, не выставлялось сколько-нибудь значительныхъ силъ и боевыя столкновенія здѣсь не принимали широкихъ размѣровъ.

Въ серединѣ апрѣля германцы перешли нашу границу и вторглись въ Ковенскую губернію со значительной массой кавалеріи. Здѣсь дѣйствовали три кавалерійскихъ корпуса, за которыми на извѣстномъ отдаленіи слѣдовали пѣхотныя и артиллерійскія поддержки. Сосредоточеніе здѣсь сразу большихъ массъ кавалеріи дало противнику возможность быстро двигаться впередъ, сохраняя повсюду все время полную свободу маневрированія. Вслѣдствіе этого, германцы черезъ два дня послѣ вторженія въ Ковенскую губернію уже заняли уѣздный городъ Шавли и вышли на Либаво-Роменскую желѣзную дорогу, а затѣмъ подошли къ ближайшимъ окрестностямъ Митавы, гдѣ только и встрѣтили сколько-нибудь серьезное сопротивленіе съ нашей стороны. Отъ Митавы германцы были отбиты, и затѣмъ русскія войска, получивъ здѣсь подкрѣпленіе, принялись постепенно вытѣснять противника. Одновременно съ движеніемъ на Митаву другія германскія колонны, шедшія уже не съ Таурогена на Шавли, а изъ Мемеля вдоль берега моря и поддержанныя съ моря германскимъ флотомъ, двигались на Либаву, защищенную слабыми ополченскими частями, и 25-го апрѣля заняли этотъ городъ.

Постепенно къ германской кавалеріи были притянуты довольно значительныя массы пѣхоты, общей численностью доходившія до трехъ корпусовъ, но корпусовъ, составленныхъ изъ совершенно разрозненныхъ частей, набранныхъ не только изъ отдѣльныхъ дивизій, но и изъ отдѣльныхъ корпусовъ и отдѣльныхъ армій, дѣйствовавшихъ на другихъ фронтахъ. Эти части приходили сюда постепенно, по мѣрѣ того, какъ усиливалось давленіе русскихъ войскъ на непріятеля и по мѣрѣ того, какъ германцамъ приходилось отходить все дальше къ югу и къ западу. Мы довольно скоро оттѣснили германцевъ изъ Курляндіи и уже въ концѣ апрѣля городъ Шавли былъ вновь занятъ нами, но затѣмъ всѣ дальнѣйшія операціи въ данномъ раіонѣ приняли затяжной характеръ... Непріятель долгоэ время удерживался на линіи рѣки Дубиссы, какъ въ нижнемъ, такъ и верхнемъ ея теченіи, при чемъ продолжительные бои велись здѣсь съ перемѣннымъ успѣхомъ особенно на нижнемъ теченіи. Здѣсь неоднократно то мы переходили на правый берегъ рѣки, то, наоборотъ, германцы переправлялись на лѣвый берегъ въ зависимости отъ того, къ какой сторонѣ подходили въ данный моментъ большія подкрѣпленія. Надо все-таки помнить, что здѣсь дѣйствовали сравнительно небольшія силы, и потому прибытіе даже небольшихъ подкрѣпленій уже вносило замѣтныя перемѣны въ общую обстановку. Въ болѣе однообразномъ направленіи развивались событія на верх-

немъ теченіи Дубиссы, гдѣ непріятель въ теченіе долгаго времени оказывалъ упорное сопротивленіе на укрѣпленныхъ позиціяхъ у селенія Бубье, но въ концѣ-концовъ былъ сбитъ отсюда и вынужденъ отступить въ южномъ направленіи. Ведшіяся одновременно непріятелемъ попытки наступленія въ направленіи къ Виндавѣ не имѣли успѣха. Виндава осталась въ нашихъ рукахъ; непріятелю не удалось удержаться на линіи р. Венты (Виндавы), и онъ долженъ былъ отсюда удалиться къ Либавѣ.

Смыслъ всей этой операціи остался до сихъ поръ не вполнѣ выясненнымъ. Захвативъ нѣкоторую часть русской территоріи, германцы, конечно, воспользовались имѣвшимися здѣсь запасами, но эти запасы само собою разумѣется не могли быть велики и не могли сыграть сколько-нибудь замѣтной роли въ дѣлѣ продовольствія Германіи. Занятіе Либавы само-по-себѣ тоже не дало непріятелю чего-нибудь очень цѣннаго. Конечно, Либава, какъ всякій другой крупный городъ, имѣлъ извѣстные запасы, и захватъ ея можетъ представлять выгоды, но значеніе этихъ выгодъ никоимъ образомъ не надо преувеличивать. Значеніе Либавы въ мирное время сводится къ ея внѣшней торговлѣ, а съ самаго начала войны пароходство на Балтійскомъ морѣ было сразу остановлено, и въ теченіе цѣлаго года къ Либавѣ не было подвоза никакихъ товаровъ и запасовъ иначе какъ для чисто-мѣстнаго потребленія. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ занятіе Либавы не давало германцамъ непосредственныхъ выгодъ. Оно, правда, нѣсколько упрочило ихъ положеніе въ западной части Ковенской губерніи, давъ имъ возможность базироваться не только на шоссе Таурогенъ-Шавли-Митава, но и на Либаву вдоль желѣзной дороги, однако, и эти выгоды могли бы оцѣниваться сколько-нибудь высоко лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ операціи, предпринятыя германцами на правомъ берегу Нѣмана, рисовали имъ сколько-нибудь широкія перспективы.

На всѣхъ остальныхъ участкахъ нашего фронта сколько-нибудь серьезныхъ боевыхъ столкновеній не было. Временами велись перестрѣлки то на томъ, то на другомъ участкѣ, происходили небольшія стычки какъ въ Занѣманскомъ районѣ, такъ и на Наревскомъ фронтѣ и въ западной Польшѣ, но всѣ эти стычки нисколько не отразились на общемъ ходѣ кампаніи.

Не происходило крупныхъ событій и на Кавказскомъ фронтѣ. Наступленіе весны не отразилось здѣсь на оживленіи боевыхъ дѣйствій, что̀ является вполнѣ понятнымъ въ виду того, что данный театръ военныхъ дѣйствій, въ силу уже однихъ географическихъ условій, является совершенно второстепеннымъ. Судьба Турціи рѣшается сейчасъ, не въ предѣлахъ Арменіи или у стѣнъ Эрзерума, а на

Босфорѣ и въ Дарданеллахъ. Большей сравнительно энергіей отличались военныя дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ, на такъ называемомъ Ванскомъ направленіи, въ предѣлахъ Азербейджана и сосѣднихъ турецкихъ провинцій. Здѣсь мы вели наступленіе, приведшее насъ въ концѣ концовъ къ Ванскому озеру. Мы къ нему подошли сперва съ сѣвера, занявъ городъ Ардижъ, вслѣдъ затѣмъ нами былъ занятъ Ванъ на восточномъ берегу озера и, наконецъ, селеніе Вастанъ на юго-восточной оконечности озера. Одновременно съ тѣмъ русскія войска двинулись къ озеру Урміи и заняли городъ Урмію. Событія эти, впрочемъ, могли имѣть только политическое значеніе и отражаться, главнымъ образомъ, на дальнѣйшихъ судьбахъ Арменіи, но непосредственнаго сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ войны съ Турціей они не оказываютъ, потому что весь этотъ районъ по своему исключительному бездорожью менѣе всего пригоденъ для веденія войны въ современномъ крупномъ масштабѣ.

На Черномъ морѣ нашъ флотъ продолжалъ все время дѣлать поиски у Анатолійскаго побережья. Онъ неоднократно бомбардировалъ турецкіе порты: Зунгулдакъ, Эрегли, Козлу и Килимли, значеніе которыхъ сводилось къ тому, что они прилегали къ угольному району, единственному источнику снабженія углемъ турецкаго флота. Наши суда неоднократно появлялись у этихъ портовъ, обстрѣливали ихъ, топили встрѣчающіеся имъ здѣсь турецкіе пароходы и парусники, разрушали портовыя сооруженія и приспособленія для нагрузки и добычи угля, а одинъ разъ въ районѣ восточнѣе Эрегли спустили даже десантъ для болѣе основательной порчи портовыхъ сооруженій. Кромѣ того, русскія суда неоднократно подходили къ Босфору и обстрѣливали его, а одинъ разъ появились на правомъ флангѣ Чаталджинской позиціи и обстрѣливали здѣсь укрѣпленіе Кара-Бурну. Турецкій флотъ въ теченіе всего этого времени держался строго пассивно и ни одного раза не сдѣлалъ попытки выйти навстрѣчу русскому флоту и помѣшать его операціямъ. Случайная встрѣча нашего флота съ «Гебеномъ» кончилась тѣмъ, что «Гебенъ», обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ дальней дистанціи, поспѣшилъ уклониться отъ боя и укрылся въ Босфорѣ. Остальныя турецкія суда совсѣмъ не рѣшались выходить изъ Босфора, и въ теченіе всего мѣсяца ни одно изъ нихъ не появлялось у нашего побережья.

На западномъ театрѣ войны наиболѣе серьезныя боевыя столкновенія происходили въ районѣ на сѣверъ отъ Арраса. Здѣсь французами было начато наступленіе въ широкомъ масштабѣ 26-го апрѣля, т.-е. одновременно съ началомъ нашихъ операцій въ Заднѣстровскомъ

районѣ. Первоначально можно было думать, что французское наступленіе развернется здѣсь въ болѣе широкія операціи и, можетъ быть, приведетъ къ общему наступленію по всему западному фронту, такъ какъ достигнутые французами въ нѣсколько дней успѣхи были, несомнѣнно, очень значительны и были, пожалуй, наиболѣе крупнымъ тактическимъ успѣхомъ послѣ побѣды союзной арміи на рѣкѣ Марнѣ. За нѣсколько дней боя французы захватили здѣсь $5^1/_2$ тысячъ плѣнныхъ, до 20 орудій, много десятковъ пулеметовъ и оттѣснили германцевъ на фронтѣ, протяженіемъ около 20 километровъ въ глубину на 2—4 километра. Они здѣсь прорвали главную оборонительную линію германцевъ, и этотъ прорывъ давалъ извѣстные шансы на то, что имъ удастся оттѣснить германцевъ съ сосѣднихъ участковъ, угрожая флангамъ и сообщеніямъ этихъ участковъ. Но, по тѣмъ или другимъ причинамъ, французы не воспользовались своимъ успѣхомъ, и германцы, получивъ нѣкоторую передышку, окопались на новыхъ позиціяхъ, и боевыя столкновенія приняли здѣсь затяжной характеръ. Очевидно, союзники не имѣютъ въ виду въ данный моментъ переходить въ рѣшительное наступленіе, и всѣ операціи въ раіонѣ къ сѣверу отъ Арраса были, повидимому, разсчитаны на то, чтобы не дать германцамъ перебросить еще новыя подкрѣпленія съ западнаго фронта на восточный. Этой цѣли операціи, конечно, достигли, потому что успѣхи французовъ у Арраса сильно смутили германцевъ и потребовали съ ихъ стороны своза сюда новыхъ подкрѣпленій. На всѣхъ другихъ участкахъ западнаго фронта боевыя столкновенія носили характеръ позиціонной войны. Нововведеніемъ здѣсь явилось употребленіе германцами въ широкомъ масштабѣ ядовитыхъ удушливыхъ газовъ, благодаря которымъ имъ удавалось иногда добиваться частичныхъ успѣховъ на отдѣльныхъ участкахъ фронта, успѣховъ, которые нельзя однако было развить во что-либо болѣе широкое. Первой жертвой употребленія удушливыхъ газовъ явились англійскія войска, значительныя массы которыхъ были прямо отравлены ядовитыми газами, но англичане первые же нашли средство борьбы съ этимъ оружіемъ, и теперь англійскія войска, снабженныя предохранительными респираторами, уже гораздо меньше страдаютъ отъ удушливыхъ газовъ, чѣмъ въ первый моментъ.

Затяжной характеръ имѣли также операціи союзниковъ у Дарданеллъ. Послѣ высадки десанта на Галиполійскій полуостровъ, происшедшей еще 12 апрѣля, въ этомъ раіонѣ не произошло никакихъ крупныхъ событій. Впрочемъ, всѣ оффиціальныя донесенія, поступающія оттуда, отличаются краткостью указаній. Въ нихъ почти совершенно отсутствуютъ указанія на какіе-либо опредѣленные географическіе пункты, и вслѣдствіе этого очень трудно судить о

томъ, насколько союзникамъ удалось продвинуться вглубь полуострова въ теченіе мѣсяца и что имъ еще остается сдѣлать. Доходящіе до насъ многочисленные слухи изъ Аѳинъ и Салоникъ, основанные въ лучшемъ случаѣ на показаніяхъ рыбаковъ и нѣкоторыхъ раненыхъ воиновъ, въ большинствѣ случаевъ не заслуживаютъ довѣрія и въ очень сильной степени преувеличиваютъ происходящія здѣсь событія. Во всякомъ случаѣ, овладѣніе Галиполійскимъ полуостровомъ до сихъ поръ еще не закончено, и сопротивленіе турокъ окончательно не сломлено. Между тѣмъ операціи у Дарданеллъ потребовали уже отъ союзниковъ большихъ жертвъ. Помимо потерь въ личномъ составѣ, англійскій флотъ потерялъ за послѣдніе мѣсяцы въ этомъ раіонѣ нѣсколько броненосцевъ. Сверхъ двухъ англійскихъ броненосцевъ («Иррезистибль» и «Голіаѳъ») и одного французскаго («Бувэ»), потопленныхъ плавучими минами еще 12-го марта во время первой попытки форсировать Дарданеллы силою одного флота, англичане потеряли послѣ того послѣдовательно еще три броненосца: «Океанъ», «Тріумфъ» и «Мажестикъ», тоже ставшихъ жертвой плавучихъ минъ и подводныхъ лодокъ. Правда, всѣ эти броненосцы принадлежали сплошь къ устарѣлымъ судамъ, и послѣ ихъ гибели все-таки соотношеніе силъ между англійскимъ флотомъ и германскимъ по существу почти не измѣнилось....

P. S. Предыдущія страницы были уже написаны, когда на галиційскомъ фронтѣ произошли довольно крупныя перемѣны. Не довольствуясь своими операціями на правомъ берегу Сана, имѣвшими въ виду отрѣзать Перемышль отъ Львова, германцы и австрійцы предприняли, начиная съ 17 мая, наступленіе непосредственно противъ Перемышля. Наступленіе это поддерживалось могущественнымъ огнемъ тяжелой артиллеріи вплоть до мортиръ 16-ти дюймоваго калибра. Непріятельскія атаки были направлены противъ западнаго и сѣверо-западнаго фронта Перемышля, опредѣляемаго линіей фортовъ отъ № 7 до № 11. Атаки на эти форты были начаты днемъ 17 мая, а въ ночь на 18 мая непріятелю удалось ворваться въ фортъ № 7, около котораго возникъ упорный бой, длившійся до 2 час. дня 18 мая. Непріятель былъ отброшенъ съ громадными потерями, и мы при этомъ захватили до 800 плѣнныхъ и 8 пулеметовъ. На этомъ, однако, непріятельскія атаки не остановились, а были сосредоточены въ дальнѣйшемъ на сѣверныхъ фортахъ № 10 и № 11, наиболѣе испорченныхъ австрійцами при сдачѣ ими крѣпости въ минувшемъ мартѣ. Первыя атаки на эти форты, происходившія въ ночь на 19 мая, были отбиты нами, но днемъ 19 мая форты были взяты непріятелемъ. Послѣ того въ

крѣпости создалось очень тяжелое положеніе для нашихъ войскъ. Плохое состояніе крѣпостныхъ верковъ, разрушенныхъ австрійцами, изломанная линія нашего фронта, растянутаго на лишнихъ 35 верстъ для обороны Перемышля, и наконецъ вся обстановка, сложившаяся на правомъ берегу Сана въ районѣ Ярослава и Радымно,—всѣ эти соображенія побудили насъ оставить Перемышль. 20 мая изъ крѣпости была убрана наша артиллерія, а на слѣдующую ночь русскія войска оставили Перемышль, занявъ расположеніе къ востоку отъ него.

А. Оглинъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Гастроли Московскаго Художественнаго Театра).

Пріѣздъ Московскаго Художественнаго театра весною въ Петроградъ уже вошелъ въ обычай. Здѣсь его ждутъ задолго, ждутъ съ нетерпѣніемъ, какъ праздника, какъ самой весны... Пожалуй, и для Художественнаго театра, этого неутомимаго труженика-искателя, эта поѣздка является необходимостью, завершеніемъ сезона. Петроградъ, съ его строгой критикой, основанной на большой, исключительной и очень прочной любви къ этому театру,—та altera pars, которую всегда слѣдуетъ выслушать для полноты истины.

Критика петроградцевъ, по мѣрѣ того, какъ усложняются задачи театра и растутъ его достиженія, естественно дѣлается все требовательнѣе. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, подъ личиной трезвой критики, въ нашу литературу о театрѣ стало проникать нѣчто совсѣмъ иное—неумѣстное: брань, чуть ли не травля театра. Строгая, можетъ быть, иногда слишкомъ, несоразмѣрно строгая критика могла проложить для этого путь...

Вызываемое этимъ возмущеніе понятно. Понятно нервное восклицаніе, говорятъ, вырвавшееся у Вл. И. Немировича-Данченка, по прочтеніи первыхъ отчетовъ:—«Довольно ѣздить въ Петроградъ»!

Если эти слова и были сказаны, то, конечно—сгоряча. Газетныя рецензіи не выражаютъ мнѣнія Петрограда. Ни на охлажденіе публики, ни на недостатокъ вниманія со стороны людей искусства и литературы Художественный театръ пожаловаться не можетъ. Спектакли его и теперь, какъ и прежде, служили средоточіемъ духовной жизни, привлекали въ театръ самыхъ занятыхъ, «кабинетныхъ» людей, не ищущихъ въ театрѣ развлеченія. Широкая же публика стремилась въ театръ въ этотъ его пріѣздъ еще интенсивнѣе, несмотря на неудобное лѣтнее время, и заполняла его на всѣхъ спектакляхъ; число «малодушныхъ», соблазненныхъ газетными критиками—очень невелико.

Вкусы Москвы и Петрограда по отношенію къ Художественному театру такъ различны, что кажется, будто и самъ театръ долженъ жить тамъ и здѣсь различною жизнью, словно у него двѣ разныя души, двѣ природы: одна—первичная, материнская, московская—болѣе матеріальная, тяжеловѣсная, а другая, отцовская—дерзновенная, революціонная. Различіе вкусовъ особенно ярко сказалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда театромъ поставлены были «Братья Карамазовы», не понравившіеся въ Москвѣ и восторженно принятые въ Петроградѣ. Та же разница отчасти дала себя почувствовать и въ этомъ году—въ судьбѣ пьесы Сургучева, имѣвшей нѣкоторый успѣхъ въ Москвѣ, но оказавшейся совершенно непріемлемой для Петрограда. Къ сожалѣнію, послѣдній невсегда вѣренъ своимъ вкусамъ и иногда поддается чужому вліянію. Ничѣмъ, кромѣ «заразы» отъ Москвы, нельзя объяснить здѣшняго общаго недоброжелательнаго отношенія къ предстоявшему Пушкинскому спектаклю, къ самому факту постановки геніальныхъ «маленькихъ драмъ»... Предубѣжденіе чувствовалось и въ предшествующей спектаклю газетной полемикѣ, и въ «свинцовой» атмосферѣ собравшейся въ театръ на первое представленіе рецензентской публики. Приговоръ явно былъ составленъ напередъ, «до выслушанія»... Пушкинскій спектакль сдѣлался предметомъ спора еще задолго до пріѣзда театра. Не обошлось и безъ курьезовъ: въ одной изъ газетъ появилась весьма странная анкета по вопросу о томъ, допустимо ли, вообще, ставить на сцену «маленькія драмы»—не кощунственно ли прикасаться къ Пушкину? Защитники постановки отчасти тоже содѣйствовали поднявшемуся шуму и росту предубѣжденій. Ближайшій сотрудникъ Художественнаго театра, декораторъ пушкинскаго спектакля, Бенуа, выставилъ въ своей полемической статьѣ такой тезисъ, который долженъ былъ смутить не однихъ педантовъ

Онъ писалъ: «Пусть комментаторъ окажется совсѣмъ далекимъ отъ вдохновившаго его произведенія; главное въ искусствѣ вообще не въ томъ, чтобы снова и снова подносить утвержденно прекрасное, а чтобы рождалось новое живое»... Дѣло не въ спорности этого утвержденія, а въ томъ, что оно набрасывало опредѣленную тѣнь на предстоявшій спектакль, гипнотизировало будущаго зрителя, подготовляло его къ тому, что онъ увидитъ не настоящаго Пушкина, а какого-то другого, самодѣльнаго, театральнаго.

Пушкинскій спектакль, безъ сомнѣнія—самый значительный въ этотъ пріѣздъ «москвичей». Со всѣми своими несовершенствами и промахами, это—весьма интересный спектакль, одно изъ большихъ достиженій театра, которымъ онъ въ правѣ гордиться. Въ общемъ замыслѣ постановки чувствуется серьезность и благородство—благоговѣйное отношеніе къ Пушкину. Нашъ геніальный поэтъ воплощенъ театромъ не совсѣмъ удачно, не вполнѣ. Но на сценѣ не было и ничего поддѣльнаго, ничего не отъ Пушкина.

Неудавшееся на сценѣ объясняется отчасти общей трудностью передачи «маленькихъ драмъ» Пушкина, отчасти—нѣкоторыми свойствами въ природѣ самого театра и, наконецъ, чисто-случайными причинами — недостаткомъ соотвѣтствующихъ исполнителей. «Маленькія», болдинскія драмы Пушкина по общему признанію—произведенія геніальныя; вмѣстѣ съ тѣмъ, это, кажется, самое своеобразное и менѣе всего понятое изъ всего, что́ создано Пушкинымъ. Онѣ написаны въ 1830 г. — въ расцвѣтѣ творчества, но представляютъ собой лишь наброски (кромѣ законченнаго «Каменнаго гостя»), «этюды», иллюстраціи къ интересовавшей поэта темѣ о существѣ драмы. Какъ извѣстно, въ двухъ письмахъ къ Раевскому (въ 25 и 29 году—въ періодъ созданія «Бориса Годунова») Пушкинъ опредѣленно высказался противъ сценическаго реализма, какъ стремленія копировать дѣйствительность. «Классики и романтики, всѣ основывали свои законы на правдоподобіи (vraisemblance), а именно его-то и исключаетъ существо драмы (la nature du drame). Не говоря уже о времени и т. д., какого чорта правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами зрителей, которые предполагаются невидимыми для тѣхъ, кто на подмосткахъ»... «Правдоподобіе положеній и правдивость діалога — вотъ истинное правило трагедіи»... «Маленькія драмы» являются приложеніемъ тѣхъ теоретическихъ мыслей о природѣ драмы, которыя занимали Пушкина. При кажущейся про-

стотѣ, онѣ очень сложны, даже загадочны. Въ каждой изъ нихъ— цѣлый міръ, уголокъ пушкинской души. Это — великія трагедіи и вмѣстѣ съ тѣмъ лирическія поэмы, въ которыхъ, по выраженію Брюсова, Пушкинъ далъ «элексиръ поэзіи». Сжатость формы и сгущенность дѣйствія въ «маленькихъ драмахъ» доведены до крайняго предѣла. Будучи по формѣ лишь набросками, онѣ представляютъ, хотя и трудный, но, въ сущности, очень благодарный матеріалъ для театра, только театра совсѣмъ особеннаго—*воздушнаго*: условнаго и обладающаго большимъ внутреннимъ проникновеніемъ. Эти богатѣйшіе перлы пушкинскаго вдохновенія, въ которыхъ намѣченъ, угаданъ отдаленный высокій идеалъ драмы, не могутъ быть переданы обычными пріемами современной сцены. Художественный— внесъ въ ихъ постановку слишкомъ много «натурализма», того копированія дѣйствительности, противъ которой протестовалъ Пушкинъ. Главное не въ достаточной степени выдѣлялось при постановкѣ изъ второстепеннаго, отъ чего страдалъ не только замыселъ Пушкина, «душа» его пьесъ, но и ихъ ажурная архитектоника. Случайныя обстоятельства—вынужденныя перемѣны въ распредѣленіи ролей—еще усложнили задачу театра.

Слабѣе всего вышло то, что сложнѣе всего у Пушкина: «Пиръ во время чумы», этотъ сгустокъ сложныхъ, даже противорѣчивыхъ настроеній поэта, маленькая трагическая симфонія на тему жизни и смерти, которую можно разсматривать и какъ прологъ, и какъ эпилогъ къ изображенію страстей человѣческихъ въ «маленькихъ драмахъ». Хотя сюжетъ «Пира» взятъ изъ произведенія англійскаго поэта Вильсона (и въ большей своей части точно его воспроизводитъ), въ немъ особенно ярко звучатъ ноты подлинной пушкинской психологіи и его своеобразнаго отношенія къ проблемѣ бытія.

Глубокій загадочный смыслъ этого произведенія вызывалъ разногласія въ его толкователяхъ. Съ наибольшею непосредственностью — безыскусственнымъ желаніемъ понять — подходитъ къ «Пиру» К. К. Арсеньевъ. Въ пѣснѣ предсѣдателя онъ видитъ «глубокое проникновеніе въ одну изъ загадочныхъ областей человѣческаго духа. Въ то время, когда создавался «Пиръ во время чумы», мысль Пушкина охотно останавливалась на смерти: смерть часто казалась ему близкой, витающей вокругъ него»... Возражая критикамъ-импрессіонистамъ, приписывающимъ Пушкину демонизмъ и діонисіизмъ, К. К. Арсеньевъ говоритъ: «Сравненіе, которымъ начинается его (предсѣдателя) пѣснь, коренится не въ происхожденіи несоизмѣримыхъ между собой величинъ—зимы и чумы; оно касается только средствъ охраны отъ той и другой. Аналогія здѣсь чисто-

внѣшняя: какъ передъ морозами, передъ чумой запираются двери, зажигаются огни, разгорается «веселый жаръ пировъ». Въ праздникъ превращается не кара, идущая съ небесъ, а ожиданіе опасности, при унынiи худшее, чѣмъ сама опасность. Никакого вызова Богу предсѣдатель не бросаетъ... Слишкомъ велика въ его глазахъ пропасть, которую онъ самъ вырылъ между прошедшимъ и настоящимъ. Онъ чувствуетъ, что нѣтъ ему возврата и не кощунственно, а съ сокрушеннымъ сердцемъ обращается къ священнику съ мольбою: «Отецъ мой, ради Бога, оставь меня!» Не торжество слышится въ «глубокой задумчивости» предсѣдателя, а безнадежность» [1])...

Реалистическая выпуклость и чрезмѣрная договоренность въ постановкѣ пьесы въ Художественномъ театрѣ ослабили ея жуткій смыслъ. Символическій вѣчный пиръ жизни подъ угрозой смерти превращенъ въ обыденное пиршество. Этому содѣйствовало въ спектаклѣ все, начиная съ красивыхъ, но слишкомъ конкретныхъ, колоритно-бытовыхъ декорацій. Ихъ талантливый авторъ, Бенуа, самъ сознаетъ, что въ постановкѣ «Пира» онъ «отошелъ отъ простоты», и его пышныя декораціи мало соотвѣтствуютъ духу мрачной пушкинской трагедіи. Онъ, вмѣсто объясненій по этому поводу, считалъ нужнымъ, просто, «покаяться». «Это — ошибка. И меня (скажу больше: насъ всѣхъ) въ началѣ Вильсонъ захватилъ больше, нежели Пушкинъ. Захотѣлось въ одной картинѣ выразить ужасъ опустошающаго бѣдствія, нагрянувшаго на богатый, оживленный городъ. Отсюда въ самыхъ зданіяхъ столько «вещественности», столько слѣдовъ только-что остановившейся, внезапно притушенной жизни. Также и въ аксессуарахъ захотѣлось дать какъ можно больше «старой Англіи», «звона рюмокъ и стакановъ», слѣдовъ несомнѣнно вкуснаго и веселаго пированія». Все это и завело въ слишкомъ густыя дебри реализма и заставило сдѣлать ошибку, противъ «вкуса» въ пониманіи Пушкина, проронившаго однажды такую мысль — что «истинный вкусъ состоитъ въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности» [1])... Ошибка Бенуа искупалась, по крайней мѣрѣ, художественнымъ великолѣпіемъ его декорацій. Нельзя того же сказать объ исполненіи. Оно не возвышалось надъ уровнемъ посредственности. Театрально-обыденныя лица актеровъ не вызывали представленія о роковомъ пирѣ надъ бездной. Но больше всего портилъ спектакль слабый «предсѣдатель». Первоначально эту роль долженъ былъ играть Леонидовъ, но, по его болѣзни, она перешла

---

1) Пушкинъ, изд. Брокгауза-Эфрона, т. III.

къ молодому артисту Бакшееву, который не овладѣлъ ею и исполнилъ внѣшне, безъ должной сдержанности и одухотворенности, мѣстами сводя ее къ простой декламаціи. Уже тотъ фактъ, что знаменитая пѣсня не пѣлась, а читалась, отнимаетъ у нея многое (помимо того, что является отступленіемъ отъ пушкинскаго текста), но тѣмъ большими оттѣнками и одухотворенностью должна была обладать декламація. Бакшеевъ же прочелъ свой «гимнъ въ честь чумы» (этотъ плодъ безсонницы) дѣланно, съ аффектаціей, почти бравурно, съ мальчишескимъ вызовомъ. Все философское, жутко мистическое отъ этого пропало: ни отчаяніе борьбы, ни приливъ бодрости и мужества отъ предчувствія побѣды—преодолѣнія смерти—не звучали въ пѣснѣ Вальсингама.

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Гораздо болѣе удался «Каменный гость». Въ исполненіи Художественнаго театра эта пьеса оставила то яркое «гармоничное», впечатлѣніе, о которомъ съ энтузіазмомъ писалъ Бѣлинскій. «Какой стихъ, прозрачный, мягкій, упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная!.. Какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!..» Упрекъ, который дѣлали исполнителю главной роли Качалову за то, что онъ не соотвѣтствуетъ донъ-Жуану по темпераменту, неоснователенъ. Суть пушкинскаго донъ-Жуана не въ темпераментѣ. Африканская кровь его—ничего не опредѣляющая случайность. Отличіе пушкинскаго донъ-Жуана отъ его предшественниковъ, европейскихъ донъ-Жуановъ—въ его большей человѣчности, въ чисто славянской мягкости, нѣжности и изяществѣ его облика. Это «не хищникъ, не изступленный любовникъ, не мрачный

---

1) „Рѣчь", № 103, 1915 г.

дуэлистъ», не циникъ, а поэтъ любви, онъ «совсѣмъ ручной», по удачному выраженію Н. А. Котляревскаго. Не дерзкимъ натискомъ достигаетъ онъ быстраго успѣха у донны-Анны, а почтительной влюбленностью, идеализмомъ своей любви. Качаловъ изображаетъ именно такого сѣвернаго донъ-Жуана, красиваго, ловкаго, отважнаго и при этомъ нѣжнаго, мечтательнаго, пожалуй, чрезмѣрно простодушнаго, увлеченнаго своимъ искусствомъ. Хорошей партнершей ему была г-жа Германова, тоже красивая, величавая, стильно изящная, «неприступная» въ своемъ достоинствѣ, но ужъ слишкомъ холодная, даже для сѣверянки (внезапнаго пожара любви въ ней не чувствовалось). Сцены между донъ-Жуаномъ и донной-Анной принадлежатъ къ наилучшимъ. Отрицательные штрихи въ этотъ удавшійся спектакль внесла только вторая картина: ужинъ у Лауры. Общій замедленный темпъ исполненія, ненужныя «театральныя» детали въ видѣ повторнаго прощанія и т. п., и, наконецъ, плохое пѣніе Лауры, не дававшее иллюзіи молодости, расхолаживали интересъ, но въ той же картинѣ хорошо вышла стремительная дуэль между донъ-Жуаномъ и донъ-Карлосомъ (о которой у Пушкина всего одно лишь слово: «бьются»). Превосходныя декораціи Бенуа вполнѣ передаютъ роскошную природу юга, особенно въ первой картинѣ—у воротъ кладбища съ манящими гигантскими кипарисами... Великолѣпная массивная статуя командора въ третьей картинѣ недаромъ вызвала взрывъ рукоплесканій, какъ только открылся занавѣсъ. Въ ней есть что-то пугающее, символическое, соотвѣтствующее той фатальной роли, которую сыгралъ командоръ въ несчастной любви донъ-Жуана и донны-Анны. Вся постановка «Каменнаго гостя»—превосходна, но вершиной художественнаго искусства является заключительная сцена—появленіе командора, потрясающая, съ жуткостью воплощающая идею возмездія за грѣховную любовь.

Финалъ драмы (донъ-Жуанъ съ командоромъ не проваливаются) представляетъ отступленіе отъ пушкинскаго текста, безъ котораго можно было обойтись. Но въ отношеніи внутренней художественной правды пьеса отъ этого не проигрываетъ. Выразительная фигура донъ-Жуана, каменѣющая на глазахъ у зрителя отъ «тяжелаго пожатія», не меньше, чѣмъ провалъ въ преисподнюю, содѣйствуетъ фантастическому впечатлѣнію роковой развязки и гармонируетъ съ духомъ легенды въ пушкинской обработкѣ.

«Моцартъ и Сальери»—интересная, но самая спорная постановка «художественниковъ». Это—при внѣшней простотѣ, внутренно наиболѣе трудная изъ пьесъ Пушкина, требующая отъ исполнителей

настоящаго творчества, полнаго перевоплощенія въ изображаемыхъ героевъ. Было бы несправедливо сказать, что на сценѣ на этотъ разъ не было творчества. Напротивъ, оба артиста: и Рустейкисъ въ Моцартѣ и Станиславскій въ Сальери—дали, каждый, нѣчто свое, оригинальное, родившееся въ душѣ. Но созданные ими образы не оставили цѣльнаго, убѣдительнаго впечатлѣнія.

Моцартъ Рустейкиса вышелъ живымъ и привлекательнымъ, но недостаточно значительнымъ. Яснымъ лицомъ, глубокими правдивыми нотами голоса, вырывавшимися непосредственно изъ души, артисту удалось передать простодушіе и довѣрчивость генія, его полную свободу отъ мелкихъ страстей. Но крупность Моцарта, его духовная зрѣлость не нашли у артиста никакого выраженія. Кромѣ того, въ изображеніе Моцарта былъ внесенъ оттѣнокъ излишней суетливой нервности, отъ чего оно еще больше проиграло.

Не удовлетворилъ и Сальери, въ разсудочномъ исполненіи Станиславскаго: претенціозный, искусственный, словно сжатый желѣзными тисками. Образъ Сальери, повидимому, задуманъ артистомъ своеобразно и сложно, можетъ быть, слишкомъ сложно. Для уясненія его можетъ служить рядъ интересныхъ мыслей, недавно высказанныхъ Гершензономъ, по поводу постановки этой драмы въ Художественномъ театрѣ [1]). Сальери, по толкованію Гершензона, не только мученикъ, не жертва своей страсти, а и герой, подвижникъ, представитель опредѣленнаго—раціоналистическаго—міросозерцанія. Сущность драмы Сальери сводится Гершензономъ къ извѣстной религіозной проблемѣ, къ вопросу о томъ, чѣмъ спасается человѣкъ: «своими заслугами или благодатью, помимо заслугъ?» Усердный труженикъ искусства, Сальери всецѣло на сторонѣ перваго рѣшенія: все дается человѣку по заслугамъ, и даръ геніальности, посылаемый иногда небесами произвольно, первому встрѣчному, безъ всякихъ заслугъ съ его стороны, есть жестокая несправедливость судьбы...

Этому построенію Гершензонъ предпосылаетъ новую и совсѣмъ еретическую мысль о субъективномъ происхожденіи этой драмы, отожествляя, такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ Сальери самого Пушкина. Съ такимъ предположеніемъ едва-ли захотятъ согласиться другіе пушкинисты. Напр., Д. Н. Овсянико-Куликовскій высказывалъ какъ разъ обратный взглядъ по этому поводу. Для него «болдинскія драмы», вообще, и данная въ частности «представляютъ особенный интересъ, какъ проявленіе творческой *объективности*

---

[1]) „Русск. Вѣд." 1915 г., № 101.

Пушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ той черты, которая служила психологическимъ основаніемъ этой объективности: «*отсутствіе эгоцентризма натуры*» [1].

Главный матеріалъ для созданія Сальери, по мнѣнію Гершензона, Пушкинъ черпалъ изъ собственной психологіи, изъ «страстныхъ думъ» о «собственной судьбѣ». Пушкинъ, будто бы, былъ Моцартомъ только въ искусствѣ, а во всемъ прочемъ онъ чувствовалъ себя обдѣленнымъ судьбою Сальери. Здѣсь и коренится интересъ поэта къ этому образу. По Гершензону, обдѣленность въ отношеніи разныхъ благъ судьбы—«удачи», «богатства», «красоты», «успѣха у женщинъ»—представлялась Пушкину величайшей несправедливостью, даже свой чудный даръ онъ «разсматривалъ, какъ частный случай общей несправедливости»... Свободный человѣческій разумъ не можетъ не протестовать противъ произвола небесъ—ихъ несправедливости. Осуществленіемъ такого протеста и является для гершензоновскаго Пушкина дѣяніе Сальери.

Другіе изслѣдователи смотрятъ на поступокъ Сальери гораздо проще. И они ближе къ истинѣ. Уже по одному тому, что первоначальное названіе пьесы была «Зависть», недопустимо исключать изъ психологіи Сальери примитивный мотивъ зависти. Горнфельдъ считаетъ, что Сальери—отъ природы «умный, сильный, даровитый человѣкъ»—сталъ жертвой «низкой страсти» и, чтобы «спасти свое человѣческое достоинство», «пытается увѣрить себя, что правды нѣтъ и выше» [2]... Того же мнѣнія держится проф. Овсянико-Куликовскій, характеризующій психологію Сальери, какъ «душевное мошенничество», невольную подтасовку фактовъ, граничащую съ самогипнозомъ. «Душевное мошенничество Сальери наглядно сказалось въ тѣхъ *софизмахъ*, которыми онъ усиливается оправдать передъ самимъ собою свое злое чувство, свою зависть и ужасный умыселъ убійства»... «Его преступленіе, такимъ образомъ, превращается въ родъ самоотверженнаго подвига» [3].

Излишнее «мудрствованіе» надъ тѣмъ, что ясно, присуще и изображенію Станиславскаго. Искусственность замысла и вялое, неувѣренное, безкрылое исполненіе способствовали тому, что образъ Сальери вышелъ расплывчатымъ и блѣднымъ. Это, конечно—благородный герой, мученикъ своей идеи, сверхъ-человѣкъ, но очень

---

[1]) Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Пушкинъ.

[2]) Пушкинъ, изд. Брокг.-Эфрона, т. III.

[3]) Пушкинъ, стр. 12.

скучный въ своей прямолинейной правдивости и отталкивающе жесткій. Въ чванливое заявленіе Сальери:—«Я избранъ, чтобъ его остановить,—не то мы всѣ погибли»—Станиславскій вноситъ избытокъ трагизма; а простыя человѣчныя слова Сальери, полныя жалости къ Моцарту: «Постой, постой, постой... Ты выпилъ!.. Безъ меня?»—совсѣмъ стушеваны въ его исполненіи. Поэтому и слезы Сальери во время Requiem'а вызываютъ одно недоумѣніе. Сухъ и скупъ на всякія эмоціи этотъ Сальери! Характерно, что въ представленіи Гершензона у Сальери тоже «полное отсутствіе личной жалости къ Моцарту». А вотъ энтузіасту Бѣлинскому чудились въ отношеніи Сальери къ Моцарту не только жалость, а и «нѣжность», «умиленіе». Онъ утверждалъ, что «убійца Моцарта любитъ свою жертву, любитъ ее художественною половиной своей души, любитъ ее за то же самое, за что́ и ненавидитъ»... Бездушіе звучитъ у Станиславскаго и въ послѣднемъ—страшномъ, скорбномъ—напутствіи Моцарту:—«Ты заснешь на долго, Моцартъ»!

Заинтересовать зрителя своимъ сложнымъ замысломъ артисту не удалось. Да и самъ онъ не вполнѣ вошелъ въ свою роль, не одухотворилъ ее... будто что-то сковывало его и удерживало творческій полетъ. Цѣльнсти впечатлѣнія мѣшали и чисто-техническія причины: нерѣдкое у Станиславскаго пересаливаніе реализмомъ и игнорированіе театральной условности. Онъ провелъ всю свою роль въ полголоса, чуть не шопотомъ, и мѣстами его совсѣмъ не было слышно.

Вполнѣ воплотить Пушкина Художественному театру не удалось. Но и за неудавшимися постановками чувствовался серьезный замыселъ, огромная художественная работа. Это не могло не волновать зрителя—не возбуждать въ немъ новаго интереса къ Пушкину. Въ результатѣ этихъ спектаклей, требовавшихъ напряженнаго вниманія, явится много новообращенныхъ... Наше поколѣніе не знаетъ Пушкина. Оно уже освободилось отъ писаревщины и теоретически чтитъ геніальнаго поэта, но это—почтеніе къ мертвецу. Не живетъ онъ въ душахъ; какъ зазубрили, затаскали его въ гимназіяхъ, такъ и лежитъ онъ въ душѣ, у большинства, мертвымъ балластомъ. Теперь онъ оживаетъ, чувствуется потребность поглубже войти въ него, по-новому перечувствовать.

Самымъ удачнымъ, по общему признанію, блестящимъ спектаклемъ была «Смерть Пазухина», не имѣвшая особеннаго успѣха въ Москвѣ, но оцѣненная въ Петроградѣ. Тутъ все безупречно: и цѣлое,

и части; не знаешь, чѣмъ больше восхищаться—единствомъ цѣлаго, интенсивностью настроенія пьесы или красочностью отдѣльныхъ созданныхъ артистами образовъ. Впечатлѣніе отъ этого спектакля было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше отъ него ждали. Старинная (одна изъ раннихъ, написанная вслѣдъ за «Губернскими очерками», въ 58 г.) и нѣсколько монотонная въ своей тенденціозности пьеса Щедрина не внушала особенныхъ надеждъ современному избалованному зрителю; скорѣе заставляла напередъ хмуриться отъ предстоящей «сѣрости» навязываемыхъ ему, ненужныхъ впечатлѣній. Тутъ-то и сказалась животворящая сила театра, претворившая старую сатиру въ неувядающую комедію характеровъ, яркую, убѣдительную и полную интереса для современности. Силы театра на этотъ разъ доминировали надъ тѣмъ матеріаломъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, и онѣ развернулись полностью.

Постановка «Смерти Пазухина» интересна, какъ большая—внутренняя и техническая — побѣда Художественнаго театра, какъ преодолѣніе тѣхъ «натуралистическихъ» пріемовъ, которые справедливо ставятся ему въ вину. Безпощадная сатира Щедрина представляла особенный соблазнъ для того, чтобы попасть въ дебри «вещественности»; наконецъ, стоило только потерять чувство мѣры, немножко сгустить краски, и сатира превратилась бы въ жалкій фарсъ. Ни того, ни другого не произошло. Случилось какъ разъ обратное. Театръ стеръ острые углы этого произведенія и, съ изумительной чуткостью, нашелъ безыскусственный жизненный тонъ, чтобы выявить его внутреннюю правду. Эту «стилизованную», но прочную правду—правду о русскомъ человѣкѣ—знаменитый сатирикъ всегда носилъ въ душѣ. Это правда безбытная—о среднемъ русскомъ человѣкѣ, не опредѣляющаяся ни классомъ, ни положеніемъ, ни состояніемъ. У Щедрина и купецъ, и «статскій совѣтникъ», и «бывшій человѣкъ»—всѣ изъ одного тѣста сдѣланы, связаны между собой общей родственной нитью. Некультуренъ этотъ щедринскій русскій человѣкъ, а аппетитъ у него къ жизни большой; и онъ—не промахъ: «любитъ пить чай съ калачами». Отсюда его жадность къ деньгамъ и полная неустойчивость въ добродѣтели. Не только у умирающаго старика Пазухина «деньги—одна радость». У всѣхъ героевъ Щедрина это—единственная радость. И ради нея они готовы на всѣ жертвы: подличать и унижаться, отказаться отъ своихъ вкусовъ, разрушить свою семью, обобрать отца родного—не только живого, а и «въ мертвенномъ состояніи». Не смѣшны, а ужасны эти жадные истинно-русскіе люди Щедрина, безпрерывно плутующіе, ссорящіеся, подличающіе—поглощенные мыслью объ ожидаемомъ наслѣдствѣ...

Стройное, конкретное, ярко выпуклое исполненіе пьесы придало ей какой-то особенный, жуткій для современности смыслъ, приблизило къ намъ сатиру Щедрина. Чувствуется, что жива еще эта «условная», мрачная, «правда» о русскомъ человѣкѣ, выявленная сатирикомъ... Исполнители дали необычайно живые и типичные—незабываемые—образы. Особенно хорошъ былъ въ роли Пазухина-сына Москвинъ, съ его богатымъ темпераментомъ, пластичною выразительностью каждаго жеста и музыкальной пѣвучестью колоритной щедринской рѣчи. Не уступали Москвину въ тонкой отдѣлкѣ ролей и выразительности игры г. Грибунинъ и г-жа Шевченко—въ супругахъ Фурначевыхъ. Чувствовалось, что замѣчательная внѣшняя чеканка роли у каждаго исполнителя явилась уже въ результатѣ большого внутренняго проникновенія ею. Этимъ и обусловлена неотразимая жизненность общаго впечатлѣнія. Этотъ великолѣпный спектакль смѣло можно назвать воплощеніемъ идеаловъ Художественнаго театра: осуществленіемъ завѣтовъ Щепкина, вѣрность которымъ недавно была провозглашена Станиславскимъ, какъ девизъ. «Переживаніе»—исходный пунктъ для каждаго изъ исполнителей «Смерти Пазухина», а магическое режиссерское искусство объединило отдѣльныя артистическія прозрѣнія въ гармоническое цѣлое.

Въ отношеніи современнаго репертуара Художественный театръ долженъ былъ испытывать общія затрудненія. Пьеса изъ современной жизни необходима каждому театру, такому жъ, какъ Художественный, живущему полнозвучной жизнью—въ особенности; а хорошихъ пьесъ нѣтъ, поэтому каждая постановка должна быть, до нѣкоторой степени, компромиссомъ. Но выборъ Художественнаго театра на этотъ разъ особенно неудаченъ. Тутъ ужъ не компромиссъ, а явная ошибка. Пьеса Сургучева: «Осеннія скрипки» не просто слабая пьеса, какъ большинство пьесъ этого сезона, а дурная—безсодержательная и насквозь фальшивая. Она—внѣ литературы. И какъ могъ поставить ее Моск. Худож. театръ—совершить это преступленіе противъ самого себя,—для меня остается загадкой.

Автора «Осеннихъ скрипокъ» упрекаютъ въ томъ, что онъ многое позаимствовалъ у другихъ и писалъ подъ Тургенева, подъ Чехова, подъ Андреева. Но заимствованіе еще не такой большой грѣхъ. Чужое можетъ быть обвѣяно собственными мыслями и стать новымъ—интереснымъ, своеобразнымъ; въ чужія формы, даже въ чужія мысли можно вложить свои переживанія, и кое-что все-таки получится. У Сургучева дѣло обстоитъ хуже. У него—ничего нѣтъ,

ни своего, ни чужого. Его пьеса—пустоцвѣтъ безъ завязи. Она не даетъ артистамъ матеріала для игры. На такой канвѣ нельзя вышить никакого узора. Она состряпана наскоро и очень небрежно; въ ней нѣтъ ни одной ноты, рожденной органически, вся она придумана—и придумала неумно. Такого ремесленнаго издѣлія нельзя было ожидать отъ г. Сургучева, автора хорошихъ разсказовъ и недурной пьесы «Торговый домъ». Правда, и въ «Торговомъ домѣ» уже чувствовалось отсутствіе оригинальности и поддѣлка подъ «модернъ», но тамъ, все-таки, были нѣкоторыя собственныя наблюденія, а здѣсь полная пустота: ни замысла, ни психологіи, ни дѣйствующихъ лицъ. Авторъ не потрудился обрисовать своихъ героевъ хотя бы въ общихъ чертахъ. У нихъ нѣтъ даже индивидуальнаго языка. Всѣ они говорятъ общимъ, однообразнымъ авторскимъ языкомъ, въ которомъ превысренное, цвѣтистое безвкусно перемѣшано съ вульгарнымъ.

Героиня пьесы, жена присяжнаго повѣреннаго Варвара Васильевна Лаврова, будто бы приближается къ той драмѣ, которая такъ обыденна въ «осеннемъ» періодѣ женской жизни. Однако, никакого нарастанія трагизма въ окружающей атмосферѣ не чувствуется. Все обстоитъ болѣе, чѣмъ благополучно. У героини есть влюбленный въ нее мужъ (въ свое время она его тоже любила), который, какъ чеховскій Кулыгинъ, всегда всѣмъ «доволенъ»... Вишневскій, хорошо изображающій и въ томъ, и въ другомъ случаѣ глуповатаго, легковѣрнаго мужа, предательски подчеркивалъ это сходство сургучевскаго героя съ чеховскимъ. Этотъ мужъ радуется своей «прекрасной» семейной осени и мечтаетъ о томъ, какъ она перейдетъ въ «мудрую зиму». Кромѣ того, у героини есть возлюбленный, конечно, бывшій помощникъ Лаврова, Барановскій, съ которымъ у нея многолѣтняя прочная «связь» (она сама называетъ этимъ прозаическимъ словомъ свои отношенія съ Барановскимъ, такія же застывшія, скучныя, какъ и съ мужемъ). Никакихъ тучъ на горизонтѣ незамѣтно. Объ охлажденіи Барановскаго нѣтъ и рѣчи. Онъ любитъ ее одну... полонъ этой любовью. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ самъ Барановскій. И мы должны этому вѣрить, сами мы никакой любви въ пьесѣ Сургучева не видимъ. Ни у кого ни къ кому тутъ любви нѣтъ, да не только любви, а и какихъ-либо другихъ чувствъ, свойственныхъ живымъ людямъ. Если внимательно наблюдать даже жизнь животныхъ, то и тамъ можно замѣтить какіе-нибудь оттѣнки, осложненія, игру психики, а авторъ «Осенних скрипокъ» все это игнорировалъ въ человѣческой жизни и подмѣнилъ готовыми шаблонами. Одинъ изъ такихъ шаблоновъ является исходнымъ пунктомъ для дѣйствій дальновидной, разсудительной

Варвары Васильевны. Чтобы не очутиться когда-нибудь въ положеніи покинутой и имѣть возможность «уйти первой», она рѣшила женить своего любовника на своей пріемной дочери, Вѣрочкѣ. Характерно, что поводомъ для осуществленія этого дикаго плана является чисто-внѣшнее обстоятельство, случайность: полученіе мужемъ анонимнаго письма о ея отношеніяхъ къ Барановскому. О внутреннемъ «тупикѣ»—о своемъ желаніи имѣть возможность «уйти первою» героиня говоритъ лишь во второмъ дѣйствіи, во время объясненія съ Барановскимъ въ городскомъ саду. Въ первомъ же дѣйствіи, тотчасъ послѣ полученія анонимнаго письма, она сообщаетъ свой геніальный планъ мужу *для его успокоенія*, съ такимъ видомъ, какъ будто этотъ планъ только сейчасъ въ ней родился—съ отчаянія и страха. Эта внутренняя путаница лишаетъ пьесу даже внѣшней стройности и единства. Зритель недоумѣваетъ—въ чемъ же «трагедія» Варвары Васильевны: въ мелочномъ женскомъ самолюбіи (что не она «уйдетъ первая»), въ страхѣ ея передъ оглаской и городскими сплетнями, или въ томъ, что ея мужу «вредно волноваться»? Обиліе мотивовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣтъ единаго настоящаго живого импульса къ поступкамъ... Нѣтъ завязки—слѣдовательно, нѣтъ и дѣйствія—нѣтъ драмы. Дикій планъ сообщается поочередно всѣмъ заинтересованнымъ: мужу, Вѣрочкѣ и Барановскому, всѣхъ нѣсколько удивляетъ, но ни въ комъ изъ этихъ авторскихъ автоматовъ живого протеста, естественнаго рѣзкаго отпора не возбуждаетъ. Барановскій возражаетъ (хотя и довольно флегматично) дольше другихъ, но, въ концѣ концовъ, увидя въ рукахъ своей возлюбленной (совершенно какъ у героинь бульварныхъ мелодрамъ) пузырекъ съ ядомъ, тоже соглашается.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы уже видимъ Барановскаго женихомъ Вѣрочки—сначала довольно кислымъ, а потомъ «счастливымъ», почти влюбленнымъ. Вѣдь молодость побѣждаетъ, старѣющая женщина должна уступить свое мѣсто болѣе молодой соперницѣ. Такъ бываетъ... и это—законъ для Сургучева. А вотъ для Чехова это—не законъ. У Чехова—разно, въ зависимости отъ обстоятельствъ и психологіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для него нѣтъ шаблоновъ. Случайный возлюбленный «дамы съ собачкой» привязался къ ней какими-то странными таинственными нитями, да такъ и остался—не ушелъ отъ нея къ «другой женщинѣ». Но Чеховъ слишкомъ далекъ отъ Сургучева, при кажущемся внѣшнемъ сходствѣ темъ и сюжетовъ и ничего ему не можетъ дать.

Говорить ли объ исполненіи? Какимъ можетъ быть исполненіе въ пьесѣ не только слабой, но насквозь фальшивой—и въ основ-

номъ замыслѣ, и въ отдѣльныхъ положеніяхъ, совершенно плоской и мертвой? Въ сущности исполненія пьесы и не было. Никто изъ артистовъ не далъ опредѣленныхъ образовъ, по поводу которыхъ можно бы разсуждать. Каждый изъ нихъ игралъ самого себя—болѣе или менѣе интересно—въ зависимости отъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ данныхъ... Жданова (Вѣрочка) была мила свѣжестью и непосредственностью. Какъ всегда, очаровательна была Книпперъ, съ своимъ зрѣлымъ талантомъ и душевной глубиной, съ мерцающими тамъ таинственными мрачными огоньками—живое воплощеніе мелодіи «осеннихъ скрипокъ»... У нея бывали прекрасные моменты, особенно въ нѣмыхъ сценахъ, когда не приходилось произносить лживыхъ авторскихъ словъ; захватывало ея блѣдное трагическое лицо, страдающіе блестящіе глаза... Бездарной пьесѣ не помогли выступившіе въ ней талантливые артисты.

Постановка пьесы тщательна и въ общемъ удачна, кромѣ сцены въ городскомъ саду, гдѣ удручали ультра-реалистическія сумерки, мѣшавшія видѣть лица исполнителей. Декораціи, исполненныя гг. Сапуновымъ и Петровымъ по рисункамъ Кустодіева, какъ всегда отличались изысканной красотой, но не радовала эта роскошь въ пьесѣ Сургучева.

Одновременно съ Художественнымъ театромъ давались спектакли его «Студіи». Это—очень привлекательный театръ молодыхъ яркихъ дарованій, волнующій свѣжестью и непосредственностью, не наслѣдникъ и будущій замѣститель «усталаго» Художественнаго театра, какъ это иногда стараются представить, а именно его студія, школа, гдѣ воспитываются будущіе жрецы искусства, большіе актеры. (Многіе изъ участниковъ «Студіи» и сейчасъ уже съ успѣхомъ выступаютъ въ Художественномъ театрѣ). Вотъ именно какъ школѣ, какъ разсаднику Худож. театра, «Студіи» нельзя не сдѣлать нѣкоторыхъ упрековъ. Здѣсь съ избыткомъ культивируется тотъ «натурализмъ», который въ Художественномъ театрѣ давно уже является пережиткомъ. Отсюда и выборъ внѣшнихъ трескучихъ пьесъ (особенно неудачны «Калики перехожіе», съ ихъ раздирательнымъ мелодраматизмомъ и неискусной поддѣлкой подъ національный славянскій колоритъ). Этотъ подчеркиваемый реализмъ—не только плохая школа для будущаго, но и въ настоящемъ воспринимается въ молодомъ театрѣ, какъ диссонансъ. Правда, «дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ какая шапка не пристанетъ?»—чѣмъ и объясняется шумный успѣхъ у публики тѣхъ мелодрамъ, которыя здѣсь ставятся, и снисходительное отношеніе къ нимъ критики... Но театръ «Студій» способенъ на большее. Превосходно поставленная «Гибель Надежды» Гейерманса обнаружила въ немъ прекрасныя силы и яркіе темпера-

менты. Но врядъ ли эта примитивная, тенденціозная пьеса—подходящая школа для будущихъ «художественниковъ». Виртуозно исполняемый молодыми артистами (г-жей Дурасовой, г.г. Хмерою, Чеховымъ и др.) «Сверчекъ на печи» Дикенса гораздо болѣе соотвѣтствуетъ молодой душѣ театра и показываетъ, что интимное, психологическое не въ меньшей степени ему доступно, чѣмъ драматическое.

Яркость талантовъ, общая стройность и бодрость тона въ «Студіи» служатъ показателемъ тѣхъ богатыхъ перспективъ, которыя лежатъ передъ Моск. Худ. театромъ.

Е. Колтоновская.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Тургеневскій кружокъ, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Тургеневскій сборникъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к. Стр. XVI+213.

Почти одновременно съ письмами Тургенева къ графинѣ Ламбертъ вышла въ свѣтъ и эта цѣнная книга, результатъ долгой и любовной работы кружка слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петроградѣ. Книга даетъ очень разнобразный матеріалъ и освѣщаетъ различныя стороны жизни Тургенева, до сихъ поръ, несмотря на огромную литературу, недостаточно изслѣдованной. Въ обширномъ предисловіи редактора сборника, г. Пиксанова, указаны многіе пробѣлы литературы о Тургеневѣ. До сихъ поръ нѣтъ тщательнаго, дѣйствительно полнаго собранія сочиненій Тургенева; наполовину не опубликована его огромная переписка; много біографическихъ матеріаловъ и воспоминаній лежитъ еще подъ спудомъ; внѣшняя біографія писателя ни разу еще не была изложена со всею возможною подробностью; только-только начинается изученіе его творчества съ научныхъ точекъ зрѣнія; привлеченіе къ этому обширному полю историко-литературныхъ изученій наиболѣе способныхъ и подготовленныхъ лицъ изъ учащейся молодежи—мысль и простая и удачная. Организація г. Пискановымъ «тургеневскаго кружка» уже теперь ала очень цѣнные и полезные результаты.

Сборникъ открываестя забытою статьею И. С. Тургенева объ Императорѣ Александрѣ III, которая напечатана была въ 1881 году въ «Revue politique et littéraire», безъ подписи автора. Въ общемъ Тургеневъ отлично разобрался въ тогдашней политической конъюнктурѣ. Лично Александра III онъ характеризуетъ близко къ истинѣ, относясь съ довѣріемъ и оптимистически къ его благимъ намѣреніямъ въ области поддержанія международнаго мира, искорененія подкупности и развращенности чиновниковъ, въ сферѣ поддержанія и подъема экономическаго благосостоянія населенія. Но Т. очень ясно видѣлъ всю безпочвенность надеждъ либераловъ на конституціонныя уступки и, тѣмъ болѣе, упованій революціонеровъ на возможность коренного переворота. Какъ справедливо замѣчаетъ комментаторъ, г-жа С. Петрашкевичъ, статья является въ сущности попыткой обращенія лично къ Царю. Мысль объ этомъ очень занимала Тургенева въ это время; онъ желалъ бы убѣдить Государя, что слѣдуетъ въ его собственныхъ интересахъ опереться на живыя силы націи, призвавъ ихъ себѣ на помощь. Но увѣренность въ возможности либеральныхъ реформъ сверху была слаба въ Т—вѣ и тогда, когда онъ писалъ эту статью, выступая въ ней, на склонѣ лѣтъ, въ качествѣ политика; вскорѣ онъ окончательно разочаровался.

Слѣдующая статья, г-жи И. Малышевой, даетъ любопытную характеристику писемъ къ И. С. его матери, Варвары Петровны Тургеневой. О ней писалось довольно много; ея гордый и властный характеръ и жестокое обращеніе съ дворней достаточно извѣстны. Но въ воспоминаніяхъ о ней разныхъ лицъ большей частью обойдены черты, дѣлавшія эту женщину явленіемъ незаурядпымъ по крупному уму, образованію и развитію. Извлеченія изъ писемъ Варвары Петровны къ сыну, учившемуся въ Берлинѣ, показываютъ ее намъ со стороны горячей любви къ нему, нѣжнѣйшей и неустанной заботы о немъ. Здѣсь иное характеризуетъ не только мать, но и сына. Въ одномъ письмѣ она обращается къ нему: «ma chère fille, ma Jeannette! O!.. Точно, точно, vous êtes ma favorite. Тс... ради Бога, чтобы этого кто не услышалъ!» Нельзя не видѣть въ подобномъ обращеніи къ взрослому юношѣ, какъ къ дѣвочкѣ, признанія въ немъ исключительно мягкаго, женственнаго характера, что̀ и соотвѣтствуетъ въ значительной мѣрѣ дѣйствительности. Начиная съ отзыва Бѣлинскаго, который горячо любилъ Тургенева, но тѣмъ не менѣе обозвалъ его въ одномъ изъ писемъ «бабьё порядочное», податливость и слабохарактерность Тургенева и женская перемѣнчивость и неустойчивость во многихъ случаяхъ очень извѣстны. Письма Варвары Петровны, вмѣшивающейся во ,ѓсядаже интимныя, дѣла сына, пожалуй, и объясняютъ, почему въ

Тургеневѣ, при этомъ постоянномъ гнетѣ властной материнской опеки, не развилось достаточной самостоятельности и твердости воли. Послѣ матери онъ и подпалъ почти непосредственно подъ опеку Віардо. Письма Варвары Петровны очень живы, полны подробностей о ея домашней жизни, и въ одномъ изъ нихъ неожиданно вскрывается натура, не знающая удержу въ готовности срывать на подвластныхъ всякую досаду: «ту почту—пишетъ она въ Берлинъ сыну и отправленному съ нимъ въ качествѣ дядьки, побочному его брату Порфирію Кудряшову:—ту почту, когда вы оба пропустите (написать), я непремѣнно *Николашку* высѣку; жаль мнѣ этого, а онъ прехорошенькій и премиленькій мальчикъ, и я имъ занимаюсь, онъ здоровъ и хорошо учится. Что дѣлать, бѣдный мальчикъ будетъ терпѣть!.. Смотрите же, не доведите меня до такой несправедливости»... Отвѣтныя письма И. С. Тургенева не сохранились, но видно изъ жалобъ матери, что въ корреспонденціи онъ былъ неаккуратенъ и, повидимому, только принуждалъ себя къ письмамъ. Извѣстно, что Варвара Петровна кончила полною ссорою съ сыновьями. Въ ея предсмертномъ дневникѣ сохранились слѣдующія строки: Ma mère, mes enfants! Pardonnez-moi. Et Vous, Seigneur, pardonnez moi aussi—car l'orgueil, ce peché mortel, fut toujours mon peché»...

Въ замѣткѣ Н. Богдановой напечатаны два письма Тургенева за 1865 г., вызванныя его хлопотами о когда-то *купленной* имъ Ѳеоктистѣ Петровнѣ Волковой, съ которой онъ жилъ въ Петербургѣ въ 1851 г. и въ Спасскомъ во время своей ссылки въ 1852—1853 г.г. У нея, вскорѣ послѣ разлуки съ бариномъ, родился сынъ; Тургеневъ, впрочемъ, сомнѣвался, что сынъ, дѣйствительно, отъ него. Ребенокъ былъ матерью отданъ на воспитаніе въ деревню, потерянъ изъ виду, и Тургеневъ хотѣлъ помочь матери разыскать его. Судьба этой крѣпостной подруги писателя и ихъ сына неизвѣстна. Но этотъ эпизодъ чрезвычайно характеренъ для крѣпостной эпохи и для самого Тургенева, какъ для сына этой эпохи и невольнаго представителя ея.

Изъ писемъ Тургенева къ его управляющему Н. Кишинскому (большей частью неизданныхъ), г-жа Малышева извлекла болѣе или менѣе любопытныя данныя о заботахъ Тургенева въ его имѣніяхъ по образованію крестьянъ, въ особенности о школѣ въ Спасскомъ и т. п.

Далѣе въ сборникѣ помѣщены обширныя воспоминанія о Тургеневѣ Н. А. Островской. Они хотя были уже напечатаны въ 1885 г., но въ провинціальной газетѣ, почему и были мало доступны; напечатаны они первоначально съ очень значительными сокращеніями,

возстановленными теперь въ сборникѣ дочерью автора. Въ обновленномъ видѣ воспоминанія даютъ много новыхъ свѣдѣній и чертъ. Знакомство Т—ва съ Островскими состоялось въ 1864 году въ Баденѣ, а часто они видѣлись въ 1873—75 годахъ въ Карлсбадѣ и пр. Авторъ приводитъ обширные разговоры и рѣчи Тургенева, трудно сказать, насколько точно, но все большей частью очень живо и интересно. Любопытенъ разсказъ объ эффектѣ «Дыма». «Удались мнѣ генералы въ «Дымѣ». мѣтко попалъ,—шутилъ какъ-то Иванъ Сергѣевичъ.—Знаете ли: когда вышелъ «Дымъ», они, настоящіе генералы, такъ обидѣлись, что въ одинъ прекрасный вечеръ, въ англійскомъ клубѣ совсѣмъ-было собрались писать мнѣ коллективное письмо, по которому исключали меня изъ своего общества. Никогда не прощу Соллогубу, что онъ отговорилъ ихъ тогда отъ этого, — растолковавъ имъ, что это будетъ очень глупо. Подумайте, какое бы торжество было для меня получить такое письмо?! Я бы его на стѣнкѣ въ золотой рамкѣ повѣсилъ».—Отзывовъ и разсказовъ Тургенева о собственныхъ произведеніяхъ вообще въ воспоминаніяхъ Н. Островской довольно много. Есть изложеніе и не осуществленныхъ творческихъ замысловъ писателя, странички дѣтскихъ воспоминаній Тургенева, его разсказы о встрѣчахъ съ разными лицами, его фантазіи и анекдоты, и въ потокѣ этого нѣсколько поверхностнаго разсказа, скачущаго отъ предмета къ предмету, чувствуется живое восхищеніе и обаяніе, съ какимъ все это выслушивалось и было записано.

Въ заключеніе сборника приложена весьма подробная и полная библіографія воспоминаній о Тургеневѣ, составленная С. А. Петрашкевичъ и необходимая отнынѣ для всѣхъ, занимающихся этимъ писателемъ. Всего зарегистровано 132 статьи, и для каждой дано краткое содержаніе и перечень упоминаемыхъ въ ней именъ. Къ библіографіи приложены указатель собственныхъ именъ, въ ней упоминаемыхъ, и группировка воспоминаній по періодамъ жизни Тургенева и отдѣльнымъ вопросамъ. Къ сожалѣнію, отсутствуетъ общій именной указатель ко всему сборнику.

Изъ предисловія редактора сборника видно, что «Тургеневскимъ кружкомъ» ведется работа по изученію матеріаловъ о Тургеневѣ въ очень широкихъ рамкахъ. Такимъ образомъ, настоящій сборникъ должно считать лишь первымъ выпускомъ работъ кружка. Какъ первый опытъ, сборникъ во всѣхъ отношеніяхъ удаченъ, и можно ожидать съ интересомъ слѣдующихъ книжекъ, а также высказать пожеланіе, чтобы примѣръ удачной организаціи молодежи для изученія Тургенева нашелъ подражаніе въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и для другихъ корифеевъ новой литературы.

Ч. В—скій.

— Мемуары графини Потоцкой. (1794—1820). Перев. съ франц. А. Н. Кудрявцевой. Петроградъ. 1915, стр. 271. Ц. 2 р.

Воспоминанія графини Потоцкой охватываютъ героическій періодъ европейской исторіи (1794—1820 г.г.) и въ значительной степени касаются политическихъ событій, разыгравшихся въ Польшѣ, во Франціи и въ тогдашней Германіи. Знатная аристократка, графиня встрѣчала на своемъ жизненномъ пути многихъ выдающихся дѣятелей того времени и имѣла возможность запросто бесѣдовать не только съ князьями и министрами, но и съ императорами Наполеономъ и Александромъ I. Умная и наблюдательная, она съ чарующей простотой передаетъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и эта простота, не лишенная изящества и граціи, дѣлаетъ ея мемуары если не захватывающимъ, то во всякомъ случаѣ увлекательнымъ чтеніемъ. На-ряду съ безыскусственностью разсказа, мемуары графини отличаются своеобразнымъ налетомъ просвѣтленной грусти, являющейся обычнымъ спутникомъ умныхъ и хорошихъ людей. Все это сочетается у нея съ легкимъ и безобиднымъ юморомъ, никогда не доходящимъ до сатирическаго бичеванія, хотя по преданіямъ графиня отличалась большимъ сарказмомъ.

Въ общемъ мемуары распадаются на пять частей. Въ первой части графиня вспоминаетъ свою юность, проведенную подъ Бѣлостокомъ. Въ заключительной главѣ ей приходится разсказывать о встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, поселившимся на время въ замкѣ ея мужа. Нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ графиней объ императорѣ, не представляютъ выдающагося интереса, но не лишены значенія для біографовъ и историковъ Александра I и прочтутся ими съ интересомъ.

Вторая часть посвящена «французамъ въ Варшавѣ» въ періодъ 1806—1807 г.г. Тутъ передъ нами проходятъ въ легкихъ очертаніяхъ фигуры Наполеона, Талейрана, Мюрата, графини Валевской и т. д. Любопытенъ разсказъ графини о томъ, какъ Наполеонъ I однажды ночью велѣлъ разбудить Талейрана для того, чтобы заставить его прочесть вслухъ только-что полученный романъ г-жи Сталь. Очевидно, по тогдашнимъ нравамъ такое обращеніе къ могущественному министру не вызывало удивленія. Чрезвычайно интересно также изреченіе Наполеона, сдѣланное имъ г-жѣ Валевской по поводу обѣщанія возстановить Польшу. «Подождите, сказалъ Наполеонъ, надо немного терпѣнія, *политическія событія не совершаются такъ быстро, какъ выигрываются сраженія; это не такъ легко и требуетъ больше времени*». Для тѣхъ, кто когда-либо изучалъ ходъ

внѣшнеполитическихъ событій, это изреченіе не можетъ не быть «глубокой истиной».

Въ третьей части, гдѣ графиня описываетъ свою поѣздку во Францію въ 1810-мъ году, читатель найдетъ интересный очеркъ французской великосвѣтской сутолоки, центромъ которой является дворъ Наполеона и Маріи-Луизы. Для историка нравовъ въ этой части найдется богатая пожива, но въ большей степени эта часть можетъ удовлетворить и запросы записныхъ читателей «беллетристической» литературы. Впрочемъ, и остальные отдѣлы книги способны доставить наслажденіе этой категоріи читателей.

Въ послѣднихъ двухъ частяхъ авторъ вновь возвращается на родину, превратившуюся вначалѣ въ Варшавское Герцогство, а потомъ въ Царство Польское. Въ послѣдней части встрѣчаются характерные эпизоды изъ жизни велик. кн. Константина Павловича и нѣсколько новыхъ штриховъ о характерѣ Александра I.

Переводъ книги сдѣланъ добросовѣстно и хорошимъ литературнымъ языкомъ. Для спеціалистовъ-историковъ отмѣтимъ, что большія выдержки изъ французскаго оригинала были помѣщены ранѣе въ «Историч. Вѣстникѣ» въ 1897 г. (IV—VI книги). Въ полномъ видѣ они появляются на русскомъ языкѣ впервые.

Р. Стрѣльцовъ.

— Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Ред. и примѣчанія Е. А. Мацкаго. Томъ I. Петроградъ. 1915. Ц. 3 р.

«Передовой боецъ славянофильства», какъ назвалъ К. С. Аксакова авторъ спеціальной о немъ монографіи С. А. Венгеровъ, досихъ поръ не удостоенъ полнаго собранія сочиненій. Когда-то подъ редакціей И. С. Аксакова начало-было оно выходить, но на протяженіи 20 лѣтъ были изданы только три тома, первый, содержащій историческія его работы, и второй и третій—филологическіе. Собраніе стихотвореній вышло только въ 1909 году, да и то далеко неполное: въ эту книжку вошло всего только 27 стихотвореній. Наконецъ, въ 1911 году было издано его «Воспоминаніе студенства». Поэтому вполнѣ понятна настоятельность полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова. Теперь племянница автора, О. Г. Аксакова, взяла на себя обязанность закончить начатое И. С. Аксаковымъ изданіе сочиненій его брата, и предъ нами I-й томъ, заключающій въ себѣ «художественныя произведенія К. С. въ стихахъ и прозѣ».

Какъ сказано въ замѣткѣ «отъ редактора» «многія произведенія его (К. С. Аксакова) появляются въ настоящемъ изданіи

впервые, иныя представлены въ болѣе полной и болѣе совершенной редакціи; подлинныя рукописи и записныя тетради дали возможность установить точную хронологію большинства произведеній и выяснить ихъ отношеніе къ опредѣленнымъ лицамъ. Всѣ особенности настоящаго изданія, касающіяся текста, какъ и разночтеній съ текстами, напечатанными раньше, указаны редакторомъ въ соотвѣтствующихъ примѣчаніяхъ, куда вошли также и тѣ дополненія и отрывки, которые не нашли себѣ мѣста въ основномъ текстѣ». Къ книгѣ приложенъ доселѣ неизданный портретъ К. С. Аксакова.

Въ предисловіи дается общая характеристика его произведеній, которая представляется мнѣ слишкомъ восторженною. Возможно, что «къ нимъ не приложимы обычныя мѣрки художественныхъ опредѣленій», но врядъ-ли «было бы несправедливо и непростительно считать ихъ только прозаическими, лишенными поэтическаго очарованія». Правда, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ «есть нѣчто, сообщающее мысли крылья мечтательнаго порыва, зажигающее чувство огнемъ неподдѣльнаго одушевленія», но должно сознаться, что это наблюдается въ очень и очень немногихъ его произведеніяхъ, и даже отъ такихъ его созданій, какъ знаменитое «Свободное слово», вѣетъ, по выраженію С. А. Венгерова, риторическимъ холодомъ.

Конечно, было бы ошибочно «сравнивать Константина Аксакова, по силѣ и качеству его дарованія, съ другими поэтами его времени. Индивидуальность К. Аксакова требуетъ особой оцѣнки: сила его не столько въ самомъ словѣ, сколько въ томъ чувствѣ, въ той искренности и страсти одушевленія, съ какою онъ произносилъ это слово». Но дѣло въ томъ, что, напечатанное, это слово утратило «страсть одушевленія» и не производитъ впечатлѣнія. Его мысли и чувства, его идеалы нашли себѣ очень наивное выраженіе, что въ большинствѣ случаевъ лишаетъ его произведенія всякаго «поэтическаго очарованія».

«Восторженныя слова К. Аксакова о величавомъ призваніи русскаго народа, по выраженію автора предисловія, пріобрѣтаютъ въ настоящее время особый смыслъ, указующій общественному сознанію дорогу не назадъ, но впередъ—къ задачамъ истиннаго національнаго возрожденія и самобытнаго строительства жизни». Къ сожалѣнію, эти восторженныя слова блѣдны, не оставляютъ глубокаго слѣда въ душѣ читателя, не дѣйствуютъ на него, ну хотя бы такъ, какъ статьи Хомякова по поводу Крымской кампаніи.

Вотъ почему врядъ ли можно думать, чтобы сочиненія К. С. Аксакова, собранныя въ изданномъ томѣ, нашли читателя-друга. Читать ихъ—удѣлъ историковъ русской литературы и русской общественной мысли.

Н. Кашинъ.

—А. А. Корниловъ. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. Москва, 1915 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Какъ ни странно, но до сихъ поръ М. Бакунинъ былъ почти забытъ историками русской общественной мысли, никто имъ всесторонне не занимался, какъ будто не учитывая ту роль, какую онъ сыгралъ въ идейномъ движеніи 30-хъ годовъ и общественномъ движеніи Западной Европы. Этотъ пробѣлъ восполняется недавно вышедшей книгой: «Молодые годы Михаила Бакунина».

Книга эта составляетъ лишь часть задуманнаго А. А. Корниловымъ труда, въ которомъ онъ собирается использовать богатый семейный архивъ, сохранившійся у Бакуниныхъ. Работа надъ архивомъ начата была съ 1904 г., и первый вышедшій въ свѣтъ томъ печатался раньше въ «Русской Мысли» съ 1909 до 1913 г.

Авторъ намѣревался дать полную картину жизни всей семьи Бакуниныхъ, такъ какъ съ нею были связаны такіе представители русской общественной мысли, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій. Въ первыхъ главахъ много мѣста отведено отцу Михаила Бакунина—Александру Михайловичу, бывшему другомъ основателей «Союза благоденствія»—Муравьевыхъ и сумѣвшему въ своей семьѣ создать уголокъ высококультурной жизни. По книгѣ Корнилова можно прослѣдить обстановку, въ которой развивался М. Бакунинъ, его воспитаніе и постепенный духовный ростъ съ того момента, какъ онъ былъ опредѣленъ въ артиллерійское училище и сталъ офицеромъ, вплоть до поѣздки его въ Берлинъ въ 1840 году, куда, какъ онъ писалъ родителямъ, влекла его «безграничная потребность знанія—потребность, составляющая коренную основу, внутреннѣйшую сущность всего моего духовнаго существованія». Передъ читателемъ проходитъ эволюція развитія Бакунина, раскрываются не только его философскіе взгляды, но указывается, какъ они создавались, анализируется даже ходъ занятій Бакунина философіей по сохранившимся конспектамъ, и онъ обрисовывается во всѣхъ перипетіяхъ своей семейной жизни. Передъ читателемъ встаетъ М. Бакунинъ такимъ, какъ характеризовалъ его Бѣлинскій: «Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что̀ перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущее начало, лежащее въ глубинѣ его духа». Экзальтированный и восторженный въ отношеніи къ сестрамъ, переживающій вмѣстѣ съ ними ихъ горести и радости, онъ принимаетъ горячее участіе въ ихъ личной жизни. Особенно интересна его борьба за «освобожденіе» одной изъ его сестеръ—Вареньки, или попросту—его участіе въ ея расхо-

жденіи съ мужемъ. Онъ потратилъ на борьбу за Вареньку массу энергіи, силъ и времени, нисколько о томъ не жалѣя, считая, очевидно, достиженіе полной побѣды въ этой борьбѣ необходимымъ не только для счастья Вареньки, но и для торжества тѣхъ абсолютныхъ принциповъ нравственности, которые онъ считалъ тогда истинными. Вся эта борьба является яркимъ эпизодомъ изъ исторіи русскаго романтизма, который овладѣлъ тогда въ Россіи мыслью молодого поколѣнія и былъ предтечею той борьбы за полную эмансипацію человѣка, той «борьбы за индивидуальность», которая началась у насъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Рядомъ съ М. Бакунинымъ выведены его сестры, воспитанныя на нѣмецкихъ романтикахъ и находившіяся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ кружкомъ Станкевича. Ихъ письма и личная жизнь интересны для характеристики душевнаго міра лучшихъ женщинъ 30-хъ годовъ такими, какими онѣ были не въ повѣстяхъ и романахъ, а въ жизни.

Особенно интересна та часть книги, въ которой характеризуются остальные члены кружка Станкевича, и тѣ страницы, въ которыхъ разсказывается объ отношеніи М. Бакунина къ Герцену и Огареву. Бѣлинскій и Станкевичъ очерчены яснѣе самого Бакунина, вѣроятно, потому, что по отношенію къ нимъ авторъ располагалъ болѣе богатымъ матеріаломъ, такъ какъ, кромѣ семейнаго архива Бакунинныхъ, авторъ пользовался собраніемъ писемъ Бѣлинскаго и Станкевича.

Книга заканчивается смертью Станкевича и отъѣздомъ М. Бакунина за границу.

А. Т.

— А. Л. Лоуэлль. „Государственный строй Англіи“, т. I. Переводъ подъ ред. Ѳ. Кокошкина, ц. 3 р.

Изданіе перевода успѣвшей стяжать себѣ міровую извѣстность книги президента харвардскаго университета можно и слѣдуетъ отъ души привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что переводъ этотъ вышелъ подъ редакціей Ѳ. Кокошкина.

Книга Лоуэлля занимаетъ своеобразное и, пожалуй, незамѣнимое мѣсто въ литературѣ англійскаго конституціоннаго права. Не будучи самой блестящей звѣздой въ плеядѣ тѣхъ классическихъ сочиненій, которыя посвящены авторами различныхъ странъ англійской конституціи, трудъ Лоуэлля все же имѣетъ неоспоримое право на вниманіе. Книга его имѣетъ преимущество современности по

сравненію съ изслѣдованіемъ Бэджгота, большей достовѣрности и живости по сравненію съ нѣмецкимъ трактатомъ Гачека, который иногда склоненъ приносить время читателя и, казалось бы, краснорѣчивый языкъ фактовъ въ жертву предвзятости своихъ идей, внимательнаго изученія политическихъ условій англійской государственной жизни въ противоположность изслѣдованію Энсона, посвященному всецѣло характеристикѣ юридическаго скелета англійской конституціи, и, наконецъ, обладаетъ тѣмъ, быть можетъ, правда, нѣсколько сомнительнымъ достоинствомъ по сравненію съ непревзойденнымъ никѣмъ, блестящимъ анализомъ «духа» англійской конституціи, сдѣланнымъ Дайси, что, не пытаясь соперничать съ нимъ въ этой области и тѣсно держась terre-à-terre, даетъ точную «фотографическую» картину функціонированія англійской конституціи. Съ признательностью слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что точность изображенія нисколько не отразилась въ сочиненіи Лоуэлля на живости изложенія.

Въ своемъ трудѣ Лоуэлль съ большимъ искусствомъ избѣгаетъ крайностей противоположныхъ методовъ Блэкстона, довольствующагося одной формальной связью юридическихъ явленій, и Сиднея Лоу, склоннаго зачастую ограничить поле своего зрѣнія изслѣдованіемъ преходящихъ условій политическаго момента. По своему методу и главное, по своей объективности, изслѣдованіе Лоуэлля болѣе всего напоминаетъ трудъ Todd'a «Parliamentary Government in England», который также было бы желательно увидѣть въ переводѣ на русскій языкъ (хотя бы въ сокращенномъ изданіи Walpol'я).

Отсылая читателя за подробностями непосредственно къ книгѣ Лоуэлля, я могу только замѣтить, что сочиненія Дайси и Лоуэлля представляютъ тотъ минимумъ, знаніе котораго обязательно для каждаго русскаго интеллигента. Каждая изъ нихъ сама по себѣ недостаточна для ознакомленія съ англійскимъ государственнымъ строемъ, но, пополненныя одна другой, онѣ сторицей вознаградятъ потраченный читателемъ на ихъ изученіе трудъ яркимъ описаніемъ «неба» и «земли» англійской конституціи. Книга Лоуэлля, правда, менѣе талантлива и блестяща, чѣмъ сочиненіе Дайси, но столь же полезна и необходима.

Б. Шацкій.

Баронъ Б. Э. Нольде. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Это—сборникъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ только историческій интересъ, тогда какъ другія касаются современныхъ со-

бытій. Таковы: «Начало великой войны», «Босфоръ и Дарданеллы», «Италія въ тройственномъ союзѣ» и «Къ исторіи англо-японскаго союза».

Первый этюдъ заслуживалъ бы перевода на иностранные языки. Это—лучшій отвѣтъ, какой можетъ быть данъ на обвиненія, направленныя императоромъ Вильгельмомъ противъ русскаго правительства. Извѣстно, что нѣмцы желаютъ возложить на насъ отвѣтственность за международное столкновеніе, уже стоившее міру милліоны жертвъ. Чтобы подтвердить этотъ взглядъ, въ Берлинѣ издана была «Бѣлая книга», заключающая въ себѣ передачу дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, и обмѣнъ телеграммъ между государями русской и германской имперій. Какъ убѣдительно доказываетъ Нольде, въ этомъ сборникѣ сознательно опущена слѣдующая телеграмма изъ Петрограда, которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ о миролюбіи нашего правительства до самаго момента присылки намъ ультиматума. Въ этой телеграммѣ значится: «Было бы правильно передать австро-сербскій конфликтъ на Гаагскую конференцію. Разсчитываю на Вашу мудрость и дружбу». Германскій императоръ не отозвался на эту телеграмму отъ 16—29 іюля, а германское правительство скрыло ее при обнародованіи остальныхъ. Когда она была оглашена въ Россіи, устами оффиціозныхъ органовъ нѣмецкой печати даны были достаточно плоскія объясненія такого умолчанія.

Весьма правильно оцѣниваетъ также авторъ поведеніе англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Эдуарда Грэя. Оно отличалось искренностью и опредѣленностью. «Предложеніе Грэя, пишетъ Нольде, было лучшимъ средствомъ мирной ликвидаціи спора. 14—27-го іюля Бэтманъ-Гольвегъ и Яговъ еще допускали возможность предложеннаго Грэемъ посредничества четырехъ державъ между Россіей и Австро-Венгріей. И въ этотъ же день германскій посолъ Лихновскій выразилъ Грэю принципіальное согласіе пойти на это посредничество. Но нѣсколько часовъ спустя настроеніе въ Берлинѣ рѣзко измѣнилось: и Гошэну, и Камбону, пришлось выслушать рѣшительный отказъ въ принятіи предложенія Грэя. Въ этой перемѣнѣ фронта, по мнѣнію Нольде, Вѣна не несетъ отвѣтственности. Она всецѣло падаетъ на берлинское правительство и въ частности на императора Вильгельма» (см. стр. 32—33).

Очень цѣнно въ этомъ отношеніи приводимое Нольде заявленіе помощника статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Циммерманна. Рѣшимость воевать обнаружилась въ Берлинѣ между 27 и 28 іюля новаго стиля. Она совпала съ возвращеніемъ императора изъ Норвежскихъ фіордовъ. Циммерманнъ сказалъ Гошэну, что рѣшеніе принято было по собственному почину кайзера (стр. 44).

Баронъ Нольде не входитъ въ разсмотрѣніе скрытыхъ причинъ, вызвавшихъ войну. Онъ держится того мнѣнія, что для этого не настало время, и полагаетъ, что, вмѣсто обмачниваго «прагматизма», слѣдуетъ ограничиться точнымъ описаніемъ всего совершившагося. Такое описаніе—первый ключъ къ исторіи. «Какъ было»—лучшее объясненіе, «почему было» (стр. 4-я). Съ этимъ, пожалуй, трудно согласиться. Но несомнѣнно, что всякое объясненіе можетъ быть болѣе или менѣе вѣроятнымъ только подъ условіемъ, если при немъ будутъ приняты въ разсчетъ малѣйшія подробности объясняемыхъ событій и если разсказъ ихъ будетъ отличаться точностью и отсутствіемъ предвзятости. Этимъ требованіямъ вполнѣ отвѣчаетъ этюдъ, написанный барономъ Нольде о началѣ великой войны. Мы, поэтому, рекомендуемъ внимательное чтеніе его одинаково русскимъ и иностранцамъ, какъ безпристрастную защиту той линіи поведенія, по которой пошло не одно русское правительство, но и его союзники.

Остается невыясненнымъ только одинъ вопросъ. Его Нольде не касается: вопросъ о времени, когда началась наша мобилизація. Этому вопросу германское правительство придаетъ, какъ извѣстно, рѣшающее значеніе. Очень было бы полезно выяснить, когда эта мобилизація стала угрожать не одной Австріи, но и Германіи. Дождемся ли мы скораго отвѣта, я не знаю. Но его можетъ дать, разумѣется, не русскій дипломатъ, а генеральный штабъ. Баронъ Нольде вполнѣ выполнилъ поставленную себѣ задачу и не уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта ни на одинъ изъ спорныхъ вопросовъ.

Максимъ Ковалевскій.

— Проф. А. А. Жижиленко. Наказаніе. Его понятіе и отличіе отъ другихъ правоохранительныхъ средствъ. Петроградъ, 1914 года, 676 стр., ц. 4 р. 50 к.

Понятіе наказанія, несмотря на то, что оно вмѣстѣ съ понятіемъ преступленія составляетъ краеугольный камень науки уголовнаго права, до сихъ поръ еще не получило общеобязательнаго значенія. До послѣдняго времени въ этотъ терминъ различными криминалистами вкладывалось далеко не одинаковое содержаніе. За послѣднее же время, въ особенности со времени возникновенія антропологической школы и послѣдовавшаго затѣмъ спора школъ—сначала классической и антропологической, позже—неоклассической во главѣ съ Биркмейеромъ, соціологической—во главѣ съ Листомъ, и «третьей» школы (Липманъ, Хиппель и Франкъ)—это разномыслiе не только не уменьшалось, но напротивъ—до крайности

возросло. Литература по вопросу о сущности наказанія, его цѣляхъ, его источникахъ и т. д. увеличилась до «безконечности»; число различныхъ теорій приняло грандіозные размѣры. Въ итогѣ къ данному моменту вопросъ этотъ принялъ крайне запутанный и сложный характеръ, и являлась необходимость въ работѣ, которая подвела бы итогъ всѣмъ безчисленнымъ спорамъ о наказаніи, безпристрастно и тщательно изложила бы положеніе дѣла, распредѣлила бы по отдѣльнымъ группамъ многочисленныя теоріи. Нельзя не порадоваться, что такая книга появилась именно въ нашей литературѣ. Говоря это, я разумѣю работу проф. А. А. Жижиленко: «Наказаніе».

Первымъ и безспорнымъ достоинствомъ этого труда является выполненіе только-что указанной задачи—подведенія итоговъ не одинъ десятокъ лѣтъ тянувшагося спора. Авторъ использовалъ почти все, что было сказано по этому вопросу, въ особенности въ нѣмецкой литературѣ, вѣрно охарактеризовалъ основныя положенія и детали главныхъ теченій, распредѣлилъ ихъ по отдѣльнымъ группамъ и этимъ внесъ порядокъ и ясность въ довольно безбрежное море литературы по данному вопросу.

Но, несмотря на всю важность, указанная задача все же задача второго порядка. Сущность и главная цѣнность рецензируемой работы въ той конструкціи понятія наказанія, которое принадлежитъ самому проф. А. А. Жижиленко. Было бы весьма важно прослѣдить здѣсь тотъ путь, которымъ послѣдовательно пришелъ авторъ къ своему понятію наказанія, но предѣлы журнальной рецензіи заставляютъ ограничиться лишь простымъ изложеніемъ сущности взглядовъ автора. Сущность или содержаніе наказанія авторъ видитъ въ возмездіи, а подъ послѣднимъ разумѣетъ—«дѣйствіе, направляющееся въ отношеніи лица, учинившаго что-нибудь, и выражающее собой оцѣнку учиненнаго» (173). По своей же внѣшней сторонѣ наказаніе не есть зло или причиненіе страданія, какъ обычно его опредѣляютъ, а одно изъ принудительныхъ средствъ правоохраны, состоящее во вторженіи въ сферу правовыхъ благъ личности и представляющее правовое послѣдствіе неправды. Соединяя указанные признаки, мы получаемъ такое родовое опредѣленіе наказанія: *„Наказаніе есть правовое послѣдствіе недозволеннаго дѣянія, состоящее во вторженіи въ сферу правовыхъ благъ виновнаго и выражающее этимъ оцѣнку учиненнаго имъ дѣянія“.*

Установивъ это родовое понятіе наказанія, проф. Жижиленко послѣдовательно выясняетъ различіе этого института отъ близкихъ къ нему и нерѣдко отождествляемыхъ съ нимъ правовыхъ явленій: мѣръ предупрежденія и пресѣченія, соціальной защиты и возмѣщенія вреда. Послѣдняя часть работы посвящена разсмотрѣнію раз-

личныхъ видовъ наказанія: государственнаго и внѣгосударственнаго, уголовнаго и гражданскаго, судебнаго и внѣсудебнаго и т. д.

На протяженіи всего изслѣдованія авторъ оперируетъ не съ одной дедукціей, но и съ матеріаломъ положительнаго права, показывая этимъ съ одной стороны фактическую обоснованность своихъ построеній, съ другой—давая описательно-освѣдомительный матеріалъ изъ соотвѣтствующей области положительнаго права.

Всматриваясь въ конструкцію наказанія, даннаго проф. Жижиленко, нельзя не отмѣтить, что онъ имѣетъ точки соприкосновенія съ каждой изъ основныхъ школъ современной уголовной науки, но и ни съ одной изъ нихъ онъ не сходится вполнѣ. Къ классикамъ—онъ приближается въ пониманіи наказанія какъ возмездія, но какъ въ опредѣленіи самого возмездія, такъ и въ различеніи цѣли наказанія отъ его содержанія—онъ рѣшительно расходится съ ними. Съ соціологами его роднитъ тезисъ—«возмездіе не есть цѣль наказанія»,—но положеніе, что наказаніе рѣзко отлично отъ мѣръ соц. защиты, что репрессія по природѣ отлична отъ превенціи, равно и рядъ иныхъ пунктовъ кладутъ грань между его системой и системой «соціологовъ». Что касается „третьей“ школы,—то послѣдняя и сама вообще пока ясно еще не высказалась на этотъ счетъ. Усматривая сущность наказанія въ возмездіи, проф. А. А. Жижиленко далекъ, однако, отъ мысли классиковъ, что наказаніе—возмездіе вѣчно. Напротивъ, онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ вымираніе возмездія. „Возможно, говоритъ онъ, что человѣчество откажется отъ возмездія, и такимъ образомъ исчезнетъ наказаніе, а на смѣну ему явятся новыя мѣры... Но эти измѣненія, поскольку они отнимаютъ у наказанія характеръ возмездія, влекутъ за собой не столько измѣненіе понятія наказанія, сколько его исчезновеніе и замѣну новыми явленіями“ (247—8).

Такова въ краткихъ чертахъ сущность работы проф. А. А Жижиленко. Если принять ту основную посылку, изъ которой онъ исходитъ, посылку, гласящую, что наказаніе принципіально отлично отъ другихъ мѣръ правоохраны и что его неотъемлемою сущностью является возмездіе, то всѣ дальнѣйшіе выводы автора будутъ обязательными. Чтобы ихъ отвергнуть — нужно отвергнуть исходную „монистическую“ посылку и замѣнить ее „плюралистическимъ“ положеніемъ, гласящимъ, что и въ наказаніи, и въ другихъ мѣрахъ правоохраны есть одинаково и элементъ возмездія, и превенціи, и соц. защиты (устраненіе, улучшеніе и т. д.), что нѣтъ наказанія, которое было бы чистымъ возмездіемъ и не имѣло бы „превентивныхъ“ элементовъ, и обратно,—нѣтъ превенціи, которая не заключала бы въ то же время и возмездія.

Возможна ли такая посылка и теорія, построенная на ней— здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ. Пока, во всякомъ случаѣ, стройной теоріи подобнаго рода мы не имѣемъ, хотя логическихъ препятствій для этого и не видно. Какъ бы то ни было, теорія проф. А. А. Жижиленко кажется намъ менѣе односторонней, болѣе полной и послѣдовательной, чѣмъ теорія любой изъ трехъ главныхъ школъ современнаго уголовнаго права.

Питиримъ Сорокинъ.

— П. Ѳ. Каптеревъ. — Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. Изданіе второе, дополненное. С.-Петербургъ. 1914.

Книга эта заключаетъ краткій очеркъ развитія довольно бѣдной, нужно признать, и по содержанію, и по практическому вліянію русской педагогической мысли. Сдвинулась съ мертвой точки эта мысль, какъ и многія другія явленія нашей жизни, въ моментъ подготовки крестьянской реформы, когда были основаны педагогическіе журналы, помѣщавшіе статьи, критиковавшія старыя педагогическія системы и ставившія школѣ задачи физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія ребенка и указывавшія цѣлесообразныя средства ихъ достиженія. Высказывавшіеся русскими писателями въ это и послѣдующее время взгляды частью составляли результатъ ихъ самостоятельной работы мысли, частью и преимущественно были повтореніемъ того, что высказывалось и практиковалось въ Германіи. Въ это время (конецъ 50-хъ — начало 60-хъ годовъ) у насъ объявились всѣ главнѣйшія направленія педагогической мысли, занимавшей общество въ послѣдующія времена. Наибольшимъ успѣхомъ пользовалось мнѣніе, что въ силу однородности задачи воспитанія у всѣхъ народовъ, задачи созданія «человѣка» въ истинномъ смыслѣ этого слова, методы его мы можемъ прямо заимствовать у передовыхъ націй. Масса примкнувшихъ къ новымъ идеямъ педагоговъ принадлежала къ этому именно направленію и слѣпо копировала нѣмецкіе образцы. Гораздо меньшимъ вниманіемъ пользовалось направленіе, проповѣдывавшее необходимость національнаго характера народнаго образованія. Первый его провозвѣстникъ, Ушинскій, слишкомъ преувеличивалъ въ своихъ статьяхъ начало народности въ воспитаніи и принижалъ начало научное. Крайность эта была смягчена Стоюнинымъ, требовавшимъ проведенія національнаго начала въ воспитаніи, какъ дополнительнаго къ общечеловѣческому. Общія идеи о задачахъ воспитанія давно болѣе или менѣе усвоены русскимъ обще-

ствомъ; и въ современной педагогической литературѣ разрабатываются, главнымъ образомъ, вопросы о пріемахъ легчайшаго достиженія этихъ задачъ. Значительнымъ вліяніемъ въ этой области пользуется у насъ идея такъ наз. свободнаго воспитанія, и эта идея высказана была въ ту же знаменательную эпоху начала нашего возрожденія.

Первымъ ея адептомъ былъ Д. И. Писаревъ, протестовавшій въ своихъ критическихъ статьяхъ противъ системы воспитанія, заключающейся въ втѣскиваніи беззащитнаго ребенка въ опредѣленныя формы, и считавшій, что воспитаніе должно быть упразднено и замѣнено простой передачей ребенку знаній, которыя при этомъ предоставлялось ему воспринимать совершенно свободно. Нѣсколько позже крайнимъ защитникомъ свободы воспитанія въ томъ же смыслѣ выступилъ Л. Н. Толстой, отвергавшій всякія программы преподаванія и подчинявшій въ данномъ отношеніи учителя ученику. Эту систему, какъ извѣстно, великій художникъ пытался примѣнять на практикѣ въ Ясной Полянѣ; но его опытъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, оказался педагогически незаконченнымъ. Въ позднѣйшее время взгляды Толстого на вопросъ измѣнились; вѣрнѣе, быть можетъ, сказать, что центръ тяжести его педагогической проповѣди былъ перенесенъ съ идеи о «свободѣ» избранія ученикомъ изъ подлежащаго преподаванію матеріала на идею о правѣ и даже обязанности преподавателя стремиться заложить въ сердце ребенка «основы вѣчныхъ религіозныхъ идей и настоящей христіанской нравственности». Выдающіеся представители идеи свободнаго воспитаніе (К. Н. Вентцель и др.) не послѣдовали, однако, въ данномъ отношеніи за своимъ учителемъ и продолжаютъ оставаться на почвѣ отрицанія начала авторитета въ воспитаніи (допуская лишь косвенное вліяніе на ребенка) и признанія за личностью воспитываемаго права въ усвоеніи изъ предлагаемаго ему того, что̀ ему желательно. Имѣются—и не совсѣмъ не удачные—опыты примѣненія этой системы воспитанія на практикѣ.

Изложивъ въ исторической послѣдовательности общіе педагогическіе взгляды русскихъ педагоговъ, П. К. Каптеревъ переходитъ въ своей книгѣ къ изложенію ихъ мнѣній по нѣкоторымъ болѣе частнымъ и конкретнымъ вопросамъ, какъ, напр., вопросъ о соотношеніи умственнаго и нравственнаго элементовъ въ воспитаніи, объ общемъ и спеціальномъ образованіи и т. д., и даетъ очеркъ развитія и дѣятельности родительскихъ комитетовъ при средней школѣ. Авторъ не ограничивается простой передачей чужихъ взглядовъ, а сопровождаетъ ихъ критикой и изложеніемъ собственныхъ воззрѣній, внося такимъ образомъ и свой вкладъ въ дѣло развитія педагогическихъ идей въ на-

шемъ обществѣ. При томъ интересѣ, какой не можетъ не питать русскій человѣкъ къ задачамъ и пріемамъ воспитанія молодыхъ поколѣній, книгѣ г. Каптерева естественно привлечь къ себѣ вниманіе далеко не однихъ только педагоговъ.

В. В.

— С. П. Покровскій. Всеобщая исторія права и ея значеніе въ системѣ юридическаго образованія. Ярославль. 1914.

Среди нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ цѣли правовѣдѣнія, особое положеніе занимаетъ Демидовскій юридическій лицей: въ числѣ своихъ каѳедръ онъ имѣетъ одну весьма въ научномъ отношеніи важную, но чуждую юридическимъ факультетамъ университетовъ каѳедру—каѳедру всеобщей исторіи права. Поименованная брошюра—есть вступительная лекція по предмету этой каѳедры, читанная проф. С. П. Покровскимъ въ 1913/14 академическомъ году.

Вполнѣ понятно, что авторъ открываетъ свою рѣчь вопросомъ: почему одинъ Демидовскій лицей располагаетъ каѳедрой всеобщей исторіи права? Есть ли это пробѣлъ устава или удержаніе названнаго предмета въ кругѣ преподаваемыхъ дисциплинъ имѣетъ свой опредѣленный raison d'être? Другими словами, каково значеніе всеобщей исторіи права въ системѣ юридическаго образованія? «Для болѣе правильнаго рѣшенія поставленнаго нами вопроса, пишетъ проф. Покровскій, необходимо имѣть въ виду задачи, которыя ставитъ себѣ всеобщая исторія права. Эта послѣдняя, продолжаетъ согласно съ Колеромъ авторъ, изслѣдуетъ право, какъ продуктъ исторіи, какъ продуктъ человѣческой духовной жизни въ различныя эпохи, при условіяхъ, при которыхъ вообще можетъ проявиться и развиваться духовная жизнь человѣческая... Ея задача сводится къ тому, чтобы показать историческое развитіе права и притомъ показать это развитіе въ связи съ исторіей культуры» (стр. 6—7). «Всеобщая исторія права занимается не столько отдѣльными правовыми институтами, сколько путемъ ихъ противоположенія стремится къ установленію ихъ взаимной связи и связи со всѣми другими сторонами культурной жизни народа» (22). Ея предметъ—исторія права, какъ часть всеобщей исторіи, ея средства познанія—всѣ являющіяся доступными, средство изслѣдованія—историко-сравнительный методъ (7). Далѣе авторъ обращается къ своей прямой задачѣ. Но, чтобы яснѣе показать и лучше оцѣнить роль всеобщей исторіи права въ ея важнѣйшей сферѣ—сферѣ выработки правового міросозерцанія современнаго юриста, онъ дѣлаетъ экскурсъ въ область исторіи

идей. Обзоръ начинается съ XV вѣка, со времени появленія центровъ университетской образованности и широкой рецепціи и вліянія римскаго права. Затѣмъ [авторъ обращается къ XVII и XVIII столѣтіямъ—эпохѣ естественнаго права съ его крайнимъ раціонализмомъ и далѣе—къ XIX «вѣку исторіи»—къ исторической школѣ и, послѣдовательно къ теоріямъ, исправившимъ и углубившимъ ея принципы: къ ученіямъ Фейербаха, Тибо, Гегеля, Ганса, Конта и Спенсера, благодаря которымъ универсальная исторія права постепенно достигла полной согласованности съ обще-философскимъ міросозерцаніемъ и въ которыхъ она получила прочный оплотъ для своего существованія и развитія. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства въ связи съ внутренними качествами науки становится ясной и роль всеобщей исторіи права въ развитіи правового міросозерцанія юриста. «Она способствуетъ ему и лучше понимать тѣ правовые институты, которые стоятъ на очереди, лучше понять тѣ условія, при какихъ они могутъ быть восприняты»... Она сообщаетъ его взгляду широту, и, чуждая формализма чисто юридическаго изслѣдованія, «служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ догматическому изученію права». За всѣмъ этимъ она несетъ въ себѣ идеалы совершенствованія и прогресса (18—23).

Далѣе авторъ касается значенія всеобщей исторіи права и въ другихъ болѣе частныхъ областяхъ: для исторіи національнаго и въ частности русскаго права, гдѣ она «является какъ бы компасомъ, который направляетъ работу историка національнаго права на правильный путь» (27); для обычнаго права и внутренней политики, гдѣ значеніе это еще болѣе усиливается въ силу соприкосновенія съ методомъ переживаній; наконецъ, для всей совокупности юридическихъ дисциплинъ, въ отношеніи которыхъ всеобщая исторія права «занимаетъ какъ бы междувѣдомственное положеніе» (43), преслѣдуя при преподаваніи ихъ пропедевтически вспомогательныя цѣли и сообщая знаніямъ изучающаго отдѣльныя вѣтви правовѣдѣнія законченность и гармоничность.

Б. П. Ивановъ.

— Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. XXI томъ. Сборникъ Харьковскаго Историко Филологическаго Общества. Харьковъ. 1913—1914. Цѣна 5 р.

Настоящій сборникъ изданъ по поводу тридцатилѣтія научно-преподавательской дѣятельности харьковскаго профессора В. П. Бузескула. Юбилей этотъ состоялся еще 4 декабря 1911 года, но появленіе сборника было задержано сперва кончиною предсѣдателя редак-

ціоннаго комитета, проф. С. В. Соловьева, и затѣмъ другими обстоятельствами. Сборникъ открывается нѣсколькими адресами, характеристикою дѣятельности В. П. Бузескула, какъ историка античнаго міра, и спискомъ его печатныхъ трудовъ. Большая часть статей, составившихъ сборникъ, посвящена учениками юбиляра частнымъ и общимъ вопросамъ исторіи и литературы античнаго міра и носитъ весьма опеціальный характеръ. Для болѣе широкой публики представляютъ интересъ статьи, касающіяся методологическихъ вопросовъ, напр. И. Бороздинъ—«о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи». Но, на-ряду съ античнымъ міромъ, въ сборникѣ затронуты и исторія новаго времени, напр. статья Н. И. Карѣева о парижскомъ возстаніи 13 вандемьера IV года, а также и русская исторія и русская литература. Отмѣтимъ замѣтки: В. И. Саввы—«Нѣсколько случаевъ изученія иностранныхъ языковъ русскими людьми во второй половинѣ 16 вѣка», Е. Трифильева—«Къ біографіи Карамзина», Н. Сумцова—«Слово о бездождіи». По новой русской литературѣ имѣются замѣтки А. А. Мазона—«Страничка изъ исторіи русской цензуры въ концѣ 50-хъ годовъ» (довольно курьезная исторія о томъ, какъ искалъ мѣста цензора писатель сороковыхъ годовъ баронъ Розенъ, человѣкъ по оффиціальному отзыву всегда крайне сдержаннаго Гончарова—«совершенно полоумный») и А. Кракова «Лермонтовъ и античность». Довольно обстоятельна статья Н. Кнорринга—«Міросозерцаніе гр. А. К. Толстого». Статья носитъ подзаголовокъ «Къ характеристикѣ общественныхъ типовъ семидесятыхъ годовъ». «Толстой представляетъ изъ себя—заключаетъ авторъ:—одного изъ типичныхъ обывателей 70-хъ годовъ, просвѣщеннаго, кристально честнаго, либеральнаго, но наивнаго и добродушнаго въ своемъ либерализмѣ. Въ партійномъ отношеніи онъ былъ дикимъ, но эта дикость вытекала у него не столько изъ теоретическаго непониманія дѣйствительности, сколько изъ органическаго отвращенія къ ней. Будучи органическимъ сторонникомъ просвѣщенныхъ идей (въ статьѣ, стр. 534, ошибочно напечатано: «людей»), Толстой не зналъ, что съ ними дѣлать въ жизни, которая его пугала своею сложностью и разнообразіемъ общественнаго настроенія. Онъ не былъ служакой, но онъ былъ воспитанникомъ той государственной школы запоздалаго просвѣщеннаго абсолютизма, которая, мысленно сознавая правду, боялась съ ней встрѣтиться въ дѣйствительности. Толстой не былъ двуличенъ, но у него въ натурѣ былъ роковой недостатокъ—страхъ предъ призраками дѣйствительности, особенно замѣтный и не прощаемый въ эпоху общественнаго пробужденія». Соглашаясь съ этой характеристикой, мы бы возразили только противъ пріуроченія людей этого типа именно къ семидесятымъ годамъ. Источники этихъ настроеній Толстого лежали хронологически

гораздо дальше, въ сороковыхъ—пятидесятыхъ годахъ. Толстой былъ однимъ изъ тѣхъ «отцовъ» шестидесятыхъ годовъ, которые не узнавали своихъ «дѣтей» и боролись съ вѣяніями времени, какъ съ вѣтряными мельницами.—При крайнемъ разнообразіи содержанія сборника (въ немъ приняли участіе до 50 авторовъ), въ немъ улавливается и нѣчто общее, именно духъ пониманія всемірной культуры, какъ живого цѣлаго, проникающій собою и всѣ работы почтеннаго профессора, въ честь котораго изданъ сборникъ.

— Восточный сборникъ въ честь А. Н. Веселовскаго. Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ вост. языковъ. Выпускъ XIII. М. 1914 г. Ц. 3 р.

Знакомство съ восточными литературами весьма мало распространено въ русскомъ обществѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть въ виду тѣсной связи жизни Россіи съ Востокомъ. Выходъ сборниковъ, подобныхъ настоящему (вызванъ семидесятилѣтіемъ со дня рожденія почетнаго академика Алексѣя Николаевича Веселовскаго), даетъ возможность и широкой публикѣ нѣсколько ознакомиться съ тѣмъ, что происходитъ въ области этихъ спеціальныхъ изученій и новыхъ восточныхъ литературъ. Въ сборникѣ кое-что весьма спеціально и слишкомъ далеко отъ насъ, чтобъ непосредственно увлечь современнаго читателя. Образцы старинной доисламской арабской поэзіи или арабскихъ поэтовъ X вѣка, тѣмъ не менѣе, даютъ понятіе о богатствѣ этой литературы; въ хорошихъ поэтическихъ переводахъ (даны большей частью прозаическіе) они были бы умѣстны въ хрестоматіяхъ. Довольно много мѣста отведено старой персидской литературѣ, и прежде всего данъ переводъ изъ книги Фирдуси: «Ростемъ и Сохрабъ». Это не что иное, какъ «Рустемъ и Зорабъ», всѣмъ извѣстные по обработкѣ Рюккерта и Жуковскаго, которые значительно амплифицировали подлинный текстъ вставкою множества ими измышленныхъ деталей. Подлинный Фирдуси, или Фирдовсій, какъ пишетъ новый переводчикъ, г. С. И. Соколовъ, оказывается много проще, но иногда и выразительнѣе, нежели его передѣлки. Однако, самый переводъ (шестистопными ямбами съ постоянной цезурой послѣ третьей стопы) тяжеловатъ и ни въ какое сравненіе не можетъ идти со стихомъ Жуковскаго.—Значительный интересъ представляетъ вторая часть сборника, посвященная живымъ восточнымъ литературамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ—по крайней мѣрѣ, представленныя въ сборникѣ—развиваются теперь, на пространствѣ Россіи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ русской литературы. Письмо Татьяны къ Онѣгину, въ переводѣ казакъ-киргизскаго поэта Абая Кунанбаева (1845—1905), поется

въ киргизскихъ степяхъ; онъ же переводилъ басни Крылова, а увлеченъ онъ былъ русской литературой вслѣдствіе знакомства въ 80-хъ годахъ съ русскими политическими ссыльными. Подъ тѣмъ же русскимъ вліяніемъ пишетъ на родномъ языкѣ поэтъ и беллетристъ, киргизъ М. Я. Дулатовъ. Въ новой татарской литературѣ то же самое. Положившій ей основаніе, беллетристъ М. Г. Исхаковъ (род. 1878 г.) признаетъ себя ученикомъ Тургенева и Льва Толстого, а изъ иностранныхъ—Кнута Гамсуна, Мопассана и О. Уайльда; поэтъ Абдулла Тукаевъ (1886—1913) слагался подъ большимъ вліяніемъ Пушкина и Лермонтова, изъ которыхъ усердно переводилъ на родной языкъ; драматургъ же Неджефъ бекъ Везировъ пользуется репутаціей мусульманскаго Островскаго. Образцы творчества названныхъ киргизскихъ и татарскихъ писателей, приведенные въ сборникѣ, очень любопытны уже тѣмъ, что даютъ возможность русскому читателю заглянуть въ чуждый и по тому одному интересный бытъ. — Столь же любопытны и образцы новѣйшей османской беллетристики и поэзіи, представленной современными турецкими писателями М. Наджи, М. Эминомъ и др.—Далѣе мадьярская поэзія представлена въ сборникѣ стихотворными переводами Ѳ. Корша изъ Александра Петефи и Ивана Араня. Отведено мѣсто и армянской литературѣ, изъ которой дано два очерка, посвященныхъ V вѣку, и помѣщенъ переводъ большого отрывка изъ «Ранъ Арменіи» Х. Абовяна, перваго армянскаго писателя, который сталъ писать на новомъ народномъ языкѣ. Наконецъ, дано по два отрывка, представляющихъ новѣйшую грузинскую и еврейскую литературу.—Сборникъ изданъ подъ редакціей г. Вл. Гордлевскаго. Къ нему приложенъ фототипическій портретъ А. Н. Веселовскаго. Редакторъ оговаривается, что обзоръ трудовъ А. Н. Веселовскаго, выясненіе значенія его въ исторіи русской науки обойдены въ данномъ сборникѣ молчаніемъ: эту задачу беретъ на себя другой юбилейный сборникъ, пока не вышедшій въ свѣтъ.

Ч. В—скій.

— С. А. Павловичъ. Простѣйшія работы по изготовленію зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій въ школѣ и дома. Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руководителей занятіями по естествознанію и ручному труду. Петроградъ. 1915. Ц. 1 р. 30 к.

Изученіе Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи сдѣлало за послѣдніе годы громадные успѣхи. Въ цѣломъ рядѣ городовъ основываются общества любителей природы и естествознанія,

ставящія своей задачей изслѣдованіе входящей въ районъ дѣятельности общества мѣстности, открываются областные музеи и учреждаются спеціальные и популярные курсы по разнымъ отраслямъ естествознанія. Разсматриваемое руководство по изготовленію зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій является какъ нельзя болѣе кстати. Литературу по вопросу о коллекціонированіи на русскомъ языкѣ, правда, нельзя назвать слишкомъ бѣдной. Въ послѣднее время появилось въ этой области довольно много руководствъ, какъ спеціальныхъ, такъ и популярныхъ, но книга г. Павловича выдѣляется изъ всей литературы вопроса методомъ изложенія и своимъ спеціальнымъ назначеніемъ. «Задавшись цѣлью дать элементарное руководство по техникѣ собиранія и монтировкѣ коллекцій», авторъ указываетъ далѣе, что описываемые имъ методы изготовленія коллекцій «представляютъ собой сочетаніе практическихъ занятій по естествознанію съ работами по школьному ручному труду, съ введеніемъ, если нужно, тѣхъ же элементовъ столярнаго и картонажнаго дѣла». Отсюда слѣдуетъ и различіе разсматриваемаго руководства отъ большинства другихъ въ той же области—въ то время, какъ другія руководства обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, на спеціальные методы коллекціонированія, предполагая наличность всего необходимаго матеріала для коллекцій уже въ готовомъ видѣ, книга Павловича ставитъ своей задачей научить читателя самому изготовлять всѣ принадлежности, нужныя для изготовленія и монтировки коллекцій, исходя изъ сырого матеріала.

Авторъ начинаетъ съ подробнаго описанія соотвѣтствующихъ инструментовъ, пріемовъ работъ съ картономъ, деревомъ, бумагою и стекломъ, необходимой посуды и консервирующихъ растворовъ и спеціальныхъ вспомогательныхъ приборовъ для собиранія коллекціоннаго матеріала. Далѣе, описываются способы ловли и консервированія животныхъ и собиранія и сушки растеній. Двѣ послѣднихъ главы посвящены методамъ обработки собраннаго матеріала и обстоятельному описанію изготовленія коллекцій (работъ по составленію музея).

Изложеніе во всѣхъ отдѣлахъ самое популярное. Масса рисунковъ, представляющихъ послѣдовательный ходъ описываемыхъ работъ, значительно облегчаетъ пониманіе текста (рисунки указываютъ, напр., положенія рукъ работающаго. отдѣльныя стадіи приготовленія препарата и проч.). Издана книга хорошо и цѣну ея нельзя назвать высокой.

Н. Сумъ.

— В. Мольденгауеръ. Въ хвойномъ лѣсу. Разсказы молодого натуралиста. Съ 37 рис. худ. О. Клевера. СПБ. 1914 г. Ц. 65 к.—Онъ же. Въ лиственномъ лѣсу. Петроградъ, 1914 г. Ц. 75 к.

Педагогической практикой въ настоящее время вполнѣ установлено громадное значеніе естественно-историческихъ экскурсій съ общеобразовательной точки зрѣнія и какъ пособія при преподаваніи естественныхъ наукъ въ школахъ. Но по самому ходу занятій въ школѣ, лучшее время для экскурсій—лѣто—остается, въ большинствѣ случаевъ, совершенно неиспользованнымъ. Родители и воспитатели дѣтей, даже и при желаніи организовать экскурсіи, сплошь и рядомъ оказываются здѣсь совершенно несостоятельными, за недостаткомъ необходимыхъ знаній. Книга Мольденгауера можетъ не только заинтересовать дѣтей, но и принести огромную пользу всѣмъ интересующимся устройствомъ экскурсій. Въ очень доступной формѣ—бесѣдъ руководителя экскурсіи съ дѣтьми—дается общая картина жизни хвойнаго лѣса. Кромѣ свѣдѣній о характерѣ самаго лѣса, условіяхъ его произрастанія, біологическихъ особенностяхъ отдѣльныхъ, составляющихъ его древесныхъ породъ, описывается жизнь животныхъ, населяющихъ лѣсъ—лося, ежа, птицъ, насѣкомыхъ и проч. Вмѣстѣ съ біологическими особенностями каждаго дерева, цвѣтка и животнаго сообщается много практическихъ свѣдѣній по производству наблюденій, по составленію коллекцій, гербаризаціи и т. д. Всѣ сообщаемые факты изложены въ извѣстной послѣдовательности, такъ что у читателя, мало-по-малу, составляется общій планъ веденія экскурсіи. Изложеніе самое популярное, вполнѣ доступное пониманію дѣтей (въ возрастѣ 10 — 12 лѣтъ), для которыхъ книга можетъ служить хорошимъ справочникомъ. Весьма удачной слѣдуетъ признать мысль автора придать собранію дѣтей, участвующихъ въ описываемой имъ экскурсіи, характеръ общества юныхъ натуралистовъ, ставящаго себѣ задачей ознакомленіе съ природой въ окрестностяхъ дачнаго поселка.

Характеръ книги: «Въ лиственномъ лѣсу» совершенно тотъ же, что и книги: «Въ хвойномъ лѣсу». Здѣсь также дается читателю полная картина жизни лиственнаго лѣса и молодыхъ порослей. Кромѣ подробнаго описанія условій произрастанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей лиственныхъ деревьевъ—березы, рябины, осины, авторъ останавливаетъ вниманіе читателя на общихъ вопросахъ—смѣна лиственнаго лѣса хвойнымъ, соотношенія между древесными породами и кустарниками (подлѣсокъ), при чемъ вездѣ указываются біологическія условія, направляющія или обусловливающія то или другое явленіе. Попутно дается масса свѣдѣній объ образѣ

жизни цѣлаго ряда животныхъ—населяющихъ лиственный лѣсъ—кукушки, скворца, зайца, гадюки и проч. Огромный матеріалъ этой книги усваивается весьма легко — изложеніе самое популярное, а главное—чувствуется большая любовь автора къ описываемымъ имъ предметамъ. Книга можетъ быть полезной и для взрослыхъ, желающихъ заняться организаціей дѣтскихъ экскурсій, естественно-историческаго характера. Въ концѣ книги приложенъ списокъ литературы, популярной и болѣе спеціальной, по всѣмъ затронутымъ въ ней вопросамъ—дендрологіи, опредѣленію растеній, по біологіи птицъ, насѣкомыхъ и пр.

Н. С.

— М. Г. Диканскій. Постройка городовъ, ихъ планъ и красота. Петроградъ. 1915.

Несмотря на то, что указанная въ заголовкѣ этой замѣтки книга М. Г. Диканскаго (о другомъ его трудѣ въ общемъ на ту же тему была въ свое время рѣчь въ «В. Е.») трактуетъ о такомъ, казалось бы, спеціальномъ предметѣ, какъ планировка городовъ—она будетъ прочитана съ живѣйшимъ интересомъ обитателями нашихъ крупныхъ центровъ, испытывающими всѣ неудобства скученности въ нихъ населенія и безпорядочности ихъ застройки. Общій интересъ возбуждаетъ разсматриваемая здѣсь книга, потому что злободневные вопросы городского строительнаго благоустройства разсматриваются въ ней не съ спеціально-технической или хозяйственной стороны, а съ точки зрѣнія общегигіенической и эстетической,—близкихъ и легко понятныхъ всякому образованному человѣку. Г. Диканскій разсматриваетъ, объясняетъ исторически и коммерчески и оцѣниваетъ въ своемъ трудѣ существующія въ Европѣ системы планировки города со стороны взаимнаго расположенія улицъ, отношенія застроеннаго пространства къ свободному, использованія свободныхъ пространствъ для площадей, бульваровъ, садовъ, парковъ и т. п., и системы, предлагаемыя разными лицами и вводимыя нѣкоторыми городами въ видахъ оздоровленія, украшенія города и т. п. Онъ описываетъ затѣмъ системы застройки улицъ—существующія и предлагаемыя съ тѣми же цѣлями,—регулированіе застройки со стороны муниципалитетовъ, борьбу съ многоэтажными зданіями въ Западной Европѣ и т. д. Особыя главы посвящены въ книгѣ г. Диканскаго вопросамъ эстетики при устройствѣ городовъ и тѣмъ проектамъ идеальныхъ городовъ-садовъ, которые предлагаются (и частью осуществляются въ натурѣ) въ послѣднее время,

преимущественно въ Англіи. И такъ какъ всѣ планы усовершенствованія городского строительства основываются на началѣ разрѣженія населенія, т.-е. на началѣ ограниченія роста городовъ въ высь и распространенія ихъ въ ширь (требующаго отведенія подъ города бо̀льшихъ и бо̀льшихъ площадей земли), то авторъ не обошелъ въ своей книгѣ и вопроса о томъ, какое вліяніе можетъ оказать это обстоятельство на высоту квартирныхъ платъ, имѣя въ виду, что увеличеніе домовъ вверхъ требуетъ затраты капитала лишь на возведеніе новыхъ этажей, а распространеніе городовъ въ ширь связано еще съ расходомъ на пріобрѣтеніе земли. Въ заключеніе нашей замѣтки укажемъ, что нѣкоторая доля вниманія отводится въ книгѣ г. Диканскаго русскимъ городамъ. Книга эта издана очень хорошо и излагаемое въ ней иллюстрируется множествомъ рисунковъ, плановъ и т. п.

— Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губ. Ставропольскій уѣздъ. Выпускъ I.

Это изданіе самарскаго земства, составляющее одинъ изъ множества томовъ мѣстныхъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства обширнаго нашего отечества, заслуживаетъ особаго вниманія своей попыткой тщательнѣе разработать вопросъ о такъ называемой дифференціаціи крестьянства и точнѣе опредѣлить степень развитія дифференціаціи территоріальной, подъ которой авторъ соотвѣтствующей статьи въ сборникѣ, Гр. Баскинъ, понимаетъ различія крестьянъ (въ отношеніи площадей ихъ посѣва), проистекающія изъ неодинаковаго обезпеченія ихъ землею. При обычномъ трактованіи даннаго предмета—когда раздѣленію по признакамъ дифференціаціи подвергается вся совокупность крестьянскихъ хозяйствъ уѣзда, безъ какихъ-либо предварительныхъ ихъ подраздѣленій—крестьяне, сѣющіе много, потому что находятся въ благопріятныхъ земельныхъ условіяхъ, попадаютъ въ одну группу съ хозяевами, достигшими высшаго въ данномъ отношеніи положенія, несмотря на неблагопріятныя условія, съ хозяевами, выдвинувшимися надъ окружающей средой, и представляющими поэтому зачатки высшей соціальной группы—и вмѣстѣ съ ними заносятся на счетъ соціальной дифференціаціи. Для предупрежденія такого смѣшенія различныхъ въ соціальномъ отношеніи фактовъ, разсматриваемое нами изданіе, составляя комбинаціонныя таблицы крестьянскаго хозяйства, группировало по различнымъ признакамъ не всю совокупность крестьянскихъ хозяйствъ уѣзда, какъ одно цѣлое, а три группы хозяйствъ,

принадлежащія тремъ группамъ общинъ, различающимся по величинѣ средняго посѣва на хозяйство, т.-е. оно начинало построеніе комбинаціонныхъ таблицъ подраздѣленіемъ на площади посѣва не индивидуальныхъ хозяйствъ, а цѣлыхъ общинъ; и изслѣдованіе различія крестьянъ въ хозяйственно-имущественномъ отношеніи производится въ данномъ изданіи въ границахъ каждой группы общинъ (однородной, какъ указано выше, по признаку средняго посѣва на домохозяина) въ отдѣльности. Такое изслѣдованіе показало, что соціальная дифференціація крестьянства выражена гораздо слабѣе, чѣмъ это можно заключить на основаніи гуртовыхъ, такъ сказать, уѣздныхъ данныхъ. Примѣненный въ разсматриваемомъ изданіи методъ не составляетъ безусловно лучшаго средства выясненія вопроса о дифференціаціи крестьянства, которое слѣдовало бы примѣнять во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ. Статистическіе методы изслѣдованій даннаго сложнаго явленія должны болѣе и болѣе углублять вопросъ, а комбинаціонныя таблицы открываютъ возможность производить изслѣдованіе во всевозможныхъ направленіяхъ. И намъ кажется, напримѣръ, что внесеніе въ комбинацію признака величины надѣла (по общинамъ) и наличности арендnаго фонда,—какъ важнаго источника крестьянскихъ посѣвовъ—дало бы въ свою очередь кое-что для уясненія соціальной стороны процессовъ эволюціи крестьянскаго хозяйства.

В. В.

—Norman Angell. Prussianism and its Destruction. London. 1914.

Книга эта посвящена самому злободневному вопросу: «разрушенію пруссачества»; но подходитъ авторъ къ этому вопросу не съ обыденной стороны. Съ отличающею его объективностью и глубиною мысли, выразившимися такъ ярко въ его выдающейся книгѣ «The great Illusion», авторъ и тутъ, отвергая всѣ ходячія банальности, занимаетъ совершенно оригинальную позицію, вдали отъ «компактнаго большинства».—Борьбу съ пруссачествомъ этотъ оригинальный англійскій публицистъ рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ начать... съ самихъ себя, съ собственной родины, также, по его мнѣнію, отнюдь не свободной отъ того же зла. Онъ напоминаетъ и доказываетъ, что милитаризмъ имѣетъ много сторонниковъ также въ Англіи, что, далѣе, въ популярныхъ нынѣшнихъ англійскихъ лозунгахъ дня ярко отражается... «прусскій духъ». Самый популярный и самый яркій изъ этихъ лозунговъ требуетъ «полнаго разгрома Германіи». И авторъ показываетъ, что осуществленіе этого лозунга только привело бы къ небывалому расцвѣту

«пруссачества» и милитаризма въ другихъ странахъ... Дѣйствительно, уничтожить германскій народъ невозможно, разрѣзать его на части, какъ сто лѣтъ тому назадъ Польшу,—также. А если бы послѣднее и было возможно, то не означало ли бы это *пруссификацію* тѣхъ странъ, къ которымъ германскія области были бы насильно присоединены? И не означало ли бы это подготовленія новой, всеевропейской войны?—Какъ бы мы ни довѣряли нашимъ нынѣшнимъ союзникамъ, говоритъ далѣе авторъ, нельзя забывать, что и тутъ, какъ повсюду (если не болѣе, чѣмъ повсюду), ничего нѣтъ вѣчнаго подъ луною. Нѣтъ вѣчной любви, нѣтъ вѣчной дружбы и—нѣтъ вѣчнаго солнца... Надо поэтому искать другой, болѣе прочной основы для будущихъ международныхъ отношеній. А основой можетъ служить только нѣчто *созидающее*. Международныя отношенія должны быть построены на основѣ права и справедливости, и освобождены отъ шовинизма во всѣхъ формахъ и видахъ—«прусскаго, и—антипрусскаго». И авторъ снова призываетъ общественное мнѣніе Англіи и всего цивилизованнаго міра къ тому, къ чему онъ призывалъ задолго до этой ужасной войны въ своемъ извѣстномъ трудѣ «The great Illusion», т.-е. проникнуться мыслью, понять, что милитаризмъ не только большое зло, но также глубокое заблужденіе, «великая иллюзія», что онъ не миръ охраняетъ, а подготовляетъ войну, и что война есть самое *невыгодное* изъ всѣхъ возможныхъ предпріятій, разорительное не только для побѣжденныхъ, но также и для побѣдителей.

Р. Б.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Женскій сборникъ. Въ пользу ялтинскаго попечительства о пріѣзжихъ больныхъ и больныхъ туберкулезомъ изъ дѣйствующей арміи. Москва, 1915. Стр. 148. Ц. 1 р.

Этотъ благотворительный сборникъ, въ которомъ собраны стихотворенія и беллетристическіе наброски двухъ десятковъ авторовъ-женщинъ, вѣроятно, быстро разойдется. Здѣсь находимъ имена, между прочимъ, Л. Авиловой, Х. Алчевской, З. Гиппіусъ, В. Микуличъ, А. Стернъ, Т. Щепкиной-Куперникъ и др. Нѣкоторый историко-литературный интересъ представляютъ воспоминанія артистки М. Г. Савиной о ея встрѣчахъ съ Тургеневымъ и статейка Т. Сухотиной-Толстой объ одной изъ обитательницъ Ясной Поляны, неизмѣнномъ другѣ знаменитой усадьбы, Агаѳьѣ Михайловнѣ.

Временникъ Пушкинскаго Дома. 1914. Петроградъ. Цѣна не обозначена.

Въ „Пушкинскій Домъ“ начинаютъ все обильнѣе стекаться разнообразнѣйшіе матеріалы для исторіи новой русской литературы. Второй выпускъ „Временника“ изданъ по болѣе расширенной программѣ, нежели первый, заключавшій только описи документовъ. „Временникъ“ превращается теперь въ сборникъ, заключающій, кромѣ перечней, также и копіи неопубликованныхъ еще памятниковъ русской словесности XIX вѣка съ соотвѣтствующимъ къ нимъ комментаріемъ. Кромѣ нѣсколькихъ портретовъ, факсимиле писемъ и рукописей и т. п., во второмъ выпускѣ даны: неизданные матеріалы къ исторіи сношеній Гоголя съ Погодинымъ, съ комментаріемъ Е. Казановича; письмо Гоголя къ Николаю I, съ замѣткой М. Гофмана и рядъ писемъ Гончарова, комментированныхъ Б. Модзалевскимъ. Приложенъ и указатель именъ. Спеціалисты и любители исторіи литературы вполнѣ оцѣнятъ это полезное, изящное изданіе.

Общество изданія трудовъ слушателей Московскаго городскаго университета имени Шанявского. Научные бюллетени. Выпускъ I. 1914. Стр. 8 + + 233. Ц. 80 к.

Университетъ имени Шанявскаго въ Москвѣ, первый вольный русскій университетъ, представляетъ быстро растущее и развивающееся учрежденіе, обѣщающее въ будущемъ обильные и разнообразные плоды. „Научные бюллетени“ имѣютъ цѣлью ознакомить болѣе широкіе круги читателей съ результатами научной работы слушателей. Помѣщенные въ первомъ выпускѣ сборника на первомъ мѣстѣ доклады, читанные нѣкоторыми слушателями въ семинаріяхъ университета, говорятъ о серьезномъ характерѣ ихъ работы. Второй отдѣлъ сборника посвященъ характеристикѣ самыхъ этихъ семинаріевъ, поставленныхъ видимо съ любовью и вниманіемъ къ потребностямъ и уровню слушателей. Третій отдѣлъ посвящается задачамъ и нуждамъ вольнаго университета въ цѣломъ. Статья г. Ногтева объ объединеніи „шанявцевъ“ мечтаетъ о широкой и плодотворной работѣ ихъ, о завоеваніи ими самостоятельнаго мѣста и роли и въ наукѣ, и въ общественной работѣ. Книга издана изящно и дешево на средства Н. А. Шахова.

Петрарка. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Переводъ М. Гершензона и Вяч. Иванова. Москва, 1915. Стр. 273. Ц. 2 р. 25 к.

Петрарку русскій читатель знаетъ по переводамъ, случайнымъ и неполнымъ, его сонетовъ и по наслышкѣ изъ вторыхъ рукъ, изъ руководствъ и обзоровъ по исторіи литературы и въ частности литературы воз-

рожденія. Книга, редактированная г. Гершензономъ, даетъ, кромѣ нѣкоторыхъ произведеній Петрарки, обстоятельную характеристику его, является поэтому цѣнной, какъ въ ряду „Памятниковъ міровой литературы“, такъ и вообще среди переводной литературы, все еще бѣдной хорошими переводами классиковъ. Редакторъ имѣлъ цѣлью главнымъ образомъ представить Петрарку, какъ человѣка, носившаго въ груди своей вѣчно тревожныя „человѣческія, слишкомъ человѣческія“ начала, противорѣчивыя, но вѣчно живыя. Въ нихъ онъ кажется г. Гершензону „осязательно-современнымъ“ намъ, „кровно родственнымъ“ нашему вѣку. Съ этой точки зрѣнія и сдѣланъ выборъ его произведеній для перевода, начиная съ автобіографіи. Но въ ней голосъ Петрарки звучитъ, хотя и понятно намъ, но все же это лишь голосъ прошлаго, отголосокъ Экклезіаста и т. д. Переводъ статей Петрарки читается гладко. Нельзя сказать того же о сонетахъ, въ переводѣ Вяч. Иванова, показавшемся намъ тяжеловатымъ.

Ч. В—окій.

Къ разрѣшенію вопроса о виноградномъ винѣ и пивѣ. Москва, 1915.

Это открытое письмо противоалкогольныхъ обществъ г. Москвы городскимъ и земскимъ самоуправленіямъ имѣетъ задачей вооружить русскихъ гражданъ „цифрами, фактами и мнѣніями“ русскихъ и западноевропейскихъ ученыхъ для борьбы съ защитниками пива и винограднаго вина, домогающимися разрѣшенія продажи этихъ слабоалкогольныхъ напитковъ. „Письмо“ касается различныхъ сторонъ вопроса о вредѣ потребленія и послѣдствіяхъ запрещенія продажи этихъ напитковъ, но, къ сожалѣнію, въ немъ приведено очень мало фактическихъ данныхъ о вредномъ дѣйствіи малыхъ дозъ алкоголя на организмъ, между тѣмъ какъ ссылка на физіологическую и психологическую безвредность, если даже не на полезность потребленія слабоалкогольныхъ напитковъ служитъ не послѣднимъ аргументомъ въ пользу допущенія свободнаго ихъ обращенія.

Дѣти и война. Сборникъ статей. Кіевъ, 1915 г.

Въ этомъ Сборникѣ докладовъ Кіевскому Фребелевскому обществу на тему объ отраженіи современной войны на матерьяльномъ положеніи дѣтей бѣдноты и на психикѣ дѣтей вообще и о задачахъ по призрѣнію и воспитанію, изъ сего вытекающихъ, считаемъ нужнымъ особо отмѣтить статью В. В. Зеньковскаго о результатахъ анкеты среди 94-хъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ и статью „Война въ рисункахъ дѣтей“ съ приложеніемъ тридцати слишкомъ наиболѣе типичныхъ дѣтскихъ рисунковъ на тему „война“ и нѣкоторыхъ свѣдѣній о каждомъ изъ маленькихъ живописцевъ. Эти матеріалы, въ числѣ прочихъ, послужатъ, конечно, для выясненія важнаго вопроса о вліяніи войны на психику дѣтей.

Педагогическій Сборникъ. Для учащихъ, дѣятелей по народному образованію и родителей. Выпускъ I. Петроградъ, 1915.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ собраны доклады русскихъ участниковъ международныхъ конгрессовъ по нравственному и семейному воспитанію, заготовленные для очередного съѣзда въ 1914 г., отмѣненнаго по случаю возникшей войны. Несмотря на весьма краткіе размѣры большинства вошедшихъ въ Сборникъ статей, ограничивавшіе развитіе излагаемыхъ въ нихъ идей, это изданіе представляетъ живѣйшій интересъ для родителей и воспитателей, ставя передъ ними, если не всегда достаточно обосновывая и возбуждая работу мысли по важнѣйшимъ вопросамъ воспитанія. Наибольшее число докладовъ посвящено вопросамъ религіознаго и нравственнаго воспитанія, по которымъ высказались, между прочимъ: А. Ѳ. Кони, Н. С. Карцовъ, В. А. Волковичъ, И. В. Кованская. Назовемъ еще интересную статью П. Ф. Каптерева „Расширеніе дѣтской индивидуальности“, Н. А. Альмедингъ „Очередныя задачи дѣтской и юношеской литературы“ и др.

Забастовки, налоги и доходность у мануфактуристовъ и нефтепромышленниковъ. Составилъ Ч. М. Іоксимовичъ. Москва, 1915.

Главный интересъ этого статистическаго изданія составляютъ таблицы о финансовомъ положеніи и доходности отдѣльныхъ подотчетныхъ мануфактурныхъ (числомъ 289 промышленныхъ и 39 торговыхъ) и нефтепромышленныхъ (числомъ 26) предпріятій за послѣднія пять лѣтъ. Въ краткомъ текстѣ излагаются результаты изслѣдованія и указываются примѣры тѣхъ ухищреній, къ коимъ прибѣгаютъ при составленіи обязательно публикуемыхъ отчетовъ въ видахъ пониженія чистой прибыли,

подлежащей налоговому обложенію. Въ свое время была опубликована подобная же работа, обнимающая періодъ 1902—11 г.г.; и можно только пожалѣть, что итоги соотвѣтствующихъ подсчетовъ не включены въ разсматриваемое изданіе, которое заключало бы тогда данныя для сужденія о финансовомъ положеніи этихъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности за цѣлыя десять лѣтъ. Замѣтимъ кстати, что въ текстѣ (стр. 9) имѣются ссылки на таблицы (по другимъ предметамъ) за 1900 г. и за пятилѣтіе по 1910 г. включительно, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности помѣщена таблица только за 1910 годъ.

В. В.

Россія, Царьградъ и проливы. Матеріалы и извлеченія. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. Стрѣльцова. Петроградъ, 1915 г. Стр. 134. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ собраны, во-первыхъ, извлеченія изъ статей и сочиненій разныхъ авторовъ о Константинополѣ и проливахъ, и, во-вторыхъ, тексты существующихъ трактатовъ относительно Босфора и Дарданеллъ, отъ 1829 по 1871 годъ. Въ предисловіи г. Стрѣльцовъ очень рѣзко—и не безъ основанія—отзывается объ обычныхъ воинственныхъ проектахъ и разсужденіяхъ нашей печати по восточному вопросу, и онъ надѣется, что его сборникъ поможетъ обществу перейти отъ общихъ фразъ „къ обстоятельному и всестороннему обсужденію настоятельныхъ проблемъ, чреватыхъ важными послѣдствіями“. Въ книгѣ удѣлено много мѣста мнѣніямъ Данилевскаго, Константина Леонтьева, Достоевскаго, Жигарева, Арктура, Куропаткина, рядомъ съ отрывками старыхъ журнальныхъ статей. Любопытно, конечно, возобновить въ памяти сужденія старыхъ писателей о Константинополѣ, но для правильнаго пониманія спорной практической задачи, связанной съ судьбою проливовъ, эти славянофильскія разсужденія, конечно, не необходимы. Во всякомъ случаѣ книга интересна, и самъ г. Стрѣльцовъ, какъ видно изъ его предисловія и отдѣльныхъ подстрочныхъ примѣчаній, относится съ трезвымъ скептицизмомъ къ большинству приводимыхъ имъ мнѣній.

Л.

В. К. Федоровскій. Торговля Россіи съ Франціей и Бельгіей и нашъ вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ эти страны. Москва, 1915. Стр. XI+ +227. Ц. 1 р. 50 к.

Изслѣдованіе г. Федоровскаго имѣетъ цѣлью выяснить условія, при которыхъ Россія можетъ быть избавлена отъ экономическаго подчиненія германскимъ интересамъ въ области внѣшней торговли путемъ усиленія и расширенія торговыхъ оборотовъ съ другими западно-европейскими странами, преимущественно съ Франціею и Бельгіею. Вопросъ этотъ имѣлъ большое практическое значеніе и до войны, въ виду предстоявшаго пересмотра торговаго договора съ Германіей, но въ настоящее время онъ пріобрѣтаетъ особенную важность, такъ какъ задачи ближайшаго будущаго тѣсно связаны съ устройствомъ и обезпеченіемъ новыхъ хозяйственныхъ и торгово-промышленныхъ связей между главными культурными націями въ Европѣ. Масса фактическихъ данныхъ, собранныхъ и разработанныхъ въ книгѣ г. Федоровскаго, даетъ богатый матеріалъ для полезныхъ указаній относительно желательной для насъ въ будущемъ международной экономической политики.

С.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевскаго, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ библіографу С. И. Пономареву. Москва, 1915. Стр. CV+230. Ц. 5 р.

Ст. Ив. Пономаревъ принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ русскихъ библіографовъ. Онъ работалъ надъ Ломоносовымъ, Крыловымъ, Карамзинымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, Н. Ф. Павловымъ, Некрасовымъ и мн. др. писателями. Подъ его редакціей вышло посмертное изданіе стихотвореній Некрасова (1879 г.). Естественно, что на своемъ долгомъ вѣку (1828—1913 г.) С. И. Пономаревъ велъ обширную переписку съ учеными и литераторами. Архивъ его еще не разобранъ, и теперь внукъ его, Л. И. Радченко, опубликовалъ лишь небольшую часть сохранившейся переписки. Сборнику писемъ Л. И. Радченкомъ предпосланы матеріалы для біографіи С. И. Пономарева, хронологическій списокъ его важнѣйшихъ трудовъ и перечень псевдонимовъ. Письма сопровождаются обстоятельными и очень точными примѣчаніями Л. Э. Бухгейма. Среди нихъ находимъ перепечатку статьи Пономарева „Воспоминаніе о П. С. Билярскомъ“ (Спб. Вѣд., 1867, № 74) и обширной рецензіи А. Н. Пыпина о диссер-

тацiи Н. Н. Булича „Сумароковъ и современная ему критика“ (Спб. Вѣд., 1854, №№ 83 и 84); кромѣ того вновь напечатана полностью поэма Н. В. Гербеля 1884 г. „Приключеніе, въ которомъ разсказывается, какъ два студента шли на Мачерки, а попали на Воробьевку и что тамъ случилось“ (214—221).

Въ письмахъ чаще всего идетъ рѣчь, разумѣется, о литературныхъ изданіяхъ и вопросахъ. Иногда встрѣчаются отклики и на разныя общественныя событія. Имена авторовъ писемъ въ достаточной мѣрѣ говорятъ за то, какой интересъ представляетъ данный сборникъ для лицъ, занимающихся исторіей русской литературы.

Издана книга лишь въ количествѣ 300 экземпляровъ, и на ея внѣшности лежитъ печать того благороднаго библіофильства, какимъ отличаются всѣ изданія Л. Э. Вухгейма. Это — прекрасный памятникъ покойному библіографу.

П. Скл.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Люди нижегородскаго Поволжья. Выпускъ I. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ редакціей члена комиссіи В. Е. Чешихина. (Ч. Вѣтринскаго). Н. Новгородъ, 1915.

Это, какъ сказано въ предисловіи, „скелетъ будущаго, болѣе подробнаго словаря, въ которомъ желательно было бы дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятеляхъ печатнаго слова, связанныхъ съ нижегородскимъ краемъ“. Сюда входятъ: а) уроженцы нижегородскаго края и б) писатели, только жившіе и трудившіеся въ нижегородскомъ краѣ. И въ той и въ другой категоріи значится много крупныхъ именъ (М. В. Авдѣевъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. А. Добролюбовъ, проф. С. В. Ешевскій, проф. В. Я. Желѣзновъ, Н. И. Лобачевскій, П. И. Мельниковъ и т. д.; В. Л. и А. С. Пушкины, В. Г. Короленко, М. Горькій, Е. Н. Чириковъ и т. д.). Очевидно, будущій нижегородскій словарь займетъ видное мѣсто среди нашихъ областныхъ біографическихъ словарей, и слѣдуетъ пожелать, чтобы опубликованный теперь „Краткій словарь“ вызвалъ поправки и дополненія со стороны лицъ, знакомыхъ съ нижегородскимъ краемъ.

П. С.

І. Б. Розенъ. Постановка хлѣбной торговли въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ. Второе дополненное изданіе. Харьковъ, 1914.

Переживаемыя нами событія, дающія повидимому сильный толчекъ организаціонной работѣ въ области нашей промышленности, не пройдутъ, нужно полагать, безслѣдно и для торговли главнѣйшимъ продуктомъ страны, хлѣбомъ, находящейся нынѣ въ полнѣйшемъ неустройствѣ. А при упорядоченіи этой торговли нельзя будетъ не пользоваться опытомъ странъ, являющихся, подобно Россіи, поставщиками зерна на міровые рынки и идущихъ въ данномъ отношеніи впереди другихъ экспортирующихъ государствъ. Въ виду такихъ ожиданій нельзя не привѣтствовать новѣйшаго описанія организаціи хлѣбной торговли въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки и въ Канадѣ, выполненной по порученію екатеринославскаго земства І. Б. Розеномъ, лично посѣтившимъ для этого названныя страны. Въ данной книгѣ имѣется кромѣ того и новый матерьялъ по кооперативному движенію, такъ какъ кооперативная торговля хлѣбомъ составляетъ въ новѣйшее время видное и быстро развивающееся явленіе хозяйственной жизни Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ, и Канады.

Библіотека „Кооперативной жизни“. Второй сборникъ статей. Москва, 1914.

Изъ восьми статей, вошедшихъ въ эту книгу, наиболѣе интересными являются статьи о кооперацiи среди бакинскихъ рыболововъ и о смолокуренныхъ артеляхъ на сѣверѣ Россіи. Бакинскіе рыбаки съ 1911 г. стали учреждать ссудо-сберегательныя товарищества, берущія на себя задачу—рѣдко удающуюся въ центральной Россіи — полнаго сбыта продуктовъ промысловой работы своихъ членовъ. — Смолокуры сѣвернаго края приступили въ 1902 г. къ составленію артелей для непосредственнаго сбыта за границу смолы, и къ 1906 г. въ этихъ организаціяхъ участвовало 1.650 смолокуровъ изъ 10 тыс. общаго ихъ числа въ краѣ. Но въ 1906 г. Удѣльное Вѣдомство (собственникъ лѣсовъ, поставляющихъ смолокурамъ сырой матерьялъ), возмущенное предъявленіемъ къ нему со стороны смолокуровъ новыхъ требованій,—отказало артелямъ въ кредитѣ; смолокурамъ пришлось возвратиться къ мѣстнымъ скупщикамъ смолы, а послѣдніе, для закрѣпленія своего

господства на рынкѣ, объединились въ синдикаты. Смолокуры съ своей стороны возбудили въ 1911 г. ходатайство объ утвержденіи устава большой торгово-промышленной артели, но по сіе время отвѣта на него не получили.

І. М. Гольдштейнъ. Германскіе синдикаты и русскій экспортъ. Москва, 1914.

Брошюра эта, составляющая докладъ автора кіевскому экспортному съѣзду, содержитъ статистическія свѣдѣнія о дѣятельности нѣмецкихъ синдикатовъ (преимущественно въ области каменноугольной и желѣзной промышленности) въ области форсированія, путемъ выдачи явныхъ и скрытыхъ премій, вывоза соотвѣтствующихъ продуктовъ за-границу, въ ущербъ промышленности импортирующихъ странъ, и нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣрѣ дополнительнаго обложенія такихъ товаровъ пошлиной въ Канадѣ, рекомендуемой авторомъ и для примѣненій въ Россіи.

Календарь и записная книжка земскаго корреспондента Московской губерніи на 1915 г.

Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній и справочныхъ свѣдѣній, интересныхъ для московскаго жителя, въ этой книжкѣ помѣщены цифровыя данныя о многихъ явленіяхъ аграрной и сельскохозяйственной жизни края, источникомъ коихъ служили главнымъ образомъ богатый фактическимъ матерьяломъ изданія статистическаго отдѣла московскаго губернскаго земства.

В. В.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Айхенвальдъ, Ю. Письма Чехова. Москва, 1915 г. Цѣна 35 коп.

Алдановъ, М. Толстой и Ролланъ. Т. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 р.

Андреевъ, Л. Н. Въ сей грозный часъ. Статьи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 к.

Ананасенко, С. И. Земскіе пути къ народному богатству. Звенигородка, 1915 г.

Аржановъ, С. П. Методика начальнаго курса географіи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Бердяевъ, Николай. Душа Россіи. Москва, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Бушуевъ, В. Dies iгае. Стихи о войнѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. I. Швейцарцы. II. Норвежцы. Шведы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждаго выпуска 40 коп.

Волгина, А. М. Жизнь и религіозное переживаніе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Вощининъ, В. П. Переселеніе и землеустройство въ Азіатской Россіи. Сборникъ законовъ и распоряженій. Подъ ред. Г. Ф. Чиркина. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 4 руб. 50 коп.

Гедеванишвили, І. Свѣтъ. (Синатле). Пер. съ груз. Ник. Реуліо. Тифлисъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Гинцбургъ, Д. І., баронъ. О русскомъ стихосложеніи. Подъ ред. и съ пред. Г. М. Князева. Петроградъ, 1915 г.

Демчинскій, Борисъ. Сокровенный смыслъ войны. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Евлаховъ, Александръ. Пѣсни минуты. Стихотворенія. Варшава, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Зарудскій, Б. А. Парижскій клубъ якобинцевъ въ первые годы его существованія. Очерки. Кіевъ, 1915 г.

Звягинцевъ, Е. А. Полвѣка земской дѣятельности по народному образованію. Москва, 1915 г. Цѣна 45 к.

Икскулъ, В. Я., бар. Полное собраніе сочиненій. Т. XIV. Имамъ Гамзатъ. Ревель, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Индриксонъ, Ф. Н. Учебникъ физики. Ч. I. Цѣна 1 руб. 25 коп. Часть II. Цѣна 1 руб. 75 коп. Петроградъ, 1915 г.

— Начальныя свѣдѣнія изъ физики. Часть I. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Казанскій, Петръ. Собраніе стихотвореній. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Каптеревъ, П. Ѳ. Дидактическіе очерки. Теорія образованія.—Изданіе 2-ое. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 40 коп.

Карабчевскій, Н. К. Мирные плѣн-

ники. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Карѣевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. I — VIa. Петроградъ, 1909 — 1915 г.г. Цѣна всѣхъ томовъ 23 руб. 50 коп.

Качоровская, А. С. Гипотеза роста, развитія, размноженія и продленія жизни. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Кечеджи - Шаповаловъ, М. В. Кавказскія минеральныя воды. Эссентуки. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Артельное харченіе фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Съ пред. П. А. Вихляева. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Колесниковъ, Н. В. 1. Въ сторожевкѣ. 2. Проклятая топка. Великій духъ битвы. 3. Забыли. Дѣти дьявола. Геройство полка. 4. Комендантъ. Въ атаку. Знамя. Казань, 1915 г.

Великіе полководцы міра. Вып. I. Александръ великій. Казань, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Конопницкая, Марія. Прометей и Сизифъ. Пер. Маріи Маравской. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Корфъ, С. А. Русское государственное право. Часть I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Кушнеръ, Борисъ. Тавро вздоховъ. Поэма. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Лаврскій, Николай. Искусство и евреи. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Ландау, Григорій. Польско-еврейскія отношенія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Левитинъ, С. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Малская, В. А. Реквіемъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Максимовъ, А. Г. Юбилейная Лермонтовская литература 1914 г. Петроградъ, 1915 г.

Манъ, Генрихъ. Вѣрноподданный. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— Карьера. Второй томъ романа „Вѣрноподданный". Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Маръ, Анна. Тебѣ Единому согрѣшила. Повѣсть. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Матвѣевъ, В. Ѳ. Государственный надзоръ за общиннымъ самоуправленіемъ во Франціи и въ Пруссіи. Казань, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Мерхалевъ, Дм. Рабочіе Ленскихъ золотопромышленныхъ пріисковъ. Петроградъ, 1915 г.

Минковскій, Германъ. Пространство и время. Пер. І. В. Яшунскій. Изд. 2-ое. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 45 коп.

Нольде, Б. Э., бар. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Одноблюдовъ, В. Трагедія современнаго интеллигентнаго общества. Елецъ, 1915 г.

Опочининъ, В. Грезы и жизнь. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Петрова, Ольга. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Пинкевичъ, А. П. Краткій учебникъ химіи, минералогіи и геологіи для учительскихъ курсовъ и семинарій. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Рукавишниковъ, Иванъ. Стихотворенія. Книга 10. 1904 — 1914 г.г. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сватиковъ, С. Г. Русскіе университеты и ихъ историческая библіографія. Петроградъ, 1915 г.

Семеновъ, С. Т. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Сенъ-Викторъ-де, Поль. Варвары и бандиты. Москва, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Серебряковъ, И. И. Покореніе и первоначальное заселеніе Иркутской губ. Иркутскъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Скворцовъ, Б. Жизнь и личность М. Ю. Лермонтова по его перепискѣ. Воронежъ, 1915 г.

Смоленскій, И. Л. Всемірная война 1914—1915 года и Гробъ Господень. Одесса, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Соболевъ, М. Н. Перестройка принциповъ торговой политики Россіи въ связи съ вопросомъ о протекціонизмѣ. Харьковъ, 1915 г.

Сперанскій, А. Я. Климатъ Пензенской губ. Москва, 1915 г.

Старый финансистъ. Государственный бюджетъ 1915 г. и бюджеты „думскаго" періода. Петроградъ, 1915 г.

Студенцовъ, А. И. и *Стурцель, Б. Ф.* Уставъ о гербовомъ сборѣ. Подъ ред. В. Я. Крюковскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Сурожскій, П. Н. Зеленый шумъ. Разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 45 коп.

Тарханова, Н. и *Шагіахметовъ, И.* Драма брака. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 70 коп.

Телешовъ, Н. Вѣрный другъ и др. разсказы. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Тути-Намэ. Сказки попугая. Перс. съ персидскаго А. Балакина и Павла Сухотина. Москва, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Цагарели, К. Такъ говорилъ Заратустра - Сынъ. Кн. I. Харьковъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Циммеръ, А. В. Начальная физика. Вторая ступень. Механика. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 15 коп.

Шагинянъ, Маріэтта. Узкія врата. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Шадринъ, Иларій. Юный герой. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Шереметевъ, Н. Земскія кассы мелкаго кредита. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Юшкевичъ, С. Леонъ Дрей. Часть II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Якушкинъ, В. Я. Геній русскаго военнаго искусства А. В. Суворовъ. Москва, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Яриновичъ, Ан. Галичина въ ея прошломъ и настоящемъ. Москва, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Армянскій сборникъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. № 10. Штифтеръ. Ночь подъ рождество среди снѣга и льда. № 301. На морѣ и на землѣ. № 308. Пріемышъ черной Туанетты. № 311. Л. и Ж. Караваевы. Какъ сдѣлать самому простые летательные аппараты. Москва, 1915 г.

Вопросы міровой войны. Сборникъ статей подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 4 руб.

Изданія Пензенскаго губ. земства. Серія I. Геологія. Подъ ред. А. Д. Архангельскаго. Вып. I, VIII и IX. Пенза, 1915 г.

Иллюстрированный путеводитель по Европейской Россіи и Сибири. Томскъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Матеріалы и изслѣдованія о еврейской ремесленной промышленности. Т. I. Столярно-мебельное производство. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Памяти Варвары Павловны Тарновской. Сборникъ. Петроградъ, 1915 г.

Обзоръ дѣятельности Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія за 1913 г. Петроградъ, 1915 г.

Отчетъ о состояніи кредитныхъ товариществъ по даннымъ на 1 янв. 1913 г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о состояніи кредитныхъ товариществъ и земскихъ кассъ мелкаго кредита по даннымъ на 1 янв. 1912 г. СПБ., 1913 г.

Отчетъ о состояніи крестьянскихъ общественныхъ учрежденій мелкаго кредита по даннымъ на 1 янв. 1912 г. СПБ., 1913 г.

— Тотъ же отчетъ по даннымъ на 1 янв. 1913 г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о состояніи ссудо-сберегательныхъ товариществъ по даннымъ на 1 янв. 1912 г. СПБ., 1913 г.

— Тотъ же отчетъ по даннымъ на 1 янв. 1913 г. Петроградъ, 1914г.

Отчетъ центральнаго комитета по сбору „Кіевъ—Польшѣ". Кіевъ, 1915 г.

Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Изд. 3-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Русскій біографическій словарь. Лабзина-Ляшеня. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 5 руб.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. № 145, 146 и 147. Цѣна каждаго сборника 3 руб. Петроградъ, 1915 г.

Сборникъ «Лукоморье». Военные разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Сельскохозяйственный промыселъ въ Россіи. Изд. департамента земледѣлія. Петроградъ, 1915 г.

Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Записали Борисъ и Юрій Соколовы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Труды перваго съѣзда дѣятелей по вопросамъ суда для малолѣтнихъ. Петроградъ, 1915 г.

Труды районныхъ кооперативныхъ совѣщаній, организованныхъ въ 1913—1914 г.г. кассой мелкаго кредита Казанскаго губ. земства. Казань, 1915 г.

Чего ждетъ Россія отъ войны? Сборникъ статей. Петроградъ. 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

Библіотека КАЛЯЗИНСКАГО О-ва Потребителей

Московской обл. библіотеки

„БЛАГО" Издательское Т-во

„БЛАГО" • Петроградъ, Николаевская ул., 44-85.

30 т. по 1 р. 50 к.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

Изданіе состоитъ изъ **30 томовъ** большого формата по **250—300 стр.** каждый, и снабжено рисунками, чертежами, атласами (въ краскахъ) и проч. Пользуясь имъ, наши подписчики успѣшно подготовляются, **безъ всякихъ иныхъ пособій и безъ помощи учителя,** къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, на всѣ учительскія званія, на вольноопредѣляющагося, на классный чинъ, на аптекарскаго ученика и т. п. **Цѣна тома 1 руб. 55 коп. съ пересылкой.**

Академія Иностранныхъ Языковъ.

Изданіе даетъ возможность въ наикратчайшій срокъ и **безъ помощи учителя** изучить въ совершенствѣ **французскій, англійскій** и **нѣмецкій** языки. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ **10 выпусковъ** большого формата (болѣе 1000 стр.). **Цѣна** каждаго выпуска **1 руб.** (Наложеннымъ платежомъ—1 руб. 25 коп.).

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА : : :

„Искусство для Всѣхъ".

Изданіе состоитъ изъ **10 томовъ** большого формата, **роскошно-иллюстрированныхъ,** и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя,** практически изучить рисованіе, живопись и прикладное искусство, а также пріобрѣсти тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній. **Цѣна тома 2 руб.** Налож. плат. 2 руб. 25 коп.

Академія Коммерческихъ Знаній.

Изданіе обнимаетъ полный курсъ высшихъ коммерческ. учебн. завед. и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя,** пріобрѣсти познанія, необходимыя каждому коммерческому дѣятелю. Изданіе состоитъ изъ **15 томовъ** большого формата **по 250 стр. каждый. Цѣна тома 2 р.** (Налож. платеж. 2 руб. 25 коп.).

ПОСОБІЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ въ 4-хъ томахъ. Настольная книга по всѣмъ отдѣламъ русскаго языка. Цѣна 1-го тома **1 р. 50 к.**, 2-го тома—**2 р.**, 3-го тома—**2 р. 50 к.**, 4-го тома—**1 р.**

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе ПРОФЕССОРА и ПРЕПОДАВАТЕЛИ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Петрограда.

При редакціяхъ всѣхъ нашихъ изданій имѣются постоян. бюро, руководящія занятіями учениковъ и провѣряющія присылаемыя работы безплатно.

Подробные проспекты ВСѢХЪ изданій, отзывы печати и тысячи благодарств. отзывовъ подписч., засвидѣтельствован. *нотаріусомъ*, высылаются *безплатно*.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

Книжный складъ и магазинъ „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Фонтанка, д. № 38-I, кв. 19. Тел. 227-42.

Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“ удовлетворяетъ всѣ запросы на книги.—Немедленно высылаетъ всѣ книги, которыя печатаются въ спискахъ „новыхъ книгъ“ или о которыхъ даются рецензіи въ журналахъ. — Кромѣ того, книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“ принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ, какъ для книжныхъ магазиновъ, библіотекъ такъ и для частныхъ лицъ, городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій.— Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка. — Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія библіотеки и читальни. — Книжный складъ принимаетъ изданія, какъ на комиссію, такъ и на главный складъ.

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Фонтанка, д. 38—5, кв. 19. Тел. 227—42.

Поступили въ продажу новыя книги:

М. Горькій. Дѣтство. Ц. 1 р. 50 к.
— Жизнь ненужнаго человѣка. Ц. 1 р.
— Городокъ Окуровъ. Ц. 1 р.
— Матвѣй Кожемякинъ. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
— Матвѣй Кожемякинъ. Ч. II. Ц. 1 р. 85 к.
— По Руси. Ц. 1 р. 50 к.
— О писателяхъ-самоучкахъ. Ц. 25 к.

С. И. Гусевъ - Оренбургскій. Разсказы. Ц. 1 р. Люди. Ц. 1 р. Золотой сонъ. Ц. 1 р. Недоумѣніе. Ц. 1 р. Мгла. Ц. 1 р. Курычанскіе прихожане. Ц. 1 р. Враги. Ц. 1 р. Въ глухомъ уѣздѣ. Ц. 1 р.

С. Юшкевичъ. Распадъ. Ц. 1 р.
— Леонъ Дрей. Ч. I. Ц. 1 р.
— Леонъ Дрей. Ч. II. Ц. 1 р.

А. М. Федоровъ. Утро. Ц. 1 р.
— Весенній вѣтеръ. Ц. 1 р.

Байронъ. Манфредъ. — Небо и земля.— Каинъ. Ц. 1 р.

Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко пѣвецъ Украйны. Ц. 50 к.

Марія Конопницкая. Прометей и Сизифъ. Ц. 20 к.

Всев. Гаршинъ. Сигналъ. Ц. 6 к.
— Сказаніе о гордомъ Анеѣ. Ц. 6 к.
— То чего не было. Ц. 5 к.
— Лягушка-путешественница. Ц. 5 к.

І. Гольденбергъ. Бельгія. Ц. 10 к.

Ник. Андреевъ. Человѣкъ и нечистая сила. Ц. 20 к.

Нат. Шевлягина. Вода и ея значеніе для человѣка. Ц. 20 к.

Петръ Масловъ. Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.
— Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до 20 столѣтія. Ц. 2 р.

Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы „мирнаго“ труда. (О несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ). Съ 8-ю рисунками и діаграммами въ текстѣ. Ц. 25 к.

Н. Э. Сумъ. Почему дѣйствительно нельзя пить денатурированный спиртъ, политуру и одеколонъ. Ц. 8 к.

К. П. Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца. Воспоминанія о Мурманской экспедиціи. Съ 152 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

С. А. Павловичъ. Простѣйшія работы по изготовленію коллекцій въ школѣ и дома Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руководителей занятіями по естествознанію и ручному труду. Съ 126 рис. Ц. 1 р. 30 к.

В. Мольденгауеръ. Въ лиственномъ лѣсу Разсказы молодого экскурсанта. Съ 39 рис Ц. 75 к.

В. Мольденгауеръ. Въ хвойномъ лѣсу. Ц. 65 к.

С. П. Аржановъ. Ботаника, учебникъ для учительскихъ институтовъ и семинарій. Цѣна 1 р. 75 к.

А. П. Пинкевичъ. Краткій учебникъ минералогіи для кадетскихъ корпусовъ и высшихъ начальныхъ училищъ. Ц. 60 к.

С. П. Аржановъ. Краткій учебникъ анатоміи и физіологіи растеній (въ связи съ біологіей)—для кадетскихъ корпусовъ и высшихъ начальныхъ училищъ. Ц. 60 к.

С. П. Аржановъ. Методика начальнаго курса географіи. Ц. 1 р.

С. А. Павловичъ. Repetitorium къ практическимъ занятіямъ по зоологіи. Ц. 60 к.

А. П. Пинкевичъ. Краткій учебникъ химіи, минералогіи и геологіи. Ц. 1 р. 50 к.

К. П. Ягодовскій. Лѣтнія работы по естествознанію. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

О. Шмейль. Животныя. Ц. 1 р. 85 к.

Выписывающіе изданія книгоиздательства «ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ» изъ нашего магазина (Петроградъ, Фонтанка, д. 38-I, кв. 19) **не менѣе, чѣмъ на два рубля, за пересылку не платятъ.**

Каталоги высылаются безплатно.

Библіотека
КОЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей